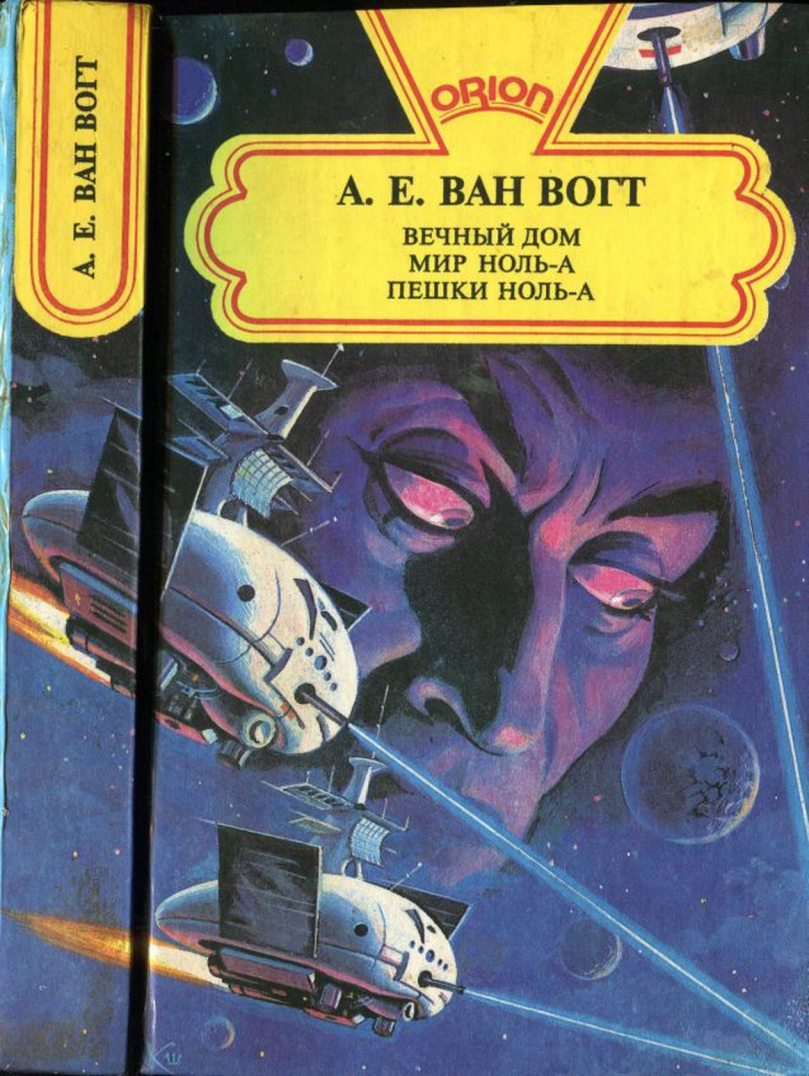

ORION
А. Е. ВАН ВОГТ
А. Е. ВАН ВОГТ
ВЕЧНЫЙ ДОМ
МИР НОЛЬ-А
ПЕШКИ НОЛЬ-А

Вечный дом. Мир ноль-А. Пешки ноль-А

Альфред Ван Вогт

Аннотация
Альфред Ван Вогт. Вечный дом. Мир ноль-А. Пешки ноль-А
Вечный дом
- Пролог
- I
- II
- III
- IV
- V
- VI
- VII
- VIII
- IX
- X
- XI
- XII
- XIII
- XIV
- XV
- XVI

XVII
XVIII
XIX
XX
XXI
XXII
Мир ноль-А. (перев. О. Чертолиной)
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX

XX
XXI
XXII
XXIII
XXIV
XXV
XXVI
XXVII
XXVIII
XXIX
XXX
XXXI
XXXII
XXXIII
XXXIV
XXXV
Пешки ноль-А. (перев. О. Чертолиной)
I
II
III
IV
V
VI
VII
XIII
IX

X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX
XX
XXI
XXII

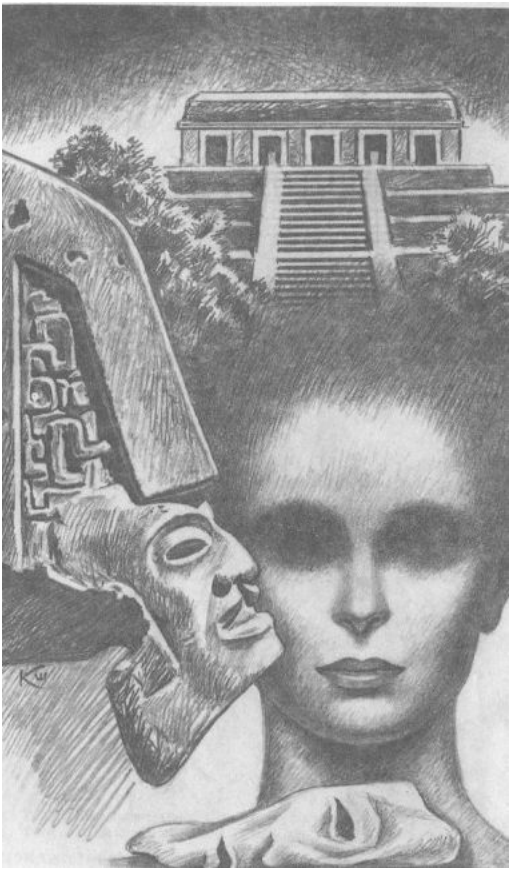
Аннотация

Два классических романа цикла «Ноль-А» и внецикловый роман.

Иллюстрация на обложке и внутренние иллюстрации К. Швеца. Переводчик романа Вечный дом не указан.

Альфред Ван Вогт
Вечный дом. Мир ноль-А. Пешки ноль-А

KW



Вечный дом

Пролог

Первое, что он услышал, когда пришел в себя, был голос человека откуда-то из темноты:

— Я читал о таких ранах, доктор, но вижу ее впервые.

Тогда он понял, что пуля, которую в него выпустили, — а это он помнил очень хорошо — должно быть, только ранила его, и он все еще был жив. Все еще жив!.. Радость его растворилась, как джем в теплой воде, и он опять провалился в глубокий сон. Когда он снова пришел в сознание, он услышал, как какая-то женщина громко говорила:

— Таннахилл… Артур Таннахилл из Альмиранта, штат Калифорния…

— Вы уверены?

— Я секретарь его дяди. Я бы везде узнала его.

И он впервые подумал о том, что у него есть имя и место, где он родился.

Он еще больше пришел в себя. Вдруг началось какое-то движение.

— Ну, ладно, — прошептал кто-то, — вынесите его через окно.

…Темнота и ощущение, что его куда-то выносят и опускают, качнув немного. Мужчина засмеялся,

а женщина сказала:

— Если космический корабль не приземлится вовремя, я…

Потом он понял, что его подняли и быстро понесли, а откуда-то неподалеку доносился мощный пульсирующий звук. Это ощущение вдруг уплыло в темноту. Мужской голос произнес:

— Конечно, народа на похоронах будет много. Очень важно, чтобы во время службы он выглядел бы как мертвый…

Его переполнило чувство негодования при мысли, что он был заложником собственного забытия. Но все его члены намертво сковало словно параличом, когда где-то совсем рядом он услышал торжественные и печальные звуки похоронной музыки. Зажатый, словно в тисках, пережил он страшный момент, когда прибивали крышку.

Комья земли гулко ударялись о деревянный ящик, который был его собственным гробом. Темнота, словно промокашка, опустилась на его сознание, но, видимо, что-то внутри продолжало отчаянно бороться. Потому что вдруг он ясно осознал, как долго он спал.

Он все еще лежал в гробу, но чувствовал на лице прохладное дуновение свежего воздуха. В

полной темноте Таннахилл поднял руку и наткнулся на мягкий атлас, но через минуту его ноздри опять почувствовали дуновение. И когда его было охватил более осознанный ужас, он услышал какое-то движение. Кто-то копал.

Кто-то разрывал его могилу.

Мужской голос произнес:

— Все в порядке, поднимайте коробку и быстро вынимайте гроб. Корабль ждет.

Это было уже слишком для человеческого сознания. Когда он снова пришел в себя, он лежал на больничной кровати.

I

До Рождества оставалось три дня, и Стивенс надолго задержался у себя в офисе, чтобы закончить работу и ни о чем уже не думать в праздник.

Позже он пришел к убеждению, что его присутствие в офисе было одним из самых важных совпадений в его жизни.

Где-то около полуночи он отложил было свои юридические справочники в сторону, когда вдруг зазвонил телефон. Он поднял трубку и автоматически произнес:

— Эллисон Стивенс.

— Западное объединение, — ответила девушка на другом конце провода. — Для вас, сэр, ночная телеграмма от Уолтера Пили, Лос-Анджелес.

Пили был главным поверенным по имущественным делам семьи Таннахилл. Именно он назначил Стивенса местным поверенным. Стивенс подумал про себя: «Ну, что еще?» Но вслух сказал:

— Прочтите ее, пожалуйста.

Девушка медленно зачитала телеграмму: «Артур Таннахилл должен прибыть или уже прибыл в Альмирант вчера вечером или сегодня

вечером. Будьте готовы к звонку, но сами не навязывайтесь ему. Возможно разумнее подождать и представиться ему после Рождества. Мистер Таннахилл только что вышел из больницы после продолжительного лечения, которое было необходимо после произошедшего с ним несчастного случая, в результате которого он был ранен; свои планы держит в строжайшем секрете. Хочет провести некоторое время в Альмиранте. По его собственным словам, он хочет кое-что узнать. Окажите ему всяческое содействие, о котором он попросит, и решите сами, расширять ли ваши контакты. Ему немногим более тридцати, то есть он вашего возраста, а это может помочь. Помните, однако, что управление делами резиденции Таннахиллов, известной в округе как Большой дом, не входит в круг ваших служебных обязанностей, если на этот счет не последует прямых указаний мистера Таннахилла. Это всего лишь предупреждение. Всего наилучшего».

Девушка закончила.

— Вот и все. Хотите, чтобы я перечитала еще раз?

— Нет, я все понял. Благодарю вас.

Он повесил трубку, запер ящик стола и, повернувшись, задержал взгляд на окне. Стивенс

увидел лишь несколько размытых огней, потому что большая часть города Альмиранта раскинулась слева и ее не было видно. Небо было черное как смоль, и ничто не напоминало о том, что Тихий океан от города всего лишь в полукилометре.

Но это Стивенса не волновало, он едва ли что-то видел из окна. Его обеспокоила телеграмма, которую он получил. Общий тон телеграммы говорил о том, что Пили все это волновало, но вместе с тем он не раскрывал карты. Хотя в целом советы он дал неплохие. Если наследник Таннахиллов и странно ведет себя, то адвокатам следует просто быть осмотрительнее. Ведь глупо же будет, если Стивенс, например, потеряет свое место из-за того, что молодой Таннахилл сочтет его занудой.

«Позвоню ему завтра, — решил Стивенс, — и скажу, что я в его распоряжении. Если это ему не понравится, я все равно здесь не задержусь».

Он помедлил немного у выхода, чтобы убедиться в том, что дверь заперта. Все еще стоя у двери, он вдруг услышал откуда-то из глубины здания отчетливый жалобный женский крик.

Стивенс круто повернулся.

Сначала все было тихо. Но когда он немного расслабился, то начал различать едва слыши-

мые звуки. Улеглась дневная суматоха, потоки влажного воздуха с океана охладили город: поскрипывали двери, шуршали жалюзи на открытых окнах, потрескивал паркет.

Здание казалось пустым.

«Как управляющий этого офиса, — подумал он, — я должен все проверить».

Палмз Билдинг, в котором работал Стивенс, вытянулся на большом участке земли. Две лампы тускло освещали длинный коридор, в который выходили двери его офиса. Еще две лампы висели в средней части коридора и две — в дальнем его конце. Никого и ничего подозрительного там видно не было.

Стивенс быстро подошел к лифту и нажал кнопку. Он услышал, как моментально захлопнулись дверцы лифта. Загудел мотор, и тросы, жалобно попискивая, потянулись вверх. Лифт остановился, и дверцы открылись. Перед ним стоял Дженкинз, ночной лифтер. Настроение у него было отличное:

— Салют, мистер Стивенс. Что-то вы припоздинились сегодня, а?

Стивенс спросил:

— Билл, кто там еще остался наверху?

— Постойте, по-моему только эти индейцы-идо-

лопоклонники, там, в 322. Они, — он осекся. — А что случилось, сэр?

Стивенс в нескольких словах объяснил. Он уже досадовал, что так разволновался. Одна эта фраза Дженкинза заставила его почувствовать разочарование. Индейцы-идолопоклонники! Он смутно припоминал, где же находится 322. Она числилась за «Мексиканской фирмой».

— Не могу сказать, чтобы там были только индейцы, — Дженкинз будто отвечал на возникшие у него сомнения. — Они все белые, за исключением одного или двух. Но Мэдж говорит, что все стены там увешаны индейскими каменными божествами.

Стивенс удрученно кивнул. Часть состояния Таннахилла была вложена в древнюю мексиканскую скульптуру, и после того, как Стивенс стал поверенным по его делам, он специально изучал этот вопрос. Не очень-то все это пришлось ему по душе. Нищий, дикий, несчастный народ — такое у него создалось впечатление. Но крик теперь можно было легко объяснить. Это обычный ритуал одного из обрядов, когда верующие стонут и плачут, и издают вопли, и это происходит в любом мало-мальски приличном городишке по всему западному побережью.

— Я думаю, — сказал Стивенс, — нам лучше постучаться и…

Его оборвал второй крик, приглушенный, надрывный, внушающий ужас, видимо, вырвался он от непереносимой боли. Лицо Дженкинза стало серым.

— Я вызову полицию, — бросил он.

Дверцы лифта захлопнулись, и, слегка поскрипывая, он опустился в бездну. Стивенс опять остался один, но теперь он уже знал, куда идти.

Он шел без особой охоты, ему совсем не хотелось ввязываться во что-то, что могло нарушить размеренное и привычное течение его жизни.

Табличка на двери гласила: «Мексиканская торговая компания». Через матовое стекло двери пробивался свет, и Стивенс даже смог увидеть тени двигающихся в комнате людей. Их было много, и это заставило его быть осторожнее. Очень медленно он нажал на дверную ручку. Как он и ожидал, дверь была заперта изнутри.

В это время из комнаты послышался низкий сердитый мужской голос. Стивенс не уловил все слова, но смысл сказанного был ему вполне ясен.

— …О том, чтобы действовать отдельно от нас, не может быть и речи… Группа работает внутри страны и по всему миру как…

Раздался гул одобрения, который поглотил вторую часть предложения, и потом опять:

— Решай!

Напряженный женский голос произнес:

— Нам придется остаться, даже если начнется атомная война, и вам придется убить меня до того…

Раздался щелкающий звук, и она закричала от боли.

Мужчина грязно выругался, но Стивенс уже не слышал, что он произнес дальше. Он застучал кулаком в дверь.

Все звуки в комнате затихли. От группы стоящих там людей отделилась тень и двинулась к двери. Щелкнул замок, и дверь открылась. На Эллисона Стивенса смотрел небольшого роста человек с желтым лицом, на котором пристроился гигантских размеров нос.

— Ты опоздал, — начал было он.

На лице его вдруг отразился испуг. Он попытался захлопнуть дверь, но Стивенс быстро просунул в нее ногу и ладонь и, поднатужив свои девяносто килограммов, открыл дверь, несмотря на отчаянное сопротивление. Еще мгновение, и он, переступив через порог, громко сказал:

— Я менеджер этого здания. Что здесь проис-

ходит?

Вопрос оказался риторическим, потому что происходящее было более чем очевидным. Девять мужчин и четыре женщины сидели и стояли в напряженных позах. Одна из женщин, удивительной красоты блондинка, была раздета до пояса; ее лодыжки и запястья были привязаны тонкими веревками к стулу, на котором она сидела. На ее загорелой спине были видны кровавые полосы от удара хлыстом, который лежал на полу.

Уголком глаза Стивенс увидел, как маленького роста человек с огромным носом достает из кармана какой-то длинный и тонкий предмет. Стивенс не стал ждать, чтобы разобраться, что же это такое. Он быстро шагнул вперед и ребром ладони ударил мужчину по запястью. Оружие, если это было оружие, описало в воздухе дугу, блеснув словно грань алмаза. Оно упало на пол с удивительно музыкальным звуком и скользнуло под стол.

Коротышка выругался. Он сделал движение рукой и непонятно откуда достал нож. Но прежде, чем он успел им воспользоваться, раздался резкий голос мужчины, стоявшего рядом с ним:

— Тезла, остановись! — И тут же остальным:

— Развяжите ее! И пусть она оденется!

Стивенс, который отпрянул от ножа больше с удивлением, чем с испугом, произнес:

— Вам не уйти! Сейчас здесь будет полиция.

Мужчина внимательно посмотрел на него. И неторопливо, как бы рассуждая вслух, произнес:

— Итак, вы менеджер, управляете этим зданием… Эллисон Стивенс… Капитан морской пехоты, начал здесь работать два года назад, выпускник юридического факультета Калифорнийского университета… Это все не опасно. Но мне интересно, как вы здесь оказались в столь поздний час?

И он отвернулся, будто и не ожидал ответа. Ни он, ни другие больше вообще не обращали на Стивенса никакого внимания. Мужчина и две женщины, наконец, развязали пленницу. Еще четверо мужчин стояли в углу около каменных божеств и тихо о чем-то разговаривали. Тезла — единственный, чье имя назвали вслух, — ползал на коленях в поисках длинного и тонкого предмета, который закатился под стол.

Вся эта живописная сцена продолжалась еще несколько секунд. Потом кто-то сказал:

— Пошли.

Они начали выходить прямо мимо Стивенса, который, понимая, что он в явном меньшинстве,

и не пытался остановить их. Из коридора послышался спокойный голос:

— На черную лестницу.

И через минуту в комнате никого не осталось, кроме Стивенса и молодой женщины с белым как полотно лицом, которая пыталась попасть в рукава блузки. Наконец, ей это удалось, и она схватила шубу, которая валялась на полу рядом со столом. Ее качнуло, когда она подобрала ее.

— Осторожно, — сказал Стивенс.

Она скользнула в шубу и обернулась. Глаза ее сузились.

— Не суйтесь не в свое дело! — отрезала она.

Она уже пошла к двери, когда из коридора донесся звук поднимающегося лифта. Она остановилась, обернулась и выдавила из себя улыбку.

— Мне следовало поблагодарить вас, — сказала она мрачно, но никакого признака дружелюбия в ее глазах даже не промелькнуло.

Стивенс, который опять было расслабился — хотя ее первая грубая фраза обескуражила его — ответил саркастически:

— Я полагаю, ваше желание поблагодарить меня никак не связано с приездом полиции?

Шаги были уже совсем рядом. В дверях показался полицейский патруль. За ним появился

Дженкинз, который и спросил:

— Вы в порядке, мистер Стивенс?

— Что здесь происходит? — спросил офицер.

Стивенс повернулся и посмотрел на молодую женщину.

— Может быть, эта леди сможет вам все объяснить.

Она покачала головой:

— Не знаю, почему вас вызвали. Видимо, кто-то это сделал по ошибке.

Стивенс моргнул. Он был поражен.

— По ошибке! — воскликнул он.

Она внимательно посмотрела на него. Ее зеленые глаза были сама невинность.

— Я не знаю, что, как вы предполагаете, здесь произошло, но мы совершали здесь свой обряд, и вдруг, — она повернулась к полицейскому, — этот джентльмен начал колотить в дверь, — и она указала на Стивенса.

— Обряд! — произнес офицер, оглядывая комнаты и каменные статуэтки божеств с выражением понимания ситуации, во всяком случае, какой она ему рисовалась. Стивенс мог себе представить, что тот сейчас обо всем этом думает, и не винил его. Он сам был настолько удивлен ложью, что ему хотелось скорее со всем этим покончить.

И тем не менее он объяснил, что, по его мнению, он слышал, как ее били хлыстом.

Патрульный офицер повернулся к ней:

— Что вы скажете на это, мадам?

— Это ошибка. Это был всего лишь обряд. — Она пожала плечами и с явной неохотой признала: — Я все же полагаю, что у мистера Стивенса были некоторые основания предположить то, о чем он упомянул.

Стивенсу было ясно, что инцидент исчерпан. Полицейский спросил у него, хочет ли он предъявить обвинения, но было ясно, что это вопрос формальный. Без показаний жертвы все это было лишь пустым звуком.

А девушка положила конец некоторой его нерешительности, спросив:

— Я могу идти?

Она даже не стала ждать разрешения, а просто проскользнула мимо них в коридор. Стук ее каблучков замер в отдалении.

Дженкинз тоже двинулся к выходу:

— Мне лучше вернуться к лифту.

И полицейский не стал задерживаться. Оставшись один, Стивенс внимательно оглядел комнату, пытаясь понять, что же здесь в действительности происходило. Теперь, когда он обдумал

все, что он услышал, это ему показалось какой-то чушью. Каменные изваяния древних божеств взирали на него своими каменными глазами. Он стоял посреди мертвой тишины. Неожиданно он вспомнил, что коротышка, который открыл дверь, ждал кого-то еще, и этот кто-то был такого же роста, как Эллисон Стивенс, потому что коротышка принял его за этого другого. Похолодев, Стивенс выглянул в коридор. Но его торопливый взгляд никого не обнаружил.

Он снова вошел в офис. Уже нажал было на выключатель у двери, когда вдруг его взгляд упал на сумочку женщины, которая осталась лежать у стола, там, где валялось ее меховое пальто. Он решительно подошел к столу и поднял сумочку, повертел ее в руках и открыл. Он нашел, что искал, — имя владелицы: Мистра Лэннет.

Еще раз он оглядел неряшливую комнату «Мексиканской торговой компании». И вдруг к нему вернулась одна мысль, одна услышанная фраза. Какие события внутренней или внешней политики могли заставить группу избить хлыстом одного из членов своей секты из-за упоминания об атомной войне?

Нахмурившись, Стивенс отнес сумочку в свой офис и спустился в лифте на нижний этаж.

— Едете к Таннахиллам? — спросил Дженкинз.

Стивенс будто вновь вернулся на землю и сразу подумал о том, что Дженкинз почему-то уже знает о возвращении домой молодого Таннахилла.

Очень осторожно он сказал:

— А зачем мне туда ехать?

— А вы что, не слышали?

— Слышал о чем?

— Убийство.

У Стивенса екнуло сердце при мысли, что Таннахилл может быть убит.

— О, Боже! — вырвалось у него, но прежде, чем он успел что-нибудь спросить, Дженкинз продолжил:

— Полиция обнаружила в одном из старых колодцев позади дома негра-сторожа.

— Ого! — Стивенс сначала почувствовал облегчение, но тут же нахмурился, когда вспомнил суть телеграммы от Пили. Он взглянул на часы. Половина первого. Вряд ли подходящее время, чтобы представиться наследнику Таннахиллов.

Выйдя на улицу, он дошел до угла, откуда он столько раз смотрел на Большой дом. Прошло некоторое время, прежде чем контуры дома четко вырисовались в ночном небе над черной громадой горы, на которой он стоял. Свет в доме

был погашен. Удовлетворенный тем, что в доме и вокруг него все спокойно, он подошел к машине.

Приехав домой, он пошел прямо в спальню, но по дороге задержался у дверей комнаты экономки, чтобы сказать ей, что завтракать будет рано. Дверь была приоткрыта, и он вспомнил, что отпустил ее на две недели повидаться со своими. Она уехала позавчера.

Стивенс надел пижаму и халат и чистил зубы, когда услышал три отрывистых звонка, в замке входной двери повернулся ключ. Дверь распахнулась, и через нее проскользнула Мистра Лэннет. Она тяжело дышала. Захлопнув дверь, она заперла ее на засов. Потом повернулась к Стивенсу.

— Я не могла ждать, — выдохнула она. — Они гонятся за мной по пятам. Выключите свет, закройте заднюю дверь и все запасные выходы и позвоните в полицию.

Он, должно быть, реагировал не так быстро, как надо бы, потому что она проскочила мимо него, и он услышал, что она уже на кухне. Послышался ясный щелчок закрываемой задвижки. Этот звук будто разбудил Стивенса. Он запер выход во двор из спальни и смежного с ней кабинета. Он наткнулся на нее, когда она выходила из второй спальни. Она прошмыгнула мимо

и начала повсюду выключать свет, и меньше чем через минуту, конечно с его помощью, они оказались в темноте. И все же она на какую-то долю мгновения понимала быстрее чем он, что нужно делать.

Стоя в темноте, он уже слышал, как она медленно набирала какой-то номер. Молчание.

— Телефон не работает, — голос ее напрягся. — Кажется, линия не работает. Они перерезали провода.

Затем последовала долгая пауза.

Наконец, она сказала мягко:

— Вы не можете помочь мне? У меня рана от игольчатого луча — мне больно.

II

В густой темноте гостиной Эллисон Стивенс пытался понять, где стоит диван. Игольчатый луч! Что бы это могло значить?

— Где вы? — спросил он.

— Я лежу на полу, — ответила она тихо.

Стивенс опустился на колени рядом с ней. Он вдруг почувствовал напряженность момента. Темнота, давившая со всех сторон, усиливала впечатление какого-то кошмара. Он представил себе, что с обратной стороны двери стоят люди, готовые ворваться в дом.

В одно мгновение эта мысль будто повернула всю ситуацию. В нем опять зашевелилось чувство нежелания ввязываться не в свое дело. И ужас сменился слепым, всепоглощающим гневом.

Он вдруг вспомнил о своем пистолете «намбу». Он вскочил и быстро прошел в спальню. Взяв в руки этот японский сувенир, он ощутил, как вновь обретает уверенность. Это был особый, отличный семизарядный автоматический пистолет. Он поспешил назад в гостиную и опять опустился на колени рядом с Мистрой Лэннет.

Теперь он почувствовал в себе перемену, по-

чувствовал, что он может вступить в схватку, почувствовал свою готовность помочь и твердую решимость довести дело до конца.

— Куда вас ранило?

— В бок.

Она говорила шепотом, и к тому же в темноте он все равно не мог осмотреть рану. Но то, что она могла еще говорить, подбодрило его. Он вспомнил, как она металась по дому. Вероятно, ей придавал силы страх. И возможно, эта ее слабость — тоже всего лишь реакция.

— Может быть, мне отнести вас в комнату экономки? — предложил он. — Ее окно выходит в овраг. Им понадобится лестница, чтобы добраться до него. Мы бы могли зажечь свет.

Он даже не стал дожидаться ответа, нашел ее в темноте, на секунду остановился, когда дотронулся до обнаженного бедра, — видимо у нее задралось платье — потом одной рукой он обхватил ее за плечи, другой взял под колени.

— Держитесь за меня, — ободряюще сказал он.

Она весила меньше, чем можно было предположить. Он опустил ее на кровать и зажег свет. Когда он обернулся, он увидел на полу тонкий кровавый след, который тянулся от двери к кровати. Она была очень бледна. Стивенс начал

расстегивать ее блузку. Норковое манто было наброшено поверх серого костюма. Под пиджаком на ней была белая блузка. Нижний край блузки намок от крови, юбка тоже была в кровавых пятнах, а на подкладке манто растеклась красная липкая полоса.

Стивенс решил не снимать одежду, иначе ей пришлось бы сесть на кровати. Он расстегнул пиджак и блузку; потом ощупью пробрался в кухню, чтобы взять там нож. Острием лезвия он прорезал белье, под которым была рана.

Ему понадобилось лишь несколько минут, чтобы согреть воду и смыть слой застывшей крови. Пуля, очевидно, прошла через мягкие ткани у самой поверхности. Странное дело, но там, где пуля вошла и вышла, кожа выглядела будто после прижигания, а кровь сочилась изнутри. Внимательно осмотрев рану, Стивенс решил, что женщина вряд ли потеряла больше, чем пару столовых ложек крови.

Это не вызывало беспокойства. Он видел людей, которые буквально плавали в своей крови и тем не менее не умирали. Так что это был сущий пустяк. Он увидел, что она наклонилась вперед, стараясь разглядеть рану. На ее лице появилось выражение досады. Она снова легла.

— Черт меня возьми! — сказала она с отвращением. — Это же ерунда. И только подумать, ведь я же испугалась до смерти.

— Я принесу бинт, — сказал Стивенс.

Он наложил на рану стерильную марлю в несколько слоев и зафиксировал ее пластырем. Он понимал, что все нужно сделать быстро, движения его были ловкими. И он старался сдерживать дыхание, чтобы не пропустить какой-нибудь посторонний звук… Закончив перевязку, он сделал шаг назад, чтобы посмотреть на свою работу, а с улицы все еще ничего не было слышно. Стивенс посмотрел на женщину напряженным взглядом.

— В чем дело? — спросил он. — Почему они ничего не предпринимают?

Она лежала на подушке и внимательно смотрела на него, брови ее нахмурились.

— Я уже дважды ваша должница, — сказала она.

Стивенса долги не интересовали.

— Как вы думаете, что они предпримут? — спросил он.

Теперь уже она задумалась над тем, что он сказал, и наконец ответила:

— Все зависит от того, кто там на улице, кроме

Кахуньо. — Она мрачно улыбнулась. — То, что Кахуньо там, я знаю наверняка, потому что только он мог, не задумываясь, выстрелить в меня. Но когда речь идет о его собственной шкуре, он очень осторожен. Хотя, если с ним Тезлакоданал, они ни за что не отступятся, если уж принялись за дело. Все они боятся Тезлы, потому что он самая отвратительная гадина, которая когда-нибудь появлялась на белый свет.

И она улыбнулась ему с притворным спокойствием.

— Я ответила на ваш вопрос?

Стивенс едва слышал ее. Он сейчас думал о самой опасности, а не о том, как она ее описывала. Ему казалось, что если бы их было больше одного или двух, они бы несомненно попытались проникнуть в дом. Он подумал об этом еще немного, глаза его сузились; потом он вышел в холл.

— Я сейчас вернусь, — бросил он через плечо.

Он подошел к входной двери и постоял возле нее, вглядываясь через стекло в темноту. Все небо было еще затянуто облаками, ночь молчала. Никого и ничего не было видно. Он обошел комнаты в доме, проверив шпингалеты на окнах и засовы на дверях. Все было в порядке. Немного приободрившись, он вернулся в комнату экономки.

Молодая женщина открыла глаза и слабо ему улыбнулась, но ничего не сказала.

Стивенс объяснил ей:

— Моя комната в конце холла. Я оставлю дверь открытой и постараюсь не заснуть.

Она кивнула. Он пошел в свою спальню, разделся. Некоторое время он лежал с открытыми глазами, пистолет был у него под рукой. Потом он задремал и проснулся, потом опять задремал и опять проснулся. И когда он впал в забытье уже в третий раз, он вдруг услышал женский голос где-то у двери в спальню:

— Мистер Стивенс.

Стивенс поднял голову.

— Да? — сонно спросил он. Потом, испуганный, резко сел на кровати. — Что-нибудь случилось?

Он мог лишь смутно разглядеть ее очертания, она подошла к кровати:

— Я пришла заплатить долг, — сказала она, — так, как я поняла, мужчины это предпочитают.

В темноте зазвучал ее мягкий смех.

Стивенс и глазом не успел моргнуть, как она была уже рядом с ним. Он протянул руку, и пальцы его коснулись ее обнаженного тела. Он отпрянул.

— Не пугайся, — зашептала она. — Ты можешь

меня любить. Только будь осторожнее с моим боком и спиной, там где они хлестали меня.

Стивенс сказал:

— Но в этом нет необходимости. Вы мне ничего не должны.

Какое-то мгновение она молчала, а потом спросила:

— Ты отвергаешь меня? Я думала, что ты мужчина. Я ошиблась?

Она поняла, как с ним нужно разговаривать. Его самолюбие было задето. Он больше не произнес ни слова. Он ведь считал себя первоклассным любовником и решил показать ей, на что способен.

У нее было удивительно сильное тело. Она обнимала его почти с той же силой, с какой он обнимал ее. Когда все было закончено, она несколько мгновений тихо лежала возле него, потом отстранилась и встала с кровати. Словно тень, она подошла к двери и остановилась.

— Не могу понять, кто из нас получил большее наслаждение. Думаю, мы оба в равной степени. — И добавила: — Пожалуйста, в будущем не думай, что благодаря этой близости мы стали друзьями.

— Спокойной ночи, — сказал Стивенс.

Он был в блаженном сонном состоянии, вполне удовлетворенный тем подарком, который ему

преподнесла судьба. И все же ему лучше не спать. Он вылез из кровати и с пистолетом в руках пошел в гостиную. Остаток ночи он провел, сидя в кресле. Несколько раз он засыпал и просыпался, но уже рассвело, когда он заснул глубоким сном.

Стивенс проснулся и понял, что день уже в разгаре. Часы показывали пять минут второго. Он со вздохом выпрямился в кресле и затем на цыпочках прошел через холл в свою спальню. Проходя мимо комнаты экономки, он заметил, что дверь закрыта. А ведь он оставил ее слегка приоткрытой.

Остановился как вкопанный, постучал. Никакого ответа. Он постучал опять и нажал на ручку. Дверь была незаперта, в комнате никого не было.

С минуту он постоял, раздосадованный тем, что его охватило чувство разочарования. Ему ведь вроде и по вкусу пришлась вся эта история, хотя он был в постоянном напряжении, даже в те моменты, когда он демонстрировал свою полную раскрепощенность.

Наверное это из-за женщины. Когда-то в Сан-Франциско у него была любовная история с девушкой, похожей на Мистру Лэннет. Но это было давно. И сегодня он искал в женщине нечто

большее, чем красоту. Ему было трудно вообразить, что он мог попасться на удочку.

Потом он подумал, что пожалел ее. Ведь совершенно очевидно, что она была в состоянии смятения. Спасаясь от преследователей, она сама решилась просить убежища у незнакомого человека. Но все же ей нельзя было отказать в мужестве. Даже когда ее били хлыстом и у нее не было надежды на спасение, она находила смелость отвечать противникам.

Нахмурившись, Стивенс открыл входную дверь и вышел на улицу. В небе сияло солнце, и он слышал шум прибоя за несколько сотен ярдов отсюда. Бунгало было собственностью Таннахиллов и располагалось в стороне от шоссе, ведущего к побережью. Оно было изолировано от соседних коттеджей грядой пологих холмов. В нем был бассейн с подогревом, гараж на три машины, четыре спальни, каждая с ванной. Он снял это бунгало для себя за шестьдесят пять долларов в месяц.

Сначала у него было какое-то чувство дискомфорта по этому поводу, хотя бунгало предложил Пили. Однако постепенно он научился рассматривать все это как часть того приятного образа жизни, который он вел с тех пор, как стал поверенным Таннахилла.

Он шел по дорожке, когда вдруг заметил следы шин — там где машина съехала с тротуара и развернулась. Не без удовлетворения относительно своей сообразительности он отметил, что судя по следам, оставленным передними и задними колесами, это была большая машина, возможно кадиллак или линкольн.

Он вернулся ко входу в дом и осмотрел телефонные провода в том месте, где они отходили от главной магистрали. Он проверил их по всей длине, до самого дома. Провода были перерезаны у самой земли. Ему придется позвонить в телефонную компанию, как только он доберется до центра города, и сообщить о том, что случилось. Еще он хотел бы позвонить Таннахиллу, но и с этим придется подождать.

Стивенс выскользнул из халата и пижамы и с разбега нырнул в бассейн, который был как раз рядом с дверью, ведущей из гостиной. Вода была прохладной, и он сразу поплыл назад к ступенькам бассейна. Он уже выходил из бассейна, когда вдруг увидел лицо, которое смотрело на него из глубины.

В первый момент шок был ужасающим. Он подумал, что там находится утопленник. Потом он нырнул в зеленую кляксу воды и обнаружил у

себя в руках… маску.

Она была тонкая и липкая и вызывала опасение, что расползется прямо у него в руках. Осторожно вынув из воды, он положил ее на бетон. Она была сделана из очень тонкого пленчатого материала, но его изумило не это.

Он узнал черты этого лица. По краям они стерлись, но несомненно, это было «лицо» того самого человека, который не дал Тезле бросить в него нож.

Стивенс оставил маску лежать на бетонной плите, оделся и уже около двух часов отправился к себе в офис. Он помнил, что там у него лежит сумочка Мистры. Он так и не проверил все ее содержимое прошлой ночью, а ведь там, возможно, был ее адрес.

Пришло время все проанализировать. Ему придется связаться с Таннахиллом, но кроме того придется заняться этой историей с «индейскими идолопоклонниками», которые разговаривали об атомной войне, били хлыстом членов своего общества и хватались за оружие по любому поводу.

Сначала Мистра. Она была ключиком к этой тайне, поскольку за ней охотились.

Через пятнадцать минут перед ним на столе

уже лежало все содержимое ее сумочки. Пачка сигарет, кошелек для мелочи, бумажник, ключи, коробочка с визитками, дорогой носовой платок и небольшая полотняная сумочка. Он внимательно осматривал все эти предметы и чувствовал все большее разочарование. Ни на одном из них он не увидел инициалов. Он открывал полотняную сумочку, когда ему неожиданно пришла в голову интересная мысль. Ведь в сумочке не оказалось ни губной помады, ни пудры, ни какой-нибудь другой косметики. Он понял, что эта мысль не зря поразила его, когда он наконец открыл матерчатую сумочку. Внутри была маска женского лица. Она была как живая, но лицо это было ему совершенно незнакомо. Стивенс уставился на нее и почувствовал, как бледнеет. У него мелькнула мысль: «Что здесь, черт возьми, происходит?»

Он взял себя в руки и внимательно осмотрел маску. Она была полупрозрачная и очень тонкая.

Стивенс застонал. Загвоздка была в том, что он не знал, что все это значило и как ему поступить. События разворачивались слишком быстро, чтобы он мог сделать какие-то окончательные выводы. Ему нужна была дополнительная информация и срочно. Его торопили события. И потом эта пытка и покушение на убийство Мистры…

Ужасающая реальность событий предопределила его следующий шаг. С каждой минутой ему все больше казалось, что где-то в этом здании есть другой источник информации. Теперь без колебаний он вышел из своего пустого офиса и направился по коридору к «Мексиканской торговой компании».

Дверь была заперта. Он открыл ее своим запасным ключом и поднял шторы. Все, казалось, было на своих местах. При более внимательном взгляде оказалось, что каменные божества были сделаны из глины, то есть вполне вероятно, что внутри они были полыми. Он поднял одно из них, чтобы посмотреть. Скульптура оказалась тяжелее, чем он ожидал. Он уже собирался поставить ее на место, когда вдруг заметил электрический шнур, выходящий из-под ее основания. Шнур тянулся к штепселю, встроенному в пол.

Стивенс был озадачен. Он даже не очень удивился. Он отсоединил шнур и положил статуэтку на бок. Шнур входил в крошечное отверстие в глине. Увидеть, что там внутри, было невозможно, как невозможно было понять, для чего здесь электрический шнур.

Он водворил фигурку на то место, откуда он ее взял, и переключил свое внимание на стол.

Ящики были заперты. Но один из ключей, которые он нашел в сумочке Мистры, подошел, и он отпер их. Там были счета, бланки, бухгалтерские книги, пачка писем, которые начинались примерно так: «Уважаемый сэр, мы отправляем вам предметы искусства общей стоимостью». Еще в одной связке лежали письма с подтверждением получения товара, или: «При сем прилагается наш чек». И наконец там была и третья пачка, в которой лежали бланки для оформления автотранспортных перевозок, где были отпечатаны адреса отдельных лиц, которым были проданы «предметы искусства». Почти все шапки писем были отпечатаны на испанском языке.

Стивенсу двадцать пять раз повстречалось название Уолдорф Армз, когда он наконец понял, о чем идет речь. Он видел это место несколько раз — пятиэтажное жилое здание в хорошем районе, довольно странной архитектуры, насколько он помнил, и необычайное во всех отношениях.

Его раздосадовало, что ни на одном бланке не было указано имя, но, по крайней мере, он мог записать несколько адресов и потом узнать, кто же там жил.

Он записал ровно дюжину.

Вернувшись в офис, он вспомнил про Танна-

хилла и позвонил в Большой дом. Трубку сняли сразу же и неприветливый голос спросил:

— Кто говорит?

Стивенс назвался, несколько ошарашенный резкостью тона. Неужели это сам молодой Таннахилл? На другом конце провода тот же человек сказал:

— А, адвокат! Таннахилла нет дома, мистер Стивенс. Я полицейский, сержант Грей. Кроме меня, здесь только электрики, которые недавно вошли. Вы ведь слышали об убийстве?

— Да.

— Так вот, мистер Таннахилл отправился в суд, чтобы переговорить об этом с мистером Хаулэндом.

Стивенс подавил восклицание. У него было твердое убеждение в том, что Таннахилл не будет заниматься такими вещами сам. Он торопливо поблагодарил полицейского и повесил трубку.

Несколько минут спустя он уже ехал в офис прокурора округа.

III

Когда Стивенс вошел в пустынное фойе здания суда, он услышал первые слабые звуки веселья, которое проходило где-то в здании. И только после того, как он напрасно нажимал кнопку вызова лифта, до него наконец дошло. Рождественская вечеринка была в самом разгаре.

Он поднялся по лестнице и заглянул в офис Хаулэнда через открытую дверь. Сначала ему показалось, что там — царит полная неразбериха. Мужчины и женщины сидели на столах и даже на полу или стояли небольшими группами. Его взору предстали батареи бутылок.

Никто не был в стороне, поэтому если Таннахилл и пришел сюда, то он присоединился к общему веселью.

Стивенс отыскал Фрэнка Хаулэнда, который сидел на полу за столом в дальнем углу комнаты. Стивенс налил себе выпить и подождал немного, пока прокурор округа заметит его, оторвав затуманенный взгляд от стакана.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, кто перед ним стоит.

Хаулэнд издал пронзительный вопль:

— Привет, Стивенс!

Он с трудом встал на ноги и ухватил Стивенса рукой за шею. Хаулэнд был высокого роста, почти такого же, как Стивенс, который тоже был достаточно рослым. Стивенс еще не успел перевести дух, как Хаулэнд мощным движением развернул его лицом к собравшимся.

— Девочки и мальчики, — заревел Хаулэнд, — я хочу представить вам моего старинного приятеля, Эллисона Стивенса. Похоже, этот парень преуспел, а я до сих пор не знаю, как ему это удалось сделать. Он поверенный человека, который владеет всей этой чертовой местностью.

И будто желая обнять добрую половину человечества, он взмахнул рукой, в которой держал стакан. Стакан стукнулся о плечо Стивенса, и ликер, который в нем был, выплеснулся и забрызгал Стивенса почти до пояса. Хаулэнд, казалось, и не заметил этого, а Стивенс обозвал его про себя идиотом. Прокурор округа тем временем вещал своим низким баритоном:

— Я хочу, чтобы все усвоили, что Стивенс мой приятель… Я приглашаю его на нашу вечеринку и прошу отнестись к нему так, как вы бы отнеслись ко мне. О'кей, Стивенс, я хочу переговорить с тобой попозже, ну а пока чувствуй себя как до-

ма… — Широко улыбаясь, он толкнул Стивенса в группу женщин: — Вот твои девочки, они между прочим, не замужем.

Они восприняли эту выходку добродушно. Одна из них вынула носовой платок и приложила его в нескольких местах к пиджаку Стивенса.

— Паршивый актер — он ведь был актером, вы знаете.

Стивенс выпил немного в их компании, и когда он наконец отошел от них, он не мог даже смутно представить себе, о чем же они говорили. Он обнаружил Хаулэнда горячо обнимающим высокую, статную девицу, которая податливо опустилась на пол как раз в тот самый момент, когда Стивенс стал разнимать руки, обвитые вокруг ее талии.

— Уходи! — пробормотала она. — Мне охота поспать.

Она, казалось, тотчас же уснула. Здоровяк Хаулэнд сразу и не понял, что его оторвали от девицы. Но вдруг это до него дошло, и он начал вырываться из объятий Стивенса.

— Какого черта ты лезешь? — заорал он. — Эта телка всегда была как ледышка, с тех пор, как я пришел сюда работать, и вот когда у меня дело уже было в шляпе, ты…

Неожиданно он замолчал. Он моргнул несколько раз, глядя на Стивенса, казалось, отрезвел немного и схватил его за руку.

— Ты же как раз тот, кто мне нужен, — сказал он. — У меня есть кое-что, что тебе нужно прочесть. Я хотел показать это Таннахиллу, но он так и не появился. Это пришло утренней почтой. — Он самодовольно и понимающе ухмыльнулся. — Ловкий парень, этот твой босс, но я бы многое дал, чтобы узнать, что он задумал… Пошли-ка в мой офис.

Он отпер ящик стола и достал из него сложенный лист бумаги. Стивенс развернул его и, нахмурившись, прочитал. Письмо было отпечатано, но не подписано.

Уважаемый мистер Хаулэнд.

Если вы вскроете могилу Ньютона Таннахилла, то обнаружите, что гроб пуст. Сходство между дядей и племянником поразительное, вы не находите? Сделайте собственные выводы из этого и еще из того, что негра-сторожа обнаружили мертвым прошлой ночью.

Сжав губы, Стивенс перечитал послание, пытаясь связать его с хаосом последних событий. Обстояло все на самом деле так или нет, но было очевидно, кто-то накликивает беду. Из большой

комнаты донесся взрыв пьяного хохота собравшихся. Раздался мелодичный звон бокалов, и гул беседы возобновился.

Стивенс лизнул губы и взглянул на Хаулэнда. Тот опустил голову на грудь и, казалось, спал. Но неожиданно Хаулэнд зашевелился и пробормотал:

— Я этого не понимаю. Притвориться, что ты умер, чтобы унаследовать свои же собственные деньги? Чепуха какая-то. И потом, как это он смог вдруг стать моложе?

Он замолк. Стивенс покачал головой и бросил записку в ящик, из которого Хаулэнд ее достал. Затем он запер ящик и положил ключ в карман жилета прокурора округа. Хаулэнд не пошевелился.

Стивенс все еще слышал крики подвыпивших, когда спускался по лестнице. Они стихли только после того, как он закрыл за собой входную дверь здания.

Сидя в машине, он начал обдумывать свой следующий шаг.

— Мне нужно увидеться с Таннахиллом, — сказал он себе.

Он завел мотор и поехал к газетному киоску. В газете, которую он купил, было коротенькое, в

несколько строк, сообщение о смерти. Оно сжато, в общих чертах рассказывало о том, как только что приехавший Артур Таннахилл обнаружил прошлой ночью тело сторожа-негра Джона Форда в наполовину высохшем колодце.

Вся остальная информация на первой странице была посвящена приезду Таннахилла в Альмирант. Там была помещена фотография стройного молодого человека с симпатичным худощавым лицом. Это было лицо усталого человека, и газета рассказывала о том, что молодой Таннахилл около двух лет пролежал в больнице из-за последствий ранения в голову в результате несчастного случая, и окончательно он еще не поправился.

Статья выплеснулась и на другие страницы и рассказывала в общих чертах историю семьи Таннахиллов. Стивенс прочел еще один такой же, но уже более подробный панегирик, посвященный публичной библиотеке, свернул газету и задал себе вопрос:

— Что дальше?

Он решил опять позвонить в Большой дом. Сержант Грей ответил:

— Нет, еще не вернулся.

Стивенс пообедал в ресторане с коктейль-баром, который назывался «Бар удовольствия». Нет,

он бездействовал. И хуже всего было то, что Таннахилл, вероятно, не понимал, в какой опасности он находится. Теперь Стивенс был в этом уверен.

Он закончил обедать и выпил еще одну чашку кофе, перечитывая, на сей раз более внимательно, статью о Таннахилле.

В статье, в частности, говорилось о том, что «…молодой Таннахилл — в городе личность неизвестная, потому что он бывал здесь всего лишь дважды, еще совсем мальчишкой. Учился он в одной из школ Нью-Йорка, а потом в Европе. Ранение, которое он получил, было настолько опасным, что он был без сознания в течение года и семнадцати дней. В общий счет дней его пребывания в больнице не входит период с 24 апреля по 5 мая сего года, когда, видимо под воздействием шока, он ушел из больницы. Выздоровление его идет очень медленно, и, к сожалению, некоторые события вырисовываются в его памяти весьма смутно, вероятно вследствие ранения».

Даты исчезновения Таннахилла из больницы испугали Стивенса. «Я могу это проверить, — подумал он, — немедленно!»

Ощущая волнение, ведомый каким-то чувством настоятельной необходимости, он поспешил на улицу и с облегчением увидел, что уже стемнело,

ибо то, что он задумал, нужно было делать под покровом ночи. Ему было необходимо как-то прояснить поселившиеся в нем подозрения. Как адвокат Таннахилла, представляющий здесь его интересы, он должен был располагать максимальной информацией. Он подъехал к кладбищу в северо-западной части города за четыре минуты и на стене у входа увидел карту.

Отыскав на карте участок Таннахиллов, он поставил машину под деревом и пошел вглубь по темной аллее. Дойдя до северной стены и повернув на восток, он понял, что близок к цели. Теперь он начал читать надписи на надгробиях. Через пять минут он нашел участок Таннахиллов.

Пройдя вдоль чугунной ограды, он вошел через калитку, которая увенчивалась решеткой, увитой зеленью. С решетки свисало имя семьи, выполненное из металлических букв, и даже в темноте, освещенная фарами его машины, эта семейная усыпальница выглядела очень красиво. На участке было с десяток надгробных плит. Стивенс склонился над первой. Надпись была сделана по-испански, и имя было написано очень странно:

Франсиско де Танекила И. Нерида 4 февраля 1709 — 3 июля 1770

Следующее имя было тоже написано по-испански, а даты — 1740–1803. На третьем надгробии впервые встретился английский вариант имени, но было написано Таннехилл вместо Таннахилл. Этот умер в 1825 году. Должно быть, он уже застал начало золотой лихорадки.

Стивенс двигался теперь очень медленно, ему уже не казалось, что все нужно проделать как можно быстрее. Он был под впечатлением древности рода, и уходящая в глубь веков история Таннахиллов наполнила его чувством гордости, что и он теперь связан с этой семьей. Он даже попытался мысленно представить себе, как Франсиско де Танекилу несли к подножию горы и похоронили здесь в солнечный день 1770 года. Наверное, это было перед революцией, подумал он. Давным-давно. Корни Таннахиллов глубоко уходили в эту землю.

Он почувствовал, что стало гораздо прохладнее. С моря дул ветер, он пробирался сквозь листья, и они нашептывали ему свои ночные истории, как они делали много ночей подряд с тех пор, как здесь были вырыты первые могилы.

Он наклонился и начал вглядываться в надпись на последней могиле: *Ньютон Таннахилл.*

Стивенс еще раз взглянул на дату смерти, чтобы

не ошибиться, и медленно выпрямился. Он ощущал слабость, какую обычно ощущает человек в конце долгого пути. Ньютон Таннахилл, дядя, был похоронен последним 3 мая. С 24 апреля по 5 мая Артур Таннахилл, племянник, отсутствовал в больнице.

Стивенс уже поворачивался, чтобы уйти, как вдруг услышал за спиной слабый звук. Что-то тяжелое и тупое ткнулось в его затылок, и чей-то голос тихо произнес:

— Спокойно, не двигаться!

Стивенс заколебался, но поняв, что разумного выхода у него нет, уступил.

IV

Под деревьями в темноте кладбища воцарилось молчание. Стивенс стоял в напряженном ожидании, чтобы воспользоваться малейшей возможностью. Если они и попытаются связать его, он будет бороться. Мягкий голос за его спиной произнес:

— Я хочу, чтобы вы сели, скрестив ноги. С вами ничего не случится, если вы будете действовать так, как я скажу.

Стивенса успокоило местоимение «я». Он опасался, что ему придется противостоять нескольким. Но это «я» дало Стивенсу понять — он даже не мог объяснить, почему — что это без сомнения был один человек. Однако он не намеревался слепо повиноваться.

— Чего вы хотите?

— Я хочу поговорить с вами.

— А почему не поговорить, стоя в нормальном положении?

Последовал короткий смешок.

— Потому что вы можете сделать неосторожное движение. А если вы сидите со скрещенными ногами, то вам будет трудно напасть на меня. —

Голос стал жестче. — Садитесь! — резко сказал он.

— О чем вы хотите поговорить?

— Садитесь!

Голос прозвучал твердо и настойчиво, а тупой предмет надавил сильнее на затылок Стивенса. Неохотно, бормоча проклятия, он опустился на землю. Он сидел, все еще в напряжении, но с твердой решимостью не выполнять больше никаких унизительных указаний.

— Какого черта вам надо? — резко спросил Стивенс.

— Как вас зовут? — голос опять стал мягче. Когда Стивенс назвал свое имя, несколько минут человек молчал, а потом сказал: — Мне кажется, я слышал ваше имя. Чем вы занимаетесь?

Стивенс объяснил.

— Адвокат? Думаю, я вспомнил. Пили упоминал о вас. Но я как-то не обратил внимания.

— Пили! — воскликнул Стивенс. И вдруг до него дошло. — О, Боже, — сказал он. — Вы — Таннахилл!

— Я — Таннахилл.

У Стивенса будто спал с плеч огромный груз. Он поднялся и быстро произнес:

— Мистер Таннахилл, я вас везде ищу!

— Не оборачивайтесь!

Стивенс остановился, нога его провалилась в землю. Он был поражен враждебностью, с которой были произнесены эти слова. Таннахилл спокойно продолжал:

— Мистер Стивенс, я воспринимаю людей не по их внешности. Поэтому вы будете стоять ко мне спиной, пока мы не выясним некоторые вещи.

— Я уверен, — сказал Стивенс, — что могу убедить вас в том, что я здешний управляющий вашим имением и что я действую в ваших интересах. — Теперь он начинал понимать, на что намекал Пили в своей телеграмме. С наследником Таннахиллов нужно быть очень осторожным.

— Посмотрим, — последовал уклончивый ответ. — Вы говорите, что везде искали меня?

— Да.

— Поэтому пришли сюда?

Стивенс вдруг понял, к чему клонит Таннахилл. Он представил себе выразительную картину: некто вглядывается в имена на надгробьях, освещенных огнями фар. Мысль его лихорадочно работала. А зачем Таннахилл пришел сюда? Он неожиданно понял, что прежде чем он сможет задать хоть какой-нибудь вопрос, ему придется все объяснить.

Как можно более кратко он рассказал обо всем, что случилось с ним с тех пор, как он днем вышел из дома. Когда он подошел к истории с запиской, которую Хаулэнд показал ему, он помолчал немного и сказал:

— Я обдумал все это, и вот я здесь, чтобы сопоставить пару дат.

Человек за спиной Стивенса молчал и ждал, пока Стивенс закончит. Но даже после этого он по меньшей мере минуту молчал и наконец произнес:

— Давайте сядем под теми деревьями. Мне нужно с кем-то поговорить.

Стивенс заметил, что Таннахилл сильно хромал. Но по-видимому, что он не испытывал боли, потому что довольно легко опустился на траву. Когда Стивенс сел рядом с ним, Таннахилл заговорил опять:

— Вы думаете, они вскроют могилу?

Стивенс испугался. Он в своих мыслях так далеко не заходил, но понял, что вопрос затрагивал самую суть проблемы. И подумал, означало ли это, что могила была и вправду пуста… Он заколебался, думая о том, что прокурора округа Фрэнка Хаулэнда уволили с поста управляющего имением Таннахиллов и что теперь, будучи цен-

тральной фигурой в правовой машине Адамса — Хаулэнда — Портера, он мог очень здорово насолить своему прежнему хозяину.

Он медленно произнес:

— Боюсь, сэр, что я не могу ответить на этот вопрос. Я вызвал Пили, и как только он приедет, мы увидимся с Пили и выясним, удалось ли ему узнать, кто же написал эту записку. Вы не представляете, кто это мог быть?

— Это я буду задавать вопросы, — последовал короткий ответ.

Стивенс закусил губу и сказал:

— Я буду счастлив ответить на все ваши вопросы, мистер Таннахилл, но я ведь в курсе всего, что здесь происходит, и возможно мог бы ухватить суть дела очень быстро.

Таннахилл сказал:

— Стивенс, мое положение в этой истории очень простое. Я долгое время находился в больнице, вся моя левая сторона была парализована. Больше года, с тех пор, как меня ранили, я находился в бессознательном состоянии. В конце прошлого апреля я исчез из больницы, и меня нашли на ее ступеньках 5 мая, я был без сознания. Я пришел в себя примерно неделю спустя. Через три недели я получил письмо от женщины,

которая назвалась Мистра Лэннет… В чем дело?

Стивенс в этот момент не удержался от восклицания. Но он лишь сказал:

— Продолжайте, сэр.

Таннахилл помолчал какое-то время, а потом продолжил:

— Мисс Лэннет представилась как секретарша Ньютона Таннахилла, который умер и был похоронен, по случайному совпадению, в тот день, когда меня не было в больнице. Дальше она сообщала, что меня скоро уведомят о том, что я являюсь единственным наследником его состояния — состояния, которое оценивается как одно из самых крупных в Калифорнии. Я бы мог приехать в Альмирант и нанять собственный медицинский персонал, но у меня было два соображения, по которым я остался там, где был.

Первое это то, что я очень доверял одному из врачей больницы. Он отказался от тех денег, которые я ему предлагал, чтобы вытащить его оттуда, но он оправдал мои надежды. Я могу ходить, хоть и медленно, но я хожу. А второе — это смутные воспоминания о том, что со мной произошло за то время, что меня не было в больнице. Об этом я вам ничего не скажу, но тогда я твердо решил, что инвалидом я сюда не приеду.

Он глубоко вздохнул.

— И события тоже подтверждают это.

Он помолчал долгую минуту, а потом продолжил уже более резким голосом:

— В то утро, когда я приехал сюда — когда я еще был в гостинице — ко мне пришли три человека, один из них маленький мексиканский индеец с огромным носом. Они разыграли сцену, будто они мои старые друзья, и назвались: Тезлакоданал — тот, который был индейцем; Кахуньо — похожий на метиса; и еще один, имени которого я не помню, хотя он назвал его. Они все время называли меня Ньютон Таннахилл, а это, как вы знаете, имя моего дяди. Я их совершенно не испугался, но для того чтобы выиграть время для личных расследований, я подписал письмо, которое они мне дали.

— Письмо? — эхом отозвался голос Стивенса.

— Оно было адресовано Пили, — продолжал Таннахилл, — и в нем я уполномочил его продолжать выплаты, которые он производил членам клуба «Пан-Американ» — вот так он назывался. Я внес предложение о том, что эта санкция должна переутверждаться мной каждые шесть месяцев. Они не возражали, и — учитывая, что я совершенно не понимал, что происходит, — я чувствую,

что легко отделался.

— У вас было ощущение, что вашей жизни угрожают?

— Да нет! Просто показалось странным, что они меня принимают за моего дядю.

Стивенс вернулся к тому, что Таннахилл говорил о письме.

— Вы уверены, что там была фраза «продолжайте выплаты», — спросил он, подумав.

— Да.

— Хорошо… — Он почувствовал облегчение, когда произносил эту фразу. — Это указывает на то, что какая-то ассоциация существовала и раньше. Мы можем узнать об этом у мистера Пили. — Он добавил: — Но зачем им думать, что вы ваш дядя? Ведь он был по крайней мере лет на двадцать старше…

Таннахилл ответил не сразу. Когда он опять заговорил, голос его, казалось, доносился откуда-то издалека, и в нем не звучали нотки гнева. Он сказал:

— Стивенс, у меня часто бывают ночные кошмары. В больнице мне снились странные сны, в которых мне являлись какие-то странные существа. Один раз мне привиделось, что я в гробу. В другой раз мне приснилось, что я в Альмиранте

вглядываюсь в глубину старого моря. Я смутно представил себе свой дом, как будто я смотрел на него через густую пелену тумана. Конечно, Пили послал мне несколько книг о нем — вы знаете, есть несколько таких книг — и то, что я прочел, сделало мои сны более реальными, как бы добавило в них красок. Согласно этим книгам, Большой дом был построен еще до того, как здесь появились белые. Как вы, возможно, знаете, это здание предмайянской архитектуры. Если вы посмотрите на ступени парадного входа, которые тянутся вдоль всего фасада, то он у вас будет больше ассоциироваться с храмом, нежели с домом, хотя его жилые интерьеры были спланированы весьма разумно. Когда я был в гробу…

Он замолчал. Молчание воцарилось в темноте кладбища. Наконец, он произнес:

— Если вы читали газету, то остальное вы знаете.

Стивенс сказал:

— Вы тут упомянули имя Мистры Лэннет. Вы сказали, что она была секретаршей вашего дяди.

— Да.

Стивенс думал об этом обстоятельстве с возрастающим удивлением. Такого он не предполагал. Связь «Мексиканской торговой компании» и той

жестокой группы с Таннахиллом необходимо было обдумать. Было бы опасно начать обсуждать этот момент сейчас, когда Таннахилл относился к нему столь подозрительно. Все это звучало бы столь же фантастично, как и история, рассказанная Таннахиллом. И Стивенс подумал мрачно: «Мы бы никогда не смогли рассказать о чем-либо подобном в зале судебного заседания Адамса — Хаулэнда — Портера».

Его будто наэлектризовало сознание того, что он, думая об этой ситуации, перенесся в зал судебного заседания.

— Мистер Таннахилл, — сказал он серьезно, — нам нужно понять суть этого дела как можно быстрее. У меня есть жуткое подозрение, что кто-то хочет пришить вам убийство. Убийство сторожа. Это грубо говоря. А окажется это так на самом деле или нет, посмотрим, но нам нужно быть готовыми ко всему. Когда вы рассказывали обо всем, что с вами случилось, вы несколько раз упомянули, что помните, как вас заживо похоронили. Не уверен, что вы это заметили, у вас это получилось непроизвольно. Что это была за история?

Молчание.

— Мистер Таннахилл, я думаю, что сейчас не

время что-нибудь утаивать.

Молчание.

Стивенс уступил.

— Возможно, — сказал он спокойно, — вы бы предпочли подождать, когда приедет мистер Пили, и мы бы смогли переговорить с ним обо всем, что случилось.

На этот раз Таннахилл заговорил. Голос его слышался будто издалека.

— Это был сон, — сказал он. — Мне снилось, что меня похоронили заживо. Я говорил вам, что меня преследовали кошмары.

Голос его изменился.

— А теперь, мистер Стивенс, — и еще более резко, — я думаю, нам лучше закончить беседу. У меня есть кое-какие планы по этому поводу, и я вам расскажу о них в общих чертах, если вы придете завтра в Большой дом повидаться со мной. Возможно, вам к этому моменту удастся связаться с Пили. Передайте ему, чтобы он приезжал немедленно.

Он тяжело встал и облокотился на свою трость.

— Я думаю, мистер Стивенс, нам лучше уйти по одному. Мистеру Хаулэнду может показаться весьма странным, если он обнаружит, что мы

пришли… — он заколебался, но спокойно договорил… — что наследник Таннахиллов и его адвокат пришли на кладбище, чтобы проверить какую-то дату похорон.

Стивенс сказал:

— Здесь несколько слабых моментов. Надеюсь, у вас есть разрешение иметь при себе оружие, сэр. Это бы…

— У меня нет оружия.

— Но…

В темноте послышался смешок, а потом словно мелькнула тень и трость ударила Стивенса чуть выше пояса.

— Ну и как? — спросил Таннахилл.

Стивенс только охнул.

— Я, возможно, позвоню вам завтра, но только после Рождества, — продолжал Таннахилл, — и мы назначим встречу. Ну, что-нибудь еще?

— Да.

Стивенс колебался. У него был вопрос, настолько важный для всей этой истории, что он чувствовал, хоть он и торопит события, он должен задать его сейчас. И получить на него ответ. Он медленно произнес:

— В газете упоминалось о том, что ранение, которое вы получили, сильно повлияло на вашу

память. А то, что вы рассказали, придает еще большее значение этому факту. Не скажете ли вы мне, в какой степени вы потеряли память?

После кратчайшей паузы последовал ответ:

— Я ничего не помню о своей жизни до того момента, как я очнулся в больнице. Я могу говорить, могу думать, могу здраво рассуждать, но память моя — черное пятно, если речь идет хоть о чем-то до прошлой весны. Я даже не помнил своего имени до тех пор, пока в полубессознательном состоянии не услышал его. — Он коротко рассмеялся. — Уверяю вас, все это затрудняет мою жизнь. А теперь, мистер Стивенсон помолчал, а потом продолжил:

— Я надеюсь, вы понимаете, что я доверил вам то, о чем не знает ни одна живая душа. Я сделал это, потому что верю, по крайней мере в этот момент, в ваше доброе ко мне отношение и потому что мне нужен кто-то, чтобы помочь мне выбраться из этой ситуации.

Стивенс сказал:

— Вы можете рассчитывать на меня в любое время.

— И вы никому ничего не скажете, пока я не разрешу?

— Никому.

Стивенс вернулся к машине и несколько минут сидел в ней, обдумывая свой следующий шаг. Он устал, но был захвачен тем, что происходило. Без ответа оставалось несколько просто ошеломляющих вопросов. Почему кто-то намекал, что племянник и дядя — это одно и то же лицо? И почему все — включая его самого — серьезно задумывались над этим, вместо того чтобы посмеяться над нелепостью предположения? То, что никто не видел племянника до смерти дяди, звучало неубедительно. И что таилось за этими масками — масками, которые были сделаны настолько искусно, что он был готов признать, что никто бы не догадался, что они надеты? На какую-то минуту Стивенс оторвался от реальности и, казалось, очутился в сумасшедшем кошмаре. Он передернул плечами, чтобы сбросить наваждение.

Единственный ключик, за который он ухватился из всего разговора с Таннахиллом, было упоминание имени Мистры Лэннет.

Оно, казалось, связывало эту историю со всей бандой.

Стивенс завел мотор и поехал к Уолдорф Армзу. У него не было ни четкого плана, ни представления о том, как он будет действовать, когда

доберется туда. Но у него была твердая уверенность, что это, вероятно, был центр, из которого действовала группа, потому что иначе это название не появлялось бы так часто в бумагах «Мексиканской торговой компании».

Он поставил машину у здания, но сразу из нее не вышел. Из темноты выступали неясные очертания необычной верхней части здания в форме купола. Нижняя же часть дома была вполне обычной, его кирпичное квадратное основание выглядело даже несколько чересчур массивным и старомодным.

Стивенс собрался уже было выйти из машины, как вдруг увидел, что ко входу торопливо идет маленький человек. Безошибочно маленький с безошибочно огромным носом — Тезлакоданал, который предыдущей ночью угрожал ему ножом. Горя от возбуждения, Стивенс ступил на тротуар. Он несомненно шел по горячему следу.

V

Стоя в тени машины, Стивенс наблюдал, как коротышка повернул к ярко освещенному входу и вошел внутрь. Стивенс быстро последовал за ним. Запыхавшись, он подбежал к двери и заглянул через стекло внутрь.

Потом он отпрянул и снова прильнул к стеклу, пока не увидел, что происходит внутри. Индеец стоял у газетного киоска. Он стоял с газетой в руках спиной к Стивенсу, но в пол-оборота, и Стивенс смог на этом расстоянии легко прочесть ее название. И еще он заметил, что индейца интересовала статья о приезде Таннахилла.

Тезлакоданал сунул газету под мышку, слегка приподняв плечо, и двинулся через просторный холл к лифту. Он кивнул лифтеру, но прошел мимо лифта прямо в ярко освещенный коридор. Он постоял у одной из дверей примерно в середине коридора, вынул ключ, повозился несколько мгновений с замком и исчез за дверью. Оттуда он так и не вышел.

Стивенс осторожно двинулся вдоль здания. Он остановился перед окном, из которого лился мягкий свет через закрытые венецианские шторы.

Окно было открыто, шторы лениво шевелились, повинуясь слабому раздувавшему их ветерку.

Это был единственный звук, который можно было слышать. За занавеской не мелькнула ни одна тень, значит, в комнате никого не было.

Подождав с полчаса, пока погасят свет, Стивенс засомневался, точно ли он рассчитал расстояние. Та ли это была квартира?

Он пошел обратно, останавливаясь перед каждым окном. Шторы были приоткрыты, поэтому он смог удостовериться в том, что комнаты, которые ему были видны, составляли часть той же квартиры, что и первая.

Стивенс отступил в тень зелени и подождал еще немного. Время шло медленно, и становилось прохладнее. Слева от него над деревьями появилась луна, лимонного цвета диск, который карабкался по небу все выше и выше. Ему стало жутковато от этого ночного бдения. Для адвоката это был довольно трудный способ зарабатывать деньги. Свет за шторой продолжал тускло гореть, будто нарочно не давал ему разглядеть, что же происходит в комнате. Он забеспокоился; потом разозлился на Тезлакоданала за то, что тот не ложился спать; потом он разозлился на себя за то, что думал: свет не выключен, значит человек

не спит. Именно эта мысль заставила его действовать.

Он подошел к открытому окну и отвел в сторону штору. Он увидел диван, красноватый коврик, стул и открытую дверь. Через нее и пробивался свет от торшера, который стоял у письменного стола. Сразу за столом виднелись книжные полки, лампа и несколько глиняных статуэток.

Стивенс осторожно передвинулся к другому краю окна. Он отодвинул штору и заглянул внутрь. Там было довольно темно. Он увидел стулья и отраженный свет. Открытую дверь отсюда не было видно. Ни души.

Стивенс был очень осторожен, но уже не колебался. В одно мгновение он поднял раму настолько, чтобы пролезть через окно. Он залез на подоконник, поднял штору и проскользнул под ней прямо на диван, который стоял под окном. Потом он опустил штору, прислушался и бесшумно ступил на коврик. Пять широких шагов — и вот он уже пересек комнату и стал у двери.

Во второй комнате никого не было, дверь в нее была приоткрыта. И когда он стоял около нее, прислушиваясь, он услышал мерное дыхание спящего.

Стивенс постоял немного. Что ему нужно?

Нужна информация. Но какую информацию он ожидал получить?

Он огляделся в нерешительности. Комната была меньше, чем казалась, когда он смотрел через окно, и все книги были в одном шкафу. Стивенс взглянул на них и уже было отвернулся, занятый мыслью об основной проблеме, как вдруг взгляд его упал на заголовок «Танекила Смелый». Это была тоненькая книжка, и он в мгновение ока сунул ее в карман. Теперь уже более внимательно он прочел названия других книг. В основном они были на испанском, которым он владел очень плохо. Но три книги на английском его очень заинтересовали. Взяв их, он вышел в гостиную и подошел к окну.

Оказавшись на улице, он понял, что поражен не тем, что ему удалось выбраться, а тем, что он решился войти.

Приехав домой, он убедился, что телефон починили, и связался с телефонной компанией. Но оказалось, что с Пили его еще не соединяли. Все же он решил дождаться звонка, надел пижаму и халат и уселся на диванчик в гостиной с книгами, которые украл. Все они были посвящены Большому дому или его обитателям, и он не припоминал, чтобы хоть одну из них видел раньше, даже в

специальной секции Таннахиллов в публичной библиотеке Альмиранта.

Стивенс открыл первую книгу — «История Большого дома» — и взглянул на первую страницу: Первый выпуск. Тираж 53 экземпляра. Не для продажи. Январь, 1870.

Он перевернул страницу. Первый абзац начинался так:

«Уже тысячу лет или даже больше на высоком холме, выходящем к морю, стоит замечательный дом. Кто построил его, так и не известно».

Стивенс просмотрел страницу до конца, затем медленно перевернул еще несколько страниц, изредка читая какой-нибудь абзац и стараясь ухватить суть содержания. Написано было очень неплохо, в стиле исторических романов, которые ему приходилось читать. Воображение автора воскрешало детали несомненно одной из наименее известных эпох истории мира — Старого Мехико и Калифорнии с 900 года нашей эры и до прихода испанцев.

Запутанность сюжета показалась Стивенсу надуманной. Он достаточно хорошо знал историю майя и тольтеков и понимал, что приведенные детали были результатами раскопок и расшифровки несовершенной системы записи событий.

Здесь были приведены имена священников-солдат, человека по имени Уксулакс, которого пронзили стрелами за вину, которую так и не назвали. Примерно тысячу лет назад этого несчастного воскресили из забвения, казнили и похоронили «на восточной стороне холма в сосновой роще, которую позднее срубили тольтеки» — все это в двух предложениях и непонятно зачем.

Когда пришли тольтеки, «выстроенные в две шеренги, обливаясь потом на жаре ранней осени», они сначала хотели разрушить Большой дом. Но как и у других отрядов, которые время от времени с трудом добирались до этих отдаленных мест, у них не было инструментов, чтобы разрушить мраморную постройку.

Священники-солдаты сделали еще одно открытие. Сам дом и все, что было в нем оставлено прежними обитателями, «которые спешно отступили под защиту села Пуэбло, располагавшееся дальше к северу», было лучше, чем все, что они имели когда-либо. Они успокоили свою совесть тем, что воздвигли деревянный храм на искусственном холме (так, чтобы он был выше дома) и после этого, когда Кукулакс, по всей видимости, был удовлетворен, они использовали дом в качестве резиденции для себя и своих женщин.

Фавориткой командующих была…

Имя было тщательно зачеркнуто. Стивенс, озадаченный, уставился на зачеркнутое слово. Казалось, не было причин этого делать. Чернила были очень темные, и ни одной буквы нельзя было разобрать.

Стивенс пожал плечами и продолжал читать дальше. По мере того, как он углублялся в чтение, ему становилось все более интересно. Теперь детали создавали определенную картину и настроение. Кризис тольтекских завоевателей наступил в связи с тем, что проходил год за годом, а другой экспедиции так и не последовало. Священник, который был избран главой поселенцев, управлял уже десять лет, и поскольку оказалось, что он человек глупый и недалекий, то… (еще одно зачеркнутое место) решил, что он должен быть убит до того, как обнаружит «секрет Большого дома».

Взгляд Стивенса перешел к началу следующей страницы и остановился. Первое предложение не имело ничего общего с тем, о чем шла речь до этого. Он нахмурился, но вдруг понял, в чем дело. Страницы 11 и 12, на которых описывались подробности убийства и на которых, возможно, раскрывался «секрет» Большого дома, были

вырваны.

В конце концов он отложил историю дома и взял биографию Таннахилла. Заголовок «Танекила Смелый» притягивал сам по себе. Первые главы описывали его жизнь слишком подробно. В них пространно рассказывалось о жизни капитана Танекилы с его рождения в северной Испании, его детстве, его путешествиях вдоль берега Африки, его сомнительных попытках разбогатеть и о его последнем путешествии в Америку, которое закончилось крушением флагмана, «Альманта», у берегов Калифорнии в суровый шторм в 1643 году, более трехсот лет назад.

Уже в полудреме Стивенс подумал об этой дате, стараясь сопоставить ее с датой смерти того Танекилы, который был похоронен на кладбище. Тот Танекила умер в 1770 году, если он правильно запомнил… Получилось, что он ошибся более, чем на сто лет, когда полагал, что он был первым из рода.

Он перевернул страницу. Следующая глава называлась «После шторма». До этого места Стивенс просматривал книгу так, как бы от нечего делать. А эту главу он прочел от начала до конца.

ПОСЛЕ ШТОРМА

К полудню мы все были на берегу, то есть все, кому удалось спастись, а Оф Эспанта, де Курги, Маржино и Керати так и не нашли, и у нас не было сомнений, что они утонули. Мне было жаль Маржино. Он не был отпетым негодяем, но трое остальных — угрюмые подонки, которые будут гнить в аду за то горе, которое они мне причинили. Чтобы не тревожить команду, мне придется прочесть молитву за упокой их души, но пока что я воткнул крест в песок, пробормотал несколько слов и заставил их приняться за дело.

Нам нельзя было терять время. Алонсо уже видел нескольких аборигенов, которые околачивались вокруг нас, и может оказаться, что они совсем не те глупые, безобидные существа, каких мы обычно встречали. Нам нужно было обязательно спасти свое оружие с тонущего «Альмиранта».

К двум часам Кахуньо заметил, что шторм начал ослабевать, и я послал его в двух лодках с двенадцатью другими матросами разгружать и расснащать корабль. Ветер стихал, и волны час за

часом становились все меньше, и к вечеру на море был полный штиль. Этим же вечером у нас на берегу было две 37-миллиметровых пушки и мушкеты, поэтому я оставил мысль об аборигенах и уже следующим утром отослал небольшой отряд разведать у тех, кого они увидят, насчет еды.

Мы оказались почти на необитаемом острове. Повсюду виднелись низкие холмы, густо поросшие зеленью, потому что была зима и шли обильные дожди. Недалеко от лагеря было несколько болот. В густой растительности там было полно птиц, крики которых не смолкали в течение всего дня. Наши отряды, которые отправились на поиски пропитания, подстрелили трех оленей и собрали съедобные корни: «все это вместе с запасами корабля спасло нас от голодания. С первого же дня нам ни разу не угрожал голод. За всю свою жизнь я не видел такой богатой земли, которая еще вдобавок обладала таким ровным климатом. Время подтвердило это впечатление, сложившееся в первые недели. Эта земля — одна из

самых плодородных, на которой можно выращивать что угодно круглый год.

На пятый день часовые притащили в лагерь индейца, маленького урода, который отлично говорил по-испански. Он явно был отпетым негодяем, и моим первым побуждением было послушать, что он должен был рассказать нам, и утопить. Но он оказался незаменимым переводчиком, и, кроме того, он принес нам хорошие вести. Он рассказал, что, как мы и подозревали, недалеко от нашего лагеря к северу находилась деревушка Пуэбло и что великий вождь, который жил в доме на холме, высказал пожелание, чтобы мы были его гостями, хотя, к сожалению, ему придется удалиться и он не сможет приветствовать нас лично. Эта новость была с энтузиазмом воспринята женщинами, которым приходилось очень нелегко под открытым небом, но признаюсь, что я отнесся к этому предложению с подозрением. Зачем это человеку, который по всем своим данным может быть вождем, приглашать к себе в дом отряд испанцев, когда он-то должен понимать,

что доживает в этом доме последние дни с момента их прибытия?

Но это значения не имело. Ведь у нас было оружие, с помощью которого мы могли наказать любое предательство. И потом было вполне возможно, что так называемый великий вождь исчезал из дома, чтобы оценить, какую опасность мы для него представляем. Я намеревался убить его в тот момент, когда он решит, что вполне может рискнуть вернуться. Такой ум у аборигена мог стать источником опасностей для нового владельца, то есть меня, если оставить его в живых.

Взять дом оказалось проще, чем мы предполагали.

У нас было восемь пушек, и, расположив их за каменными ограждениями вокруг основания холма, мы взяли под прицел всю местность. Уже через неделю у нас были такие успехи, что, пожалуй, только хорошо вооруженные европейцы могли бы попробовать выбить нас с занятых позиций. Мы не встретили сопротивления. Вассалы таинственно исчезнувшего „великого вождя“ вос-

приняли наше прибытие совершенно нормально и, казалось, ни один из них не посчитал странным, что я займу спальню бывшего владельца.

Проходили недели, и становилось ясно, что мы там обосновались надолго. Хорошо зная капитанов двух других моих кораблей и помня, как мы договаривались разделить добычу, я не сомневался, что они и не собирались меня искать, если им удалось избежать крушения. Поэтому было очевидно, что они держат курс на Мыс Рога и Испанию и что могут пройти годы, прежде чем какой-нибудь корабль бросит якорь у этого берега. Основываясь на этом предположении, я решил как-то нормализовать жизнь команды в деревне.

Я лично спустился в деревню и жителей — мужчин, женщин и молодых девушек — выстроили передо мной рядами. Это было нетрудным делом — выбрать тридцать привлекательных женщин, а затем казнить немедленно и похоронить их мужей. Из этих вдов (и нескольких незамужних девушек) каждый член команды

отобрал себе женщину и женился на ней по христианскому обычаю и поселился в уже занятой хижине. Понятно, что какое-то время была проблема с ублюдками, которых эти женщины родили от аборигенов, но эту проблему я предоставил решать самим мужьям. Через месяц жизнь в деревне вошла в обычное русло.

В течение следующего года мои основные проблемы были связаны с возделыванием земли. Чтобы достичь максимальных результатов, я решил не использовать местных жителей, а вместо этого послал отряд за пленниками из дальних селений. О том, что надо делать, инструктировали жители нашего села, которое назвали Альмирант, они и работали в качестве надсмотрщиков. Казалось, они не понимали, что работа, которую заставляли выполнять пленников, выполнялась по моей воле, и это было моей заслугой, а не их. Иногда случались неприятности, но все же земля, возделанная к концу года, была как данью новой системе.

К концу второго года прежний владелец дома так и не появился, и я сделал вывод,

что он правильно оценил ситуацию и что его решение уступить дом было в конечном счете продиктовано его желанием не допустить, чтобы дом разрушили. Мы не нашли никаких следов тольтекских храмов, которые, как гласила легенда, когда-то окружали дом. Должно быть, их разрушили, а все следы их присутствия были тщательно устранены. Но мне казалось, что сам дом представлял образец архитектуры майя. Стиль этот явно вырисовывался как во внешних очертаниях дома, так и в его внутренней планировке, хотя он несколько отличался от всего, что я видел до тех пор в Центральной Америке.

Но эти проблемы не волновали меня в то время. Они совсем ушли на задний план в течение шестого года, когда начались покушения на убийства. Нас спасло то, что мы достаточно быстро сообразили: все происходящее не было серией случайностей, а направленными попытками прежнего обитателя дома избавиться от перехватчиков. Нож, который Тезлакоданал всадил мне в спину, мог бы убить

меня, если бы у него хватило силы прикончить меня сразу после этого. Стрела, которая пронзила Кахуньо, прошла на расстоянии волоса от его правого легкого, Алонсо не повезло. Его любовница, которую звали Жико Эйн, зарезала его. На женщин никто не нападал, из чего было ясно, какая судьба им уготована.

Жико и Тезлакоданал (индеец, который первым пришел в наш лагерь) исчезли одновременно. Два других индейца тоже сбежали, но одного из них мы поймали и казнили по подозрению в соучастии, хотя доказательств у нас и не было. Это были первые попытки убийств, и их я опишу во всех подробностях в одной из следующих глав, потому что они стали неотъемлемой частью того пути, который привел нас к открытию тайны Большого дома. Этот секрет, который…»

В этом месте половина страницы была оторвана. Она была разорвана поперек и потом вниз по внутреннему краю. Стивенс просмотрел книгу в надежде найти оторванную часть страницы. Но все, что он обнаружил, были семь Других изуро-

дованных страниц. Быстро пробежав их глазами, он понял, что это происходило всякий раз, когда в тексте упоминался «секрет Большого дома».

Стивенс попытался найти другие причины этого вандализма. Ничего не обнаружив, он опять сосредоточился на главе, которую читал и где упоминалось имя Тезлакоданала. Было интересно узнать, что у него были предки. Ему казалось, что он все еще думает об этом, когда он, вздрогнув, проснулся.

VI

Слабый предутренний свет наполнил комнату. Он был такой неяркий, что Стивенс с трудом различил силуэты двух людей, которые стояли с ним рядом. Он всматривался в темноту с болезненной напряженностью человека, удивленного тем, что посреди ночи его вдруг посетили незваные гости.

Мужской голос произнес:

— Не двигаться, Стивенс!

Стивенс напрягся, услышав этот голос. В нем звучала неподдельная угроза. Стивенс сглотнул, и теперь, когда его глаза привыкли к неясному свету, он увидел в комнате по крайней мере с десяток людей.

Странно, но он почувствовал облегчение. Он подумал, что его сейчас убьют двое. Он не ожидал, что этим займется такое множество народу. Ему подумалось, что все это невозможно объяснить.

Он вдруг расслабился и понял: «Это те, кто бил хлыстом Мистру!»

Двое мужчин, которые стояли с ним рядом, отступили назад. Тот, который произнес первые слова, сказал:

— Стивенс, не делайте резких движений. У нас специальные ночные очки, мы все хорошо видим.

Затем последовала пауза и вопрос:

— Стивенс, кто вы?

Стивенс, который в этот момент пытался представить себе, что такое ночные очки, непроизвольно произнес:

— Кто я? Что вы имеете в виду?

Он хотел продолжить, но остановился. До него вдруг дошла необычность вопроса. К нему опять вернулось чувство страха. «Банда» не стала бы задавать этого вопроса. Они знали, кто он такой.

И тогда он спросил:

— А кто вы такие?

Какая-то женщина будто выдохнула в темноту:

— Я почти вижу, как работает его мозг. Думаю, он не при чем.

Человек, который, видимо, был главным в группе, проигнорировал это замечание. Он сказал:

— Стивенс, в настоящий момент нас не устраивает ваше вмешательство в это дело. Если вы действительно тот, кто вы есть на самом деле, то я вам серьезно советую ответить на наши вопросы. Если вы не тот, за кого себя выдаете, то вы, конечно, попытаетесь обмануть нас.

Стивенс слушал с предельным вниманием. Он чувствовал, как к нему опять возвращается ощущение нереальности. Он вдруг подумал о том, что как адвокат Таннахилла он может получить массу информации. Он сказал почти оживленно:

— Не знаю, к чему вы клоните, но валяйте, спрашивайте.

Где-то в глубине комнаты послышался тихий смех женщины, которая перед этим вмешалась в разговор:

— Он думает, что он что-то узнает.

Мужчина, казалось, был раздражен:

— Моя дорогая, мы ценим твою способность читать мысли, но прошу, воздержись от никому не нужных комментариев.

— Теперь он наивно всполошился, — сказала женщина, но послушно отступила. — Ладно, я молчу.

Последовало молчание, но для Стивенса оно было тяжелым: она читает мысли! Он ощутил себя стоящим на краю черной бездны. Ведь здесь могла идти речь о деньгах и разуме, а жестокость этих людей позволяла хлестать других и убивать без колебаний.

Он опять напрягся и представил вдруг, в каком он оказался положении. «Да ведь я же на суде», —

подумал он.

И он не знал, какое против него выдвинуто обвинение.

Прежде, чем он успел что-то сказать, человек произнес:

— Стивенс, мы исследовали вашу жизнь. У нас вроде не вызывает сомнений тот факт, что существовал ребенок по имени Эллисон Стивенс, который родился тридцать один год назад в Северной Калифорнии. Мальчик под этим именем ходил в школу в маленьком городке, потом пошел в среднюю школу в Сан-Франциско, и, согласно нашим сведениям, он начал службу в Военно-Морском флоте в 1942 году.

Говоривший замолчал. Стивенс кивнул, переносясь мысленно в ушедшую реальность давно минувших событий — он представил себе город, в котором он провел детство; какой-то случай, произошедший в средней школе; день, когда он поднялся на корабль для прохождения действительной службы. Эти события были признанной реальностью. Он ждал. Молчание затянулось; и он понял, что они дают время женщине, которая читает мысли, проверить, что он думает. Это ошеломило его в какой-то степени и меняло характер этого интервью. Но он все же ничего не

мог понять.

И вдруг в доли секунды он понял одну вещь, о которой он раньше не задумывался. Изумленный, он сказал вслух:

— Минутку. А кто, вы полагаете, я такой?

Ответила женщина:

— Я, честно говоря, не думаю, что имеет смысл это продолжать. Я вижу, что за этим ничего нет, удивление, прозвучавшее в его голосе было искренним.

Второй мужчина спросил:

— Тогда зачем он пробрался в квартиру Тезлы?

— Стивенс, ответьте на этот вопрос, и вы свободны! — это уже был первый говоривший.

Стивенс уже было открыл рот, чтобы рассказать, как он увидел Тезлу у здания Уолдорф Армз, но так и не заговорил. Он услышал, как женщина сказала:

— Сейчас он сердится. До него неожиданно дошло, что, видимо, у нас не зря столько решимости, чтобы войти сюда и допрашивать его, словно мы судьи.

Все рассмеялись. Когда смех затих, человек, задававший вопросы, все же спросил непререкаемым тоном:

— И тем не менее, что заставило его войти?

Стивенс, не допускайте, чтобы ваше раздражение захлестнуло здравый смысл. Отвечайте!

Стивенс колебался. На него действовал серьезный тон этого человека, да и потом, почему бы не ответить? Если его ответ поможет ему избавиться от этих опасных людей, то лучше ответить. Он спокойно сказал:

— Я только что разговаривал с Таннахиллом, и он сказал, что Мистра Лэннет была секретарем его дяди. Так я понял, что она одна из вас, и поэтому, когда я увидел… — он заколебался, — как его зовут…

Женщина его прервала.

— Я чувствую, что он не договаривает. Он просто хотел найти Мистру. Я думаю, он влюблен в нее.

Они начали подниматься. Мужчина тихо произнес:

— Возьмите книги, которые он унес!

Дверь открылась. Послышалось шарканье ног выходящих, потом звуки заводимых машин. Гул моторов замер вдали.

Стивенс осмотрел дверь. Сначала Мистра открыла ее, теперь эти люди. Пора было сменить замок, хотя вопрос, откуда у них могли оказаться подходящие ключи, оставался открытым. Он

пошел в одну из спален и в первый раз подумал о том, что женщина, которая читала мысли, упустила один очень важный момент.

Она не поняла, что он нашел путь к квартире Тезлы в ящике стола «Мексиканской торговой компании». Это было очень важное упущение с ее стороны, потому что у него осталось еще несколько других адресов, которые он мог теперь проверить завтра же с утра. Может быть, по одному из этих адресов жила Мистра.

Эта перспектива взволновала его, и с этим он уснул. Он думал: «Она красивая… она красивая… красивая…»

Уже в начале десятого на следующее утро он подходил к дому, который был указан в самом начале списка.

Дом оказался небольшим особняком, расположенным в стороне от дороги за высокой изгородью.

Маленький мальчишка, который пробегал мимо, бросил на ходу:

— О, это дом судьи Адамса.

Почти с равнодушием Стивенс подумал: «Но это странно. Судья Адамс не стал бы…» Он не мог решить, что судья Адамс стал бы, а чего не стал бы делать.

До одиннадцати часов он занимался проверкой десятка адресов, которые он записал. Это без исключения были адреса самых значительных людей в городе: судья Уильям Адамс, судья Олден Поттер, Джон Кэрвелл и Мартин Грант, собственники двух ежедневных газет, шефы трех строительных концернов, Мадлен Милрой, которая владела единственным частным банком в Альмиранте, две известных в свете женщины и известный торговец. И последним в списке, но далеко не последним по значению был Асвелл Дорди, владелец большого сталелитейного завода; высказывали предположение, что хотя он был и молодым человеком, но отошел от дел и поселился в Альмиранте из-за состояния здоровья.

Список был настолько внушительным, что у Стивенса возникло убеждение — он сунул руку в осиное гнездо. Его первое чувство, что он может изобличить членов организации, если они будут продолжать преследовать Таннахилла, уступило место тревожному ощущению, что город находится под жестким контролем. Он подъехал к зданию, где располагалось издательство одной из двух самых крупных газет, и провел более часа в его библиотеке, изучая фотографии самых известных жителей Альмиранта. Он не просил

определенные фотографии и поэтому обнаружил снимки только семерых людей, которых узнал.

Он внимательно рассмотрел их лица, пытаясь решить, могли ли они — с помощью масок — изменить свою внешность и выглядеть, как члены банды, которых он видел. Он не был уверен. Ему придется лично увидеться с ними и услышать, как звучат их голоса. И даже тогда вряд ли он сможет быть уверенным. Голос, как уверял его как-то знакомый актер, можно легко изменить. Что касается внешности, то трудно что-либо решить, потому что люди похожи друг на друга, если относятся к одному типу.

Стивенс вышел из издательства, смутно представляя, что же он будет делать дальше. Было 24 декабря, день неудачный для расследований. Магазины будут открыты до девяти вечера, а большинство офисов уже опустели. Ему очень хотелось получить отпечатки пальцев Таннахилла, хотя как это можно сделать без помощи полиции, оставалось проблемой. Сразу после праздника он распорядится, чтобы мисс Чейнер начала разыскивать документы, которые подписал старший Таннахилл. Отпечатки пальцев, которые могли остаться на документе, вряд ли можно идентифицировать. И все же, это один из шагов, которые

нужно предпринять.

Стивенс неохотно направился домой; в последний момент он решил проехать мимо здания Уолдорф Армз.

Приняв это важное решение, он подумал, что было бы вполне благоразумно припарковаться на расстоянии пяти-шести метров от входа и подождать в надежде, что кто-нибудь да появится. Он простоял там минут десять, когда дверца его машины резко открылась и, тяжело дыша, на сиденье рядом с ним опустилась Мистра Лэннет.

— Мне нужно, чтобы вы помогли мне попасть в мою квартиру, — сказала она. — Я боюсь проходить одна.

VII

Стивенс ничего не ответил и даже не пошевелился. Где-то в глубине сознания у него появилась мысль о том, что он испытывает и удовольствие, и гнев. Он понял, что рад видеть ее и в то же время досадовал, что она выбирала такие мелодраматичные способы, чтобы встретиться с ним. Но он признался себе, что прошлая их встреча, видимо, не могла состояться иначе.

Наконец, он обрел голос.

— Как ваш бок? — спросил он как можно более безразличным голосом.

Мистра сделала нетерпеливый жест.

— Ах это. Прошлой ночью уже все зажило.

На ней был зеленый костюм, который очень шел к ее глазам. Эффект был просто пугающим; она вся будто светилась.

Он удержался, чтобы не сказать об этом вслух. Вместо этого он сказал:

— Я полагаю, вы понимаете, что вам нужно многое объяснить.

Он заметил, что она напряженно смотрит на входную дверь здания. Не глядя на него, она сказала:

— Мы можем поговорить, когда войдем. Пожалуйста, давайте не будем тратить время.

Стивенс сказал:

— Вы имеете в виду, что кто-то может вам помешать войти в вашу квартиру?

— Этого не случится, если со мной рядом будет мужчина.

Мистра начала выходить из машины.

— Пойдемте! — сказала она.

Никто не попытался остановить их. Стивенс, который предыдущей ночью был занят тем, чтобы его никто не увидел, на сей раз был удивлен тем, что смог разглядеть. Потолки были высокие и с удивительно замысловатой отделкой. На полу лежали ковры, которые, видимо, стоили тысячи долларов.

Лифт остановился на третьем этаже, и они прошли вдоль широкого коридора, освещавшегося невидимыми глазу светильниками, которые бросали холодный голубоватый свет на стены и потолок. Мистра постояла какое-то мгновение у двери из прозрачных стеклянных пластин. Стивенс увидел через эту дверь вторую, непрозрачную, которая, казалось, была сделана из металла. Ее ключ скользнул в почти невидимую замочную скважину наружной двери. Она откры-

лась с каким-то хрипящим звуком.

Она вошла внутрь, Стивенс последовал за ней. Она подождала, пока входная дверь не закроется за ним, потом отперла внутреннюю дверь, которая выходила в коридор, где был необычно высокий потолок — около пяти метров, как прикинул Стивенс.

И в комнате, в которую они вошли, потолки были такие же. Стивенс увидел, что Мистра бросила свое боа и сумочку на стул и направилась, видимо, к встроенному бару.

Стивенс достал свой «намбу».

— Думаю, мне лучше осмотреть квартиру.

— Нет необходимости, — сказала Мистра, не поворачиваясь. — Здесь мы в безопасности.

Ее уверенность не убедила его. Он быстро прошел по коридору, который вел в спальни, каждая со своей ванной. Лестница в конце холла вела к запертой двери. Стивенса поразило, что дверь была металлическая и выглядела очень тяжелой.

Он вернулся в гостиную и прошел во второй коридор, который, похоже, был музыкальным холлом. В стеклянных шкафах от пола до потолка стояли альбомы пластинок.

Но это была стена напротив двери. Справа располагалась видимо встроенная электронная

аппаратура: проигрыватель, телевизор, радио и еще, как он определил почти сразу, радиопередатчик. Он покачал головой, повернулся и увидел у стены слева книжные шкафы.

Там стояло много книг, а ему было очень интересно узнать, что Мистра любит читать. Первые полки, с этой точки зрения, его любопытство не удовлетворили. Это были научно-технические книги, как он понял, сотни книг.

Он быстро двигался вдоль полок и подошел к тем, на которых были книги по истории, половина из них на испанском. Он прочел заголовки: «История испанской цивилизации в Америке», «Попул Ву», «Испанское влияние в старой Мексике», «Возникновение Альмиранта», «Танекила Смелый», «История Большого дома».

Звон бокалов, донесшийся из гостиной, положил конец его исследованиям. Звук напомнил ему, что красивую женщину нельзя надолго оставлять одну, если только ее интерес не обращен в другую сторону — к другим мужчинам. Она стояла у бара, доставая бутылки.

Когда он вошел, она спросила:

— Сначала любовь или выпивка?

Стивенса поразило такое прямое приглашение. Он произнес дрожащим голосом:

— Вы у меня опять в долгу?

— Понятно, — беззаботно обронила она, — этот ликер вас в данный момент не привлекает. — Она вышла из-за стойки бара. — Пусть будет так. Но я надеюсь, вы проведете Рождество со мной и мы сможем выпить попозже. — Она взяла его за руку и потянула за собой. — Моя спальня вон там.

Когда они уже лежали в объятиях друг друга, она прошептала:

— Помни, что все мои раны уже залечены. Со мной не нужно обращаться, как с корзинкой с яйцами, которые могут разбиться.

Стивенс почувствовал раздражение.

— Ты не можешь быть просто женщиной, вместо того, чтобы давать указания? Я уверен, ты понимаешь, что с тобой обращаются как надо.

Она помолчала, а потом сказала:

— Ты в этом деле знаток. У тебя наверняка богатый опыт.

— Не такой уж богатый, как бы хотелось, — сказал Стивенс. — Я рад, что ты встретилась на моем пути.

— Надеюсь, ты не разочаруешься.

Она сказала это таким необычным тоном, настолько серьезно, что он подумал: «Она позволила мне любить себя, потому что ей очень

нужно, чтобы я был рядом». Для него эта мысль была, собственно, не новой, но сейчас она показалась ему более реальной, чем раньше. Он вдруг обнаружил, что думает о том, правильно ли она его оценила. Помог ли бы он ей сегодня, если бы не было той предыдущей ночи и ожидания, что его возможно снова пронзит эта столь желанная молния. Как было приятно сознавать, что ему не пришлось делать этот печальный выбор!

Позже она сказала:

— Не одевайся. Накинь только этот халат.

Сама она скользнула в светло-голубой пеньюар, который больше обнажал ее тело, чем скрывал. Она вернулась к бару и, когда наливала какую-то темно-коричневую выпивку в стаканы, спросила:

— Ты хочешь сказать мне, что ни одна женщина в Альмиранте еще не открыла тебя и ты безраздельно мой?

Это не совсем соответствовало действительности, но было верным для настоящего момента. Была одна замужня женщина, которая ушла от мужа и оставила детей, когда узнала, что у мужа есть любовница. Она стала увлечением Стивенса вскоре после того, как он приехал в Альмирант. Она тщательно скрывала их отношения и даже в

постели безостановочно говорила о своей семье. За две недели до Рождества она со слезами на глазах сообщила Стивенсу, что муж просит ее вернуться домой и что она уже не может больше переносить разлуку с детьми. И опрометью бросилась к ним. У него было ощущение, что за месяцы их связи она так и не успела воспринять его как любовника.

Вслух Стивенс сказал:

— Еще ни одна женщина в Альмиранте этого открытия не сделала.

Он ни минуты не сомневался, что говорил это абсолютно честно.

Мистра взяла один из стаканов и поставила перед ним.

— Попробуй это, — сказала она. — Ты, наверное, такого никогда не пробовал.

Стивенс сел на стул и подозрительно посмотрел на жидкость. Она выглядела как плохо очищенная вода.

— Что это?

— Попробуй.

У него было ощущение, будто он поднес ко рту горящую спичку. Огонь обжег ему горло, и теперь он чувствовал горячую волну в пищеводе. Он поставил стакан и начал хватать ртом воздух.

Ему казалось, что голова его дымится. Из глаз брызнули слезы.

Его охватил стыд. Эллисон Стивенс, который глотнул немного ликера, был просто-напросто нокаутирован. Он мигнул, смахивая ресницами слезы, и увидел, что Мистра прихлебывает из стакана и с изумлением наблюдает за ним.

— Не сдавайся, — подбадривающе сказала она. — На вкус это как классическая музыка. Но выветривается быстрее. — Она улыбнулась. — Я имею в виду — лучше, чем любой другой ликер.

Стивенс налил еще. То же ощущение огня. Но на этот раз он не задохнулся, и слезы у него не полились. Проглотив его, он взглянул на молодую женщину.

— Я повторил, — сказал он. — Что это?

— Октли.

Должно быть, Стивенс выглядел озадаченно.

— Это старинный напиток майя, — объяснила Мистра. — Но, конечно, мой собственный вариант.

Упоминание о майя вернуло Стивенса обратно к книгам, которые были у нее в библиотеке. Он выпил еще, почувствовал, что в голове у него затуманилось, и медленно произнес:

— Что все это значит? Кто эти люди, которые

били тебя хлыстом?

— О, — она пожала плечами, — члены клуба.

— Какого клуба?

— Самый исключительный клуб в мире, — ответила она и тихо засмеялась.

— Что нужно, чтобы стать членом этого клуба? — Стивенс не унимался, хотя чувствовал, что она смеется над ним.

— Нужно быть бессмертным, — сказала Мистра. Она опять засмеялась. В глазах ее вспыхнул зеленый свет, а лицо было оживленным и пылало от возбуждения.

Стивенс нахмурился. Было очевидно, что больше она ничего не скажет, если он не откроет карты.

— Послушай, — сказал он решительно. — А что это за книги там? И что это за секрет Большого дома?

Мистра довольно долго в упор смотрела на него. Лицо ее горело, а глаза были неправдоподобно яркими. Наконец, она сказала:

— Мне показалось, что ты был в библиотеке. И сколько ты успел прочесть?

— Сейчас нисколько. — Стивенс рассказал ей о книгах, которые он взял в квартире Тезлакоданала. Она кивнула, думая о чем-то своем, а потом

сказала:

— Этих страниц не было и в моих книгах, когда я их получила.

— А вычеркнутые слова?

Она кивнула. Они молча выпили, прошла минута, и у Стивенса появилось ощущение, что она хотела сказать еще что-то. И она сказала.

— Так случилось, что я знаю вычеркнутые имена. Все эти имена исчезли из книг… — Она засмеялась, вопросительно взглянула на него и закончила, — с помощью обряда.

Стивенс кивнул. Ему было трудно это осознать.

Так вот, значит, как, — хрипло сказал он наконец.

— Значит, вот так.

Он заметил, что она доливает его стакан. Он наблюдал, как она это делает с выражением глуповатой напряженности на лице, и когда она закончила наливать, он взял стакан.

— Что, черт возьми, происходит с Калифорнией? — неопределенно сказал он. — Куда ни сунешься, повсюду какие-то ненормальные культы. — Его захлестнул гнев. — Эта так называемая ранняя мексиканская цивилизация… Если когда-нибудь и существовал народ, который продал душу, так это они.

Ее глаза, следившие за ним, сверкали как бриллианты. Лицо ее, казалось, было в тумане, будто не в фокусе. Стивенс мрачно продолжал:

— Древние мексиканцы превзошли все кровожадные цивилизации. Уже к концу этой мерзкой шайке богов и богинь, размножившихся благодаря воображению невежественных людей, приносили в жертву до пятидесяти тысяч верующих в год. Кровавые дьяволы! Отвратительные, больные умы! Отбросы нашей планеты.

И тут он увидел, что выпил стакан до дна. Он поднялся, шатаясь, облокотился о бар и потом сказал:

— Давай не будем говорить об этом. Давай говорить о тебе. И никакой выпивки. Еще один глоток, и я опьянею.

Он подошел к ней и обнял ее. Она не сопротивлялась его поцелую и ответила на него. Вот так, наверно целую минуту, они стояли и целовались. Затем он выпустил ее из объятий и сказал нетвердым голосом:

— Ты самая красивая женщина, какую я когда-либо встречал.

Он увидел, что она опять смотрит на него и ждет. Казалось, это было приглашение. Последовало еще одно долгое объятие, она ответила ему

так горячо, как только он мог желать.

Но когда он отступил назад, он споткнулся, и комната завертелась у него перед глазами. Стивенс обрел равновесие, ухватившись рукой за бар, и сказал:

— Я под мухой.

— Правильнее было бы сказать — под допингом.

Он уже стоял посреди комнаты, качаясь, глядя на нее сквозь какой-то туман, который все сгущался.

— Я накачала тебя наркотиком, — сказала Мистра.

Стивенс сделал неловкий шаг вперед — и вдруг увидел что на него надвигается пол. Удар! Падение отрезвило его.

— Но почему? Какого…

Это было не последнее, что он помнил. Но это было последнее, что он помнил относительно ясно.

VIII

Стивенс проснулся оттого, что в глаза ему светило солнце. Какое-то время он лежал, тупо уставившись в потолок незнакомой комнаты, а потом вдруг понял, где находится. Он вылез из кровати, и неожиданно его охватили сомнения. Он начал вспоминать, что произошло. Но постепенно расслабился. Он был жив. Его напичкали наркотиками, но независимо от того, зачем это сделали, это было не опасно.

Его одежда лежала на стуле. Он торопливо оделся и выглянул из спальни и тут же вспомнил, что в нескольких метрах от нее по коридору была другая спальня. Он на цыпочках подошел к ней, обнаружил, что дверь открыта, и заглянул внутрь.

Он постоял несколько минут, глядя на спящую Мистру.

Ее спокойное лицо было удивительно молодым. При других обстоятельствах он бы, возможно, подумал, что она моложе, чем он думал, по крайней мере лет на пять-шесть. Он бы дал ей скорее года двадцать четыре, а не тридцать лет.

Он припомнил, что она металась ночью, и он

это ясно слышал. Он не мог вспомнить, был ли он с ней в одной комнате или в комнате рядом. Но несколько раз она кричала и много раз говорила о Большом доме.

Она почти все говорила невнятно. Но кое-что он помнил очень хорошо.

Должно быть, это обожгло его разум так же, как октли обжег его горло. Его потрясло то, что он вспомнил, и он уже был готов уйти, чтобы она его не увидела, как вдруг понял, что она наблюдает за ним.

Наблюдает за ним. Стивенс автоматически отступил назад, у нее были какие-то другие глаза — запавшие, горящие. Он вспомнил тот же странный мерцающий свет в ее глазах как раз перед тем, как он захотел спать так, что Уже ничего не помнил. Это был такой же свет.

И неожиданно он понял, что ей было не двадцать пять и не тридцать. Он вспомнил, что она обронила фразу о бессмертии. «Дом, который стар», — произнесла она в темноте ночи, напряженная от возбуждения, как будто скрытые пласты ее жизни обнажились с нарастающей силой, а вместе с ними какое-то мертвое видение. «Дом, который стар, стар».

Вот так, стоя там, Стивенс окончательно вне

всяких сомнений понял, в чем заключается секрет Большого дома.

И он почувствовал холодок, будто повеяло дыханием смерти, и понял, что она знает, что он знает это. Ее рот был приоткрыт. Она приподнялась на кровати будто навстречу ему. Покрывало, казалось, растаяло на ее теле. Глаза ее в свете солнца, залившего через окно всю комнату, были словно два горящих кратера, лицо с застывшим выражением, казалось, было высечено из камня, а тело стало просто некрасивым, настолько оно было напряжено.

И вдруг, в одно мгновение, напряжение спало. Тело ее расслабилось. Она снова легла и, улыбаясь, сказала лениво:

— В чем дело? Собираешься ускользнуть?

Пауза закончилась. Стивенс, казалось, возвращается из мира фантастики в реальный мир. Он чувствовал себя смущенным. Эта молодая женщина была слишком натуралистична для него.

— Нет, — сказал он. — Я собираюсь побриться.

Ему нужно было ускользнуть от нее. Бриться — это было что-то земное, реальное.

— Ты найдешь все, что нужно для бритья, в ванной внизу, — сказала Мистра.

Бреясь, он неожиданно вспомнил: «Сегодня же

Рождество».

Но он быстро потерял к этому интерес. Мысли его скользнули назад, к Мистре. Из спальни не доносилось ни звука. Вся квартира будто вымерла, и слышно было только его дыхание. В этой тишине его мысль наконец заработала.

Он подумал о том, может ли такая идея, если уж она пришла в голову, появиться опять. Он закончил одеваться и пошел в библиотеку.

«Что мне сейчас нужно, — подумал он, — так это быстро прочесть эти книги».

«Истории Большого дома» не было на прежнем месте. Он просмотрел все полки, но так и не нашел ее. Не было и «Истории Альмиранта» и «Танекилы Смелого».

Изумленный, Стивенс сделал шаг назад. Казалось невероятным, что она спрятала все книги. Он все еще стоял в библиотеке, когда услышал, что шумит душ.

Мистра встала.

Стивенс прошел в гостиную через коридор, в который выходила спальня. Через восточные и южные окна струился солнечный свет, и он подумал, что ночным теням не устоять перед этим сиянием. Он вдруг почувствовал себя одураченным. Все эти фантазии с бессмертием сами

собой испарились. И все же кое-что ему хотелось выяснить.

Дверь в спальню была открыта. Стивенс постучался — достаточно громко, чтобы успокоить свою совесть, но не настолько громко, чтобы этот стук можно было расслышать за шумом душа. Он увидел, что дверь в ванную приоткрыта. Легкая дымка пара лениво выползала оттуда.

Шум воды прекратился. Послышалось шлепанье босых ног. Потом тишина. А затем мурлыча что-то, из ванной появилась Мистра, завернувшись в огромный халат. Она посмотрела на него задумчивыми глазами, но ничего не сказала. Потом села перед массивным туалетным столиком и качала причесываться.

Стивенс ждал. У него вновь возникло неприятное чувство, которое он испытывал раньше в ее присутствии, сейчас оно было не таким сильным, исчезла неопределенность, оно стало более личным.

Он подумал, что она красивая женщина, если думать о красоте, как таковой — о приятной внешности, зрелости, уверенности в себе. Лицо ее, обрамленное светлыми волосами, с яркими зелеными глазами и красивыми чертами выглядело молодым и умным. Легкий загар и чистые линии

лица придавали ей вид европейской женщины. Возможно, ее предки по женской линии останавливали выбор на мужчинах строго определенной расы. В жилах этой женщины текла кровь искателя приключений, как и у ее предков.

Он вдруг понял, что его размышления отвлекли его от главной цели, с которой он и подошел к дверям спальни. Он напрягся и сказал:

— Мне кажется, что ночью тебя интересовал вопрос, где добывали мрамор, из которого построен Большой дом? Кто-нибудь знает это?

Он увидел в зеркале ее лицо и заметил, какое напряженное выражение на нем появилось. Глаза ее переместились, и теперь оно смотрело на него, раздумывая о чем-то.

Он уже было подумал, что она и не собирается отвечать, когда она сказала:

— Значит, я бредила из-за этого октли, да? — Она Фуг засмеялась и, все еще смеясь, добавила: — Думаю, не пора кончать с этим напитком.

Стивенс про себя отметил, что это не был смех человека, которому весело, и что она не ответила на его вопрос.

Он подождал, пока она перестала смеяться, и сказал:

— Так об этом мраморе…

Она обрезала его.

— Откуда я знаю? Этому чертову дому больше тысячи лет.

Но Стивенс настаивал:

— Я так понял из первого абзаца книги о Большом доме, что никто не знает, кто построил его, но все же должны существовать какие-то предположения, откуда появился этот камень.

Глядя на отражение лица Мистры в зеркале, он увидел, что она смотрит на него и иронически улыбается:

— Я уже перестала удивляться тому, как люди реагируют на вещи. Вот сидишь ты со своими предположениями. Тебе, кажется, наплевать, что я напоила тебя наркотиком. Судя по выражению твоего лица и по вопросам, которые ты задаешь, мои объяснения кажутся тебе вполне разумными. Но все равно тебе этого недостаточно, и ты продолжаешь бороться.

Стивенс немного наклонился вперед, напряженно слушая, что она говорит. Теперь он откинулся на спинку стула, чувствуя себя одураченным. Существовал культ старой кровавой религии. Члены ее секты жили теперь под именами давно умерших людей. Это была тайная группа людей аморальных, возможно даже, что

они были преступниками. Сам того не сознавая, он почувствовал, что погрузился в эту искусственную атмосферу, когда где-то через полчаса его вдруг осенила мысль о невозможном.

Он медленно произнес:

— Почему ты напоила меня наркотиком?

Она ответила без колебаний:

— Я сбила тебя с толку, чтобы выяснить, могу ли я кое-что узнать.

— Не понимаю.

Она пожала плечами.

— Я хотела узнать, возможно ли, что ты тот человек, которым, как все опасаются, ты можешь оказаться.

Стивенсу потребовалось некоторое время, чтобы постараться понять, о чем она говорит. Он удивленно спросил:

— А кто, они думают, я такой?

Она повернулась и в упор посмотрела на него.

— Ты еще не понял? — В голосе ее звучало изумление. Она будто в нерешительности помолчала некоторое время, а потом сказала: — Кто-то построил Большой дом. Кто? Всех волновал этот вопрос все годы.

Это объяснение разочаровало Стивенса. Опять какая-то чертовщина, ему стало неинтересно.

Мистра сказала:

— Если ты — строитель, то тебе удалось это скрыть от меня. Ну да Бог с ним, остальные еще попытаются это выяснить.

Это напугало его. Потому что — чертовщина или нет — но одного человека уже убили. Почему бы не устранить таким же образом Эллисона Стивенса, если они считают его опасным? Убить, потому что какой-то ненормальный думает, что ему уже тысяча лет. Он сказал обеспокоенно:

— Кто убил Джона Форда, сторожа? Это ведь взаимосвязано, да?

Она покачала головой и сказала серьезно:

— Это сделали не члены нашей группы. Наша женщина-телепат проверила всех, пятьдесят три человека.

— Пятьдесят три! — вырвалось у Стивенса. Он не ожидал услышать такую точную цифру.

Но Мистра, казалось, пропустила это мимо ушей.

— Видимо, это обычное убийство. — Она замолчала. — Может, это будет полезно для осуществления моих планов. Я еще не знаю.

Ее планов! Это замечание насторожило Стивенса. Именно это он и хотел узнать. Он наклонился к ней и даже не ожидая сколько-нибудь серьез-

ного ответа, спросил:

— А какие у тебя планы?

Последовало долгое молчание. Лицо ее, отражавшееся в зеркале, стало задумчивым. Наконец, медлительным жестом она открыла ящик и вынула оттуда какой-то лист. Не глядя на него, она сказала:

— Это ультиматум правительству Лориллы, который я в ближайшее время собираюсь передать по радио. Время, которое я им даю, будет отсчитываться с того дня, как я передам это сообщение по радио. Марс упоминается здесь из психологических соображений. Я хочу поселить в них достаточно сомнений, чтобы они эвакуировали фабрики, которые я называю. Но послушай!

Медленно, ясным, твердым голосом она прочла:

«Рабочим атомной станции, известной под названием Блэкаут. Ровно через два часа ваш завод будет разрушен потоками энергии с космического корабля. Это нападение будет осуществлено обитателями планеты Марс, поскольку они узнали, что ваши лидеры планируют неожиданное атомное нападение на Соединенные Штаты Америки.

Быстро идите домой. Не позволяйте никому се-

бя останавливать, когда будете уходить с фабрик в 12 часов дня. Защита невозможна.

Атомная война на Земле не будет допущена!»

Она подняла глаза и сказала, будто речь шла об обычных вещах:

— Я могу изменить время, но остальное останется без изменений. Что ты думаешь об этом?

Стивенс едва ее слышал. У него сначала помутилось в голове, но постепенно он пришел в себя:

— Ты сошла с ума? — наконец произнес он.

Она была спокойна.

— Я абсолютно нормальна и очень решительно настроена и, в какой-то степени, рассчитываю на твою помощь. Никто не может проникнуть в хорошо защищенную крепость.

Стивенс в замешательстве сказал:

— Если ты сейчас атакуешь Лориллу, они подумают, что это сделали Соединенные Штаты, и немедленно последует ответный удар.

Она посмотрела на него, сжав губы, а потом покачала головой:

— Это люди смелые, но хитрые; они планировали сбросить бомбы неожиданно и потом отрицать, что это сделали они. Ты не понимаешь, насколько это ужасно.

Стивенс сказал:

— У них это бы не вышло.

— Вышло бы. — Она говорила ровным голосом. — Если бы все важнейшие города Соединенных Штатов были стерты с лица земли, их сердце и промышленный стержень были бы разрушены. Кто бы объявил войну, если бы первые бомбы были сброшены на Вашингтон во время заседания Конгресса? — Мистра покачала головой, глаза ее сверкнули. — Мой друг, надо быть реалистом. Уверяю тебя, что наша группа не стала бы думать о том, чтобы покинуть Землю, если бы речь шла не о той страшной опасности, о которой я рассказала.

Стивенс колебался, а потом подумал почти смущенно «Я так реагирую, будто верю, что у них есть космические корабли, будто…»

Его взгляд упал на лист бумаги, который она держала в руках:

— Дай мне взглянуть на ультиматум.

Она протянула его с таинственной улыбкой на лице. Стивенс взял лист и, лишь бросив на него взгляд, понял, почему она так улыбалась. Текст был написан на иностранном языке. Он не знал лориллийского достаточно хорошо, чтобы определить, на нем ли написан текст, но подумал, что вероятнее всего это так.

Мистра опять заговорила:

— Это и есть причина раскола между мной и остальными. Они хотят разобрать Белый дом и увезти его с Земли, пока буря не закончится. А я считаю, что мы несем ответственность за Землю — что мы не имеем права использовать наши знания только для личного удовольствия, как делали это раньше.

— Куда они полетят? — Задав этот вопрос, Стивенс почувствовал, что подался вперед и, затаив дыхание, ожидает ответа.

Она, казалось, не замечала его волнения:

— На Марс, — сказала она обыденным тоном. — У нас там есть подземный центр, где дом будет в безопасности.

— Вы все туда полетите?

— Только если начнется война.

Стивенс сжал губы.

— Может быть, ваши страхи напрасны? Даже если предположить, что Лорилла намеревается это сделать, ты думаешь, они сбросят бомбу на Альмирант?

Она мрачно улыбнулась.

— Нет, но если прибрежные воды Лос-Анджелеса и Сан-Франциско будут Заражены радиоактивностью, то и мы будем подвержены опасности.

И потом все это может повлиять на мрамор, на то, что содержится в нем и наделяет свойством долго жить. И даже те из нас, кто был против того, чтобы улетать, понимают, что этим мы не можем рисковать.

Стивенс уже было заговорил, но вдруг его осенило, что она сделала признание. И он быстро сказал:

— То есть, кроме тебя, были и другие, кто возражал против того, чтобы покинуть Землю? Почему они не понимают тебя сейчас?

Губы ее сжались.

— Возражал, естественно, Таннахилл. Здесь он собственник дома. А на, Марсе нет государственной милиции, которая бы защитила его право собственности. Он потеряет преимущество, которое у него есть здесь перед всеми нами.

— Понятно, — кивнул Стивенс. Он понимал дилемму Таннахилла. Он нахмурился. — Я только не понимаю, чего хотели добиться, стреляя в него. Ведь его сопротивления это бы не сломило.

— Это не имеет отношения к делу. — Она начинала терять терпение. — Мы придумали выход из положения. Группа поставила себя в финансовую зависимость от Таннахилла и решила откупиться от него. Каждый член группы должен был отпи-

сать свою собственность Таннахиллу, а взамен получить какой-то годовой доход. И если бы обнаружили, что кто-то пытается скопить деньги или сколотить состояние, то он был бы наказан.

— Но ведь ты говоришь о деньгах, — запротестовал Стивенс. — Если этот дом такой, как ты думаешь, то он бесценный.

— Не забывай, что план этот придуман для того, чтобы защитить дом от возможного дальнейшего разрушения. — И Мистра жестом будто отвергла его аргумент. — План должен сработать. Все настолько поверили в него, что после того, как в Таннахилла выстрелили, они подождали, пока жизнь его будет вне опасности, устроили эти мнимые похороны и продолжали переводить на его счет деньги с тем, чтобы все было готово к отбытию к тому моменту, когда Таннахилл придет в себя и подпишет бумагу о передаче права на дом.

И вдруг Стивенса осенило.

— Понятно. Значит Таннахилл и его дядя — это одно и то же лицо? И когда он пришел в себя, он забыл свое прошлое?

— Это сделала я. Я отправилась в больницу и напичкала его наркотиками. Это их очень удивило, они не могли понять, в чем дело.

— Ты отравила его наркотиками и разрушила его память!

Это был не вопрос. Он ей верил. Разговаривая с этой молодой женщиной, у которой была железная воля, он все время ощущал: то, что она рассказывала, было выше его понимания.

В этот момент Стивенс подумал: «Я, юридическое лицо, представляющее интересы Таннахилла, сижу здесь и все слушаю». У него в мыслях не было использовать эту информацию против нее. Ведь это недоказуемо и, видимо, здесь замешана самая современная химия. Кто этому поверит?

Мистра объяснила:

— Механизмом потери памяти очень легко управлять. Это можно делать волевым усилием, вводя человека в состояние глубокого транса с помощью гипноза. А наркотик, который я ему дала, просто имеет более длительный период воздействия. И в любой момент я могу дать ему что-то вроде противоядия.

— Почему этого не сделают другие?

— Потому что, — и она загадочно улыбнулась, — они не знают, какую дозу я ему дала и какой наркотик использовала. Если этого не знать, то любое вмешательство может представлять опасность для его здоровья.

Стивенс удивленно покачал головой, он все еще как-то не верил. Он спросил:

— Но если не ты стреляла в Таннахилла, то кто?

— Должно быть, это была просто стрельба на улице. Наша читательница мыслей — телепат — установила точно, что никто из нашей группы этого не делал.

Стивенс вспомнил, как читательница мыслей не смогла прочитать все, о чем он думал, поколебался, а потом сказал:

— Создается впечатление, что вы во многом зависите от нее.

Он опять помолчал, ему не хотелось говорить о том, что она не смогла прочесть в его мыслях очень важную информацию. Потом сказал:

— Я имею в виду, что просто трудно поверить: в такой решающий момент случайный выстрел сразил владельца Большого дома. Может быть, кто-то еще отказался покинуть Землю?

— Еще один, кроме меня. Но он передумал, когда передумал Таннахилл.

— Ты имеешь в виду, что он, очевидно, передумал.

— Тризель выяснила это.

— Тризель — это имя телепата?

— Да. И нельзя недооценивать случайности выстрела. Такие вещи и есть ужас нашей жизни. Крушения. Пьяные водители. Маньяки. Поджигатели. Гангстеры.

Война.

— И все же. — Стивенс заколебался и встал, так и не окончив фразу. Потом добавил: — Вся эта история с Таннахиллом оставляет у меня ощущение, будто меня отстраняют от дел. Мне нужно позвонить ему, несмотря на то, что сегодня Рождество.

Мистра повернулась и в упор посмотрела на него. На лице ее было написано изумление.

— Рождество! — повторила она. — Нет, этот наркотик действительно выбил у тебя почву из-под ног, а? Сегодня двадцать шестое. Разве ты не помнишь?

— Какое? — переспросил Стивенс.

После первого шока он как-то обмяк и старался вспомнить. Но кроме того, что он уже вспомнил, он больше припомнить ничего не смог — только долгую ночь, когда он просыпался от вскриков Мистры.

Он застонал:

— Мне лучше позвонить сейчас и побыстрее.

Он поспешил в гостиную, где был телефон.

Сначала он позвонил Таннахиллу, формулируя про себя извинения. Но этого не потребовалось. Таннахилл сказал:

— Я как раз собирался вам звонить, Стивенс. У меня человек, с которым мне бы хотелось, чтобы вы встретились. Мы будем у вас через час. Надеюсь, вы хорошо провели Рождество.

Стивенс ответил, что Рождество он провел хорошо, объяснил, что он не дома, но будет там очень скоро и с облегчением повесил трубку. Голос Таннахилла был спокойным. Значит, ничего необычного не случилось.

Ему стало намного лучше. Он набрал номер телефона своего офиса, трубку сняли, и он услышал голос своей секретарши:

— Альмирант 852.

Стивенс начал говорить:

— Мисс Чейнер. Я хочу…

Но она его перебила:

— О, мистер Стивенс, я очень рада, что вы позвонили. Убийство. В канун Рождества убили мистера Дженкинза, лифтера.

IX

— Убили! — повторил Стивенс и замолчал. Есть ли здесь какая-то взаимосвязь? Ведь Дженкинз, хоть и косвенно, но был служащим Таннахилла. Но не поддавалось определению, как он входит в эту длинную цепь событий. И все же — сначала убили сторожа, теперь лифтера. Кто-то действует жестоко и решительно. И если это не группа, то кто?

Он начал задавать вопросы. Известных фактов, оказалось, было очень мало. Дженкинза нашли возле лифта, из спины его торчал нож. Поскольку было известно, что причиной убийства могла быть ревность, его жена была арестована и находилась под стражей.

Когда он выяснил все, что можно было, он почувствовал себя очень неважно. Дженкинз был ему симпатичен.

— Послушайте, — наконец сказал он, — сегодня попозже я буду на месте. До свидания.

Он повесил трубку и сидел, нахмурившись. События нарастали. К чему это приведет, было неясно. Но из слов Мистры следовало, что группа не придает особого значения убийству сторожа,

по крайней мере до тех пор, пока оно не касается Таннахилла.

Но ведь они могли и не догадываться, что смерть Дженкинза имеет какое-то отношение к Таннахиллу. Возможно, так оно и есть, но это еще нужно доказать. Стивенс чувствовал, что он может доказать это, как и многое другое.

Он вернулся в холл, постучал в дверь Мистры и, подождав мгновение, вошел. Мистра вопросительно посмотрела на него, и Стивенс объяснил, что он должен немедленно уехать на встречу с Таннахиллом. Обеспокоенный, он закончил:

— А что ты?

— Все в порядке, — сказала она небрежно.

— Может, тебе лучше уйти?

— Нет, — ответила она холодно. — Меня волновало, как попасть в квартиру. Я тебе уже говорила, теперь я в безопасности.

Стивенса охватили сомнения, ведь он все еще не знал, чего она опасалась. Он спросил:

— А почему ты боялась, что не попадешь сюда?

— Потому что, — сказала Мистра, — они не хотят, чтобы у меня был корабль.

Стивенс открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

— Корабль! — повторил он. Он чувствовал се-

бя сбитым с толку и, как ни странно, не хотел продолжать обсуждение всего этого. Он сказал:
— Я бы мог вернуться попозже и вывести тебя отсюда.

— Спасибо, — сказала она безразличным голосом. — Но меня здесь не будет.

Стивенс с сожалением подумал о том, что такой основательный от ворот поворот он получает впервые в жизни. Он с любопытством посмотрел на нее.

— Ты не боишься, что я кому-нибудь расскажу то, о чем мы тут с тобой говорили?

— И люди подумают, что ты сошел с ума. — Она рассмеялась.

И все же ему не хотелось уходить.

— Я еще увижу тебя?

— Возможно.

Стивенс попрощался и вышел из спальни, еще надеясь, что она позовет его или хотя бы тепло попрощается. Но она этого не сделала. Она открыла обе входные двери и захлопнула их за ним. Он спустился вниз на лифте и уже стоял на улице, жмурясь от яркого дневного солнца.

Часы его остановились, но он понял, что было около часа.

В бунгало Стивенс добрался уже без всяких

приключений.

Таннахилл приехал минут через десять, один. Стивенс открыл дверь и даже с каким-то испугом подумал о том, что это их первая встреча днем. И все же он узнал бы Таннахилла где угодно. Бледный, стройный молодой человек, с впалыми щеками, который ходил, опираясь на трость, — вот так он выглядел на снимке в газете, а если к этому прибавить его впечатления от встречи в темноте кладбища, то узнать Таннахилла было довольно легко.

Стивенс хотел помочь ему войти, но Таннахилл отвел его руку в сторону.

— Мы решили приехать отдельно, — сказал он, — поэтому я оказался здесь рано.

Не объясняя, кто же был второй человек, которого он хотел привезти с собой, он прошел, хромая, в гостиную и сел. Стивенс старался как можно более незаметно рассмотреть его. Он пытался представить себе, как он выглядел до того, как в него выстрелили. Танекила Смелый, несгибаемой воли капитан испанского судна семнадцатого века, которому было несколько сотен лет. Это казалось нереальным, потому что этот человек чувствовал себя несчастным и загнанным в угол. Все это и должно быть нереальным.

Таннахилл посмотрел в пол, глубоко вздохнул и сказал:

— Должен признаться, Стивенс, прошлой ночью вы из меня выудили больше, чем я собирался хоть кому-то рассказывать. Более того, я ощущаю необходимость рассказать вам больше.

Он замолчал и выжидательно посмотрел на Стивенса, который покачал головой и сказал:

— Я могу только повторить — я исхожу из ваших интересов.

Таннахилл продолжал:

— Я скажу вам кое-что, что я собирался хранить как глубочайший секрет. — Он на мгновение замолчал, а потом произнес: — Стивенс, я помню, как я был в гробу.

Стивенс молчаливо ждал. Ему казалось, что одно оброненное слово может все испортить. Таннахилл заметил:

— Мне лучше поторопиться, пока нас не прервали.

В нескольких словах он рассказал, как его вытащили из больничной кровати, умчали на космическом корабле куда-то очень далеко, похоронили заживо, а потом вернули в больницу.

Таннахилл замолчал, в большой гостиной воцарилось молчание. Стивенс поколебался

мгновение, а потом спросил:

— На каком этаже вы были? В больнице?

— Когда я уже проснулся, я был на пятом. А до этого не знаю.

Стивенс, нахмурившись, кивнул:

— Это можно проверить. Интересно, опускали ли вас именно с пятого этажа. Как им в этом случае удалось это сделать?

Ему очень хотелось спросить и о космическом корабле, но в свете того, что он знал, ему это казалось слишком опасным. Он почему-то почувствовал облегчение при мысли о космических кораблях, но ведь и так эта группа бессмертных могла владеть достаточно совершенной техникой, чтобы опередить весь мир. Он понял, что еще верит всему, что ему рассказала Мистра.

Звук подъезжающей машины вывел его из состояния задумчивости. Машина повернула на дорожку, и было слышно, как она сбавила скорость, карабкаясь вверх по пологому холму, который вел прямо к дому. Стивенс вопросительно взглянул на Таннахилла, который торопливо объяснил:

— Когда я был в Лос-Анджелесе, я нанял детектива. Это, должно быть, он. Как много я могу ему рассказать?

— Детектив! — произнес Стивенс. Этого он ожидал меньше всего и почувствовал разочарование. Это, кажется, действительно доказывало, что Таннахилл говорил правду, — но разочарование нарастало. Он осторожно ответил на его вопрос безразличным тоном:

— Зависит от того, что он из себя представляет.

Машина уже остановилась. Зашуршал под ногами гравий, послышался звук шагов по ступенькам. Зазвенел звонок.

Через мгновение перед Стивенсом стоял человек небольшого роста, но крепкого телосложения.

— Билл Риггз? — переспросил Стивенс.

— Билл Риггз, — подтвердил человек с усыпанным веснушками лицом.

Такое имя не забывалось. Они обменялись рукопожатием, стоя в нерешительности какое-то мгновение, и Риггз сказал:

— Вам придется потратить пару минут, чтобы узнать, что я из себя представляю.

Таннахилл кивнул, Стивенс остался безразличным. Он рассеянно слушал, как Риггз рассказывал о себе. Он пытался сосредоточиться, когда Таннахилл повернулся к нему и спросил:

— Ну, что вы думаете, Стивенс?

Стивенс спросил в свою очередь:

— Вы знали мистера Риггза до того, как наняли его?

— Никогда в жизни не видел его.

Получалось, что Риггз — никак не связанный с местными событиями человек, который может оценить их объективно. Если бы ему удалось найти того, кто написал Хаулэнду записку, это было бы очень кстати.

— Я думаю, — сказал Стивенс, — что вам лучше обо всем ему рассказать.

Таннахилл согласился, видимо, без всяких колебаний. Он прервал рассказ только для того, чтобы попросить Стивенса пересказать содержание записки, которую прокурор округа показал ему. Когда он начал рассказывать о том, как позднее обнаружил, что дата его исчезновения из больницы совпала с датой похорон Ньютона Таннахилла, в голосе его послышались колебания, но он все же рассказал об этом.

Когда Таннахилл закончил, Риггз спросил:

— А как насчет отпечатков пальцев?

Стивенс заколебался. Если то, что сказала Мистра, правда, то возможно отпечатки пальцев будут кстати. Он сказал:

— До сих пор ничего не обнаружено.

Риггз кивнул и сказал:

— Если дело дойдет до суда, постарайтесь, насколько только это возможно, избегать этой истории с потерей памяти. Это в общем-то обычная вещь, но в деле об убийстве это все звучит страшно подозрительно. — Неожиданно он переменил тему. — Ну, ладно, думаю мне пора браться за дело.

Он уже пошел к двери, потом опять повернулся к ним.

— Я, естественно, порасспрашивал о вас в городе, понятное дело, очень осторожно и аккуратно. Я узнал, что Таннахиллам принадлежит четверть всей территории Калифорнии, но еще я выяснил, как вы и говорили мне, что в Альмиранте вас практически не знают.

Он помолчал, и Таннахилл не выдержал:

— Ну?

— Видите ли, сэр, — объяснил Риггз, — быть неизвестной личностью трудно. Первое чувство, которое у людей вызывает тот, у кого водятся деньги, — зависть. У них должно быть какое-то ощущение взаимной заинтересованности с ним. Мой совет — выложите немного своих деньжат. Пусть люди думают, что вы хотите поделиться своей удачей. И когда дело дойдет до суда, они

будут смотреть на все это с точки зрения людей, на чьи прибыли хотят посягнуть.

Таннахилл взглянул на Стивенса, тот кивнул и сказал:

— Это дельное предложение. Я начну тратить деньги немедленно, мистер Таннахилл.

Риггз открыл дверь и опять повернулся:

— Я позвоню вам, как только найду первые следы.

Из окна Стивенс смотрел, как старенький седан детектива появился на асфальтированной дорожке внизу, обогнул ряд плотно посаженных деревьев и исчез. Эта встреча произвела на него лучшее впечатление, чем он ожидал.

— Думаю, что мы заполучили стоящего человека, — сказал он.

И только, когда он произнес эту фразу, до него вдруг Дошло, насколько неосознанно он произнес это «мы». Это было не лишнее замечание — то, которое можно было ожидать от преданного адвоката. И еще оно означало, что в глубине мыслей он все еще надеялся, что жизнь может идти как раньше.

На самом деле такого, конечно, не могло быть. Ему рассказали, что существует дом, в котором люди могут обрести бессмертие. Если это

действительно так, то он понимал, что иметь юридические права на этот дом было очень важно. Нанеся удар по законному владельцу, Мистра нарушила образ жизни всей группы бессмертных.

Заговорил Таннахилл:

— Стивенс, позвоните, пожалуйста, в агентство Ильверса по найму и выясните, подыскали ли они мне кого-нибудь. — И вдруг он спросил: — А где кухня? Мне нужно глотнуть воды.

Стивенс показал ему, потом позвонил в агентство. Трубку снял какой-то мужчина, и Стивенс начал объяснять:

— Я звоню по поручению мистера Таннахилла…

Но его перебили.

— О, пожалуйста, у меня есть для него кое-что. Это говорит Ильверс. Передайте мистеру Таннахиллу, что я нашел для него экономку.

Стивенс все записал. Оказалось, что претендентка придет в офис для беседы двадцать восьмого, и Ильверс заверил Стивенса, что все будет в порядке. Ему просто очень повезло, что он нашел двух таких опытных слуг.

Стивенс как раз вешал трубку, когда вошел Таннахилл. Стивенс передал ему содержание

разговора. Таннахилл кивнул и сказал:

— У меня есть идея пообедать в городе, а потом поставить выпивку за счет Таннахилла. — Его бледные щеки порозовели. — Честно говоря, мне и самому это нужно. Может, присоединитесь?

Стивенс покачал головой.

— Я лучше останусь и постараюсь связаться с Пили. Если мне это удастся, я потом найду вас и взгляну, как у вас идут дела.

Он проводил Таннахилла, взглянул на часы и, застонав, — уже было больше трех, — быстро набрал номер телефонной компании. Последовала долгая пауза, и телефонистка сказала:

— Вы заказали разговор лично с мистером Пили, мистер Стивенс. Мы звонили ему домой и в офис несколько раз, но его нет на месте. Вы будете говорить с кем-нибудь из тех, кто есть дома?

— О, да! — ответил Стивенс.

Прошло полминуты, и затем человек, который назвался его слугой, сказал:

— Мистер Пили уехал отдохнуть в уединенное место, сэр… Нет, сэр, мы еще не знаем его адреса. Это беспокоит нас со времени вашего первого звонка… Мистер Пили сказал, что свяжется с нами, но до сих пор не сделал этого. У нас лежит ваша телеграмма.

Стивенс попросил передать адвокату, чтобы он при первой же возможности связался по телефону «или с мистером Таннахиллом, или с мистером Стивенсом».

Когда Стивенс ехал в город, небо было похожим на голубой бархат, а воздух прохладным и свежим. В Палмз Билдинг был новый лифтер, в котором Стивенс признал их дворника. Старик рассказал ему то, что знал о случае с Дженкинзом.

Тело Дженкинза убрали вскоре после того, как его обнаружили. Но Стивенс попросил лифтера показать, где оно лежало. Труп был обнаружен на верхних ступенях лестницы, ведущей в подвал, как раз за лифтом. Стивенс не обнаружил никаких признаков, ни одной улики, говорящей о том, что Дженкинз боролся за свою жизнь.

Раздосадованный, но понимая, что он делает лишь первые шаги, Стивенс поднялся в свой офис. Он оставался там ровно столько, сколько нужно, чтобы узнать, где жил Дженкинз. Он достаточно хорошо себе представлял, что творится в доме Дженкинза, и поскольку его жена, миссис Дженкинз, была в тюрьме, а ему все же хотелось кое-что разузнать, он поехал к дому кратчайшим путем. Это был бедный район города… Высокие

пальмы, оштукатуренные бунгало.

Стивенс позвонил, но никто ему не открыл. Он пошел по заросшей каменной дорожке к заднему входу. Двор был завален мусором и порос давно не стриженной травой. В дальнем конце двора был гараж, а под деревом на северной стороне стоял небольшой трейлер. Из металлической трубы, которая торчала из трейлера, тянулась слабая тоненькая струйка дыма. Стивенс подошел и постучал в дверь.

На пороге появилась женщина, в которой он узнал Мэдж, одну из уборщиц в Палмз Билдинг.

Она ахнула от удивления, когда увидела его:

— Ой, да это же мистер Стивенс! — воскликнула она.

— Я ищу миссис Дженкинз, — солгал Стивенс.

Ее худое увядшее лицо приняло чопорное выражение:

— Ее арестовали. Полиция думает, что это она убила старика.

Стивенс с сомнением смотрел на Мэдж. Он приехал, чтобы побольше разузнать, и ему было на руку, что она в курсе всех секретов и сплетен Палмз Билдинга. Он постарался выглядеть как можно более обаятельным.

— А ты, Мэдж, думаешь, что это она?

Ее проницательные яркие глаза моргнули:

— Ну нет. Зачем это ей его убивать? И она совсем не из тех, у кого мог быть кто-то другой. Таким женщинам приходится быть осторожными. — Было очевидно, что Мэдж себя к таким не причисляла.

Она, похоже была готова поговорить, и поскольку болтливая Дженкинз вряд ли что-либо утаивала от нее, казалось, можно надеяться, что она кое-что знает.

— Мэдж, — сказал он — я хочу, чтобы ты припомнила все, что происходило за несколько дней до убийства Дженкинза. Постарайся вспомнить, что он говорил тебе. Какая-нибудь мелочь может помочь найти след, который мы ищем.

Мэдж пожала плечами.

— Не думаю, что я могу вам оказаться полезной, мистер Стивенс. Билл говорил мне о крике, который вы слышали в офисе индейцев. — Она хихикнула. — А когда мистер Пили приехал чуть позже той же ночью, он тоже упомянул об этом и…

— Пили! — воскликнул Стивенс. У него вдруг помутилось в голове. Он взял себя в руки. — Ты имеешь в виду мистера Уолтера Пили, адвоката из Лос-Анджелеса?

— Ну да, именно его. Он всегда дает Биллу десятидолларовую банкноту, когда приезжает, и вообще он шикарный парень.

— Да, — рассеянно сказал Стивенс, — конечно, он шикарный парень.

Неожиданно у него в голове возникла фантастическая, неясная картина, но что ему надо вспомнить из нее?

Он вспомнил, как тогда, в первую ночь, Тезлакоданал открыл дверь «Мексиканской торговой компании», ожидая увидеть человека большого роста.

Он не думал, что Пили был членом этой группы — он понял это сейчас — поскольку Мистра сказала ему, что Танекила имеет права на Большой дом. Очевидно, для этой мрачной личности было достаточно, что он наделен правом собственности. Он не возражал, чтобы другие занимались мелочами, связанными с управлением.

Стивенс медленно произнес:

— Слушай, Мэдж, если ты вспомнишь что-нибудь еще, скажи об этом сначала мне. Ладно?

— Не сомневайтесь, — заверила его Мэдж.

Он ушел, теряясь в догадках, зачем Пили надо было убивать Дженкинза — если это сделал он. Было маловероятно, чтобы Пили волновало, что

кто-то знает о его приезде в город. Пили не должен был отчитываться перед Эллисоном Стивенсом или перед кем бы то ни было за то, что он делал и куда ездил.

Он опять поехал в город и, посмотрев на часы, увидел, что уже начало шестого.

Стивенс пообедал в городе, а потом более двух часов сидел в своей машине у здания Уолдорф Армз, наблюдая за тем, кто входил и выходил. У него уже существовала своя теория относительно того, кто населял это здание. Это были члены группы, которые в данный момент не маскировались под респектабельных граждан. Таким, как Мистра, это было просто ни к чему.

Пока он наблюдал, из дома вышли и вошли пять человек. Из пяти Стивенс смог разглядеть только двоих, оба они были белые, имели незаурядную внешность и ни одного из них он не видел раньше.

Около девяти часов он закончил наблюдение и отправился к Палмз Билдинг.

Он испытал чувство разочарования и облегчения, когда увидел, что в офисе «Мексиканской торговой компании» темно. Он прислушался у двери, пока не убедился, что там никого нет, а затем воспользовался своим ключом, чтобы вой-

ти. Осмелев теперь, он щелкнул выключателем, убедился, что он действительно один в офисе и сразу же увидел книгу, в которой были адреса людей, с которыми «Мексиканская торговая компания» вела дела. Он записал еще двадцать два адреса вдобавок к тем, которые у него уже были. Закончив эту работу, Стивенс повернул одну из глиняных фигурок на бок и думал, как проникнуть во внутренний механизм, когда вдруг услышал какой-то звук. Он резко обернулся и вскочил на ноги. В дверях стоял человек и смотрел на него. Незнакомец был высокого роста и хорошо сложен и казался просто удивительно знакомым. И все же прошло несколько мгновений, прежде чем до Стивенса все дошло.

На этом человеке была надета маска Эллисона Стивенса. У Стивенса было ощущение, что он смотрится в зеркало — и тут погас свет.

X

Он очнулся в темноте. Видимо, он лежал на голом земляном полу. Стивенс осторожно ощупал руками пространство вокруг себя. Сомнений не было — земля. Он вспомнил, что, видимо, его сбили сзади и он потерял сознание.

Он оцепенел от этих воспоминаний и почувствовал боль в затылке, но не обнаружил ни ранений, ни каких-то участков на теле, которые бы отзывались болью на прикосновение. Озадаченный, он с трудом поднялся на ноги и стал искать пистолет. К его облегчению, он был в кармане. Через несколько минут он нашел и спички. Когда он зажег первую спичку, пламя вспыхнуло и погасло прежде, чем он успел что-либо увидеть. Он сразу зажег вторую и, прикрыв пламя ладонью, увидел мельком голую землю над головой, по сторонам и внизу.

Пещера.

Спичка погасла, и он опять оказался в темноте. С твердой решимостью он подумал: «Не может быть, чтобы я был далеко от Палмз Билдинг».

Это придало ему уверенности. Он зажег третью спичку и на сей раз увидел, что позади него и

перед ним зияла чернота. Он взглянул на часы, было без пяти десять. Пламя задрожало и погасло. Стивенс сделал несколько шагов в направлении, к которому он стоял лицом. Он двигался медленно, держась рукой за стену, ступая осторожно и прежде чем опустить весь свой вес на ногу, старался убедиться, что ступает на твердую землю. Он уже обнаружил, что идет куда-то наверх.

На какое то время ему стало от этого открытия легче. По крайней мере, это было хоть какое-то разумное направление, которое давало надежду на побег.

Прошло полчаса. «Боже мой! — подумал он. — Где я? Куда я иду?» Он постарался мысленно представить себе рельеф местности, которая раскинулась над его головой, и вдруг его осенило. Конечно! Он шел все дальше к Большому дому. Он попытался вспомнить, как далеко тот расположен, и прикинул, что примерно в полумиле.

Еще через час он понял, что находится уже не в пещере. Под его ногами был пол, покрытый ковром. Стивенс остановился и прислушался к темноте. Ни звука. Он зажег еще одну спичку и в ее тусклом свете увидел, что попал в небольшую комнату.

В алькове в углу стоял диван, а на столе, при-

крепленном к стене, было несколько странного вида керосиновых ламп. Он попытался открыть одну лампу, чтобы зажечь ее, но стекло лампы казалось прикрепленным намертво, и он напрасно истратил несколько спичек. Ощупывая в темноте гладкую поверхность лампы, он вдруг наткнулся на кнопку. Он нажал ее и в удивлении отступил назад, потому что фитиль лампы постепенно разгорелся. Комнату залил яркий, будто дневной свет.

Стивенсу хотелось задержаться и осмотреть лампу более внимательно, но он был в слишком сильном напряжении и постоянно помнил о том, что попал сюда не по своей воле и что сделано это было, видимо, с какой-то целью. Он окинул взглядом стулья, похожие на французские, так же как и диван, и остальная мебель. Он заглянул через занавески в окно и увидел — и это показалось странным, — что оно выходит в какой-то узкий коридор. Взяв лампу, Стивенс подошел к ступенькам лестницы. Она вела к сплошной металлической стене.

Стивенс ощупал ее, пытаясь найти механизм, с помощью которого она открывалась, но в конце концов вернулся в комнату и еще раз осмотрелся, на сей раз более внимательно.

Похоже, что в ней давно не бывали. Повсюду лежал слой пыли. Краски ткани, которой был обтянут диван, потускнели от пыли. На диване он увидел томик «Истории Большого дома». Когда Стивенс взял его в руки, из книги выпал листок бумаги. Он был испещрен какими-то фантастическими рисунками, а наверху страницы выцветшими чернилами было написано: «Лучше переведите это. Я все больше забываю язык».

На него нахлынули чувства, которые он испытал, когда впервые взглянул на томик этой истории. Захваченный интересом, он опустился на диван. Книга была открыта на главе «Спасение дома».

Когда он начал читать, он все еще ощущал опасность, но постепенно его заведенные до предела нервы успокоились. Книга захватила его, и он обо всем забыл. Испанская экспедиция, которая совершила переход по земле Мексики к бухте Сан-Франциско, так и не увидела Большого дома благодаря смелым действиям Тезлакодана-ла. Индеец вышел навстречу отряду. Без всяких колебаний он объявил индейцев, гидов отряда, агентами кровожадных племен-убийц и предложил сам провести отряд по берегу. Его прекрасное владение испанским языком заинтересовало

Портала, который уже был назначен губернатором обеих Калифорний, и этот не очень далекий человек настолько до верился новому гиду, что так ни разу и не заподозрил неладное. Большой отряд с военным эскортом отправился вглубь материка, а затем его повели обратно к побережью, когда Большой дом был уже далеко позади.

Они возвращались по тому же пути, поэтому у владельцев Большого дома было время окончательно решить, что им предпринять. Дом нельзя было увидеть со стороны моря, так как его покрыли слоем глины и высадили деревья перед фасадом. Теперь нужны были более решительные и долговременные меры, чтобы его не увидели еще более многочисленные отряды испанских искателей приключений и священников.

Было решено придумать что-то, чтобы дом выглядел разрушенным.

На всех тропах, ведущих к дому, были выставлены усиленные караулы. Индейцы, жившие в селе, вдруг узнали, что им больше не разрешается взбираться на холм. Сотни рабочих привезли с севера, и они спали в охраняемых палатках. Днем мужчины и женщины, которые жили в доме, были настороже и, вооруженные, наблюдали за рабочими, пока те перетаскивали огромные

количества земли с восточного холма и зарывали в нее дом.

Зарывая его и постоянно пересаживая деревья перед ним, им удавалось замаскировать эту операцию так, чтобы она не была видна снизу. Все это продолжалось год и два месяца, после чего рабочие вернулись в свои края. Не прошло и дня после их возвращения, как хорошо вооруженный отряд индейцев напал на их селение из-за холмов, и все — мужчины, женщины и дети — погибли. В книге не высказывалось предположения, что атака была предпринята Таннахиллами, но резня эта произошла очень вовремя. Единым ударом были уничтожены все, кто знал о том, что Большой дом зарыт.

Однажды вечером вскоре после этого обитатели Альмиранта проснулись и увидели, что в горах пылает сильный пожар. Он бушевал всю ночь, и утром, когда им разрешили приблизиться, они увидели на земле огромные плиты мрамора, покрытые сажей, и повсюду были следы того, что Большой дом действительно сгорел.

Поверх дома было построено довольно хрупкое здание, напоминающее испанские загородные постройки. Высадили еще больше деревьев. А Танекила отправился в Мехико-Сити и устроил там

несколько пышных празднеств для чиновников. Он там не задержался, чтобы не вызвать зависть, но получил в подарок солидный ломоть земли от губернатора, который любил изысканную пищу. Подарок был должным образом зарегистрирован в Мадриде и позже утвержден американским правительством.

Стивенс оторвался от чтения и попытался мысленно представить себе Таннахилла с жестокими глазами, который как радушный хозяин принимал всех, кто умер за эти два столетия. И вдруг он понял, что делает: он просто сидит и читает. И он изумленно подумал: «Я ведь считаю все, что происходит, само собой разумеющимся». Он опять мысленно прокрутил все, что с ним произошло, пытаясь ответить себе на вопрос, почему он так расслабился. Из-за книги?

Да, пожалуй, именно так. Книга протянула невидимую нить между пещерой и Большим домом. Все это уже когда-то происходило. По какой-то причине кто-то из группы бросил его в этой тайной пещере, возможно заранее планируя, что он обнаружит эту комнату. Но почему? И куда исчез этот человек?

Тут Стивенс ничего не понимал, он просто не мог придумать этому никакого разумного объяс-

нения. Он напряженно вслушивался в тишину. Ни звука. Эта тишина давила на него. Он засунул книгу в карман, взял в руки лампу и встал в нерешительности. Куда идти?

Наконец, он отодвинул занавес и, спотыкаясь от волнения, прошел в узкий коридор, к ступенькам, ведущим видимо, к сплошной металлической стене, которую он уже осматривал.

Поставив лампу на пол, он ощупывал стену, наваливался на нее и толкал ее. Через минуту он уже покрылся потом, но продолжал свою работу; и вдруг вся стена бесшумно свернулась.

Лучи лампы осветили удлиненную комнату. Сначала Стивенс увидел стеклянные ящики и несколько глиняных фигурок, похожих на те, которые были в офисе «Мексиканской торговой компании».

Стивенс взял лампу и осторожно вошел в комнату. Всепоглощающая тишина, так же, как и в пещере, которая так приободрила его. Комната оказалась больше, чем он ожидал, и у одной стены была лестница, ведущая наверх.

Он быстро пошел к ней по проходу между двумя рядами стеклянных ящиков. В ящиках было выставлено множество маленьких статуэток и странного вида драгоценных украшений. Он

понял, что находится в музее, но не остановился, чтобы разглядеть их получше.

Поднимаясь по лестнице, он уже, кажется, начал кое-что понимать. Мгновение — и он стоял наверху лестницы и вглядывался в сияющий коридор Большого дома.

Стивенс медленно пошел вперед. Он видел через двойные двери, что на улице было еще темно. Ему стало значительно легче. Независимо от того, какое время показывали его часы, он четко осознавал, что уже могло быть утро, а не ночь. Видимо, он был без сознания всего несколько минут.

Он заглянул в гостиную, затем в комнату, уставленную книгами, и дальше, в спальню. Там никого не было, и во всем доме царило молчание. Вряд ли это был подходящий момент для того, чтобы задерживаться в Большом доме. Стивенс торопливо спустился по лестнице и прошел через музей. Он задержался у входа в пещеру, чтобы посмотреть, как она закрывается со стороны дома. Затем закрыл за собой панель и опять оказался в пещере.

Теперь он, не останавливаясь, быстро прошел через маленькую комнату и дальше в пещеру. Он опять почувствовал напряжение, но был напол-

нен решимостью. У него было время исследовать пещеру, и он собирался это сделать.

Теперь он шел вниз и подошел к тому месту, где второй туннель поменьше ответвлялся вправо. Стивенс взглянул на часы. Четверть первого. Было бы неразумно отправляться еще в какое-то путешествие. И все же…

Он пошел. Он пошел по этому ответвлению, и поскольку в его руках была лампа, освещавшая путь, он почти бежал вдоль туннеля, который спускался все ниже и поворачивал обратно к Большому дому, только он был на несколько сот метров ниже уровня дома.

Проход выходил к пересечению туннелей. Стивенс посмотрел вдоль подземного коридора сначала направо, потом налево. И опять перед ним встал вопрос, куда идти. Он стоял в нерешительности, когда вдруг его внимание привлекло поблескивание стены напротив него. Он подошел к ней и дотронулся. Металл.

Стена была какого-то тусклого цвета, и он вспомнил, что он подумал, что это скала. Он прошел сотню метров туда, где металлическая поверхность изгибалась, а пещера заканчивалась глухой стеной.

Несколько раз, подходя к тому месту, откуда

он начал свой путь, Стивенс наталкивался на металл, но его шершавая, зазубренная поверхность оставалась неподвижной. Он прошел еще метров сто пятьдесят за пересечением туннелей, затем миновал место, где металлическая стена заканчивалась, и прошел по туннелю дальше.

И еще раз он вернулся к тому месту, от которого начал путь, и опять прошел назад к туннелю, который ему показался главным. Он двинулся по нему вниз и неожиданно подошел к металлической стене, растянувшейся на всю ширину пещеры. Он толкнул ее, уверенный, что где-то через нее должен быть проход и что он может найти его. Но только когда он провел по ней рукой, какая-то часть ее плавно скользнула, наклонилась к нему и бесшумно поехала налево, открыв широкий проход.

Он шагнул вперед — в подвал Палмз Билдинг.

Несколько минут Стивенс стоял, прислушиваясь. Потом включил свет и выключил лампу. Он ее осмотрел, включил и выключил несколько раз, нажимая кнопку. Наконец, довольный тем, что обращаться с ней было так просто, он отнес ее обратно в туннель и поставил на земляной пол.

Теперь очень быстро он закрыл металлическую дверь, и она скользнула на место. Он заметил,

что с внутренней стороны на нее был нанесен слой бетона, так что она плотно соприкасалась с бетонным полом здания. Он открыл и закрыл ее несколько раз, а потом направился к офису «Мексиканской торговой компании».

Все в офисе было так, как он оставил. Дверь была открыта. Свет включен. Глиняная статуэтка по-прежнему лежала на боку.

XI

Было уже около часа, когда Стивенс отправился искать Таннахилла. Он обнаружил наследника в окружении большой толпы счастливых молодцов в ночном клубе «Пьяный рай». Официант сунул Стивенсу в руку стакан:

— Не беспокойся, — сказал он ободряюще, — это все на миллионы Таннахилла.

Огромная комната, освещенная приглушенным светом, гудела от удовольствия. Пока Стивенс медленно пробирался к Таннахиллу, который сидел в ложе напротив двери, он услышал обрывки фраз:

— Ты знаешь, счет в… — Стивенс не уловил название бара, — был восемьсот девяносто шесть долларов… Кто-то мне сказал, что он дал каждому официанту по пятьдесят долларов… Говорят, Таннахиллы устраивали праздники, которые длились неделями. Хорошо бы, чтобы и сейчас так было…

Кто-то толкнул Стивенса. Он оглянулся. Это был Риггз. Он сказал:

— Просто хотел, чтобы вы знали, что я здесь. Я буду поглядывать за вами.

Он отошел.

Стивенс последовал буквально по пятам Таннахилла в следующий бар. Менеджер встретил их у двери, и было видно, что он уже обо всем знает. Отчетливым голосом он представил Таннахилла посетителям. Стивенс уже давно не видел такого огромного и настолько переполненного зала. Сразу же после этого по крайней мере с десяток молодых женщин совершили успешные попытки поцеловать Таннахилла.

Таннахиллу это все вроде бы было по душе. В глубине души Стивенс не мог винить его. После столь долгого лежания в больнице ему нужно было выпустить накопившийся пар. Он решил держаться в стороне от своего клиента, но все же быть где-то рядом, пока не устанет.

Примерно через час он уже собирался уходить, когда вдруг в его кабину протиснулась женщина с черными как смоль волосами, с пухлым, не лишенным приятности лицом. Она была небольшого роста, на ней было надето ярко-красное платье. В ушах горели огромные рубиновые серьги, на пальцах сверкали кольца с фальшивыми бриллиантами и изумрудами, к ее платью были приколоты сверкающие украшения.

Она сказала:

— Меня послал мистер Таннахилл, он хочет, чтобы вы оформили все окончательно.

Стивенс моргнул. Она заливисто рассмеялась.

— Я уже осмотрела дом, — объяснила она, — и мне понадобится по меньшей мере три девушки для начала. Надо будет найти для них жилье. Но я буду жить в доме. Вас это удовлетворяет?

Экономка! Легкий дурман ликера улетучился из головы. Это та самая женщина, о которой говорили в агентстве по найму. Он вспомнил, что Таннахилл просто горел желанием найти слуг.

— Если вы мистеру Таннахиллу понравились, — сказал он, — можете считать, что вы приняты на работу. Когда вы можете начать?

— Мистер Таннахилл хочет, чтобы я приступила к работе завтра утром, но я могу начать только послезавтра. Придется сделать так. — Она говорила твердо.

— Вы имеете в виду двадцать девятое?

— Мистер Таннахилл предложил мне премию в сто долларов, если я начну работать завтра, и пятьдесят долларов, если я начну двадцать девятого. — Она весело засмеялась. — Я возьму пятьдесят.

Было уже два часа, когда он узнал ее имя. Ее звали Жико. Жико Эйн.

Стивенс не сразу вспомнил, где он видел это имя. В книге «Танекила Смелый» был абзац, в котором, как он вспомнил, говорилось: «Алонсо не повезло. Его любовница по имени Жико Эйн убила его ножом».

Стивенс все еще размышлял о запутанности всей этой истории, когда уже около четырех часов он добрался Домой. Итак, банда пыталась проникнуть в Большой дом любым путем.

Уже совсем сонный, он разделся в гостиной и вошел в спальню, не зажигая света. Когда он забрался под простыни, он рукой и плечом соприкоснулся с обнаженным телом.

— Не пугайся, — послышался голос Мистры Лэннет.

— Боже правый! — воскликнул Стивенс.

— Ты ведь рад, что я здесь? — спросила она. Впервые за все время, что они были знакомы, голос ее звучал виновато.

Он вынужден был признать, что действительно рад. Он обнял ее напоенное желанием тело и вдруг вспомнил кое-что.

— Ну, а на этот раз какой долг ты мне выплачиваешь? — спросил он.

— Прекрати это, — сказала она. — Ты мой единственный мужчина, и это меня устраивает. И

жаль, что это ненадолго, поэтому, пока можно, доставь мне удовольствие. — Она мягко засмеялась. — Может быть, я беру в кредит.

Усталость его как рукой сняло.

Он был возбужден и взволнован. Она пришла к нему опять. Она с готовностью отвечала на его объятия, и это приводило его в восхищение. Независимо от того, почему она захотела, чтобы он был ее любовником, было ясно, что эта женщина высокого интеллекта, и еще она могла понять и была готова удовлетворить сильное физическое желание мужчины. Очень возможно, что он относил ее неожиданное охлаждение на счет группы, к которой она принадлежала. Он смутно догадывался, что Кахуньо был ее любовником. Она что-то упомянула первой ночью…

Его пронзила ревность. Он старался избавиться от нее и забыть о ее прошлом ради сегодняшней любви, ради того чувства, которое они испытывали в этот момент. Когда все было окончено, она лежала молча в темноте и наконец сказала:

— Существует мнение, что мужчина и женщина, испытывающие физическое влечение друг к другу, не могут быть счастливы. Сейчас я готова бросить вызов тем, кто так считает.

Стивенс вдруг почувствовал, что у него просто

нет сил продолжать беседу.

— Прости меня, — пробормотал он, — но я умираю хочу спать. — Он повернулся на бок. Должно быть, он уснул мгновенно.

День был в разгаре, когда Стивенс проснулся от звука громыхающей в кухне посуды. Он моргнул, решив, что это его экономка, потом вспомнил и взглянул на пустовавшую рядом с ним кровать. Должно быть, она встала. Он надел халат и вышел на кухню.

Мистра стояла на табуретке перед открытым сервантом. Она оглянулась и спокойно посмотрела на него.

— Я готовлю завтрак, — объяснила она.

Звук ее голоса заставил его пульс учащенно биться. Было впечатление, что ночи вообще не было и что это их первая встреча со времени того странного визита в ее квартиру. Но он взял себя в руки.

Он будто исподтишка оглядывал ее. Эта женщина действовала на него сильнее, чем ему того хотелось, потому что, как она уже сказала, их связи суждено стать мимолетной любовной историей. Он сделал несколько шагов вперед и сказал:

— Ночью я так быстро поддался тебе, что со-

всем упустил из виду тот факт, что у меня в доме появилась молодая леди, которая сказала, что мы, может быть, еще встретимся. Что это ты задумала?

Она как раз тянулась к верхней полке. Он наблюдал, как она достала несколько тарелок и потом повернулась к нёму с легкой, дразнящей улыбкой на лице:

— В чем дело? Я подумала, что ты будешь рад видеть меня, или я сделала что-нибудь не так прошлой ночью?

Ее близость просто терзала его. Он шагнул вперед и обнял ее. Он почувствовал ее податливое тело через тонкую пижаму. Ее губы ответили на его поцелуй, но не так страстно, как бы ему хотелось. Он разжал объятия.

Она сказала:

— Думаю, нам следует позавтракать перед тем, как опять забраться в постель.

Стивенса это слегка обожгло.

— Мне не обязательно заниматься сексом каждую минуту, — сказал он.

— Но ведь это удовольствие, — вставила она. — Не беспокойся. Пока мы вместе, можешь располагать мною, когда захочешь.

Это был самый замечательный ответ, какой

только можно было ожидать. Его раздражения как не бывало. Он сказал:

— Ты смогла уйти из Уолдорф Армз без неприятностей?

Она кивнула:

— Я поднялась в космическом корабле примерно на сотню миль и потом спустилась в спасательной шлюпке.

Это был неожиданный ответ.

— У вас есть космические корабли? — спросил он.

Мистра накрыла на стол.

— Ты был в одном из них. — Она говорила, не глядя на него.

И опять слова ее звучали будто совсем издалека, и он не понимал их смысла. Он смотрел на нее, чувствуя, как в нем поднимается раздражение. Его мысль лихорадочно работала, он пытался увязать то, что она сказала, с тем, что он уже знал. Планировка ее квартиры была необычной. И само здание с этим куполом было очень странной постройкой. У него вдруг возникла фантастическая мысль, но не более фантастическая, чем остальные.

— Как он функционирует? — спросил он, наконец. — Купол открывается туманной ночью, и ты

взмываешь на своем корабле в темноту?

Он говорил шутливым тоном.

— Странно, — ответила Мистра, — но он действует именно так. — Она замолчала. — А пока что я хочу одеться. Мы можем поговорить за завтраком. Я чувствую, что ужасно проголодалась.

Стивенс побрился и оделся, но ощущал внутренний дискомфорт. Расслабился он только за завтраком, который состоял из французского тоста, бекона и кофе. Он смотрел на Мистру Лэннет блестящим взором. Ее зеленые глаза были невозмутимы. У нее отлично лежали волосы, а лицо…

Он вдруг вспомнил о маске, которую нашел в ее сумочке. То, что она носила с собой другое «лицо», говорило о том, что как Мистра Лэннет она была самой собой. Он заметил, что она наблюдает за ним, широко улыбаясь. Казалось маловероятным, что маска может быть такой чувствительной к мимике.

Он спросил с любопытством:

— А в чем секрет бессмертия?

Мистра пожала плечами:

— Большой дом.

Стивенс не успокоился:

— А как он влияет на тело?

— Происходит регенерация, омоложение кле-

ток кожи, — ответила она.

Стивенс повторил это необычное слово и вопросительно взглянул на нее.

Она объяснила:

— Клетки кожи вновь становятся молодыми. Он влияет на все — на тело, на органы. Ну, — она заколебалась, — может быть, они становятся почти молодыми. Ведь мы стареем очень медленно.

Стивенс покачал головой.

— Что ты имеешь в виду, говоря: вновь становятся молодыми? А остальное тело?

Ее тон вдруг стал безразличным.

— Секрет молодости в коже. Если кожа сохраняет молодость, то время завоевано.

— Ты имеешь в виду, что все эти косметологи, которые уделяют столько внимания красоте кожи, действительно что-то поняли?

Она пожала плечами.

— Любое благотворное влияние на кожу полезно. Но процесс регенерации гораздо более глубокий, чем поверхностный уход, которым ты можешь заниматься сам. Ты уже слышал о нем — так людям выращивают новые руки и ноги. Это и есть регенерация, и с кожей происходит то же самое.

Она замолчала, а потом сказала:

— Я когда-нибудь расскажу тебе об этом больше. А сейчас мне некогда, мне нужен адвокат.

Неожиданно лицо ее стало серьезным, а глаза сузились. Она наклонилась к нему.

— Вчера днем мне позвонил мистер Хаулэнд. Он хочет, чтобы я пришла к нему в офис сегодня до полудня, чтобы допросить меня как свидетельницу по делу об убийстве Джона Форда, сторожа Большого дома. И мне нужно, чтобы со мной был адвокат.

Ее слова взволновали Стивенса.

Еще острее, чем раньше, он понял, в каком затруднительном положении находятся эти люди. Первый удар — Таннахилл оказался владельцем дома. Теперь Мистру заставляют рассказать свою историю — или какую-то историю, неважно — представителю закона. Теоретически, конечно, она бы могла избежать этого, надев маску и став таким образом какой-то другой личностью. Но так можно войти в конфликт с законом. Любые сделки, которые затрагивали передачу собственности или денег от одного человека другому, рано или поздно попадают в поле зрения должностных лиц, хотя бы сборщика налогов. И конечно, адвокат мог бы в этом деле очень пригодиться!

Мистра спросила:

— Будешь представлять мои интересы?

Стивенс вернулся на землю:

— Собственно, почему бы и нет. Но, подождика!

Он сидел, нахмурившись. Как местный адвокат Таннахилла, имел ли он право представлять чьи-то интересы в данном случае без его согласия? Он сказал, затягивая время:

— А ты-то какое отношение имеешь к убийству? — И потом добавил быстро: — Кое-что мне известно, но расскажи мне все с самого начала.

— Я была секретаршей покойного Ньютона Таннахилла и жила в доме до последнего времени, когда несколько недель назад уволилась по личным причинам. Это суть вопроса.

— Когда в последний раз ты видела Джона Форда?

— Я видела его один раз на улице, примерно неделю назад.

— Понятно, — сказал Стивенс. Он решительно кивнул. — Я буду представлять твои интересы на допросе. Но не гарантирую, что смогу это сделать, если дело дойдет до суда. Это может оказаться неэтичным с моей стороны. Разумеется, нам нужно будет оговорить в деталях все, что ты можешь сказать Хаулэнду, и, — он прибавил саркастиче-

ски, — с точки зрения твоего происхождения и биографии — это должно выглядеть правдоподобным.

Мистра сказала:

— Я расскажу тебе о себе.

Стивенс слушал, вникая в каждое слово. Пять лет назад, когда она стала служащей Ньютона Таннахилла, рамки ее обязанностей оказались значительно шире, чем предполагалось. Ее наняли, чтобы составить каталог и разместить коллекцию предметов искусства, но позже она начала заниматься и другими вещами и в конце концов во время его частых отсутствий она занималась домом и участком земли, на котором он стоял.

Самым главным минусом в ее истории было то, что она не могла объяснить, почему она, которая всего несколько лет назад искала работу, уже носила норковые манто и водила шикарные автомобили. Не смогла она толком объяснить и того, почему так неожиданно оставила эту работу две недели назад. А это были вопросы, которые Хаулэнд наверняка задаст.

Стивенс их тоже задал.

— Мои деньги! — сказала Мистра так, как будто ей это только что пришло в голову. — Я сделала

вклады по совету мистера Таннахилла. Он был знатоком биржевых дел.

— А почему вы оставили работу именно тогда?

— Я ведь работала и дальше только из хорошего отношения к мистеру Ньютону Таннахиллу, — ответила она, — мои обязательства перед ним автоматически не переносились на наследника. — Голос ее звучал вкрадчиво.

Стивенс подумал, потом кивнул:

— Звучит вполне правдоподобно. Ты уверена, что твоя информация не обернется против тебя?

Она заколебалась, потом покачала головой.

— Ничего из того, что может разузнать Хаулэнд.

Стивенс предложил:

— Я могу позвонить прокурору округа и, возможно, добьюсь отсрочки.

— Я помою посуду, — сказала Мистра.

Стивенс понаблюдал с минуту за тем, как она ловко убирает со стола. От всего этого веяло уютом. Поддавшись импульсу, он попытался схватить ее за руку, когда она проходила мимо. Она ускользнула.

— Ты давай звони, — сказала она шутливо-свирепым тоном.

Стивенс добродушно рассмеялся, встал и на-

брал номер Хаулэнда. Секретарша сразу же соединила его, но очень скоро стало ясно, что прокурор округа не согласится на отсрочку.

— Она мне нужна здесь сегодня утром. Я не шучу, Стивенс.

Стивенс медленно произнес:

— Ты не очень усердствуешь? Ведь в конце концов даму можно вызвать в любой момент.

Хаулэнд отрезал:

— Если ее не будет сегодня к полудню, я дам санкцию на ее арест, Стивенс.

Стивенс и не попытался скрыть изумление:

— Я протестую против такого грубого обращения. Но если ты настаиваешь, мы придем.

— Я настаиваю, — сказал Хаулэнд. — Но сейчас, если ты не возражаешь, я бы хотел задать тебе вопрос. — Голос его изменился. Он стал более мягким, доверительным. — Об убийстве Джона Форда, Стивенс.

— Ну? — Стивенс выжидательно молчал.

— Мисс Лэннет — твой единственный клиент, связанный с этим делом об убийстве?

«Ну уж нет, — подумал Стивенс. — Ты от меня не получишь признания, что мы подумали об этом».

Вслух он спросил:

— К чему ты клонишь?

— Больше к тебе никто не обращался?

Стивенс сказал:

— Пока нет. А ты меня рекомендовал?

Это вызвало удивленный смех.

— Да нет, что ты, — Смех оборвался. — Серьезно, Стивенс, кого-то нужно казнить за убийство этого черномазого, похоже, что поднимается шум. У меня есть основания предположить, что убийцу спугнули, и я подумал, что он захочет нанять адвоката.

Стивенс натянуто сказал:

— Тогда ты уже знаешь кто это, а?

— Ну, у нас есть предположения. Проблема в том, чтобы заполучить свидетелей и сформулировать мотив преступления. Конечно, у нас еще кое-что есть, но об этом я пока помолчу. Но теперь, послушай, Стивенс, приведи эту дамочку сегодня утром, и все будет о'кэй. Пока.

Стивенс повесил трубку и немедленно начал набирать номер Большого дома, потом положил трубку.

— Подождем, пусть сначала пройдет допрос. Тогда у меня найдется, что ему сказать.

Мистра вошла в тот момент, когда он уже принял решение, и весело сказала:

— Мы поедем в моей машине! Сегодня я буду твоим шофером и повезу тебя, куда захочешь.

У нее был новый кадиллак с открывающимся верхом, покрытый искристой зеленовато-желтой краской. Стивенс взглянул на машину и сел на сиденье рядом с ней. Он смотрел на ее профиль, пока она выворачивала на шоссе и опять подумал: «Секретарша пять лет назад, а теперь — вот! Это будет трудно объяснить».

Они без всяких происшествий доехали до здания суда, и их сразу же провели в офис Хаулэнда. Прокурор округа встал им навстречу и очень внимательно оглядел Мистру. Его взгляд скользнул по ее хорошо одетой фигуре, затем вниз, — отметил дорогие туфли, потом опять скользнул наверх и остановился на норковом боа и дорогой шляпе. Его настроение изменилось. Он резко спросил:

— Мисс Лэннет, вы были любовницей Ньютона Таннахилла?

Мистра сначала удивилась, но вопрос ее позабавил:

— Нет! — сказала она твердо.

— Если это действительно так, — мрачно сказал Хаулэнд, — то как вы объясните тот факт, что с тех пор, как вас взяли на работу, вам платили двенадцать тысяч долларов в месяц, то есть сто

сорок четыре тысячи долларов в год все эти пять лет? Отличная зарплата, согласитесь, для секретарши, которую взяли для того, чтобы составить каталог коллекции предметов искусства.

Стивенс повернулся к Мистре в пол-оборота, чтобы посмотреть, как она отреагирует. Он думал: «И правда, как же ты это объяснишь?» А потом вдруг до него дошло, какого порядка были эти цифры.

Его спокойствия как не бывало. Он чувствовал себя человеком, который повис над пропастью и, неуверенный в своем положении, хочет ухватиться за что попало, лишь бы вновь обрести равновесие в сложной ситуации. Каким-то странным образом он во все поверил. Он был убежден в том, что группа бессмертных мужчин и женщин прожила столетия в нестареющем доме, который стоял на холме и выходил к вечному океану. Он знал, что у них высокоразвитая наука и что они богаты.

Это же все абстрактные вещи — но они уже вдохновляли его на ряд поступков, даже если он совершил их и несознательно, говоря юридическим языком.

Сумма ее дохода глубоко его потрясла. Сто сорок четыре тысячи долларов в год! Он был не из

тех, кто придавал большое значение деньгам. Но цифра его поразила.

Как будто издалека донесся голос Хаулэнда:

— ...откровенно, мисс Лэннет поймет, что ей нужно помогать властям. Я уверен, она и не предполагала, чем завершится то, что началось как уникальный случай обмана, — убийством... Она, конечно, понимает, что я имею в виду. Ведь правда, мисс Лэннет?

Молодая женщина сказала:

— Я понятия не имею, о чем вы говорите. И я отрицаю все ваши обвинения и возражаю против этих необоснованных выпадов. Я ничего не знаю о смерти Джона Форда.

Хаулэнд начал терять терпение.

— Ну, ну, мисс Лэннет. Вам нужно лучше понять положение, в котором вы оказались. Я пока дружески настроен к вам. И я готов заключить с вами соглашение, и таким образом больше против вас не будет выдвигаться обвинение в том, скажем, что вы являетесь соучастником сговора, в результате которого совершено убийство.

Стивенс решил, что ему пора вмешаться. Он сглотнул, сделав последнее усилие, чтобы взять себя в руки, и сказал:

— Что вам нужно от мисс Лэннет? — Он уже

успокоился и больше владел собой. — В связи с вашими вопросами мне бы хотелось знать следующее: как умер Ньютон Таннахилл?

Хаулэнд саркастически смотрел на Мистру:

— Да, мисс Лэннет, как он умер?

Мистра заерзала, но ответила невозмутимо.

— Сердечный приступ. Доктор де Лос Сьенгас сможет объяснить вам лучше, чем я. Он осматривал тело, когда оно было в похоронном бюро и подготавливалось к похоронам. И поскольку мне так сказали, я приняла это как само собой разумеющееся, именно это и было написано в свидетельстве о смерти, выданном в Нью-Йорке.

— Ах да, — сказал Хаулэнд. — Свидетельство о смерти, выданное в Нью-Йорке. Кто-нибудь имеет понятие, где оно находится? Его кто-нибудь хоть видел? — И махнув рукой, он закончил: — Ну да неважно сейчас. Мисс Лэннет!

В тоне его послышались оттенки язвительности, Стивенс выпрямился. Он увидел, что Мистра тоже заметила новые нотки в голосе. Она окаменела.

— Да? — отозвалась она.

— У вас нет возражений встретиться с Артуром Таннахиллом, наследником имения?

Мистра заколебалась.

— У меня нет желания, — сказала она, наконец.

Хаулэнд резко поднялся со стула.

— Может быть, ваше нежелание встретиться с ним лицом к лицу как-то связано с тем фактом, что когда сегодня утром была открыта могила Ньютона Таннахилла, гроб оказался пустым?

Он обошел свой стол.

— Если у вас нет возражений, — саркастически заметил он, — мы немедленно поедем в Большой дом, и я представлю вас мистеру Ньютону Таннахиллу. Едем?

Стивенс, который думал об осложнениях, быстро сказал:

— Я позвоню мистеру Таннахиллу и объясню ему ситуацию.

Хаулэнд зарычал на него:

— Вы ему ровным счетом ничего не скажете. Вы хотите предупредить его, — он ухмыльнулся. — А я хочу, чтобы это было сюрпризом.

Стивенс был вне себя от гнева:

— Это просто черт знает что, я такого еще не видывал. Вы уверены, что соображаете, что делаете?

— Никогда еще в моей жизни я не был так уверен, — сказал Хаулэнд твердо.

Стивенс взял себя в руки и сказал:

— Бога ради, послушай, ты бы подумал головой. Ты собираешься так своевольно обойтись с самим Таннахиллом. А что отпечатки пальцев? Ведь они могли внести ясность в этот вопрос и уладить дело.

Он почувствовал, что-то неладное в тот момент, когда заговорил. Если Мистра сказала ему правду, то отпечатки пальцев дяди и племянника будут одинаковыми. Казалось невероятным, что они не подумали об этой возможности. Если бы они об этом подумали, то никаких отпечатков пальцев вообще бы не было.

Хаулэнд сказал:

— Мы связались со всеми агентствами, и ни в одном нет снимков с отпечатков пальцев Ньютона Таннахилла. Поскольку только официальные отпечатки могли бы иметь юридическую силу, то с этим вопросом покончено.

Стивенс даже не мог понять, почувствовал ли, он облегчение.

— Тем не менее, — сказал он упрямо, — позвольте мне позвонить мистеру Таннахиллу и назначить встречу. Я уверен, что мы можем уладить весь инцидент без излишней грубости.

Хаулэнд покачал головой:

— К черту! Все равны перед законом, и никаких любезностей не будет. Ты едешь или тебя будет сторожить полицейский, пока мисс Лэннет и я будем в Большом доме?

Когда несколько минут спустя Стивенс шел вниз по лестнице перед Хаулэндом, он думал: «Вот результат того, что Хаулэнд потерял место у Таннахилла. Он старается отомстить и как можно чувствительнее».

Но по крайней мере одно было хорошо во всей этой ситуации. В этот момент его интересы и интересы Таннахилла почти совпадали.

XII

Дом был действительно стар. Уже больше тысячи лет прошло, как он приютился на горе и смотрел вниз, на все то же море. И так же, как и у моря, у него не было желаний, не было мыслей, не было цели. Шли дни, шли годы, дом менялся, но это были только внешние изменения: заново оформленные интерьеры, новые усилия по наведению чистоты, новая расстановка мебели. Снова и снова добавлялись или изменялись какие-то детали. По-другому начали разбивать сады, чтобы они стали еще более зелеными и чтобы у них был еще более ухоженный вид. К нему свозили массы земли, создавали из них новые ландшафты, потом они долгие годы радовали глаз, потом их разрушали. Деревья сажали, и они жили и умирали, или их спиливали. Дом не видел, не чувствовал, не менялся. Все эти годы он твердо стоял на твердой земле — безжизненное строение из мрамора и тайны.

Это было внушительное одноэтажное здание, и стояло оно на высоком холме. Стивенс часто думал о том, что единственное, что спасло этот дом от влияния людей, которые проходили мимо

него по дороге внизу, так это то, что самая его примечательная черта была спрятана за полосой деревьев. Он видел эти ступени, когда давно был в доме, и до сих пор был под впечатлением.

Когда машина начала взбираться по горе, он оглянулся. Солнце бросало лучи на огромное водное пространство, которое начиналось оттуда, где заканчивался город. Направо и налево раскинулись окраины Альмиранта, они будто врезались в холмы, покрытые густой зеленью. Далеко к югу мерцали две серебристых ленты железной дороги, неожиданно появлявшейся из кустарника и плавно поворачивавшей к Тихому океану.

Машина с визгом обогнула островок, на котором росли деревья на одном уровне с вершиной горы. А вот и дом.

Бросив на него первый же взгляд, Стивенс выпрямился. Он забыл о впечатлении, которое на него произвели ступени. А может быть, в тот раз, когда он его видел, дом не значил для него так много. Изгородь из деревьев, должно быть, и была посажена, чтобы воспоминания не были такими яркими. Она скрывала ступени. Прохожий поднимал глаза над деревьями и видел поверх их макушек одноэтажный дом с широким фасадом. Ни одной ступени снизу видно не было, а там их

было (Стивенс педантично их сосчитал) двадцать пять. Они протянулись вдоль всего фасада дома, метров на тридцать по меньшей мере, и поднимались к широкой каменной террасе с двойной дверью из толстого стекла в центре.

Ступени были сделаны из мрамора. Дом был построен из тщательно отполированных плит такого же мрамора, белизна которого создавала иллюзию его отдаленности. Если на него смотреть с близкого расстояния, то в сияющей сероватой белизне появлялся зеленоватый оттенок.

Стивенс вышел из машины вслед за Мистрой и Хаулэндом, медленно поднялся за ними к террасе и встал рядом, когда Хаулэнд позвонил.

Прошла минута, еще пять звонков, но дверь никто не открывал.

Стивенс первый отошел от двери. Он прошел вдоль террасы, прислушиваясь к тишине. Легкий бриз подул ему в лицо, и это напомнило ему о том шоке, который он перенес в офисе Хаулэнда. И еще он подумал о том, что возможно тысячу лет назад женщина — которая все еще жива — вот так же стояла здесь, на этом вечно живом мраморе, и чувствовала ласку такого же бриза в такое же вечное зимнее калифорнийское утро, как это.

Тогда эти места, конечно, не назывались Кали-

форния. Это было до того, как пришли испанцы со своими названиями Калифорнии — Байя и Алта, и до того, как пришли ольтеки, и, возможно, до полумифических тольтеков.

Стивенс смотрел вниз, туда, где зеленая земля касалась великолепного, безмятежного моря… Пятьдесят поколений дом смотрел со своей высоты в эти глубины и наблюдал, как странные мужчины и женщины приходят из далеких земель, невидимых за горизонтом. Стивенс почувствовал какой-то приступ меланхолии, страшной зависти, нежелание стареть и умирать, пока этот бессмертный дом продолжал стоять на часах под вечно теплым небом Калифорнии.

Он мрачно взглянул на каменные ступени, взбиравшиеся к террасе. Их боковины были отполированы до того же гладкого сияния, как и вся поверхность. Но здесь и там все же были трещины. Он подумал, не появились ли они здесь после битв в незапамятные времена — от попадания камней и наконечников стрел.

Он забыл о главном. Что же это было? Как этот дом помогал людям жить вечно? Он опустился на колени и вытащил из одной трещины обломок мрамора. Он положил его в карман, намереваясь позже отправить на анализ. Когда он сделал это,

он обернулся и увидел Мистру метрах в десяти от себя. Их глаза встретились, Стивенс стыдливо посмотрел в сторону, но уже понял, что она изумлена.

В этот момент дверь открылась, и было слышно, что Таннахилл разговаривает с Хаулэндом. Стивенс был спасен. Он поспешил вперед.

— Мистер Таннахилл, — сказал он мрачно, — я хотел позвонить вам, но мне угрожали арестом в случае, если я это сделаю.

Таннахилл посмотрел на него, глаза его сузились, потом он посмотрел на Хаулэнда.

— Лучше войдите все, — сказал он, наконец, и добавил: — Я лег вздремнуть, а слуг у меня в доме еще нет. Вот сюда.

Стивенс вошел последним. Он увидел, что они находятся в большом центральном холле. Полы были натерты до блеска. В дальнем конце его была видна площадка лестницы, которая вела вниз к другой площадке, а дальше ступени сбегали, поворачивая, и их уже не было видно. В холл выходило двенадцать дубовых дверей, по шесть с каждой стороны. К ближайшей двери их и повел Таннахилл.

Входя последним, Стивенс помедлил ровно столько, чтобы успеть шепнуть Таннахиллу:

— Дела плохи.

Таннахилл кивнул:

— Я ожидал этого.

В гостиной все сели, кроме Таннахилла. Его взгляд остановился на Мистре.

— А, секретарь моего дяди, Мистра Лэннет, молодая дама, которая уволилась без уведомления как раз перед моим приездом. Почему вы это сделали?

Хаулэнд перебил его.

— Возможно, я смогу объяснить, почему она это сделала. Есть основания полагать, что мисс Лэннет была — э-э — любовницей вашего дяди. Несколько лет назад он ее бросил. То, что она сделала, чтобы причинить вам неудобство, был несомненно ее единственный метод расплаты — ваш дядя.

Таннахилл сказал:

— Давайте перестанем топтаться вокруг да около. Вы вскрыли могилу?

— Да.

— Ну и что?

— Гроб пуст.

— Вы собираетесь предъявить мне обвинение в убийстве?

— Да, — сказал Хаулэнд, — собираюсь.

— Болван! — бросил Таннахилл. Но Стивенс увидел, что он побледнел.

Воцарилась тишина.

Стивенс молчал и не двигался. У него было чувство, что Таннахилл сделал ошибку, начав говорить так откровенно. Уж кто-кто, а он-то знал, лучше чем кто-либо из присутствующих, что Хаулэнд был вне себя от ярости, и он понял, что прокурор округа был удивлен тем, как отнеслись к его визиту здесь с того момента, как он вошел в дом.

Таннахилл, хромая, прошел к креслу и опустился в него. Напротив него Хаулэнд, откинувшись на спинку кресла, посмотрел на Мистру и спросил:

— Итак, мисс Лэннет, вы готовы с нами сотрудничать?

Таннахилл тоже взглянул на нее. Щеки его уже окрасились бледным румянцем.

— Я бы хотел задать мисс Лэннет несколько вопросов.

Хаулэнд резко сказал:

— Вы можете задавать ей вопросы на перекрестном допросе. Все, что мне нужно от нее теперь…

Вот здесь вмешался Стивенс.

— Хаулэнд! — Голос его звучал пронзительно. — Я бы хотел знать, какое обвинение выдвигается

против мистера Таннахилла. Вы собираетесь его обвинить в убийстве его дяди и Джона Форда? Или только Джона Форда?

Хаулэнд почти не размышлял над вопросом:

— Мы выдвинем обвинения во время его ареста.

— Я полагаю, — мрачно сказал Стивенс, — что мотивы поведения бывшего поверенного состояния Таннахилла могут быть неправильно истолкованы, когда он, будучи прокурором округа, выдвигает обвинения против своего старого клиента. Вы готовы к тому, что ваши действия будут истолкованы неправильно?

Было совершенно очевидно, что Хаулэнд был не тот человек, который слишком беспокоится о своем будущем. Он нетерпеливо махнул рукой.

— Естественно, — сказал он, — арест произойдет только тогда, когда расследование будет закончено. Мы ждем подтверждения из больницы, где он лечился, относительно его местонахождения третьего мая. Есть еще пара вещей, которые предстоит уточнить. Однако я хочу предупредить мистера Таннахилла, чтобы он не уезжал из города.

Таннахилл медленно встал. Он казался усталым.

— Мне кажется, что мистер Хаулэнд совершает ошибку, пытаясь отличиться без поддержки местных, я бы сказал, финансовых сил, которую он мог бы получить, в этом я уверен, если бы он энергично взялся за дело с нужной стороны. Но одно я могу обещать ему точно. — Он смотрел Хаулэнду прямо в глаза. — Если он все-таки рискнет и предъявит мне это, — он заколебался, — это странное обвинение, он будет втянут в бой, в котором разрешены все захваты.

Он спокойно закончил:

— А теперь до свидания, мистер Хаулэнд, надеюсь, мы с вами еще встретимся.

Хаулэнд иронически поклонился:

— Я в этом уверен. — Он встал и взглянул на Мистру: — Вы идете, мисс Лэннет?

Женщина быстро подошла к Стивенсу.

— Я отвезу Хаулэнда, а потом вернусь за тобой.

Она не ждала, пока Стивенс согласится, повернулась и пошла к двери. Они с Хаулэндом вышли. Стивенс оглянулся и увидел, что Таннахилл наблюдает за ним.

Таннахилл, он и дом — на мгновение Стивенсу показалось, что дом стал для него живым существом. Он сидел и старался понять его настроение. Но не было слышно ни звука. Мраморный дом

затих и переживал еще один день своей долгой жизни, не обеспокоенный присутствием своих обитателей. Всю тысячу лет своего существования он был безразличен к таким мелочам.

Таннахилл нарушил молчание.

— А что это вы сказали насчет того, что Хаулэнд раньше был моим поверенным?

Когда Стивенс все объяснил, Таннахилл сидел некоторое время с поджатыми губами и наконец сказал:

— Ведь людям обычно не нравится, когда их покупают. И не обращайте внимания, если я буду настоятельно просить Хаулэнда снова стать моим поверенным. Вы же понимаете, что этого не произойдет. Ни я, ни Хаулэнд больше не доверяем друг другу после этого инцидента. Но возможность получать довольно значительный доход может как-то подействовать на него, когда дело дойдет до прямого предложения.

Стивенс промолчал. Он не был так уж уверен, что Хаулэнд не ухватится за это предложение. И он спокойно спросил:

— Мистер Таннахилл, как вы можете объяснить, почему человек может захотеть притвориться, что он умер, отказаться платить огромный налог на наследство, а потом опять появиться в имении

под видом своего же племянника?

Таннахилл сказал:

— Не говорите чепухи. У меня есть одна теория, если это то, что вы имеете в виду. Ведь очевидно, что меня положили в могилу, потому что тела моего дяди просто не было. — Он наклонился вперед и серьезно продолжал. — Как еще можно это логически объяснить? За его убийством последовал целый ряд событий. И кто бы этого ни сделал, он вынужден был его официально похоронить, чтобы не было никаких подозрений на убийство. Поэтому они выкрали меня из больницы, когда я был без сознания и подсунули вместо него. Видимо, между нами было сходство. А поскольку я был без сознания, то, как полагали, я не буду помнить об этом инциденте.

Все это звучало очень правдоподобно. Стивенс осторожно сказал:

— Можно попробовать построить на этом вашу версию. Стоит попытаться.

Таннахилл был мрачен.

— А что насчет мисс Лэннет?

Стивенс заколебался, потом сказал:

— Как секретарь вашего дяди она несомненно будет главным свидетелем. Меня волнует не столько то, что она скажет, как то, какие новые

факты могут проясниться относительно ее положения в доме, ее конкретного состояния и так далее.

— Понятно, — задумчиво сказал Таннахилл.

Стивенс почувствовал неловкость:

— Мне очень жаль, но все работает против вас.

Таннахилл встал, решительный и мрачный. Он сказал осторожно:

— Мне кажется, я знаю, что нужно этой женщине Лэннет, и я сделаю это, если необходимо. — Его голос напрягся. — Я хочу, чтобы вы поняли Стивенс, что нет ничего, чего бы я не смог сделать… Знакомясь с историей моей семьи, я понял, что в решительные минуты для смелого и отчаянного человека границ не существует.

Стивенсу было интересно, сколько же книг о своей семье прочел Таннахилл, но он не рискнул расспрашивать. Он услышал звук автомашины, взбирающейся по холму, и понял, что это возвращается Мистра. Он заколебался, потом сказал:

— Мистер Таннахилл, насколько я могу оценить ситуацию, я считаю, что наша первая задача — попытаться избежать ареста. Для этого, я думаю, нам нужно использовать то уважение, которое здесь испытывают к семье Таннахиллов.

Он объяснил, что он имел в виду, и потом ска-

зал:

— Нам придется положиться на то, что газеты примут вашу сторону и не опубликуют ничего из того, о чем мы им сейчас расскажем. Но думаю, что именно мы должны ввести их в курс дела.

Таннахилл выслушал план Стивенса с явным беспокойством и неохотно произнес:

— Вы действительно верите в то, что нужно действовать открыто?

— Еще, — сказал Стивенс, — я собираюсь позвонить судье Портеру и судье Адамсу. Думаю, что они не знают о планах Хаулэнда.

Сам он мало верил в это. Вероятно, группа в целом не знала, что против них фабрикуют дело. В этом деле Мистре нельзя было доверять. Ее настрой против Танекилы мог помешать ей сделать то, что было необходимо, чтобы спасти его. Кроме того, у нее были свои планы.

Таннахилл протянул руку:

— Честное слово, Стивенс, мне это все больше нравится.

Когда они обменялись рукопожатием, Стивенс сказал:

— Если случится худшее, то наша лучшая защита — самим найти убийцу. Как только у меня будут новости, я вам позвоню.

Стивенс помедлил на ступеньках Большого дома и еще раз оглядел его. Мистра как раз поворачивала на дорожку. Ветер стал сильнее, и у него захватило дух от того великолепия, которое он увидел.

Небо разгоревшегося дня было ослепительно ярким. Короткие зыбкие волны огромной водной массы океана, словно драгоценные камни, сверкали на солнце. Город внизу оделся в самые нарядные зеленые одежды, и дома выглядывали из роскошной зелени.

Мистра немного не доехала до того места, где стоял Стивенс, и остановилась ниже. Когда он поравнялся с машиной, она открыла дверцу:

— Пожалуйста, быстрее!

Настойчивость ее голоса и выражение лица напугали Стивенса. Он быстро сел рядом с ней:

— Что случилось?

Вместо ответа она рванула машину вперед. Она нажала кнопку, и верх машины развернулся, закрылись стекла.

Вместо того, чтобы повернуть по той же дорожке, по которой Мистра приехала, и затем спуститься к подножию холма, она обогнула группу деревьев и поехала по узкой мощеной дорожке, а потом вниз мимо высокой изгороди.

Машина так резко увеличила скорость, что Стивенс сказал:

— Мистра, Бога ради…

Он замолчал и сглотнул от ужаса. Метрах в тридцати от них дорога обрывалась, казалось, у края скалы. Изумленный, Стивенс повернулся к Мистре и увидел, что она закрыла рот и нос прозрачным щитком. В то же мгновение он почувствовал какой-то запах в машине.

Газ!

Он еще смутно силился осознать, что произошло, пытаясь нащупать аварийный тормоз, когда его голова мягко стукнулась о приборный щиток. Еще минуту он что-то понимал, потом — темнота.

XIII

Стивенс, моргнув, открыл глаза, и услышал, как Мистра говорит:

— Ты можешь позвонить мистеру Таннахиллу, если хочешь его предупредить.

Слова звучали для него абстрактно, и Стивенс, вспомнив в доли секунды ту ужасную картину, когда машина мчалась к краю пропасти, инстинктивно опять ухватился за аварийный тормоз.

Но его не было.

Изумленный, он огляделся и увидел, что находится в квартире Мистры. Справа от него был бар. Слева — коридор, который вел к спальням. С другой стороны в окне сияло солнце. Что-то бормотало радио в углу комнаты, и Мистра, которая, видимо, склонилась над баром в тот момент, когда он посмотрел на нее, появилась с двумя стаканами в руках.

Она посмотрела на Стивенса и сказала:

— Я уверяю тебя, ты можешь позвонить отсюда. Этот телефон соединен с релейной системой, а значит и с общей телефонной линией.

Стивенс взглянул на телефон и мотнул головой — ему не хотелось признаться в том, что он не

понимает, о чем она говорит. Он уже дважды мысленно возвращался к тому моменту, когда машина рвалась к краю пропасти и нащупывал аварийный тормоз, потом…

Он здесь!

Он с упреком посмотрел на нее:

— Чем это ты меня нокаутировала?

Мистра улыбнулась:

— Прости, но у меня просто не было времени объяснять, и я подумала, что ты начнешь бороться со мной.

Стивенс раздраженно заметил:

— Если я правильно все понимаю, ты должна была отвезти Хаулэнда в его офис и…

Мистра быстро перебила его:

— Я связалась с группой и рассказала им о том, что планирует Хаулэнд. Было решено, что сейчас важно только одно — замести следы. Видимо, придется надавить на него. Но у нас есть опасения, что этот номер не пройдет.

Стивенс мысленно перебирал всех значительных людей в городе, которых он считал членами группы и кто смог бы оказать на Хаулэнда давление, и резко спросил:

— Почему нет?

Мистра покачала головой:

— Мой дорогой, ты не понимаешь. У Хаулэнда свои политические амбиции. Если его друзья начнут слишком на него давить, он повернется против них. Так уже случилось в нашей истории, и мы потеряли контроль над городом на несколько лет. И мы не хотим, чтобы это произошло еще раз.

Стивенс спросил:

— Как группа планирует действовать?

Мистра была краткой:

— Прежде всего, отговорить Хаулэнда. Если это не удастся, мы решили не мешать ему. В этом случае мы, разумеется, сделаем все, чтобы уничтожить его.

— Ты что, считаешь, что можно допустить, чтобы он арестовал Таннахилла? — Стивенс упрямо мотнул головой. — Извини, но я хочу попробовать не допустить этого.

— Почему?

— У меня такое ощущение, — Стивенс говорил уже спокойно, — что женщину, которая напичкала Таннахилла наркотиками, совсем не заботили его интересы. И если группе он тоже не нравится, тогда то, что мы планируем здесь, может оказаться не выходом из положения, а чем-то вроде узаконенного суда линча. Здесь я

выхожу из игры.

— Группе он может и не нравится, — сказала Мистра, — но это никак не отражается на ее решении. Она понимает, что сменить владельца — слишком сложная процедура. Наследников у семьи нет, и вполне может случиться, что мы потеряем дом. Я поняла, что я должна воспользоваться случаем, чтобы не дать им покинуть Землю, но мне это не очень-то нравилось.

Стивенс твердо сказал:

— Что-то здесь не то, какая-то ловушка. Ты признала, что группа очень хочет замести следы. Ты можешь поклясться, что они не собираются принести Таннахилла в жертву?

Она ответила, не задумываясь:

— Я не могу поклясться, но зная их, я верю в это.

Он вынужден был признать, что этот ответ показался ему честным. Она, вероятно, не могла отвечать за каждого из группы, чьи тайные намерения были известны лишь им самим и, возможно, их телепату.

Он сказал:

— Я думаю о том, что нам следует избежать неприятной процедуры ареста. Я думаю, нам следует поддержать Таннахилла с помощью его

адвоката и сразу же внести залог и подготовить поручительство. У Хаулэнда нет оснований вести какую-то скрытую игру в этом деле.

Мистра предложила:

— Тогда лучше позвонить. Таннахиллу. Хаулэнда как раз сейчас уговаривают. Если он будет реагировать, как мы и предполагали, он выпишет ордер на арест через час.

Стивенс переспросил:

— Что?

Он вскочил и уже через минуту говорил с Таннахиллом. Он объяснил, что происходит, но не выдал своего источника информации, а потом рассказал, как он планирует действовать. И в конце концов он сказал:

— Неподалеку от дома у вас должна быть наготове машина, которую сразу узнать трудно. Садитесь в нее. — И добавил. — Если возможно, когда бы вы ни выходили из машины, не берите трость… приклейте усы — и мы встретимся, как я предложил.

Таннахилл, казалось, был спокоен:

— Это хороший совет, Стивенс, я так и сделаю.

Стивенс с облегчением повесил трубку.

Мистра вдруг произнесла безразличным голосом:

— Лучше выгляни в окно.

Стивенс нахмурился:

— В окно!

Подозрение, которое вдруг закралось в него, заставило его вскочить на ноги. Жалюзи были подняты, и сквозь них пробивалось слепящее солнце. Он повернул их в горизонтальное положение и застыл, качаясь. Он подумал, что вот-вот упадет в обморок.

— О, Боже! — выдохнул он.

Небо было темным. Внизу — огромное неясное пространство.

Первый шок прошел. Он понял, что все это — бесформенное, безжизненное пространство. К ощущению потусторонности добавилось ощущение чего-то всеобъемлющего. Наконец, он вспомнил, где он видел эти затуманенные изображения — фотографии V—2, сделанные с высоты сотен и сотен миль, производили такое же страшное впечатление.

Он отошел от окна, прошел мимо Мистры, задев ее, и быстро прошел по коридору в библиотеку и музыкальную комнату. Оказалось, что он хорошо ее запомнил. Войдя, он бросил один быстрый взгляд и увидел металлическую дверь, к которой вела лестница… Когда он был здесь в первый раз,

она была заперта. Сейчас она была открыта. Он поднялся по ней и вошел в кабину управления космическим кораблем — это сомнений не вызывало.

Там было четыре стула, встроенные в рамы, приделанные к полу. Они стояли в ряд перед длинным изогнутым пультом управления. Эта кабина видимо располагалась над жилыми помещениями, потому что он мог смотреть через «окна» в любом направлении и увидел выпуклый металлический корпус обтекаемого, но почти прямоугольной формы корабля. Над окнами и прямо перед стульями было прикреплено несколько телевизионных экранов, на одном из которых светилось изображение того, что можно было видеть внизу.

Корабль словно повис в пространстве. Не было ни ощущения движения, ни звука моторов. Стивенс хотел было сесть на один из стульев, но резко выпрямился:

— Это ведь совершенно точно ее квартира. Видимо, нижняя часть здания Уолдорф Армз была как бы стартовой площадкой корабля, а купол — пусковой установкой. Здесь она меня не обманывала.

Он сам себе удивлялся, ведь он долго всему это-

му не верил, несмотря на то, что обо всем знал. Но с самого начала одних слов было недостаточно, чтобы убедить его. Теперь ему все и продемонстрировали.

Но все-таки он мысленно вернулся именно к словам — ко всему тому, что она сказала в прошлый раз о нападении на Лориллу. Медленно, шаг за шагом, он вернулся в гостиную. Мистра сидела на диване, держа свой стакан в руке, его стакан стоял на столике перед ней. Когда он вошел, она вопросительно посмотрела на него, потом покачала головой.

— Ты все еще не соглашаешься помочь мне? — спросила она.

— Я не могу.

— Почему?

Ему очень хотелось найти веские аргументы. Но он не находил нужных слов. Наконец, он спросил:

— Почему ты думаешь, что тебе нужна моя помощь?

— Во время последней войны на борту бомбардировщиков были большие отряды военных для того, чтобы проводить различные операции: для каждого задания — определенный человек. В моем распоряжении есть аппаратура, которая

теоретически даст мне возможность выполнить эту работу, но практически это затруднительно по крайней мере под огнем противника.

— Тебе приходится учитывать даже это?

Мистра кивнула:

— Какое-то время мы будем в радиусе действия самой мощной в мире противовоздушной обороны. Мой корабль был создан не для того, чтобы воевать. Вот почему они отдали его мне. Так мне сказали сегодня. Так им легче рассчитывать на то, что ни один член группы не будет рисковать жизнью.

— А ты будешь?

— Эллисон, мы должны воспользоваться возможностью. Другого пути нет.

Стивенс попытался найти какой-то подходящий ответ, но это ему не удалось, и, наконец, он сказал раздраженно:

— Чего я не в состоянии понять, так это почему такая спешка?

— Я получила очень важные новости. Нападение на Соединенные Штаты перенесено на октябрь вместо следующего января.

— До этого еще восемь месяцев, а ты так взволнована. — Стивенс просто физически ощущал, как где-то у него внутри поднимается агрессив-

ность и пытается вырваться.

— Ты не понимаешь, — сказала Мистра. — Бомбы, которые они будут использовать, хранятся партиями. В течение следующей недели они будут распределены по военно-воздушным и морским базам. После этого возможно только психическое давление.

Долгую минуту она смотрела на него, а потом сказала:

— Тебе придется поверить мне на слово, что существует опасность и возможно нападение. — Она помолчала немного, потом закончила: — Эллисон, это твой шанс попасть в дом.

Предложение было слишком неожиданным, чтобы он мог сразу его осознать. Стивенс притих, мысль его работала медленно, как это бывает после шока. До него вдруг действительно смутно дошло, что ему следовало предполагать, что она сделает такое предложение. Ведь после всего, что он узнал, у группы было два выхода. Либо взять его в Большой дом, либо убить! И сейчас Мистра говорит ему, что ее цена — постараться сделать так, что его возьмут.

Он заволновался, подумав об отсутствии выбора. Ему очень хотелось верить, что она сможет это сделать, но все прошедшие события, и то, что

она сама в опасности, оставляли мало надежды. Наконец, он вяло произнес:

— Я сомневаюсь, сможешь ли ты одна открыть для меня двери Большого дома.

Она сказала:

— Думаю, что смогу. — И не глядя на него, она предложила: — Дорогой мой, жизнь длинна, и в ней есть неприятные минуты. Конечно, в самой этой мысли присутствует ужас: «Что это все означает? Куда это ведет?» Эллисон, я играла с маленькими детьми, а потом, девяносто лет спустя, я стояла, все такая же молодая, и смотрела, как одного из них, высохшего и в саване, опускали в могилу. Это ужасно, я могу тебе сказать. Некоторые из нас становятся циниками и черствыми людьми и тем самым как бы устанавливают барьер перед жестокостью смертной жизни. И я так жила какое-то время. Я жила сегодняшним днем. У меня были десятки любовников, один за другим, и я бросала их при первых же признаках старения. Это прошло, и какое-то время я жила, как монашка. Но это была лишь реакция. Постепенно у меня сформировалась более здоровая жизненная философия — философия долгой жизни. И как ни странно, эта философия, которую я так медленно постигала, основана на понимании

простых вещей: то, что полезно для здоровья — хорошо; должно быть равновесие между потребностями тела и разума; да и многое другое, что выглядит гораздо более тривиальным, когда об этом говоришь, нежели это есть на самом деле. Но, как я поняла, существует нечто гораздо более важное для женщины, чем все остальное, и именно в этом я осталась обделенной. Ты догадываешься, о чем я говорю?

Стивенс тепло взглянул на нее, задетый за живое необычайной искренностью и серьезностью, звучавших в ее голосе. И вдруг осознание того, что она имела в виду, взволновало его.

— У тебя никогда не было ребенка. Ты об этом говоришь?

Мистра кивнула.

— Закон группы: никаких детей. Когда-то дети рождались, но их отдавали на воспитание. Это было сделано без угрызений совести, и я приняла все это, как и требовалось. Но теперь я этого не принимаю. Уже десять лет я ищу мужчину, который бы мог стать отцом моего ребенка.

Она замолчала, потом глубоко вздохнула:

— Эллисон, я полагаю, ты догадываешься, — я хочу, чтобы этим мужчиной был ты.

Пока она говорила, он почувствовал, как ее

пальцы коснулись его руки. Он не заметил, как она протянула к нему руку, и это неожиданное прикосновение было для него словно искра. Она породила пламя, которое охватило все его тело. Он схватил ее руку, сжал ее и нежно поцеловал.

И не говоря больше ни слова, они начали раздеваться. Еще минута, и он легко подхватил ее на руки, понес в спальню и опустил на кровать. Она протянула к нему руки. Он позволил ей притянуть себя и опустился с ней рядом.

Когда они обнялись, Стивенс вдруг подумал: «Может быть, она пытается купить меня своим телом?» Он думал об этом лишь мгновение, но потом отбросил эту мысль, как не имеющую значения. В каком-то смысле так оно и было. Но это была его женщина, хотя бы только на сейчас. Ее охватило желание, и он был счастливчиком, который мог его удовлетворить. Он был даже склонен верить, что долгие годы она ни к кому не испытывала такого ответного чувства, как к нему.

Какое-то время он вообще ни о чем не думал, он лишь ощущал ее физическую близость и нарастающее чувство возбуждения. Он подумал о том, может ли смертный мужчина любить бессмертную женщину? Нет, сейчас он не хотел

думать об этом. Это было сейчас, а не когда-нибудь потом, когда он станет старше, а она будет все еще молодой, красивой и желанной. Здесь и сейчас это была любовь крепкого мужчины и здоровой женщины, которые с каждой встречей доказывали, что любят друг друга очень сильно. И еще было приятно осознавать, что ни разу у них не проскользнуло в отношении друг к другу ничего ханжеского.

Когда они уже оделись, она молча повела его к бару. Ничего не говоря, она повернулась и снова бросилась к нему в объятия:

— Эллисон, я правда верю, что люблю тебя так, как никогда не любила.

Голос Мистры звучал мягко. Стивенс поцеловал ее, все еще не веря. Ее губы приникли к его губам, отвечая на его поцелуй, в этом сомнений не было.

— Мистра, — сказал он, — ты красавица.

Она засмеялась низким контральто.

— И это гарантировано навсегда. Не забудь об этом.

А он забыл. Он попытался отогнать пришедшую мысль. На мгновение он так сильно прижал ее, что она засмеялась и задохнулась:

— Мой дорогой — воздух!

Стивенс разомкнул объятия. Он отошел и сказал мрачно:

— Ты говоришь о том, что в мир нужно впустить новую жизнь. А что же с тысячами тех, кто умрет, когда начнется нападение?

Она взглянула на него и удивленно покачала головой:

— Я показала тебе предупреждение, которое будет передано.

— Они не обратят на него никакого внимания, ты же знаешь.

Она наклонилась к нему и серьезно сказала:

— Эллисон, нападение должно произойти, независимо от потерь. Ты должен мне помочь. — И быстро продолжала — Конечно, ты не должен отказываться от своего шанса попасть в дом — шанса нашей любви — я клянусь, мы дадим им все возможности.

— Я вижу, ты не упомянула себя.

— Для меня нет цены. Только любовь может купить любовь. А это приходит позже.

Опять его захлестнуло чувство. Но потом он покачал головой и наконец сказал:

— Прости, дорогая. Я бы отдал, что угодно… — Он замолчал и беспомощно протянул к ней руки.

— Но тебе не нужно отдавать что угодно.

Стивенс не ответил сразу же, но он уже принял решение. Если он сделает этот шаг, он психологически уже не будет свободным. Он вдруг резко осознал, что эта хорошенькая женщина может подавить его. А тогда он и не захочет высвобождаться из-под ее власти. Вот он, этот важный момент. Он должен вернуться и идти вперед. Даже для того, чтобы любить, он должен остаться верным самому себе.

Он не чувствовал угрызений совести. Она же оставалась верной себе. Это была чисто внутренняя проблема. На фабриках будут сотни людей, которых она собиралась бомбить. Они останутся там, несмотря на предупреждение, а он просто не мог допустить, чтобы их жизнь подвергалась опасности. Он, запинаясь, объяснил, что он чувствует, потому что ощущал себя идиотом, будто он больше не был мужчиной.

Но сомнений у него не было. Одна женщина и один мужчина не имеют права развязывать войну против целой нации. Когда он все объяснил, Мистра кивнула и сказала:

— Я верну тебя в Альмирант, как только стемнеет.

XIV

Ночь была темная, и на кладбище было тихо, только шумел листвой морской ветер. Таннахилл опаздывал уже на час, Мистра пошевелилась на сиденье рядом с ним и сказала тихо:

— Может, его на пути перехватила полиция?

Стивенс промолчал, но он понимал, что это не было невозможно. Если Хаулэнд отдал приказ об аресте Таннахилла в течение часа после того, как он вернулся в свой офис, то назад у него уже пути не было.

Прошло еще полчаса. Незадолго до полуночи Мистра заговорила опять:

— Может быть, я останусь здесь, а ты пойдешь и откуда-нибудь позвонишь в полицию и узнаешь, а вдруг он у них…

— Еще рано. Он мог задержаться по многим причинам.

Какое-то время они молчали. Он предложил Таннахиллу встретиться на кладбище, потому что оба знали это место.

Наконец, Стивенс нарушил молчание.

— Я много думал о вашей группе. Вы в прошлом часто ссорились?

— Нет, с тех пор как появился телепат около двухсот лет назад.

— Я хотел спросить тебя, почему у вас только один телепат? Я думал, что искусство чтения мыслей вырабатывается очень долго.

— Нет, — ответила она быстро, — один из членов нашей группы познакомился в Европе с семьей, у которой был замечательно развит этот дар. Мы попытались на двух поколениях сделать так, чтобы этот дар стал врожденным. Наконец, мы выбрали внучку.

После некоторого колебания он спросил:

— Вы были единодушны по этому поводу?

Он почувствовал, как она, повернувшись, смотрит на него:

— На что ты намекаешь?

— Я не знаю.

Это было правдой. Он пытался связать вещи, которые ему пока не объяснили. Зачем ему показали подземную пещеру?.. Почему Мистра искала его помощи, ему было вроде ясно. И она, видимо, выбила почву из-под ног телепата, открыто выступив против плана, согласно которому группа должна была покинуть Землю.

Экспромтом от телепата нельзя было скрыть секрет даже на самое короткое время. Можно бы-

ло лишь утаить какие-то мысли, как бы выдвинув на первый план другие. Но проблематичность такой самодисциплины сводила эту возможность почти на нет. Поэтому и можно было считать, что убийства совершены кем-то со стороны.

Но ведь он на своем опыте понял, что даже очень важную мысль можно утаить от этой женщины-телепата. И поскольку она не заметила, что источником его информации о группе была «Мексиканская торговая компания», обнаружив тем самым свое слабое место, не исключена была возможность, что кто-то из группы мог открыть это и раньше. Стивенс мысленно представил себе кого-то, кто остается вне поля зрения телепата как можно дольше. А ведь план убийства можно было продумывать в течение всего прошлого года. Бунт Мистры занял лишь мгновение в истории группы.

Стивенс, не торопясь, спросил:

— А кто-нибудь возражал против появления телепата, когда впервые был поставлен этот вопрос?

— Да, — ее голос звучал немного иронично, — все, кроме того, кто нашел ее.

— И кто же это был?

— Таннахилл.

— Ну что ж, с той точки зрения, что дом необходимо охранять, у него на этот счет могли быть свои соображения.

Мистра согласилась:

— Конечно, у него были самые серьезные основания для этого. Он подозревал, что в группе недовольны его руководством, и хотел, чтобы эти заговорщики уже в самом начале поняли, что надежд у них быть не может.

Стивенс кивнул:

— Кто выдержал дольше всех?

— Все было не совсем так. Ты должен понять, что большинство из нас — консерваторы. И мы бы хотели, чтобы дом был устроен так, чтобы мы все действовали, как совет директоров. А если нам это не удастся, мы предпочтем, чтобы он остался под контролем Таннахилла. Хотя он нам и не нравится, мы знаем, чего от него можно ожидать. А другой владелец может оказаться котом в мешке. Поэтому, как ты понимаешь, нас было нетрудно убедить в том, что телепат поможет как-то стабилизировать обстановку в группе. Мы просто спросили наших бунтарей, что они скрывают, и когда наконец дело дошло до голосования, мы оказались удивительно единодушны. Хотя и не слишком удивительно, — она рассмеялась, хоть

и несколько мрачно.

Стивенс спросил:

— А раньше были попытки вырвать дом из-под контроля Таннахилла? Перед вашей попыткой, я имею в виду.

— Прежний хозяин дома, можно сказать, делал попытку.

— Ты имеешь в виду этого таинственного вождя, который жил в доме, когда появился Таннахилл? Ему удалась эта попытка? Я имею в виду, он попал обратно в дом?

— Да, и с ним многие из нас.

— Ты была среди них? — Это был второй шок. — Ты была там до Таннахилла?

Она терпеливо объяснила ему:

— Эллисон, ты, кажется, не понимаешь, сколько времени прошло. Я была на корабле, пассажирам которого пришлось защищаться от восставшей команды и рабов, сидевших на веслах. Пассажиры победили, но мы попали в жуткий шторм, и никто из нас не знал морского дела. Несколько раз мы даже видели землю. Один раз, я думаю, это было экваториальная Африка, потом, наверное — Южная Америка и наконец, донельзя измотанные, но жаждущие добраться до цели, мы оказались у Мыса Рога.

— А почему ты оказалась на корабле? Куда ты ехала? — Стивенс, как завороженный, ждал ответа.

Она какой-то момент колебалась, а потом сказала:

— Тогда я была дочерью римского чиновника в Британии.

Стивенс изумленно глотнул, а потом спросил:

— В каком году это было?

— Где-то около 300 года до нашей эры.

— Этому дому столько лет?

— Гораздо больше. Когда мы сошли на берег, всех наших мужчин и женщин убили владельцы дома. Но сами они жили там уже много веков.

— А кто построил его?

— Это как раз то, что мы хотели бы знать, — ответила она хмуро. — Мы даже подумали, что это, может быть, сделал ты. Помнишь?

Стивенс выдержал паузу, а потом решительно спросил:

— Мистра, это Пили был тем самым великим вождем, который жил там перед тем, как появился Танекила?

— Да.

— Сколько времени он уже в вашей группе?

Молчание.

— Мистра!

— Я думаю, — мягко сказала она. — Подожди.

— У тебя хорошая память?

— Отличная. Но — ш-ш-ш. — И опять молчание. Наконец, вздохнув, она сказала: — Пили принимал активное участие в экспериментах, которые привели к тому, что мы выбрали телепата. Он был одним из первых, кто начал настаивать на том, чтобы среди нас был такой человек. Я думаю, ты идешь не по тому пути, мой дорогой.

— Если только он не обнаружил, что можно каким-то образом скрывать мысли, — заметил Стивенс.

Мистра, поколебавшись, сказала:

— Он бессилен что-либо сделать.

— Он ведь поверенный по делам Таннахилла.

В ее голосе появились твердые нотки:

— Это важно, но это ничего не решает. Мы были так осторожны. Я не могу рассказывать слишком подробно, но одной из гарантий был офис в Альмиранте, в котором бы работал кто-то посторонний, не из группы. Хаулэнд, ты и другие до вас.

— Почему Хаулэнд потерял свое место?

— Он случайно заметил, что подпись на документе, которому несколько сотен лет, такая же,

как на одном из последних.

Стивенс иронически рассмеялся…

— И теперь на его месте оказался человек, которому все рассказали.

— Да. Это еще не значит, что группа одобряет мой поступок. — Она вдруг заметила: — Эллисон, уже час ночи. И если ты не пойдешь звонить, то пойду я. Мне ведь не очень-то нравится сидеть ночью на кладбище.

Стивенс неохотно вышел из машины.

— Думаю, ты права. — Он посмотрел на ее темный силуэт за рулем. — Сначала я зайду в аптеку, что примерно за два квартала отсюда. Если у них закрыто, я пойду дальше, возможно прямо в центр города.

Ему показалось, что Мистра кивнула, но ничего не сказала. Он наклонился и поцеловал ее. Сначала губы ее были безразличны, но потом она порывисто обняла его за шею. Стивенс, отстранился и сказал дрожащим голосом:

— Возможно, для тебя будет благоразумнее выйти из машины и подождать меня в тени деревьев. Так тебе будет виден любой, кто придет сюда.

— Не беспокойся обо мне, — сказала она. — У меня пистолет! — В ее руках блеснул металл. И она мягко прибавила: Помни, что самое важное

— спасти Землю, а вместе с ней и нас.

Стивенс быстро пошел по дорожке к воротам. Уже у ворот он остановился, чтобы оглядеть улицу напротив кладбища, но не заметил никакого движения, никаких признаков жизни.

Он поспешил по дороге в тени деревьев, высаженных вдоль нее. Первая аптека, как он и предполагал, была закрыта. Вторая тоже. Уже было без десяти два, когда Стивенс вошел в ночное кафе в деловом центре города и позвонил в полицию. Ответ был кратким, но по сути:

— Артур Таннахилл еще не арестован.

Его будто что-то толкало вперед, он прошел два квартала к ближайшей стоянке такси. Потом, расплатившись с водителем, — еще два квартала до кладбища. Он почти бежал всю дорогу. Стук его ботинок о твердый грунт как бы вторил беспокойству, которое пульсировало в нем. Наконец, он остановился, озадаченный.

Он сказал себе:

— Машина была по эту сторону от участка Таннахиллов.

Он прошел еще немного и остановился. И хотя было довольно темно, он видел решетку, которая огораживала участок Таннахиллов. Она была в нескольких метрах справа. Он встал как вкопан-

ный. На дороге перед ним и позади него никого не было видно. Возможно, Мистра и поставила свой кадиллак где-то под деревьями, но он в этом сомневался.

— Мистра! — позвал он. — Мистра!

Ответа не последовало. И ни звука, только гулкие удары его сердца. С терпеливой, но безнадежной настойчивостью он осмотрел всю территорию. Через пятнадцать минут он понял, что это бесполезно.

Мистры и ее машины на кладбище не было, и Таннахилла тоже.

Не питая никаких надежд, Стивенс отправился в такси к ее квартире. Ее и там не было. Потом он заехал в Большой дом, но там тоже никто не открыл. Отпустив такси, он взял из гаража свою машину и поехал опять в центр города. Было немногим больше четверти четвертого, когда он подъехал к Палмз Билдинг.

Напротив лифта в холле горела одна-единственная лампочка, но двери были закрыты. Это как раз не имело значения. У Пили были ключи — и кстати, он был единственным, кроме Стивенса и дворника, кто имел официальное право их иметь.

Стивенс вставил ключ в замочную скважину,

но отступил в нерешительности. Что же он намеревался делать? У него был пистолет на случай крайней необходимости. Хотел ли он, чтобы Пили понял, что он все про него знает?

Нет. Но, если Мистру захватили…

Очень осторожно Стивенс вошел в здание. Он пошел к черному ходу и поднялся по ступенькам на третий этаж. В офисе «Мексиканской торговой компании» было темно. Он прислушивался у двери несколько минут, потом спустился по лестнице в подвал.

У него ушло несколько минут на то, чтобы нащупать нужное место на стене, заставить ее открыться и войти в пещеру за ней. Лампа стояла там, где он ее оставил. Он закрыл за собой потайную дверь и нерешительно посмотрел в тусклую тьму. Выбора не было. Пещера была единственным местом, где он мог найти Мистру, и уже после этого можно было начать проверять один за другим дома тех, кто были членами группы.

Пожав плечами, он пошел вперед. Туннель, сбегая вниз, расширился, потом выровнялся. Поскольку до основания холма, на котором стоял Большой дом, оставалось метров триста, Стивенс торопился. Через двадцать минут ходьбы он дошел до места, где второй туннель ответвлялся от

того, по которому он шел. Стивенс решительно повернул в него. Когда он дошел до металлической стены, он увидел, что одна из ее секций поднята очень высоко и что за ней виден коридор, отделанный металлом.

Он торопливо отступил назад и выключил свет. Он стоял в темноте, сердце его колотилось. Прошло десять минут, но не было слышно ни звука.

Стивенс опять дошел до двери. Ухватившись за косяк, он заглянул внутрь. Он увидел какое-то слабое излучение, будто это было неясное отражение очень тусклого света.

Он не мог больше ждать. Возможно, Мистра была в опасности, и Стивенс включил лампу, взял в руку «намбу» и вошел.

Он оказался в широком, мерцающем коридоре, который, видимо, был облицован полупрозрачным стеклом. Несколько раз он останавливался, чтобы внимательнее взглянуть на материал, но не заметил даже небольших сколов. Поверхность «стекла» была идеальной.

Он вышел в большую комнату со сводчатым потолком, и вот здесь он увидел источник света — почти скрытый рядами мерцающего стекла глобус, от которого исходило зеленоватое сияние.

Стивенс с удивлением огляделся. Как только он переступил порог, у него появилось ощущение, что он слышит какие-то звуки, как раз за порогом этой комнаты. Это был слабый всепроникающий гул вибрации, будто пульсировала скрытая где-то машина, реагирующая на его присутствие. Создавалось жуткое впечатление чего-то неестественного.

Он увидел, что от центральной комнаты отходили коридоры, но не бросился их исследовать. Вместо этого Стивенс очень осторожно приблизился к глобусу. Тот мерцал крошечными точками изменяющегося света. Свет мерцал еще минуту или две. Стивенс стоял примерно метрах в полутора от первого стеклянного барьера, когда неожиданно вся поверхность глобуса — по его мнению немного больше, чем половина квадратного метра, которая была обращена к нему, — вдруг приобрела кремовый цвет, а потом белый.

Пока он напряженно ждал, на поверхности глобуса появилось изображение. Это был круглый яркий шар на черном фоне, а в темноте светилось множество светлых точек.

Яркий шар стал быстро расти, и Стивенс уже видел какие-то линии. Он узнал знакомые очерта-

ния Северной Америки и контуры Пиренейского полуострова.

Земля! Ему показывали картину, которую можно было увидеть с космического корабля, приближающегося к Земле.

Изображение на экране менялось и росло. Стивенс увидел вытянутый рукав южной части Калифорнии, но потом изображение стало расти дальше, и уже не умещалось на экране.

Вот тут он понял, что машина выходит из-под контроля. Он увидел море, потом мелькнула гористая местность, и вдруг — удар!

Испуг его был сильным еще и потому, что вокруг было так тихо. Еще минута, и корабль летел в пропасть, а дальше — темнота.

Стивенс почти непроизвольно подумал: «Ну да, конечно. Этот корабль разбился здесь, наверное, тысячи лет назад. Но кто же был на его борту?»

Он увидел, что на поверхности пульсирующего глобуса появляется следующее изображение…

Стивенс смотрел на экран в течение двух часов. Вся серия изображений несколько раз повторялась. И каждый раз появлялось какое-то новое изображение для того, чтобы смысл нескольких других стал более ясным. И постепенно вырисовывалась связная понятная история.

Когда-то очень давно, в необозримом прошлом, космический корабль, управляемый роботом, который выбросило с орбиты из-за какой-то поломки, врезался в скалу. Это вызвало оползень, и корабль оказался под многометровой толщей камня и земли.

Робот не погиб во время аварии. И поскольку он умел читать мысли и передавать свои мысли, он установил контакт с группой дикарей. Он обнаружил, что они страшно суеверны, и внушил им не вполне логичную мысль, что им нужно копать яму и таким образом освободить вход в корабль.

Но они были неспособны починить корабль или понять, что от них требовалось. Робот послал им команду, чтобы они построили храм, каждый камень которого приносили в корабль для специальной обработки.

Чтобы еще пуще поразить дикарей, эта обработка сопровождалась вспышками молний и выбросами искр. На самом деле обработка заключалась в бомбардировке материала податомными частицами, которые можно было получить только из очень тяжелых и очень редких искусственных элементов. Причина же была очень проста: робот хотел продлить жизнь тех, кто мог помочь ему починить корабль.

Из первой группы первобытных людей, которые прожили довольно долго, все были жестоко убиты, все, кроме одного. Среди новичков, которые заменили мертвых, Стивенс с испугом увидел высокого мужчину со светлой кожей, который очень напоминал Уолтера Пили, а следовательно и был именно Пили. Он и человек пониже ростом — тот единственный, кто выжил из первой группы, — наконец смогли осознать простую вещь, что корабль вовсе не был божеством. Робот пригласил их к себе и начал образовывать их, начал закладывать в них технические знания. Среди прочих вещей они узнали, какая часть робота была приемником мысли, а какая — передатчиком.

То, что новые обитатели храма принимали некоторые его мысли, обнаружил сам робот. Чтобы избавиться от подозрений, он показал двум своим ученикам, как настраивать передатчик мыслей так, чтобы в радиус его действия попадал только корабль.

Они вообще отключили его.

Это было неожиданное решение. Враждебность, стоявшая за этим поступком, исходила от человека, который был поменьше, она питалась его страхом и ненавистью.

Обоих их в то же мгновение охватил ужас. Ис-

пользуя орудия, которые они нашли в кладовой, они вообще уничтожили чувствительный передатчик. Робот автоматически начал защищаться и выпустил в помещение газ. Кашляя, извиваясь в конвульсиях, эти двое бежали. Дверь за ними захлопнулась.

Больше их никогда не пускали на корабль. Прошло какое-то время. Они проанализировали, что произошло, и на основе тех научных знаний, которые получили, поняли гораздо больше. Они убили всех остальных из второй группы, свалили трупы в яму и закопали их. Теперь они собирались проникнуть опять на борт корабля и захватить его груз.

Робот хотел только починить корабль с тем, чтобы продолжить путешествие. Он смутно понимал, что что-то затевается, и в конце концов ему стало ясно, что придется рисковать.

Однажды эти двое спустились к кораблю с дрелями. Но алмазные сверла оказались бессильными перед металлическими стенами корабля. Во время этого посещения робот понял, что человек поменьше ростом настаивал на действиях против группы, а Пили вроде сопротивлялся.

И вот вероятность атомной войны на Земле заставила низкорослого разработать решающий

план. Робот не мог определить конкретно, какие шаги он собирается предпринимать: его мысли оставались недосягаемыми для робота — расстояние было слишком велико.

Этот человек выстрелил в Таннахилла, полагая, что после его смерти Пили как поверенный состояния Таннахилла будет контролировать передачу собственности. Амбиции его поистине не имели границ — он мечтал о том, чтобы править миром… Но лица его Стивенс никогда не видел: если он и был где-то здесь, то он, вероятно, носил маску.

Когда, наконец, изображения погасли, Стивенс в течение нескольких минут ходил по «трюму», осматривая груз корабля. Согласно фильму — а он так понял, что ему демонстрировали запись на кинопленке — на длинных, закрытых щитами полках, были уложены крошечные, светящиеся капсулы, каждая из которых была заполнена небольшим количеством искусственного элемента в чистом виде.

Это были элементы, не известные на Земле, элементы, настолько далекие от урана в периодической системе, что если они когда-нибудь и существовали в природе, то это было, должно быть, просто мгновение в истории вселенной.

Стивенс не имел понятия, что он будет с ними делать. Казалось, они не представляют интереса в сегодняшней ситуации. Было сомнительно даже, сможет ли он найти покупателя… если только продать их группе…

Было уже четверть седьмого, когда Стивенс вновь вошел в помещение под подвалом Палмз Билдинг и направился вверх по ступенькам. Но его начало волновать одно: ничто не подсказывало, кто же был этот кровожадный компаньон Пили. А ведь было очень важно, чтобы он был изобличен и предстал перед группой.

Стивенс дошел до главного входа в Палмз Билдинг, постоял мгновение за лифтом и направился к своему офису. Пройдя полпути, он уже ступил на площадку и повернул к следующему пролету лестницы, когда увидел чью-то ногу. Стивенс мгновенно опустил руку в карман. Пальцы его уже держали пистолет, но он тут же вынул руку из кармана.

— Да это же Билл Риггз, — сказал он.

XV

Риггз заговорил только в офисе Стивенса:

— Итак, мистер Стивенс, я получил секретную информацию о похоронах Ньютона Таннахилла. Занимался похоронами морг Альмиранта, которым тогда владел Норман Моксли, купивший дело за несколько месяцев до похорон и продавший его немедленно после них.

Он замолчал, Стивенс кивнул. Это была информация, сравнить которую можно было разве с той, которую он нашел не менее важной. Поскольку он знал всю предысторию, он смог представить себе четкую картину всей этой ситуации. Он также определил для себя в общих чертах условия сделки. И еще его беспокоило обвинение, выдвинутое здесь, в Альмиранте, против Таннахилла.

Он сомневался в том, что Моксли уехал из города. Маска была сначала надета, а потом сброшена. Не исключено, что можно было узнать и о том, кто из известных горожан выезжал из города в то время, когда Моксли был в городе, и таким образом, методом исключения можно было бы определить члена группы, который сыграл в этом деле главную роль. Но доказать, что весь

этот маскарад действительно имел место, будет невозможно.

Он понял, что должен как-то отреагировать на то, что сказал ему Риггз, и сказал вслух:

— Все это мне не нравится. Прокурор округа может использовать это против мистера Таннахилла.

— Да, мне это тоже не нравится, — признался Риггз, — и сведения, которые я получил о враче, в том же духе. Его имя доктор Джейм де Лос Сьенгас. Он получил образование пятнадцать лет назад и не работал врачом до тех пор, пока не поселился в Альмиранте в декабре прошлого года. Он продал свой кабинет за сто долларов пятнадцатого мая прошлого года и на следующий же день уехал из города. Этакий увертливый сукин сын, если вы хотите знать, что я о нем думаю.

Стивенс удивился.

— Где вы получили эту информацию?

— Я начал с того, что сравнил телефонную книгу времени похорон с последним изданием. Имя доктора де Лос Сьенгаса значилось в первой, но во второй его не было, а «Похоронное бюро Альмиранта» теперь называется «Похоронное бюро братьев Бенсон». Я заглянул к ним и выяснил кое-что из того, о чем я вам рассказал. И еще

я узнал, что когда они купили это бюро, всеми делами ведало местное отделение «Банка Америка». Вот от менеджера этого банка я и узнал о том, сколько Моксли заплатил за бюро. И Бенсоны, и менеджер одинаково описали Моксли: высокий англичанин, сдержанный, респектабельный, вежливый. Еще они слышали, что он страшный картежник, но каких-либо прямых доказательств у них не было. Они считают, что ему лет сорок.

— А врач? — спросил Стивенс, думая о том, как он сможет использовать эту информацию против Пили.

— О нем я узнал от секретаря местного отделения ассоциации медиков. Как я понял, он был малый дружелюбный, хоть и язвительный, но большинству врачей он нравился. Его хобби — яды. У него была колоссальная библиотека по ядам, но поскольку яды в нашем деле не замешаны, я этого вопроса просто не касался.

Он замолчал и вопросительно взглянул на Стивенса, слегка прищурив глаза, и Стивенсу показалось, что детектив наблюдает за ним и знает больше, чем говорит.

Он сам не был так уж уверен, что яды в этом деле не при чем. Конечно, эти люди использовали наркотики для особых целей, например для того,

чтобы вызвать потерю памяти. Вероятно, этот вопрос еще встанет, но позже.

Теперь он ясно видел, что его положение сейчас было каким-то двойственным и что Риггз вполне справедливо мог задуматься над тем, почему Эллисон Стивенс разгуливает здесь в такие ранние часы. Нужно было хоть как-то это объяснить. И потом было бы только полезно сделать детектива до определенной степени своим сторонником.

— Мистер Риггз, — начал он, — мистер Таннахилл и я пришли к твердому заключению, что в этом деле замешана большая группа и что немалую роль здесь играют деньги и большие деньги. То расследование, которое я провел лично, доказывает, что ситуация действительно очень сложная.

Он рассказал о том, что Хаулэнд сообщил о доходе Мистры, и опять упомянул о письме, которое Таннахилл вынужден был подписать. Он не рассказал о том, что Мистра была его источником информации, а представил как свое мнение, что члены группы зависели от имения Таннахилла. Он рассказал о пещере, но сказал при этом, что наткнулся на нее случайно.

Он ничего не сказал о корабле, бессмертии, обрядах, масках и о том, как он вообще наткнулся

на эту группу. Наконец, он закончил.

— У нас с вами очень трудная задача, Риггз. С одной стороны, мы должны вывести эту группу на чистую воду, но будет ли это хорошо для нашего хозяина? Мы должны быть очень осторожны, чтобы у мистера Таннахилла больше врагов не появлялось. Возможно, что нам придется разыскивать настоящего убийцу.

Риггз кивнул и, казалось, задумался.

— Эта пещера, — сказал он, наконец, — вы думаете, она имеет какое-нибудь отношение к делу?

Стивенс заколебался, а потом солгал:

— Вряд ли.

— Тогда забудьте о ней, — сказал Риггз серьезно. — Я говорю вам, что все эти секретные пещеры, потери памяти, банды пугают меня. Думаю, будет лучше, если мы придержим все это при себе. — Он на секунду замолчал. — А теперь, должен честно признаться, что я следил за вами почти весь день.

— Следили за мной! — повторил Стивенс. На смену ощущению пустоты пришло смятение. Он мысленно перебрал все события вечера. За исключением его визита в пещеру, он не сделал ничего такого, о чем бы Риггзу нельзя было знать, и вроде бы ничто не говорило о том, что он хоть

что-то знал об этом. Стивенс сказал с облегчением: — Это меня ставит в тупик.

Риггз продолжал:

— Откуда мне было знать, что вы не против того, кто меня нанял? И я подумал, что мне лучше вас проверить. Эта история на кладбище затянулась, когда все четверо спрятались по сторонам и бездействовали.

Это вывело Стивенса из состояния равновесия. Он привстал в кресле и потом медленно в него опустился.

— Четверо? — выговорил он наконец.

— Не знаю, понравится ли это вам, — сказал Риггз, — но он ждал там часа два, пока вы уйдете…

— Кто ждал?

— Таннахилл. — Риггз помолчал, потом заговорил снова. — У меня было такое впечатление, что он и девушка договорились обо всем заранее. Во всяком случае, когда вы ушли, он подошел к ней. Он спросил что-то насчет того, действительно ли она имела в виду то, о чем говорила с ним. И она сказала: «Да, я выйду за вас замуж». — Риггз замолчал, потом продолжил: — Тогда они сели в машину и поехали в Лас-Вегас. — Он замолчал. Его взгляд выражал сочувствие, и он добавил: — Я

вижу, вам тяжело об этом слышать. Мне жаль.

Стивенс вдруг понял, что сидит сгорбившись и что мускулы на его лице напряглись, зубы сжаты и болят глаза. Он несколько раз глотнул воздух и каждый раз это причиняло ему все более острую боль. Усилием воли он подавил свои эмоции и бесцветным голосом спросил:

— Что произошло потом?

— Вы вернулись, и я пошел за вами вслед. После того как вы дошли до Палмз Билдинг и закрыли за собой дверь, я потратил два часа, чтобы пробраться внутрь через окно третьего этажа. А потом мы встретились в коридоре. Вот и все.

Стивенс кивнул и сказал:

— Думаю, нам обоим надо поспать.

Ему нужно было сделать тысячу дел. Подготовить поручительство освобождения под залог, если необходимо. Детали защиты. Подготовить все юридические документы. Это была его работа, его юридическая деятельность. Еще ему нужно было подготовиться к встрече с группой. Он должен был укрепить все свои позиции.

Стивенс попрощался с Риггзом и начал думать о том, что поступок Мистры был прямым следствием его отказа. Когда она не могла заручиться его поддержкой, она сделала более решительный

шаг. Он вспомнил, как она говорила о том — а это были ее последние слова — что спасение Земли важнее, чем их любовь.

Она и Таннахилл. С помощью Таннахилла она могла угрожать группе.

Утомленный Стивенс растянулся на диванчике в комнате отдыха, которая находилась между канцелярией и его офисом.

Он все еще не спал, когда мисс Чейнер приехала в восемь тридцать. Он спустился в парикмахерскую в соседнем здании, потом пошел в кафе позавтракать. Он шел назад в офис, когда увидел вывеску лаборатории, производившей анализы материалов. Он видел ее не в первый раз, но до сих пор у него не было необходимости замечать ее.

Непроизвольно он сунул руку в карман и нащупал кусочки мрамора из Большого дома. Он вошел в магазин и отдал их человеку за стойкой. Потом спросил:

— Когда я смогу получить результаты анализов?

На него смотрел худой, довольно пожилой человек в очках в золотой оправе. Он ответил вопросом на вопрос:

— А когда они вам нужны? — И пробормотал

что-то насчет праздников.

Стивенс оборвал его:

— Я заплачу вдвойне, если получу их завтра утром.

Человек быстро выписал ему квитанцию:

— Около десяти — сказал он.

Когда Стивенс вышел из магазина, мальчишка разносчик газет кричал:

— Читайте о нападении на Лориллу!

XVI

Стивенс купил газету и развернул трясущимися руками. Заголовок гласил: «Лорилла обвиняет Соединенные Штаты в нападении».

Под ним уже буквами поменьше было написано: «Посол вручает ноту протеста Государственному Департаменту».

Информация начиналась так: «Правительство Соединенных Штатов категорически отвергло утверждение о том, что их военные самолеты атаковали фабрику и промышленные сооружения Лориллы сегодня в полдень (лориллианское время). Государственный секретарь Уолтер Блейк заявил: тот факт, что правительство отвергло протест…»

Взгляд Стивенса перескакивал со строчки на строчку, он пытался отыскать информацию более важную, чем протесты против обвинений. И, наконец, он нашел следующее:

«Политические обозреватели были озадачены обвинением, выдвинутым Лориллой, очень немногие из них доверяют этому сообщению. Однако из Антуллы пришло сообщение, что по данным радиосвязи между самолетами, которые

поступили в Капитолий, лориллийские пилоты сообщили на базы, что они не смогли проследить за самолетами противника, так как те поднялись на слишком большую высоту. Однако по разноречивым заявлениям разных пилотов, обозреватели Антуллы сделали заключение, что нападающая сторона понесла потери, хотя сведений, что хоть один самолет был сбит, нет...»

Читая сообщение, Стивенс от волнения все время делал глотательные движения. Он мысленно представлял себе, как Мистра спускается в своем корабле через настоящий ад наведенных на цель ракет, противоракетных установок и снарядов огромной взрывной силы. Сообщение в газете подтверждало, что ей пришлось делать это под тяжелейшим огнем. Она рисковала своим бессмертием и ради чего? Ради того, чтобы мир, возможно, никогда не узнал, что она подвергала себя опасности.

Несомненно, что и космические корабли принимали участие в нападении, но это уже значения не имело. Группа капитулировала просто из чувства страха. Когда они поняли, что Таннахиллу грозит смертельная опасность и встревожились не на шутку из-за возможности осложнений, они все-таки помогли Мистре осуществить ее план.

Это была кардинальная перемена. Большой дом останется стоять, где и стоял. Группа останется на Земле. И если только сбитые с толку и разгневанные лориллиане не заартачатся, войны не будет.

Где-то около полудня Стивенс позвонил в офис прокурора округа, и уже через минуту его соединили с Хаулэндом, который холодно сказал:

— Ты понимаешь, что отъезд мистера Таннахилла — свидетельство его вины? Это доказывает, что я был прав, выписав ордер на арест, Стивенс.

Стивенс не представлял, что еще можно придумать, притворился, что он очень удивлен:

— Ведь в конце концов, — сказал он — вряд ли можно обвинить человека в том, что он скрывается от правосудия, если он даже не знает, что его собираются арестовать.

— Послушай, Стивенс, — начал Хаулэнд.

— Возможно, — солгал Стивенс, — что мистер Таннахилл уехал в Сан-Франциско, чтобы отметить наступление Нового года. Он как-то упомянул, что хочет немного поразвлечься. Как только он даст о себе знать, я сообщу ему о ваших намерениях. А пока я подаю судье Адамсу прошение о поручительстве и хочу попросить, чтобы его рассмотрели как можно скорее.

По дороге в офис после завтрака он заглянул

в книжный магазин в центре города и спросил продавца:

— Есть у вас что-нибудь о продолжительности жизни?

Тот заметил:

— Вы имеете в виду книги по геронтологии?

Стивенс кивнул, хотя это слово он слышал впервые.

Он прошел вслед за продавцом вдоль длинных рядов полок и наблюдал, как тот внимательно читает заголовки.

— Ага! — продавец вытащил тоненькую книжку. — «Продление жизни», написана русскими богомольцами. Здесь дается совет есть йогурт, который содержит бактерии, разрушающие токсические вещества в вашем кишечнике. Я сам все время ем его. Но пока еще слишком рано говорить о том, как он действует. — Он засмеялся.

— Еще у нас есть брошюра «Живите долго и наслаждайтесь этим», выпущенная комитетом по общественным проблемам в Нью-Йорке. Их идея периодически проверять состояние здоровья. Если у вас что-нибудь неладно со здоровьем, не жалейте средств на лечение. Вам столько лет, сколько вашему самому изношенному органу. Вот главная мысль. Что хорошего, если у вас

сердце сорокалетнего, а печень девяностолетнего человека?

Стивенс просмотрел брошюру и наконец кивнул, что берет ее, и спросил с некоторым колебанием:

— Что-нибудь, — тут он запнулся, — есть ли что-нибудь о регенерации?

Он объяснил, что ему нужно, и продавец покачал головой:

— У нас есть книга о хамелеонах, которые могут долго жить без пищи.

Стивенс купил ее, так же как и брошюру о богомольцах. Он вернулся в офис и впервые понял, какой на его плечах лежит груз.

Он сел за стол и подумал: во всем Альмиранте есть только один человек, у которого имеется юридическое право — и мотивы — предпринять шаги против группы. Это Фрэнк Хаулэнд. Хаулэнд мог арестовать, обжаловать решения в высших инстанциях, привлекать мнение общественности, получать ордера на обыск. Итак, нужно выдать Хаулэнду максимум возможной информации, чтобы он немного успокоился, но не более того, чтобы он не вскрыл истинного положения дел.

Фрэнк Хаулэнд… партнер. Стивенс рассмеялся

и подумал:

— Завтра позвоню ему.

Он снял трубку, набрал номер аэропорта и заказал себе самолет на Лос-Анджелес этой же ночью.

Он зашел в магазинчик, купил лопату и кирку и положил их в машину. Сегодня ему предстояло проверить одну важную деталь в этом деле, по которой у него не было ясности.

Возможно, эти люди и бессмертны, но пока что это были лишь уверения.

Вернувшись в офис, он достал записную книжку и записал: «Предположим, все, что я узнал, — правда; что еще мне осталось проверить?»

Очень многое, но, вместе с тем, мало из того, что непосредственно касалось дела. Еще нужно было как-то объяснить смерть Дженкинза и сторожа-негра и найти того, кто написал записку Хаулэнду. Оставалось неясной роль Пили как соучастника сговора с неизвестным индейцем.

И что задумали эти двое? Почему этот коротышка втайне противодействовал тому, чтобы улететь с Земли и даже пытался убить Таннахилла, когда тот согласился перевезти Большой дом? И как он собирался использовать Эллисона Стивенса, чтобы заставить мозг робота капиту-

лировать?

Его собственная задача, решил Стивенс, теперь сузилась до одного вопроса:

Как использовать ту информацию, которой он располагал, чтобы убийца попал в ловушку, нанести поражение группировке и заполучить Большой дом для себя, для Мистры и для всего остального человечества?

Он посетил морг, который был в Альмиранте частью похоронного бюро. Он еще раз удостоверился, что Форд умер от пулевого ранения, а Дженкинза убили ножом.

— Странная история с этой ножевой раной, — сказал служащий. — Можно подумать, что его убили раскаленным ножом. Края раны были обожжены.

Игольчатый луч!

Стивенс похолодел от волнения. Остаток дня он потратил, чтобы еще раз просмотреть адреса, которые он переписал из книги счетов «Мексиканской торговой компании». У него вырисовывалась целая группа имен местных финансовых воротил. И как никогда, он чувствовал, какие непомерные трудности испытывает одиночка, который сталкивается с огромной силой.

Он пообедал и уже около девяти часов от-

правился домой, надел старые брюки, толстую рубашку и свитер. Ночь была облачная, поэтому ему было легко въехать на кладбище и подъехать к участку Таннахиллов незамеченным. Он подождал некоторое время, чтобы проверить, не следит ли кто-нибудь за ним. Но кругом стояла мертвая тишина, такая же, как предыдущей ночью. Видимо, местная полиция не считала, что кому-то вздумается вскрывать могилы, поэтому никакие меры предосторожности против этого не предпринимались.

Стивенс вышел из машины. Он собирался вскрыть две могилы. Первую — Франсиско Танекилы, который умер в 1770 году, а вторую он хотел выбрать наугад. После часа работы он с ужасом думал о том, что ему удалось вырыть лишь небольшую яму в первой могиле: земля казалась твердой, как кирпич. Когда прошел еще час, он начал серьезно подумывать о том, что нужно все это бросить. Но чернота ночи склонила его к тому, чтобы остаться. И вскоре он с облегчением почувствовал, что земля стала мягче. Уже через полчаса после этого лопата наткнулась на кусок сгнившего дерева, а потом попала в гроб, в котором лежали камни.

Их там было с десяток, и весили они примерно

столько, сколько должен весить человек. Стивенс удостоверился в том, что больше там ничего не было, закопал могилу и присел отдохнуть. Он знал, что ему еще предстоит раскапывать вторую могилу.

Он ткнул лопату в некоторые из них. И вскоре он уже раскапывал могилу с самой податливой почвой. Он раскопал, наверное, около полуметра, когда наткнулся на что-то твердое. Что-то было странное в препятствии, встретившимся лопате, он нагнулся, осветив землю фонарем, и нащупал руками то, на что наткнулась лопата. Одежда!

Он еще несколько минут разгребал руками землю, затем появилась голова. Лицо было изуродовано до неузнаваемости. Стивенса даже передернуло, пока он рассматривал его, потом он раскопал руку и вынул из футляра солнечные очки. Он осторожно снял отпечаток с одного из пальцев на внутреннюю сторону одной линзы, а на вторую — отпечаток большого пальца. Очки он положил обратно в футляр и сунул в карман.

Ощущая тошноту, Стивенс очень осторожно и тщательно закопал могилу и отправился домой. Он доехал без происшествий, позвонил в аэропорт и попросил пилота, которого нанял, подождать его. Затем он принял душ и переоделся.

Около часа ночи самолет взлетел и примерно через полчаса приземлился в Лос-Анджелесе на отдаленной южной площадке у Западной авеню. Он добрался в такси до Полосы Заката, где в здании суда, построенного в испанском стиле, находился офис Пили. Опустевшие офисы и магазины вырисовывались в ночной мгле.

Он был готов к тому, что ему придется взломать дверь, но один из ключей из сумочки Мистры подошел. Потом уже не представляло труда найти подписанное Таннахиллом письмо, которое давало Пили право «продолжать» выплаты, которые Таннахилл предназначал «членам Пан-Американского клуба».

Большую часть пути в Альмирант Стивенс проспал, и как только добрался домой, тут же лег спать.

Уже к полудню он был в городе.

Он проверил отпечатки пальцев, которые он снял на кладбище на свои солнечные очки, они были очень четкие.

Сейчас при свете дня он снова достал их. Сомнений не было — отпечатки были отличные.

Стивенс внимательно их рассмотрел, потом вынул носовой платок и немного стер отпечаток указательного пальца. Ему казалось сомни-

тельным, нужно ли, чтобы оба отпечатка были такими четкими. Приняв эти меры предосторожности, он отправился в полицию и, отдав очки полицейскому, который руководил отделом по отпечаткам пальцев, сказал:

— Несколько дней назад я сообщил вам, что хулиганы обрезали телефонные провода у моего дома. Сегодня утром в траве, рядом с домом, я обнаружил эти очки. Я подумал, что может быть нужно спросить, можете ли вы сфотографировать и проверить отпечатки пальцев с них.

Лейтенант с интересом осмотрел очки:

— Конечно, мы сфотографируем их. Мы вам еще позвоним, мистер Стивенс.

Стивенс уже было повернулся, чтобы уйти, но потом медленно развернулся. То, что могло произойти, никак не могло ждать, а исследование отпечатков могло затянуться. Он спросил:

— Я полагаю, что вам, вероятно, придется сверять их либо с картотекой в Вашингтоне, либо с отделом водительских прав в Сакраменто. Сколько времени это займет?

Офицер небрежно бросил:

— Если мы ничего не найдем в нашей картотеке, то у нас, возможно, уйдет неделя.

Стивенс про себя подумал, что это скорее зай-

мет две, поколебался немного, потом сказал:

— Я думаю, вы бы могли телеграфировать.

— Из-за хулигана? — тот был изумлен.

Стивенс сказал:

— Мне просто очень интересно, и потом я не думаю, что это такое малозначительное происшествие. И поэтому я оплачу расходы проверки по телеграфу. Разрешите, я подпишу бланк?

Потом Стивенс заехал в химическую лабораторию. Старик вышел из задней комнаты:

— Ну, вы и даете — предложить дополнительную плату за работу, которую нужно сделать к десяти, и не прийти.

— Но я все равно плачу сверху, — успокоил его Стивенс.

Старик облегченно вздохнул и начал:

— Химический анализ не показал ничего особенного. Обычный карбонат кальция в виде мрамора.

— А, черт! — вырвалось у Стивенса.

— Не так быстро, — ухмыльнулся старик, — я еще не закончил.

Стивенс с нетерпением ждал.

— Совсем недавно, в связи с тем, что появились урановые смолки, мы начали проводить исследования с помощью электроскопа, и, самое

удивительное, что ваши образцы оказались радиоактивными. — Он торжествующе посмотрел на Стивенса и повторил: — Радиоактивными… В очень незначительной степени. Я не смог обнаружить какие-либо остаточные следы. Когда я разделил материал образца на составляющие, то кальций, углерод и кислород сами по себе радиоактивными не были. Это очень интересно. Если вам потребуются дальнейшие исследования, как насчет того, чтобы этим занялись мы?

— Если вы пока будете помалкивать об этом, — сказал Стивенс.

— А я по-вашему что делал все это время? — последовал ответ.

Выйдя на улицу, Стивенс подумал: радиоактивность. Это объясняло все и ничего. Это явление природы человек исследовал еще очень мало.

Неожиданно он представил себе людей, которые живут в домах, в которых радиоактивность присутствует в той разумной степени, чтобы люди могли стать бессмертными.

Он подумал о том, существовал ли какой-то предел в функциях робота. Или процесс можно было бы расширить, чтобы не только несколько привилегированных людей могли воспользоваться этим благом. А может быть в это число

можно было бы включить и все человечество?

XVII

Он подъехал к издательству «Альмирант Хералд». Но, как ему сказали, Кэрвелла, директора издательства, «в городе не было». Он позвонил судье Портеру, судье Адамсу и еще десятку других, связанных с группой: «Уехал отдыхать», «Нет в городе», «Возможно, приедет завтра».

И каждый раз Стивенс просил передать, чтобы ему позвонили в любое время, днем или ночью, когда бы отсутствующий ни вернулся.

Он позавтракал, потом поехал в офис, сел за стол и начал обдумывать, что же он сделал. Он был обречен. Он не мог отменить свои просьбы позвонить ему. Члены группы, возвратившись домой, обнаружат его просьбу. И связавшись друг с другом, они быстро поймут, что он знает, кто они такие.

Они, конечно, посчитают, что он знает слишком много и вмешивается не в свое дело.

Ему нужно было укрепить позиции. Он должен сделать так, чтобы ему было удобнее нанести им удар в случае необходимости.

Он все еще раздумывал о том, как он может это сделать и кто ему может в этом помочь, ко-

гда зазвонил телефон и он услышал голос мисс Чейнер:

— О, мистер Стивенс, вас просит мистер Хаулэнд.

Стивенс почувствовал странное волнение. А почему бы и нет, подумал он, вот один из тех, кто может мне помочь. Это лишь капля в море, но это тоже существенно. Полиция в опасный момент вполне может пригодиться.

Через минуту послышался голос Хаулэнда:

— Нужно, чтобы ты заехал в мой офис сегодня днем. Ты как?

— А если сразу же, сейчас? — спросил Стивенс.

— Прекрасно.

Он повесил трубку. Только теперь напряжение, в котором он находился, начало ослабевать. До него вдруг дошло, что он так о многом хотел сказать Хаулэнду, что даже не сообразил поинтересоваться, что, собственно, тому было нужно.

Он вздохнул, потому что теперь отступать было некуда. Он еще раз позвонил, чтобы узнать, были ли на месте судьи и издатели. Их не было.

Он поехал в суд, и его без промедления пропустили к Хаулэнду. Хаулэнд поднялся ему навстречу, протянул руку и сказал:

— Садись.

Хаулэнд тоже сел и медленно произнес:

— Стивенс, мы, наконец, обнаружили отпечатки пальцев Ньютона Таннахилла. Они не совпадают с отпечатками пальцев его племянника Артура. Соответственно, я совершил жуткую оплошность, отдав приказ об аресте Таннахилла.

Он замолк, казалось, изучая лицо Стивенса, пытаясь определить, как он отреагировал. Стивенс с большим трудом сохранял суровый вид. Он холодно сказал:

— Я говорил тебе, что ты спешишь.

Хаулэнд скрипнул зубами:

— Черт возьми, — сказал он, — где эти отпечатки были раньше? — Потом он взял себя в руки и сказал: — Мне нужна твоя помощь.

Стивенс едва слышал его. Первое чувство удивления, которое возникло у него, сменилось изумлением. Группе удалось решить проблему, как изменить отпечатки пальцев. Он мог только смутно догадываться, как они это сделали, но, видимо, это была часть процесса регенерации — омоложения. Когда клетки омолаживались, можно было производить более кардинальные изменения. Было трудно поверить в то, что существовало еще какое-то объяснение, если только отбросить все это бессмертие, как чистой воды

надувательство. Но он понял, что ему уже нелегко будет это сделать. Он мысленно вернулся к тому, что ему сказал Хаулэнд, и подумал о том, что он должен ему сказать в свете всего этого. Он пришел к выводу, что ситуацию это существенным образом не меняло.

Хаулэнд подался вперед.

— Стивенс, — сказал он. — Я готов забыть прошлое. Все позади. Моя голова опять при мне. Проблема в следующем — я погиб, если я просто сниму обвинение. Если ты предложишь хоть какой-нибудь выход из положения, я у тебя в долгу.

Стивенсу пришлось преодолеть напряжение, от которого у него просто подвело живот. Вот она, эта возможность, о которой он мечтал. Он сказал:

— Я подскажу тебе, как мы можем распутать это дело с Таннахиллом.

— Продолжай! — сказал мягко Хаулэнд.

Хладнокровно, останавливаясь, только чтобы перевести дыхание, Стивенс рассказал о том, как хлестали Мистру, но ничего не сказал о том, кто были те люди, которые избивали ее хлыстом. Он не называл имен, не обмолвился и словом о космических кораблях, пещере, бессмертии или корабле под горой, на котором был робот.

Вместо этого он сконцентрировал рассказ вокруг мысли, что существовала группа людей, которая совершала обряды и видимо качала деньги из состояния Таннахилла. И что только это объясняло убийство сторожа и все последующие события.

Когда Стивенс, наконец, вышел из кабинета прокурора округа, ему показалось, что он сделал еще один большой шаг в пропасть.

Он подъехал к Большому дому. Когда он обогнул знакомый ряд деревьев и уже увидел этот величавый каскад ступеней, то подумал, что вряд ли здесь сейчас кто-нибудь есть.

Несколько минут он звонил в дверь, но ему никто не открыл. Он мог бы войти, открыв дверь ключом Мистры, но вместо этого он подошел к краю террасы, спрыгнул на траву и начал обходить дом сзади.

Оттуда дом выглядел темным, очертания его были неровными на фоне голубого неба и сверкающего синего моря. На всей этой громаде лежала печать одиночества, и тяжесть невероятного возраста будто давила на него и на ту землю, на которой он стоял.

Дом купался в солнечном свете. И было понятно, что для него убийство, так же как и насилие, — дело обыкновенное, а интрига — что-то такое же

естественное, как сама жизнь и смерть, которые он был предназначен пережить. Этот дом наверное хранил столько секретов, сколько лет он стоит, а в его теплых гладких стенах таилась вся его кровавая история…

Все остальные здания находились в стороне от дома и были отделены от него целой серией цветочных садиков и двумя изгородями высокого кустарника. Деревья были очень живописно посажены возле каждого здания с тем, чтобы скрыть от обитателей дома те ужасные вещи, которые могли там происходить.

Он подошел к восточному склону холма. Под ним распласталась долина, и с высоты была хорошо видна ферма с зеленой крышей. А за ней еще несколько холмов откатывались к горизонту. Стивенс пошел к вершине холма, туда, где дорога подходила к краю обрыва, — та самая дорога, по которой Мистра вела машину.

Когда он вернулся к первому из зданий, расположенных по соседству с Большим домом, он четко представлял себе, что же такое Большой дом и его окрестности. Солнце уже повисло низко на западе небосклона над бесконечным сверкающим водным пространством. Стивенсу не захотелось пересекать огороженные зеленые

газоны перед другими девятью зданиями, которые выстроились позади дома. Он подумал, что там ничего интересного он не найдет. Если что и представляло интерес, так это дом.

Он вошел в дом через парадную дверь и исследовал каждую из двенадцати комнат. Там было восемь спален, просторная библиотека, столовая, гостиная и огромная кухня. Застекленная дверь вела из каждой комнаты во внутренний дворик.

Потом он остановился в холле и внимательно проанализировал дизайн внутренних покоев. Он заметил, что здесь с каждой стороны было по две прекрасно реконструированных комнаты…

Уже стемнело, когда Стивенс отъехал от дома. У него было какое-то чувство подавленности. Он так и не обнаружил, кто же был индеец, который один выжил из всех первых людей, населявших этот дом. Стивенс пообедал в городе и отправился домой. Он поставил машину и шел к дому, когда из-за кустов на него набросили веревочную петлю и она мягко упала ему на плечи и затянулась на локтях. Тут же его сбили с ног.

Удар оглушил его, и он уже не смог сопротивляться, когда его связывали веревкой и сунули кляп в рот.

XVIII

— Ну, ладно, Стивенс, вставай и пошли!

Стивенс! То что назвали его имя, убило даже слабую надежду, что это просто банда ночных грабителей. Стивенс с трудом поднялся и споткнулся, когда сильные руки схватили его за ворот плаща и рванули, разорвав на спине пополам и пиджак и рубашку. Полуобнаженного, его ткнули в ствол дерева и привязали к нему веревкой.

Несколько мгновений спустя в воздухе послышался тонкий свистящий звук. И на его плечи опустился хлыст.

Стивенс задохнулся. Будто ножом провели у него по спине. От второго удара у него перехватило дыхание, и в него вдруг вселился панический ужас, что ему сейчас выбьют глаза и исполосуют лицо. Сжав зубы, он прижал голову к стволу. О, Боже, подумал он, они заплатят за это!

Эта мысль, эта ярость помогли ему выстоять, пока его карал хлыст. Боль притупилась и не была такой острой. У него начали подгибаться колени, а перед глазами поплыл туман. Он не представлял себе, сколько времени его били, он только услышал мрачный голос:

— Мы бы могли прикончить тебя. Но пока что ты получил предупреждение. Если еще когда-нибудь ты сунешься в наши дела, то мы тебе оставим отметину на всю жизнь. Ты ослепнешь. А твое хорошенькое личико будет разрезано на ленточки.

Они должно быть ушли, потому что вокруг стояла тишина, пока он стоял, вот так, повиснув на дереве. Силы его возвращались медленно, и на востоке уже забрезжили первые лучи, когда до него дошло, что он может снова стоять на ногах. Он понял, что конец веревки просто заткнули в одно из ее колец, которые обхватили дерево. Он дотянулся рукой до веревки и потянул ее. Она развязалась.

Он рухнул на траву и лежал так, тяжело дыша, пока наконец не смог пойти к дому. Стивенс отпер дверь, спотыкаясь, вошел в гостиную и лег на диван.

Через некоторое время он вошел в спальню, разделся и смазал рассеченную до мяса спину успокаивающей мазью. Он очистил раны, сделал примочки и потом сварил кофе. Когда он выпил первую чашку, гнев его прошел, и он уже чувствовал себя гораздо лучше.

Все утро и часть дня он лежал в кровати. К

нему постепенно возвращалось мужество, и ему становилось ясно, что группа не представляет, сколько же ему известно. Иначе они не стали бы ожидать, что он сдастся.

Он слишком на многое ставил, чтобы это допустить. Бессмертную группу, которая тайно жила на земле смертных людей, заставили действовать открыто поступки одного или нескольких членов группы и надвигающаяся угроза атомной войны. И теперь, не зная о планах, которые строил таинственный индеец, они пытались сомкнуть ряды. Если бы им это удалось, туман опять сгустился бы и все события потонули бы во мгле, а Эллисон Стивенс исчез бы в царстве теней заодно с убитыми Джоном Фордом и Уильямом Дженкинзом. От него бы осталось только имя в списке мертвых какого-то одного, не очень отдаленного дня. Несколько лет, несколько десятилетий — мгновение в вечности. Не говоря уже о его расплывчатом плане сделать долголетие доступным для человечества, теперь его толкала вперед какая-то внутренняя необходимость, независимо от опасности.

Уже около половины третьего Стивенс почувствовал себя настолько хорошо, что встал, побрился, оделся и, достав кое-что из холодиль-

ника, соорудил себе поесть. Потом он позвонил в Большой дом. После нескольких звонков на другом конце провода щелкнуло, и женский голос спросил:

— Говорит экономка. Кто звонит?

Это был голос Жико Эйн! Группа вернулась в дом.

Стивенс назвался, подождал, пока она, видимо, просто отвернулась от трубки, и затем холодно сказала:

— Мистер Таннахилл попросил меня передать вам, что все, что он считал нужным, он написал в письме, которое он отправил в ваш офис.

— Письмо? — озадаченно спросил Стивенс, но сдержался. — А можно попросить мисс Лэннет?

— Мисс Лэннет тоже нет для вас.

Трубка щелкнула.

Стивенс медленным движением положил трубку на место. Затем он поехал к себе в офис. Когда он вошел, мисс Чейнер сказала:

— На ваше имя пришло заказное письмо специальной почтой. Оно помечено грифом «лично», поэтому я его не вскрывала.

— Спасибо! — произнес Стивенс автоматически.

Он прочел письмо, стиснув зубы:

Уважаемый мистер Стивенс!

Настоящим письмом я уведомляю вас о том, что ваш контракт со мной расторгнут с настоящего момента. Пожалуйста, отправьте почтой ваши ключи в Большой дом и через час покиньте офис. Через определенное время вам будет выплачена полагающаяся за увольнение компенсация.

С уважением Артур Таннахилл.

Стивенс сложил письмо и положил его в нагрудный карман. Его загнали в угол, но он не чувствовал себя подавленным.

Группировка пыталась столкнуть его за борт. На этом они не остановятся. И даже упоминание о «компенсации» через определенное время было тоже тактическим шагом. Возможно, если бы он согласился уехать из Альмиранта, его оплата за услугу могла быть очень большой.

Он позвонил в гостиницу, где жил Риггз, и на этот раз его соединили почти немедленно. Риггз сказал:

— Простите, мистер Стивенс. Я не позвонил потому, что получил письмо от мистера Таннахилла, в котором говорится о том, что вы больше не имеете к этому делу никакого отношения, а мне рекомендуется больше с вами не вступать в контакт.

— Вы получили только письмо? И с вами лично не разговаривали?

— Нет.

— И даже не позвонили?

— К чему вы клоните? — Риггз, казалось, был немного взволнован.

— Послушайте, Билл, у меня все основания предполагать, что Таннахилл просто пленник. Вы получили бумагу о том, что больше не нужны?

— В письме говорится, что в моих услугах больше не нуждаются и что я должен получить деньги. Черт, вы имеете в виду, что от нас отделались? Лично я уже упаковываю вещи.

— Лучше распаковывайте — если, конечно, вы не хотите выйти из игры.

— Я остаюсь. Где мы встретимся?

— Пока нигде. Я собираюсь раскрыть карты перед довольно опасными людьми, и мне очень нужна ваша помощь…

Он позвонил в газеты. Ни Кэрвелла, ни Гранта на месте не было — по крайней мере ему так сказали. Поэтому он поговорил с главными редакторами. Он сказал обоим:

— Передайте вашему шефу, что сегодня вечером произойдет очень важное событие. Он знает, где это будет. Он единственный представитель

прессы, которого пригласят, и он должен быть лично. Скажите ему, что все члены группы должны быть там.

Потом он позвонил судьям Портеру и Адамсу и поскольку с ними его не соединили, он поговорил с их секретарями. Он сделал только эти звонки членам группы, остальным придется обо всем узнать как придется и прийти без приглашения.

Стивенс был абсолютно уверен, что они придут. Вся группа и убийца. Маньяк и его следующие жертвы. Человек, который хотел получить власть над всей планетой, и те, кто стояли на его пути. И он должен был убить их, чтобы спасти себя.

Мысль об убийстве напомнила Стивенсу о мертвом человеке, который лежал в одной из могил на участке Таннахиллов. Он позвонил в полицию и узнал, что результатов идентификации отпечатков пальцев еще не было. Он застонал и повесил трубку. Ему хотелось покончить со всем этим сегодня, а у него не было такой важной информации.

Обеспокоенный, он достал свою записную книжку и записал: «Мертвый человек в могиле возможно связан с этим делом, а возможно и нет. Я предполагаю, что он все-таки связан».

Он поколебался и сделал еще одну запись: «Это

не неизвестная мне личность. Это кто-то, кого я знаю».

Стивенс мрачно уставился на страницу. Краски сгущались, если предположить, что последнее возможно. А если нет, то нить его размышлений обрывалась, и он был в тупике. Он записал: «Предположим, я знаю его. Кто это?»

Он подумал еще с минуту и написал следующее: «Физические характеристики мертвого тела: примерно моего телосложения. Кто еще из замешанных в этом деле с меня ростом?... Уолтер Пили».

Он перестал писать. Как молния его вдруг пронзила невероятная мысль о том, кто это мог быть. Он быстро выстроил цепь рассуждений: Пили не было целую неделю; Дженкинз видел его в ту ночь, когда хлыстом избили Мистру, но несмотря на все попытки определить, где он находится, Стивенс так и не нашел его после этого.

Мозг работал. Он подсказал, что Пили долго противостоял разрушительным планам своего компаньона. Казалось маловероятным, что теперь, когда так близка развязка, этот человек мог убить своего хитрого противника — несмотря на все меры предосторожности, которые Пили (судя по той информации, которую дал робот) втайне

предпринял, опасаясь его коварства.

Стивенс чувствовал, что именно теперь наступает решительный час. Это подтверждалось еще и тем, что убийцу вроде и не волновало, что Эллисон Стивенс расскажет группе о корабле. А ведь он скрывал это больше тысячи лет.

Значит, либо он уже вообще не придавал этому значения, либо — что было гораздо более вероятно — он был твердо уверен в успехе.

Стивенс все еще размышлял об этом, когда дверь вдруг открылась. Вошла мисс Чейнер и, набрав воздуха, выпалила:

— К вам пришла мисс Лэннет.

И когда вошла мисс Лэннет, мисс Чейнер, казалось, сдуло с места, как клочок потемневшей осенней травы. Дверь закрылась, и перед Стивенсом предстала Мистра.

Его волнение улеглось почти в ту же минуту, потому что она ответила ему холодным взглядом, потом подошла к стулу.

— Мне можно сесть? — спросила она.

Стивенс смотрел на нее мрачно. У него было такое чувство, что он получит очередную отставку. Наконец, он сказал:

— Я вижу, ты довела свое дело с Лориллой до конца.

Она кивнула:

— Тебя это потрясло?

Он покачал головой.

— Я ведь все равно не смог бы поддержать тебя в этом, но раз уж ты считала, что ты права… — Он осекся. — Ты вышла замуж за Таннахилла?

Она долго испытующе смотрела на него:

— Откуда ты узнал об этом? — спросила она.

Стивенс совсем не хотел выдавать Риггза, особенно теперь, когда детектив должен был сыграть важную роль в спектакле сегодня вечером. Он ответил:

— Это был просто естественный выход из положения. Выйти замуж за Таннахилла. И по закону Калифорнии автоматически получить половину его состояния.

Последовало недолгое молчание, и потом Мистра сказала:

— Я хочу получить свою сумочку. Ту, которую я забыла в самую первую ночь.

То, что она не стала ни отрицать, ни подтверждать того, что она вышла замуж за Таннахилла, охладило его. Стивенс открыл нижний ящик стола, и не говоря ни слова, отдал ей сумочку. Она вытряхнула ее содержимое на стол и потом, по одной, положила все вещи обратно. Она взгля-

нула на него:

— Где ключи?

— Ах, да! — Он сунул руку в карман и протянул ей ключи. Когда она взяла их, он сказал: — Сегодня вечером я с вами всеми встречаюсь. Ты, видимо, уже знаешь.

Она как-то странно взглянула на него.

— Тебе, наверное, интересно будет узнать, что к Таннахиллу вернулась память. Так что у тебя в группе не осталось ни одного сторонника.

Стивенс посмотрел на нее в упор:

— Ни одного?

Голос ее дрогнул:

— Ни одного.

Стивенс мрачно улыбнулся. Он, действительно, лишился какой бы то ни было поддержки. Он сказал:

— Ты можешь передать Таннахиллу, что ему меня не так просто уволить. Я служащий Уолтера Пили. Я буду считать себя свободным, когда меня уволит мистер Пили.

Ситуация была забавной. Если в могиле лежал Пили, то еще потребуется время, чтобы уволить Эллисона Стивенса.

В это время заговорила Мистра:

— Ну что ж, мы позаботимся о том, чтобы ми-

стер Пили официально уведомил вас об этом.

— А что будет с нами? Когда ты говорила, что любишь меня, — это что, было частью твоей стратегии?

— Нет, — сказала она, выражение ее лица не стало мягче. — Но я как-нибудь справлюсь с этим — у меня для этого впереди еще сотни лет. И, может быть, когда-нибудь у меня появится кто-то другой.

От нее веяло таким холодом, что он буквально застыл. Он понял, что должен сказать что-то более веское, и спросил:

— Телепат еще с вами?

Она кивнула, но в глазах ее застыл вопрос.

— Вам нужно от нее избавиться. Она не справляется со своей задачей.

— Ты имеешь в виду историю с Пили?

Стивенс колебался.

— Где Пили? Он появился?

Она не торопилась с ответом:

— Нет еще, — сказала она, наконец. — Но не беспокойся. Мы готовы к его появлению. Если он замышляет против нас…

— Нет, — Стивенс не спешил. — Думаю, он упустил момент.

— Тогда кто?

— Я не знаю. — Он наклонился к ней и сказал серьезно. — Мистра, вам всем угрожает опасность, вас могут убить.

Мистра покачала головой и иронически улыбнулась.

— Эллисон, это уже похоже на мелодраму. Ты явно пытаешься заставить нас принять тебя. Это не пойдет. Уверяю тебя, что избавиться от нас будет трудно. Мы еще никогда не были так осмотрительны.

Она уже брала в руки перчатки, и тут Стивенс воскликнул:

— Мистра, подожди!

Она медленно опустилась на стул. Ее зеленые глаза смотрели на него вопросительно. Стивенс сказал:

— Разве ты не видишь, что я пытаюсь помочь вам? У меня есть важная информация.

Стивенс не намеревался рассказывать этой холодной, враждебно настроенной молодой женщине о том, что ему поведал мозг робота на космическом корабле. И потом, для осуществления его плана ему могло потребоваться оказать на них сильное давление. А для этого информация нужна была только ему. И он спросил Мистру:

— Можно ли каким-то образом разрушить

дом?

Она рассмеялась:

— Ты думаешь, я хоть кому-то скажу об этом?

Стивенс подался вперед.

— Ради собственной жизни, подумай еще раз.

Глаза ее округлились от удивления:

— Послушай, это даже забавно. Неужели ты думаешь, что хоть один член группы настолько глуп? Дом — это все, что у нас есть.

Стивенс мрачно сказал:

— В связи с тем, что мне известно, я думаю, что именно в этом и заключается цель предателя. Поэтому мне нужно знать, существует ли способ разрушить его так, что больше он уже никогда не будет таким, как был. Может быть, какое-то новое взрывчатое вещество. Я, конечно, не имею в виду что-то большое, вроде атомной бомбы. Это может быть какое-то вещество, которое человек может носить в кармане. Я понимаю, что, может, требую очень многого.

Она поколебалась, потом кивнула.

— Не вижу ничего опасного в том, чтобы сказать тебе, потому что вряд ли ты сможешь использовать это против нас. Опасность представляет элемент 167. Это порошок очень тонкой консистенции, и он обладает способностью разрушать

атомную структуру мрамора, из которого построен дом. Произойдет просто распад мрамора, и, таким образом, мы потеряем всякую надежду восстановить особые свойства этого материала.

— Элемент 167? Только он?

— Да, насколько я знаю.

— Спасибо. — Он замолчал, а потом сказал: — Мне жаль, что я не могу сказать: «Вот он, этот человек!» Может быть, ты расскажешь мне немного о членах вашей группы. Сколько их в городе в настоящий момент?

— Сорок один.

— Из пятидесяти трех, — задумчиво сказал Стивенс. — Хороший будет улов, если он захватит всех. — И он твердо продолжал. — Они все должны быть там. Чтобы он поверил, что это его единственная возможность. Только заставив его действовать, мы сможем выяснить, кто же это. Ты меня понимаешь?

Мистра уже поднималась. Она начала надевать перчатки и сказала:

— Я думаю, что смогу устроить так, чтобы тебя выслушали сегодня. — Она заколебалась. — Но если ты этого человека не обнаружишь, считай, ты покойник. — Она говорила тихо и серьезно. — Вернув Таннахиллу память и получив над ним

власть, я имею один голос в свою пользу. Я ничего не могу сделать для тебя, да даже и не попытаюсь. Ты будешь действовать в одиночку.

Она встала и пошла к двери. Не осознавая, что он делает, он произнес:

— Мистра.

Наверное, в голосе его послышалось волнение, которое было ей так знакомо, потому что она повернулась и произнесла:

— Не осложняй ситуацию.

— Это все, что ты должна сказать единственному человеку, которого ты когда-то любила?

Она сказала с упреком в голосе:

— Но ведь ты отверг мое предложение, помнишь? Мне пришлось искать другой выход. Ты отказался от будущего со мной, ты помнишь?

А он просто стоял и смотрел на нее. Она снова вошла в комнату, и ее взгляд упал на диван, на котором он часто спал, когда засиживался допоздна. Она многозначительно посмотрела на него, потом перевела взгляд на дверь:

— Мы можем ее запереть? — спросила она.

— Ради Бога, Мистра, ты сошла с ума?

— Конечно. А ты нет?

Как это было непохоже на ее холодность, когда она пришла! И когда они любили друг друга на

этом узком диванчике, она непроизвольно вскрикивала в порыве страсти, а потом вдруг притихла и мягко засмеялась. И потом зашептала:

— Интересно, что думает мисс Чейнер. Она ведь влюблена в тебя, ты знаешь?

— Чейнер? — Стивенс был удивлен.

Он отверг это предположение. И когда уже они одевались, он спросил:

— Ты думаешь, она все слышала?

— Конечно. Когда я вскрикиваю от наслаждения — этот звук не может обмануть ни одну женщину.

Впервые за все время их знакомства Стивенс был смущен:

— Мистра, ты меня шокировала.

В этот момент она намазывала губы помадой. Она остановилась на секунду, раздумывая над его словами, а потом сказала:

— Наверное, нам будет полезно испытать муки расставания. — И убежденно добавила: — Это последний раз, Эллисон.

— Да? — уклончиво спросил Стивенс.

Он чувствовал какой-то подъем, несмотря на все опасности, которые ожидали впереди. Их роман был действительно уникален. Она не отдавала никакие долги и не брала с него никаких

обязательств. Она просто отдавала ему себя, и, понимая это, он испытывал прекрасное ощущение.

Она больше ничего не сказала, а просто закончила краситься. Стивенс отпер дверь, и они вышли в приемную. Мисс Чейнер сидела за своим столом, но она не подняла глаз от бумаг, которые читала. Стивенс видел только часть ее лица и шеи — они были пунцовыми.

Стивенс открыл перед Мистрой входную дверь. Она вышла, оглянувшись. Стивенс медленно закрыл за ней дверь и сказал мисс Чейнер, не глядя на нее:

— Если кто-нибудь придет до того как вы уйдете, скажите, что я вернусь около шести.

Он спустился вниз, выждал удобный момент и незамеченным спустился в подвал. Когда он уже был в пещере, он почувствовал себя в безопасности и как можно быстрее направился к кораблю. Приблизившись к нему, он почувствовал, что нервы его на пределе. Позволит ли ему робот войти?

Когда он увидел, что дверь открыта, то чуть не задохнулся от радостного облегчения. Но тем не менее ситуация требовала от него огромного напряжения сил. Если ему все еще доверяли, то его план должен быть хотя бы частично прием-

лемым.

Он приблизился к зеленоватому глобусу, на котором появилось изображение. Ему показали абсолютно точно, в каком месте в кладовой находится элемент 167, и еще он увидел, какие элементы, соединившись с ним, смогут нейтрализовать его разрушительную силу. Робот считал, что элемент 221, газ, подходит для этой цели.

Стивенс взял по капсуле каждого элемента и вернулся к шару. Но изображение погасло. Больше, видимо, разум робота ничем ему не мог помочь. И даже если в могиле Таннахилла лежало тело Пили, то и здесь робот был бессилен чем-либо ему помочь, информацию эту он проверить не мог.

Расстроенный, Стивенс вернулся в Палмз Билдинг. Мисс Чейнер уже ушла, но когда он вошел в свой офис, он увидел посетителя.

Уолтер Пили сидел в кресле за его столом.

XIX

Когда они обменивались рукопожатием, Стивенс, озадаченный, молча смотрел на Пили. Появление Пили — после того, как, по логике вещей, Стивенс определил ему роль мертвеца — никак не могло повлиять на его встречу этим вечером, когда он собирался раскрыть все карты. Но теперь он терялся в догадках.

Если в могиле был не Пили, то кто же это был?

Как показалось Стивенсу, Пили еще никогда не был в такой отличной форме. У него был, пожалуй, индейский тип лица — что иногда бывает так трудно определить — и это было лицо здорового человека с прекрасным цветом кожи.

Пили сказал:

— Я только что разговаривал с Хаулэндом. Он говорит, что у вас с ним созрел план ареста большинства членов группы, которые словно пиявки высасывали из Таннахилла деньги все эти годы.

На несколько секунд Стивенс онемел от изумления. Он был поражен, что прокурор округа действовал так опрометчиво. Запинаясь, он спросил:

— И что же Хаулэнд вам рассказал?

Но он тут же понял, что его замечание может восприниматься как неодобрение того, что Хаулэнд вообще что-то рассказал Пили. Поэтому он поспешил добавить:

— Я имею в виду, что если я буду знать, что он сказал, я просто дополню недостающие детали.

Слушая Пили, он постепенно понял, что Хаулэнд рассказал ему все. И когда Пили закончил, Стивенс подумал, что это просто предательство. Но значения это уже не имело. Идея арестовать группу за то, что они носили при себе оружие, не имея на то разрешения, а потом изобличить их, с самого начала не казалась серьезной — так, всего лишь небольшой укол. Хотя положение Таннахилла стало бы легче. Какое-то время заняли бы судебные процедуры. И, возможно, после бесконечных отсрочек можно было бы вынести приговор о тюремном заключении.

Но группа будет продолжать существовать. И это никак не поможет найти кровожадного и тщеславного напарника Пили. И потом это никак не поможет Стивенсу осуществить его план, в котором для Пили подготовлен очень неприятный сюрприз.

Конечно, раз Пили был одним из двух конспираторов в группе, то вполне возможно, что он не

предупредит остальных.

Пили предложил пообедать в городе. И вдруг, за обедом, Стивенса осенило, что Хаулэнд вряд ли бы стал рассказывать Пили об их плане. Прокурор округа ставил на слишком многое. Приказав арестовать Таннахилла, он совершил ошибку и тем самым поставил под угрозу свою карьеру. Но где Пили получил эту информацию?

Пока он сидел за столом, в него закралось другое подозрение.

Человек в могиле — это Фрэнк Хаулэнд. Это была просто мера предосторожности, которую Пили предпринял против своего коварного компаньона. Разум робота не смог показать, как Пили защищался, но теперь это казалось очевидным. И веским доказательством был тот факт, что Пили нанял Хаулэнда — человека такого же телосложения, как он. Хаулэнд был поверенным Таннахилла, потом стал прокурором округа. И ему сразу же предоставили возможность заметить сходство между подписями, поставленными в восемнадцатом и двадцатом веке — вот поэтому-то группа и была удивлена тем, с какой скоростью Пили оборвал все нити, связывающие Хаулэнда с имением.

И вот Пили назначил на ту же должность Элли-

сона Стивенса, человека такого же телосложения, как он, и с похожими внешними данными.

В критический момент оба должны были быть убиты, а Пили, который предусмотрительно снял офис в Лос-Анджелесе, мог спокойно, меняя маски, играть роль то одного, то другого.

Все это показалось Стивенсу настолько убедительным, что он, извинившись, пошел позвонить в офис Хаулэнда.

Ему ответили, что мистер Хаулэнд уже уехал. Он набрал домашний номер прокурора округа. Женский голос ответил:

— Мистер Хаулэнд будет дома только поздно вечером.

Стивенс хотел было спросить, говорит ли он с миссис Хаулэнд. И если это так, не заметила ли она чего-нибудь странного в поведении мужа за последние несколько дней. Однако он передумал и медленно вернулся к столику. То, что Хаулэнда не было в офисе и дома, еще не было веским доказательством того, что его теория верна, и все же ему казалось, что так оно и было.

«Я могу показать ему письмо Таннахилла с уведомлением о моем увольнении, — подумал он, — может быть, тогда он решит, что убивать меня не стоит, что это просто ничего не даст. То-

гда ведь он не сможет воспользоваться местным агентством, а он на это рассчитывал».

Он все еще раздумывал, как ему поступить с письмом, когда Пили сказал:

— Я думаю, мы поедем к вам домой после обеда, и вы мне расскажите все, что вам известно о положении дел здесь.

Стивенс мысленно представил себя наедине с Пили в уединенном домике на окраине, это был конец. Он быстро вынул письмо и протянул его Пили.

Пили прочел его и вернул Стивенсу, ничего не сказав. Когда они ехали в бунгало, он казался очень задумчивым.

Когда Стивенс налил ему виски с содовой, Пили попросил еще раз взглянуть на письмо. Он внимательно прочел его и наконец сказал:

— С чего это он вдруг напустился на вас?

— Не имею ни малейшего понятия. Надеюсь, что сегодня вечером он смилостивится.

— Так вы решили все же осуществить ваш план.

— Теперь мне уже нет пути назад, — солгал Стивенс. — Связавшись с Хаулэндом, я повязал себя по рукам и ногам.

Тот факт, что перед ним сидел человек с маской

Хаулэнда в кармане, которую он мог надеть в любой подходящий момент, ничего не меняло.

Еще целый час они говорили об имении. Пили, казалось, слушал с интересом, но это было легко и сыграть. Может быть, он просто считал, что получит информацию от человека, которого не приняли в организацию.

Без четверти девять зазвонил телефон. Стивенс даже подпрыгнул, когда раздался звонок. Он взял трубку дрожащей рукой.

— Эллисон Стивенс слушает.

— Мистер Стивенс, — услышал он мужской голос, — это из бюро по отпечаткам пальцев, из отделения полиции. Мы получили результаты, которые вас интересовали.

— Да? — голос Стивенса оставался ровным, но сердце его бешено забилось.

Он повесил трубку, ощущая какую-то пустоту. Но взял себя в руки. Ему уже нельзя было отступать. Он начнет с обвинения Уолтера Пили. А потом последует то, что для многих из группы будет неожиданной кульминацией. А потом…

Он покачал головой. А вот что делать потом, представлялось ему очень смутно и как и прежде казалось смертельно опасным.

XX

Когда Стивенс поставил свою машину, он увидел, что машина Мистры уже была там. По крайней мере, ему показалось, что это так. На стоянке было еще несколько больших машин.

Он поднялся по лестнице вслед за Пили, заметив, что дом был ярко освещен. Они позвонили, и Жико Эйн открыла дверь. Без украшений она выглядела какой-то другой, пожалуй, даже изысканной. Она молча провела их в гостиную, где расположились одиннадцать человек — Стивенс сосчитал их. Он увидел судью Адамса, судью Портера, Кэрвелла и Гранта, Таннахилла и Мистру. Еще двое мужчин и три женщины были ему незнакомы.

Вперед вышел Таннахилл, на его лице играла слабая ироническая улыбка. Он не протянул руки Стивенсу.

— Вы — Стивенс? — спросил он так, будто не был в этом уверен.

Стивенс кивнул и повернулся лицом к присутствующим. Он с нетерпением ждал момента, когда сможет начать. Он специально рассчитал так, чтобы приехать раньше Хаулэнда (на сорок

минут) с тем, чтобы получить возможность выдвинуть начальные обвинения, а потом, если удастся, заручиться поддержкой группы.

Он открыл кейс, вынул оттуда бумаги и еще раз огляделся. Его интересовало, кто же из женщин читает мысли, кто из них телепат. Но теперь его интересовало, какие мысли подвластны ей. Он сомневался, что она сумеет распутать паутину его планов, которые он задумал привести в действие. Какие-то из них были действительно очень важны, а другие — просто для того, чтобы отвлечь внимание. Он надеялся, что она поймет, что он хочет просто оказать давление на группу, что основная опасность исходит не от него.

Он начал несколько торжественно:

— Моей первостепенной задачей я считал служить мистеру Таннахиллу.

Краешком глаза он заметил, что это замечание вызвало мрачную усмешку на лице Таннахилла. Стивенс продолжал:

— С этой целью я подготовил аргументы, которые, как я полагаю, вы согласитесь, докажут общественности, что мистер Таннахилл не был виновен и, соответственно, не является виновным в том преступлении, в котором его обвинили.

Ему показалось, что Мистра, которая сидела в дальнем конце комнаты, смотрит на него так, будто хочет поймать его взгляд. Но он не сводил взгляд с мужчин, которые собрались недалеко от входа в комнату.

Он выдвинул свои обвинения против Пили — он говорил кратко и прямо.

И с каждым произнесенным словом он все больше уверялся в том, что его свидетельские показания прозвучат очень убедительно в зале суда, заполненном обывателями. Тайные визиты в Альмирант, связь с группой и выплаты огромных сумм денег за счет состояния Таннахилла многим людям без разрешения на то.

И, конечно, самым убедительным будет то, что, не дождавшись предварительного слушания по делу, Пили навсегда исчезнет. И его «побег» будет рассматриваться как признание вины.

По мере того, как Стивенс выкладывал свои аргументы, он несколько раз взглянул на Пили. Пили хмуро уставился в пол и дважды, как заметил Стивенс, заерзал в своем кресле.

То, о чем говорил Стивенс, не имело ничего общего с бессмертием, космическими кораблями или атомной войной. Это было вполне земное дело, в котором, прежде всего, стыковались факты,

лежавшие на поверхности. («Ньютон Таннахилл был убит, потому что он обнаружил, что из его состояния исчезают огромные суммы денег.»). Стивенс также коснулся таких доказуемых фактов, как исчезновение доктора и сторожа. («Племянник был похоронен в могиле дяди. Почему? Потому что тело дяди, по всей вероятности, было страшно изуродовано, когда его убили.»). И причина убийства Джона Форда, согласно намеренно поверхностным рассуждениям Стивенса, тоже была очень простой («Это был лишь эпизод. Его убили, чтобы оказать давление на Артура Таннахилла с тем, чтобы заставить его подписать бумагу, разрешающую выплаты денег из его состояния.»). Дженкинз? («Он видел Пили в ту первую ночь, поэтому его и убили, чтобы он не рассказал никому, что Пили был в городе»).

И после этого Стивенс закончил свое обвинение так:

— В мою задачу не входило объяснить мотивы, руководствуясь которыми мистер Пили выплатил всем вовлеченным в круговерть событий огромные суммы денег, которые ему не принадлежали. Но сейчас, я полагаю, я могу подчеркнуть, что мы не можем недооценивать психологический аспект религий майя и ацтеков (мне всегда

было трудно различить их), которые он исповедует. Мы имеем здесь дело с тем, что можно назвать верность культу… Леди и джентльмены, вот и все мои аргументы против Уолтера Пили.

В первый раз он посмотрел прямо на Мистру. Ее взгляд был холоден, но она, казалось, была вместе с тем озадачена. Стивенс натянуто улыбнулся, прошел к своему стулу у входной двери в холл и сел.

XXI

В комнате все оставалось по-прежнему. Никто, кроме него, не двинулся с места, если не считать, что некоторые изменили положение. Оба издателя записывали что-то в записные книжки. Таннахилл сидел на диване, наклонившись вперед. Он закрыл лицо руками и, казалось, смеялся. Судья Портер язвительно смотрел на Пили: гладкое лицо судьи — вежливая маска, выражение глаз — скрыто за темными очками.

— Итак, мистер Пили, — сказал он, — что вы хотите сказать в свое оправдание?

Сначала Пили молчал. Он сидел в большом кресле, глубоко задумавшись. Казалось, он колебался. Он взглянул на Стивенса и быстро отвел взгляд. Потом он посмотрел на дверь, ведущую в холл. Наконец, он вздохнул и уже в упор посмотрел на Стивенса.

— Так вот почему вы так метались, — заметил он.

И снова молчание. Он, казалось, понял, что все теперь смотрят на него, потому что громко засмеялся, вынул из кармана сигарету и нервно сунул ее в рот.

— Я бы хотел, чтобы вы еще раз объяснили, — сказал он, — каковы же мои мотивы в совершении этих убийств. Я хочу, чтобы вы сказали об этом прямо.

Он слушал, слегка наклонив голову, будто пытаясь услышать какой-то подтекст в том, что говорил Стивенс. Когда Стивенс опять рассказывал о письме, которое от Таннахилла потребовали подписать, адвокат еще раз засмеялся, на сей раз уже более жестко, более решительно. Он выглядел, как человек, который набирался мужества перед ужасом грозившей ему опасности.

— Вы идиот! — сказал он. — Вы же сами сказали, что у меня есть письмо Таннахилла с разрешением продолжать — вы поняли *продолжать* — выплаты этим людям. Из письма ясно, что Таннахиллу известны причины, по которым делаются эти выплаты.

— У вас есть с собой это письмо? — мягко спросил Стивенс.

Его интонация вызвала должный эффект. До этого момента Пили, наверное, думал, что это письмо — не очень уж веское доказательство. Теперь в его глазах мелькнул испуг. Глаза его округлились.

— Негодяй, вы были в моем офисе в Лос-Ан-

джелесе.

— Я уверен, — сказал Стивенс спокойно, — вы понимаете, конечно, что любая попытка протащить идею о том, что такое письмо вообще когда-либо существовало, не будет достаточно убедительной для присутствующих.

Пили сел. Удивительно, но он, казалось, взял себя в руки. Он спокойно посмотрел на Стивенса.

Затем он перевел взгляд на остальных. Судья Портер потер глаза и, нахмурившись, обратился к Пили:

— Вы принимаете это очень близко к сердцу. Я так понимаю, что вы все-таки предвидите вероятность того, что будет более благоразумным, если вы выдержите этот удар. В конце концов, мы не можем допустить, чтобы на владельца этого дома падала тень. И потом, таким образом мы избавимся от этого связанного с вами странного страха, который овладел нами в последние несколько дней. Он взглянул на обоих владельцев газеты. — А что вы думаете, джентльмены?

Кэрвелл, длинный и сухопарый человек, который что-то шептал в этот момент Гранту, поднялся.

— В моем экстренном утреннем выпуске, — сказал он, — будет опубликована статья, полностью

оправдывающая мистера Таннахилла. Семья Таннахиллов, — он произнес это нараспев, — в течение ряда поколений была основой Альмиранта. И моя газета с давними традициями и устойчивой репутацией в городе не позволит попирать семью, которая является символом американских и калифорнийских традиций. В нашем постоянно меняющемся мире, который почти разрушен выскочками без моральных устоев и людьми без принципов, мы должны все чаще обращаться к людям, которые пустили корни в этой земле, а не к безымянным бродягам. — Он помолчал. — А теперь, что касается обвинения в убийстве. — Он взглянул на Мистру. — Все это в высшей степени тривиально. Молодой человек не лишен здравого смысла, но у него абсолютно отсутствует воображение.

Мистра встала и кивком головы подозвала Стивенса. Он подошел, и они отошли в угол. Она тихо сказала:

— Это что, великое прозрение? Ты вроде бы сказал мне, что Пили это совсем не тот человек.

Стивенс сказал сердито:

— Где ваша чертова телепатка? Ты можешь ее привести? Я хочу с ней поговорить.

Мистра долгое мгновение смотрела на него. Не

говоря больше ни слова, она быстро вышла из комнаты и вернулась в сопровождении девушки приятной внешности с проницательным взглядом. По крайней мере, она казалась девушкой, пока не подошла и пока Стивенс не увидел ее глаза, которые несмотря на искорку молодости, сверкнувшую в них, были спокойными и мудрыми.

Мистра сказала:

— Познакомься, это Тризель.

Тризель схватила руку Стивенса. Она задумалась.

— Я не могу предвидеть следующую кульминацию.

— Но вы знаете, что это случится?

— Это было очевидно уже в тот момент, когда он вошел. Просто так ему бы уйти не удалось.

Стивенс обеспокоенно спросил:

— Что еще вам известно?

— Я не обнаружила вашего человека. Вашего информатора… — Она заколебалась. — Я не понимаю, что я хочу этим сказать, потому что вижу только темноту. В любом случае, кто бы вам ни сказал, он ошибся. Такого человека нет.

Стивенс был краток:

— Давайте не будем начинать спорить сейчас.

Ощущаете ли вы угрозу опасности?

— Нет, я не ощущаю, вот вроде только… — она замолчала.

— Ну?

— Смутно.

— От кого она исходит?

— Я не знаю! — Она закусила губу, будто от досады. — Мне жаль, но я даже не могу дать вам ниточку.

Стивенс бросил беспомощный взгляд на Мистру, которая покачала головой.

— Я только смутно догадываюсь, о чем вы говорите. Но у меня всегда возникает такое ощущение, когда Тризель разговаривает с кем-нибудь.

Стивенс молчал. Оказывается, Тризель может читать мысли гораздо лучше, чем он предполагал. Кто бы ни обманывал ее сейчас, он, вероятно, потратил годы, чтобы научиться так ловко скрывать свои мысли. Он опять повернулся к ней. Но она уже качала головой.

— Они все пытались делать это, — сказала она. — Они часами разговаривали со мной, пытаясь скрывать мысли то так, то этак. Иногда мне казалось, что им это удается, но я не могла быть уверена.

Стивенс кивнул.

— Даже сам факт, что им удалось это сделать, препятствовал, наверное, тому, чтобы вы могли узнать, появилась ли такая мысль. А кто конкретно вызывал у вас ощущение, что он скрывает…

Женщина вздохнула.

— Я вижу, что вы не поняли меня. Им всем это удавалось время от времени. Теперь я понимаю, что даже вам удалось скрыть очень важную информацию в ту ночь, когда мы были у вас.

В это время в дальнем конце комнаты Пили начал подниматься из кресла.

— Итак, джентльмены, насколько я понимаю, мне нужно исчезнуть и принять на себя всю тяжесть задачи — поиска убийцы. Я беру на себя эту роль.

Стивенс быстро вышел на середину комнаты:

— Присядьте, мистер Пили, — сказал он вежливо. — Мне еще кое-что нужно рассказать о вас.

Не дожидаясь ответа, он повернулся к присутствующим и изложил свои соображения по поводу того, почему Фрэнка Хаулэнда и Эллисона Стивенса выбрали одного за другим на эту роль местного поверенного в делах Таннахилла. И потом он закончил:

— И я беру на себя смелость предсказать, что выйдя отсюда для того, чтобы «исчезнуть», ми-

стер Пили вскоре войдет сюда опять, но уже как мистер Хаулэнд.

Он замолчал и посмотрел вокруг. И опять он увидел, что присутствующие с нетерпением ждут, что будет дальше. Удивительно, но они все еще ничего не поняли.

Таннахилл язвительно смотрел на Пили.

— Опять за старые штучки, да?

Судья Портер сказал:

— Уолтер, ты просто неисправим. Я и сам хотел отколоть что-нибудь в этом роде. Но так и не смог все это устроить и рассчитать.

Стивенс сказал:

— Мистер Хаулэнд и я разработали небольшой план, согласно которому все присутствующие в этой комнате должны были быть арестованы за незаконное ношение оружия и соответственно должны были снять маски. В таком случае, они бы уже не были именитыми горожанами и спокойно исчезли бы на год или два, в зависимости от приговора.

Судья Портер покачал головой:

— Не очень-то разумный план. Я удивляюсь тебе, Уолтер.

Стивенс чувствовал, что сбит с толку. Нет, они потеряли остатки совести, эти люди, которые

прожили так долго. Столкнувшись с предательством, они все же допускали, что кто-то из членов группы мог попытаться захватить Большой дом.

— Но к сожалению, — продолжал Стивенс, — план мистера Пили нарушало другое невероятное несчастье. Только представьте себе картину: он убил Джона Форда и написал записку Хаулэнду. Где-то его увидел Дженкинз, и ему пришлось не медлить с выстрелом. По крайней мере, он думал, что он все сделал быстро. Он использовал игольчатый луч, а его, я думаю, используют только в случаях крайней необходимости. И вот, вроде бы все тщательно подготовив, он совершил роковую ошибку.

Стивенс подошел к кульминационному моменту своей атаки, и он уже заметил, что Пили начал проявлять беспокойство. Он заметил это краешком глаза, потому что Пили стоял сбоку от него и чуть позади.

Пили сказал:

— Я ухожу отсюда. Это уже просто какая-то мелодрама.

— Перед тем, как вы уйдете, — сказал Стивенс, — снимите маску!

Когда он произносил эти слова, он вынул свой «намбу» и навел его на Пили. Это никак не обеспо-

коило остальных, потому что они не потянулись за оружием. Но слова его произвели глубокое впечатление. Несколько человек вскочили на ноги. Таннахилл резко воскликнул:

— Маску!

Стивенс подождал, пока водворится тишина, и потом мягко сказал.

— Снимите ее, мой друг. Вы же действовали с целью самообороны. И я хочу вас заверить, что вы уйдете отсюда, понравится это группе или нет. — Он помолчал, а потом закончил: — Пусть кто-нибудь ему поможет это сделать. Ведь существует какой-нибудь быстрый способ снять ее.

Вперед вышла Тризель. У нее в руках была бутылочка с прозрачной жидкостью.

— Вытяните руки! — сказала она.

Пили заколебался, потом пожал плечами и протянул ладони. Она вылила в них половину содержимого бутылочки. Он поднял руки к лицу, а затем опустил их.

Перед ними стоял Фрэнк Хаулэнд.

Лицо его исказилось, когда он проговорил:

— Ну ладно, мне придется действовать против вас осторожнее. Я убил Пили, потому что у меня не было другого выхода, но это не было убийством.

Стивенс нахмурился. Было не похоже, чтобы Хаулэнд понял, что происходит.

— Хаулэнд, — спросил он, — что вы знаете о деятельности, — и он обвел рукой комнату, — этих людей?

Хаулэнд, казалось, был удивлен.

— Но ведь ты рассказал мне об этом. Культ… Как только я начал заниматься этим делом. — Он неожиданно запнулся. — Неважно.

Стивенс взглянул на тех, кто был в комнате. Таннахилл с бесстрастным лицом уставился в пол. Судья Портер наблюдал за Хаулэндом, раздумывая о чем-то. Мистра и телепатка тихо разговаривали о чем-то друг с другом. Он понял, что они разделяют его точку зрения. Этот человек не представлял опасности.

И все же он не был удовлетворен.

— Хаулэнд, — спросил он, — каким образом вы раздобыли маску лица Пили?

В комнате послышались шорохи, все взглянули на Хаулэнда.

Тот колебался.

— Она пришла по почте, — ответил он. На лбу его выступил пот. — С ней пришла записка, в которой объяснялось, как ею пользоваться. Еще в ней было напоминание о том, что я умею

имитировать голоса, и мне предлагалось воспользоваться этим. В противном случае автор записки угрожал сообщить полиции, где похоронено тело Пили.

— Ну а если бы вас поймали, как вы бы объяснили все это?

— Я должен был сказать, что охочусь за деньгами. Откровенно… — Хаулэнд пожал плечами. — Я не мог заставить себя сделать это. Но я должен был сказать правду, если бы на меня нажали.

— После того, что случилось сегодня, вы можете не скрываться? Так?

— Да.

Стивенс внимательно посмотрел на Хаулэнда. Он был разочарован. Он не сомневался в том, что Хаулэнд говорит правду. Но было трудно поверить в то, что Хаулэнд действительно попал в эту ловушку. Возможно ли было, что его обманным путем заставили поверить в то, что он совершил убийство. Если это было так, то до финала нужно было еще подождать.

Он прошел с Хаулэндом к входной двери:

— Я приду завтра повидаться, — сказал он. — Мы все это обсудим.

Хаулэнд кивнул. На лице его еще были следы напряжения.

— О Боже, — сказал он, — как я рад выбраться из этой комнаты. А что случилось с этими людьми?

Стивенс не стал отвечать на вопрос. Мысли его уже сконцентрировались на куда большей опасности. Напряженным голосом он спросил:

— Где ты оставил полицейский отряд?

Хаулэнд ответил:

— Ты что, думаешь, что я совсем идиот и стал вмешивать в это дело полицию?

— Что?!

Стивенс с усилием подавил свое недовольство. Он моментально представил себе, сколько времени понадобится, чтобы прислать к дому усиленный полицейский отряд, и понял, что будет уже поздно.

Он посмотрел Хаулэнду вслед, когда тот спускался по ступенькам, а потом быстро пересек террасу и вышел в первый внутренний дворик. Он тихонько свистнул и подождал немного.

Из тени вышла фигура человека и шепнула: «Риггз!» Потом она сунула клочок бумаги Стивенсу в руки и растаяла в темноте.

Стивенс поспешил обратно к входной двери. Когда он подошел к окну, он торопливо прочел записку, которую детектив дал ему. В ней говорилось: *«Все готово».*

Стивенс смял записку и сунул ее в карман, а потом вернулся в гостиную.

А на улице маленький человек надел маску Риггза и медленно двинулся к дверям внутреннего дворика.

XXII

Пока его не было, в комнате появилось еще несколько человек. Кто-то сидел, а кто-то стоял в этой комнате, отделанной дубовыми панелями и целым рядом застекленных створчатых дверей, которые растянулись во всю длину просторного внутреннего дворика. Все двери, кроме одной, были закрыты.

Стивенс насчитал в комнате двенадцать мужчин и шесть женщин, кроме себя. И все они смотрели на него.

Не обращая на них никакого внимания, он подошел к женщине, которая умела читать мысли. Она покачала головой и сказала:

— Какое-то время назад угроза, казалось, начала возрастать, а теперь опять исчезла. Теперь мне становится яснее, чего вы боитесь. Но я ничего подобного не чувствую.

Стивенс взглянул на Мистру.

— Сколько человек здесь, в Доме?

— Сорок.

— Кого нет? — Голос его напрягся. — Разве ты не говорила, что в городе сорок один?

— Я включала Пили, — просто ответила она.

— Вот в эту минуту они все здесь?

На этот вопрос ответила Тризель:

— Нет, Тезла вышел минут двадцать назад посмотреть, что делается вокруг.

И вопрос, и ответ прозвучали достаточно громко, чтобы все услышали их.

Наступила тишина. Внутреннее напряжение у Стивенса спало.

Вот они, восемнадцать бессмертных человек. Он с любопытством разглядывал их. Несмотря на дорогую одежду, они выглядели как разношерстная толпа. Судьба не очень-то позаботилась о том, чтобы выбрать неординарные лица. Но женщины, все без исключения, были привлекательны. Было понятно, почему когда-то выбрали именно их.

Возможно, каждый из них сейчас вспоминал маленького мрачного индейца. Стивенс подождал, пока все они начали проявлять беспокойство, а потом сказал:

— Я видел изображение на экране. Там был Пили и человек ростом примерно с Тезлу, но он не был на него похож.

Неожиданно он взорвался:

— Эти ваши чертовы маски! Каждый может быть кем угодно. Я дважды видел Тезлу. Это был

действительно он или это была маска?

— Маска! — Это заговорил Таннахилл.

Стивенс громко выругался.

— Он индеец?

— Да.

Наступила пауза.

— Изображение, которое вы видели, — спросил Таннахилл. — Когда оно было сделано?

— Около двух тысяч лет назад, — ответил Стивенс.

Таннахилл круто развернулся и произнес резким голосом, не терпящим возражений:

— Быстро отыскать Тезлу! Следить за каждой дверью! Привести его сюда, если он где-нибудь поблизости. Мы все решим сейчас.

— Подождите!

Голос Стивенса прозвучал, словно выстрел, и все, кто бросился к двери, остановились на полпути, как вкопанные. Таннахилл повернулся и посмотрел на него. И теперь так была очевидна разница между человеком, который потерял память и который вновь ее обрел. Это чувствовалось в складке губ, по выражению глаз. Из-под тяжелых век смотрели проницательные глаза Танекилы Смелого. Его губы сжались в тонкую линию.

Он сказал:

— Стивенс, какого черта вы тут отдаете приказания?

Стивенс ответил:

— Тот момент, когда откроются двери, будет сигналом для моего агента бросить элемент 167 на мрамор дворика или на террасу, или даже в сам дом!

Стивенс быстро продолжал:

— Для тревоги нет оснований — если мы правильно определили, кто же этот человек. Теперь я позволю себе предположить, как мы должны поступить с этим человеком…

— Мы поступим с ним так, как считаем нужным, — грубо сказал Таннахилл, — по нашим законам.

— Вы поступите с ним так, — сказал Стивенс, — как я предложу. И потом, мой друг, я хочу вас также проинформировать о том, что ваша абсолютная власть закончилась. У меня в кейсе более пятидесяти экземпляров разрешений — сейчас вы их подпишете, — согласно которым этот дом превращается в организацию, а мы, как группа, будем представлять совет директоров. Я назвал вас первым председателем, но и мое имя включено в совет. Вам лучше начать подписывать,

потому что я не позову своего агента в дом, пока каждый член группы не подпишет свой документ. Пусть кто-нибудь раздаст бумаги!

Ему помогла Мистра. Глаза ее блеснули, когда она поднесла их к столу, около которого стоял Таннахилл. Он сердито взглянул на них и, казалось, хотел что-то сказать. Стивенс остановил его:

— Поторопитесь! И спросите своего телепата, говорю ли я правду. У меня есть элемент 167. И на улице стоит агент, готовый действовать так, как я сказал.

— Тризель! — это была Мистра. — Это правда?

— Да.

Таннахилл прорычал:

— Почему вы нас не предупредили? Какого черта вы хотите…

— Он хочет, чтобы все было хорошо, — спокойно сказала женщина. — И вы не думайте, что я собиралась мешать ему, пока он отчаянно пытался найти среди нас человека, который…

Стивенс перебил ее:

— Нам нужно отпустить Тезлу. Вы только подумайте, что все эти годы он нес на плечах тяжелую ношу, — он был убежден в том, что как единственный из тех, кто выжил из первой группы, поселившейся в доме, он был его законным соб-

ственником. Теперь его карты раскрыты. Дайте утихнуть эмоциям.

Он обратился к Таннахиллу:

— Начинайте подписывать. Не забудьте, что нам его нужно поймать. Нам нужно его убедить.

Владелец Большого дома поколебался еще мгновение. Потом он быстро вынул ручку и начал выводить свою подпись.

Стивенс раздал остальные экземпляры сначала мужчинам. Когда десять были подписаны и один он положил к себе во внутренний карман, он подошел к двери и позвал Риггза. Когда тот вошел, мужчины вышли из дома.

— Ну, сэр, — сказал Риггз, — я вижу, что люди действуют. Что дальше?

Стивенс сказал:

— Дайте мне капсулу, которая находится у вас.

Риггз быстро протянул ее, а Стивенс подошел к Мистре и отдал капсулу ей.

— Тезла наверняка найдет такую капсулу в ваших секретных лабораториях, — сказал он. — Когда я анализировал его план, я понял, что его единственная цель заманить меня на борт корабля…

— Корабля? — спросила Мистра.

Стивенс не ответил на ее вопрос. Теперь, когда

документы были подписаны, он хотел рассказать им о космическом корабле, который прилетел со звезд двадцать столетий назад.

Но это будет позже. А сейчас он продолжил:

— … Целью заманить меня на борт корабля было понять, функционирует ли еще мозг робота.

— Мозг робота? Эллисон, о чем ты говоришь?

— Если бы это было так, то все, что ему надо было сделать, это разрушить дом, и тогда мозгу робота пришлось бы работать с ним.

Он вдруг понял, что рядом с ним стоит Тризель. Она спросила:

— Этот маленький человек, который только что вышел в холл, кто он?

Стивенс слегка повернул голову:

— Не беспокойтесь насчет Риггза. Уже если с кем все в порядке, так это…

Он замолчал. У него внутри вдруг все опустилось. В свое время у него создалось впечатление, что Таннахилл нашел этого детектива, наобум выбрав номер в телефонной книге. Но Таннахилл ведь этого не говорил. Стивенс вдруг отчетливо вспомнил сцену разговора. Прерывающимся голосом он спросил у Тризель:

— Что вы можете прочесть в его мыслях?

Она ответила:

— Спокойные мысли. Он лишь немного взволнован. И если он все-таки планирует разрушить дом, он замечательно держится.

Стивенс подошел к Таннахиллу. Тот сказал:

— Я не помню это время очень хорошо. Я вспоминаю, что мы были в баре вместе и он угостил меня выпивкой…

— Но это вы сначала ему позвонили?

— Позвонил ему… нет, конечно нет.

Стивенс взглянул на дверь, ведущую в холл. Риггза не было видно. «Он пойдет вниз, в музей! — в панике подумал Стивенс. — Он возьмет свой собственный элемент 167 и пойдет вниз в туннель, чтобы заставить робота…»

Он рванулся к двери, но, добежав до нее, приостановился и уже небрежной походкой вышел в залитый светом холл. Риггза нигде не было.

Стивенс бежал всю дорогу к ступенькам, ведущим в подвал, и быстро спустился по ним вниз. Теперь он двигался очень осторожно, стараясь не вызвать ни звука.

Стеклянная дверь внизу была открыта. Через нее Стивенс увидел, как Риггз поднимает крышку одной из витрин.

Стивенс вынул из кармана небольшую трубку, которую он прихватил с корабля робота. Пальцы

его твердо лежали на спусковом крючке, когда он переступил через порог.

— О, Риггз! — произнес он.

Тот повернулся, как ни в чем не бывало, — удивительное хладнокровие!

— А я как раз любуюсь вещичками тольтекского прикладного искусства. Очень интересно.

Странное он выбрал время, чтобы любоваться искусством. Стивенс произнес:

— Риггз… Тезла, ты еще можешь спасти свою жизнь. Победить ты уже не в силах. Сдавайся!

Последовало долгое молчание. Коротышка повернулся и посмотрел на него в упор.

— Стивенс, — гаркнул он, — ты и я, мы можем править миром!

— Но не без Большого дома. Отключи этот элемент!

— Нам не нужен дом, ты что, не понимаешь? У нас есть космический корабль. От робота мы получим всю необходимую информацию. Когда у нас никого не будет на пути, ему придется…

Слабый голубоватый свет заливал витрину. Стивенс пронзительно крикнул:

— Отключи его! Быстро!

— Теперь я потеряю руку, если сделаю это. Ты слышишь, Стивенс!

— Твоя рука или твоя жизнь! Торопись! У меня элемент 221. Он единственный в мире в своем роде. Если он соединится с элементом 167, чтобы…

Стивенс нажал на спусковой крючок, уже когда кинул капсулу прямо в Риггза. Игольчатый луч, который Риггз выпустил из своего оружия, проскочил рядом — Стивенс уклонился и побежал вверх по ступенькам.

Позади раздался оглушительный взрыв. Голубоватый дым пополз по лестнице.

— Мистра Лэннет, вы берете себе в законные мужья этого человека?

— Да. — Голос ее звучал уверенно…

Уже потом, в машине, она призналась Стивенсу:

— У меня было странное чувство. Ты понимаешь, ведь я впервые вышла замуж!

Стивенс ничего не ответил. Он думал о космическом корабле, который погребен под Большим домом. Вскоре он снова отправится в свое путешествие, которое так надолго задержалось. И у него мелькнула мысль, у него даже захватило от этого дыхание: а почему бы ему и Мистре не отправиться вместе?

— Лично я, — заметила Мистра как бы между прочим, — я хочу девочку. Конечно, и мальчик

— это неплохо, но…

Стивенс вздохнул. Эти женщины с их проблемами. Перед ними огромный загадочный мир приключений, а они заняты проблемами деторождения. Когда они добрались до его дома, он внес ее сумки и уже открыл рот, чтобы обсудить возможность космического путешествия, но тут же закрыл его. Его мечта о приключениях растаяла в мягком свете ее глаз. В ее зеленых глазах было гораздо больше миров, чем во всей вселенной.

Немного позже, уже в кровати, когда их губы и тела слились, он отстранился от нее и спросил:

— Откуда ты знаешь, что у тебя будет ребенок?

— А почему, ты думаешь, я выбрала именно сегодняшний день для свадьбы? — спросила Мистра Стивенс. — Просто я вхожу сейчас в самый благоприятный для этого период. И ты знаешь…

— Что?

— Мы не оденемся и, если это возможно, не выйдем из кровати, пока я не забеременею. Материнство было будто заперто во мне столько веков, что я готова нарожать десяток детей. Может быть, — сказала она мечтательно, — я впервые смогу родить пять близнецов, и они все будут девочки.

— Три девочки и два мальчика, — сказал он и опять поймал ее губы. Их желание отвергало их бессмертие, и он понимал, что вечность может подождать.

Мир ноль-А
(перев. О. Чертолиной)

I

Все, кто живет в отеле, на период Игр должны в соответствии с правилами объединиться в группы защиты, формируемые на каждом этаже…

Госсейн угрюмо смотрел в полукруглое угловое окно своего номера. С тринадцатого этажа в этот погожий день Город был виден как на ладони. Город Машины, специально для нее возведенный. Внизу сверкала темной синевой река, легкий ветерок дробил поверхность воды живыми волнами. На ярком голубом небе четко рисовались силуэты невысоких горных пиков. А между горами и рекой располагались виллы, образуя широкие улицы. Их крыши яркими пятнами вспыхивали в зелени пальм и другой тропической растительности. Там и тут виднелись здания отелей и дома, назначение которых было трудно определить, глядя на них сверху. На вершине холма, на ровной большой площадке возвышалась сама Машина. Блестящей серебристой стрелой длиной в пять миль она стремительно взлетала к небу. Густой сад частично скрывал великолепный дворец президента, расположенный неподалеку от Маши-

сейн и не старался его разглядеть: его внимание было поглощено Машиной.

Она притягивала его ощутимо, как магнитом. Ее вид всколыхнул подавленное душевное состояние Госсейна и наполнил все его существо волнением. Наконец-то он получил возможность участвовать в Играх!

Теперь он сможет обеспечить свое будущее, если даже его ждет небольшая удача, а если он окажется в числе избранных, завоевавших высокие награды, он сможет отправиться на Венеру.

Он мечтал об этом долгие годы, но мечта сбылась только после ее смерти. «Да, — печально подумал Госсейн, за все нужно платить». Сколько ни предвкушал он этот день, ему и в голову не могло прийти, что ее не будет рядом. С самого начала они решили, что пройдут все испытания Игр вместе и начнут новую жизнь. И вот он остался один. Его больше не привлекали ни богатство, ни слава. Он хотел попасть на Венеру, потому что надеялся — там найдет забвение.

Стук в дверь прервал его размышления. Мальчик-коридорный поприветствовал Госсейна и сказал:

— Сэр, вам просили передать, что все уже собрались в зале.

Госсейн удивленно посмотрел на него:

— И что?

— Сэр, они должны создать группу защиты этого этажа.

— О! — воскликнул Госсейн. Как он мог забыть? Когда он услышал сообщение, прозвучавшее из всех громкоговорителей отеля, он подумал, что трудно представить себе ситуацию, когда в крупнейшем городе Земли, в Городе Машины, в течение месяца не будут действовать никакие законы, кроме тех, которые создадут для защиты людей сами участники Игр.

— Меня просили передать, — добавил мальчик, — что опоздавшие лишаются защиты на время Игр.

— Иду, иду, — с улыбкой ответил Госсейн. — Передай пославшим тебя, что я просто забыл. А тебе спасибо.

Он дал посыльному несколько монет, вернулся в комнату, задвинул пластиковые шторы на окнах, переключил видеофон на запись, запер дверь и вышел в коридор.

В просторном зале он сразу заметил знакомого — Нордега, владельца магазина в городе, где жил он сам. Госсейн кивнул ему и улыбнулся. Мужчина удивленно посмотрел на него, но не

улыбнулся и не поздоровался. Это показалось Госсейну странным, но он тут же отвлекся, так как оказался в центре внимания всех присутствующих.

Глаза, обращенные на него, разглядывали его дружелюбно, но чуть настороженно — таково было первое впечатление Госсейна. Он сдержал улыбку. Естественно, что люди присматривались друг к другу, пытаясь определить шансы на успех своих возможных соперников в предстоящих Играх.

Немолодой человек за столом у входа знаком подозвал его.

— Я должен вас зарегистрировать, — сказал он. — Кто вы?

— Госсейн. Гилберт Госсейн. Кресс-Виллидж, Флорида. Тридцать четыре года. Рост — шесть футов один дюйм, вес — сто восемьдесят пять фунтов. Особых примет нет.

Пожилой человек улыбнулся, лукаво блеснув глазами.

— Так, — сказал он. — Если внешность не обманывает, вы далеко пойдете. — Он добавил, помолчав — Вы не сказали о вашей семье.

Госсейн вздрогнул. Он подумал об умершей жене.

— У меня нет семьи, — тихо ответил он.

— Итак, мистер Госсейн. По-моему, вы человек неглупый. Желаю вам успеха. Надеюсь, Игры покажут, что вы готовы к жизни на Венере.

— Спасибо, — сказал Госсейн.

Отойдя от стола, он увидел, что Нордег быстро подошел к регистратору и склонился над его записями. Они о чем-то горячо поспорили, но вскоре невысокий человек с улыбкой вышел на середину зала. Это был распорядитель. Он поднял руку, и все затихло.

— Леди и джентльмены, — обратился он к собравшимся. — Пора начинать. Те, кто хотел присоединиться к нам, имели достаточно времени. Таким образом, мы можем приступить к отводам, а когда эта процедура закончится, мы запремся и начнем работать. — Он помолчал. — Для тех, кто участвует в Играх впервые, я поясню подробнее, что такое отвод. Разумеется, все вы повторите данные о себе перед детектором лжи, но если у кого-нибудь из присутствующих имеются сомнения относительно окружающих, их нужно высказать сейчас. У каждого есть право дать отвод любому из находящихся в зале. Не стесняйтесь, высказывайте ваши подозрения, даже если у вас нет никаких доказательств. Имейте

в виду, что группа будет встречаться каждую неделю, и отвод можно дать на любом собрании. Итак, хочет ли кто-нибудь высказаться?

— Да, — громко прозвучал чей-то голос. — Я даю отвод человеку, который назвал себя Гилбертом Госсейном.

— Что? — удивился Госсейн и уставился на Нордега.

Тот твердо встретил его взгляд и продолжал:

— Войдя в зал, Госсейн приветствовал меня как знакомого. Я посмотрел в регистрационную книгу, чтобы вспомнить, где мог с ним встречаться, и с удивлением обнаружил, что он указал свой адрес — Кресс-Виллидж, Флорида — то есть городок, в котором я живу. Леди и джентльмены, это маленький, хотя и известный городок, его население составляет всего триста человек. Как владелец одного из трех магазинов я знаком со всеми жителями не только города, но и его окрестностей. Так вот, Гилберта Госсейна среди них нет.

Шоковое состояние, в которое привели его слова Нордега, прошло очень быстро, и осталось чувство уверенности, что над ним издеваются с какой-то непонятной целью.

— Все это кажется мне по меньшей мере глу-

пым, мистер Нордег, — сказал он и добавил: — Ведь это ваше имя?

— Конечно. Хотя я не знаю, как вы узнали его.

— Ваш магазин в Кресс-Виллидже, — продолжал Госсейн, — находится на перекрестке в крайнем здании в ряду из девяти одинаковых домов.

— Так оно и есть. Не сомневаюсь, что вы тщательно изучили городок если не лично, то по фотографиям.

Ответы Нордега раздражали Госсейна, но он спокойно продолжал:

— Примерно в миле к западу от вашего магазина расположен небольшой дом необычной архитектуры.

— «Небольшой дом», — презрительно повторил Нордег. — Загородный дом семьи Харди известен всему миру!

— Харди — девичья фамилия моей покойной жены, — сказал Госсейн. — Она умерла месяц назад. Патриция Харди. Ну как, теперь вы вспомнили?

Множество людей напряженно ждали ответа. Нордег засмеялся:

— Ну вот, леди и джентльмены. Вы слышите сами: он утверждает, что Патриция Харди — его

жена. Надеюсь, мимо нас всех не прошло бы такое событие, как ее замужество. А «покойная» Патриция Харди, или Патриция Госсейн, — добавил он с улыбкой, — еще вчера утром гарцевала на белой арабской лошади, я сам это видел.

Это уже не походило на насмешку. У Патриции никогда не было лошади, не говоря уже об арабских скакунах. Они жили скромно: целый день работали в саду, а вечерами упорно занимались, готовились к Играм. Да и дом Харди в Кресс-Виллидже уж никак не мог быть известным всему миру — это была обычная, ничем не примечательная семья. Что же происходит?

Все эти мысли пронеслись вихрем в голове. Он понял, как можно окончить нелепый спор.

— Я готов, — сказал он, — повторить все, что я сообщил о себе, перед детектором лжи, и он подтвердит, что я говорю правду.

Однако детектор лжи сказал:

— Нет, вы не Гилберт Госсейн, и в Кресс-Виллидже вы никогда не жили… Вы… — Аппарат замолчал, электронные лампы замигали.

— Так кто же он? — не вытерпел распорядитель. Кто?

Аппарат ответил после длительного молчания.

— Мозг этого человека не содержит нужной

информации. Он не знает своего имени. Мозг его обладает необычайной силой, но определить, кто он такой, не представляется возможным.

— В сложившейся ситуации, мистер Госсейн, — резко сказал распорядитель, — вам следует незамедлительно обратиться к психиатру. Здесь вы остаться не можете.

Госсейн шел по коридору, ничего не видя вокруг. Он не помнил, как добрался до своей комнаты. Почти машинально он набрал знакомый номер и подождал, пока его соединяли с Кресс-Виллидж. На экране появилась миловидная, но суровая молодая женщина.

— С вами говорит мисс Тричерс, секретарь Патриции Харди во Флориде. Какое у вас дело к мисс Харди?

В первый момент его потряс сам факт существования мисс Тричерс. Но Госсейн быстро оправился от удивления.

— Личное дело, — уверенно и быстро ответил он. — И я должен поговорить с ней без свидетелей. Прошу вас, соедините меня как можно скорее.

Тон его требования был достаточно авторитетным, ибо молодая особа, секунду поколебавшись, ответила:

— Я не вправе давать такую информацию, но

мисс Харди сейчас в Городе Машины. Позвоните ей туда.

— Так она здесь! — воскликнул Госсейн.

Женское лицо исчезло с экрана, видеофон отключился. Госсейн машинально повесил трубку. Одна мысль занимала его целиком: Патриция жива!

Однако это не удивило его. Тренированный мозг умел воспринимать любые обстоятельства реального мира, поэтому Госсейн знал, что детектор *лжи* не мог ошибиться. Он сидел перед темным экраном видеофона и чувствовал себя опустошенным. Не хотелось ни звонить во дворец, ни разговаривать с женой, ни видеть ее. Возможно, он сделает это завтра — но это завтра казалось таким отдаленным!

Как во сне он услышал громкий стук в дверь. В коридоре стояли четверо. Один из них обратился к Госсейну:

— Я управляющий отелем. Прошу нас извинить, но вам придется покинуть отель. Багаж можете оставить внизу. В период, когда не действуют законы, мы не можем позволить себе сдавать номера подозрительным лицам.

Минут через двадцать Госсейн уже был на пустынной улице. Смеркалось.

II

Пока не стемнело, бояться было нечего. Хулиганы, бандиты, воры еще прятались, ожидая наступления ночи. Он увидел яркую вывеску-рекламу, предлагавшую комнаты для лишенных защиты — двадцать долларов за ночь. Госсейн раздумывал недолго: конечно, соблазнительно иметь крышу над головой, но денег хватит только на несколько дней и, кроме того, репутация у этих ночлежек была очень мрачной. Он предпочел рискнуть и провести ночь под открытым небом.

Он пошел вперед. Быстро темнело, автоматически зажигались фонари, Город Машины сверкал бесчисленными огнями. Улица, по которой он шел, тянулась на многие мили. Цепочки фонарей, стоявших как часовые, по обеим сторонам уходили вдаль и сливались на горизонте в яркое сияние. Внезапно он осознал всю отчаянность своего положения.

Он пытался проанализировать амнезию, которая его поразила. Только трезвый анализ происшедшего позволит ему избавиться от излишних эмоций и выйти из этого состояния, анализ на основе концепции ноль-А. Он, Госсейн,

то есть его тело и мозг, составляющие нечто цельное, — в этот конкретный момент, в этом конкретном месте, пораженный амнезией.

Бесчисленные тренировки не пропали даром. Они позволили ему овладеть не-аристотелевым методом восприятия реальности. Уникальное достижение науки двадцатого века через четыреста лет превратилось в живую, динамичную философию расы землян. Уверенность в том, что он был женат, еще не значила, что так и было на самом деле. Подсознание передало в его нервную систему галлюцинацию. Им нужно противопоставить логику разума.

Тяжесть свалилась с его души. Сомнения и страхи исчезли, как вода в песке. Печаль оказалась ложной, ибо кто-то намеренно внедрил ее в мозг. Он был свободен.

Госсейн шел вперед и внимательно смотрел по сторонам, вглядывался в густую тень в дверных проемах домов. С особой осторожностью он подходил к перекресткам: рука его сжимала рукоятку пистолета. И все-таки он не заметил, как из боковой улицы прямо на него выбежала девушка, столкнулась с ним, и они оба едва не упали.

Несмотря на полную неожиданность происшествия, Госсейн постарался обезопасить себя.

Левой рукой он крепко ухватил девушку за плечи, правой выхватил пистолет и удержался на ногах. Восстановив равновесие, он потащил девушку со света в тень, ко входу в дом. Опомнившись, она попыталась вырваться и закричать. Не выпуская пистолета, он правой рукой зажал ей рот.

— Тише, — прошептал он. — Не бойтесь…

Она перестала сопротивляться. Госсейн опустил руку, и она сказала, тяжело дыша:

— Меня преследовали. Двое. Должно быть, убежали, когда увидели вас.

Госсейн обдумывал ситуацию. Любое действие, происходящее в пространстве — времени, имеет множество неизвестных и непредвиденных причин.

Молодая женщина, одна из множества молодых женщин Вселенной и все-таки не похожая на остальных, испуганная, выбежала из боковой улицы и столкнулась с ним. Страх ее мог быть и настоящим, и притворным. Вариант, не содержащий угрозы, мозг Госсейна не интересовал. Он анализировал вариант, при котором появление девушки должно заманить его в силки. Возможно, несколько грабителей, наблюдающих за этой сценой из-за угла, ждут его, чтобы получить свою долю добычи — ведь в Городе охрана порядка

не действует. Девушка представлялась ему подозрительной — почему она оказалась одна на улице ночью?

— Я лишена защиты, — ответила она на его вопрос. Голос ее срывался. — Неделю назад я потеряла работу, потому что не хотела терпеть приставаний начальника. И деньги кончились, вот хозяйка и выгнала меня утром из комнаты.

Госсейн молчал. Это объяснение, примитивно-нелепое, вызвало у него чувство неловкости. Но уже в следующий миг он засомневался: ведь история, которая произошла с ним, была еще менее правдоподобной. И все-таки прежде, чем принять ее слова за правду, а следовательно, и поступить в соответствии с этим, он спросил:

— И вам некуда пойти?

— Нет, — сказала она.

Выходит, придется взять ее под свою опеку на все время Игр. Он осторожно вывел ее за руку на середину улицы. Она не сопротивлялась.

— Мы пойдем по середине дороги, по белой линии, чтобы лучше видеть перекрестки. — Этот способ передвижения не сулил им безопасности, но он решил не запугивать девушку. — И вот что. Не бойтесь меня. Я тоже попал в трудное положение, но я порядочный человек. Будем исходить из

того, что мы оба оказались загнанными в угол, и сейчас самое главное — найти безопасное место для ночлега.

У девушки вырвался какой-то звук, похожий на сдерживаемый смех. Он быстро повернулся — девушка шла с низко опущенной головой, и нельзя было понять, что это было на самом деле. В этот момент она посмотрела на него, и только теперь он смог изучить ее лицо. Оно было молодым и загорелым, худощавым, с большими темными глазами. Красоту девушки портила небрежно положенная косметика. Создавалось впечатление, что последнее время ей было не до веселья. Подозрения Госсейна рассеялись, и он вновь осознал всю тяжесть ответственности, которую принял на себя, — он стал защитником молодой особы, о которой не знал абсолютно ничего.

Госсейн остановился у заброшенной неосвещенной автомобильной стоянки, окруженной редким кустарником. Прекрасное место для засады, а с другой стороны — неплохое убежище для него и его спутницы, если незаметно пробраться туда по дорожке между домами.

Минут через десять они нашли в колючем кустарнике маленькую полянку, заросшую травой.

— Переночуем здесь, — шепнул Госсейн.

Девушка сразу опустилась на землю, не говоря ни слова. Ее покорность вновь всколыхнула подозрения Госсейна. Он прилег на траву в тревожном раздумье.

Вокруг царила темнота безлунной ночи, и прошло довольно много времени, прежде чем Госсейн стал нечетко различать ее фигурку в отраженном слабом свете далекого фонаря. Она сидела в футах пяти от него, не шевелясь и даже не изменив позу. Она была для Госсейна явлением столь же неизвестным, как и он сам. Негромкий мягкий голос прервал его раздумья.

— Меня зовут Тереза Кларк. А вас?

«Вопрос по существу, — подумал Госсейн. — Как меня зовут в самом деле?» Он не успел ответить, она заговорила снова:

— Вы хотите принять участие в Играх?

— Хочу, — ответил Госсейн после секунды колебаний. Расспрашивать должен был он, а не она. — А вы?

— Смешно звучит. — В голосе девушки слышалась горечь. — Потому что я не знаю даже, что такое ноль-А.

Самоуничижение девушки вызвало в Госсейне чувство неловкости. В то же время он уловил основную черту ее характера: чрезмерно развитое

воображение и эгоизм. Она всегда довольна собой. Со стороны дороги послышался шум мотора. Разговор прервался. Вслед за первой машиной промчались еще несколько. Прошуршали шины, взвизгнули на повороте тормоза, и вновь наступила тишина. Далекий шум большого города, который он раньше не замечал, теперь обступил его со всех сторон.

Голос девушки перекрывал этот шум, но его неприятно поразила явственно прозвучавшая в нем жалость к себе.

— И вообще, для чего нужны эти Игры? Еще можно понять тех, кто останется на Земле, — у них есть шанс получить хорошую работу. Но ведь каждый год тысячи людей отправляются на Венеру. Что они там делают?

Госсейн не стал ничего объяснять.

— Что касается меня, — сказал он, — то я готов остановиться на должности президента.

Девушка засмеялась.

— Да, вам придется попотеть, — сказала она, — чтобы занять пост Харди.

Госсейн рывком сел.

— Кого?

— Президента Земли Майкла Харди.

Госсейн снова улегся на траве. Так вот что име-

ли в виду Нордег и те, кто был с ним в гостинице! Понятно, что его рассказ они приняли за бред слабоумного: Патриция Харди, летняя резиденция президента в Кресс-Виллидж. Информация, заложенная в его мозгу, была чудовищно ложной.

Но кем она заложена? Харди?

Тереза Кларк прервала его размышления.

— Может, вы согласитесь помочь мне выиграть какую-нибудь самую простую работу? — спросила она.

— Что? — Госсейн пытался разглядеть ее в темноте. Его удивление быстро сменилось жалостью. — Не думаю, — ответил он на ее вопрос. — Чтобы принять участие в Играх, надо обладать обширными знаниями и умениями. Это дается упорным трудом, длительными тренировками. И очень немногие из тех, кто способны полностью мобилизовать все свои умственные и физические силы, выдерживают испытания последних пятнадцати дней.

— Я говорю не о последних пятнадцати днях. Я слышала, что уже через неделю можно неплохо устроиться. Это так?

— Если вы получите работу как участница Игр, вам гарантирован минимум оплаты десять тысяч в год. Но конкурентов у вас, насколько я знаю,

немало.

— Я способная, — ответила Тереза. — К тому же у меня положение безвыходное. Значит, смогу.

Госсейн сомневался, однако пожалел девушку.

— Если хотите, я коротко изложу вам основные положения.

Он замолчал, но она быстро отозвалась:

— Пожалуйста, прошу вас.

Госсейн вздохнул. Он понимал, что его попытка объяснить ей хоть что-нибудь не имеет смысла, и неохотно начал:

— Мозг человека, условно говоря, делится на две основные части: кору и таламус. Кора — это центр логической мысли, таламус — центр эмоциональных реакций нервной системы организма. Вы бывали в Институте семантики?

— Да, там очень красиво, — сказала Тереза. — Драгоценные камни, серебро, золото…

Госсейн помолчал.

— Я говорю о другом. На одной из стен в картинках рассказана история… Вы ее видели?

— Не помню. — Она почувствовала его недовольство. — Зато я видела самого директора, — как его? — с бородой.

— Лавуазье? — Госсейн нахмурился. — Разве он не погиб несколько лет назад в автомобильной

катастрофе? Когда вы его видели?

— В прошлом году. Он сидел в кресле на колесах.

Госсейн задумался. Он решил сначала, что память вновь отказывает ему, но зачем неизвестный, который экспериментирует с его мозгом, скрыл, что Лавуазье все еще жив? Однако он продолжал:

— Мозг человека — и кора, и таламус — обладает необычайно широкими возможностями. Но их надо уметь реализовать. Самое главное — правильно координировать действия коры и таламуса, достигнуть их полной интеграции. Если этого не произошло — личность не может считаться полноценной. Но если интеграция достигнута — нервная система становится практически неуязвимой, она в состоянии вынести любой шок.

Госсейн замолчал, он вспомнил события этого дня.

— Что случилось? — быстро спросила девушка.

— Ничего. Продолжим утром.

Он внезапно почувствовал, что сильно устал. Но прежде чем провалиться в сон, он почему-то вспомнил, как детектор лжи сказал: «В нем чувствуется необычайная сила».

Он проснулся, когда солнце сияло. Тереза Кларк исчезла. Он осмотрел все кусты и убедился, что ее нигде нет. Госсейн вышел на шоссе и огляделся.

Шоссе было забито транспортом, по тротуарам шагали нарядные люди, воздух звенел от городского шума — рев машин, людские голоса. Зрелище поднимало тонус. Госсейн ощутил, что свободен. Девушка исчезла, и это доказывало, что ее появление было случайным, а не входило в какой-то фантастический план, для осуществления которого его полностью лишили памяти. Он почувствовал облегчение. И ему не придется больше заботиться о ней.

В толпе внезапно мелькнуло знакомое лицо. Тереза Кларк с двумя пакетами в руках стояла рядом.

— Я принесла завтрак, — сказала она. — Лучше позавтракать на траве с муравьями, чем в ресторане, набитом людьми.

Они принялись за еду. Госсейн определил, что продукты упаковали в магазине на вынос. Апельсиновый сок, каша со сметаной, горячие тосты с почками, кофе со сливками — все в идеальной пластиковой упаковке. Долларов пять, подсчитал он. Не много ли для двоих, которым целый месяц придется экономить на всем, чтобы дотянуть до

конца Игр? Девушка с пятью долларами в кармане вполне могла заплатить за ночлег. Кроме того, она, видимо, неплохо зарабатывала, если выбрала такой завтрак. Он неожиданно спросил:

— Кстати, как зовут вашего босса?

— Что? — Тереза, расправившись с тостом, рылась в сумочке. Услышав вопрос, она вздрогнула и с удивлением посмотрела на него. Затем лицо ее прояснилось. — А, вы о нем!

— Да, — твердо ответил Госсейн. — Как его зовут?

Девушка полностью владела собой.

— Не хочу вспоминать о нем, — сказала она и переменила тему разговора. — Скажите, много надо выучить для первого испытания?

Госсейн ответил не сразу. Он не был уверен, что должен настоять на ответе на свой вопрос. В конце концов, спешить некуда.

— Нет, — сказал он. — Первый день Игр — предварительный. Нужно зарегистрироваться, получить направление в одну из кабин и там ответить на вопросы. Я интересовался историей Игр за последние двадцать лет — информацию о более раннем периоде Машина не выдает — и знаю, что на первом этапе вас просят просто сказать, что такое ноль-А, ноль-Н, ноль-Е. Задумывались

вы об этом или нет, но жить на Земле и не иметь хотя бы общего представления о концепциях ноль-А невозможно. Они развиваются уже не одно столетие. Люди не запоминают определения и формулировки, но если вы действительно хотите…

— Конечно, хочу, — ответила девушка. Она достала из сумочки портсигар. — Закурим?

Блеснуло на солнце золото. Бриллианты, изумруды, рубины полыхали на крышке. Автоматически прикуренная сигарета высунулась в отверстие. Конечно, золото могло быть подделкой, а драгоценные камни пластиковыми, но портсигар не был серийным изделием и выглядел вполне натурально. Госсейн оценил его приблизительно в тысяч двадцать пять долларов.

— Нет, спасибо, — ответил он, оправившись от изумления. — Я не курю.

— Это очень мягкие сигареты, — настаивала девушка. — Особый сорт.

Госсейн покачал головой. Девушка пожала плечами, вынула зажженную сигарету, с наслаждением затянулась и бросила портсигар в сумочку. Похоже, ей и в голову не пришло, что безделушка могла произвести такое впечатление.

— Давайте продолжим занятия, — сказала она. — Когда вы мне все объясните, можно будет расстаться, а вечером встретиться здесь. Договорились?

Поведение Терезы Кларк раздражало Госсейна, он не мог смириться с ее бесцеремонностью. Он почти не сомневался, что ее появление не случайность и что она, по-видимому, имеет отношение к неизвестному, экспериментирующему с его мозгом. Нельзя дать ей ускользнуть.

— Хорошо, — сказал он. — Не будем терять времени попусту.

III

Тереза Кларк вышла из автомобиля, и Госсейн, подав ей руку, быстро повел ее по аллее из высоких деревьев. Миновав арку каменных ворот, они увидели Машину. Девушка не замедлила шага, а Госсейн остановился.

Машина располагалась в конце широкого проспекта. Площадка на вершине холма была покрыта цветущими садами, и надо было пройти около полумили, чтобы увидеть все великолепие металлического шпиля, на вершине которого атомным сиянием светила звезда, и сияние это затмевало полуденное солнце.

Госсейн был ошеломлен. В этот момент он необычайно четко понял, что Машина не допустит его к Играм, если он не сможет назвать своего настоящего имени. Он показался себе маленьким, потерянным. Краем глаза он заметил, что Тереза Кларк тоже остановилась и смотрит на него.

— Должно быть, вы в первый раз видите Машину так близко? — спросила она участливо. — Страшно, не правда ли?

В ее голосе прозвучало некоторое высокомерие

и пренебрежение, и Госсейн не смог удержаться от улыбки. «Уж эти мне городские снобы!» — подумал он. Настроение его несколько поднялось, и, взяв ее под руку, он решительно двинулся вперед. Постепенно уверенность возвращалась к нему. Он ни в чем не виноват, не так ли? Детектор лжи в отеле подтвердил, что вымышленное имя он назвал без желания кого-то обмануть.

Чем ближе они подходили, тем больше становилась толпа и тем более впечатляющими казались размеры Машины. На ее нижних этажах ярус над ярусом располагались кабины для экзаменов. На верхние ярусы вели снаружи широкие лестницы.

— Боюсь, у меня ничего не получится, — сказала Тереза Кларк. — Все эти люди вокруг нас мне кажутся такими умными!

Выражение ее лица рассмешило Госсейна, но он ничего не ответил. Сам он ни на миг не усомнился, что выдержит все испытания всех тридцати дней. И его волновала лишь возможность того, что его могут вообще не допустить к Играм.

Холодная и неприступная, Машина возвышалась над людьми, пришедшими сюда, чтобы продемонстрировать всю полноту и широту своих знаний. Ни один человек на Земле не знал, где

именно расположен ее электронно-магнитный мозг. Госсейн также размышлял над проблемой, ставшей в свое время перед ее создателями — архитекторами и учеными. Правда, это уже не имело значения. Сама заменяющая блоки, осознавшая свое существование и цель, стоявшую перед ней, Машина была объективна и теоретически способна предотвратить любое нападение.

Когда Машина строилась, эмоциональные люди называли ее Монстром. Но ее творцы отвечали: «Это не монстр. Это искусственный мозг, мыслящий творчески. Он может развиваться в любом направлении, если оно разумно и безопасно для человечества».

И вот уже триста лет она определяет, кто из людей по своим моральным и интеллектуальным качествам может быть президентом Земли, и люди привыкли к этому.

Рядом с Госсейном разговаривали мужчина и женщина. Он прислушался.

— Целый месяц в Городе не будет охраны порядка. Это меня пугает.

— Это трудно понять, — ответил мужчина, — но на Венере вообще нет полиции, потому что она не нужна. Хотелось бы мне доказать, что мы достойны жить на планете, где каждый человек

разумен в самом высоком смысле этого слова. А кроме того, мы узнаем, насколько мы продвинулись вперед на Земле. Не бойся, увидишь, все будет хорошо.

— Похоже, мы расстанемся, — сказала Тереза. — Всем, чьи фамилии начинаются на К, надо спуститься в подземный второй этаж, а вам — на первый. Встретимся вечером на той же стоянке. Хорошо?

— Договорились.

Госсейн подождал, когда она скроется за поворотом, и пошел за ней следом. Она спустилась вниз, прошла по коридору и по ступенькам поднялась к выходу. Он попытался догнать ее, но, протолкавшись сквозь толпу на улицу, уже не увидел девушку.

Он вернулся назад. С самого начала он подозревал, что она может испугаться экзамена, поэтому и стал следить за ней, и все-таки ему было неприятно, что его подозрения оправдались. Проблема Терезы Кларк становилась все запутаннее.

Госсейн вошел в свободную кабину сектора «G». Он был взволнован больше, чем ожидал. Дверь автоматически закрылась, раздался щелчок, и Машина безличным голосом произнесла:

— Ваше имя?

Госсейн забыл о Терезе Кларк. Наступил переломный момент.

Кабина была оборудована удобным вертящимся креслом, столом с ящиками и большой пластиковой панелью над ним — там мигали желтые и красные огоньки электронных деталей. Громкоговоритель из прозрачного пластика был расположен в центре панели.

— Ваше имя? — повторила Машина. — Отвечая, пожалуйста, положите руки на подлокотники.

— Гилберт Госсейн, — тихо сказал он.

Наступила пауза. Огоньки продолжали мигать.

— На первое время, — тем же бесстрастным голосом сказала Машина, — я принимаю это имя.

Госсейн облегченно вздохнул. Он почувствовал, что сейчас откроет нечто важное. От возбуждения он разгорячился.

— Значит, известно, кто я такой на самом деле? — спросил он.

Опять пауза. Госсейн вспомнил, что сейчас Машина разговаривает не с ним одним, а с тысячами людей, сидящих в кабинах.

— Вы сами этого не знаете? — ответил голос Машины. — Вы готовы к испытаниям?

— Но…

— Оставим эту тему! — голос стал строже. За-

тем уже более мягко он продолжал: — В одном из ящиков стола письменные принадлежности. Отвечайте на вопросы не спеша — дверь не откроется раньше чем через полчаса. Желаю успеха!

Именно этих вопросов и ожидал Госсейн: Что такое не-аристотелевы концепции? Что такое не-ньютоновы концепции? Что такое не-евклидовы концепции?

Вопросы были не так уж просты, как могло показаться сначала. Определения сформулировать было несложно, но не это главное: нужно было показать свое понимание этих формулировок, их многозначность, показать, что и эти краткие ответы не являются однозначными. Собираясь с мыслями, Госсейн проставил на листках привычные сокращения: ноль-А, ноль-Н, ноль-Е.

Минут через двадцать ответы были написаны, и Госсейн откинулся на спинку кресла.

— Сегодня других вопросов не будет, — сказала Машина. Но разговор с ней на этом не закончился. На двадцать пятой минуте Машина заговорила снова: — Пусть вас не удивляет несложность первого экзамена. Моя задача — не провалить экзаменующегося, а убедиться в его стремлении к гармоничному развитию, к умению правильно использовать сложную нервную систему челове-

ка. Это и должны выявить в каждом гражданине Земли тридцатидневные Игры. Те, кто не выдержал сегодняшние испытания, уже оповещены. Им придется ждать следующих Игр. Остальным — а их более девяноста девяти процентов — желаю удачи завтра.

Госсейн положил исписанные листки в открывшуюся нишу. Телекамера быстро сверила ответы и подтвердила их правильность. Через несколько минут следующая партия из двадцати пяти тысяч человек приступит к своему экзамену.

— О чем вы хотели спросить меня, Гилберт Госсейн? — вдруг зазвучал голос Машины.

Госсейн вздрогнул.

— Почти все, что я помню, не соответствует действительности. Возможно ли, что это сделано с какой-то целью?

— Безусловно.

— Кто это сделал?

— Ваш мозг не содержит информации об этом.

— В таком случае, откуда это известно?

— Это логический вывод из имеющихся данных. То, что в ваших иллюзиях присутствует Патриция Харди, говорит о многом.

Госсейн помолчал, но все же высказал то, о чем думал:

— Многие душевнобольные убеждены, что они являются известными людьми — Цезарем, Наполеоном, мужем дочери президента Земли, наконец. Возможно, я отношусь к этой категории?

— Нет. Самое сильное убеждение можно внушить с помощью гипноза. Ваше, к примеру. Потому-то вы так легко избавились от чувства горя, когда поняли, что Патриция жива. Но последствия нервного шока еще присутствуют в вашем мозгу. — Наступило молчание, но вскоре Машина заговорила вновь, и в ее голосе прозвучала грусть. — Я всего лишь мозг, прикованный к этому месту, я не могу точно знать, что происходит вдали от меня. Возможно, вас это разочарует, но я могу только гадать, какие планы вынашивают некоторые люди.

— Но ведь что-то вам все-таки известно?

— Вам отведена большая роль в осуществлении каких-то планов, но каких именно — я не знаю. Обратитесь к психиатру, сфотографируйте кору своего мозга — без этого я не смогу ничего определить. До завтра!

Дверь щелкнула и открылась. Госсейн вышел в коридор, через толпу пробрался к выходу и оказался на бульваре. К северу тянулся квартал

зданий, выстроившихся в правильном геометрическом порядке, за ними — дворец президента среди цветочных клумб и деревьев. Невысокое здание благородных пропорций и гармоничных линий. Но Госсейн не любовался красивым видом. Он думал, сопоставлял факты, рассчитывал. Причастность президента Харди и его дочери Патриции к происходящему с ним не вызывала сомнений. Но зачем ему было внушено, что он женат на умершей женщине? Это же полная бессмыслица. Не будь поблизости Нордега, все равно детектор лжи немедленно определил бы это.

Госсейн пошел в город. Он зашел в небольшой ресторан у реки, заказал еду и попросил телефонный справочник. На желтых страницах он быстро нашел знакомое имя: Энрайт, Дэвид Лейстер, психолог: 709 Дом Искусств и Медицины. Это был автор ряда книг, которые читали те, кто рассчитывал выдержать более чем десять дней испытаний в период Игр. Читались они с наслаждением: широта и ясность мысли автора, точность словесных определений, отчетливое понимание неразрывной связи тела и мозга — все это чрезвычайно импонировало Госсейну.

Он закрыл справочник и вышел на улицу. Ему стало легко, он успокоился: он помнил книги

Энрайта, значит потеря памяти не так страшна. Врач, знаменитый ученый вылечит его быстро.

— Доктор принимает только по предварительной записи, — сказал секретарь в приемной Энрайта. — Приходите через три дня в 14 часов. Прием длится час. Счет оплачивается предварительно — двадцать пять долларов.

Госсейн заплатил, взял чек и ушел. Он не огорчился: к хорошему врачу попасть трудно. Человечество еще только начало приобщаться ноль-А концепции, а без этого оно оставалось больным.

На улице он обратил внимание на один из самых мощных автомобилей, который ему доводилось встречать. Громоздкая машина, сверкнув в ярких лучах солнца, пронеслась и остановилась футах в ста от Госсейна. Человек, одетый в ливрею, вскочил с сидения рядом с шофером и открыл заднюю дворцу. Из машины вышла Тереза Кларк. На ней было черное вечернее платье, лицо ее казалось не таким загорелым. Тереза Кларк и это сверкающее великолепие! Немыслимо было соединить их в один образ.

— Кто это? — спросил Госсейн мужчину, стоявшего рядом. Он знал ответ заранее.

Мужчина с удивлением посмотрел на Госсей-

на.

— Патриция Харди, дочь президента. Должно быть, законченная неврастеничка. Обратите внимание на форму ее машины — она напоминает огромный бриллиант…

Госсейн не слушал. Он отвернулся, чтобы его не узнали. Надо было решить, как вести себя дальше. Казалось невероятным, что она может прийти вечером на заброшенную автостоянку к человеку, которого она совершенно не знала.

Но она пришла.

Госсейн стоял в тени и задумчиво смотрел на неясную фигуру девушки. Место для наблюдения он выбрал удачно: она стояла к нему спиной и не замечала его присутствия. Он догадывался, что попал в ловушку, несмотря на то, что хорошо осмотрелся и не нашел ничего подозрительного. И все-таки он не колебался ни секунды — эта девушка была единственной нитью к разгадке его тайны. Госсейн следил за ней с интересом.

Вначале она села, подогнув под себя правую ногу. За двадцать минут она пять раз поменяла позу. Она привставала, чертила что-то пальцем на траве, вынула портсигар и, не закурив, бросила его в сумочку. Она покачивала головой, как бы разговаривая сама с собой, пожимая плечами,

прижимала руки к груди, как бы стараясь согреться. Она три раза довольно шумно вздохнула и просидела около минуты неподвижно.

Прошлой ночью девушка так не нервничала. Более того, она совсем не нервничала, а испуг перед бандитами, которые якобы гнались за ней, просто разыграла. Ожидание, решил Госсейн. Она привыкла быть в обществе, в центре внимания людей. Оказавшись в одиночестве, она чувствует себя неуверенно.

Сегодня утром он услышал, как характеризовал ее мужчина: неврастеничка. Да, похоже, что так. По всей вероятности, в детстве ее воспитывали, не учитывая принципов концепции ноль-А, а значит, не развили определенные навыки. Как это могло произойти в семье Харди, человека цельного и просвещенного, Госсейн понять не мог. Было ясно одно — дочь президента ярко выраженный таламический тип. Ничего удивительного, если она подвержена даже нервным срывам.

Стало совсем темно, но Госсейн продолжал наблюдать за ней. Минут через десять она встала, потянулась, потом снова уселась на землю, сняла туфлю, легла на траву и повернулась на бок. И увидела его.

— Все в порядке, — мягко сказал Госсейн. — Это

я. Должно быть, вы услышали мои шаги. — Он говорил, чтобы успокоить девушку, которая от неожиданности вздрогнула и подскочила.

— Вы меня напугали, — сказала она. Тихий и спокойный голос не выдал ее эмоций.

Он тоже лег на траву и вдохнул ночные запахи. Вторые сутки Игр! Уже вторые! Слабый городской шум доносился до них. И в нем не было ничего угрожающего. Где же те грабители и воры, страшные легенды о которых пугают людей? Может быть, с успехами новой системы образования уменьшилось число бандитов и их осталось немного — людей, нападающих ночью на беззащитных прохожих? Вряд ли. Конечно, преступников стало меньше, это так. Когда-нибудь их не станет совсем. Но пока — пока они умеют приспособиться к меняющимся обстоятельствам, к структуре Вселенной. И в эту минуту где-то строят планы насилия и действуют в соответствии с ними. Где? Может быть, здесь.

Госсейн посмотрел на девушку и рассказал ей о себе: о своем положении, о том, как его выгнали из гостиницы, о своей ложной памяти, о нелепой вере в то, что он был женат на Патриции Харди, которая умерла.

— И вдруг, — добавил он резко, — оказалось,

что она не только жива, но ко всему прочему еще и дочь президента.

— Скажите, — спросила Патриция, — неужели все психологи, к одному из которых вы намерены обратиться, выдержали испытания Игр, отправились на Венеру, а затем вернулись на Землю? И кроме них, никто другой не может быть психиатром или другим врачом того же профиля?

Госсейн не задумывался об этом.

— Да, верно, — отозвался он. — Учиться может любой, но…

Ему страстно захотелось оказаться у доктора Энрайта. Вот где он узнает о себе много нового! И тут же решил, что должен быть очень осторожным. Почему она никак не отреагировала на его рассказ и задала этот странный вопрос? В темноте ее лицо нельзя было разглядеть.

— Значит, вы даже не подозреваете, кто вы такой на самом деле? — вновь заговорила она. — И не помните, как попали в отель?

— Я ехал из Кресс-Виллидж в автобусе до аэропорта в Ноленди, — ответил Госсейн. — Хорошо помню себя на борту самолета.

— Во время полета вас кормили?

Госсейн задумался. Он сейчас пытался проникнуть в выдуманный мир — мир, который не

существовал и в котором осталось его прошлое. А память — несмотря на то, что это абстрактное понятие — связана о конкретными физическими действиями. А их-то и не было. Вывод мог быть один: он не ел до тех пор, пока не оказался в Городе.

— И вы не знаете, в чем дело? У вас нет ни цели, ни планов? Для чего вы живете, вы тоже не знаете?

— Нет, — сказал Госсейн.

И стал ждать.

Оба молчали, молчали долго, слишком долго.

Кто-то прижал его к земле. Из-за кустов появились нечеткие фигуры. Он вскочил на ноги и сумел оттолкнуть первого из напавших. Страх сдавил ему горло, он заставлял его бороться даже тогда, когда сильные руки схватили его и сопротивление стало бессмысленным.

— Так, — сказал мужской голос. — Сажайте их в машины и поехали.

Госсейна затолкали на заднее сидение большого седана. Он не знал, появились ли эти люди по сигналу девушки, или это просто бандиты. Автомобиль рванулся вперед, и на какое-то время ответ на этот вопрос перестал интересовать его.

IV

Автомобили мчались по пустым улицам Города: две машины впереди, три сзади. В одной из них ехала Патриция Харди, но как он ни старался, он не видел ее ни через ветровое стекло, ни в зеркале заднего обзора. Разумеется, это не было столь уж важным. Он присмотрелся к похитителям и решил, что это не простые бандиты.

Он обратился к человеку справа от себя, но ответа не получил. Он повернулся налево, но не успел произнести и слова, как мужчина сказал:

— Нам запрещено разговаривать с вами.

Вот как! «Запрещено». Госсейн с облегчением откинулся на спинку сидения: еще не все потеряно.

Машины резко свернули в тоннель и минут пять неслись с огромной скоростью, включив фары, затем впереди появилось светлое пятно, машины замедлили ход и выскочили в закрытый полукруглый двор, у больших дверей они остановились. Распахнулись дверцы, и Госсейн увидел, как из головной машины вышла девушка и направилась к нему.

— Чтобы внести ясность, — сказала она. — Мое

имя Патриция Харди.

— Знаю, — ответил Госсейн. — Я видел вас днем.

Глаза девушки расширились.

— Безумный! — воскликнула она. — И вы все-таки пришли!

— Я должен узнать, кто я такой на самом деле.

В голосе Госсейна прозвучало отчаяние, и тон Патриции смягчился.

— Бедняга, — сказала она. — Ведь они заканчивают приготовления к решительному шагу. Поэтому все гостиницы полны шпионов. Как только детектор лжи произнес свое заключение, оно стало им известно. А они не могут себе позволить рисковать. — Она помолчала и после некоторого колебания добавила: — У вас остается одна надежда — возможно, Торсон вами не заинтересуется. Отец пытается его убедить произвести тщательное обследование, но пока ему это не удалось. Простите меня, — пробормотала она, резко повернулась и вошла в дверь, открывшуюся от ее прикосновения. На долю секунды он увидел ярко освещенную комнату, и дверь закрылась.

Прошло минут десять. Из двери напротив вышел мужчина необычайно высокого роста с крючковатым как у ястреба носом. Подойдя к

Госсейну, он иронически улыбнулся.

— Выходит, это и есть тот, кто особенно опасен для нас? — сказал он.

Госсейн не стал реагировать на оскорбительный тон. Он внимательно изучал стоящего перед ним мужчину. Внезапно он осознал смысл услышанного. Он был готов к тому, что его вытряхнут из машины, но в этот момент он откинулся на спинку и попытался осмыслить то, что услышал: он опасен! Чем же? Он прошел курс ноль-А, но его мозг поражен амнезией. Даже если он успешно справится с испытаниями Игр, то отправится на Венеру вместе с тысячами других людей. Чем он отличается от них?

— Ну, конечно, молчание, — продолжал гигант. — Если я правильно понимаю, ноль-А пауза. Кора вашего мозга начинает контролировать положение. Можно ждать, что сейчас польются умные речи?

Госсейн посмотрел на него с интересом. Ирония почти исчезла, жесткое выражение лица смягчилось, а поза несколько расслабилась.

— По всей вероятности, — сказал Госсейн, — вы провалились на Играх, поэтому теперь смеетесь над ними. Мне вас жаль.

Мужчина засмеялся.

— Пойдемте, — сказал он. — Вы будете удивлены. Меня зовут Торсон, Джим Торсон. Я называю вам свое имя, потому что вы уже не будете иметь возможности никому рассказать о нашем знакомстве.

— Торсон, — как эхо повторил Госсейн.

Он молча вышел из машины и прошел в резную дверь дома, в котором жили президент Харди и его дочь Патриция.

Сразу же и очень основательно он начал обдумывать побег. Но не сейчас. Еще рано. Ему даже самому казалось странным, что узнать правду о себе он считал более важным.

Длинный коридор, отделанный мрамором, привел их к большой дубовой двери. Торсон толкнул дверь и, улыбаясь, пропустил вперед Госсейна. Сопровождавшие их охранники остались в коридоре.

В комнате было трое — Патриция Харди и двое мужчин. Один из них лет сорока пяти сидел за столом. Необычная внешность второго приковывала внимание к себе.

Жертва какой-то катастрофы, он остался в живых, но стал чудовищным сооружением, настоящим механизмом. Руки и ноги из пластика, вместо спины шероховатая оболочка, череп,

похожий на полусферу из матового стекла без ушных раковин, а из-под нее смотрели два человеческих глаза. От глаз и ниже лицо сохранилось — нос, рот, подбородок и шея. Что представляет собой остальное тело, можно было только гадать. Но Госсейн в этот момент думал о другом: он решал, как вести себя, и пришел к выводу — чем смелее, тем лучше. Обращаясь прямо к калеке, он сказал:

— Что это за чертовщина?

Инвалид засмеялся и заговорил звучным низким басом:

— Считайте меня неизвестной величиной — Иксом.

Госсейн посмотрел на девушку. Патриция не отвела взгляда, но щеки ее слегка порозовели. Она успела переодеться и уже ничем не напоминала Терезу Кларк.

Пожалуй, самым неприятным для Госсейна был вид Майкла Харди. Он не мог освоиться с открытием, что президент Земли — заурядный заговорщик. А что здесь готовилось преступление, было очевидным. Иначе как объяснить поведение Патриции и Торсона, опыты с его памятью. И Машина говорила о каком-то заговоре, связывая его с семейством Харди.

Жесткое выражение глаз резидента смягчилось улыбкой тонких губ — улыбка человека, который привык к симпатиям публики, но было видно, что он умеет приказывать и добиваться исполнения приказов, умеет прервать или довести до конца любой неприятный разговор.

Он поднял голову и сказал:

— Госсейн, если бы мы имели слабость согласиться с мнением Машины и подчиниться ее решению, общественное положение каждого из нас было бы незавидным. Все мы люди очень одаренные, способные на многое, но жестокие и безжалостные, а это в обычных условиях не позволило бы нам достичь высокого положения. История человечества на девяносто девять процентов создана такими людьми, как мы. Можете не сомневаться — наш случай не исключение.

Госсейн слушал, и сердце его сжималось. Президент был слишком откровенен. Значит, либо заговорщики приступают к действиям, либо его не оставят в живых. Харди продолжал:

— Все это я сказал вам для того, чтобы в дальнейшем вы исполняли то, что вам прикажут. Несколько человек держат вас на прицеле, так что не пытайтесь своевольничать. Садитесь в кресло, — он махнул рукой, — и не сопротив-

ляйтесь, когда на вас наденут наручники. — Он повернулся к Торсону. — Принесите аппаратуру.

Госсейн отдавал себе отчет в том, что в этой комнате у него нет шансов на побег. Он сел поудобнее и протянул руки Торсону. Он с интересом смотрел, как тот подкатил к нему столик на колесах с небольшими хрупкими приборами, затем молча прикрепил к телу датчики-присоски, формой похожие на маленькие чашки, — шесть к голове и лицу и шесть к шее, плечам и лопаткам.

Подняв голову, Госсейн увидел, что Харди и Икс наблюдают за процедурой горящими глазами. Патриция сидела в кресле, поджав под себя ноги, и нервно курила, не затягиваясь, поминутно выпуская изо рта клубы дыма.

Единственным спокойным человеком в этой комнате был Джим Торсон. Закончив манипуляции с датчиками, он вопросительно посмотрел на Харди. И тут Госсейн заговорил:

— Я думаю, что вы все-таки должны меня выслушать.

У него перехватило дыхание, негодование горячей волной прокатилось по телу. «Что же это такое? — думал он. — Подвергать такому унижению человека, который не нарушал законов, в 2560 году, на планете, давно забывшей о

войнах!»

— Я чувствую себя ребенком, попавшим в сумасшедший дом, — хрипло продолжал он. — Скажите мне, чего вы добиваетесь, и я сделаю все, что смогу. Я ценю свою жизнь больше, чем ту информацию, которую вы хотите получить. Я не скрываю этого, ибо в ноль-А мире отдельный человек не в состоянии определить судьбу человечества. Нет и незаменимых людей, какими бы способностями они ни были наделены. Равновесие сил в обществе не нарушат даже самые гениальные изобретения, они не помогут, скажем, выиграть войну, если свой мир защищают смелые люди. Это доказала история. — Он обратился к Майклу Харди. — Может, дело в этом? Прежде чем потерять память, я сделал какое-нибудь важное открытие?

— Нет, — ответил Икс басом. Он смотрел на Госсейна с интересом. — Случай необычный. Ведь он действительно не знает ни своей цели, ни даже своего имени, и все-таки его появление в данный момент не может быть простым совпадением. Небывалый случай — детектор лжи в гостинице не смог определить, кто он такой!

— Но он не лжет. — Патриция Харди отвела в сторону руку с сигаретой и спустила ноги на

пол. Слова были произнесены убежденным, искренним тоном. — Детектор констатировал, что мозг этого человека не содержит нужной информации.

Пластиковая рука сделала покровительственный жест в сторону девушки. Низкий голос звучал снисходительно:

— Дорогая моя, я не спорю. Не каждому прибору можно верить. Гениальный мистер Кренг и я, — интонация подчеркнула многозначительность сказанного, — доказали это к удовольствию всех заинтересованных, в том числе и вашего отца. — Он глубоко вздохнул. — Я считаю, что мы не можем доверять словам Госсейна, пока не проведем самого тщательного обследования.

Президент Харди кивнул.

— Он прав, Пат. Возможно, что человек, убежденный в том, что он женат на моей дочери, обычный шизофреник. Но то, что он появился именно сейчас, требует проверки. Заключения детектора *лжи* настолько необычны, что они заинтересовали даже Торсона. Я думаю, что здесь замешаны агенты Галактической Лиги. Увидим. Что вы собираетесь предпринять, Джим?

Торсон пожал плечами.

— Проникнуть в мозг сквозь заторможенные

зоны и выяснить хотя бы, кто он такой.

— И вот что, — вмешался Икс. — Чем меньше людей будут владеть полученной информацией, тем спокойнее. Это касается вас, мисс Харди.

Девушка поджала губы.

— Ну уж нет! — сказала она вызывающе и откинула голову. — Я же рисковала жизнью.

Ответа не последовало. Икс не отрывал от нее глаз, взгляд которых невозможно было уловить. Патриция заерзала в кресле, посмотрела на отца, надеясь на поддержку, он он отвел глаза и тоже заерзал на месте. Она встала с выражением презрения на лице.

— Итак, и президент теперь марионетка, — иронически произнесла она. — Только не думай, что я его боюсь. Однажды я влеплю ему пулю так, что ни один хирург не залатает дыру никаким пластиком.

Она вышла и громко хлопнула дверью.

— Приступим к делу, — сразу сказал Харди.

Никто не возразил. Госсейн смотрел, как пальцы Торсона, на миг замерев над аппаратом, включили его. Раздался щелчок, послышалось глухое гудение. Госсейн напрягся, ожидая шокового удара, но не возникло никаких ощущений. Он с некоторым недоумением смотрел на вибри-

рующий аппарат, внутри которого пульсировали разноцветные огоньки. Какую функцию они выполняли? Возможно, они контролировали скорость каких-то реакций, или усиливали звук, или превращали один вид энергии в другой, он не мог определить.

Некоторые трубки располагались на поверхности в полупрозрачных отверстиях, другие внутри — эти, по-видимому, были особенно чувствительны, и требовалось изолировать их и от света, и от перепадов температуры. Непрерывная игра ярких огней вызвала боль в глазах, невольно потекли слезы. Госсейн часто моргал, чтобы унять их. Огромным усилием воли он заставил себя отвернуться. По-видимому, слишком резко: в мозгу что-то взорвалось, острая боль пронзила голову. Ему казалось, что его опустили в море на большую глубину, он ощущал огромное давление со всех сторон. Голос Торсона, объяснявшего собеседникам происходящее, доносился издалека:

— Это очень интересный прибор. Он генерирует энергию, близкую к нервной, и передает ее импульсами через двенадцать электродов. В человеческом теле она следует по естественным каналам, причем преодолевает любые препятствия, не превышая одного процента отклонения

от нормы.

Госсейн не мог сосредоточиться: в голове перемешались обрывки каких-то мыслей, голос Торсона назойливо звенел в ушах:

— Для медицины получение искусственной нервной энергии очень упростило ряд проблем — ее можно сфотографировать. Я сделаю несколько снимков, сразу проявлю их и по ним можно будет определить, в какой части мозга расположен центр памяти. Природа памяти науке известна, а нам необходимо лишь найти группу клеток, содержащих информацию, интересующую нас. Затем этот прибор направит энергетический поток, который заставит человека высказать то, что хранит его память.

Он выключил прибор и вынул из камеры пленку.

— Не спускайте с него глаз, — сказал он и вышел.

Охранять Госсейна не понадобилось — он не смог бы даже встать: комната плыла перед его глазами, как будто его очень долго крутили в одну сторону. Когда Торсон вернулся, он все еще не пришел в себя.

Он вошел, не торопясь, не глядя по сторонам, и направился к Госсейну. Он остановился и молча

разглядывал своего пленника.

— Что случилось? — тревожно спросил Харди.

Торсон только отмахнулся, как бы приказывая замолчать. Этот механический жест был просто неприличен, и Госсейн внезапно понял, что Торсон, неподвижно стоявший перед ним, совершенно не похож на других людей и что он тщательно скрывает свою истинную сущность. За презрительной холодной маской скрывалась сложная нервная организация, сильно развитый мозг, признающий только свои оценки, воля, не подчиняющаяся никаким приказам, уверенная в себе. Он мог согласиться только с тем, что сам считал нужным. Если он не соглашался, последнее слово оставалось за ним.

Икс подкатил к Торсону свое кресло и осторожно вязал у него снимки; один снимок он протянул Харди. Оба рассматривали снимки, но реагировали на увиденное по-разному.

Икс вздрогнул и выпрямился в кресле. Он оказался выше ростом, чем думал Госсейн, — около пяти футов одиннадцати дюймов. Пластиковая рука застыла на уровне груди. На лице появилось выражение испуга. Хриплым голосом он тихо произнес:

— Хорошо, что он не побывал у психиатра. Мы

вовремя его схватили.

Майкл Харди не пытался скрыть своего раздражения.

— Отчего такой переполох? Позвольте напомнить вам, что свой пост я получил только потому, что сумел взять под контроль Игры Машины. Я не понимаю всю эту ноль-А чепуху. Пленка эта мне ничего не говорит. Все, что я вижу на ней, это какое-то яркое пятно.

Торсон на этот раз отреагировал. Он подошел к Харди и что-то прошептал ему на ухо. Президент побледнел.

— Убейте его, — сказал он резко. — Сейчас же.

Торсон покачал головой.

— Зачем? Что он может сделать? Кричать? — Его вновь увлек профессиональный интерес. — Обратите внимание, вокруг нет четких линий.

— А если он научится управлять этим? — спросил Харди.

— На это нужны месяцы! — громогласно возвестил Икс. — За двадцать четыре часа невозможно научиться управлять даже пальцем!

Еще некоторое время они совещались шепотом. В конце концов Торсон возмутился:

— Неужели вы считаете, что он сбежит из нашей камеры? Или вы начитались книг, в которых

герой всегда побеждает?

С самого начала было ясно, чья точка зрения восторжествует. По приказу Торсона стражники отнесли Госсейна на четыре этажа вниз, в помещение со стальными стенами, полом и потолком. В камеру вела лестница. Установив кресло с прикованным к нему Госсейном, стражники поднялись по ней, лестница с легким шумом ушла в люк на потолке в двадцати футах над головой. Стальная дверца закрылась, запоры со скрежетом задвинулись. Воцарилась тишина.

V

Госсейн неподвижно сидел в кресле. Он слышал сильное биение сердца, стук в висках, к горлу подкатила тошнота, все тело охватила тяжелая испарина.

«Я боюсь, — подумал он. — Еще никогда я не чувствовал такого страха.»

Страх — чувство, присущее живой материи. Цветок, закрывающий на ночь лепестки, боится темноты, но у него нет нервной системы, передающей импульс в мозг, и нет таламуса, способного на эмоциональную реакцию. Человек — это физико-химическая структура, воспринимающая и осознающая жизнь при помощи сложной нервной системы. Смерть уничтожает тело и сознание. Личность остается в мире как серия искаженных импульсов в памяти других людей. С годами они становятся все слабее, и за полвека совсем исчезают. Возможно, фотография еще какое-то время сохранит его изображение.

«Мне не спастись, — думал он в ужасе. — Меня убьют. Я умру». — Он чувствовал, что теряет контроль над собой.

Под потолком вспыхнула яркая лампа, дверца

люка открылась, и незнакомый голос произнес:

— Все в порядке, мистер Торсон.

Через несколько минут лестница с тем же шумом поползла вниз и лязгнула о металлический пол. Несколько рабочих внесли стол и разные аппараты, в том числе и уже знакомый Госсейну прибор. Расставив все это по местам, рабочие быстро ушли. Появились два охранника. Они проверили наручники, осмотрели кресло и тоже ушли. В душном помещении стояла мертвая тишина.

Через некоторое время люк на потолке снова открыли. Госсейн втянул голову в плечи, уверенный, что это пришел Торсон. Но по ступенькам сбежала Патриция Харди. Она быстро разомкнула наручники и тихо, но настойчиво прошептала:

— Поднимитесь наверх. В холле сверните направо. Футах в ста под лестницей есть небольшая дверь. Мои комнаты на втором этаже. Думаю, их не будут обыскивать, но не знаю. Больше я ничего для вас сделать не могу. Желаю удачи!

Она сразу, не оборачиваясь, выбежала из камеры. Затекшее тело Госсейна не слушалось, мышцы болели, он спотыкался на каждой ступеньке. На дорогу девушка указала точно. Он добрался до ее спальни и тут почувствовал себя

лучше.

В спальне ощущался легкий запах духов. Сбоку стояла кровать, завешенная пологом. Госсейн остановился у широкого окна и долго смотрел на негасимую звезду, горящую на шпиле Машины. Она казалась такой близкой, что Госсейну захотелось потрогать ее руками.

Он не верил, что здесь его не будут искать. Лучше действовать сейчас, пока его исчезновение еще не обнаружили. Он выглянул из окна и отпрянул: по двору цепочкой шла группа вооруженных людей. Он успел заметить, что двое отделились и притаились в кустах — по-видимому, это был сторожевой пост.

Он осмотрел другие помещения. Через минуту он выбрал небольшую комнату с балконом, выходящим на другую сторону дома. При необходимости можно просто спрыгнуть и пробраться среди кустов, чтобы выйти в город. Он устало присел на красивое деревянное кресло перед большим во всю стену зеркалом. Он хотел обдумать странное поведение Патриции Харди.

Девушка рисковала собой. Причина осталась неизвестной, хотя было понятно, что играть порученную роль ей было неприятно и что она чувствовала себя виноватой перед Госсейном.

Послышался звук ключа, поворачивающегося в замке. Через несколько секунд он услышал тихий голос девушки:

— Мистер Госсейн, вы здесь?

Он открыл дверь, ни слова не говоря, и некоторое время они стояли и смотрели друг на друга через порог. Девушка заговорила первая:

— Что вы намерены делать?

— Добраться до Машины.

— Зачем?

Госсейн не знал, что ответить. С одной стороны, Патриция Харди помогла ему, и, казалось, он мог ей доверять. С другой стороны, следует помнить, что она эмоциональный человек и может действовать под влиянием порыва, не задумываясь над последствиями своих поступков. Патриция горько улыбнулась и снова заговорила:

— Не делайте глупостей и не пытайтесь спасти человечество. Не в ваших силах что-либо изменить. Заговор касается не только Земли, но и всей Солнечной системы. Мы — пешки, и нас переставляют люди со звезд.

Госсейн не отрываясь смотрел на нее.

— Вы сошли с ума, — наконец сказал он.

Он чувствовал себя опустошенным, все окружающее перестало быть реальным. Он что-то

хотел сказать и не мог. Он вспомнил слова Харди о Галактической Лиге, но в тот момент, по вполне понятной причине, он не обратил на них должного внимания. А теперь… Он пытался осознать сказанное Патрицией, но разум его отступил, как перед непреодолимым препятствием.

— Люди? — повторил он как эхо.

Девушка кивнула.

— Не спрашивайте, откуда. Я и сама не знаю. Хорошо еще, что люди, а не какие-нибудь чудовища. Поверьте, Машина бессильна.

— Машина даст мне защиту.

Патриция задумалась.

— Кто знает? — медленно сказала она. Затем критически оглядела его. — Но я все-таки не пойму, причем здесь вы. Да, кстати, каковы результаты исследования?

Госсейн передал содержание разговора, насколько он смог его понять. Он добавил:

— Что-то тут кроется. Машина мне тоже рекомендовала сделать снимки коры головного мозга.

Патриция Харди долго молчала, что-то обдумывая.

— Возможно, они не зря боятся вас, — сказала она и неожиданно схватила его за руку. — Ш-ш-ш.

Кто-то идет.

Госсейн тоже услышал музыкальный сигнал. Он повернулся к балкону.

— Нет, еще рано, — быстро сказала девушка. — Запритесь на ключ и уходите только в том случае, если придут с обыском.

Он слышал ее удаляющиеся шаги. Через некоторое время из гостиной послышался мужской голос.

— Жаль, что я его не увидел. Почему ты мне ничего не сказала? Теперь даже Торсон испугался.

— Откуда я могла знать, Элдред, что он не такой, как все? — спокойно ответила Патриция Харди. — Я встречалась с человеком, который просто забыл свое прошлое.

«Элдред, — подумал Госсейн. — Это имя надо запомнить».

— Я поверил бы любому, только не тебе, Пат, — сказал мужчина. — Почему-то я всегда думаю, что ты преследуешь свои цели. Не запутайся, ради всех святых.

Патриция засмеялась.

— Дорогой, — сказала она, — если Торсон заподозрит, что командир местной галактической базы Элдред Кренг и его заместитель Джон Прескотт стали последователями ноль-А принципов,

ты недолго будешь объяснять, какие цели ты преследовал.

Мужской голос прозвучал приглушенно, испуганно:

— Пат, ты совсем сошла с ума! Разве можно об этом говорить громко? Да, я хочу предупредить тебя, что не могу больше доверять Прескотту. Он увиливает от разговора с тех пор, как тут появился Торсон. К счастью, я никогда не раскрывался ему до конца.

Девушка что-то ответила, но Госсейн не разобрал ее слов. Наступила продолжительная пауза, затем донесся звук поцелуя. Патриция спросила:

— Вы с Прескоттом улетаете вместе?

Госсейна колотила дрожь.

«Какая глупость, — подумал он. — Я же не был на ней женат, я не должен поддаваться эмоциям, которые вызваны ложными представлениями.» Однако чувство, которое он испытывал, нельзя было ни с чем спутать, и никакая ноль-А логика не могла погасить его.

Прозвучавший музыкальный сигнал прервал его размышления. Входная дверь открылась, и чей-то голос громко сказал:

— Мисс Патриция, мы получили приказ обыскать ваши комнаты. Убежал важный преступник.

Извините, мистер Кренг, я не сразу вас заметил.

— Ничего, — отозвался мужчина, целовавший Патрицию Харди. — Можете осмотреть комнаты, но побыстрее.

— Слушаюсь, сэр.

Госсейн не стал дожидаться развития событий. Рядом с балконом росли деревья, и вниз он спустился довольно легко. Приникнув к земле, он осторожно перебирался от куста к кусту, двигаясь по направлению к Машине.

Ему оставалось проползти около ста футов, когда несколько автомобилей выскочили из-за деревьев на полной скорости, резко затормозили и расположились полукругом. Раздались выстрелы.

Не отрывая глаз от яркого маяка, Госсейн неожиданно для себя воскликнул:

— Помоги мне! Помоги!

Машина, далекая и неприступная, возвышалась над ним. Многие верили, что она могла защищаться и не допустить вторжения на территорию холма. Но сейчас, казалось, она не считала нужным вмешиваться или не подозревала о том, что вокруг нее творится беззаконие.

Госсейн продолжал быстро ползти, лихорадочно прижимаясь к траве, когда в него попала

случайная пуля. От резкого удара в плечо он откатился в сторону и попал под луч лазера. Одежда на нем загорелась в доли секунды, его заметили, и огонь стал прицельным. Пули врезались в тело, горевшее ослепительно ярким пламенем.

Сознание не оставило его — и это было самым ужасным. Он чувствовал свое сгорающее тело и резкие удары пуль. Даже замерев в неподвижности, он продолжал ощущать, как огонь охватывает его ноги, добирается до сердца, легких… Он успел подумать, что никогда не увидит Венеру и не откроет ее тайны — и эта последняя мысль наполнила его спокойной грустью.

VI

Странный звук, напоминающий грохот грома, вернул сознание Госсейну. Что-то гремело прямо над его головой, и грохот становился все громче.

Госсейн открыл глаза. Он лежал под гигантским деревом, неподалеку поднимались еще два ствола настолько невероятных размеров, что он снова зажмурился. Мыслей не было, до его сознания доходили только звуки — он воспринимал окружающее на слух, как будто другие органы чувств не функционировали.

Постепенно его мысли прояснились. И хотя зрение еще не повиновалось ему, он всем своим существом чувствовал, что лежит на Венере.

Это ощущение послужило толчком для медленно пробуждавшегося сознания: Венера! Но он же был на Земле. Обрывки мыслей соединялись между собой, превращаясь сперва в ручеек, затем в поток, который прорвался к его памяти.

«Я же умер, — вспомнил он. — Меня убили. Сожгли.»

Воспоминание о перенесенных мучениях заставило его содрогнуться и прижаться к почве. Но через несколько мгновений он расслабился. Он

умер и остался жив? Этот феномен был загадкой и не укладывался в рамки логики, даже ноль-А логики!

Он не чувствовал боли, и страх постепенно отступил. Голова была ясной, мозг работал четко, от полубессознательного состояния не осталось и следа. Он вспомнил Патрицию Харди, ее отца, загадочного мистера Икса, Торсона — заговор против ноль-А мира. Несмотря на все пережитое, Госсейн чувствовал себя сильным и бодрым. Он сел и открыл глаза — все тот же полумрак царил вокруг. Значит, это ему не приснилось: он был в лесу среди гигантских деревьев. Именно их вид привел его к мысли, что он находится на Венере — кто же не знал об удивительных лесах этой планеты?

Госсейн встал. Отряхнулся. Кажется, все в порядке. На теле нет даже шрамов, и все оно полно ощущения здоровья и силы. Он был одет в шорты и рубашку с открытым воротом, на ногах сандалии. Госсейн смотрел на свою одежду с изумлением. Где же брюки и куртка — привычная одежда участника Игр? Он пожал плечами. Какое это имеет значение? Важно, по-видимому, то, что кому-то понадобилось восстановить его тело и зачем-то перенести в этот лес, где мог бы

обитать Гаргантюа. Госсейн огляделся.

Ствол каждого из трех деревьев, находившихся в поле его зрения, в обхвате не уступал небоскребам. Госсейн припомнил, что деревья на Венере достигали трех тысяч футов в высоту. Он поднял голову, но ничего не увидел, кроме густой листвы. И тут он внезапно понял, что грохот, разбудивший его, стих.

Удивленно покачав головой, Госсейн двинулся вперед — и в этот миг сверху с шумом вылился поток воды. Листья зашелестели, и со всех сторон как по команде хлынул дождь, похожий на водопад. Дважды он едва успел отскочить от холодных струй душа. Огромные листья со слегка приподнятыми краями наполнялись массами воды, время от времени склонялись под ее тяжестью и опрокидывали воду вниз. Ему повезло, что ливень не застал его на открытой местности.

В полутьме Госсейн пытался определить, куда направиться. Ему показалось, что неподалеку он различает более светлое пространство. Не задумываясь, он зашагал в ту сторону и через некоторое время вышел на открытую лужайку, переходящую в обширную долину. Слева протекала широкая река с бесцветной водой, справа на холме, заросшем цветущим кустарником,

стоял дом.

Дом обитателей Венеры! Он был построен из камня и по цвету выделялся на фоне зелени, окружавшей его. И что особенно важно, к дому можно было подойти совсем незаметно. Возможно, Госсейна доставили сюда с определенной целью — ведь других зданий поблизости не было.

Госсейн пригнулся и через усеянные пурпурными цветами кусты подобрался к дому. Внезапно он увидел под ногами каменные ступени, ведущие на веранду. На самой нижней крупными буквами были выложены имена владельцев дома: «Джон и Амелия Прескотт».

Госсейн вздрогнул. Он вспомнил, что это имя упомянула Патриция Харди, когда разговаривала с Кренгом. Она сказала: «Если Торсон заподозрит, что Элдред Кренг и Джон Прескотт, командир и помощник командира галактической базы, стали последователями ноль-А теории, то…» А Кренг ответил: «Я не могу больше полностью доверять Прескотту. Он увиливает от ответов с тех пор, как сюда прибыл Торсон».

Теперь ясно, что здесь живет Джон Прескотт. Должно быть, он принял ноль-А концепцию умом, но она не стала частью его нервной системы, вот он и растерялся в критический момент.

Хорошо, что он помнит об этом. Любая информация в его положении необычайно ценна. В данном случае эти знания дают ему основание не особенно церемониться: с ним разделались без жалости, и он тоже не станет щадить этих людей. В первую очередь, нужна информация — о себе, о Венере. И нечего осложнять дело.

Стоя у самого дома, футах в десяти от веранды, Госсейн услышал женский голос. Он осторожно выглянул из-за кустов.

Мужчина со светлыми волосами сидел на ступеньках и что-то записывал в наручный диктофон. Женщина стояла в дверях.

— Я думаю, что справлюсь, — говорила она. — Больных доставят послезавтра. — Она помолчала и добавила: — Джон, я не хочу тебе надоедать, но ты почти не бываешь дома, и я перестала ощущать, что у меня есть муж. Не прошло и месяца, как ты прилетел с Земли, а ты уже опять куда-то собираешься.

Мужчина, не подняв головы от диктофона, ответил:

— У меня характер беспокойный, ты же знаешь, Амелия. Я не могу сидеть на одном месте. Иначе я наделаю глупостей.

Госсейну показалось, что их разговор окон-

чен. Он ждал, что будет дальше. Женщина ушла в дом, мужчина еще посидел немного, потом встал, потянулся и сладко зевнул. Упреки жены не произвели на него никакого впечатления: он оставался совершенно невозмутимым. Он был примерно пяти футов десяти дюймов ростом, с собранной, сухощавой фигурой и широкий в плечах, и производил впечатление человека сильного. Однако внешнее впечатление не имело решающего значения, если только он не тренировался по ноль-А системе. Обычно люди плохо представляют себе возможности человеческого организма, если уметь временно отключать в мозгу центры утомления.

Госсейн решился. Пациентов еще нет. Перед ним стоял Джон Прескотт (женщина назвала его Джоном) — галактический агент, скрывающийся под маской врача. Он вернулся с Земли лишь месяц назад — это обстоятельство озадачило Госсейна. Неужели за несколько недель он излечился от своих страшных ран? Он помнил, как Патриция спросила Кренга: «Вы с Прескоттом улетаете вместе?» Она, несомненно, имела в виду Венеру — Прескотт здесь жил. Может быть, Прескотт летал на Землю не один раз? Впрочем, сейчас не время думать об этом, надо действо-

вать, пока Прескотт так беспечно стоит на пороге своего дома.

Госсейн пулей выскочил из-за куста, комья грязи полетели с его сандалий. Прескотт неожиданно повернулся, увидел нападающего, и в глазах его отразилось изумление. Но он сумел все-таки нанести первый удар. И если бы Госсейн не был так хорошо сложен и столь силен и тренирован, если бы его реакция не была такой быстрой, на этом для него все бы и закончилось. Прескотт не устоял: три прямых удара в челюсть, и Госсейн подхватил обмякшее тело.

Взвалив Прескотта на плечи, Госсейн быстро поднялся по ступенькам веранды и замер, прислушиваясь. Ему показалось, что он слышит какие-то звуки: драка не была бесшумной, и женщина могла подойти, чтобы узнать, что произошло. Но все было тихо. Зашевелился и застонал Прескотт. Госсейн на всякий случай стукнул его еще раз и вошел в дом.

Это была большая гостиная, противоположная сторона которой переходила в широкую террасу, ведущую в сад, а еще дальше внизу лежала долина, окутанная туманом. Лестница справа вела на второй этаж, слева — в подвал. За одной из дверей слышался звон посуды, и оттуда доносился

аппетитный запах.

Госсейн поднялся наверх и оказался в коридоре со множеством дверей. Открыв одну из них, он вошел в спальню, из большого полукруглого окна которой открывался вид на рощу гигантских деревьев. Он положил Прескотта на пол, разорвал на полосы простыню и крепко связал его, а рот заткнул кляпом. Он действовал быстро и ловко, не опасаясь, что причинит вред человеку, потерявшему сознание. Затем он вернулся в гостиную и прислушался. Амелия Прескотт продолжала заниматься своими делами на кухне. Госсейн облегченно вздохнул. Постояв мгновение, он решительно переступил через порог кухни.

Женщина накрывала на стол, расположенный в небольшой нише недалеко от плиты. Она почувствовала присутствие постороннего, повернулась и в удивлении смотрела на Госсейна, с головы до ног забрызганного грязью.

— Боже! — сказала она и поставила тарелку на стол.

Госсейн коротко ударил ее и ловко подхватил падающее тело. Могло быть и так, что она не была посвящена в деятельность мужа, но рисковать Госсейн не хотел: если она прошла ноль-А курс, то воспользуется первой же возможностью, чтобы

поднять тревогу.

На лестнице женщина, еще не совсем очнувшись, попыталась сопротивляться, но он успел связать ее, заткнуть рот кляпом и уложить рядом с мужем раньше, чем она пришла в себя.

Следовало осмотреть весь дом, чтобы установить, что в нем больше никого нет.

VII

Дом Прескоттов представлял собой больницу на пятнадцать палат. Каждая из палат была оборудована стандартными больничными приборами. В подвале располагались лаборатория и операционная. Открывая шкафы и ящики столов, Госсейн переходил из комнаты в комнату. Он решил самым тщательным образом разведать обстановку и покинуть дом как можно скорее.

Оружия он не обнаружил. Это означало, что он остался безоружным и не сможет защититься, если это потребуется. Госсейн торопливо выглянул на открытую веранду, затем на террасу в саду. «Сначала надо посмотреть, нет ли кого-нибудь вблизи дома, — думал он, — а Джона и Амелию расспросить после этого.»

Он намеревался задать им много вопросов.

Бросив взгляд на окрестности, Госсейн невольно остановился. Дом стоял не на холме, как он думал, а на пике высокой горы — вот почему долина за садом была окутана туманом. Склон горы покато спускался к долине и был покрыт лесом, безбрежным океаном леса. Больше ничего разглядеть не удалось.

Значит, сюда можно добраться только по воздуху. Но при желании вполне можно посадить робоплан прямо на террасу или высадиться на поляне и пробраться в дом незамеченными, скрываясь среди кустов.

Госсейн полной грудью вдохнул воздух, чистый и свежий после дождя. На душе стало легче, хотя опасность не уменьшилась. Он старался отогнать неприятные мысли и пропустить свет ясного дня в свое сознание, ощутить его всем телом. Облака слоем более чем в тысячу миль не пропускали солнца, поэтому трудно было определить время дня. Звенящая тишина висела в воздухе, это казалось необычным, но не вызывало чувства страха. Величественная картина околдовала Госсейна — никогда он не видел ничего подобного. Казалось, время остановилось.

Он вздрогнул. Пора. Возможно, от его теперешних действий зависит судьба всей Солнечной системы. Прежде чем войти в дом, он поглядел на небо. Пусто. Его появление на Венере так и оставалось неразрешимой загадкой, однако похоже на то, что он опередил своих врагов и пока остается хозяином положения.

Связанные пленники уже пришли в себя и заволновались, увидев Госсейна. Конечно, он не

собирался причинять им вреда, но лучше, если они не будут знать о его намерениях. Разглядывая неподвижные фигуры, он подошел к ним.

Амелия Прескотт с прекрасными темными волосами, одетая в блузку и шорты, была очень женственна. Когда Госсейн вынул кляп, первое, что она сказала, было:

— У меня на плите обед. Надеюсь, вы понимаете, что это такое.

— Обед? — вырвалось у Госсейна. — Значит, дело к вечеру?

Женщина нахмурилась.

— Кто вы? — спросила она. — Что вам нужно?

Это были вопросы, для ответа на которые Госсейн готов был пожертвовать чем угодно. Он вздохнул и вынул кляп изо рта у мужа, пристально вглядываясь в его умное, волевое лицо. Самообладание Прескотта говорило о силе характера. Была ли внутренняя сила этого человека основана на ноль-А принципах или это было качество, присущее каждому начальнику?

Госсейн ждал, что Прескотт заговорит и тогда станет ясно, как вести себя дальше. Однако к его досаде Прескотт смотрел на него не отрываясь, но молчал.

Госсейн обратился к женщине:

— Как вызвать робоплан?

Она пожала плечами.

— Позвоните на стоянку. — Ее лицо выражало догадку. — Я начинаю понимать, — медленно произнесла она. — Вы здесь нелегально и не знаете наших правил.

— Почти верно, — согласился Госсейн после некоторого колебания. — Должен ли я назвать регистрационный номер или свое имя?

— Нет.

— Выходит, достаточно звонка и просьбы прислать машину? Даже без адреса?

— Да. Все робопланы соединены с общей системой обслуживания. Аппарат просто фиксирует сигнал видеофона.

— И все?

Женщина кивнула. По мнению Госсейна, она отвечала слишком охотно. Впрочем, выяснить, говорит ли она правду, не составляло труда. Детектор лжи стоял в соседней комнате. Аппарат, поставленный у изголовья кровати, ответил:

— Она говорит правду.

— Спасибо, — поблагодарил Госсейн Амелию Прескотт. — Долго ли лететь до вашего дома?

— Около часа.

На столике у окна стоял видеофон. Госсейн сел в

кресло и отыскал в справочнике нужный номер. Он включил аппарат, но тот молчал, экран даже не засветился. Госсейн еще раз нажал на кнопки. С тем же успехом.

Он сбежал по лестнице в гостиную, к основному аппарату. Сняв заднюю крышку, он убедился, что электронные лампы светятся. Значит, неисправность где-то снаружи.

Госсейн медленно поднялся на второй этаж. Он оказался изолированным, и деться было некуда. С ним происходило что-то непонятное, мир, в который он попал, казался призрачным, мир, откуда нет возврата. Хорош хозяин положения — одинокий, отрезанный от людей.

Та неизвестная сила, которая забросила его сюда, чего-то ждала. Чего же?

VIII

Наверху Госсейн остановился, чтобы собраться с мыслями. Его план не удался. Что остается? Допросить своих пленников и идти пешком. Приняв решение, он успокоился. Он хотел уже войти в палату, но услышал голос Прескотта и затаил дыхание.

— Не понимаю, что случилось с видеофоном.

— Одно из двух, — задумчиво ответила его жена, — либо между нашим домом и — Госсейн не уловил названия, — появился непроницаемый для волн экран, либо испорчен аппарат.

— При любой неисправности видеофон автоматически посылает сигнал. К нам давно должна была прибыть ремонтная служба.

Госсейн ждал ответа женщины. Ему не верилось, что они тоже чего-то не понимают.

— Да, непонятно, — сказала Амелия Прескотт.

Госсейн подождал еще некоторое время, но они молчали. Неслышно спустившись, Госсейн вернулся наверх, стараясь, чтобы его услышали. Он не смог бы объяснить, зачем притворяется, ведь дорога была каждая минута. Распахнув дверь комнаты, он с порога спросил:

— Где у вас карты Венеры?

Прескотт промолчал, ответила его жена:

— В лаборатории, в шкафу.

Госсейн принес три карты, разостлал их на полу.

— Где расположен ваш дом? — спросил он; подняв голову от карт.

— Карта три. Центральный горный массив, — сказала Амелия. — Я отметила больницу крестиком. Конечно, приблизительно.

Госсейн определил: до Нью-Чикаго было около четырехсот миль к северу.

— Да, вполне, — ответила она на его следующий вопрос. — От голода вы не умрете. Дюймовые красные ягоды, желтые сливы, розовые плоды, по вкусу похожие на бананы. Различных плодов множество, но эти можно собирать круглый год.

Госсейн обратился к детектору лжи.

— Она говорит правду, — констатировал аппарат.

Он повернулся к Амелии.

— Если я правильно вас понимаю, вы уверены, что меня непременно найдут? — спросил он.

— Разумеется. — Выражение ее лица не изменилось. — У нас на планете нет полиции, потому что нет преступников. Но если временами возникает

необходимость что-то расследовать, все делается так быстро, что вы не поверите. Очень скоро вы сами убедитесь в этом. Не забудьте расспросить венерианского ноль-А детектива о методах его работы — это интересно.

Госсейн не стал говорить о том, что мечтает как можно скорее связаться с властями Венеры. Его раздирали сомнения. С одной стороны, он хотел бы немедленно покинуть больницу и скрыться от опасности в гигантском лесу, но, с другой стороны, не мог оставить Амелию Прескотт в неведении. Он был убежден, что она не имела отношения к заговору.

Трудно было объяснить молчание ее мужа. Внезапно он подумал о том, что ему до сих пор не приходило в голову: что если Прескотт узнал его? Госсейн почувствовал, как кровь отхлынула от щек. Конечно, Прескотта не было во дворце президента, когда Госсейн попал в ловушку. Но ведь ему могли показать фотографию.

Госсейн медлил, пытаясь разрешить задачу, и понял, что не уйдет, пока не расскажет Амелии о том, что происходит. Если что-то случится с ним, она сможет предупредить жителей планеты. Конечно, ее жизнь тоже будет в опасности, но план действий у Госсейна созрел. Ей самой придется

решать, достоин ли ее муж доверия.

Он успокоился, вернулись уверенность в себе, решительность. Он присел на краешке кровати и обратился к своим пленникам, к обоим, хотя его интересовала только женщина. Через минуту Джон Прескотт перекатился на бок и внимательно посмотрел на Госсейна. Тот сделал вид, что не обратил на это внимания.

Рассказ Госсейна продолжался минут двадцать. Когда он умолк, глаза Прескотта ярко блестели.

— Вы, должно быть, понимаете, — сказал он, отбросив свое прежнее молчание, — что в вашем рассказе есть существенная неувязка.

— Я рассказал, — ответил Госсейн, делая вид, что не удивлен внезапным вмешательством Прескотта в разговор, — правду от начала до конца. Любой детектор лжи подтвердит это. Если только… — он замолчал и невесело улыбнулся.

— Что? — живо спросил Прескотт. — Продолжайте.

— Если только мои воспоминания не похожи на те, когда я был уверен, что Патриция Харди моя жена и я с трудом переношу ее утрату. — Он резко переменил тему: — Так что же вас смущает?

Прескотт ответил сразу и так четко, что стало ясно — он полностью контролирует свои чувства,

реакцию таламуса.

— Вы идентифицируете себя с погибшим Госсейном: вы помните момент смерти, пули, разрывающие ваше тело, и ожоги лазерного луча. А теперь вспомните основное положение ноль-А: во вселенной не может быть двух идентичных предметов.

Госсейн молчал. Высокие деревья за окном уходили вершинами в голубую дымку, вечнозеленым обрамлением окружали красивую речку — обстановка представлялась странной для дискуссий о строении материи, о ее молекулярной, атомной, электронной, физико-химической структуре, настолько странной, что на какой-то миг все окружающее потеряло реальность и ему показалось, что он не может быть частью этого мира. Это и в самом деле удивительно. С момента пробуждения именно эта несуразность, так четко сформулированная Прескоттом, не давала ему покоя: речь шла не о сходстве с убитым; Госсейн был убежден, что убитый и он — одно и то же лицо. Он делал такой вывод, поскольку сохранил и память, и облик первого Гилберта Госсейна.

С незапамятных времен любой студент-философ знал, что два одинаковых кресла отличаются друг от друга миллионами мельчайших де-

талей, невидимых невооруженному глазу. В человеческом мозгу пути прохождения одного нервного импульса составляют число десять в степени двадцать семь тысяч! Память человека, сложившуюся в результате жизненного опыта, невозможно воспроизвести искусственно даже с небольшой долей точности. Это аксиома. На свете нет двух одинаковых снежинок, камней или атомов.

Да, Прескотт попал в яблочко. От этого нельзя просто отвернуться.

Прескотт, прищурившись, наблюдал за ним.

— Хочу напомнить вам, что здесь имеется детектор лжи, — сказал он.

Госсейн смотрел на него, как кролик на удава. В полной тишине ему казалось, что пульс на его висках бился, как раненая птица. Кружилась голова, в глазах помутилось, на лбу выступила испарина.

— Интересно узнать, — продолжал Прескотт безжалостно, — было второе тело на самом деле или нет.

— Да, — пересилив себя, сказал Госсейн. — Интересно. — Он и сам уже не верил тому, что вся история имела место, и ничего не хотел выяснить, но понимал, что проверка необходима.

Госсейн положил руку на металлические контакты детектора лжи.

— Ни подтвердить, ни опровергнуть ваши слова не представляется возможным, — ответил аппарат. — У вас память Гилберта Госсейна, включая и сцену убийства, настолько реальную, что нельзя утверждать, что вы не умерли. В вашем мозгу по-прежнему отсутствует информация, которая позволила бы определить, кто вы такой.

Госсейн поднялся. Он развязал ноги женщине и помог ей встать.

— Мы уйдем вместе, — сказал он. — Примерно через милю я вас отпущу. Вы вернетесь и освободите мужа.

В этом и был его план. Он хотел ей одной передать слова Патриции Харди, — не называя ее, разумеется, — о заговоре и о Прескотте, чтобы дальше она сама решила, как поступить.

Пока они шли последние четверть мили, он рассказал ей все, а потом развязал руки. Она долго молчала. Госсейн добавил:

— Джон Прескотт может помешать вам обнародовать правду о заговоре. Но если он искренний последователь ноль-А принципов, возможно, ему придется пойти против приказа начальства. Подумайте хорошенько, прежде чем решитесь

поведать ему то, что я сообщил вам.

Женщина вздохнула:

— Я понимаю.

— Кстати, — сообщил Госсейн, — как организована работа больницы?

— Вы не знаете? — ответила она. — Все мы работаем как добровольцы. Больница занесена в списки. Если требуется госпитализация после несчастного случая, робот опрашивает все ближайшие клиники. В последнее время мы не принимали больных, потому что… — Она не договорила и посмотрела на Госсейна ясными глазами. — Спасибо вам. Большое спасибо. — Немного поразмыслив, добавила: — Я ничего не скрою от мужа. Я ему верю. Но скажу немного позже, чтобы вы успели уйти.

— Желаю удачи, — это было единственное, что мог сказать Госсейн на прощание.

Он стоял и смотрел на уходящую женщину. «Да, женщина, — думал он. — Учитель, врач, доверчивая, все понимающая, любящая. Не подделка, настоящая женщина. Настоящий человек ноль-А — ее не сломили ни потеря сил, ни необычные обстоятельства, она сохранила любовь в сердце и благородство души.»

Он очнулся от своих раздумий и, круто по-

вернувшись, направился в лес. Трава мягко пружинила и стелилась под ноги, как будто по этой тропе часто гуляли влюбленные пары.

Воздух был напоен сладким ароматом неизвестных цветов, запахом трав, омытых дождем. Рокот речных струй затихал вдали. Госсейн вошел под сень гигантских деревьев.

Яркий дневной свет сменился пещерным полумраком. Гигантские стволы то выстраивались в извилистые коридоры, то расступались, образуя огромные залы, то смыкались так тесно, что с трудом можно было преодолеть переплетение корней, но ни клочка неба над головой не было видно. В таком лесу заблудиться очень легко, и только компас помогал держаться нужного направления. А другой дороги все равно не было.

Постепенно темнота сгущалась, наступал вечер. Госсейн был готов к тому, чтобы заночевать в лесу. Однако за одним из деревьев на своем пути он увидел довольно большую поляну. Он нашел удобное место и решил устроиться на ночь, как вдруг из-за небольшого возвышения бесшумно появился робоплан, приземлился неподалеку от него и, подпрыгнув несколько раз, остановился. В носовой части зажегся прожектор. Описав дугу, он остановился на Госсейне и показался ему яр-

ким, как маленькое солнце. Из громкоговорителя раздался голос:

— Гилберт Госсейн, я ваш друг. Предлагаю вам подняться на борт. Во избежание споров и задержки обратите внимание на автоматическое оружие. Побег исключен.

Из отверстий в фюзеляже выдвинулись стволы, реагировавшие на каждое его движение. Друг или враг перед ним — это уже значения не имело.

Госсейн молча подошел к робоплану и уселся в одно из кресел в кабине. Дверь захлопнулась, прожектор погас, машина поднялась в воздух.

IX

Через окно Госсейн видел темную поверхность планеты, ее очертания постепенно расплывались. Ночь поглотила и лес, и горы. Робоплан не имел опознавательных огней. Он набирал высоту и примерно минут через пять перешел на горизонтальный полет. В кабине зажегся свет, и бесстрастный голос произнес:

— В течение ближайших десяти минут вы можете задавать любые вопросы. Главное я объясню непосредственно перед посадкой.

Несколько мгновений Госсейн усваивал смысл того, что услышал. Любые вопросы. Предложение было настолько неожиданным, что он слегка растерялся. Однако первый вопрос прозвучал сразу:

— Кто вы?

— Агент Машины Игр.

Вздох облегчения вырвался у Госсейна:

— Значит, со мной говорит Машина?

— Не совсем точно. Машина получает сообщения с Венеры, но не может передавать сюда.

— Вы действуете самостоятельно?

— Я действую по инструкции.

Госсейн решился.

— Кто я? — Он ждал ответа, затаив дыхание, напрягшись всем телом.

— Вы теряете время зря, — ответил робоплан. — У меня нет информации о вашем прошлом. Я могу сообщить сведения только о происходящих здесь событиях.

Госсейн откинулся на спинку кресла.

— Может быть, что-то знает Машина? — с надеждой спросил он.

— Возможно. Но мне об этом ничего не известно.

— Но должен же я что-то знать о себе! — в отчаянии воскликнул Госсейн. — Объясните мне хотя бы, как случилось, что я помню, как меня убили.

— Ваше тело было истерзано до неузнаваемости и почти полностью сгорело. Мне не известно, почему вы все еще живы. Гилберт Госсейн, я прошу вас задавать вопросы о положении дел на Венере. Может быть, вы хотите узнать, что происходит здесь перед вторжением?

— Черт возьми, — в ярости закричал Госсейн, но сразу оборвал себя. Спорить было бессмысленно. Он сказал: — Конечно. Пожалуй, это самое разумное.

— Чтобы понять ситуацию, сложившуюся на Венере, надо знать, что здесь сложилась почти

идеальная общественная формация. На Венере нет ни президента, ни совета, ни какого-либо другого органа власти. Люди работают на началах полной добровольности, каждый выбирает себе занятие по своему желанию, но при этом не теряя связи с остальными, так что работа, необходимая для общества, выполняется в срок. В людях очень развито чувство ответственности, поэтому они выбирают прежде всего такие профессии, недостаток которых ощущает общество. К примеру, если детектив уходит от дел, он объявляет о своем намерении, и желающие занять его место собираются и вместе с ним обсуждают деловые качества всех претендентов. Победит тот, за кого выскажется большинство кандидатов.

Госсейн на минуту отвлекся. Картина, которую рисовал компьютер, — объективная картина жизни общества на Венере, — была необычайно привлекательна, как прекрасное будущее цивилизации.

Голос тем временем продолжал:

— А сейчас представьте себе, что больше половины претендентов на должности детективов и судей — агенты заговорщиков. В соответствии с тщательно разработанным планом они устранили наиболее опасных для себя людей,

не останавливаясь перед убийствами, заняли ключевые позиции в детективных агентствах и судах и теперь контролируют оба эти органа. Это было сделано по прямым указаниям Прескотта, который подозревается….

— Минутку! — перебил Госсейн, вскочив на ноги. — Прошу вас… Вы хотите сказать, что…

— Я хочу сказать, — ответил голос компьютера, — что вас непременно поймают. Вот почему мне пришлось экранировать видеофон, по которому вы хотели позвонить. С тех пор как на Венеру прибыл Торсон, его детективы прослушивают разговоры всех подозрительных людей, в их число он включает и своих сторонников. Ждать помощи от Кренга нельзя: чтобы сохранить свое положение, он должен быть строгим, безжалостным и энергичным командиром.

У нас остается мало времени. Буду краток. Ваше появление и загадочные возможности вашего мозга заставили приостановить гигантскую военную машину. Ее руководители сейчас заняты поисками. Не думайте, что решение, которое я сейчас вам предложу, далось легко, хотя оно является единственным разумным.

Вам следует позволить захватить себя. Помните: им необходимо выяснить, чем вы отличаетесь

от других людей. Вы будете в безопасности по меньшей мере несколько дней — пока они будут проводить детальное изучение вашей нервной системы.

Итак, слушайте и запоминайте.

Через несколько минут мы будем возле дома Элдреда Кренга. Вы сделаете вид, что ничего о нем не знаете, и расскажете ему об угрозе ноль-А миру. Притворяйтесь до последнего. Если окажетесь в опасности, как поступать, решайте самостоятельно.

Робоплан стал снижаться.

— Есть еще вопросы? — сказал голос.

Госсейн пытался проанализировать услышанное, но мысли все время возвращались к нависшей над ним угрозе. Он решил кое-что прояснить.

— Я не выйду из машины, — твердо сказал он. — Я не самоубийца. Я хочу иметь гарантию безопасности.

— Да, — сказал голос. — Как только мы приземлимся, вы будете полностью предоставлены самому себе. Однако вы напрасно недооцениваете свои возможности — ведь вас убили, а вы живы!

— К черту, — сказал Госсейн хрипло. — Я оста-

юсь. Я так решил.

— У нас нет выбора, — ответил голос. — Вы выйдете, иначе кабина наполнится газом. Запомните — инструкции, которые вы получили, нацелены на спасение вашей жизни, и вы рискуете, когда отказываетесь следовать им. Машина тоже считает, что лучше сдаться заговорщикам добровольно. Они все равно схватят вас в ближайшее время. Обдумайте мои слова, Гилберт Госсейн. Не торопитесь с выводами.

— В чем смысл того, что я попаду к ним в руки? — мрачно спросил Госсейн.

— Необходимо, чтобы они как следует рассмотрели человека, который сгорел у них на глазах.

Робоплан с легким толчком приземлился, покатился по траве и остановился.

— Выходите! — сказал голос. — Скорей! Мне нельзя задерживаться здесь больше минуты.

Тон приказания удивил Госсейна. Отравиться газом он тоже не хотел. У дверей он приостановился и повернул голову.

— Скорее! — сказал голос. — Никто не должен догадаться, как вы здесь оказались. Дорог каждый миг. Идите прямо, никуда не сворачивая.

Госсейн с раздражением пожал плечами и шагнул вперед. Через мгновение он был со всех

сторон окружен кромешной темнотой ночи на чужой планете.

X

Ночь выдалась тихая и спокойная. Госсейн двинулся вперед, ощупывая стволы деревьев. Ярдов через сто он слева увидел слабый огонек, который постепенно становился ярче. Вскоре он уже различал в его свете ближайшие деревья и почву под ногами. К удивлению Госсейна, источник света располагался прямо в дереве, которое стояло на опушке. Госсейн спрятался в тени высокого куста и огляделся. Решив следовать указаниям Машины, он пытался разглядеть силуэты людей, однако никого не увидел и вышел на освещенную поляну. Справа лестница, вырезанная прямо в стволе, вела на широкую террасу. Поднявшись по ней, он подошел к двери причудливой формы и громко постучал.

Прошло около минуты. Госсейну пришло в голову, что свет могли просто забыть выключить. Он постучал еще раз и потянул за ручку. Дверь бесшумно открылась. В большом слабо освещенном коридоре тускло мерцали полированные стены. На матовом фоне блестел рисунок природной текстуры дерева, напоминавший старинные изделия из палисандра, хотя цвет его больше

напоминал орех.

Госсейн окинул взглядом коридор, не решаясь войти: он опасался, что его могут принять за обыкновенного воришку. Он постучал еще раз и опять безответно, затем пошел к ярко освещенному проему в дальнем конце коридора и попал в большую уютную гостиную.

Полированные деревянные стены здесь были гораздо светлее, по-видимому, из-за другого состава лака. Общее впечатление уюта и великолепия создавала прекрасная мебель и огромный ковер на полу. Одна из стен целиком состояла из фигурных окон — вероятно, их свет и был виден снаружи. Из гостиной можно было попасть еще в пять комнат. Госсейн осмотрел их. В кухне его поразило большое число кладовых и огромный холодильник. Спальни, каждая со своей ванной, выходили в сад, изумивший его своими необозримыми размерами.

Закончив осмотр, Госсейн пришел к очевидному заключению: Элдреда Кренга не было дома. Таким образом, у Госсейна оказалось в запасе время для обдумывания своих решений. Неопределенность его положения была крайне неприятна; вновь возникли изматывающие сомнения, соблазн остаться на свободе и

попытаться предупредить жителей Венеры о готовящемся вторжении.

Неожиданно Госсейн увидел еще одну небольшую дверь. Она тоже была незаперта. В помещении царила тьма, и сначала он ничего не видел, но постепенно стал различать длинный коридор, завершающийся помещением, похожим на пещеру в глубине гигантского ствола дерева.

Он вернулся в одну из спален и принял ванну. Ощущая блаженство свежести, но почти засыпая на ходу, он рухнул на чистые простыни. В полной тишине его мысли вновь вернулись в загадке своего существования. Гилберт Госсейн. Убитый, но живой. Он достиг того, что было под силу только богам далекого прошлого. В те романтические времена он мог быть заколдованными принцем или купцом, или чрезвычайно важным агентом правительства. Но в мире ноль-А таких людей не существовало. Конечно, одни люди были побогаче, другие победнее, а вот агенты президента Харди вряд ли могли считаться правительственными. В этом мире ориентировались на другие ценности. Все люди от рождения были равны, все проходили обучение по ноль-А курсу, обучение, помогающее им овладеть способностями своего мозга. На Земле не осталось ни королей, ни су-

перменов.

Но кто же он сам? С этой мыслью Госсейн заснул.

Проснулся он резко, как будто кто-то его толкнул. Дневной свет лился в открытую дверь спальни. Он сел в кровати. Вернулся ли Кренг, и если вернулся, заметил ли в доме присутствие постороннего? В ванне он старался шумно плескаться, насвистывая какой-то мотив, чувствуя себя не очень уверенно. Он хотел дать знать хозяину о своем присутствии, чтобы его не пристрелили как грабителя.

Потом он прошел в кухню, продолжая свистеть. Он стучал сковородками и кастрюлями, хлопал дверцами шкафов, накрывая на стол, несколько раз ронял тарелки.

Завтракал он с аппетитом, но в одиночестве. После бекона, тостов, чая и свежих местных фруктов он убрал посуду и решил еще раз осмотреть дом. В спальнях никто не ночевал. Он открыл дверь, ведущую в таинственное помещение, но там по-прежнему было темно. Он подумал, что сейчас не время заниматься исследованиями и вернулся в гостиную, залитую дневным светом. За окнами на террасе был разбит великолепный сад с зеленой лужайкой. Терраса уходила в глуби-

ну ствола футов на семьдесят. Сказочный сад, в котором цвели цветы величиной с земное дерево, а их лепестки блестели необычайно яркими красками — казалось, они излучают цветное сияние. По-видимому, для ботаников Венера была раем.

Однако сад отвлек внимание Госсейна ненадолго. Он не находил себе места, бродил из угла в угол, не зная, чем заняться, а затем подошел к книжному шкафу. Некоторые книги показались ему интересными. «Аристотелева и не-аристотелева история Венеры», «Эгоист не-аристотелевой Венеры», «Машина и ее творцы», «Детективы в обществе без преступников».

Сначала он не мог сосредоточиться, его отвлекали собственные раздумья. Но постепенно книга захватила его. Во время обеда он положил ее рядом с тарелкой. К вечеру Госсейн полностью освоился в новой обстановке и, перекусив куском мяса из холодильника, принялся за историю Венеры.

Первый человек высадился здесь в конце двадцатого столетия, а в первой четверти двадцать первого века адская атмосфера была укрощена: объединенное человечество переместило на орбиту вокруг Венеры ледяные метеориты из окружения Юпитера, после чего тысячу дней и

ночей на Венере шел дождь. Метеориты самых разных размеров постепенно таяли, на Венере разлились океаны и моря, а в атмосфере появился кислород. К 2081 году Институт общей семантики, тогда еще только начинавший завоевывать авторитет, разработал программу ноль-А развития нового и богатого мира. Растения, завезенные на планету, росли в сотни раз быстрее, чем на Земле. Через сто лет Машина предложила методику отбора колонистов, и великий проект начали осуществлять.

В книге приводились статистические данные о населении планеты на 2560 год: сто девятнадцать миллионов тридцать восемь мужчин и двенадцать миллионов сто сорок три тысячи двести восемнадцать женщин. «Возможно, такой дисбаланс и стал причиной того, что Амелия стала женой Прескотта», — невольно подумал Госсейн.

В постель он захватил книгу «Эгоист не-аристотелевой Венеры». В обращении к читателю в самом начале книги объявлялось, что ее автор доктор психологии Лорен Кейр будет работать на Земле в Городе Машины в 2559–2564 годах. Госсейн просмотрел содержание и открыл главу «Физические травмы и их воздействие на психику». Он прочитал: «Практически невозможно

выявить психическую ненормальность или чрезмерно развитое „ego“ человека после того, как тяжелая травма, полученная им в результате несчастного случая (например, аварии), повлекла за собой физическое уродство».

Госсейн и сам не знал, почему начал читать книгу с середины. Во всяком случае, ему стало более понятно поведение человека, назвавшего себя мистером Иксом: по-видимому, психиатры не смогли определить степень поражения его психики, хотя им следовало быть очень внимательными к последствиям травм такого рода.

Проснувшись утром, Госсейн обнаружил, что дом по-прежнему пуст. Он решил, что подождет Кренга еще сутки, и если тот не появится, придумает, как обнаружить себя: например, позвонить куда-нибудь. Кроме того, можно изучить непонятно куда ведущий коридор.

Выспавшись вволю, Госсейн не спеша позавтракал и подошел к видеофону. Он включил канал дальней связи, не понимая, почему это не пришло ему в голову раньше. На экране появилось изображение робота.

— С какой звездой будете говорить? — спросил бесстрастный голос.

Госсейн онемел от изумления.

— Я передумал, — наконец произнес он и отключил аппарат. Откинувшись на спинку стула, он пытался успокоиться. Следовало давно сообразить, что галактическая база на Венере должна иметь связь с центром. «С какой звездой?» Да, здесь дальняя связь была действительно дальней.

Он внимательно изучил пульт аппарата связи и нажал кнопку с надписью «местная». На экране вновь появился робот.

— Прошу прощения, — механическим голосом ответил он на просьбу Госсейна, — но по этому аппарату я принимаю заказы только от мистера Кренга.

Раздался щелчок. Видеофон отключился.

Госсейн встал. В его ушах все еще звучал голос робота: «С какой звездой будете говорить?» Как много времени он потерял! Сколько можно было успеть сделать! И прежде всего исследовать тоннель.

В одном из кухонных шкафов он нашел фонарь на атомных батареях и через несколько мгновений стоял перед дверью в загадочный коридор, где по-прежнему царила темнота. По всей вероятности, это гигантское дерево в восьмую долю мили в обхвате и полмили высотой хранило ка-

кие-то тайны. Какие? Госсейн пошел по низкому коридору в глубине ствола.

XI

Путь оказался притупляюще однообразным. Тоннель часто поворачивал и все ощутимее спускался. За десять минут пути Госсейн миновал два ответвления. В течение следующего часа он насчитал семь боковых коридоров и трижды тоннель разветвлялся. Чтобы не заблудиться, он отмечал в блокноте каждый поворот — получилась своеобразная карта. Он спустился на несколько сот футов и понимал, что находится под землей, а наверху над ним лес. Раньше он не задумывался, какими должны быть корни у могучих деревьев Венеры. И вот увидел, как мощные отростки переплетались самым фантастическим образом — нельзя было понять, где кончается один корень и начинается другой. Он попытался пройти в один из боковых коридоров. Твердая на ощупь древесина желтого цвета казалась прочной, как сталь. И сколько ни старался, он не мог найти ни выключателей, ни дверей, ни других следов деятельности людей.

Госсейн начал нервничать. Он решил разгадать тайну подземного лабиринта, но понял, что времени для этого понадобится немало. Он не

догадался запастись водой и пищей и подумал, что, пожалуй, лучше потерять еще часа два и вернуться за припасами, чем ослабеть от голода и жажды.

Обратный путь он прошел без задержек. В кухне он приготовил сандвичи с толстыми ломтями ветчины и аккуратно уложил их в бумажный пакет; потом присел к столу в гостиной и принялся подкрепляться яйцами с беконом. Внезапно двери спален распахнулись, и в комнату ворвались трое мужчин с пистолетами в руках — как будто их вытолкнула пружина. Четвертый высокий мускулистый мужчина с карими глазами появился у входа и небрежно прислонился к стене.

— Поднимите руки, Госсейн, — сказал он.

Госсейн сидел в неудобной позе, боясь пошевелиться. Итак, Элдред Кренг, венерианский детектив и галактический агент, тайный приверженец принципов ноль-А, наконец, вернулся домой.

При всем этом Госсейн испытывал облегчение. Гилберт Госсейн должен жить во что бы то ни стало. Жить до тех пор, пока он не сможет предупредить человечество об угрожающей ему опасности. Появление Кренга, по его представлению, было первым шагом в намеченном

Машиной плане. Госсейн встал, подняв кверху руки, и старался приспособиться к новой ситуации, чтобы выполнить поручение Машины. Но как начать рассказ, он еще не придумал.

Один из охранников подошел к столу, взял пакет, приготовленный Госсейном, и разорвал его. Хлеб и мясо вывалились на стол, два куска упали на пол. Человек молча ухмыльнулся. Холеное лицо, широкие плечи, крепкая фигура оставляли неприятное впечатление. Он шагнул к Госсейну.

— Приготовился уйти? — он говорил с легким акцентом. Он вновь ухмыльнулся и ударил Госсейна по лицу. — Не получилось? — И замахнулся еще раз.

— Хватит, Блейни, — откуда-то слева послышался голос Кренга.

Охранник опустил руку. Но выражение лица и интонации в голосе выдавали его.

— Мистер Кренг, а если бы он удрал и не позвонил на подстанцию? Кому бы пришло в голову искать его здесь? Наш хозяин…

— Молчать!

Блейни нехотя подчинился. Госсейн обратился к Кренгу.

— На вашем месте, — сказал он, — я бы не доверял Блейни после того, как он достигнет

сорокалетнего возраста.

— Что-что? — вырвалось у охранника. Он уставился на Госсейна в недоумении.

Кренг вопросительно смотрел на Госсейна.

— Не только психиатр, но и психолог, — сказал Госсейн, — объяснил бы вам, почему Блейни ударил меня. Его нервная система реагирует неадекватно: то, что могло бы быть, он воспринимает как случившееся на самом деле. Это болезнь, и она постепенно прогрессирует. С годами его храбрость иссякнет, а трусость он будет прятать за приступами садизма. И к сорока годам его жизнь превратится в кошмар: он заново будет переживать стычки, которые в прошлом грозили ему опасностью. — Он пожал плечами. — Это личность, не обладающая ноль-А гармонией.

В серых глазах Блейни сверкнула ненависть, он перевел взгляд на Кренга:

— Разрешите ударить его, мистер Кренг, — хрипло попросил он.

— Нет. Разве его мнение может иметь значение для вас?

Блейни был явно недоволен, и Госсейн промолчал, чтобы не накалять обстановку. Он начал рассказывать о том, что произошло с ним. Его слушали, не перебивая. Когда Госсейн закончил

свой рассказ, Кренг достал из портсигара сигарету и закурил. Он задумчиво молчал. Госсейн имел возможность внимательно изучить внешность стоявшего перед ним человека.

Элдред Кренг был не очень высоким и худощавым. На свету его карие глаза казались светлее, чем были на самом деле. Смуглое лицо как у людей Востока или Средиземноморья с выражением легкого недоумения и манера держаться выдавали сильную волю.

Так, значит, вот какого человека любила Патриция Харди. Однако разбираясь в своих чувствах, Госсейн не нашел в них неприязни к Кренгу. Он помнил инструкции, полученные в робоплане, и знал, что помощи от Кренга ждать не следует: он был окружен заговорщиками, за ним наблюдали галактические агенты, а присутствие Торсона требовало от него особой осторожности.

Затянувшееся молчание прервал смех Кренга.

— Видите ли, — сказал он, — я чуть было не поверил вам. В данный момент, однако, не имеет значения — говорите вы правду или нет. В любом случае решено созвать конференцию и в вашем присутствии обсудить положение. Детские игры кончились. Мы немедленно отправляемся на Землю.

— На Землю! — повторил Госсейн. Он невесело улыбнулся. За все время своего пребывания на Венере он сообщил об опасности, угрожающей Солнечной системе, только Амелии Прескотт. Самое большое, что она, по-видимому, могла сделать, — это позвонить в детективное агентство, а оно в руках заговорщиков. Из двухсотмиллионного населения планеты — только одна женщина.

Кренг приказал:

— Блейни, введите Прескоттов.

Госсейн не выдал своего удивления. Ему больно было видеть, как в гостиную ведут мужа и жену в наручниках, с пластиковыми кляпами, закрывавшими рты. Муж притворился, что видит Госсейна впервые. Амелия же не смогла не выдать своего потрясения, она даже попыталась что-то сказать, но попытка не удалась, и она безнадежно покачала головой, не отрывая взгляда от Госсейна.

Он пожалел ее. Она доверилась мужу, полагая, что он убежденный сторонник ноль-А принципов, но это привело к трагическим последствиям. Прескотт предал ее. Потому-то заговорщики лишили ее возможности говорить. И это окончательно убедило Госсейна, что она не принадлежит к их числу. Будь она в их организации, сейчас она просто сыграла бы роль пострадав-

шей, а они не боялись бы, что она заговорит. Для убедительности пришлось заткнуть рот и мужу. Конечно, это было большое неудобство, но, видимо, игра стоила свеч. Госсейн не понимал цели этого представления, но сделал вид, что всему верит: заговорщики не подозревали, что он знает, кто такой Прескотт. Сомнительное преимущество в игре, когда партнеры используют крапленую колоду.

XII

Звездолет вонзился в черноту космического пространства. На борту корабля находились сотни мужчин и одна женщина. Кренг сказал об этом Госсейну на второй день полета.

— Я получил приказ доставить вас на Землю, чего бы это ни стоило, — добавил он.

Госсейн не отозвался. Он не совсем понимал Кренга. Похоже, что агент из галактики уж очень высоко ценил свое положение и готов на любые поступки, чтобы остаться вне подозрений. Однако, с другой стороны, если он старается ради того, чтобы развитие человечества шло по ноль-А пути, временные уступки заговорщикам были необходимы.

Кренг исчез за поворотом коридора, а Госсейн остался стоять у большого иллюминатора, глядя в черное пространство. В яркой звезде, сверкавшей впереди, завтра уже можно будет узнать Землю, а к вечеру они доберутся до дворца президента Харди. Путешествие займет всего три дня и две ночи.

Посадка на Землю разочаровала Госсейна. Он думал, что увидит планету и Город Машины

сверху, но облака и густой туман скрыли их. На миг мелькнул атомный маяк на шпиле Машины — никакая непогода не смогла бы скрыть его, — и звездолет опустился на площадку внутри гигантского здания космодрома. Госсейна по трапу повели вниз...

Улица, ведущая к дворцу президента, и сквер перед входом казались пустынными, но не успел Госсейн сделать и двух шагов, как со всех сторон плотным кольцом его окружили охранники и провели в ярко освещенный вестибюль. Они остановились перед дверью на втором этаже.

— Мы пришли, — сказал Кренг. — Это комнаты для гостей президента. — Он повелительно махнул рукой охране: — Вы свободны.

Отступив в сторону, он вежливо пропустил Госсейна вперед и прошел за ним в просторный холл.

— Спальня, ванная, запасный выход, — объяснил он, указывая на двери, ведущие из холла. — Комнаты смежные. — Помолчав, он добавил: — Охраны нет, вход свободен, но бежать и не пытайтесь. Уверяю вас, из дворца вы не выйдете. — Дружелюбно глядя на Госсейна, он сказал: — В шкафу вы найдете вечерний костюм. Часа будет достаточно? Я бы хотел кое-что показать

вам перед обедом.

— Хорошо, — сказал Госсейн.

Раздеваясь, он обдумывал возможность побега. Если Кренг сказал правду и охраны нет, можно попытаться незаметно выскользнуть отсюда. Хотя, конечно, возможно, это провокация.

Из нескольких костюмов, висевших в шкафу, он выбрал темный с блестками и уже направился в ванную, когда услышал в холле какой-то шум. Накинув халат, он вышел из спальни. Патриция Харди осторожно закрывала дверь запасного выхода. Повернувшись, она двинулась ему навстречу.

— Вы поступили глупо, убежав, когда начался обыск, — сказала она сразу. — Разве вы не слышали, что я отказалась подчиняться приказу Торсона? — Она тряхнула головой и, не дожидаясь ответа, продолжала. — Ни к чему вспоминать прошлое. Да, вы убежали, вас убили, а теперь вы вернулись. Ведь это вас убили? — Госсейн собирался ответить, но она опять не дала ему вымолвить ни слова. — У меня всего минута. Должна вам сообщить, что после вашего побега месяц назад я на подозрении, и если меня здесь застанут… — она пожала плечами. — Госсейн, кто вы? Мне надо знать.

Появление Патриции сняло с Госсейна ощущение полного одиночества. Ее возбуждение передалось ему.

— Говорите же! — нетерпеливо сказала она.

Госсейн вздохнул и в нескольких словах передал ей ход событий. Проснулся на Венере. Как там оказался, не знает. Попал в плен. Скрывать ему нечего. О том, что Прескотт участвует в заговоре, она знала от Кренга. Госсейн понимал к тому же, что комнаты могут прослушиваться, и об осторожности забывать нельзя.

Не дослушав до конца, Патриция досадливо закусила губу и опустилась в кресло.

— Значит, вы знаете не больше, чем тот, первый, — сказала она горько. — Похоже, вы и правда только пешка.

Госсейн стоял, глядя на нее сверху вниз. Он не хотел обсуждать с ней вопрос о двух Госсейнах, хотя кое-какие соображения на этот счет у него были. Он понимал, что она права, но все равно обидно, когда тебя называют пешкой.

— А при чем, собственно, здесь вы? — спросил он.

Взгляд девушки потеплел.

— Извините меня, — сказала она. — Я не хотела обижать вас. Дело в том, что все заинтересован-

ные стороны пребывают в недоумении из-за того, что вы сами ничего не знаете о себе. Торсон, личный представитель Энро, отложил вторжение на Венеру. Понимаете? Я знала, что это вас заинтересует. Не перебивайте меня. Я хотела серьезно поговорить с вами еще месяц назад. Разумеется, вы хотите знать, кто такой этот Икс. Мы тоже. Это человек с железной волей. Но никто не знает, к чему он стремится. Пока, по-видимому, он думает о своем выдвижении. Он сказал, что вас надо использовать. Представители Галактической Лиги тоже ничего не понимают: они не могут решить, на чьей стороне тот космический шахматист, который ввел вас в игру. Все бродят впотьмах, не зная, что делать дальше. — Патриция остановилась, глаза ее горели. — Для вас сейчас открываются невиданные возможности. Не упускайте их. Соглашайтесь на любое предложение, не ставьте жестких условий. Вам надо остаться в живых.

Она вскочила с кресла, дружески коснулась его руки и побежала к выходу.

— Желаю успеха! — сказала она напоследок и исчезла за дверью.

Пока Госсейн принимал душ, из головы не выходила мысль: «Откуда она все знает? Кто она?»

Выйдя из ванной, он увидел в холле Майкла Харди. Президент сидел в кресле.

Увидев Госсейна, он улыбнулся. Внешность президента соответствовала представлению о спокойном, выдержанном человеке с сильной волей и незаурядным умом — человеке, воплощавшем разум и справедливость. Он твердо встретил изучающий взгляд Госсейна.

— Я распорядился поместить вас в эти комнаты, — сказал Харди, — чтобы нас не подслушивали. У нас очень мало времени.

— Неужели? — сказал Госсейн. Он не скрывал неприязни к человеку, который стал президентом, миновав Игры, путем заговора и махинаций, обманув каким-то образом Машину, то есть совершив непростительное преступление. Госсейн воспринимал все это как личное оскорбление.

Легкая улыбка появилась на лице немолодого человека.

— Оставьте это, — сказал Харди. — Не уподобляйтесь детям. Вам нужна информация. Мне тоже. Сделаем так: сначала вы мне задаете три вопроса, потом я вам. — Он замолчал. Видя, что Госсейн никак не реагирует на его предложение, он добавил: — Не теряйте времени. Неужто вам не о чем спросить?

Госсейн отбросил вражду в сторону. Вопросов было столько, что для ответов не хватило бы целого вечера. Да, нельзя тратить время попусту.

— Кто вы такой? — спросил он прямо.

— Увы, — ответил Харди. — Даже если я не тот, за кого себя выдаю, я вам не откроюсь, потому что не хочу оказаться в вашей власти: ведь любой детектор лжи сможет получить эти сведения от вас. Вы теряете время, задавая подобные вопросы.

— Известно ли вам обо мне что-нибудь необычное?

— Да, — ответил Харди. Он заметил, как что-то вспыхнуло в глазах Госсейна, и сразу добавил: — Но немного. За несколько дней до вашего появления я получил письмо, отправленное из этого города. Автор сообщал, что ему известны планы вторжения на Венеру, планы, тайна которых охранялась особенно строго. Он писал также, что вы предотвратите вторжение и что вас можно найти в отеле «Тропик-парк». Письмо я сжег. А вас сумели доставить сюда. Остальное вы знаете. Давайте третий вопрос.

— Второй, — поправил его Госсейн.

— Третий. Если вы откажетесь отвечать на один из моих вопросов, я зачту его. Идет?

Госсейн пытался разобраться в том, что услы-

шал. Харди, несомненно, говорил правду. Немыслимое положение, в которое попал Госсейн, кто-то создал намеренно. Но зачем? Он впервые оценивал президента Земли с точки зрения его сообщников. Каждый из заговорщиков имел свою личную корыстную цель, но Харди сумел добиться, чтобы эти безжалостные люди доверили ему самый ответственный пост.

— Я жду, Госсейн!

Он забыл о Харди. И все яснее понимал, что разговор не имеет смысла. По-видимому, Харди не скажет ему ничего важного.

— Что будет со мной?

— Вам сделают предложение, но я не знаю, какое именно. Торсон и Икс обсуждают его сейчас. Я советую вам согласиться на любое их предложение. Ваша позиция очень сильна: ведь если было два тела, то почему не может быть третьего? Конечно, это только предположения, — нахмурился он.

Госсейн думал о таком варианте, но пришел к выводу, что двух тел не могло быть. Он хотел возразить, но вовремя спохватился. Он прикрыл глаза: зачем его пытаются уверить в нелепых вещах? Зачем внушали эту бессмыслицу? История, которая произошла с ним, пока не имеет объясне-

ния, это странная история. Но ведь заговорщики постоянно наблюдают за ним. Голос в робоплане, назвавшийся агентом Машины, мог обманывать. Да, прежде чем высказывать свои сомнения, надо посмотреть, как будут развиваться события. Он повторил, глядя на Харди:

— Только предположения…

— Первый мой вопрос, — сказал Харди. — Что за человек или группа людей стоит за вами? Они вступили с вами в контакт?

— Нет. Если Машина не при чем, как вы говорите, то я ничего не понимаю.

Харди улыбнулся.

— Ваш ответ неверен, потому что основан на отсутствии знаний. Видите, я высказал ноль-А утверждение. Кстати, не только я, но и все мы, собираясь уничтожить ноль-А учение, пользуемся его методами. «Карта — не территория». Ваша уверенность в том, что вы ничего не знаете, — только мысль о реальности, но не сама реальность.

Он умолк, думая о чем-то своем и улыбаясь. Затем снова заговорил:

— Вопрос второй. Ощущаете ли вы сами, что отличаетесь от других людей? Я знаю, что допускаю семантическую неточность формулировки

— все люди отличаются друг от друга. Но яснее сформулировать вопрос не могу.

Госсейн понял вопрос и оценил его как чрезвычайно интересный. Он и сам задавал его себе.

— Я не ощущаю ничего особенного. Должно быть, вы имеете в виду открытие Торсона. Что он нашел в моем мозгу? — Госсейн наклонился вперед, от напряжения его бросало то в жар, то в холод. Он с трудом перевел дыхание, когда Харди сказал:

— Погодите. Вопрос третий. Как вам удалось найти тщательно запрятанный в лесу дом Кренга?

— Меня привез туда робоплан, который вынудил меня подняться на борт.

— Что за робоплан? — спросил Харди.

— Прошу прощения, моя очередь, — сказал Госсейн. — Может, удобнее задавать по одному вопросу? Что обнаружил Торсон в моем мозгу?

— Дополнительное образование. Я о нем ничего не знаю. Торсон думает, что особыми возможностями эта ткань не наделена.

Госсейн кивнул. Он был согласен с Торсоном: ведь он не ощущал какого-то особенного отличия от других людей.

— Что за робоплан? — повторил Харди свой

вопрос.

— Я думал, что робоплан был агентом Машины.

— Думали?

— Моя очередь, — ответил Госсейн.

— Ваши ответы неполны. Вы не потребовали доказательств?

— Компьютер сообщил факты, о которых знает только Машина. Но он действовал с применением силы — а это подозрительно.

Харди нахмурился.

— Понимаю, — сказал он. — Но ничего определенного сказать не могу. Кренг и Торсон сошлись очень близко и держат свои действия в секрете. Думаю, — тут он невесело усмехнулся, — что я попал в немилость.

Госсейну стало понятным, почему президент сам пришел к нему и разговаривал как с равным. Он ясно представил себе, что они марионетки. Он не успел ничего сказать, Харди продолжал:

— Я не жалею о выборе. Машина закрыла для меня путь к дальнейшему продвижению, а я не смирился с ее решением.

— Чем же Машина объяснила свое решение?

— Она определила во мне задатки потенциального диктатора. Создатели Машины учли такую

возможность, и в программе Машины были поставлены соответствующие барьеры.

— И вот теперь вы хотите доказать, что Машина была права?

— Да, я воспользовался редкой возможностью, когда она была мне предоставлена. Я и сейчас пошел бы на это. В галактических высших сферах место для меня найдется. Торсон просто осторожничает. — Харди успокоился и даже улыбнулся. — Однако мы отвлеклись…

В комнату внезапно вошел человек в форме охранника и закрыл за собой дверь.

— Сэр, — обратился он к президенту, — мистер Торсон поднимается по лестнице. Я только что получил сигнал.

Президент встал. Он был недоволен, но сохранил присутствие духа и достоинство.

— Пора идти. Полагаю, я узнал все, что хотел. И я все больше склоняюсь к мысли, что вы не последний Госсейн. До свидания. Не забывайте о моем совете: компромисс — вот что оставит вас в живых.

Харди и охранник вышли через запасный ход, тем же путем некоторое время назад воспользовалась и Патриция. Буквально через несколько секунд раздался стук в дверь. У входа стоял Тор-

сон.

XIII

Госсейн сразу узнал его: чрезвычайно высокий, широкоплечий, с крупными чертами лица и ястребиным носом, он с самого начала вел себя так, что не оставалось сомнений в его положении — личный представитель Энро, человек, которого все боятся. Черные глаза его сверкали, лоб бороздили морщины.

— Вы еще не готовы, — бросил он резко и быстро осмотрел комнату.

Госсейн представил себя на его месте. Торсон прибыл с каких-то далеких звезд в незнакомую ему и непонятную Солнечную систему. На Земле, окруженный людьми, которых он не знал, он должен выполнить приказ тех, кто его послал. Эта работа требовала постоянного нервного напряжения, колоссальных усилий. Он не мог позволить себе расслабиться, потерять контроль над заговорщиками, с которыми приходилось сотрудничать.

Торсон принюхался.

— У вашего одеколона довольно странный запах, — сказал он.

— Не обращайте внимания, — ответил Госсейн

небрежно. Он и сам ощутил слабый аромат духов Патриции. Ей надо быть более внимательной к мелочам. Он смотрел на инопланетянина безразличным взглядом. — Чем могу служить?

Торсон стоял на пороге, не заходя в холл, и внимательно рассматривал Госсейна.

— Хотелось посмотреть на вас, — сказал он, — просто посмотреть. И все.

Внезапно повернувшись, он пошел по коридору. Госсейн внутренне подготовился к тяжелому разговору и чувствовал, что его обманули. Недоумевая, зачем Торсон заходил к нему, он одевался. Вдруг он вспомнил, что к нему должен зайти Кренг, и услышал, как открылась дверь.

— Иду! — крикнул он.

Ответа не было. Через мгновение чья-то тень мелькнула сзади. Госсейн быстро повернулся. В спальне стоял Прескотт.

— У меня совсем нет времени, — сказал он.

Удивление, вызванное появлением Джона Прескотта, сменилось досадой. Посетители вели себя довольно однообразно — все спешили, а это утомляет. Но он ничего не ответил и вопросительно поднял брови.

— Вы, наверное, хотели бы знать, кто я такой, — сказал Прескотт.

Он говорил быстро и ничего не скрывал: да, галактический агент, но тайный сторонник ноль-А мира. Госсейн перестал что-либо понимать.

— Я должен вам все рассказать, — говорил он. — В тот день, когда вы напали на нас, я узнал вас по фотографиям и доложил своему начальству на Венере. Но я был уверен, что вам удалось бежать. Поверьте, я был поражен, когда увидел вас в доме Кренга.

Он остановился и перевел дыхание. Госсейн едва сумел скрыть свое разочарование. Его единственное преимущество перед заговорщиками, которые считали, что Прескотт вне подозрений, исчезло. Конечно, такая мелочь не могла иметь решающего значения, но он рассчитывал воспользоваться ею. И все-таки, почему это Прескотт так разоткровенничался?

— Я боюсь за Амелию, — сказал Прескотт взволнованно. — Она не участвовала во всем этом. Я согласился, чтобы меня связали, но только чтобы она ничего не узнала. Я полагал, что ее выпустят сразу после вторжения на Венеру. Но несколько минут тому назад Кренг и Торсон сказали, что используют ее, чтобы заманить вас в ловушку.

Он замолчал и дрожащими руками достал небольшую металлическую коробочку, открыл

крышку и подошел к Госсейну: там лежали двенадцать белых пилюль.

— Возьмите одну, — сказал Прескотт.

Госсейн послушался, хотя знал, что будет дальше.

— Проглотите ее, — сказал Прескотт.

Госсейн покачал головой. Прескотт раздражал его.

— Я не принимаю неизвестных лекарств.

— Я забочусь о вашей безопасности. Клянусь, это противоядие.

— Меня еще не отравили, — сказал Госсейн мягко.

Прескотт резко закрыл коробку. Он сунул руку в карман и попятился, выхватывая бластер.

— Госсейн, — сказал он, — у меня нет другого выхода. Либо вы проглотите таблетку, либо я убью вас.

Госсейн не испугался. Угроза не казалась реальной. Он перевел взгляд с таблетки на Прескотта.

— В холле, — сказал он терпеливо, — стоит детектор лжи. Он поможет нам уладить разногласия. — И оказался прав.

Прескотт, взявшись за контакты детектора, заявил:

— Пилюля — противоядие. Она гарантирует

безопасность Госсейна в случае, если мне придется пойти на крайние меры. Прошу подтвердить это заявление, не вдаваясь в подробности.

— Утверждение истинно, — сразу же подтвердил аппарат.

Госсейн проглотил пилюлю и некоторое время ожидал последствий. Но никаких ощущений не последовало. Он сказал Прескотту:

— Надеюсь, что ваша жена не пострадает.

— Спасибо, — ответил Прескотт.

Он повернулся и вышел в коридор. Дверь за ним закрылась. Госсейн закончил одеваться и, расслабившись, уселся в кресле, ожидая Кренга. Тревога в его душе нарастала. Каждый из приходивших к нему преследовал свою цель, но все были уверены, что кризис приближается.

На Венеру готовили вторжение. Кто? Военная галактическая держава? Возможно. Другим цивилизациям это и в голову не могло прийти — поработить расу людей, даже не вышедшую за пределы своей звездной системы. Загадочные агенты, длительная подготовка, проникновение и завершающий мощный удар из глубин вселенной. Намеки на Галактическую Лигу, якобы способную противостоять вторжению и защитить человечество, выглядели туманными и

неопределенными, если сопоставить их с действиями Торсона и его сторонников: попрание законов, убийства, предательства, заговоры, захват власти на Земле.

— И кто-то думает, что я могу предотвратить войну? — вслух сказал Госсейн и засмеялся нелепости этого предположения.

Однако проблема Гилберта Госсейна близка к разрешению. Самой, пожалуй, опасной была попытка убедить его в существовании второго тела. Логика спасла его рассудок. Он не позволит выбить себя из седла, останется в здравом уме и постарается извлечь максимум пользы из сегодняшней встречи вечером. Громкий стук прервал его размышления. Он увидел Кренга и облегченно вздохнул.

— Вы готовы?

Госсейн кивнул.

— Тогда идем.

Они спустились по лестнице на несколько этажей, прошли по узкому коридору, и Кренг открыл запертую дверь своим ключом. За дверью было просторное помещение с мраморным полом и лабораторным оборудованием.

— Заходите, — сказал Кренг. — Я подожду вас здесь, а вы осмотрите тело.

— Тело? — удивленно повторил Госсейн и вдруг понял: тело!

Он забыл о Кренге и вошел в комнату. В дальнем углу на столе лежал человек, закрытый простыней. Госсейн чувствовал, что самообладание покидает его. Одно дело слышать о своем втором теле, другое — видеть его своими глазами.

Подобное несовпадение жизненных установок разума и реальности было настолько страшным, что нервная система Госсейна испытала шок, выключившись на какую-то долю секунды. Комната закружилась, предметы поплыли. Он качнулся. Но приступ кончился, и разум вернулся к нему в тот же миг. Он ощутил пол под ногами, вдохнул прохладный воздух. Еще не до конца оправившись от шока, он в полубессознательном состоянии подошел к столу и сдернул простыню на пол.

XIV

По предположениям Госсейна труп должен был сгореть до неузнаваемости. Так и оказалось, однако лицо не пострадало. Вероятно, они не стреляли в голову, чтобы не повредить мозг. Тело, почти разорванное автоматными пулями на части, раздробленные кости и обгоревшее месиво выше колен нельзя было узнать. Но лицо осталось нетронутым. Выражение его было спокойным, как будто, умирая, Госсейн не испытывал ни страха, ни боли, ни отчаяния. Даже чуть заметный румянец на щеках сохранился. Несомненно, были приняты меры, чтобы тело не разлагалось. Вдоль черепа он заметил аккуратный распил. Было непонятно, оставлен мозг в черепе или вынут.

Услышав какое-то движение сзади, он выпрямился. Постепенно через глубокую отрешенность вновь начала пробиваться в сознание окружающая действительность. Секунды понадобились, чтобы узнать звук, отвлекший его от изучения тела, — по каменному полу шуршали резиновые колеса. Это, конечно, Икс. Он оглянулся, наполненный уверенностью в себе, готовый к любым неожиданностям.

Он посмотрел на чудовищного урода, запаянного в пластик, равнодушным взглядом — и только потом увидел вошедших вслед за ним: красавец Харди, цинично улыбающийся Торсон, Патриция между двумя охранниками, взволнованная, с вопросом, застывшим в глазах.

— Итак, — громким басом и очень серьезно начал Икс. — Думаю, что вы, Госсейн, еще не придумали, как вы помешаете нам отправить ваше второе тело туда же, где лежит первое.

«Речь нельзя отнести к блестящим, — подумал Госсейн, — зато каждое слово соответствует истине». К сожалению, он не был уверен, что физическое уничтожение этого тела не приведет к его окончательной смерти и что где-то есть третье, в котором он мог бы возродиться.

Икс нетерпеливо махнул пластмассовой рукой.

— Довольно болтать. Приведите жену Прескотта и крепче держите Госсейна.

Четверо охранников ухватили Госсейна за руки, а трое других ввели Амелию Прескотт. Тяжелое дыхание женщины, растрепанные волосы, красное лицо и связанные руки — все это говорило о ее положении красноречивее слов. Она пыталась что-то сказать Госсейну, но лишь

беззвучно шевелила губами: ее рот был закрыт прозрачным пластиком. Поняв, что не может ничего сказать, она пожала плечами и грустно улыбнулась. Даже в этом униженном положении она держалась с достоинством.

Икс не сводил глаз с Госсейна, пластмассовый купол его головы блестел.

— Внимательно выслушайте меня, — сказал он. — Мы начинаем войну, подобной которой человечество еще не знало. В нашем распоряжении десять тысяч звездолетов, сорок миллионов солдат, гигантские заводы по выпуску вооружения и техники. Но все это — лишь малая часть сил империи, самой могущественной во всей вселенной. Госсейн, мы обречены на победу. — Он перевел дыхание. — И все-таки мы предпочитаем застраховаться от каких бы то ни было неожиданностей. И мы предлагаем вам — личности неизвестной — одно из самых высоких мест в структуре, которая будет управлять Солнечной системой. Однако, — продолжал он, помолчав, — в нашем сотрудничестве не будет смысла, если вы не оцените ситуацию реально. Мы должны убивать. Мы должны быть жестокими, Госсейн. Ничто не убеждает людей с такой очевидностью, как насилие.

На секунду Госсейну показалось, что Икс говорит об Амелии Прескотт, и он почувствовал, как слабеют ноги. Но быстро понял, что Икс имеет в виду нечто иное.

— Убивать? — спросил он. — Кого убивать?

— Примерно двадцать миллионов жителей Венеры, — ответил Икс. В своем инвалидном кресле он выглядел кошмарным навозным жуком из пластмассы. — Вы, конечно, понимаете, что разница между уничтожением двадцати человек и двадцати миллионов заключается лишь в реакции тех, кто остался в живых. Эту задачу решит пропаганда.

Госсейну казалось, что он падает в бездонный колодец.

— А что вы собираетесь предпринять с остальными жителями Венеры? Их будет не меньше двухсот двадцати миллионов. — Свой голос Госсейн слышал как сквозь туман.

— Террор, — низким басом отозвался Икс. — Жестокий террор по отношению к тем, кто осмелится на сопротивление. История доказывает, что прежде чем управлять толпой, ей надо отрезать голову. Голова венериан — коллективная, значит, необходимо массовое уничтожение. — Он нетерпеливо махнул пластмассовой рукой. — Все,

Госсейн, хватит, — резко сказал он. — Решение за вами. Вам будет обеспечена огромная власть, вы сможете проводить любые реорганизации. Но раньше мы подготовим для этого почву. Ну как? Согласны?

Госсейн вздрогнул от неожиданности. Он только в эту минуту понял, что с ним были откровенны, чтобы показать ему неизбежность присоединения к заговору. Аргументация, основанная на ноль-А логике, была очень убедительна и оправдывала необходимость массовых убийств! Госсейн не мог принять эту необходимость, даже если бы это было всего лишь бредом. Разногласия такого рода преодолеть нельзя. Все его существо, вся нервная система подготовили единственный четкий и твердый ответ. Спокойным, уверенным, звонким голосом он сказал:

— Нет, мистер Икс. И каждому из вас да будет уготовано место в вечном огне ада за то, что такая мысль пришла в ваши головы.

— Торсон, — сказал Икс. — Убейте ее.

Госсейн, не понимая, смотрел на него.

— Что вы сказали?

Он ринулся вперед вместе с повисшими на нем охранниками и успел сделать несколько шагов, прежде чем те сумели удержать его. Когда он

справился с яростью, туманом застлавшей глаза, он увидел, что Амелия, по-прежнему улыбаясь, не сопротивляется Торсону, вводившему содержимое шприца в ее руку. Она мгновенно упала, и Торсон легко подхватил ее тело.

— Видите, Госсейн, — сказал Икс. — У нас есть качества, которых не хватает последователям неаристотелевой философии: мы не брезгливы. Мы умеем обеспечить себе выигрыш. Эта маленькая сценка должна продемонстрировать вам…

Он замолчал. На лице выразилось недоумение, тело его обмякло в кресле и с громким стуком растянулось на мраморном полу. Красивое моложавое лицо Харди тоже исказило удивление, он опустился на колени и рухнул на бок. Охранники попадали один за другим, двое из них попытались выхватить оружие, когда теряли сознание. Торсон осторожно положил Амелию на пол и улегся рядом. Патриция лежала недалеко от входа.

Все враги Госсейна лежали, как мертвые. Это было похоже на чудо.

XV

Оцепенение схлынуло. Ноги не очень слушались, но первым его движением было — броситься к одному из охранников и выхватить из кобуры пистолет. Постоянно озираясь и останавливаясь, чтобы прислушаться, он разоружил Остальных. Он не понял, что произошло, но принимал это как подарок судьбы, как свой шанс на спасение из безвыходного положения — уж очень неравной была бы борьба. Он собрал все оружие и оглядел помещение еще раз. Десять охранников валялись на полу, как шпильки, вылетевшие из женской прически. Тут только Госсейн заметил, что в лаборатории не присутствовал Элдред Кренг. Он подумал, что делает что-то не то: надо было срочно уходить, дорога каждая секунда. Но остался стоять на месте.

Живы ли все эти люди? Он склонился над Иксом, прикоснулся к его груди и невольно отдернул руку от твердой пластмассовой оболочки, ничего общего не имевшей с человеческим, телом. Он поборол неприятное чувство, наклонился ближе и уловил дыхание. Икс был жив, значит, живы и остальные.

Внезапно послышался звук открывшейся двери. Госсейн бросился на пол, приготовив пистолет, и выругал себя за неуместное любопытство. Ему следовало сразу же уходить отсюда как можно дальше.

В лабораторию вошел Джон Прескотт.

Госсейн встал, пытаясь унять дрожь в ногах. Прескотт натянуто усмехнулся.

— Хорошо, что вы приняли таблетку? — спросил он. — Я зарядил вентиляционную систему газом из порошка Дрэ, и вы единственный человек… — Он умолк. — Неужели я опоздал?

Госсейн смотрел на Амелию, лежащую рядом с Торсоном.

— Прескотт, — сказал он мрачно. — Вашей жене сделали укол в руку, прежде чем все потеряли сознание. Ее намеревались убить. Может, еще не поздно ей помочь?

Можно было не торопиться. Газ по системе вентиляции распространился по всему зданию и усыпил всех. Госсейн молча наблюдал, как Прескотт приник ухом к груди Амелии, пытаясь уловить биение сердца, затем вынул из кармана ампулу с иглой, воткнул ее резким движением в бедро женщины.

— Если она жива, — пояснил он, — через мину-

ту губы позеленеют.

Прошло две минуты. Губы Амелии оставались бледными. Прескотт поднялся с колен и с любопытством осмотрелся. Он спокойно подошел к оружию, сваленному в углу, и выбрал два пистолета. То, что произошло дальше, было так неожиданно и сделано так быстро, что Госсейн не успел вмешаться.

Прескотт подошел к Иксу и выпустил пулю в его правый глаз. Кровь брызнула в потолок языками пламени горящего костра. Прескотт повернулся, приставил пистолет ко лбу Харди и нажал на курок. Потом побежал от одного охранника к другому, стреляя из обоих пистолетов. Он шагнул к Торсону и остановился; на лице его отразилось недоумение. Госсейн, оправившийся от потрясения, бросился к нему и вырвал оружие из его рук.

— Идиот, — кричал он. — Понимаете ли вы, что наделали?

Примерно через час в глухом переулке они бросили угнанную машину и вышли в туманную темноту Города.

Из громкоговорителя до них донеслось экстренное сообщение.

— Слушайте о последних событиях во дворце

президента, — объявил диктор.

После короткой паузы сдержанно заговорил другой голос:

— Я должен исполнить печальный долг и сообщить всем о том, что президент Харди сегодня вечером убит агентом Машины, человеком по имени Гилберт Госсейн. Раскрыт заговор против народов Земли. Госсейну помогали так называемые детективы с Венеры. Будет сделано все возможное для поимки преступников. Следственная комиссия предлагает всем оставаться дома. Мы не гарантируем безопасность тем, кто окажется на улице.

Стало очевидным, к каким страшным последствиям привели убийства, совершенные Прескоттом: Машина, он сам и детективы с Венеры обвинялись в заговоре, то есть обвинялось все ноль-А учение. И ему объявлялась война.

Густой туман накрыл город, настолько густой, что человеческая фигура терялась в двух шагах. Конечно, радар прекрасно видит и в темноте, но надо знать, куда везти прибор. Поймать их в такую ночь можно, только уж если очень не повезет. Наконец-то он свободен! Первый раз после того, как начались эти загадочные события. И еще…

Неизвестно, кто такой Прескотт и как с ним быть. Упрекать его — бессмысленно. Прескотт помог ему бежать, он начинен информацией, его надо расспросить поподробнее, не сейчас, разумеется. Со временем Прескотт может стать очень ценным союзником. Насколько это зависит от него, он постарается использовать галактических агентов, перешедших на его сторону.

— Прежде всего, — сказал Госсейн, — я хочу показаться психиатру. Сейчас самое важное — выяснить, что в моем мозгу так могло напугать Торсона.

— Но ведь Игры еще не кончились, и все врачи распределены по группам защиты.

Госсейн снисходительно улыбнулся, хотя этого и не было видно в темноте. Он был спокоен и уверен в себе. Он знал, что сумеет справиться с любыми самыми сложными обстоятельствами.

— Прескотт, — сказал он. — Я достаточно долго оценивал свое положение как безвыходное и слепо подчинялся чьим-то указаниям. Я рассказывал вам, что Машина убедила меня сдаться в плен?

— Да.

— Я анализировал свое поведение, — продолжал Госсейн, — поведение человека, следующего любым советам, и понял, что это было желание

снять с себя ответственность и переложить ее на кого-то другого. Мысль о том, что я не такой, как все, казалась мне нелепой настолько, что я позволил себя убить. — Он помолчал. — Я признаюсь вам, что рассчитываю на газ Дрэ. С его помощью мы справимся с группой защиты. Но прежде нам нужна карта Города. Потом — адрес Лорена Кейра. Если его нет здесь, я пойду к любому психиатру, кроме Дэвида Лейстера Энрайта — я уже был записан к нему на прием.

— Я куплю карту и вернусь через десять минут, — сказал Прескотт.

— Нет, — резко, но беззлобно возразил Госсейн. — Нет, мы не должны выпускать друг друга из виду. Пока вы будете покупать карту, я зайду за вами в аптеку и в телефонном справочнике найду адрес доктора.

Большой белый дом психиатра, ярко освещенный уличным фонарем и светильником над входом, выделялся в ночной темноте. По-видимому, доктор был дома. Они перепрыгнули через ограду и притаились в кустах.

— Вы уверены, что вам нужен именно доктор Кейр? — шепотом спросил Прескотт.

— Да, — сказал Госсейн. Он полагал, что этого короткого утверждения вполне достаточно, но

потом решил, что автор книги «Эгоист не-аристотелевой Венеры» заслуживает большего, и добавил: — Он написал несколько книг.

Госсейн обдумывал, что делать дальше. Просто проникнуть в дом известного ученого невозможно, на это не решился бы в период Игр и самый удачливый грабитель. Кроме того, необходимо предусмотреть возможность отступления, если их ждет неудача.

— Скажите, — прошептал Госсейн, — ваш газ действует быстро?

— Мгновенно. По нервным окончаниям полости носа он проникает непосредственно в мозг. Достаточно один раз вдохнуть.

Госсейн кивнул и продолжал сосредоточенно изучать дом. Если все пройдет как задумано, через несколько минут крупнейший ученый, великий семантик и невропатолог, осмотрит его и поставит диагноз. Так сильно хотелось Госсейну узнать правду о себе, что все остальное отступало на задний план, казалось мелким и незначительным.

Чуть слышным шепотом Госсейн изложил свой план. Прескотт войдет в дом и представится жителем Венеры. Прежде чем впустить его, доктор обязательно сообщит о визите группе защиты.

Если группа вмешается, придется пустить в ход газ.

— Сколько порошка нужно для этого? — спросил Госсейн.

— Около щепотки. В вентиляционную систему дворца я насыпал восемь упаковок — около чайной ложки. На нас порошок не будет действовать еще несколько часов.

Прескотт поднялся на крыльцо и нажал кнопку звонка. Они вошли в коридор и оставили дверь слегка приоткрытой, чтобы в случае опасности легче было бежать. Госсейн решил, что страховка не помешает, а меры предосторожности придают ему уверенность в себе.

Доктор Кейр, высокий, худой человек лет пятидесяти с волевым лицом, с любопытством смотрел на Госсейна. Взгляд его серых глаз, казалось, видел насквозь. Никто еще не смотрел столь изучающе на него, но Госсейн терпеливо ждал. Он знал, что должен завоевать доверие врача. Минуты, потраченные на этот осмотр, компенсируются в будущем часами.

Доктор приступил к делу немедленно. Он принес из лаборатории детектор лжи, как только Госсейн объявил ему цель визита.

— Мистер Госсейн, — сказал он. — Ни один жи-

тель Венеры, ни один человек, глубоко проникший в ноль-А принципы, не поверит сообщениям правительства в газетах и по радио об убийстве президента Харди. Ни разу за всю мою жизнь мне не довелось видеть столь откровенной попытки воздействия на сознание больших масс людей, не очень образованных и просто невежественных. Мы знаем из истории, что в прежние времена такие акции предпринимались и страсти толпы накалялись настолько, что она прибегала к самосуду. Они окончательно разоблачили себя, когда выдвинули обвинение против Машины и жителей Венеры: такие обвинения могут иметь подоплекой только определенную цель. Поэтому, я думаю, вы имеете право обратиться к беспристрастным и справедливым судьям, которые выслушают вас. — Он замолчал и пытливо взглянул на Госсейна. — Согласны ли вы отвечать с помощью детектора лжи?

— Я согласен на любые проверки, если они не связаны с потерей сознания. Прошу понять меня правильно, сэр, — ответил Госсейн.

Доктор кивнул и начал тестирование. Руки и мозг Госсейна были заняты постоянно, пока один за другим он проходил десятки тестов. Лаборатория была расположена в конце коридора, и

нужные аппараты подвозились прямо к креслу Госсейна, откуда ему была хорошо видна незапертая дверь.

Одни аппараты мигали электронными глазами, сверкая и ослепляя Госсейна вспышками, другие гудели, третьи дышали на него горячими волнами. Тест за тестом, а тем временем он рассказывал о том, что с ним произошло. Доктор прервал его только три раза — два раза, когда прибор исследовал его дополнительный мозг, и один раз, когда Кейр воскликнул:

— Значит, не вы их убили?

— Нет, я, — сказал Прескотт. — Вы понимаете, мне пришлось выбирать между ноль-А и положением помощника командира галактической базы. Если меня привлекут к суду, мне останется сослаться на временное помрачение рассудка.

Доктор Кейр быстро посмотрел на него.

— Ошибаетесь, если думаете, что суд будет считаться с подобным утверждением человека, ставшего на ноль-А путь. Вам придется придумать что-нибудь другое.

«Придумать!» — молнией мелькнуло в голове Госсейна. Он посмотрел на Прескотта и впервые увидел его как бы со стороны, как бы случайно. Прескотт сунул правую руку в карман, скорее

машинально, потому что он и не надеялся успеть выхватить пистолет. Госсейн без труда разоружил его.

— Полагаю, — сказал он доктору, — что ваш дом окружен.

XVI

По-видимому, на дом не будут нападать до тех пор, пока виден свет из полуоткрытой двери. С улицы видна лишь освещенная прихожая, и вряд ли можно догадаться, что произошло внутри дома. Но, разумеется, ждать бесконечно нападающие не будут.

Связанного по рукам и ногам Прескотта с кляпом во рту бросили на диван.

— Он не выходил, — отметил Госсейн, — но я уверен, что связь каким-то образом поддерживал.

— Это не имеет значения, — сказал Кейр.

— То есть как?

Доктор спокойно смотрел на Госсейна ясными глазами.

— Главное, — сказал он, — это то, что я установил. Госсейн, вы, по-видимому, не понимаете своей исключительности. Вам отведена такая важная роль в нынешних событиях, что я не побоюсь риска.

Госсейн не сразу осознал сказанное. Через некоторое время он сконцентрировался, заставил себя забыть об опасности. Он с удивлением об-

наружил, что может слушать жизненно важную информацию и одновременно заниматься самым будничным делом.

— Ваш мозг не является сверхразвитым в том смысле, что ваш разум более высоко организован. Да это и невозможно. Человеческий мозг, результатом деятельности которого является Машина Игр и подобные ей электронные устройства, вряд ли возможно превзойти. Правда, некоторые думают, что электронный мозг превосходит человеческий, их, например, впечатляет способность Машины одновременно вести разговор с двадцатью пятью тысячами собеседников. Однако Машина при этом использует просто двадцать пять тысяч сложных электронных цепей. И только. Конечно, Машина способна мыслить самостоятельно. Она расположена на месте огромного рудника, в ее распоряжении множество лабораторий и роботов, она сама изготовляет орудия производства и совершает сложные операции, пользуясь неистощимым запасом ядерной энергии. Да, Машина полностью контролирует себя и самовоспроизводится, но в ее разум встроен блок ограничений: она должна проводить Игры беспристрастно, по законам, установленным Институтом общей семантики;

она должна оберегать развитие человечества в соответствии с ноль-А доктриной. Она может убить человека только в том случае, если на нее будет совершено нападение.

Госсейн обыскивал Прескотта, ощупывая каждый шов. Из карманов он извлек пистолет, два бластера, дополнительную обойму, пачку с порошком Дрэ, коробку с пилюлями противоядия, записную книжку. Ни в швах, ни за подкладкой костюма, сделанного из синтетического материала — такие костюмы шли в переплавку через три дня носки — он ничего не нашел.

Электронный локатор он обнаружил на внутренней стороне правого ботинка. Он был изготовлен из того же материала, что и обувь, и заметить его можно было по едва заметному рисунку схемы. Теперь стало ясно, каким образом Патриция Харди в тот вечер попала прямо в его объятия — раньше он не мог найти ответа на этот вопрос. Знание успокаивает, дает веру в свои силы, снимает напряжение. Госсейн даже почувствовал, что лучше воспринимает то, что говорит Кейр.

Доктор тоже не терял времени — он упаковывал свой саквояж. На дно он положил фотографии, магнитные пленки с записями тестов, негативы и ленты с видеозаписями. Укладывая все это, он

вслух рассуждал:

— Так. Здесь у нас доказательство, что дополнительный мозг состоит не только из нейронов коры. А это… клетки, не имеющие отношения к таламусу… Память… Система ассоциативных уподоблений… Каналы, соединяющие дополнительный мозг с основным… Несомненно, в этом необычном сером веществе еще не возникали импульсы.

Наконец, он оторвался от своих материалов.

— Проведенное исследование доказывает, что ваш дополнительный мозг играет роль регулятора деятельности организма. Однако эта контрольная система удивительно компактна, я такой еще не встречал. Количество нейронов составляет примерно треть общего числа клеток. Это значит, что в вашей голове находится устройство, которое может управлять микрокосмом на атомном уровне, а в макрокосме нет такого количества вещества, для управления которым мозгу пришлось бы использовать все свои потенциальные возможности.

Госсейн слушал, не перебивая, но тут он не выдержал:

— Доктор, имеется ли у меня хоть небольшая возможность научиться пользоваться этим моз-

гом в течение одного часа?

Кейр покачал головой:

— Речь не может идти о часе, дне или неделе. Вы что-нибудь знаете о потерявшемся ребенке — о Джордже? Двухлетний мальчик, который заблудился в лесу за фермой своих родителей? Он попал в логово одичавшей собаки. Она только что ощенилась, но щенки погибли, и она, вспомнив, по-видимому, молодость, пустила малыша к набухшим молоком соскам. Потом она охотилась и приносила ему свою добычу. Его нашли одиннадцатилетним. Он ел все подряд — муравьев, червей, пчел — все, что двигалось. Это был свирепый звереныш, как собачья стая, в которой он жил и образ жизни которой усвоил. Он рычал, скалил зубы и очень натурально лаял — это был его единственный язык. Социологи и психологи ухватились за него, но все их попытки дать ребенку образование кончились неудачей. Через пять лет он умел складывать из кубиков с буквами свое имя и знал несколько слов. Он так и остался зверенышем — предпочитал двигаться на четвереньках, а острота нюха даже через пять лет была поразительной: он находил след по запаху, при этом он завывал и подпрыгивал от возбуждения. Он умер двадцати трех лет в своей камере, так и

оставшись животным — настолько мало было в нем человеческого. Вскрытие показало, что кора его мозга была недоразвитой, но она могла бы функционировать нормально. В наши дни, — закончил рассказ доктор Кейр, — результат опыта был бы успешным, мы знаем о мозге неизмеримо больше, чем в те времена. Думаю, вы не обидитесь, если я скажу, что случай с вами напоминает тот, но вы начали жизнь как человек.

Госсейн молчал. Объяснение доктора было четким и ясным. До этого момента он туманно представлял свои возможности и, конечно, был склонен преувеличивать их, хотя и тревожился, что они никак не проявляются. Его очень поддерживало сознание того, что ему предназначена роль спасителя человеческой цивилизации и где-то в глубине его существа он гордился тем, что ему дано больше, чем другим людям. Это было вполне естественно — человек всегда испытывал чувство гордости, когда ощущал свою одаренность. Но ему придется подождать. А терпения у него хватит.

— Если феномен вашего мозга — результат мутации и является закономерной ступенью в ходе развития человека и передо мной встал выбор: спасти земную цивилизацию от нашествия

галактических захватчиков или вас, я, не колеблясь, выбрал бы вас. А что касается цивилизации — что ж, проверим, выдержит ли ноль-А учение это серьезное испытание.

— Но на Венере ни о чем таком даже не догадываются, — сказал Госсейн.

— Значит, — ответил доктор Кейр, — наша следующая задача — до рассвета выбраться из дома. И я полагаю, пришла пора мне поговорить с вашим спутником.

Госсейн вернулся мыслями к грозящей ему смертельной опасности, но без прежней тяжести на душе.

XVII

Джон Прескотт, галактический агент — и они были в этом уверены — связанный лежал на диване и следил за каждым их движением. Светлые волосы при ярком свете электричества казались почти белыми. Кляп не скрывал его издевательской усмешки.

Госсейн смотрел на него с отвращением.

— Знаете, — сказал он, — в поступках этого человека есть нечто патологическое. Он позволил убить свою жену, чтобы доказать мне, что стоит на моей стороне. И я поверил, что он принял ноль-А учение, что Икс и Харди убиты им в порыве мести. Только теперь я вспоминаю, что он остановился, подойдя к Торсону, и дал мне возможность вмешаться. Таким образом он уничтожил землян, служивших прикрытием для заговорщиков галактической империи, и теперь именно они контролируют правительство Земли.

Госсейн закрыл глаза.

— Постойте, — сказал он. — Я хотел бы понять. Игры этого года — ведь они должны определить преемника Харди. И кто же впереди?

Кейр пожал плечами.

— Какой-то Торсон. — Он в недоумении замолк. — Да, раньше я не улавливал связи, — медленно продолжал он. — Вы ответили на свой вопрос.

Ужасная мысль заставила Госсейна забыть о том, что следующим президентом земли станет Джим Торсон, личный представитель Энро, он думал о Машине: ведь если все так, то ей нельзя больше ни в чем доверять. А представить себе Землю без Машины Игр было невозможно.

Доктор Кейр мягко сказал:

— Все это сейчас несущественно. Мы должны действовать планомерно. Один из нас должен выйти из дома и выяснить обстановку.

Госсейн глубоко вздохнул и заставил себя успокоиться.

— Где ваша семья? — спросил он. — Жена, дети? Я давно хотел спросить. Они дома? У вас есть дети?

— Трое. Но они родились на Венере и до восемнадцати лет не могут посещать Землю. Все они сейчас в Нью-Чикаго.

Они понимающе улыбнулись друг другу, довольные собой. Задача перед ними стояла сложная, но они знали, что решат ее: знаменитый ученый и… тот, кому еще предстоит показать, на

что он способен.

Они без лишних споров решили, что встречаться с окружившими дом заговорщиками выйдет доктор — его фигура больше походила на фигуру Прескотта, а седые волосы в темноте могли не разглядеть. Он влез в ботинки-локаторы, которые оказались узковаты для его ног, но зато степень риска сильно уменьшалась. Подражать голосу Прескотта доктору не составило труда: он превосходно владел своими голосовыми связками. Потренировавшись минуты три, он освоил интонации Прескотта и мог говорить его голосом и громко, и шепотом.

— Настала пора, — жестко сказал Госсейн, — джентльмену рассказать, о чем он договорился со своими друзьями.

Наклонившись к пленнику, он вынул кляп. Он не скрывал отвращения к Прескотту. Тот, по-видимому, представив себе, какими методами он сам заставил бы врага заговорить, начал сразу, не дожидаясь вопросов:

— Дом окружен десятком людей, но они должны только следить за вами. Арест в их задачи не входит. Примерно в это время я должен выйти и дать им понять, что все идет по плану. Пароль — «Венера».

Госсейн кивнул.

— Хорошо. Доктор, я буду ждать вас через пять минут. Если вы не вернетесь, я отброшу брезгливость, и Прескотт получит пулю в лоб.

Кейр грустно улыбнулся.

— Пожалуй, мне следует немного опоздать.

Он вышел через полуоткрытую дверь и растворился в тумане.

Госсейн посмотрел на часы.

— Сейчас десять минут пятого, — сказал он Прескотту и поднял пистолет.

Капли пота выступили на висках Прескотта и стекали по щекам. Госсейну пришло в голову воспользоваться напряжением пленника. Он вновь взглянул на часы. Прошло тридцать пять секунд.

— Одна минута, — сказал Госсейн.

Бесконечная цепь изменений в клетках организма определяет то, что называют физиологическим временем. Но психологическое восприятие течения времени зависит от обстоятельств, каждый переживает его по-своему, тем более в стрессовой ситуации, когда оно зависит от ощущений человека. Секундная стрелка на циферблате завершила бег по кругу, прошла минута.

— Две минуты, — сказал Госсейн твердо.

Прескотт отозвался низким, охрипшим голосом:

— Если доктор не дурак, он вернется через пять минут. Но учтите, что мой связной болтливый идиот. Не спешите.

Прошло полторы минуты. Пот лился с лица Прескотта ручьями.

— Три минуты, — сказал Госсейн.

— Я говорил правду, — запротестовал Прескотт. — Мне незачем врать. Все равно вы будете в наших руках — рано или поздно. Через неделю или две — какая разница. После исследования Кейра я знаю, что вы не можете использовать свой дополнительный мозг. А это все решает.

Странное ощущение испытывал Госсейн, слушая этого венерианца и одновременно представляя себе сцену в тумане, в котором исчез Кейр. По часам прошло две минуты.

— Четыре минуты, — сказал он. Напряжение нарастало. Еще немного, и Прескотт не выдержит. Он медленно наклонился к нему, вопросы были готовы сорваться с его языка.

Прескотт продолжал:

— Я уверен, что никакой сверхчеловек не сможет остановить военное вторжение инопланетян — оно начнется с часу на час. Это еще одна причи-

на, по которой я сказал вам правду. Я даже думаю, что возня с вами — просто перестраховка.

Часы Госсейна показывали двенадцать с половиной минут пятого. Но по времени, переживаемому психикой Прескотта, прошли те пять минут, которые были ему отведены. «Слишком быстро», — подумал Госсейн. Уверив пленника, что время течет вдвое быстрее, он не дал ему возможности по-настоящему осознать свое положение и испугаться. Но дело сделано. Если Прескотт готов сломаться, то только в данный момент.

— Пять минут прошло, — заявил он решительно.

Лицо Прескотта приобрело синеватый оттенок.

— Я вам даю еще одну минуту, — отчеканил Госсейн. — Если доктор Кейр не вернется или вы не ответите на мой вопрос — прощайтесь с жизнью. Я хочу знать, где Икс или кто-то еще получили приспособление, с помощью которого они разладили Машину? Где оно сейчас? — И он еще раз посмотрел на часы, как бы отсчитывая эту последнюю минуту, и вздрогнул, на долю секунды забыв о Прескотте. Прошло четыре минуты. Он понял, что доктор действительно не

возвращается слишком долго. Вид посеревшего лица Прескотта немного успокоил его.

— Искривитель пространства, — сказал он, — встроен в стену комнаты Патриции Харди. — Голос галактического агента звучал слабо и неровно, казалось, человек вот-вот лишится чувств.

Странное название прибора уверило Госсейна в том, что Прескотт говорит правду. Искривитель, конечно же, должен находиться недалеко от Машины и, конечно, не на виду у всех. И почему бы не у Патриции? Госсейн не стал пользоваться детектором лжи. Ведь Прескотт спасал свою жизнь, и любая задержка могла испортить весь замысел Госсейна. Он еще раз взглянул на часы. 4 часа 15 минут. Госсейн посмотрел на дверь. Теперь, когда время стало его врагом, он стал понимать ощущения Прескотта. Потребовалось усилие воли, чтобы задать следующий вопрос.

— Откуда у вас искривитель?

— Его привез Торсон. Нелегально. Галактическая Лига запрещает пользоваться искривителем для других целей, кроме транспортировки…

Открылась дверь, и Прескотт умолк. Тело его обмякло, губы растянулись в глупой улыбке. В дом торопливо вошел доктор Кейр.

— Нельзя терять ни минуты, — сказал он, — светает, и туман рассеивается. Я сказал им, что мы улетаем. Идем.

Он помог засунуть кляп в рот Прескотта и взял свой саквояж.

Госсейн спросил:

— И куда же?

Кейр выглядел повеселевшим, как мальчишка, который предвкушает интересное приключение.

— Мы улетим на моем робоплане. Но вот куда именно, я надеюсь, вы позволите мне не упоминать при мистере Прескотте. Тем более что его ботинки я намерен выкинуть на окраине города.

Через пять минут они уже взмыли в воздух. Госсейн смотрел вниз на Город, окутанный туманом, и душа его ликовала.

Они свободны!

XVIII

Госсейн устроился в удобном кресле робоплана. Доктор Кейр выглядел усталым, веки его смыкались.

— Доктор, — обратился к нему Госсейн. — Скажите, какая она — Венера. Ну, города, например.

Кейр наклонился, чтобы лучше видеть своего спутника.

— Наши города очень похожи на земные. Только при их строительстве учитывался более мягкий климат. Из-за высокой облачности большой жары у нас не бывает. Дожди идут только в горах. Но по ночам на равнинах выпадает обильная роса, так что ее хватает для орошения почвы. Я ответил на ваш вопрос?

— Не совсем. Меня интересуют достижения науки. Далеко ли вы ушли от Земли?

— О, нет. Все открытия, сделанные учеными Венеры, сразу становятся известными на Земле. Есть такие отрасли, в которых Земля по-прежнему опережает Венеру, но это и неудивительно: здесь и людей больше, и специализация более разработана, так что ученый даже среднего уровня имеет возможность делать важные открытия.

— Понятно. — Госсейн напряженно слушал. — Скажите мне в таком случае, как развитая наука Венеры и Земли объясняет существование двух физических тел для одной личности.

— Не знаю, — устало ответил Кейр. — Разберемся утром.

— Давайте сейчас, — настаивал Госсейн. — Что может ответить наука на этот вопрос?

— Не знаю, — повторил Кейр и нахмурился. — Это не вопрос. Это проблема. А вы хотите, чтобы я с ходу разгадал эту тайну бытия. Кому-то удалось осуществить этот процесс… Без сомнения, подобные биологические эксперименты проводились в Солнечной системе, но я пока не могу объяснить, каким образом удалось создать два тела одновременно и дополнительный мозг.

— Я думаю вот о чем, — сказал Госсейн. — Каждая из враждующих сторон имеет определенные преимущества: у одной — решение проблемы бессмертия, у другой — искривитель пространства. Но тот человек, который стоит за мной, боится выступить открыто.

— Да, в этом что-то есть.

— Скажите, доктор, — продолжал Госсейн, — если бы вы были облечены самой высокой властью решать даже судьбы целых планет, что бы пред-

приняли, узнав, что галактическая империя готовит захват Солнечной системы?

— Я бы поднял народ, — сразу ответил Кейр. — Общество, построенное на ноль-А принципах, еще не было испытано войной, но я уверен, что оно устоит.

Прошло еще несколько минут. Госсейн вновь прервал молчание:

— Куда мы летим?

Доктор Кейр оживился впервые за время полета.

— Три года назад случай занес меня в небольшой дом на берегу озера в очень пустынном месте. Там я прожил несколько месяцев. Мне так хорошо работалось, что я купил этот дом. К сожалению, больше я туда так ни разу и не мог вернуться. — Он грустно улыбнулся. — Там нас долго никто не потревожит.

— Понятно, — выдавил из себя Госсейн.

Он прикинул, сколько времени они летят. Около получаса. Это хорошо. Если человеку потребовалось всего полчаса, чтобы понять, что легкая жизнь не для него, процесс самосовершенствования идет довольно успешно. А как было бы восхитительно лежать на песчаном берегу, в полном покое, и тренировать свой мозг под ру-

ководством знаменитого ученого. Только этому не бывать.

Он представил себе уединенный дом доктора. Неподалеку, наверняка, есть деревня, ферма или поселок. Три года назад ученый, занятый своей работой, должно быть, и не замечал окружающий мир. Конечно, он после работы выходил на прогулки по пустынному берегу, и даже если встречал кого-то, то не обращал на них внимания. Но сам-то он не мог остаться незамеченным. А когда двое внезапно поселяются в пустовавшем доме сразу после убийства президента, это не может не вызвать подозрений.

Госсейн вздохнул. Нет, идиллии не получится — не будет он загорать на пляже, занимаясь собой, когда захватчики на пороге планеты. Он взглянул на доктора. Тот сидел с закрытыми глазами, голова откинута на спинку кресла, ровное дыхание поднимало и опускало грудную клетку. Госсейн тихо окликнул:

— Доктор!

Кейр не пошевелился. Он спал.

Госсейн подождал еще немного, затем подошел к пульту управления. Задав автопилоту курс по широкому кругу, он вернулся в свое кресло, вынул из кармана блокнот и написал:

«Дорогой доктор, извините, что покидаю вас так внезапно. Хорошо, что вы спите, иначе мы потеряли бы много времени на споры. Я бы очень хотел, чтобы вы закончили обследование и научили меня управлять дополнительным мозгом. Но есть вещи более неотложные. Читайте объявления в вечерних газетах. Я буду подписываться „Гость“. Если захотите ответить, подпишитесь „Знакомый“».

Записку он положил на пульт управления и занялся пристегиванием лямок одного из парашютов. Минут через двадцать он увидел в тумане атомный маяк Машины. Госсейн задал автопилоту прежний курс, и когда робоплан, сделав широкий круг, пролетал над президентским дворцом, он открыл дверь и шагнул в предрассветную мглу.

XIX

Гравитационный парашют был создан последователем ноль-А науки: он сел однажды за стол с намерением разработать математические принципы, которые стали основой конструкции этого аппарата. Использовался при этом всем известный закон притяжения — два предмета, находящиеся в пространстве, падают по направлению друг к другу, однако предмет с меньшей массой падает быстрее. Теоретически эту тенденцию можно изменить, но только приложив громадное количество энергии. Однако наука реального мира просто использовала закон притяжения как закон природы и меняла атомную структуру предмета, чтобы замедлить падение или изменить его направление.

Гравитационный парашют выглядел как металлическая упряжь с кожаными прокладками в тех местах, где она давила на тело. Управлять им было довольно легко. Поэтому новое устройство в ряде случаев заменило электрический мотор и атомный двигатель.

Нажимая кнопки, Госсейн без приключений опустился прямо на балкон спальни Патриции

Харди.

Он хотел бы сначала поговорить с Машиной, но понимал, что попытки проникнуть к ней обречены. Ее должны были охранять, как королевскую сокровищницу в древние времена. Но кому может прийти в голову, что он вернется во дворец президента? Госсейн очень надеялся, что никому.

Он смягчил приземление, слегка спружинив ногами, и быстро выпрямился. Снял парашют, расстегнув его легким прикосновением руки, и аккуратно сложил на полу. Балконные двери заскрипели, но Госсейн отбросил осторожность. Он рассчитывал на неожиданность, быстроту и хорошее знание планировки комнат.

Он еще не решил, как поступит с Патрицией, но сейчас ему вдруг пришло в голову, что она считает его убийцей отца. Однако отступать было поздно.

Он подошел к кровати, навалился на девушку и закрыл ладонью ее рот. Затем быстро связал ей руки и ноги, предварительно использовав простыню как кляп.

Он зажег свет.

— Извините меня за грубость, — сказал он. Ему и в самом деле было не по себе. К тому же только

Патриция могла помочь ему выбраться из дворца после того, как искривитель будет уничтожен.

Но ее взгляд был устремлен поверх его головы. Госсейн обернулся. В дверях стоял Элдред Кренг.

— На вашем месте, — сказал он, — я бы воздержался от глупостей.

Карие глаза Кренга блеснули. Поза его была свободный и очень спокойной. Он стоял между двумя охранниками, державшими бластеры наготове.

— Вы не сообразили, Госсейн, — продолжал он, — что невозможно незаметно пролететь над дворцом. У меня для вас есть сюрприз: Прескотта нашли и освободили. На основании его доклада я уговорил Торсона, и он разрешил мне поступить с вами по своему усмотрению.

Госсейн молча ждал продолжения. Он увидел, что для него появилась тень надежды: Кренг, тайный приверженец ноль-А системы, уговорил Торсона. Госсейн понимал, что положение Кренга слишком опасно, поэтому никогда не ждал от него помощи. Но сейчас…

— Мы поняли, — продолжал Кренг, — что тому, кто ввел вас в игру, безразлично, убьют вас или нет. Более того, ваша смерть запланирована им, поскольку ваша задача могла считаться выпол-

ненной, когда мы обнаружили у вас дополнительный мозг. И вот вы немедленно появляетесь на Венере и опять выполняете задание, цель которого вам неизвестна. Полагаю, что и это задание вы выполнили, поскольку этот неизвестный опять бросает вас на произвол судьбы. Каков вывод? Должно существовать третье тело. Госсейн, оно появится, как только второе будет уничтожено.

Он улыбался. Глаза его сверкали.

— Тому, кто стоит за вами, сейчас нелегко. Он не может выпустить в свет двух одинаковых Госсейнов, это очевидно. Конечно, задача эта фантастически сложная, но если все-таки допустить, что каждый из вас сможет реализовать свои возможности и начнет создавать дубли, столь же могущественные, как оригинал… Легко представить, к чему приведет такая тактика.

Кренг с сожалением посмотрел на Госсейна.

— Торсон настаивал на том, чтобы запереть вас в надежную тюрьму, но я продолжаю утверждать, что смерть или тюрьма — безразлично. И то, и другое вызовет появление третьего Госсейна. Мы предпочитаем, чтобы у неизвестного шахматиста не было возможности ввести в игру новую фигуру. Поэтому, руководствуясь здравым смыслом, мы решили просто отпустить вас на

свободу без всяких условий, мы уверены, что вы сами позаботитесь о своей безопасности.

Госсейн ожидал, чего угодно, но не этого. Свобода! Да, помощь Кренга превзошла все его ожидания. Одно его смущало, почему галактический агент, перешедший в веру ноль-А, не хочет появления Гилберта Госсейна-3. Заявление Кренга застало его врасплох:

— Что вы решили? — переспросил он.

— Ваше дело закрыто, — коротко ответил Элдред Кренг. — Обвинения, предъявленные вам, сняты. Об этом оповещена полиция. Ваш мозг никакой опасности не несет, а помешать нашим планам невозможно даже в теории. Поздно. Вы можете обращаться к кому угодно и с чем угодно.

Кренг отвернулся. Непринужденность его манер говорила о том, что он сразу выбросил из головы проблемы человека, с которым только что говорил. Он обратился к охранникам:

— Отведите этого человека в его комнату, накормите его, дайте ему одежду. Он может оставаться здесь до девяти часов утра. Если он захочет уйти раньше, не задерживайте.

Госсейн пошел вслед за охранниками. Он не решился посмотреть на Патрицию Харди, не

сказал слов благодарности Кренгу, боясь, что его подслушает Торсон.

В девять часов он вышел из дворца. День был ясный, погожий, хотя туман местами еще не рассеялся.

XX

Покидая дворец, Госсейн думал, что за ним следят, что вряд ли Торсон просто так отпустил его на свободу.

Он был единственным пассажиром на автобусной остановке. Войдя в автобус, он встал у заднего окна и смотрел на убегающую назад дорогу. Примерно два квартала за автобусом ехал довольно странный автомобиль, но он свернул на одну из боковых улиц, обогнав автобус, который остановился, чтобы подобрать женщину, поднявшую руку. Она вошла в автобус и, не обращая внимания на единственного пассажира, устроилась на переднем сидении и вышла через несколько кварталов.

«Должно быть, — решил он, — они понимают, что я непременно пойду в отель и к Машине».

В отеле, где Госсейн оставил багаж и двести долларов, клерк попросил его расписаться в регистрационной книге. Этого он не учел. Но взял ручку и твердо вывел свою фамилию, улыбнувшись собственности смелости.

Клерк пошел за перегородку и вернулся с ключом.

— Вы знаете, куда идти?

Госсейн думал о своем: «Даже подпись не изменилась». Он покачал головой. Если кто-то в будущем станет объяснять, что с ним происходит, пусть позаботится, чтобы эти объяснения были четкими и ясными.

В отделении хранения багажа он провел десять минут. Его больше всего интересовали три костюма. Он помнил, что на одном из них он установил термостат на шестидесяти шести градусах по Фаренгейту, а не на привычных семидесяти двух. На двух костюмах термометры показывали семьдесят два, на третьем — шестьдесят шесть градусов.

Он быстро переоделся. Костюм был как раз. Госсейн вздохнул. Он с трудом привыкал к мысли, что мертвец в лаборатории дворца и он сам — один и тот же человек.

Деньги он нашел там, куда положил их, — между страницами книги. Отсчитав семьдесят пять долларов, он закрыл чемодан, запер сейф и вернул ключ клерку. На улице его внимание привлек голос автоматического продавца газет. Он вспомнил вчерашнее вечернее сообщение по радио с обвинением в преступлении, которого он не совершал. Заголовки газет сообщали о

смерти президента, но содержание статей резко изменилось: «Госсейн оправдан… Проводится расследование… В сообщении, переданном сразу после убийства, были допущены грубые ошибки… Джим Торсон, наиболее вероятный преемник президента, требует…»

Значит, они не хотели возмездия, отказывались от своих слов. Очень тонкий и точный ход: в умы людей заронили подозрения по отношению к Венере и Машине. Когда понадобится, этим можно воспользоваться, раздув из искорки пожар.

На второй странице Госсейн увидел заголовок: «Новостей с Венеры не поступало». Он прочел: «Сегодня утром связаться с Венерой не удалось». Это сообщение подействовало на него угнетающе. Он начал понимать, в какое положение попал: один из пяти миллиардов землян, он теперь мог получить сведения о том, что происходит, только из газет и радиопередач. Он потерял надежду вмешаться в события и что-то в них изменить. Сколько глупостей он совершил! Как это получилось, что в президентском дворце он оказался в ночь убийства? Гилберту Госсейну следовало учесть последствия такого шага, ведь он не умалишенный, чтобы устраивать мелодраматические сцены. А теперь его к Машине даже не

подпустят!

Но он ошибся. Никто не остановил его. По безлюдным аллеям парка он шел к Машине. Игры продолжались уже двадцать девять дней, отсеялось около девяноста процентов участников. Он вошел в кабину, прикоснулся к металлическим контактам, чтобы наладить связь, и стал ждать. Приблизительно через полминуты из громкоговорителя прозвучал голос:

— Ситуация определена. Что вы собираетесь делать?

Вопрос ошеломил Госсейна. Он пришел, чтобы получить инструкции, выслушать советы — будущее было таким неясным, что говорить о намерениях было бессмысленно.

— Я растерян, — сказал он. — За короткое время я пережил ощущение смерти. Я, ни на минуту не останавливаясь, пытался предпринять что-нибудь для пользы человечества. И вот внезапно все это оказалось ненужным. Я могу делать, что хочу, моя жизнь в безопасности, я должен зарабатывать себе на жизнь и заниматься другими обычными делами. Единственное, что я планирую сегодня, — это посетить Институт семантики и отыскать доктора Кейра. Ведь жителей Венеры необходимо предупредить о грозящей им беде.

— Они уже знают, — сказала Машина. — Нападение на планету было начато шестнадцать часов назад. В операции участвовало пять тысяч звездолетов с двадцатью пятью миллионами солдат. Они…

— Что? — закричал Госсейн.

— В данный момент, — сказала Машина, — все большие города Венеры захвачены. Первый этап войны завершен.

Руки Госсейна соскользнули с контактов. Он испытал глубочайшее отчаяние, и оно пересилило чувство безмерного уважения к Машине.

— Чудовище! — крикнул он. — Ты их не предупредила!

— Я знаю, — ответил бесстрастный голос, — вы уже слышали об искривителе пространства. Я лишена возможности выступать публично, пока он направлен на мои схемы.

Госсейн удержал новый взрыв негодования и стал слушать дальше.

— Электронные системы искусственного мозга сложны и могут функционировать правильно при соблюдении определенных условий. Поток энергии должен быть прерывистым. Искривитель блокирует некоторые каналы, создает помехи для возникновения очередных импульсов.

Таким образом, нарушена моя связь с внешним миром. Я не могу контролировать фотоэлементы, тиратроны, усилители и их нагрузку.

— Да, но ты же разговариваешь со мной! Значит, можешь…

— Могу. Но только с отдельным человеком, — сказала Машина. — Могу использовать свои резервы и сообщить нескольким людям о заговоре. Допустим, я это сделаю. Допустим, что эти люди начнут обвинять правительство. Но прежде чем им поверят, Торсон привезет еще один искривитель — и все будет кончено. Нет, друг мой, любой преступник, имеющий доступ к радио и газетам, за час добьется большего, чем я за год. И пока у меня нет возможности выступить публично, я предпочитаю молчать.

— Но что же делать?

— Я бессильна.

Госсейн почувствовал, что сказано не все.

— Может быть, ты хочешь сказать, что все в моих руках?

— Я не уверена, — ответила Машина, — что вы понимаете, насколько точный анализ ситуации сделал Кренг.

Госсейн вспоминал разговор с Кренгом. Причины, по которым его не собираются убивать…

— Что же? — воскликнул он. — Выходит, я должен покончить с собой?

— Если бы я могла, — торжественно сказала Машина, — вы были бы убиты, как только открыли дверь. Но в мои схемы встроены ограничения, которые позволяют убить человека только при прямом нападении на меня.

Госсейн никак не ждал, что Машина может быть настроена столь враждебно. Он в изумлении сказал:

— Не понимаю. Неужели ты серьезно предлагаешь?..

— Вы выполнили ваше предназначение, — сказал голос Машины, — и должны уступить место третьему, более совершенному Госсейну. Возможно, вам и удалось бы научиться пользоваться дополнительным мозгом. Но времени на это нет. А Госсейн-3 получит эту возможность, как только проснется его сознание.

— Но ведь это смешно. — Госсейн нервничал. — Я не могу стать самоубийцей. — Он с трудом овладел собой. — Почему... почему третий Госсейн должен появиться только после смерти второго?

— Это и мне не совсем понятно, — ответила Машина, — после нашей последней встречи мне

сообщили, что смерть очередного тела служит сигналом для электронного устройства, которое автоматически передает принятый сигнал следующему телу. Принцип связи ясен и довольно прост, в биологических процессах мне разобраться трудно.

— Кто сообщил? — спросил Госсейн.

После короткой паузы из щели в панели выпал конверт.

— Мне посылают инструкции по почте, — сказала Машина. — Ваше второе тело прибыло на грузовом автомобиле. Вместе с этой запиской.

Госсейн развернул небольшой лист и прочел напечатанный текст:

«Тело Госсейна-2 отправьте на Венеру и оставьте вблизи дома Прескоттов. Когда он покинет дом, робоплан должен доставить его к замаскированному в дереве дому Кренга и передать приказание сдаться хозяину дома. Он должен получить сведения о положении на Венере. Примите необходимые меры безопасности».

— Грузы, которые я отправляю на Венеру, никогда не проверялись. Ваша доставка обошлась без помех.

Госсейн еще раз перечитал записку, чувствуя, что им овладевает непонятная слабость.

— И это все? — с трудом выговорил он.

Казалось, Машина что-то обдумывает.

— С тех пор я получила еще одно послание, в котором говорится, что скоро сюда будет переправлено тело Госсейна-3.

Госсейн побледнел.

— Это неправда, — прошептал он. — Ты говоришь это для того, чтобы заставить меня умереть.

Он замолчал. Зачем продолжать рассуждения о его самоубийстве? Он не собирался совершать этот поступок, а по какой причине, не все ли равно? Разговор стал абсурдным. Не произнеся больше ни слова, он встал и пошел в город.

Весь день он не находил себе места. Старался не думать об услышанном, не поддаваться отчаянию. Только к вечеру он сумел успокоить свои нервы. Он устал, чувствовал себя несчастным, но уже мог логично рассуждать. Он сообразил, что Машина даже не предложила ему уничтожить искривитель, по-видимому, понимая, что такая попытка обречена на провал.

За обедом он составил план действий. Во-первых, необходимо позвонить Патриции и уговорить ее встретиться во дворце. Он был уверен, что она сможет уделить ему несколько

минут с глазу на глаз. Он обязан что-то сделать!

Встав из-за стола, он сразу подошел к видеофону. На экране появилось ее лицо, она обрадовалась, увидев его, и быстро сказала:

— У нас всего минута. Где мы встретимся?

Когда он назвал место встречи, она нахмурилась, недоверчиво покачала головой и задумчиво посмотрела на него.

— Это очень рискованно, — медленно произнесла она. — Но если вы не боитесь, я готова. Значит, завтра ровно в час. Постарайтесь, чтобы вас не увидели Прескотт, Торсон или Кренг.

Госсейн обещал, что будет осторожен, попрощался и отключил связь. И лицом к лицу столкнулся с Прескоттом.

XXI

К дворцу Госсейн подошел за несколько минут до назначенного времени. У главного входа было довольно оживленно, и Госсейн смешался с толпой, ощущая себя в ней, как за ширмой, защищенным от любопытных глаз.

Разумеется, он не мог миновать толстого охранника за перегородкой. Обратившись к нему, он сказал:

— Мое имя Госсейн. Мне назначено явиться к мисс Патриции Харди к часу.

Неповоротливый толстяк провел пальцем по списку, потом нажал на кнопку. Из соседней комнаты появился высокий охранник в форме. Он провел Госсейна к лифту и даже помог ему нести небольшой чемодан. Створки кабины разошлись, из лифта вышли трое, и первый из них был Прескотт. Он с удивлением воззрился на Госсейна. Лицо его потемнело.

— Что вам здесь понадобилось? — спросил он.

Фантастическое невезение! Он, конечно, предусмотрел и такой вариант, но все-таки обомлел от неожиданности и с трудом произнес приготовленную заранее фразу:

— Мне назначил встречу Кренг.

— Неужели? Мы только что расстались, и он ничего не говорил об этом.

Госсейн помнил, что Прескотт не знает об истинном лице Кренга.

— Он согласился уделить мне несколько минут, — пояснил он. — Но, может быть, вы сможете объяснить мне, что происходит.

И Госсейн рассказал ему о том, как он посетил Машину, а та посоветовала ему покончить с собой, чтобы освободить место для Госсейна-3. Он не сказал, что знает о вторжении на Венеру. Он говорил о себе:

— Я хочу видеть свое третье тело. Дело в том, что для меня ноль-А принципы не слова, а твердое убеждение. И я не могу допустить существование еще одного Госсейна, несмотря на то что мне показали второго. Подумайте, мне, абсолютно здравомыслящему человеку, предлагают самоубийство! — Он вздрогнул. — Я хочу разобраться. Я готов откровенно объясниться с Торсоном. После вчерашнего, — тут он прямо посмотрел в глаза Прескотту, — мне и в голову не пришло обратиться к вам.

Прескотт холодно и подозрительно наблюдал за собеседником. По его поведению было незаметно,

что вчерашний инцидент произвел на него большое впечатление. Когда Госсейн закончил свой рассказ, он пожал плечами и молча двинулся к выходу. Вдруг он резко остановился и повернулся. В глазах его ясно читалось любопытство.

— Вы, должно быть, понимаете, что мы пытаемся отыскать остальные ваши тела.

Госсейну очень хотелось уйти отсюда как можно скорее, но, услышав слова Прескотта, он весь напрягся и почувствовал, как его пробирает мороз.

— Где? — спросил он.

Прескотт хрипло засмеялся.

— Сначала мы растерялись и сглупили: обыскали все пещеры на Земле. Теперь мы умнее.

— То есть?

Прескотт насупился.

— Решение проблемы, в целом очень сложной, связано с действием одного из законов физики, о котором вы, должно быть, даже не слыхали. Он заключается в том, что если две энергии совпадают по всем показателям до двадцатого десятичного знака и имеют общее пространство, то большая из них перекроет любые расстояния, чтобы соединиться с меньшей, но не мгновенно, а со скоростью, во много раз превышающей ско-

рость света.

— Звучит как полная бессмыслица, — заметил Госсейн.

Прескотт громко засмеялся.

— Хорошо. Объясню на вашем примере. Как в вашем мозгу могли сохраниться мелкие подробности воспоминаний Гилберта Госсейна-1? Показатели энергий двух физических тел должны были совпасть минимум до двадцатого десятичного знака. Это единственно возможный способ передать мысли на расстояние. Следовательно, Госсейн-1, который жил и действовал, представляя собой энергию большую, а вы в состоянии полного покоя воспринимали то, что связано с первым, независимо от удаленности в пространстве. — Он помолчал мгновение. — Мы даже проверили метеориты вплоть до колец Сатурна, поскольку предположили (теперь знаем, что ошибочно), что в одном из них, выдолбленном, могли устроить нечто вроде инкубатора для Госсейнов в разном возрасте. Вот насколько серьезно мы…

Его перебил человек в форме:

— Машина ждет, мистер Прескотт. Звездолет вылетает на Венеру через полчаса.

— Иду, генерал.

Он пошел было за военным, но снова повернул-

ся к Госсейну.

— Нам тоже любопытно посмотреть на Госсейна-3. Вы, конечно же, поняли, что мы намерены уничтожить это тело, а потом доберемся и до вас. Я думаю, что и общее количество Госсейнов ограничено.

Он резко оборвал разговор и пошел к дверям, где его ждала машина. Через несколько минут Прескотт успокоится, проанализирует встречу и найдет время, чтобы связаться с Кренгом. А тому ничего другого не останется, как арестовать Госсейна.

В лифте его охватило нетерпение. План унести из дворца искривитель неповрежденным, похоже, стал неосуществимым. Однако решимость не покинула его.

Патриция Харди пригласила его войти. Она еще продолжала что-то говорить об опасности, которой он подвергается во дворце, когда он вынул из чемодана прочный шнур и начал связывать ее по рукам и ногам. Она пришла в изумление и попыталась выхватить небольшой пистолет из широкого рукава платья. Госсейн отнял оружие и сунул его в карман. Заткнув ей рот и уложив на кровать, он сказал:

— Простите. Но если сюда войдут, вас хотя бы

ни в чем не заподозрят.

Он не намеревался ни извиняться, ни соблюдать правил хорошего тона. Он хотел успеть. Быстро вернувшись в гостиную за чемоданом, он вывалил его содержимое на кровать рядом с девушкой и, схватив атомную пилу, подошел к стене, в которой, по его мнению, находился искривитель пространства.

Ночью он решил, что прибор направлен прямо на Машину, иначе его действие теряло бы силу пропорционально расстоянию.

Вырезав из стены квадрат со стороной восемь футов, он подтащил отвалившийся кусок поближе к балкону. Когда пыль осела, Госсейн увидел перед собой искривитель. Он представлял его совсем иным, более крупным, чем шесть футов в высоту, четыре в длину, полтора в толщину. Обхватив прибор обеими руками — весил он сравнительно немного, фунтов пятьдесят, — Госсейн легко отнес его к кровати и положил на ковер. Перед его глазами замелькали десятки маленьких прозрачных ламп. За несколько сотен лет развития электроники появилось неисчислимое количество самых разнообразных приборов, и уследить за всеми новинками не было никакой возможности. Он вновь взялся за атомную

пилу, чтобы уничтожить искривитель. Затем задумался и, нахмурившись, посмотрел на часы. Без двадцати минут два.

Он осознал, что спешить незачем. Звездолет Прескотта улетел на Венеру, и ничего непредвиденного не случилось.

Он посмотрел за окно: кусты в палисаднике рядом с домом, пустынные аллеи, ведущие к Машине, несколько садовников у цветочных клумб. Машина сияла и переливалась на солнце. Искривитель можно доставить к Машине за несколько минут.

Новое решение пришло ему в голову. Госсейн снял трубку телефона, стоявшего на столике перед кроватью, и, услышав женский голос, сказал:

— Будьте любезны, соедините меня со столярной мастерской.

Через секунду ему ответил ворчливый голос. Госсейн быстро объяснил, что ему требуется. Он был в необычайно приподнятом настроении.

«Все будет в порядке, — подумал он. — Чем непринужденней себя вести, тем больше шансов на успех».

Он вынес искривитель в гостиную. Вскоре раздался звонок, и в комнату вошли пятеро рабочих. Они молча принялись за работу. Бесшумные

пилы, автоматические отвертки — в считанные минуты искривитель был упакован. Двое рабочих, которые до сих пор стояли без дела, подхватили его на руки.

— Через пять минут будет на месте, — сказал один из них.

Госсейн запер дверь и вернулся в спальню. Даже не взглянув в сторону Патриции Харди, он вышел на балкон. Автомобиль с узким деревянным ящиком в кузове ехал по дороге и был уже примерно в четверти мили от дворца. У здания Машины он нырнул в тоннель. Через две минуты он вынырнул, но уже без груза.

Все так же молча он развязал девушку. Но его не покидало смутное чувство, что он делает не совсем то, что нужно.

XXII

Патриция Харди сидела на кровати, растирая онемевшие руки. Ее легкая улыбка привела Госсейна в недоумение. Ему даже показалось, что она подсмеивается над ним, как над мальчишкой, попавшимся на глупой шалости.

— Итак, ваш план не удался, — сказала она.

Госсейн молча уставился на нее.

— Ведь вы пришли сюда, надеясь, что здесь вас убьют, не так ли? — спросила она.

«Не говорите глупостей», — хотел ответить Госсейн, но вспомнил свое нервное состояние, лихорадочную поспешность, разочарование, которые испытал, добившись поставленной цели. Зачем обманывать себя? Голос девушки без жалости продолжал:

— Другой причины нет и быть не может. Вы прекрасно понимаете, что Госсейн-3 появится только после того, как вы умрете. И, не сомневаясь, что ваша безумная затея обречена на провал, явились во дворец, чтобы погибнуть, как подобает мужчине.

Она была права. Ни один нормальный человек не покончит жизнь самоубийством и не отпра-

вится на плаху по доброй воле. «Неужели я верю в существование Госсейна-3? — подумал он. — Да, верю». Он был ошеломлен этим открытием. Не он ли без конца твердил себе, что это невозможно? «Могу ли я покончить с собой? Нет. Но я должен найти выход. Должен!»

Госсейн повернулся и, не говоря ни слова, направился к выходу.

— Куда же вы? — крикнула она вслед.

— В гостиницу. Если я вам понадоблюсь, звоните в любое время.

У дверей он остановился. У него совсем вылетело из головы, что своей выходкой он поставил ее в дурацкое положение.

— Вам придется вызвать рабочих, чтобы привести в порядок стену, — сказал он. — Впрочем, вы лучше меня знаете, что делать дальше. До свидания. Желаю удачи.

Он вышел из дворца и пошел в город. В первой попавшейся аптеке он купил пачку гипнотических таблеток.

— Начинаете готовиться к Играм будущего года? — сочувственно спросил аптекарь.

— Как сказать, — коротко ответил Госсейн.

В студии звукозаписи он взял напрокат магнитофон.

— Примерно на неделю, — сказал он.

— А пленку для записи?

— Да.

— Четыре доллара пятьдесят центов.

В отеле он взял у портье ключ от сейфа, достал оставшиеся деньги и вернулся в холл.

— Месяц тому назад, — сказал он, — меня выгнали из гостиницы, так как я не мог назвать своего настоящего имени. Сейчас мне нужна комната. Я заплачу вперед.

Служащий не раздумывал. Отель был почти пустым. Люди, не выдержавшие испытаний, покинули город. Через две минуты мальчишка-лифтер проводил Госсейна в просторный номер. Тщательно заперев за собой дверь, Госсейн быстро продиктовал в микрофон заранее подготовленные фразы, включил аппарат на повтор, принял гипнотаблетку и лег, не раздеваясь. «Через двадцать четыре часа, — подумал он, — действие лекарства кончится, и тогда…» Он положил маленький пистолет, отобранный у Патриции Харди, на столик рядом с кроватью.

Это был не сон. Скорее, он впал в забытье, чувствуя смертельную усталость, сквозь которую пробивался раздражающий звук… звук его собственного голоса:

«Я — никто. Я ничего не стою. Меня все ненавидят. Нет смысла оставаться в живых. Я никогда ничего не добьюсь. Ни одна девушка меня не полюбит. Я разорен… ни надежды… ни денег… покончи с собой… застрелись…»

На Земле жили миллионы людей, думающих так ежедневно, но они не стояли на ноль-А пути развития. Госсейн надеялся, что его сбалансированная нервная система не выдержит отчаяния, которое он пытался себе внушить. Сознательно бросаясь с высот логики в пропасть отчаяния, он не сомневался, что рука его не дрогнет в нужный момент.

«Какой смысл мне оставаться в живых? Какой смысл… ни надежды… покончи с собой!»

«Меня все ненавидят… ненавидят… ненавидят…»

В течение первого часа в голову лезли посторонние мысли.

«Глупая затея. Мой мозг хорошо тренирован, баланс моей нервной системы нарушить невозможно. Я никто… Ничего не стою. Ни надежды…»

Еще через час откуда-то издалека до него стал доноситься необычный шум. Он становился все громче, иногда заглушая звук его голоса. «Пушки!

Обстрел! — прорвалось в затуманенное сознание Госсейна. — Неужели они напали на Землю?»

Ему стало жутко.

Он не помнил, как встал с постели, как очутился на полу. Он устал, устал! «Я ничего не стою… разорен… ни надежды… покончи с собой…»

Собрав остатки сил, он пополз к окну. И ничего не увидел, кроме соседнего здания. Но теперь он совершенно отчетливо слышал разрывы снарядов. На какое-то мгновение его захлестнуло негодование. Они бомбили Машину!

«Я никто… покончи с собой… Все меня ненавидят… Зачем мне жить?»

Видимо, она начала трансляцию по всём радиостанциям о нападении на Венеру! А заговорщики решили уничтожить ее.

В его номере есть радио! Надо включить… Усталость давила ему на плечи. «Покончи с собой! Ни надежды…» С огромным трудом ему удалось добраться до приемника и повернуть регулятор громкости.

— Преступники… Негодяи…

Несмотря на оцепенение, овладевшее мозгом, Госсейн удивился. И понял: пропаганда. Потоки брани, угроз и обвинений. Машина — чудовище! Механический монстр без души, предательница!

Венерианские бандиты пытались навязать свою волю землянам. Чуждая психология. Смирительные рубашки… истребить… уничтожить…

А на фоне лживых голосов грохотала орудийная канонада. Госсейна потянуло в сон. Надо добраться до кровати. Он устал. Он безумно устал.

— ГОССЕЙН!

Все другие голоса замерли в отдалении.

— ГОССЕЙН, К ВАМ ОБРАЩАЕТСЯ МАШИНА. НЕ КОНЧАЙТЕ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ!

«Покончи с собой! Я — никто. Меня все ненавидят. Зачем мне жить?»

—

ГОССЕЙН,

НЕ КОНЧАЙТЕ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ. ЗАГОВОРЩИКИ УНИЧТОЖИЛИ ВАШЕ ТРЕТЬЕ ТЕЛО. МНЕ ДОЛГО НЕ ПРОДЕРЖАТЬСЯ. ПЕРВЫЕ ПОЛЧАСА МЕНЯ ОБСТРЕЛИВАЛИ ОБЫЧНЫМИ СНАРЯДАМИ, НО СЕЙЧАС МЕНЯ БОМБЯТ ТОРПЕДАМИ С АТОМНЫМИ БОЕГОЛОВКАМИ.

ГОССЕЙН! В МОЕМ ДЕВЯНОСТОФУТОВОМ СТАЛЬНОМ БАРЬЕРЕ УЖЕ ПЯТЬ ПРОБОИН ОТ ТОРПЕД, НАПРАВЛЕННЫХ С ВЕНЕРЫ.

ГОССЕЙН,

НЕ КОНЧАЙТЕ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ. ВАШЕ ТРЕТЬЕ ТЕЛО УНИЧТОЖЕНО. ВЫ ДОЛЖНЫ

НАУЧИТЬСЯ
КОНТРОЛИРОВАТЬ СВОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МОЗГ. Я НЕ МОГУ ПОДСКАЗАТЬ ВАМ, КАК ЭТО СДЕЛАТЬ, ПОТОМУ ЧТО…

Взрыв.

После минутного молчания приемник сказал:

— Леди и джентльмены, Машина только что уничтожена прямым попаданием. Ее неожиданное, коварное нападение на дворец президента…

Щелк!

Он уже давно хотел выключить этот глупый приемник. Только раздражает. И что там болтали о… что-то о… что?

Добравшись до кровати, он улегся поудобнее и на мгновение нахмурился, стараясь уловить смысл сказанного. Что-то важное… Как он устал! «Покончи с собой. Меня все ненавидят. Я разорен… Покончи с собой».

XXIII

Сознание вернулось. Госсейн попытался передвинуть руки. И не смог. Как будто он лежал на руках. «Странная поза», — подумал он в легком раздражении, но понял, что вряд ли будет рассуждать здраво, пока не проснется окончательно.

Внезапно он вспомнил, зачем ему вообще понадобилось снимать номер в отеле. Им должна овладеть жажда смерти! «Самое простое сразу схватить пистолет и пустить себе пулю в лоб», — услужливо подсказал мозг. Но ему вовсе не хотелось умирать. Наоборот, в глубинах сознания росла ясная уверенность в своих силах, чувство оптимизма, убеждение, что ничто на свете не сможет помешать ему. Некоторое время он пытался анализировать, почему у него такое хорошее настроение. Он же вставал с кровати и слышал какой-то шум. Может быть, он тогда случайно выключил магнитофон?

— Не кажется ли вам, — неожиданно прозвучал слева от него женский голос, — что пора проснуться? Действие таблетки давно кончилось.

Госсейн открыл глаза, остатки оцепенения

улетучились. Он действительно лежал на руках, но пошевелить ими не мог. В кресле, рядом с кроватью, сидела Патриция Харди. Она курила и задумчиво смотрела на него. Госсейн хотел подняться, но это ему не удалось, и он откинулся на подушку. Патриция выпустила в потолок струю дыма и продолжала:

— Я надела на вас наручники, потому что знаю, что вы ни перед чем не остановитесь, если вообразите, что я пытаюсь вас обмануть.

Она засмеялась тихим, мелодичным смехом. Госсейн растерянно молчал, не зная, что ответить. Он с удивлением признал, что девушка выглядит не так, как прежде. Изменилось ее лицо. Оно оставалось таким же красивым, но выражение раздраженности — верный симптом психопатии — исчезло. Патриция всегда производила впечатление спокойной, уверенной в себе девушки; Сейчас это впечатление усилилось во много раз. Чудесным образом хорошенькая, но упрямая девочка за одну ночь превратилась в красивую женщину с сильным характером.

— Поговорим серьезно, — сказала она. — Я решила рискнуть, чтобы повидаться с вами. Ведь вы только помогли им, отправив искривитель Машине. Необходимо что-то предпринять.

В наступившей паузе Госсейн собрался с мыслями. «Ни перед чем не остановитесь, если вам покажется, что я пытаюсь вас обмануть». Оценка ситуации правильная. Но кто она такая в конце концов? Почему так непонятно себя ведет? Патриция Харди многое открыла ему, но ни словом не обмолвилась, какое отношение она имеет к ноль-А учению или галактическим агентам. Госсейн внимательно посмотрел на девушку и стал задавать вопросы. Она слушала, не перебивая, потом пожала плечами.

— Все равно я ничего вам не скажу, — ответила она. — Слишком опасно. К тому же время не ждет.

— Ах вот как! — воскликнул Госсейн. — Ничего. Я не тороплюсь. Для начала я хочу знать, действительно ли президент Харди был вашим отцом. Итак?

Молодая женщина вздохнула и закрыла глаза.

— Кажется, мне придется запастись терпением, — сказала она. — Говорю вам, искривитель все еще находится в здании Машины. Его необходимо достать любой ценой. Это один из немногих галактических приборов, которые мы можем предъявить в качестве вещественных доказательств.

— У меня сложилось настолько низкое мнение о людях, которые никого не предупредили о готовящемся вторжении, — ответил Госсейн, — что его неприлично высказывать вслух. — Неожиданно до него дошел смысл сказанного. — Какого доказательства? — переспросил он.

— Вы не должны судить слишком поспешно, — тихо возразила Патриция Харди. — Мы не могли помешать вторжению. Да и кого предупреждать? На Венере нет правительства. Детективные агентства, судебные органы и радиовещание контролировались заговорщиками. Поверьте, мы с Элдредом перебрали множество вариантов, но выхода не нашли. Он предложил решение на будущее. Будет создана новая Машина. Это вполне осуществимо. В Институте семантики уже сконструированы приборы, которые мгновенно определяют физическое и умственное состояние человека, не проводя никаких испытаний. Следовательно, не нужны громоздкие тридцатидневные Игры. Разработаны схемы, способные защитить Машину от постороннего вмешательства в любой форме. — Она перевела дыхание. — Как только вы доставите мне искривитель, я вам все объясню. А сейчас слушайте! В отеле служит один человек, который вам по-

может. Когда я уйду, прочитайте его записку, но знайте, что он не в курсе наших дел. Я оказалась рядом с вами в критический момент, но он спас вам жизнь и совершил невозможное: ни одна живая душа не знает, что вы здесь.

— Гилберт Госсейн, — продолжала она, наклонившись и глядя на него большими голубыми глазами, — потерпите. Я знаю, с вами обошлись грубо. Мы проанализировали ситуацию и пришли к следующему: вы появились в разгар военных приготовлений. Это неприятно удивило Торсона, но убили вас случайно. Затем вы оказались в двух местах, исключительно важных для галактической империи: госпитале Прескотта и доме-дереве Кренга. Вы даже представить себе не можете, как они были напуганы. Торсон стал действовать предельно осторожно. Узнав, что вы не можете использовать свой дополнительный мозг, он позволил Элдреду Кренгу отпустить вас. Тогда мы еще не знали, что Торсон согласился только потому, что его агенты вот-вот должны были обнаружить ваше третье тело. Нам до сих пор неизвестно, где его нашли. Важно другое: после того, как Госсейна-3 уничтожили, вы подвергаетесь смертельной опасности. Они снова объявили ваш розыск.

— То есть как уничтожили? — спросил Госсейн.

Впервые за весь разговор на лице ее появилось растерянное выражение.

— Разве вы ничего не знали? — воскликнула она. — Как же так? — Тон ее резко переменился: — К сожалению, мне некогда. Просмотрите газету. — Она встала с кресла. — Поймите, искривитель необходимо доставить в дом того молодого человека, который работает в отеле. Мы встретимся там завтра, я потом сообщу, когда. — Она достала ключ из сумочки и кинула его на кровать. — От наручников, — сказала она. — До свидания. Желаю удачи.

Дверь бесшумно закрылась.

Госсейн освободил руки, уселся на край кровати и задумался. «О чем она говорила? Какая-то записка». Он окинул взглядом комнату и увидел на небольшом бюро газету и лист бумаги. Перегнувшись через кровать, он взял его и, все еще удивляясь, начал читать:

«Дорогой мистер Госсейн, когда передавали последние известия, я понял, что вас будут искать, и немедленно уничтожил вашу регистрационную карточку, а потом выписал на ваш 974 номер другую, под первым попавшимся именем: Джон

Уэнтворт.

Когда мое дежурство закончилось, я попытался предупредить вас, но так как вы не открывали, воспользовался запасным ключом. Вы лежали, не двигаясь, и слушали включенную на повтор запись. Я ее стер и сделал новую, чтобы нейтрализовать депрессивное воздействие первой.

Когда я заходил к вам в последний раз, я выключил магнитофон, потому что по вашему лицу было видно, что вы полны оптимизма. Надеюсь, мне удалось вернуть вам равновесие, ведь для борьбы вам потребуются все силы.

Это написано человеком, который мечтает принять участие в Играх следующего года, на которого вы можете положиться и который не боится подписаться.

С пожеланием всего самого доброго.

Дан Литтл.

P.S. Я зайду к вам после дежурства сегодня в полночь. Прочитайте сегодняшнюю газету. Тогда вам станет более понятен смысл моей записки.

Д. Л.»

Госсейн потянулся за газетой и разложил ее прямо на одеяле. Крупный шрифт заголовка бросился ему в глаза: «МАШИНА ИГР УНИЧТОЖЕНА».

Дрожа от возбуждения, он принялся читать,

пропуская отдельные слова.

«…Открыла огонь по дворцу и… Все радиостанции одновременно сообщили о загадочном нападении на Венеру (никакого нападения… не было. См. радиоотчет, стр. 3). Принято решение… сразу же вслед за убийством президента Харди… доказательством того, что Машина поддерживала связь… уничтожена».

«…в течение часа… Машина передавала на всех волнах… непонятное обращение к Гилберту Госсейну, фотография которого… странице… ранее отпущенного на свободу… Задержать до выяснения обстоятельств… Подлежит аресту, где бы ни находился…»

Читая статью, Госсейн медленно, слово за словом, вспоминал, что сказала ему Машина. В волнении он посмотрел на фотографию. Собственное лицо показалось ему странным.

Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что это лицо трупа Гилберта Госсейна-1.

Он мрачно улыбнулся, отложил газету и перебрался в кресло. Он чувствовал сильную слабость, но в душе его нарастало возмущение Машиной, которая приказала ему покончить жизнь самоубийством. «Ваше тело уничтожено!» Она просто не имела права ничего предпринимать,

если не была обеспечена безопасность Гилберта Госсейна-3.

А ведь он чуть было не застрелился. Смерть стояла за спиной, и он еще не совсем оправился от нервного шока.

Постепенно гнев его остыл. Вздохнув, Госсейн начал разбираться в сложившейся ситуации. «Прежде всего, — подумал он, — необходимо завладеть искривителем. Потом научиться управлять своим дополнительным мозгом».

Или это невозможно? Ведь до сих пор его многочисленные попытки ни к чему не привели. Он иронически улыбнулся.

— Хватит загонять себя в угол, — громко проговорил он. — Пора приниматься за дело.

Сейчас главное — не забывать о мелочах. Он отключил экран видеофона — кто знает, когда меняются дежурные, — и набрал номер. Ему ответил приятный мужской голос.

— Вас беспокоит Джон Уэнтворт, — сказал Госсейн.

После короткой паузы дежурный ответил:

— Да, сэр. Как вы себя чувствуете? Говорит Дан Литтл. Я сейчас приду, сэр.

Госсейн ждал его, сидя в кресле. Он хорошо запомнил худощавого невзрачного юношу с

приятными чертами лица и черными волосами, который предложил ему расписаться в регистрационной книге. Когда Литтл вошел, он показался Госсейну еще более худым. Справится ли он с трудной ролью, которую предназначила ему Патриция Харди? Однако сдержанное поведение и непринужденные манеры молодого человека говорили о том, что он стоит на ноль-А пути развития.

— У меня мало времени, — сказал Литтл. — Я должен вернуться на свое место.

Госсейн нахмурился.

— Думаю, — произнес он, — что каждому из нас надо взять на себя определенный риск. Мне кажется, заговорщики первым делом полностью демонтируют Машину, чтобы и памяти о ней не осталось. Если бы передо мной стояла такая задача, я бы опубликовал во всех газетах сообщение, что любой человек может бесплатно забрать из здания приборы, оборудование и материалы.

Глаза Дана широко раскрылись.

— Точно! — восхищенно сказал он. — Говорят, восьмая часть Машины уже разобрана и… Что с вами?

Госсейн никак не смог справиться с охватившим его волнением. Машины больше не

существовало! Час за часом ее растаскивали по кускам. Как соборы и храмы давно минувших эпох, она была историческим памятником, олицетворяла собой стремление человечества к идеалу. Ему стоило усилий взять себя в руки.

— Нельзя терять ни минуты, — быстро сказал он. — Если искривитель еще там, надо срочно забрать его.

— Я не могу уйти раньше полуночи, — возразил Литтл. — Нам приказано оставаться на местах, и, кроме того, все гостиницы города взяты под наблюдение.

— У вас есть робоплан?

— Да. Посадочная площадка на крыше, но я умоляю вас… — Голос его пресекся от волнения, — не ходите туда. Вас сразу же арестуют.

Госсейн задумался. Прошло то время, когда он слепо выполнял указания и спрашивал советов. Но в данный момент другого пути не было. Он неохотно согласился.

— Ладно, возвращайтесь за стойку, — спокойно сказал он. — В нашем распоряжении еще пять часов.

Дан Литтл покинул комнату так же бесшумно, как вошел.

XXIV

Госсейн заказал обед в номер. Когда официант накрыл на стол, он уже решил, как проведет вечер. Заглянув в телефонный справочник, он снял трубку.

— Соедините меня с ближайшей фонотекой, — попросил он. — Мне нужна видеозапись…

На экране возник робот, и Госсейн объяснил, какой материал ему необходимо подобрать. Удобно усевшись в кресле, он принялся за еду, слушая голос диктора и глядя на иллюстрации к тексту. Возможно, какая-нибудь фраза натолкнет его на мысль, как научиться управлять дополнительным мозгом. Правильно ли понял его библиотекарь, пока еще оставалось неясным. Когда речь пошла об угнетении и возбуждении нервных клеток простейших форм жизни, Госсейн стал слушать внимательней. Все равно ждать еще долго.

Лектор говорил о развитии нервной системы живых организмов на Земле, об условных рефлексах. Червь двести раз подряд натыкался на заграждение под током, прежде чем повернуть в сторону, а во втором опыте уполз уже через

шестьдесят раз. Щука, отделенная от пескаря невидимым экраном, едва не разбила себе голову, пытаясь схватить его, в результате она перестала обращать на пескаря внимание даже после того, как экран убрали. Свинья взбесилась, когда корыто с кормом поместили в лабиринт.

Одно за другим на экране появлялись изображения: червь, щука, бьющаяся головой об экран, визжащая свинья, потом кошка, собака, койот и обезьяна. Все это Госсейну было знакомо.

Лектор продолжал:

— Сейчас мы перейдем к мозгу человека. Но прежде следует обратить внимание на ограничение в деятельности мозга животных — его можно отчетливо видеть во всех экспериментах: животные воспринимают внешний мир очень конкретно, очень узко. Щука помнила только болевое ощущение и вела себя соответственно, не реагируя на то, что экран снят. Койот не сумел отличить ружья от фотоаппарата в руках человека: Животные не воспринимают изменений, если обстановка остается похожей на прежнюю. В истории развития человеческого разума, уже осознавшего, что он стоит на самой высокой ступени эволюции, длительный период занимает история грубой реакции масс, в основе которой

лежит то же самое узкое восприятие внешнего мира, которое характерно для животных.

С другой стороны, ноль-А путь развития заключается в стремлении человека овладеть своим разумом и научиться различать одинаковые и тем не менее отличающиеся предметы или события в пространстве-времени. Любопытно, что все научные эксперименты нашего просветительного периода ставят перед собой задачу добиться как можно большего сходства и точности в методах, времени, даже структуре материалов. Можно даже сказать, что ученые стремятся к…

Госсейн слушал невнимательно, ожидая, когда наконец лектор перейдет к самому главному. Внезапно он вздрогнул. Что он сказал?

Он поудобнее уселся в кресле, расслабился и начал тщательно обдумывать услышанное. Но не выдержал, возбужденно зашагал по комнате, пораженный своим открытием. «Наука ставит перед собой задачу добиться как можно большего сходства…» Вот оно. Самый простой путь научиться контролировать свой мозг.

Если применить грубое сравнение, память можно уподобить записи на магнитофонной ленте. В любой момент ее можно перемотать и прослушать еще раз. Но в памяти человека собы-

тия отражаются только в его личном восприятии. Если он не понимает какого-то закона природы, он не может узнать его, то есть отождествить. Значит, надо уметь абстрагироваться от своего восприятия и, согласно доктринам семантики, посмотреть на себя со стороны как экспериментатор на щуку.

…Возможен ли другой путь? Нет, его вывод логичный, следовательно, правильный. Что же дальше?

Он услышал бой часов и весело тряхнул головой. Пришла пора действовать.

Наступила полночь.

XXV

Множество автомашин у обочины, фигуры людей, мелькающие в неярком свете фонарей, атмосфера суеты. Госсейн и Литтл оставили машину примерно в миле от центрального прожектора и, смешавшись с толпой, пошли вперед. Самым трудным было протолкаться сквозь огромную массу людей, глазевших на происходящее.

Даже человеку, овладевшему началами ноль-А логики, трудно было представить себе этот огромный барьер, состоящий из отдельных личностей, каждая из которых была неповторимой.

Толпа колыхалась волнами. Изредка слышался крик человека, не выдержавшего давки. Толпа напоминала снежный ком, лавиной свергнутый с горы. Многие падали, сбитые толпой с ног. Как любопытная женщина, толпа поднималась на носки, чтобы насладиться зрелищем пира на развалинах разума человечества. Десятки робопланов с захваченной добычей летели над головами людей, грузовики с яркими фарами проносились по дороге, едва не задевая край толпы, и она, как женская юбка, стремительно подбиралась при опасности.

Госсейн и Литтл медленно продвигались вперед. Им приходилось напрягать все силы, чтобы увернуться от грузовика или занять освободившееся пространство. Госсейн не удивлялся, что они пробираются все дальше и дальше. По какому-то необъяснимому закону психологии человек, поставивший перед собой цель, подвергался куда меньшей опасности, чем тот, кто слонялся без дела. Трус умирает много раз. Однажды им долго пришлось стоять на месте, пропуская бесконечную вереницу ревущих грузовиков.

— Мы на окраине города! — прокричал Госсейн. — С другой стороны холма, наверное, никого нет. Возвращаться будем в обход.

Они подошли вплотную к стальному ограждению, сдерживающему натиск толпы. Охранники, размахивая оружием, пресекали все попытки перебраться за ограждение.

Пришлось рисковать.

— Держитесь ближе к дороге! — крикнул Госсейн. — Они не посмеют стрелять в грузовики!

Они выбежали на открытое место, и к ним сразу же кинулись двое солдат. Пистолеты сверкнули отраженным светом. Не колеблясь, Госсейн несколько раз нажал на курок, и оба охранника свалились, как мишени на стрельбище. Он бежал

вслед за Литтлом, сам не понимая, что произошло. Никогда в жизни он не мог допустить и мысли об убийстве человека, хотя ему предоставлялась такая возможность. «Эти люди всего лишь символы, — холодно подумал он. — Символы разрушения. В них нет ничего человеческого, они варвары, уничтожающие беззащитных и обездоленных. О них надо забыть». Он остановился. Перед ним возвышалась Машина.

Госсейн пытался убедить себя, что плоды десятилетий творческого труда невозможно уничтожить за одни сутки. В какой-то степени так и было. Но здание оказалось не таким большим, как он ожидал. Основное разрушение произвели атомные торпеды. В изуродованных стенах зияли безобразные отверстия диаметром в тридцать, пятьдесят и девяносто футов, торчали обрывки проводов — нервной системы умершей Машины.

Впервые Госсейн подумал о ней как о живом существе, которое внезапно скончалось. В конце концов, что такое разумная жизнь, если не чувствительная нервная система и не память о пережитом? За всю историю человечества не было личности, которая обладала бы большей памятью и знаниями о человеке и человеческой

природе, чем Машина. Как издалека услышал Госсейн крик Дана Литтла:

— Скорее! Здесь задерживаться нельзя!

Госсейн послушно пошел вперед, двигаясь, как в тумане. Он не мог думать о чем-то другом. Машину растаскивали по деталям. Целые секции уже увезли, увозили, собирались увозить. Люди с приборами, инструментами, металлическими пластинами выбегали из темных коридоров. Госсейн замер, пораженный этим зрелищем, и в очередной раз осознал, что стал свидетелем конца целой эры.

Литтл потянул его за рукав, и это простое движение подействовало на Госсейна лучше всяких слов. Очнувшись, он торопливо пошел вперед, стараясь не попадать в свет прожекторов.

— Нам сюда, — сказал он, огибая здание, и направился к сорванным с петель воротам, в которые въехал грузовик с искривителем. Они вбежали в тоннель. Здесь было не так шумно, хотя работа кипела.

Шипели атомные пилы, звенел металл, люди суетились, торопясь поскорее отхватить лакомый кусок. Они вошли в широкий подвал с дюжиной грузовиков, стоявших у разгрузочной платформы. В полумраке подвала можно было различить

фигуры людей, согнувшихся под тяжестью ухваченной добычи.

В самом конце просторного помещения они нашли ящик с искривителем, как бы ожидавший, когда за ним придут. На нем крупными черными буквами было написано: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ. ИНСТИТУТ СЕМАНТИКИ. ПЛОЩАДЬ КОРДЖИБСКОГО. ГОРОД.

Обратный путь они проделали быстро. Шум затих в отдалении, свет прожекторов заслонил пик холма. Они ехали в Город, к небольшому уютному дому Дана. Госсейн надеялся, что их встретит Патриция, но этого не произошло.

Он забыл о ней, как только они распаковали искривитель. Положив его на пол, он разглядывал запутанное переплетение электронных трубок и ламп. Неземной металл, уничтоживший мир землян, ярко сверкал. Этот прибор помог агентам галактического правителя занять на Земле самые высокие посты и долго оставаться неразоблаченными. Его вмешательство и захват искривителя ускорили развитие кризиса, который переживал мир ноль-А. После вторжения на Венеру война перекинулась на Землю.

Плохо это или хорошо, но уже началась или вот-вот начнется ожесточенная битва между

силами захватчиков и людьми, которые в состоянии противопоставить им лишь свой ноль-А путь развития. Госсейна охватило отчаяние. Если рассуждать логично, битву заранее можно считать проигранной. Он посмотрел на Литтла. Молодой человек еле держался на ногах. Поймав на себе взгляд Госсейна, он выпрямился.

— Я так волновался, — признался он, — что всю предыдущую ночь не сомкнул глаз. Совсем вылетело из головы, что хотел купить сегодня пачку таблеток антисон.

— Ложитесь и постарайтесь уснуть, — ответил Госсейн.

— Тогда я пропущу самое интересное. Ни за что!

Госсейн улыбнулся. Он объяснил, что исследование искривителя займет много времени.

— Прежде всего необходимо обнаружить источник энергии, научиться включать и выключать прибор. Мне потребуются инструменты, хотя бы самые простые, которыми вы пользовались, когда сдавали курс ноль-А физики. Где у вас мастерская? И не волнуйтесь, спите спокойно.

Он остался один. Спешить было некуда. До сих пор торопливость не дала никаких результатов. Мир, который он хотел спасти, рухнул у него на

глазах.

С чего же начать? Нужна зацепка, хоть небольшая. Ключик, который поможет раскрыть тайну искривителя. Патриция говорила, что им разрешено пользоваться только для транспортировки. Не совсем понятно, ну да ладно. Он взял энергосканер с датчиком и посмотрел в увеличитель.

Прежде всего необходимо найти провода под нагрузкой и какой-нибудь крупный узел. Ведь искривитель пространства был включен. Госсейн даже вздрогнул от изумления. Он не сомневался, что Машина первым делом выключит прибор, а потом уже начнет передавать сообщение о вторжении на Венеру.

Прошло десять напряженных минут, а он так и не понял, где находится основной источник питания. Машина с помощью специальных приспособлений быстро разобралась бы, что к чему. У Госсейна такой возможности не было. К тому же он обещал Литтлу, что все исследования они проделают вместе. Госсейн подумал и тоже решил лечь спать. Вполне возможно, что утром к ним придет Патриция Харди.

Он проснулся в четыре часа дня. На — кухонном столе лежала записка, в которой Литтл сообщал, что его автомобиль остается в полном распоря-

жении Госсейна. В конце он писал:

«…по радио передавали о „враждебно настроенных элементах“, которые саботируют „мирное производство“ и должны быть „безжалостно искоренены“ силами „охраны порядка“.

Если проголодаетесь, в доме полно всякой всячины.

Буду в 12.30.

Дан Литтл».

Наскоро перекусив, Госсейн вернулся в гостиную. Он был недоволен. «Не так уж трудно найти меня, — подумал он. — По крайней мере два человека в городе знают, где я нахожусь».

Нельзя сказать, чтобы он не доверял Патриции или Литтлу. До сих пор все поступки говорили о порядочности этих людей. Но в который раз он зависел от других. Допустим, что-нибудь сорвется. Допустим, как раз в эту минуту Патриция Харди давала вынужденные показания о том, где скрывается Госсейн.

Пока не стемнеет, выходить на улицу нельзя. Оставалось только заняться искривителем. Он встал на колени и осторожно дотронулся до углового рычага, возвышающегося над остальными лампами и трубками. Он не мог даже предположить, что может произойти, но при-

готовился к худшему. Рычаг оказался теплым. Госсейн несколько раз провел по нему пальцем, все так же осторожно и чувствуя себя несколько смущенным из-за этого. «Если меня обнаружат, — подумал он, — я разобью эти лампы, насколько сумею, чтобы захватчики не получили исправный прибор».

Он проверял искривитель сканером, когда раздался звонок телефона. Голос Дана срывался.

— Я говорю из автомата. В только что вышедшей вечерней газете напечатано, что полтора часа назад Патриция Харди арестована — это просто чудовищно! — по подозрению в убийстве своего отца. Мистер Уэнтворт, — вопрос Литтла прозвучал до странности робко, — сколько времени потребуется, чтобы заставить ноль-А человека заговорить?

— Кто знает, — ответил Госсейн. Его бросило в озноб. Пока что Торсон не допустил ни одной ошибки, — Послушайте, — после короткой паузы сказал он, — решайте сами, стоит вам оставаться на работе до полуночи или нет. Если вам есть куда пойти, уходите немедленно. Если вам кажется, что вы можете вернуться домой, будьте предельно осторожны. Скорей всего я оставлю искривитель у вас. Сначала я попробую вынуть

из него кое-какие детали, а затем… впрочем, неважно. Следите за объявлениями в газетах, подписанными «Гость» и «Знакомый». И большое вам за все спасибо, Дан.

Он подождал и, не услышав никакого ответа, разъединил связь. Он вернулся к искривителю, дотронулся до углового рычага, который примерно на дюйм выступал над корпусом прибора, и потянул его вверх. Никаких последствий. Он толкнул рычаг от себя, полагая, что необходимо сначала освободить какие-то пружины, которыми он крепился. Раздался щелчок, и рычаг плавно ушел внутрь. В тот же момент комната поплыла, воздух задрожал, как поверхность воды, в которую бросили камень. Голову сковала боль. Он хотел нащупать рычаг и вернуть его в прежнее положение, но горячий металл обжег ему руку. По-видимому, на какое-то мгновение Госсейн потерял сознание, потому что очнулся от боли и понял, что, падая, ударился об искривитель. Им овладело необычное ощущение…

Госсейн открыл глаза. Он лежал на боку в полной темноте, вдыхая знакомый, не лишенный приятности, но тяжелый запах живого дерева. Он понял, куда попал, хотя с трудом поверил, что не спит. Так пахло только в доме Кренга.

Госсейн с трудом поднялся и чуть не упал, споткнувшись о какой-то металлический предмет. Он протянул руку вперед и уперся в гладкую, уходящую вверх, стену. Сомнений не оставалось. Он находился в тоннеле, среди корней гигантского дерева на Венере.

XXVI

Возбуждение, вызванное открытием, сменилось апатией. Чувствуя слабость в ногах, он тяжело опустился на деревянный пол. Руки дрожали.

Темнота угнетала, давила, мешала собраться с мыслями.

«Я могу, — сказал себе Госсейн, — две недели обходиться без пищи и три дня без воды».

Он с удивлением понял, что не считает свое положение безвыходным, хотя и очутился в запутанном темном лабиринте. Вряд ли искривитель транспортировал куда угодно. По-видимому, где-то поблизости находится станция, до которой нетрудно добраться.

Он уже совсем собрался отправиться в путь, когда вдруг осознал, какое необычайное происшествие он пережил. Несколько минут тому назад он был на Земле. Сейчас — на Венере.

Что говорил Прескотт? «Если две энергии совпадают по своим показателям до двадцатого десятичного знака и действуют в одном пространстве, наибольшая из них перекроет расстояние между ними, хотя это произойдет не мгновенно,

а на сверхсветовых скоростях».

С точки зрения Госсейна, его перемещение произошло мгновенно. Должно быть, искривитель совместил сгусток высокоорганизованных энергий его тела с участком тоннеля в дереве, и большее перекрыло пространство в стремлении к меньшему.

Госсейн встал. «В конце концов я попал туда, куда хотел, на Венеру», — подумал он. На душе стало легче. Он наделал множество глупостей, но остался в живых. На ошибках учатся. Ему удалось многое узнать, и если он будет придерживаться своего плана, то постепенно научится контролировать дополнительный мозг. Рано или поздно он станет новым человеком.

Небольшой отдых прибавил сил, позволил сделать необходимую ноль-А паузу, чтобы нервная система приспособилась к сложившейся ситуации. Госсейн был абсолютно спокойным.

Он вспомнил, что споткнулся о какой-то предмет, и, несмотря на темноту, нащупал его за несколько секунд. Ну конечно, искривитель пространства. С крайней осторожностью он дотронулся до каждого из четырех угловых рычагов по очереди. Один из них так и остался в крайнем нижнем положении. Госсейн задумался. Прибор

должен подчиняться определенной программе. С одной стороны, он препятствовал правильному функционированию Машины, с другой — транспортировал в отдаленные уголки Солнечной системы, возможно, в ключевые пункты заговорщиков: в штаб, на базу, на склад атомных торпед.

Перед ним открывались самые широкие возможности. Сейчас необходимо выбраться из лабиринта, а там будет видно. Он поднял искривитель на плечо. «Пройду тысячу шагов в одном направлении, — решил он, — потом вернусь и сделаю тысячу шагов в другом. Вряд ли мне придется ходить долго».

Примерно через триста шагов он увидел впереди слабое мерцание. Круто изгибаясь, тоннель сворачивал еще трижды, постепенно приближая Госсейна к невидимому источнику света.

Он подошел к ограждению.

Положив прибор на пол, Госсейн осторожно приблизился к металлическим прутьям, опустился на колени и посмотрел вниз.

Он стоял на краю гигантского котлована. Его покатые стены тускло блестели в свете атомных ламп, расположенных по всему периметру на равном расстоянии друг от друга. Половину кот-

лована занимал космический корабль.

О таком звездолете на Земле могли только мечтать. Рассказать о нем — никто не поверит. Любой здравомыслящий человек отнесется к подобного рода уверениям, как к заявлению внезапно свихнувшегося инженера, который пришел домой после работы над обычным девяностофутовым межпланетным лайнером и сообщил своей жене: «А теперь, дорогая, я беру отпуск на пятьсот лет, нанимаю миллион чертежников и начинаю конструировать межзвездный корабль в две мили длиной».

Звездолет в ангаре был чуть меньших размеров. Горбатый, как акула, он не доставал до потолка всего футов на сто. Рядом мог бы поместиться еще один корабль, но тогда они заняли бы все помещение в милю шириной.

С расстояния в две трети мили Госсейн не мог различить детали, но ясно видел фигурки людей внизу под самым днищем. Он догадался, что они занимаются погрузкой, передавая по живому конвейеру ящики.

По-видимому, корабль готовился к отлету. Постепенно людей становилось все меньше. Затих далекий шум разговоров, прекратилось движение, наступила полная тишина. Госсейн ждал.

Сейчас на Венере, конечно же, ночь. Темнота необходима, чтобы старт остался незамеченным. Через мгновение потолок пещеры раскроется. Наверху, конечно, самая обычная лужайка. Все продумано до мелочей.

Ослепительно сверкавшие прожекторы разом погасли. Тоже разумно. Яркий свет привлекает внимание, а чувствительные детекторы наверняка нацелены в небо, чтобы не пропустить ни одного звездолета с Земли, ни одного неопознанного робоплана.

Но Госсейн ошибся. Космический корабль начал светиться зеленоватым матовым светом, от которого слегка помутилось в глазах, заболела голова.

Госсейн вспомнил, что подобное ощущение он испытал, включив искривитель. «Звездолет настроен на одну из галактических баз, — подумал он. — Никаких отверстий в потолке нет». Неприятные ощущения прошли так же внезапно, как начались. Зеленоватое сияние вспыхнуло и погасло. Гигантский звездолет исчез.

В пещере зажглись четыре прожектора, как миниатюрные солнца, но их яркий свет не проникал в самые отдаленные уголки, и они оставались в полумраке.

Госсейн взял искривитель и пошел вдоль ограждения. Он плохо представлял себе, что делать дальше, но спускаться в котлован не собирался. Должен же быть какой-нибудь другой выход из лабиринта. Лестница, лифт — что угодно.

Он оказался прав. Через некоторое время он подошел к шахтам лифтов, но только в двух из них стояли кабины. Не раздумывая, он потянул к себе ближайшую ручку. Дверь бесшумно и плавно открылась. Госсейн смело вошел в кабинку и уставился на панель управления. Вместо привычных кнопок он увидел перед собой двенадцать изогнутых рычагов. Госсейн побледнел. Он стоял в кабине искривителя! С его помощью можно переместиться не только вверх или вниз, а попасть в самые отдаленные пункты. Застонав от огорчения, он посмотрел внимательней и с облегчением увидел, что каждый рычаг указывал какое-то определенное направление. Госсейн решился. Приходилось рисковать. Он нажал на рычаг со стрелкой, направленной вверх.

На этот раз он старался разобраться в своих ощущениях, но не смог. Все его чувства на миг отключились, он не ощутил никакого движения. Когда головокружение прошло, он осмотрелся.

Он по-прежнему находился внутри дерева, в

просторном помещении с неровными стенами и куполообразным потолком. В небольшое отверстие сбоку видно было небо Венеры.

Госсейн отнес искривитель в один из темных углов и стал осторожно продвигаться к светлому отверстию. Подъем становился все круче, а коридор сужался. Очень скоро ему стало ясно, что с искривителем тут не пробраться. Это было неприятное открытие, но в конце концов важно было связаться с жителями Венеры, а после искать возможность вынести прибор.

Последнюю треть пути пришлось преодолевать ползком, хватаясь за подгнившие выступы и подтягиваясь на руках. Сквозь дупло с рваными краями, наверняка не единственное в гигантском стволе, он выбрался на нижнюю ветку дерева и остановился, переводя дыхание.

Справа от него стеной стоял лес, слева виднелась большая опушка, по-видимому, расположенная над ангаром. Госсейн запомнил ориентиры и двинулся в путь.

Он чувствовал прилив сил. Широкие ветви деревьев росли так близко одно к другому, что создавалась сравнительно ровная поверхность. Шагая по ним, как по проспекту, Госсейн испытывал редкое наслаждение. Жители этой планеты,

должно быть, тоже любили такие прогулки. Он так и пойдет, от дерева к дереву, и миль через пять…

Кора под его ногами неожиданно провалилась. Он рухнул вниз, на твердое дно колодца. В ту же секунду люк над его головой закрылся, оставив его в полной темноте, а пол резко накренился. Госсейн неудержимо скользил по крутому склону. Он опять попал в западню.

Но сдаваться без борьбы он не хотел. Уже падая, он все еще старался использовать малейшую возможность, чтобы задержаться, как-то встать, ухватиться за любую шероховатость в стене. Тщетные усилия. Футов через тридцать его бросило в сторону, и пол с легким щелчком поднялся, превращаясь в потолок. Но и тогда он не сдался. Присев на корточки, он изо всех сил прыгнул вверх, но ощутил под пальцами лишь пустоту. Он приземлился на согнутые ноги, чтобы не потерять равновесие, и заставил себя расслабиться, успокоиться, прекрасно понимая, что если выход существует, он обязан найти его именно сейчас, пока не поздно. Значит, нужно немедленно сделать ноль-А паузу и призвать на помощь логику.

Без сомнений, ловушка автоматическая и реагирует на тяжесть. Кора провалилась, когда

он наступил на нее, пол накренился по той же причине. Но ловушка, конечно же, соединена с системой сигнализации. Значит, времени в обрез. Когда проверяющие явятся сюда, вырваться будет невозможно.

Став на колени, он ползком двинулся по полу. Через несколько секунд он нащупал ковер, затем шкаф, столик, кресло и кровать. Спальня. Значит, можно зажечь свет. Он поднялся на ноги и, на мгновение задумавшись, щелкнул выключателем. С момента падения Госсейна прошло три минуты.

Он с интересом разглядывал помещение. Неплохо. Две широкие кровати розового дерева в нише, за ней — гостиная, обставленная не хуже, чем в доме Кренга. Картины на стенах он рассмотреть не успел — медленно открылась дверь. Выхватив пистолет, Госсейн отступил.

Перед ним стоял робот с бластером в руке. Из-за его спины прозвучал голос Торсона.

— Бросьте оружие, Госсейн, и не вздумайте сопротивляться. Это бессмысленно.

Ему оставалось только подчиниться. Солдаты тщательно обыскали его. Робот исчез, и в открытую дверь прошел Джим Торсон.

XXVII

Звездолет доставил посла Галактической Лиги на планету Звериная. Металлическая посадочная площадка располагалась на вершине горы. Посол стоял у парапета огромного здания космодрома и печально смотрел на джунгли, раскинувшиеся внизу.

«Должно быть, — подумал он, — меня собираются пригласить охотиться вместе с этими, — он поискал подходящее слово, — с этими извращенцами, которые лишены чувства меры и охотничьи домики которых величиной могут поспорить с городом».

За его спиной произнесли:

— Прошу сюда, господин посол. Охота начнется через час. Энро согласился выслушать вас по дороге.

— Передайте господину министру иностранных дел Империи, — начал посол официальным тоном, — что я только что прибыл и…

Он замолчал. Отказ, готовый сорваться с губ, не был бы правильным ходом, а успех миссии зависел от такта и терпения. Ни один представитель Лиги не мог рассчитывать на успех, если бы

отклонил приглашение императора шестидесяти тысяч звездных систем. Тихим голосом посол закончил фразу:

— …Я буду готов вовремя.

Это было кровавое зрелище. У каждого охотника был свой робот. Для каждого зверя было приготовлено особое ружье, которое роботы без шума и суеты подавали охотнику. Опасных зверей окружали энергетическим экраном, чтобы охотники могли не спеша целиться в самые уязвимые места.

Красивое животное с серебристой шкурой и копытами поняло после первой попытки, что ему некуда деться. Припав к земле, оно жалобно завыло. Его убил сам Энро, попав точно в глаз. Несколько секунд зверь катался по траве, жалобно скуля и дергаясь, потом затих. Представление окончилось.

Они вернулись во дворец, который одновременно являлся охотничьим клубом и министерством иностранных дел. Рыжеволосый гигант подошел к послу Галактической Лиги.

— Прекрасный спорт, — проворчал он. — Вы не находите? Я заметил, вы не стреляли.

— Я первый раз на охоте, — признался посол. — Поразительное зрелище.

Он не солгал. Это действительно было поразительно, ужасно, омерзительно, не поддавалось никакому описанию. Краешком глаза он заметил, что гигант иронически уставился на него.

— Представители Лиги все одинаковы, — заявил Энро. — Горстка жалких... — Он умолк, видимо, тоже не желая обострять отношения. — Слишком миролюбивые! — сказал он.

— Вы не должны забывать, — холодно ответил посол, — что Лига была организована девятнадцатью галактическими содружествами, которые в древности отдали дань бессмысленным войнам, ни к чему не ведущим и только уничтожающим людей. Основной закон Лиги — мир. Это настолько прочно укоренилось в нашем сознании, что мы не можем думать иначе.

— Мне иногда кажется, — с гордостью произнес Энро, — что я предпочитаю войну, пусть самую разрушительную.

Посол промолчал, и через некоторое время Энро, глубокомысленно покусывая нижнюю губу, резко спросил:

— Итак, что вам угодно?

— Недавно мы узнали, — дипломатично ответил посол, — что ваше министерство путей сообщения несколько переусердствовало.

— Не понял?

— Я имею в виду звездную систему, которую ее разумные обитатели называют Солнечной.

— Название ни о чем мне не говорит, — сухо ответил Энро.

Посол наклонил голову.

— Несомненно, сведения хранятся в вашем архиве, да и сама проблема достаточно проста. Примерно пятьсот лет тому назад ваше министерство создало там транзитную базу без разрешения Лиги. Солнечная система была открыта после подписания нами соглашений о разведке и эксплуатации новых звездных систем.

— Гм-м!

Взгляд императора стал еще более ироничен, и посол подумал: «Энро все знает!»

— Вы хотите сказать, что привезли нам разрешение оставить базу на месте? — спросил гигант.

— Ее надлежит немедленно свернуть, — твердо ответил посол Лиги, — согласно пунктам договора.

— Стоит ли ломать копья, — задумчиво произнес Энро. — Оставьте памятную записку секретарю министра, и я посмотрю, что можно сделать.

— Можно ли считать вопрос решенным? —

спросил посол. — Вы свернете базу?

На лице Энро не дрогнул ни один мускул.

— Не обязательно. В конце концов, прошло много времени. Нам придется подбирать место для другой пересадочной станции. Если это окажется невозможным, мы обратимся к Лиге с просьбой разрешить нам пользоваться базой и впредь. Такие инциденты могут произойти где и с кем угодно — галактика велика. Мне кажется, тут надо действовать гибко и не забывать о прогрессе.

Посол, в свою очередь, иронически посмотрел на императора.

— Я уверен, Ваше Превосходительство первый заявили бы Лиге протест, если бы кто-нибудь вознамерился случайно присоединить к своим владениям еще одну звездную систему. Законы Лиги ясны. Сделавший ошибку обязан ее исправить.

Энро вспыхнул.

— Я вынесу этот вопрос на обсуждение на следующем заседании Лиги.

— Но оно состоится только через год.

Казалось, Энро не расслышал.

— Кажется, я припоминаю, — сказал он. — Маленькая система с кровожадными обитателями. Сейчас там творятся какие-то беззакония

— может быть, даже идет война. Он хмуро улыбнулся. — Мы попросим разрешения примирить враждующие стороны. Уверен, что делегаты Лиги одобрят столь разумный подход к делу.

XXVIII

Госсейн мрачно смотрел, как его враг входит в комнату. Лучше бы это был Кренг или, на худой конец, Прескотт. Но перед ним стоял Джим Торсон — гигант с тяжелыми чертами лица, серо-зелеными глазами и ястребиным носом. Губы его слегка кривились в усмешке, ноздри раздувались. Наклонив голову, он кивнул, приглашая Госсейна сесть в кресло, но сам остался стоять и с некоторым участием спросил:

— Вы не ушиблись при падении?

Госсейн пожал плечами.

— Нет.

— Рад слышать.

Наступило молчание, которое позволило Госсейну собраться с мыслями. Он постепенно успокаивался: человек во вражеском логове находится в постоянной опасности. К тому же он считал, что принял правильное решение отправиться к жителям Венеры.

Он сосредоточился, оценивая обстановку. Как ни странно, но До сих пор все его встречи с Торсоном кончались довольно благополучно. С самого начала он возражал против убийства Госсейна, а

потом согласился отпустить его на свободу. Судя по всему, сейчас он тоже собирался сообщить нечто важное.

Торсон провел рукой по подбородку.

— Госсейн, — проговорил он, — наше вторжение на Венеру находится в несколько странной стадии. Я бы даже сказал, что оно провалилось… Ага, я так и думал, что это вас заинтересует! Не бойтесь, у нас хватит и сил, и возможности успешно завершить операцию, но тем не менее ее исход целиком зависит от того, согласитесь вы на мое предложение или нет.

— Провалилось! — как эхо, повторил Госсейн.

Дальше он не слушал. «Наверное, я неправильно понял», — подумал он, не решаясь поверить в искренность Торсона. Сотни раз он представлял себе картину захвата Венеры: планета подверглась внезапному штурму со всех сторон, десятки тысяч парашютистов в небе! Миллионы венериан, захваченных врасплох десантниками, владеющими всеми видами оружия! Неужели они могли потерпеть поражение?

— Кроме меня, никто не догадывается о неудаче, — медленно произнес Торсон. — Разве что, — он поколебался, — Кренг. — На мгновение он нахмурился, как бы что-то обдумывая. — Госсейн,

как бы вы поступили, если бы вам пришлось защищать Венеру от противника, обладающего самым мощным оружием?

Госсейн думал об этом, и у него были свои соображения, но он не хотел говорить о них Торсону.

— Не знаю, — сказал он.

— Так. Допустим, завоевание началось. Как вы поступите в этом случае?

— Уйду в ближайший лес.

— А жена, дети? Куда вы их денете?

— Возьму с собой.

Он начал понимать, что произошло. От волнения пересохло горло.

Торсон выругался и яростно ударил кулаком по своей ладони.

— Но зачем? — воскликнул он в сердцах. — Ни один нормальный человек не воюет с женщинами и детьми! Солдаты не смели трогать мирных жителей. Уничтожались только сопротивляющиеся.

Госсейн кивнул, но в волнении ничего не мог произнести. На глазах его навернулись слезы. Агрессор уже начал расплачиваться за свое вероломство. Он спросил:

— Как им удалось достать оружие?

Торсон застонал и принялся ходить по комнате

взад и вперед.

— В это невозможно поверить! — воскликнул он, направляясь к большому экрану. Он нажал на кнопку. — Я хочу, чтобы вы узнали, что произошло, прежде чем продолжить разговор.

Свет в комнате погас. Экран вспыхнул белым квадратом. Изображение на экране ничем не отличалось от реальной жизни: Госсейну казалось, что он смотрит через окно. Окно продвинулось вперед, повернулось. В нем появилась поляна среди гигантских деревьев. Тысячи человек, одетых в легкую зеленую форму, спали в лесу. Госсейн удивился, что солдаты спят при свете дня. Некоторые во сне ворочались, другие вскакивали, протирали глаза и снова укладывались. Часовые мерно шагали между рядами спящих. Несколько робопланов патрулировали воздух, их пушки беспокойно поворачивались со стороны на сторону. Двое часовых остановились у самого «окна», и один из них обратился к другому на языке, совершенно чуждом человеческому слуху. Госсейн от неожиданности вздрогнул. Торсон, стоя за спиной, пояснил:

— Обитатели Альтаира. Их не успели обучить туземному языку.

Туземный язык! Госсейн промолчал. Он считал

неуместным высказывать все то, что он думает о галактической Империи и ее нравах.

По густой листве деревьев пробежало легкое движение, и Госсейн понял, для чего Торсон показывает ему эту сцену. Фигуры людей, еле различимые и казавшиеся крошечными на фоне гигантских стволов, спускались по коре, как муравьи, по-обезьяньи прыгали с ветвей. В руках у них были короткие дубинки. Ступив на землю, они с громкими криками бросались на солдат. Все новые и новые люди спускались вниз, уподобляясь водопаду: жители Венеры в коричневых рубашках и сандалиях заполнили всю поляну, превратившуюся в развороченный муравейник.

Автоматика включилась немедленно. Засверкали лучи бластеров, загремели пушки. Люди падали сотнями. Лагерь проснулся. Солдаты хватали первое попавшееся оружие. Люди, вооруженные дубинками, нападали, с каждым мгновением их становилось все больше.

Программные устройства не справлялись с обилием поступающих сигналов: автоматические установки практически перестали вести огонь, не получая необходимых команд. Яснее стали слышны голоса и шум битвы.

Солдаты вели себя странно — бросались в глаза

их неуверенные движения и скованные позы. Только теперь Госсейн догадался:.

— О Боже! Они напали на лагерь ночью!

Съемки велись в инфракрасных лучах — это ясно. Просто раньше он не обратил внимания на необычное освещение.

Торсон мрачно подтвердил:

— Ночью практически невозможно использовать оружие эффективно, а приборы ночного видения тоже надо успеть развернуть. — Он зарычал. — Эти безумцы сводят с ума! Ведь их и солдатами-то назвать нельзя, это просто сброд, толпа… — Он ругался не меньше минуты. Потом умолк и уже спокойно сказал: — Волноваться незачем. Это нападение было совершено в первую же ночь, а затем повторялось в каждом лагере. Армия, вооруженная самым совершенным оружием в галактике, была перебита безоружными людьми.

Госсейн не слышал Торсона, он, не отрываясь, смотрел на гипнотизирующее зрелище. Венериане растеклись по всему лагерю. Мертвые тройным слоем укрыли поляну. Солдаты перестали сопротивляться. Сверкали бластеры, но их держали нападающие. Через десять минут стало ясно, каков исход боя: отряд целеустремленных

людей с дубинками захватил современный военный лагерь со всей его техникой.

XXIX

Когда победившие начали рыть могилы, чтобы похоронить павших, Торсон выключил экран. В комнате зажегся свет. Гигант посмотрел на часы.

— У меня остался примерно час до прихода Кренга, — сказал он.

Он постоял, нахмурившись, потом кивнул головой в сторону экрана, как бы продолжая прерванный разговор.

— Разумеется, — сказал он, — мы немедленно послали подкрепления, а венериане не пытались захватить большие города. Госсейн, — сухо продолжал он, — это неслыханно. За всю историю галактика не знала подобных примеров. В завоеванных странах, на захваченных планетах и звездных системах люди в массе своей всегда подчинялись, смиряясь с неизбежным. Ненависть к победителю еще могла жить на протяжении нескольких поколений, но наша пропаганда всегда брала свое, и очень скоро они начинали гордиться тем, что стали гражданами Великой Империи. — Он пожал плечами и пробормотал скорее самому себе: — Тактика, проверенная веками.

«Десять миллионов человек меньше чем за четыре дня», — в ужасе подумал Госсейн. Потрясенный, он закрыл глаза. Затем сурово взглянул на Торсона. Великая гордость и огромная печаль переполняли все его существо. Правомочность ноль-А пути развития доказана на практике, ее существование оправдано погибшими в боях. Жители Венеры смогли и правильно оценить внезапно возникшую ситуацию, и без колебаний включиться в борьбу. Столь внушительная победа разума должна произвести впечатление на людей во всей Вселенной.

Госсейн попытался представить себе те миллиарды честных людей, не принимающих войну, которые живут на покоренных империей планетах. Неожиданно пришедшая ему в голову мысль заставила его вздрогнуть. Он пристально разглядывал Торсона.

— Минутку, — сказал он медленно. — Зачем вам ложь? Можно ли поверить, что за такой короткий срок побеждена империя, солдат у которой больше, чем людей в Солнечной системе? Что помешает им присылать сюда армию за армией, пока Венера не будет разгромлена до основания?

Лицо Торсона выражало иронию.

— Именно это я и хочу вам объяснить. — Не от-

рывая от Госсейна взгляда, он придвинул стул и уселся на него верхом, сложив руки на спинке. Все его поведение говорило о том, что он собирается сообщить нечто важное. — Друг мой, — сказал он мягко, выдержав паузу, — попробуйте посмотреть на наши действия со стороны. Великая Империя — кстати, это буквальный перевод на земной язык — является членом Галактической Лиги. Силы остальных содружеств, вместе взятые, превосходят наши примерно в три раза, но мы сильнее каждого из них в отдельности и обладаем мощью, равной которой не было и нет во Вселенной. Тем не менее, мы не можем нарушать устав. Нами подписаны соглашения, которые запрещают использовать искривитель, кроме как для транспортировки. Мы нарушили с его помощью ход ваших Игр. Договоры запрещают использовать атомную энергию, кроме как в мирных целях. Мы уничтожили Машину атомными торпедами. В уставе Лиги записано, что нет более тяжкого преступления во Вселенной, чем геноцид. Когда в бою погибает пять процентов населения — это война. Десять процентов — неоправданное убийство, и после вынесения Лигой приговора напавшая сторона должна компенсировать пострадавшей ущерб

всеми доступными способами. Но уничтожение двадцати процентов или двадцати миллионов человек — это геноцид. Если обвинение в геноциде доказано, какой бы силой и мощью ни обладало государство, оно будет объявлено вне закона. Преступникам выносится смертный приговор. Автоматически все члены Лиги находятся в состоянии войны с агрессором до тех пор, пока виновные не понесут наказания.

Торсон замолчал и мрачно улыбнулся. Встав со стула, он нервно зашагал по комнате. Через минуту он успокоился и посмотрел на Госсейна.

— Надеюсь, теперь вы понимаете, перед какой проблемой нас поставили жители Венеры. Если мы не остановимся, через неделю мы будем признаны преступниками или начнется война со всей галактикой. — Улыбка его стала еще мрачнее. — Понятно, что я не отдам приказа об отступлении, пока не буду уверен, что нахожусь в полной безопасности. А это, друг мой, в ваших руках.

Госсейн откинулся на спинку кресла.

Опять загадки. Услышанное потрясло его, и эмоциональная реакция мешала ему думать. Он ощущал ненависть к империи, которая стремилась к господству ценой миллионов человеческих

жизней. Его неодолимо тянуло присоединиться к тем, кто принимает участие в сопротивлении, к тем, кто принес великую жертву в борьбе с захватчиком. Жажда действия настолько овладела им, что он едва не забыл, где находится.

Но тренированная кора головного мозга подчинила себе таламическую реакцию, он уже контролировал свои эмоции. Он понимал, что ему определена какая-то особая роль в развернувшихся событиях и он принесет гораздо больше пользы, если выполнит свое настоящее предназначение. Одним из ноль-А принципов был следующий: не существует двух одинаковых ситуаций. Следовательно, Гилберту Госсейну-2, человеку уникальному, необходимо остаться в живых и научиться контролировать свой дополнительный мозг.

Он не забыл, что находится в плену, но поведение Торсона давало надежду на возможность выполнить принятое решение. Он примет любое его предложение и попытается извлечь из него максимальную выгоду. Госсейн поднял голову.

— И все-таки я не понимаю, — медленно произнес Торсон, — кто вы такой? — Во взгляде его было недоумение. — Вы появились в критический момент, накануне сражения, очевидно, с

тем, чтобы не допустить вторжения на Венеру. Я признаю, что это задержало нас, но ненадолго. В конечном итоге вы нам не помешали. Даже поражение мы потерпели не из-за вас, а из-за философии этой расы.

Он замолчал и задумчиво наклонил голову, целиком поглощенный проблемой. И вновь заговорил хриплым, неуверенным голосом:

— И все же... Какая-то связь должна быть. Госсейн, как вы можете объяснить существование в одной ничем не примечательной системе планет уникального ноль-А учения и уникального Гилберта Госсейна? Подождите. Не отвечайте! Позвольте мне высказать свои соображения по этому поводу. Сначала мы вас убили, но без далеко идущих целей. Просто решили, что легче списать вас со счетов, чем суетиться. Это была ошибка. Мы подошли к решению сложной проблемы слишком узко. Когда Прескотт доложил, что вы появились на Венере, я сперва не поверил. Потом я приказал Кренгу разыскать вас, а так как ваше согласие сотрудничать было нам необходимо, я заставил Прескотта притвориться, что он организовал ваш побег. Заодно мы получили возможность избавиться от Лавуазье и Харди, а доктор Кейр, сам того не подозревая,

выдал нам полную информацию о вашем дополнительном мозге. Приношу извинения за некоторую грубость, допущенную в работе, но мы были встревожены и даже испуганы, когда вы появились во втором теле. Бессмертие! — Он смотрел отсутствующим взглядом, как человек, потрясенный до глубины души возможностью такого чуда. Казалось, он даже не заметил, что назвал Икса настоящим именем, Лавуазье. Госсейн уже слышал где-то это имя. — Кто-то решил проблему человеческого бессмертия, — продолжал Торсон. — Тайну жизни, для которой не существует никаких преград. Разве что, — тут он презрительно улыбнулся, — найдется такая сила, которая уничтожит все дубли еще в зародыше.

Он умолк и посмотрел на своего собеседника исподлобья.

— Вам, конечно, интересно, где мы нашли тело Гилберта Госсейна-3. Откровенно говоря, я всегда с подозрением относился к Лавуазье. Мне казалось несерьезным, что сразу же после аварии он переметнулся на нашу сторону и стал ярым противником ноль-А учения. Поэтому я нанес визит в Институт семантики и…

Он вновь умолк, как бы поддразнивая Госсейна, который невольно воскликнул:

— Вы нашли его там? — Он и не ждал ответа. Сотни мыслей теснились в его мозгу. — Лавуазье? — переспросил он. — Выходит, Икс — это Лавуазье, директор Института семантики?

— Автомобильная катастрофа произошла два года назад. Тогда многие газеты печатали сообщения об этом событии, но лишь немногие знали, какие страшные последствия она имела. Но все это в прошлом. Главное — в одной из лабораторий института мы обнаружили ваше третье тело. Ученые утверждали, что его доставили им всего несколько дней назад для передачи Машине, что они связывались с ней по своим обычным каналам, и она подтвердила, что пришлет за телом грузовик через пару недель. Поверьте, я не собирался уничтожать его, но когда мои люди попытались вскрыть прозрачный пластиковый контейнер, он взорвался.

Торсон говорил, не отрывая взгляда от лица Госсейна. Он тяжело опустился в кресло.

— И это все! — Голос Торсона зазвенел. — Поверьте, Госсейн-3 существовал, я видел его своими глазами: он был точной копией и вашей, и Госсейна-1. Только поэтому я решил рискнуть своей карьерой.

По-видимому, открывшись Госсейну, Торсон

испытывал облегчение. Он наклонился и доверительно продолжал:

— Госсейн, вы уже многое знаете о себе. Я осведомлен, что некоторые мои подчиненные снабжали вас информацией, возможно, надеясь на выгодную сделку. И на здоровье. — Он махнул рукой. — Имейте в виду, что о Законах Лиги я сказал вам чистую правду. Но — и вы, должно быть, уже понимаете это… — Торсон помолчал, как бы собираясь высказать нечто чрезвычайно важное. — …они не имеют значения для нас. Мы сознательно нарушили соглашения и начинаем войну. — Он уселся поглубже, вздохнул и мрачно сказал: — Энро устал от бесконечных проповедей Лиги. По его приказу я должен уничтожить всех ноль-А жителей Венеры, чтобы спровоцировать Лигу. Но я решил, что приказа не выполню.

Госсейн давно понял, к чему ведет Торсон. Он загонял собеседника в тупик, чтобы тот принял единственное нужное ему решение. Однако, сам того не замечая, Торсон объяснил причину появления одного за другим нескольких Гилбертов Госсейнов — руководитель неслыханной военной авантюры, направленной на поголовное уничтожение человечества, перечеркнул все прежние планы ради личного бессмертия, перед

которым любая, даже самая головокружительная карьера представлялась ненужной. Еще многое требовалось объяснить, но одно было ясно — появление Госсейна-2 помешало исполнению чудовищного плана.

— Госсейн, мы должны найти вашего космического шахматиста! — воскликнул Торсон. — Именно *мы,* я не оговорился. Надеюсь, вы понимаете, что не в ваших интересах оставаться в стороне. Вы не могли не задумываться над тем, что являетесь всего лишь недоразвитой версией оригинала. Научитесь вы или нет контролировать свой дополнительный мозг, не играет роли, ведь скорей всего вы никогда не узнаете, какую цель преследовал человек, вас создавший. И не забывайте, что мы остановили его на время, и как только он начнет… производить новые тела, вы вновь станете ненужным. Это звучит ужасно, я знаю, но с какой стати тешиться иллюзиями? Каких бы успехов вы сейчас ни добились, вас в любом случае выбросят на помойку, а после того, как мы уничтожили ваше третье тело, вряд ли в новом мозгу сохранятся воспоминания Гилберта Госсейна-1.

Напряженное лицо Торсона выдавало его мысли. Голос его слегка охрип. Он продолжал:

— Разумеется, я готов заплатить за вашу помощь: я не уничтожу Венеру, не стану применять ядерное оружие, порву отношения с Энро или, по крайней мере, постараюсь как можно дольше держать его в неведении. И все это я готов сделать в обмен на ваше согласие добровольно сотрудничать с нами. Итак, мне остается спросить вас, — серо-зеленые глаза горели, — согласны ли вы помочь нам добровольно? Потому что все равно мы вас заставим!

Госсейн знал, о чем пойдет разговор, и подготовился, обдумав последствия своего решения. Он ответил сразу:

— Конечно, согласен. Но я надеюсь, вы понимаете, что прежде всего мне необходимо научиться контролировать дополнительный мозг? Готовы ли вы быть логичным и дать мне такую возможность?

Торсон вскочил на ноги. Подойдя к Госсейну, он потрепал его по плечу.

— Я предусмотрел все, — сказал он звенящим голосом. — Мы наладили транспортную межпланетную связь. Через несколько минут здесь будут Кренг и доктор Кейр. Прескотт вылетит завтра на обычном звездолете, чтобы наши сторонники на Земле ничего не заподозрили. Он назначен

управляющим Венерой. Но…

Раздался стук в дверь, и следом за доктором Кейром в комнату вошел Кренг. Торсон приветливо кивнул головой, а Госсейн поднялся с кресла и молча пожал руку врачу. Торсон и Кренг о чем-то пошептались, и гигант тут же стал прощаться.

— Я оставляю вас, чтобы вы не торопясь обсудили конкретный план действий. Кренг сообщил мне, что на Земле началось восстание, и я должен срочно вернуться во дворец президента.

Дверь за ним закрылась.

XXX

— Посмотрим, кто кого, — завершил беседу доктор Кейр. — Причем я ставлю на дополнительный мозг.

Они проговорили больше часа. Кренг вступал в разговор не часто. Госсейн следил за ним краешком глаза, оставаясь в некотором недоумении. Кейр сказал, что именно Кренг разыскал и арестовал его. Понятно, что Кренг должен был изображать кровожадного злодея, но не слишком ли умело он притворялся? Госсейн не решился спросить его о Патриции Харди.

Кейр поднялся.

— Что ж, начнем, — сказал он. — Как я выяснил, здесь, на галактической базе, подготовлено специальное помещение и самая совершенная аппаратура. Думаю, обучение займет не так уж много времени. — Он покачал головой, удивляясь. — Никак не могу поверить, что под домом Кренга расположен большой город, чуть ли не в несколько квадратных миль. Но не будем отвлекаться. — Он нахмурился. — Ваш дополнительный мозг, — задумчиво произнес он, — является естественным искривителем пространства со

всеми вытекающими отсюда последствиями. Мне кажется, что дня через три-четыре вы уже сумеете перемещать небольшие предметы.

Но он сделал это уже через два дня.

После очередных экспериментов, оставшись один в полутемной лаборатории, Госсейн молча сидел и смотрел на деревянные кубики, расположенные на расстоянии трех сантиметров друг от друга. Он не заметил никакого движения, но внезапно их грани соприкоснулись.

Каким-то образом энергия его дополнительного мозга подчинила материю. Извечная мечта человечества осуществилась.

Пока что он добился этого не самостоятельно. Было сделано все возможное, чтобы изготовить два одинаковых кубика. И тем не менее за два прошедших дня они изменились. Несмотря на принятые меры предосторожности, на них повлияло тепло его тела, свет, темнота, множество самых разнообразных причин. Без помощи искривителя он вообще не мог рассчитывать на успех. Прибор отождествил кубики до девятнадцатого десятичного знака. Он почти прекратил молекулярное движение воздуха в комнате, оказав свое воздействие и на стол, и на кресло, в котором сидел Госсейн, и на самого Госсейна.

И тем не менее, главный импульс исходил от человека. Начало было положено.

Госсейн вышел из лаборатории и встретил Торсона, который прибыл с Земли, чтобы помочь доктору. Опыты продолжались. На фотографии появились тысячи крошечных светлых лучиков, которые протянулись к его дополнительному мозгу.

Обессиленный, Госсейн с трудом поднялся и направился в отведенную ему комнату под обычной охраной солдат. По дороге к лифту он заметил, что над ним кружится какой-то металлический шар, весь усеянный электронными лампами. Прескотт, исполнявший обязанности начальника охраны, проследил за его взглядом.

— Это вибратор, — пояснил он. — Кренг не забыл пари, предложенного доктором Кейром: кто кого. Рисковать нам ни к чему. Этот аппарат вносит несущественные изменения в атомную структуру всех окружающих его предметов. Он будет сопровождать вас повсюду. — Прескотт повысил голос. — Необходимая мера предосторожности, если учесть, что скоро вы сможете перемещаться из своей комнаты в любое место, которое вам предварительно удалось «запомнить».

Госсейн не ответил. Он не скрывал своей неприязни к Прескотту, и сейчас лишь молча посмотрел на него. Прескотт пожал плечами, взглянул на часы и с кривой усмешкой многозначительно произнес:

— В наши намерения, Госсейн, входит застраховаться от неожиданностей всеми доступными способами. Так что вас ждет небольшой сюрприз.

Загадка несколько озадачила Госсейна, и он думал над словами Прескотта, пока принимал ванну, переодевался в пижаму, и, выключив верхний свет, подошел к нише, где стояли две кровати. Вдруг одно из одеял шевельнулось. На него смотрели заспанные глаза. Даже в полумраке Госсейн сразу узнал знакомое лицо. Девушка грациозно села и зевнула.

— Я вам еще не надоела? — спросила Патриция Харди.

XXXI

Госсейн сел на край постели. Он чувствовал огромное облегчение. Но когда волнение улеглось, он вспомнил, что Прескотт обещал ему сюрприз.

— Надо понимать, — сказал он, — что если я сбегу, вас убьют.

Она с самым серьезным видом кивнула.

— Это идея мистера Кренга.

Госсейн лег на кровать и молча уставился в потолок. Опять Кренг. Видимо, Торсон хотел устранить Патрицию, и Кренг предложил компромиссное решение, чтобы спасти ее, а самому остаться вне подозрений. Он представил себе, как Кренг убеждает Торсона, что Гилберт Госсейн считал себя когда-то мужем этой женщины, а значит, у него остались к ней какие-то чувства.

«Великолепный Элдред Кренг, — подумал Госсейн. — Единственный человек, который пока что не допустил ни одной ошибки». Чуть скосив глаза, он посмотрел на Патрицию. Она зевнула и потянулась, как довольная кошечка. Внезапно она повернулась в его сторону.

— Разве вам не о чем меня спросить? — ска-

зала она.

Он задумался. Лучше не упоминать о Кренге. И он понятия не имел, что произошло у нее с Торсоном.

— Мне кажется, — осторожно проговорил Госсейн, — что я теперь более или менее разобрался в создавшемся положении. Мы стали жертвой галактической империи, пытающейся присоединить к своим владениям еще одну планетную систему, несмотря на неудовольствие так называемой Галактической Лиги. И если бы на карту не было поставлено огромное количество человеческих жизней, можно было бы посмеяться над неврастеничной цивилизацией, которой не удалось научиться разграничивать животные ощущения от человеческих. Тысячи лет их технический прогресс служил захвату власти и расширению владений. Им не понять, что строить любые отношения на принципах уважения и сотрудничества, как с государственными, так и с отдельными личностями, и проще, и дешевле. Да, картина ясна. Теперь остается только выяснить, какую роль в ней играют некоторые люди. Например, вы.

— Я — ваша жена, — ответила девушка.

Госсейну не понравилось, что она может шу-

тить в такое время.

— Вы не считаете, — с упреком сказал он, — что здесь не место для подобных заявлений? Подслушивающие аппараты…

Она мягко рассмеялась, потом ответила ему серьезным тоном:

— Друг мой, Торсона водит за нос один из самых умных людей, которых я когда-либо встречала. Элдред Кренг. Уверяю вас, он позаботился о том, чтобы наши разговоры не прослушивались.

Госсейн замолчал. Она явно восхищалась своим любовником.

— Нельзя сказать, — медленно проговорила Патриция, — сможет ли Элдред продержаться до конца и защитить нас в случае необходимости. Когда Торсон добьется своего, он убьет нас так же хладнокровно, как отца и Икса. Если человек, стоящий за вами, не придет нам на выручку, можете считать, что все мы покойники.

Ее уверенность подействовала на Госсейна самым странным образом. Она абсолютно не верила в возможности Гилберта Госсейна-2. Неужели они рассчитывали только на загадочного незнакомца? Возможно ли, что Кренг не строил никаких планов на тот случай, когда Госсейн научится управлять дополнительным мозгом?

Этот последний вопрос он задал девушке.

— Нет, — ответила Патриция Харди. — Если это произойдет, вы сами должны решить, что делать.

Госсейн выключил свет.

— Патриция, — сказал он в темноту, — вы считаете, я допустил ошибку, согласившись сотрудничать с Торсоном?

— Может быть.

— Мы найдем этого неизвестного, я уверен.

Чуть поколебавшись, она ответила:

— Элдред тоже так думает.

Опять Элдред. К черту Элдреда.

— Почему Кренг не предупредил вашего отца?

— Он не знал, что они затевают.

— Вы хотите сказать, что Торсон не доверяет ему?

— Нет. Но Икс был человеком Кренга. Торсон решил, что Кренг будет противиться его уничтожению и поэтому поручил все это Прескотту.

— Икс был человеком Кренга? — переспросил Госсейн.

— Да. Он считал, что гипертрофированный эгоизм развился в Лавуазье после катастрофы. И тем не менее Торсон не доверял ему.

— Мне кажется, — мрачно сказал Госсейн после

долгой паузы, — что все сопротивление планам Энро строится на комбинациях Элдреда Кренга. — Он умолк. А ведь похоже, что он недалек от истины. В мозгу Госсейна молнией блеснула мысль.

— Может быть, Кренг и есть неизвестный космический шахматист?

Патриция ответила сразу:

— Нет.

— Откуда вы знаете?

— Он показывал мне свои детские фотографии.

— Подделка, — предположил Госсейн.

Она промолчала, и, выждав несколько секунд, он переменил тему разговора.

— Кем был ваш отец?

— Мой отец, — тихо ответила она, — считал, что Машина несправедливо отказала ему в продвижении, несмотря на его незаурядные знания и огромный опыт. Когда я была маленькая, я разделяла его негодование и даже решила не проходить курса ноль-А обучения. Но он зашел слишком далеко. Я начала понимать, что за сильной личностью — а в этом ему никто не откажет — кроется человек, которому безразличны последствия его поступков. Я внутренне взбунтовалась. Когда полтора года назад на сцене

появился Элдред, сделавший неслыханно быструю карьеру в дипломатических кругах Великой Империи, я впервые вошла в контакт с Галактической Лигой.

— Он представитель Лиги?

— Нет. — В голосе ее прозвучала гордость. — Элдред Кренг — это Элдред Кренг, человек уникальный. Но на Лигу меня вывел он.

— И вы стали агентом Лиги?

— В каком-то смысле да.

— Что вы имеете в виду?

— Лига, — ответила Патриция, — имеет множество недостатков. Принятие решений зависит от отношения к проблеме отдельных содружеств. Вы не представляете, как легко пожертвовать одной звездной системой ради спокойствия остальных. Я никогда об этом не забывала и делала все возможное для Земли и только для Земли, пользуясь привилегиями агента Лиги. Содружествам известно наше ноль-А учение, но им не удалось привить его нигде в галактике. Некоторые правительства отождествляют его с пацифизмом и просто не могут поверить, что можно достичь такой полной гармонии мыслей и чувств, когда человек мгновенно приспосабливается к любой обстановке, даже к войне.

Госсейн кивнул, вспоминая рассказ Торсона. Он давно понял, почему Энро выбрал для вторжения отдаленную Солнечную систему. Уничтожение мирных жителей, нарушающее все договоры Лиги, неизбежно приведет к межзвездной войне, которую император давно готовит.

— Именно Элдред, — продолжала Патриция, — обнаружил, что в результате аварии великий ученый, директор Института семантики, превратился в кровожадного маньяка, которого вы знали под именем Икс. Он думал, что Лавуазье выздоровеет и станет неоценимым союзником, но, к сожалению, ошибся.

Опять Элдред. Госсейн вздохнул.

Наступило молчание. С каждой минутой Госсейн мрачнел все больше. Он не питал иллюзий. Жадность заставила Торсона свернуть в сторону от намеченной цели, но это затишье перед бурей. Получив короткую передышку, венериане успеют лучше вооружиться, а у Лиги будет несколько недель, чтобы понять, что Энро собирается развязать галактическую войну. Торсон постарается как можно дольше вести двойную игру, но если он почувствует, что его жизни грозит опасность, немедленно отдаст приказ и превратит Венеру в атомную пустыню.

Нет, нельзя ожидать чуда и сидеть сложа руки, полагаясь только на неизвестного. Каким бы могуществом тот ни обладал, он мог рассчитывать лишь на помощников вроде Госсейна, которые вряд ли могли противостоять галактической Империи. Надо что-то предпринять.

И в голове его зародился смелый план.

XXXII

Еще через два дня в темной лаборатории он совместил два луча света без помощи искривителя. Когда его попросили рассказать об ощущениях, испытанных при этом, он ответил невразумительно: «Рука движется, как у загипнотизированного; кажется, что все это делает за тебя кто-то другой».

С каждым днем легкие покалывания в теле становились все отчетливей, он учился различать свои ощущения. Он начал узнавать виды энергий, движения, предметы с закрытыми глазами и вскоре называл их безошибочно. Он узнавал о присутствии людей по особому теплу, проникавшему в его организм. Он реагировал на самые небольшие дозы раздражителей, а на шестой день узнавал доктора Кейра по дружелюбию, которое исходило от него. Он даже понял, что психиатр волнуется за его дальнейшую судьбу.

Теперь он решил испытать свое умение различать эмоции на Кренге, Торсоне и Прескотте. Выяснилось, что ненависть к нему испытывает только Прескотт. «Он не может забыть, — подумал Госсейн, — о страхе, который пережил, и о

том, что я обманул его во дворце». Торсон оказался настоящим Макиавелли, но к своему пленнику эмоций не проявлял. Кренг вообще держал свои чувства в узде, по-видимому, из-за постоянного напряжения и не раскрывался даже перед собой.

Но настоящим сюрпризом оказалась Патриция. Никакого контакта, несмотря на многочисленные попытки. И Госсейн решил, что может воспринимать лишь эмоциональный мир мужчин.

За эти дни он продолжал разрабатывать свой план в деталях. Он пришел к выводу, что информацию о создавшемся положении он получил от людей, использовавших чисто аристотелевы представления и понятия. Даже Кренг не получил в детстве ноль-А воспитания, которое дало бы ему полный контроль над мозгом.

Госсейн сознавал, что в его расчетах есть слабые места, но в то же время многое прояснилось. Таинственный незнакомец уже не казался ему волшебником. Он считал его обычным человеком, открывшим секрет бессмертия и выступающим против галактической империи. Без сомнения, он не очень беспокоился о том, будет жить или нет очередное тело Госсейна. В крайнем случае — при поражении — он начнет новую партию в соответствии с другой ситуацией.

Но сейчас это было неважно.

В тот день, когда он экспериментировал с большим кубиком, он решил отключить вибратор. Сложный прибор с огромным количеством различных схем и волновых энергий, пульсирующих в трубках и лампах, в конце концов подчинился ему. Тогда он взял его в руки и попытался одновременно нейтрализовать прибор и запомнить атомную структуру пола, на котором стоял. Ничего не вышло.

Либо вибратор, либо пол. Но не то и другое вместе. И это было известно заговорщикам.

На девятнадцатый день ему дали стержень из сверхпрочной стали, а в противоположном конце лаборатории поместили небольшой генератор. Он действовал осмысленно. Молния, вылетевшая, казалось, из руки, прошла по стене, потолку, энергетическому экрану, за которым стояли наблюдатели. Госсейн прервал совпадение энергий и, не сопротивляясь, отдал стержень посланному за ним солдату. Только после этого Торсон вышел из-за экрана. Настроение у него было прекрасное.

— Что ж, мистер Госсейн, — сказал он с уважением, — с нашей стороны просто глупо продолжать дальнейшее обучение. Не то чтобы я не доверял

вам… — Он засмеялся. — Я уверен, что теперь вы разыщете нужного нам человека. — Он резко переменил тон. — Мы вылетаем на Землю. Укладывайтесь. В вашем распоряжении ровно час.

Госсейн рассеянно кивнул. Через несколько минут, стоя у дверей лифта, он смотрел, как трое солдат осторожно вносят в кабину вибратор. Прескотт жестом пригласил и его. Солдаты гурьбой столпились в углу. Прескотт подошел к панели управления. Резким движением Госсейн схватил его за плечи и изо всех сил ударил головой о металлическую стенку. Выхватывая бластер из кобуры, он отпустил падающее тело и нажал на первый попавшийся рычаг.

Как всегда, сознание на мгновение помутилось. Он пришел в себя, когда из его бластера вылетела огненная струя и охранники свалились как снопы.

Первая стадия плана завершилась успехом.

XXXIII

Расстегнув молнию, Госсейн снял свой комбинезон. Он полагал, что в ткань вшиты различные электронные приспособления, а одно из них — он твердо это знал — могло парализовать человека. Раздевшись, он почувствовал облегчение, но прежде чем начать действовать, быстро переоделся в костюм Прескотта.

Первую остановку он использовал, чтобы избавиться от вибратора. Открыв дверцу лифта, он осторожно вытолкнул прибор, а вслед за ним довольно бесцеремонно вышвырнул четыре трупа. Самое главное — быстрота. Нажав на очередной рычаг, он вновь очутился в незнакомом коридоре.

Как и в первом, здесь не было ни души. Госсейн «запомнил» структуру участка пола рядом с шахтой лифта и дал ему кодовое обозначение: один. Пробежав футов сто и свернув за угол, он повторил свою процедуру, поменяв лишь кодовое обозначение на «А». Остановившись, он подумал; «Один!»

В тот же момент он оказался рядом с лифтом.

Его охватил восторг, не похожий ни на одно

из испытанных им ранее ощущений. Только бы успеть!

Обозначения, которые он дал участкам следующего коридора, были «2» и «Б». В четвертом коридоре навстречу ему попался человек. Госсейн выстрелил.

Больше он никого не встретил. И хотя он старался не задерживаться, прошло не менее получаса, пока он добился, чего хотел: запомнил девять зон, обозначенных цифрами, столько же, обозначенных буквами, и, кроме того, электрические розетки, обозначив их математическими символами.

Теперь можно домой. Похоже, побег его пока остался незамеченным. Госсейн заставил себя успокоиться. Не так уж много, но для отступления у него имелось восемнадцать разных мест, а его дополнительный мозг мог пользоваться энергий из сорока одного источника. Руки его слегка дрожали, а лоб покрылся испариной. Вполне естественная реакция, если учесть, сколько сил затрачено. Не пройдет и тридцати минут, как ему придется дать решительный бой, начать войну, подобную которой никогда не вел одиночка. Через час станет известно, победит он или погибнет, теперь уже навсегда.

Он открыл дверь и осторожно вошел в комнату. Патриция Харди вскочила с кресла и кинулась ему навстречу.

— О Господи, — воскликнула она. — Где вы пропадали? Сюда приходил Элдред.

Не похоже было, что она догадывается о случившемся, но ее тон потряс Госсейна. Он все понял.

— Кренг! — Ему казалось, что на него рушится потолок.

— Он велел передать вам последние инструкции.

— О Боже! — вырвалось у Госсейна.

Он почувствовал слабость в ногах. Он ждал, надеялся, что им, наконец, начнут разумно руководить. Он затянул выполнение своего плана до самой последней минуты. А теперь…

Девушка взволнованно произнесла:

— Он сказал, — голос ее упал до шепота, — чтобы вы притворились, будто вас непреодолимо тянет в Институт семантики и вошли там в контакт с… с… — Она покачнулась, почти теряя сознание.

Госсейн подхватил ее и потряс за плечи.

— С кем же?

— С бородатым! — сказала она хрипло. — В дальнейшем вам следует выполнять его прика-

зы. — Она выпрямилась. — Трудно поверить, что Элдред… с самого начала знал о его существовании.

— Но кто он такой?

— Элдред не сказал.

Госсейн еле сдержался, чтобы не вспылить. В нем закипала ярость. Оставив в одиночестве, его вынудили совершать бессмысленные поступки. Как теперь выйти из положения? Сконцентрировав волю, он собрался с мыслями. Патриция не должна знать, что он натворил, пока всего не расскажет.

— Что задумал Кренг?

— Торсона надо убить.

— Понятно. А потом?

— Элдред — его первый помощник. Он примет командование армией. — Она говорила быстро, глотая слова. — В нашем секторе галактики у Торсона сто миллионов солдат. Если Энро их лишится, ему потребуется не меньше года, чтобы организовать новое нападение на Солнечную систему.

Госсейн бессильно опустился на ближайшее кресло. По логической четкости план Кренга был безупречен. Госсейн тоже хотел убить Торсона, но понимал, что такая попытка обречена на про-

вал, поэтому хотел уничтожить галактическую базу. Кренг достоин восхищения. Теперь понятно, почему он ни во что не вмешивался и даже не пытался предупредить жителей Венеры.

— Элдред считает, — вновь заговорила Патриция Харди, — что с Торсоном здесь покончить на удастся. На него надо напасть где-нибудь в другом месте.

Госсейн устало соглашался. План Кренга, пожалуй, был ничуть не менее отчаянный, чем план Госсейна. И такой же неконкретный. Он поднял голову.

— Что еще сказал Кренг?

— Больше ничего.

«Опять от меня требуется слепое повиновение», — горько подумал Госсейн. Чтобы выполнить поручение Кренга, ему придется опять сдаться в плен, но прежде для виду некоторое время сопротивляться. Это значит, что все, им достигнутое, будет потеряно.

За ним установят более тщательное наблюдение, и ему останется лишь надеяться на неизвестного бородатого, который, возможно, остановит захватчиков. Он посмотрел на девушку.

— Патриция, кто такой Кренг?

Она не отвела взгляда.

— Неужели не догадываетесь?

— Не знаю, — ответил Госсейн. — Мне трудно понять, как ему удалось добиться такого высокого положения. Но если среди людей галактических цивилизаций много таких, как он, нам следует перейти к их системе общего образования.

— Все значительно проще, — спокойно сказала девушка. — Кренг — землянин. Пять лет назад, работая на Венере детективом, он заподозрил своего помощника, который явно не прошел ноль-А курса. Оказалось, что его подослал Прескотт. Именно тогда Элдред узнал о заговоре, но решил быть осторожным и даже никого не предупредил. Он понимал, что противника нельзя недооценивать. Следующие несколько лет он провел в космосе, на службе Великой Империи, приспосабливаясь к обстановке, входя в доверие к вышестоящим, безжалостно расправляясь с конкурентами, не останавливаясь ни перед чем, чтобы занять свой высокий пост. Сам он считает, что продолжает вести расследование, которое начал как простой венерианский детектив. И…

— Вот так расследование! — воскликнул Госсейн. Его сомнения рассеялись, как дым. Элдред Кренг, простой детектив с Венеры, разработал план, основанный на более полной информации,

чем та, которой располагал Гилберт Госсейн. Следовательно, Гилберт Госсейн поторопился. Однако в утешение ему остается надежда, что скоро он узнает имя человека, открывшего рецепт бессмертия.

Итак, ему придется притвориться, что он сопротивляется, но дать им возможность довольно быстро захватить себя; затем придется пережить несколько неприятных минут допроса — особенно, если будет применен детектор лжи. Но это неизбежно. К счастью, прибор лишь подтверждает правильность ответа.

В последовавшей за этими событиями инсценировке Госсейн появлялся в тех девяти местах, которые закодировал цифрами. Буквенные он не использовал, оставив на случай, если придется отвечать на неприятные вопросы: Он был уверен, что беготня и сумятица не оставят времени на тщательное расследование.

В коридоре, отмеченном им цифрой семь, нападающие прижали его к стене. Госсейн сдался.

С огромным облегчением он увидел, что его привели в гостиную Кренга. Допрос был долгим, но Кренг задавал вопросы настолько искусно, что детектор лжи ни разу не отреагировал отрицательно. В результате Кренг сказал в микрофон:

— Мистер Торсон, я уверен, что вы можете без опасений отправляться с ним на Землю. Я останусь на базе и наведу здесь порядок.

Госсейн и без того был удивлен отсутствием Торсона. Конечно, рисковать он не желал, но в конце концов рано или поздно ему придется остаться наедине с Госсейном: ведь тайну бессмертия нельзя было доверить подчиненным, которые тоже могли забыть о своих прямых обязанностях.

Торсон присоединился к нему у лифта.

— Как я и предполагал, — сказал он снисходительным тоном, — возможности вашего дополнительного мозга ограничены. Однако теперь мне понятно, почему Госсейн-3 не появился сразу: он все равно не помешал бы вторжению на Венеру. Видимо, дело в том, что одиночка уязвим, даже обладающий бессмертием. Если сбросить атомную бомбу в район его перемещений, от героя не останется ничего, кроме горстки пепла. — Торсон махнул рукой. — Забудем о Прескотте. Я даже доволен, что так получилось. Потеря небольшая. Однако, если судить по вашему поведению, вы неверного мнения о моих намерениях. — Он пожал плечами. — Убивать я никого не собирался. Меня интересует только великое открытие.

Госсейн не стал возражать, но знал, что Торсон лжет.

История свидетельствовала, что убийство ради власти, угнетение беззащитных были заложены в самой природе аристотелевой личности, не умеющей контролировать мозг и жить в гармонии с природой. Юлий Цезарь и Помпей, Наполеон, — выступивший сначала как защитник отечества и превратившийся впоследствии в свирепого агрессора, являлись духовными собратьями Энро, который мечтал завоевать всю галактику.

Даже сейчас Торсон наверняка строил грандиозные планы, представляя себя в роли какого-нибудь сверхчеловека. Он прервал его размышления.

— Пойдемте, — произнес он. — Мы и так потеряли много времени.

XXXIV

Госсейн не узнавал Город Машины. Бои шли прямо на его улицах, и повсюду остались разрушенные здания. Когда они приблизились к дворцу, Госсейн понял, почему последние несколько дней Торсон провел на Венере.

От здания осталась лишь пустая коробка. Госсейн шел по полуобвалившимся коридорам, заглядывал в комнаты без потолка, и его охватила грусть по тому времени, когда цивилизации на Земле еще не угрожала беда.

Неумолкающие выстрелы на отдаленных улицах служили как бы фоном мрачной картине опустошения, раздражали, вызывали неприятные воспоминания.

— Здесь не лучше, чем на Венере, — резко ответил на его вопрос Торсон. — Они сопротивляются, как дикие безмозглые животные.

— Один из ноль-А законов, — бесстрастно заметил Госсейн, — необходимость полного приспособления к окружающей среде.

— А-а! — раздраженно протянул Торсон и тут же переменил тему разговора: — Вы что-нибудь чувствуете?

Госсейн покачал головой.

— Ничего, — честно признался он.

Они пошли в спальню Патриции. В стене так и осталась зиять дыра — здесь был искривитель пространства. Пол, усеянный осколками стекла, пустые рамы окон. Госсейн взглянул туда, где раньше сияла Машина — как бриллиант чистой воды с короной атомного факела. Площадь на холме закидали тысячами тонн свежей земли — видимо, чтобы стереть даже память о символе человечества, боровшегося за разум. Но никто не разровнял землю: у захватчиков хватало других забот.

Не обнаружив во дворце никого, Торсон с охраной, составившей целую процессию, повез Госсейна в домик Дана Литтла. Домик уцелел. По-видимому, уборкой занимались автоматы: в комнатах было светло и чисто. Ящик из-под искривителя стоял в углу гостиной. Адрес: «Институт семантики», куда Машина собиралась его отправить, выделялся черными буквами на стороне, обращенной к ним.

Госсейн, как бы пораженный пришедшей в голову мыслью, сказал:

— Может быть, там?

Целая армия со всем своим вооружением дви-

галась по широкому проспекту Города Машины.

Флотилии робопланов затмили небо. Над ними, подобно коршунам, висели космические корабли, готовые открыть огонь по первому сигналу. Роботанки неслись по параллельным улицам. Отряды охраны со всех сторон окружили знаменитую площадь и кинулись внутрь здания через многочисленные двери. Перед центральным входом Торсон указал на надпись, выбитую в мраморе. Госсейн прочитал древнее изречение: «СОМНЕНИЕ — ПИК ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА».

Ему показалось, что из глубины веков до него донесся тихий вздох. Бесчисленные поколения людей жили и умирали, даже не подозревая, что слепая вера мешает им видеть жизнь такой, какая она есть на самом деле.

К Торсону подбежали солдаты. Один из них заговорил с ним на языке, состоящем почти из одних гласных. Гигант повернулся к Госсейну.

— Там никого нет, — сказал он.

Госсейн не ответил. «Никого нет», — эхом отдалось в мозгу. Впрочем, он заранее мог предположить, что ни один ученый не останется в стороне, когда человечеству грозит опасность.

Торсон сделал знак охраннику, который нес вибратор, и Госсейн сразу почувствовал, как энер-

гия обволокла его тело. Торсон смотрел на него.

— Мера предосторожности, — сказал он. — Мы выключим прибор, когда войдем в здание.

Госсейн удивился.

— Вы намерены войти?

— Я разнесу дворец на мелкие кусочки, — ответил Торсон. — в нем могут быть потайные комнаты.

Он повысил голос, отдавая какие-то распоряжения. Началась суматоха. Люди подбегали к нему с докладами. Они говорили все на том же непонятном языке, и Госсейн представления не имел, что происходит, пока Торсон не повернулся к нему, хмуро улыбаясь.

— В одной из лабораторий работает какой-то старик, — объяснил он. — Непонятно, как мы не заметили его раньше, но… — Он нетерпеливо махнул рукой. — Я приказал не трогать его до моих дальнейших распоряжений.

Торсон, несомненно, говорил правду. Он побледнел и выглядел озабоченным. Некоторое время он стоял, что-то обдумывая.

— Слишком рискованно, — пробормотал он. — Войти придется, но…

Массивные золотые ступени привели их к платиновым дверям, усыпанным драгоценными

камнями. Они вошли в огромный холл. Каждый дюйм стен и куполообразного потолка сверкал миллионами бриллиантов. Эффект создавался потрясающий, и Госсейн подумал, что архитекторы несколько переусердствовали. Дворец строился в то время, когда необходимо было убедить человечество, что так называемые драгоценные камни и металлы, ранее служившие признаком богатства, — всего лишь обыкновенные редкие минералы. С тех пор прошло сто лет.

Они пересекли комнату, выложенную рубинами, поднялись по изумрудной лестнице и, войдя в зал со стенами из чистого серебра, остановились перед коридором, отделанным пластиком, который ничем не отличался от опала. Солдаты сновали по всем помещениям, и Госсейн почувствовал отчаяние. Торсон показал на дверь в конце коридора.

— Он там.

Госсейну казалось, что все это происходит во сне. Он едва не спросил: «А борода у него есть?» Но не смог вымолвить ни слова. «Как же быть?» — подумал он в отчаянии.

Торсон кивнул.

— Мои люди охраняют его. Сейчас все в ваших руках. Вы пойдете и скажете ему, что здание

окружено. Атомной энергией он не владеет — ее не регистрируют наши приборы — так что он не может нам помешать. — Выпрямившись во весь рост, он смотрел на Госсейна сверху вниз. — Госсейн, — прорычал он, — я вас предупреждаю: лишнее движение, и я уничтожу и Землю, и Венеру. Если произойдет что-нибудь непредвиденное…

Звериная злоба угрозы вызвала у Госсейна ответную реакцию, помогла избавиться от оцепенения. Они с ненавистью уставились друг на друга. Торсон первым нарушил молчание и рассмеялся, разряжая обстановку.

— Ну ладно, ладно, — произнес он. — Считайте, что оба мы погорячились. Слишком много Поставлено на карту. Но помните, это вопрос жизни или смерти. — Он скрипнул зубами. — Ступайте же!

Госсейн ощутил внутри ледяной холод — результат неправильной работы нервной системы, мускулы его напряглись. Он двинулся по коридору.

— Госсейн, когда ты подойдешь к нише рядом с дверью, шагни туда. Там ты будешь в безопасности.

Госсейн вздрогнул, как от удара. Он не слышал ни одного слова, но мысль, возникшая в

мозгу, прозвучала так ясно, как будто была его собственная.

— Госсейн, вдоль стен стоят металлические ящики, к которым подведена электрическая энергия в тысячу вольт. Воспользуйся ею.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений. Видимо, Прескотт оказался не прав, считая, что телепатия возможна только в том случае, когда два мозга совпадают по своим показателям как минимум до двадцатого десятичного знака, ведь он спокойно воспринимал чьи-то чужие мысли.

Госсейн застыл на месте. Он смутно подумал: «Я не должен останавливаться! Надо идти!»

— Госсейн, зайди в нишу и нейтрализуй вибратор!

Он прошел больше половины пути. Ниша была уже в десяти футах от него, в пяти, потом…

— Госсейн, что вы задумали? — заревел Торсон. — Выходите немедленно!

— Нейтрализуй вибратор!

Он старался изо всех сил, зрение его помутилось от напряжения. Он увидел, как молния сверкнула и ударила прямо в Торсона. Гигант рухнул, а огненная струя закружилась по залу. Послышались крики и стоны солдат. Огненный шар плавно опустился с потолка, обволакивая

вибратор. Раздался взрыв, и прибор разлетелся на мелкие куски. Столпившиеся вокруг техники были убиты. Нервная система Госсейна освободилась из плена энергетических пульсаций.

— Госсейн, торопись! Не дай им опомниться. Они не должны передать на космические корабли приказ о бомбежке. Я ничего не могу сделать. Очисти здание, потом возвращайся. Скорее! Я тяжело ранен.

Ранен! Чувствуя необъяснимое волнение, Госсейн представил себе человека, который умрет, так и не успев ничего ему рассказать. Он заставил себя сконцентрироваться и, подсоединив дополнительный мозг к источникам энергии, через десять минут превратил в развалины остальную часть здания и площадь. Поток пламени разлился по коридорам. Стены рушились, заживо погребая солдат. Танки дымились и вспыхивали яркими факелами. «Ни один человек, — ярче молнии сверкнула мысль, — ни один человек из особой охраны Торсона не должен уйти отсюда живым».

И не ушел. Совсем недавно целый полк: солдат и боевой техники заполнял площадь. Сейчас повсюду лежали обуглившиеся тела да кое-где дымились куски металла. Робопланы висели в воздухе на высоте тысячи футов. Без приказа

Торсона они не решатся на какие-то действия. А может, командование уже принял Кренг.

Госсейн не стал тратить времени на размышления. Он кинулся обратно в здание, пробегая комнату за комнатой. В лаборатории в кресле у стола полулежал старик с густой бородой. Он посмотрел на Госсейна остекленевшим взглядом, с трудом улыбнулся и произнес:

— Полный порядок!

У старика был глубокий, сильный и очень знакомый голос. Госсейн уставился на него, вспоминая, где слышал этот бас раньше. Вздрогнув, он сделал шаг вперед.

— Икс! — сказал он.

XXXV

Старик закашлялся, и лицо его исказила боль. Тело судорожно сотрясалось, повязка сползла, и Госсейн увидел обожженную кожу и огромную, величиной с кулак, рану на боку. Из раны струилась темная кровь.

— Ничего, — сказал он. — Если не кашлять, то я хорошо контролирую боль. Самовнушение. — Он осторожно выпрямился. — Икс, — повторил он. — Что ж, можно считать и так. Я добился для него высокого положения в заговоре. И он, не подозревая об этом, был для меня источником информации. В этом и заключается уникальность системы бессмертия, которую мне удалось усовершенствовать. Мысли активного мозга телепатически воспринимает пассивный. Однако, когда появился он, мне пришлось исчезнуть. Понимаешь, трудно объяснить наличие двух Лавуазье. — Он медленно прислонился к спинке кресла и облегченно вздохнул. — Мне был необходим осведомитель, мысли которого я мог бы читать без задержки. Признаюсь, я подстроил аварию и ускорил течение некоторых жизненных процессов в его организме. Жестокое

решение, не спорю, но в остальном он оставался совершенно независимым негодяем, вольным в своих поступках.

Голова его свесилась на грудь, глаза закрылись, и Госсейну показалось, что старик потерял сознание. Неизвестный умирал, а ему так ничего и не удалось выяснить! Я должен знать, кто я такой, — с тоской подумал он и, наклонившись, тронул Лавуазье за плечо.

— Проснитесь! — позвал он.

Старик шевельнулся. Усталые глаза открылись и задумчиво посмотрели на него.

— Я пытался, — сказал низкий голос, — покончить с собой. Не хватило сил подключить дополнительный мозг к источнику энергии. Ничего не вышло… Видишь ли, я давно решил, что умру вместе с Торсоном… Думал, меня убьют солдаты… они плохо стреляли. — Он покачал головой. — Все логично. Сначала пробуждается тело, потом кора головного мозга, потом… — Глаза его загорелись. — Может быть, ты дашь мне пистолет? Я чувствую, мне все труднее бороться с болью.

Обуреваемый противоречивыми чувствами, Госсейн поднял с пола бластер. «Неужели я должен заставить беспомощного старика страдать и

отвечать на вопросы?» Внутренняя борьба стоила ему душевных сил, но в конце концов он решил, что у него нет другого выхода.

Когда Лавуазье протянул руку, Госсейн отрицательно покачал головой. Старик бросил на него быстрый взгляд.

— Вот оно что! — Он рассмеялся каким-то странным, удивленным смехом. — Ну хорошо, что ты хочешь узнать?

— Мои тела. Как…

Его прервали на полуслове.

— Секрет бессмертия, — сказал старик, — заключается отчасти в умении разграничивать потенциальные возможности, которые ребенок унаследовал от каждого из своих родителей. К примеру, можно взять близнецов, или двух похожих друг на друга братьев. Теоретически сходство может быть достигнуто непосредственно при рождении. Но в действительности это возможно лишь в лабораторных условиях, когда тела находятся в электронном инкубаторе. Бессознательное состояние исключает появление у них собственных мыслей, их массируют автоматы, они получают искусственное питание и, следовательно, практически не отличаются от оригинала. Но мозг меняется лишь согласно

восприятию, полученному от своего alter ego, который живет в миру. Этот процесс должен контролироваться искривителем и прибором, функционирующим наподобие детектора лжи, который убирает ненужные впечатления.

В твоем случае я стер почти всю память — тебе незачем было много знать. Но именно такое совпадение мыслей обеспечивает бессмертие личности, несмотря на то, что тело за телом могут подвергаться уничтожению или гибели.

Голова старика опять склонилась.

— Вот и все. Остальное ты уже знаешь от Кренга. Мы должны были как-то отсрочить нападение.

— А дополнительный мозг? — спросил Госсейн.

Старик вздохнул.

— Он существует в зародыше у каждого из нас, но не может развиться из-за нервных перегрузок, которые организм испытывает в течение жизни. Вспомни кору головного мозга Джорджа, мальчика-зверя, так и не начавшую правильно функционировать. Дополнительный мозг просто не выдерживает активного существования на ранних стадиях развития… Его, конечно, можно…

Он умолк, и Госсейн дал ему минутный отдых,

пытаясь разобраться в услышанном. Возможности, унаследованные от каждого из родителей. Искусственное оплодотворение — наука пользовалась подобными методами сотни лет назад, а инкубаторами еще раньше. Теперь самое главное: где хранятся тела?

Он задал вопрос и, не получив ответа, потряс старика за плечо. Тело Лавуазье безжизненно наклонилось вперед. Госсейн осторожно опустил его на пол и, встав на колени, приложил ухо к груди. Сердце не билось. Госсейн медленно выпрямился. Губы его беззвучно шептали: «Но ведь ты ничего мне не сказал. Я все еще ничего не знаю».

Постепенно он успокоился. Нельзя ожидать, что все в жизни будет ясным. Наклонившись, он осмотрел куртку и брюки старика, надеясь найти хоть какую-нибудь зацепку. Карманы были пусты. Он уже собирался встать, когда услышал:

— О Боже, дай мне пистолет!

Госсейн замер, потрясенный до глубины души, и тут же понял, что не услышал ни звука. Он уловил мысль умирающего. Сначала нерешительно, потом все увереннее, он осторожно потряс его за плечо. Клетки мозга погибали не сразу после того, как сердце переставало биться. Если он услышал

одну мысль, значит, есть и другие. Шли минуты. «Умирание — сложный процесс», — подумал Госсейн. К тому же, сходство между ними наверняка частично нарушено.

— Поживи еще немного, Госсейн. Следующей партии тел — всего восемнадцать лет. Подожди, пока им исполнится тридцать… да, тридцать…

Мысль оборвалась, но Госсейн задрожал от возбуждения. Видимо, какая-то группа клеток отозвалась на его призыв. Прошло еще несколько минут, и он уловил:

— Память — удивительная вещь… Но между моей и твоей группами была нарушена непрерывность… Несчастный случай со мной… течение процесса… Да, жаль… Но ты уже приобрел жизненный опыт и сможешь завершить…

Следующая пауза была короткой. И снова в его мозгу зазвучал голос:

— Я задумывался тоже — может, и меня кто-нибудь создал? Я считал, что я — ферзь в шахматной партии. Ты же был пешкой в седьмом ряду: шаг — и ты тоже ферзь. Но ведь даже ферзь — всего лишь фигура, хоть и важная. Но кто же играет? Все это началось… Опять… (что-то неразборчивое). *Круг замкнулся. И мы продвинулись не далее…*

Госсейн изо всех сил старался удержать мысль, но она ускользнула. Стоя на коленях возле мертвого тела и напряженно ожидая следующего импульса, он вдруг осознал, насколько фантастично то, что сейчас совершается.

И вновь голос:

— Госсейн, более пятисот лет назад… я начал разрабатывать ноль-А теорию, предложенную еще раньше не помню кем. Я подыскал место, мне казалось, что неаристотелев человек… именно тот путь развития… Тайна бессмертия не должна попасть в руки таким, как Торсон, готовым использовать знания для достижения неограниченной власти…

Наступило молчание. Кора головного мозга погибала, клетки теряли связь между собой. Он поймал неясные фрагменты фраз. Затем вдруг:

— …Я обнаружил галактическую базу, побывал во всей Вселенной… вернулся и разработал проект Машины… выбрал Венеру, чтобы люди могли быть счастливы. А затем, несмотря на потерю памяти в результате несчастного случая, я начал выращивать тела, правда не своего поколе…

Проходили минуты. Мозг старика молчал. Госсейн поднялся. Он восторжествовал над самой смертью! Внезапно ему вспомнилось: «Между

твоей и моей группами нарушилась непрерывность».

Ну, конечно! Ненависть к Иксу затуманила его ощущение, что между ними должна быть какая-то связь. Но относится ли непрерывность только к памяти? А к чему еще она может относиться?

Он нашел тюбик с пастой для бритья в ванной на полке. Нетерпеливо выдавил содержимое на бороду покойного.

Волосы остались на полотенце. Стоя на коленях, Госсейн, не отрываясь, смотрел в лицо человека лет семидесяти пяти или восьмидесяти — старше, чем он предполагал. Искать больше никого не нужно. Это было его собственное лицо.

Пешки ноль-А
(перев. О. Чертолиной)

I

Нервная система нормального человека потенциально превосходит нервную систему любого животного. Для сохранения здравомыслия и обеспечения гармоничного развития каждый индивидуум должен научиться приспосабливаться к окружающей среде. Вот методы тренировки, с помощью которых можно достигнуть этого.

Курс Ноль-А

Тени. Какое-то движение на холме, где некогда стояла Машина Игр, и где теперь царило запустение. Две фигуры, одна из которых казалась бесформенной, медленно пробирались среди деревьев. Они вышли из темноты к уличному фонарю, который, как одинокий страж, стоял на этой высоте, откуда Город был виден, как на ладони. В его свете вторая фигура оказалась обычным человеком с двумя ногами.

Первая осталась тенью, сделанной из того, из чего состоят все тени, из черноты, сквозь которую просвечивал фонарь.

Человек и тень, похожая на человека. Человек-тень остановился, подойдя к защитной ограде, которая тянулась вдоль края холма. Он протянул руку-тень в сторону Города и заговорил голосом, который неожиданно оказался вполне человеческим.

— Повторите ваши инструкции, Джанасен.

Даже если человек и испытывал трепет перед своим необычным компаньоном, он этого не показал. Он сладко зевнул.

— Что-то хочется спать, — сказал он.

— Ваши инструкции!

Человек раздраженно махнул рукой.

— Послушайте, господин Фолловер, — сказал он с досадой. — Не разговаривайте так со мной. Эта ваша манера ничуть не пугает меня. Вы меня знаете. Я буду работать.

— Не надо слишком часто испытывать мое терпение, — сказал Фолловер. — Вы знаете, что в моих перемещениях задействована энергия времени, и все равно затягиваете разговор. Вот что я вам скажу: если я из-за вас когда-нибудь попадут в неприятную ситуацию, я прекращу наши отношения.

В голосе Фолловера прозвучала угроза, так что человек предпочел промолчать. Он задумался,

почему дерзит этому невообразимому страшному существу, и единственный ответ, пришедший ему в голову, был таким: его душу отягощает осознание того, что он платный агент этого создания, которое стало его безусловным хозяином.

— Теперь быстро, — приказал Фолловер, — повторите ваши инструкции.

Человек начал с неохотой. Для ветра, дующего им в спину, слова были бессмыслицей; они уносились в ночь, как призраки сна или тени, исчезающие в солнечных лучах. Он говорил о том, что воспользуется битвой в Городе, которая скоро закончится. Ему будет открыт доступ в Институт эмиграции. «Фальшивые документы, которые я получу, дадут мне возможность работать там необходимое время». Цель плана — не допустить прибытия Госсейна на Венеру до тех пор, пока не будет слишком поздно. Человек не имел понятия, кто такой Госсейн и что означает слишком поздно для его прибытия, но идея достаточно ясна.

— Я воспользуюсь авторитетом Института и организую «несчастный случай» в назначенное время в четверг, через четырнадцать дней, когда корабль «Президент Харди» вылетит на Венеру. А вы позаботитесь о том, чтобы он был на месте, когда это произойдет.

— Я не собираюсь заботиться ни о чем подобном, — ответил Фолловер. — Я просто предвижу, что он будет там в определенный момент. Итак, время «несчастного случая»?

— Девять двадцать восемь.

Они помолчали. Казалось, Фолловер размышлял.

— Я должен вас предупредить, — сказал он, наконец, — этот Госсейн не обычный человек. Повлияет ли это обстоятельство на события или нет, я не знаю. Кажется, для этого нет причин, но все возможно. Будьте осторожны.

Человек пожал плечами.

— Я сделаю все, что в моих силах. Я he боюсь.

— В надлежащее время вы возвратитесь назад обычным способом. Ждать вы можете здесь или на Венере.

— На Венере, — ответил человек.

— Прекрасно.

Наступила тишина. Фолловер сделал легкое движение, как бы освобождаясь от спутника. Казалось, он стал еще менее материален. Свет фонаря, проникающий через черную субстанцию, которая была его телом, стал ярче. Но, хотя призрак побледнел и начал таять, он не распался на части, форма его сохранилась. Он исчез целиком,

как будто его никогда и не существовало.

Джанасен ждал. Он был практичным человеком и был любопытен. Он раньше видел миражи, но не был вполне уверен, что это то же самое. Через три минуты на том месте, где только что стоял Фолловер, загорелась земля. Джанасен осторожно отошел.

Огонь неистовствовал, но не так яростно, чтобы он не увидел внутреннего механизма со сложными частями. Белые шипящие языки пламени превратили устройство в бесформенную массу. Джанасен не стал дожидаться конца, а пошел вниз по тропинке, ведущей к стоянке робокаров.

Десять минут спустя он был в центре города.

Трансформация энергии времени шла своим неопределимым ходом до 8.43 первого вторника марта 2561 года. Несчастный случай с Гилбертом Госсейном планировался на 9.28.

8.43. На космодроме на горе над Городом «Президент Харди» готовился к вылету, который был назначен на час дня.

Две недели прошло с тех пор, как Фолловер и его помощник смотрели на Город, погруженный в ночь. И две недели и один день — с тех пор, как молния из энергетической чаши в Институте семантики убила Торсона. В результате через три

дня бои в Городе прекратились.

Повсюду жужжали, гудели, дребезжали роботы, трудясь под управлением своих электронных мозгов. Через одиннадцать дней огромный город вернулся к жизни, конечно, не без усилий людей, гнувших спины наряду с машинами. Результаты были колоссальными. Снабжение продовольствием нормализовалось. Большинство следов битвы было устранено. И главное, страх перед неведомыми силами, проникшими со звезд в Солнечную систему, отступал с каждым новым известием с Венеры и с каждым прошедшим днем.

8.30. На Венере в шахте, где недавно располагалась секретная галактическая база Великой Империи в Солнечной системе, Патриция Харди сидела в своих апартаментах, изучая краткий звездный путеводитель. На ней был трехдневный костюм, который сегодня она надела в последний раз перед уничтожением. Патриция Харди была стройной молодой женщиной, чья приятная внешность затмевалась более любопытным качеством — атмосферой властности. Дверь открылась, и на пороге показался мужчина. Он остановился, пристально глядя на девушку. Она продолжала листать книгу, не обращая никакого

внимания на вошедшего.

Элдред Кренг ждал, не обижаясь. Он уважал Патрицию Харди и восхищался ею, но она была еще не полностью обучена ноль-А принципам. Ей нужно было время, чтобы пройти через подсознательное принятие факта, что в комнату кто-то вошел, после чего она повернулась и взглянула на Кренга.

— Ну? — спросила она.

Худощавый мужчина шагнул вперед.

— Полный провал, — сказал он.

— Сколько посланий ты отправил?

— Семнадцать. — Он покачал головой. — Я боюсь, что мы медлим. Мы были уверены, что Госсейн вернется сюда. Теперь осталась одна надежда, что он вылетит на корабле, отправляющемся сегодня с Земли.

Они помолчали. Женщина сделала несколько пометок в путеводителе острым, как игла, инструментом. Каждый раз, когда она касалась им страницы, та вспыхивала слабым голубоватым цветом. Наконец, она пожала плечами.

— Этому не помочь. Кто мог подумать, что Энро так быстро раскроет твои действия? К счастью, ты тоже не медлил, и теперь его солдаты разбросаны по дюжинам баз на ближайших звездах и уже ис-

пользуются для других целей. — Она улыбнулась ему. — Ты поступил как всегда мудро, дорогой, отдав этих солдат в распоряжение командиров баз. Они так хотели заполучить побольше людей в своих секторах, что когда некий ответственный чиновник представил им несколько миллионов солдат, они фактически припрятали их. Когда-то Энро развернул сложную систему для обнаружения потерянных таким образом армий. — Она внезапно замолчала. — Ты выяснил, как долго мы можем оставаться здесь?

— Увы, недолго, — сказал Кренг. — На Геле 30 получен приказ отрезать Венеру от индивидуальных матриц, как только я и ты прибудем на Гелу. Путь для кораблей они пока оставляют, но мне сказали, что индивидуальные искривители пространства будут отключены в течение двадцати четырех часов, прибудем мы на Гелу или нет. — Он нахмурился. — Если бы Госсейн поспешил! Я мог бы задержать их еще на день или около того, не раскрывая твоей личности. Я думаю, стоит рискнуть. Мне кажется, Госсейн более важен, чем мы.

— Ты говоришь таким тоном… — резко сказала Патриция Харди. — Что случилось? Война?

Кренг ответил не сразу.

— Я только что отправлял послание и случайно настроился на путаные переговоры где-то в центре галактики. Девятьсот тысяч военных кораблей атакуют Центральные силы Лиги в Шестом Деканте.

Девушка долго молчала. Когда она, наконец, заговорила, в ее глазах блестели слезы.

— Значит, Энро пошел на это. — Она гневно тряхнула головой и вытерла слезы. — Это все решает. Теперь я знать его не желаю. Можешь делать с ним все, что угодно.

Кренг не пошевелился.

— Война была неизбежна. Меня беспокоит быстрота развития событий. А мы… Представляешь, ждать до вчерашнего дня, чтобы отправить доктора Кейра на Землю искать Госсейна!

— Когда он доберется туда? — спросила она, но тут же махнула рукой. — Ах, да! Ты же мне говорил это раньше. Послезавтра. Элдред, мы не можем ждать.

Патриция встала и подошла к нему. Глаза ее сузились. Она внимательно смотрела на него.

— Я надеюсь, ты не собираешься делать безрассудств.

— Если мы не дождемся его, — сказал Кренг, — Госсейн будет отрезан здесь, в 970 световых годах

от ближайшего межзвездного транспорта.

Она быстро ответила:

— В любой момент Энро может сбросить в шахту атомную бомбу через искривитель.

— Вряд ли он станет разрушать базу. Ее слишком долго восстанавливать, а, кроме того, мне кажется, он знает, что ты здесь.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Откуда у него может быть такая информация?

Кренг улыбнулся.

— От меня, — сказал он. — Я и Торсону рассказал, кто ты, чтобы спасти твою жизнь. Я также сказал об этом секретному агенту Энро.

— Все равно, — сказала Патриция, — твои рассуждения основаны на желаемом. А если мы выберемся отсюда целыми и невредимыми, мы сможем вернуться за Госсейном потом.

Кренг посмотрел на нее задумчиво.

— Все не так просто. Ты забываешь, что Госсейн — вымышленная личность, что за ним или над ним стоит некое существо, как он его называет, или, если хочешь, космический шахматист. Это, конечно, широкое сравнение, но если мы его примем, то мы должны допустить и возможность существования второго игрока. Ведь шахматы

— игра для двоих. И еще, Госсейн считает себя пешкой на седьмой линии, но я думаю, что он стал ферзем, когда убил Торсона. А ферзя опасно оставлять в позиции, где он не может двигаться. Его необходимо вывести на открытое пространство, в данном случае в галактику, где у него будут большие возможности делать решительные ходы. И я боюсь, что пока игроки скрыты и передвигают фигуры, до тех пор Госсейн находится в смертельной опасности. По-моему, промедление даже на несколько месяцев может оказаться фатальным.

После короткого молчания Патриция спросила:

— И долго ты собираешься ждать?

Кренг мрачно посмотрел на нее и глубоко вздохнул:

— Если имя Госсейна, — сказал он, — есть в списке пассажиров «Президента Харди» — а я получу этот список через несколько минут после старта корабля — мы будем ждать его прибытия, то есть три дня и две ночи.

— А если его нет в списке?

— Мы покинем Венеру, как только убедимся в этом.

Как выяснилось, имени Гилберта Госсейна не

было в списке пассажиров «Президента Харди».

8.43. Проснувшись, Госсейн почти одновременно осознал три вещи: что уже утро, что солнце заливает комнату отеля и что видеофон у кровати мягко, но настойчиво жужжит.

Он сел и, окончательно проснувшись, вспомнил, что сегодня «Президент Харди» вылетает на Венеру. Мысль оживила его. Война сократила сообщение между планетами до одного раза в неделю, а он все еще не получил разрешения на посещение Венеры. Он наклонился и нажал кнопку, но, поскольку был в пижаме, отключил экран видеофона.

— Госсейн слушает, — сказал он.

— Мистер Госсейн, — ответил мужской голос, — это Институт эмиграции.

Госсейн вздрогнул. Он знал, что сегодня ему должны сообщить решение, а интонация говорившего была не слишком обнадеживающей.

— Кто говорит? — спросил он резко.

— Джанасен.

Госсейн нахмурился. Это был тот самый человек, который чинил так много препятствий на его пути, который настаивал на предъявлении свидетельства о рождении или других документов, который отказался признать благоприятный

отзыв детектора лжи. Джанасен был мелким служащим, но Госсейн удивлялся, что тот получил даже такой чин, поскольку он почти патологически не желал делать что-либо по собственной инициативе. Одним словом, это был не тот человек, с которым хотелось бы говорить в день вылета корабля.

Госсейн щелкнул переключателем на пульте видеофона и подождал, пока изображение собеседника не стало ясным.

— Джанасен, я хочу поговорить с Йорком.

— Все инструкции я получил от мистера Йорка.

Джанасен был невозмутим. Его лицо, несмотря на худобу, выглядело холеным.

— Свяжите меня с Йорком, — сказал Госсейн.

Джанасен не обратил никакого внимания на его слова.

Он сказал:

— Ввиду неспокойной ситуации на Венере…

— Освободите линию! — сказал Госсейн с угрозой. — Я буду говорить только с Йорком и ни с кем другим.

— …ввиду неясной ситуации на Венере, в вашей просьбе о посещении Венеры отказано.

Госсейн был в ярости. Четырнадцать дней этот

тип тянул резину, и вот сегодня, в день отправления корабля, он сообщает ему об отказе.

— Этот отказ, — продолжал невозмутимый Джанасен, — не лишает вас права сделать новую заявку, когда появятся соответствующие разъяснения о ситуации на Венере.

Госсейн сказал:

— Передайте Йорку, что я хочу увидеться с ним сразу после завтрака.

Его пальцы нажали на кнопки и отключили связь.

Госсейн быстро оделся и глянул в большое зеркало, отражающее его фигуру в полный рост. На него смотрел высокий мужчина лет тридцати пяти с суровым лицом. Острое зрение Госсейна не могло не отметить необычные черты в своем облике, хотя беглый взгляд ненаблюдательного человека не заметил бы ничего особенного. Госсейн видел, что голова его была слишком большой для туловища.

Только благодаря массивности плеч, рук и грудной клетки, она выглядела терпимо пропорциональной. К ней вполне подходило определение «львиная». Он надел шляпу и теперь выглядел, как крупный мужчина с волевым лицом. Он старался по возможности оставаться неприметным.

Дополнительный мозг, который увеличивал его голову почти на одну шестую по сравнению с обычными людьми, имел некоторые ограничения. За две недели, прошедшие после смерти Торсона, у него было много свободного времени для исследования своих возможностей. Результаты резко изменили его прежнее чувство непобедимости. «Запомненные» зоны действовали только немногим более двадцати шести часов, — видимо, происходило какое-то изменение в их структуре, не заметное глазу, — и по прошествии этого времени он не мог телепортироваться туда.

Поэтому каждый вечер и утро ему приходилось заново «запоминать» зоны, чтобы в случае крайней необходимости у него было несколько мест, куда он мог бы отступить. Ограничение времени приводило его в недоумение. Но исследованием этого феномена он собирался заняться уже на Венере.

Войдя в лифт, он взглянул на часы: 9.27.

Через минуту, в 9.28, время, на которое был назначен «несчастный случай», лифт с грохотом упал в шахту.

II

Общая семантика позволяет индивидууму достигнуть следующих результатов: (1) он может логически предвидеть будущее; (2) он может максимально развить свои способности; (3) он действует всегда в соответствии с окружающей обстановкой.

Курс Ноль-А

Госсейн прибыл на взлетную площадку на горе за несколько минут до одиннадцати. Воздух на этой высоте был свежим и прохладным, что значительно улучшило его настроение. Он немного постоял около ограждения, за которым на металлических опорах высился космический корабль. «Первым делом, — подумал Госсейн, — надо проникнуть за ограждение». Это было чрезвычайно просто. Взлетная площадка кишела людьми и появление там еще одного вряд ли было бы замечено. Проблема заключалась в том, чтобы никто не увидел процесса его материализации, когда он окажется за ограждением.

Приняв, наконец, решение, он не испытывал

сожаления по этому поводу. Из-за небольшой задержки, вызванной «несчастным случаем» — он исчез из падающего лифта путем простой телепортации обратно в комнату отеля — он осознал, как мало времени у него осталось. Как ему действовать, он понял, пытаясь получить сегодня допуск на корабль от Института эмиграции. Все, что ему было нужно, это вызвать зрительный образ. Время законности прошло.

Он выбрал место за ограждением позади ящиков, «запомнил» его, отступил за вагонетку и через мгновение вышел из-за ящиков, направляясь к кораблю. Никто не пытался его остановить, никто не уделил ему больше рассеянного взгляда.

Он поднялся на борт и первые десять минут старался «запомнить», как можно больше зон с помощью своего дополнительного мозга.

Во время взлета он лежал на удобной кровати в одной из красивейших кают. Через час в замке загремел ключ. Госсейн быстро настроился на «запомненную» зону и телепортировался туда. Место материализации он выбрал удачно. Три человека, увидевшие, как он вышел из-за перегородки, очевидно восприняли это, как само собой разумеющееся, и едва взглянули на него. Он

прошел на корму корабля и остановился перед большим экраном, глядя вниз на удаляющуюся Землю. Под ним простирался бескрайний мир, который все еще казался цветным. На глазах мир опускался в мрачную темноту и с каждой минутой становился все более круглым. Планета быстро уменьшалась в размерах, пока не превратилась в большой смутный шар, мерцающий в черной бездне. Зрелище показалось каким-то нереальным.

Госсейн провел эту ночь в одной из многочисленных свободных кают. Сон пришел не сразу, мысли были беспокойны. Две недели прошли со смерти могущественного Торсона, а он не получил ни одного известия от Элдреда Кренга или Патриции Харди. На все попытки связаться с ними через Институт эмиграции он получал неизменный ответ: «Венерианская служба сообщает, что ваше послание еще не доставлено». Он уже начал подозревать, что Джанасен, служащий Института, испытывает удовольствие, сообщая ему плохие новости. Но едва ли это было возможно.

Не вызывало сомнений, что Кренг принял командование над галактической армией в день смерти Торсона. Газеты были полны из-

вестий о выводе войск захватчиков из городов не-аристотелевой Венеры. Причины массового отступления оставались неясными, редакторы не понимали, что происходит. Только для Госсейна, который знал, что предшествовало полному разгрому, ситуация была понятной. Кренг руководил. Кренг выводил галактических солдат так быстро, как это позволяли двухмильные, мощные звездолеты, торопясь, пока Энро Красный, воинственный повелитель Великой Империи, не обнаружил, что вторжение саботируется.

Но почему Кренг не попытался связаться с Гилбертом Госсейном, который создал сложившуюся ситуацию, убив Торсона?

На этой мысли Госсейн уснул. Хотя опасность вторжения временно отодвинута, его собственные проблемы не были решены. Кто он такой, Гилберт Госсейн, обладающий тренированным дополнительным мозгом, умерший и возрожденный опять в точно таком же теле? Он должен все узнать о себе и о своем странном и неведомом методе бессмертия. Какой бы ни была игра, в которой он участвовал, кажется, он является в ней важной и сильной фигурой. Видимо, он был слишком утомлен долгим напряжением и борьбой с вооруженной гвардией Торсона, иначе

понял бы раньше, что он выше закона, и не стал бы тратить время с Институтом эмиграции.

Никто не обращал на него внимания. Когда кто-нибудь направлялся к нему, он отступал из поля зрения и телепортировался в одну из «запомненных» зон.

Через три дня и две ночи после старта корабль замедлил ход в плотных облаках Венеры. Госсейн мельком увидел гигантские деревья, и на горизонте вырос город. Госсейн спустился по сходням вместе с остальными четырьмя сотнями пассажиров. Стоя на ступенях быстро движущегося эскалатора, он изучал процесс высадки. Каждый пассажир подходил к детектору лжи, сообщал свои данные и после подтверждения проходил через турникет в главную часть здания Эмиграционной службы.

Обдумав ситуацию, Госсейн «запомнил» место у стойки по ту сторону турникета. Затем, сделав вид, будто что-то забыл, он вернулся на корабль и спрятался в одной из кают до темноты. Когда тени удлинились и почернели, он материализовался у стойки здания Эмиграционной службы и спокойно направился к ближайшей двери. Через минуту он ступил на мощеный тротуар и зашагал на улице, сверкающей миллионами огней.

Он был твердо убежден, что находится в начале, а не в конце своего приключения.

Шахта охранялась солдатами венерианской ноль-А дивизии, которые однако не задерживали многочисленных посетителей.

Госсейн блуждал по ярко освещенным коридорам подземного города. Размеры бывшей секретной базы Великой Империи потрясли его. Бесшумные лифты, действующие по принципу искривителей пространства, поднимали его на верхние уровни. Он проходил через помещения, сверкающие механизмами, некоторые из них все еще действовали. Он видел венерианских инженеров, по одиночке или группами изучающих приборы и оборудование.

Коммутатор связи привлек внимание Госсейна. Он остановился и включил его. После небольшой паузы раздался глухой голос робота-оператора:

— Какую звезду вы хотите вызвать?

Госсейн глубоко вздохнул.

— Я бы хотел, — сказал он, — говорить либо с Элдредом Кренгом, либо с Патрицией Харди.

Он ждал с нарастающим волнением. Идея пришла ему в голову, как вспышка, и он не очень надеялся на успех.

Но даже если контакт не будет установлен, он

все же получит хоть какую-то информацию.

Через несколько секунд робот сказал:

— Элдред Кренг оставил следующее сообщение желающим связаться с ним: «Я сожалею, но связь невозможна».

И все. Безо всяких объяснений.

— Другой вызов, сэр?

Госсейн раздумывал. Он был разочарован, но все же положение было не таким уж безнадежным. Кренг, покидая Венеру, оставил связь Солнечной системы с галактикой, открывавшую широкие возможности как для венерианцев, так и лично для Госсейна. Он задал роботу следующий вопрос и немедленно получил ответ:

— Потребуется около четырех часов, чтобы доставить сюда корабль с Гелы 30, которая является ближайшей базой.

Именно это интересовало Госсейна.

— Я думал, что искривители пространства действуют практически мгновенно.

— При транспортировке материи происходит рассогласование полей. Однако транспортируемый не замечает времени, ему это перемещение кажется мгновенным.

Госсейн кивнул. В некоторой степени он понимал, о чем идет речь. Подобие до двадцатого

десятичного знака было несовершенным.

Он продолжил:

— Положим, я вызову Гелу. Потребуется восемь часов, чтобы получить ответ?

— О, нет. Рассогласование полей на электронном уровне бесконечно мало. Между Венерой и Гелой оно составляет около одной пятой секунды. Замедляется только передача материи.

— Понятно, — сказал Госсейн. — Значит, можно говорить со всей галактикой почти без задержки.

— Да.

— А если я хочу поговорить с кем-то, кто не знает моего языка?

— Нет проблем. Робот переводит фразу за фразой в разговорном стиле, насколько это возможно.

Госсейн не был уверен, что при таком переводе нет проблем. Ноль-А подход к действительности придает особое значение каждому слову и особенно в сочетании с другими словами фразы. Слова неуловимы и часто имеют малую связь с понятиями, которые они обозначают. Он представил себе неисчислимые неразберихи между галактическими жителями, говорящими на разных языках. Но, поскольку они не обучались ноль-А

философии и не практиковали ее принципов, они и не подозревали об опасностях недопонимания в процессе общения через роботов.

— Это все, спасибо, — сказал Госсейн и прервал связь.

Вскоре он нашел апартаменты, которые разделял с Патрицией, когда они оба были пленниками Торсона. Он надеялся найти здесь какое-нибудь адресованное ему послание или письмо, которое, в силу своей важности или секретности, не могло быть вверено центральной видеофонной станции. И действительно, он нашел кассету с записью последнего разговора между Патрицией и Кренгом, который многое объяснил ему.

Его не удивило, что Патриция не та, за кого себя выдает. Он и раньше относился с сомнением к рассказам о ее личной жизни, несмотря на то, что она заслужила доверие в борьбе с Торсоном. Информация о начавшейся в космосе войне потрясла Госсейна. Он покачал головой на слова, что они вернутся за ним «через несколько месяцев». Слишком нескоро. Он узнал, что остался в Солнечной системе, отрезанный от галактики. Внимательно выслушал он и рассказ о предпринятых Кренгом попытках связаться с ним на Земле.

Конечно же, этому помешал Джанасен. Госсейн вздохнул с непониманием. Но почему? Почему человек, который совсем не знает его, чинил ему столько препятствий? Личная антипатия? Может быть. Чего только не бывает. Но, подумав, Госсейн отверг это объяснение.

Более внимательно он прослушал слова Кренга о космических шахматистах и об опасности, которую они представляют. Это звучало убедительно и вновь вернуло его мысли к Джанасену.

Кто-то выдвинул Джанасена на «доску», возможно только на короткий по вселенским масштабам миг, возможно только для мелкой цели, простую пешку в этой огромной игре — но за пешками тоже следили.

Неожиданно Госсейн понял, что надо делать. Обдумав несколько вариантов, он сел за комнатный коммутатор и сделал вызов.

На вопрос робота-оператора, с какой звездой его соединить, он ответил:

— Свяжите меня с любым высшим представителем Галактической Лиги.

— Кто его вызывает?

Госсейн назвал свое имя и стал ждать. План был прост. Ни Кренг, ни Патриция не имели возможности уведомить Лигу о том, что случи-

лось в Солнечной системе. Быть может, ни тот, ни другая не могли рисковать. Но Лига, или по крайней мере отдельные ее представители, сделали попытку спасти Венеру от Энро. Патриция Харди говорила, что некоторые служащие Лиги заинтересовались ноль-А принципами. Голос робота-оператора прервал его мысли:

— С вами будет говорить секретарь Лиги Мадрисол.

Едва эти слова были произнесены, как на экране возникло изображение худого напряженного лица. Мужчине на вид было лет сорок пять. Его голубые глаза были устремлены на Госсейна. Наконец, частично удовлетворенный, Мадрисол зашевелил губами. После небольшой паузы появился звук:

— Гилберт Госсейн?

В голосе робота-оператора прозвучало сомнение. Перевод, кроме смысла, старался максимально передать интонации. Кто такой, казалось спрашивал Мадрисол, Гилберт Госсейн?

Этого Госсейн не стал обсуждать, в деталях. Он сообщил о последних событиях в Солнечной системе, «где, как я предполагаю, Лига имеет собственные интересы». Однако, чем пристальнее он всматривался в лицо собеседника, тем больше

разочаровывался. Никаких признаков ноль-А не отразилось на лице секретаря Лиги. Им руководят чувства. Большая часть его действий и решений — это реакции, базирующиеся на эмоциональных установках, а не на ноль-А процессах.

Он описывал возможности использования венерианцев в битве против Энро, когда Мадрисол прервал и ход его мыслей и повествование.

— Вы предлагаете государствам Лиги, — выразительно сказал он, — установить транспортную связь с Солнечной системой и позволить ноль-А людям руководить Лигой в этой войне?

Госсейн прикусил губу. Он считал само собой разумеющимся, что венерианцы заняли бы высшие посты в самое короткое время, но таламическим индивидуумам нельзя было позволить заподозрить это. Стоит только процессу начаться, они будут изумлены быстротой, с которой ноль-А люди достигнут высших позиций, необходимых с их точки зрения.

Он улыбнулся холодной, невеселой улыбкой и сказал:

— Естественно, ноль-А люди могли бы помочь техническими возможностями.

Мадрисол нахмурился.

— Это непросто, — сказал он. — Солнечная си-

стема окружена звездными системами Великой Империи. Если мы попытаемся установить с вами транспортную связь, это будет выглядеть так, словно мы особо интересуемся Венерой. Тогда Энро может уничтожить ваши планеты. Однако я могу обсудить ваше предложение с официальными кругами, и, можете не сомневаться, мы сделаем все, что в наших силах. А теперь, с вашего позволения…

Это означало конец беседы. Госсейн быстро сказал:

— Ваше превосходительство, все же можно прийти кое к какой договоренности. Небольшие корабли могли бы проскользнуть на Венеру и забрать несколько тысяч наиболее тренированных ноль-А людей, которые смогли бы вам помочь.

— Может быть, может быть, — невозмутимо ответил Мадрисол. Механический транслятор точно передал эту интонацию. — Я обсужу это с…

— Здесь, на Венере, — торопился Госсейн, — есть действующий искривитель, который может перемещать корабли длиной до десяти тысяч футов. Ваши люди могут воспользоваться им. Может быть, вы подскажете мне, как долго он останется связанным с искривителями на других

планетах?

— Я передам все эти вопросы на рассмотрение экспертам. Они примут решение. Я думаю, это будут люди, способные и уполномоченные обсудить ваши проблемы до конца.

— Я записал нашу беседу с помощью робота-оператора, чтобы должным образом передать ваши слова здешним представителям власти, — сказал Госсейн и подавил улыбку. Никаких властей на Венере не было, но так же не было времени углубляться в обширный вопрос о ноль-А демократии.

— До свидания, желаю удачи.

Раздался щелчок, и напряженное лицо исчезло с экрана.

Госсейн приказал роботу-оператору переключить все будущие вызовы из космоса в отделение Института семантики в ближайшем городе и прервал связь. Он был удовлетворен и не без причины. Он привел в действие очередной процесс, но не собирался пассивно ждать его развития.

По крайней мере, он сделал, что мог.

Следующий Джанасен, даже если это означает возвращение на Землю.

III

Чтобы стать психически нормальным и уравновешенным разумным человеком, индивидуум должен усвоить, что он не может знать всего. Недостаточно чисто умозрительно понять это ограничение; понимание должно появиться в результате регулярной тренировки не только на «сознательном», но и на «бессознательном» уровне. Такая тренировка является основой для сбалансированного приобретения знаний о сущности материи и жизни.

Курс ноль-А.

Казалось, был поздний вечер. Джанасен еще не оправился от потрясения, когда его выхватили из здания Института эмиграции. Он и не подозревал о наличии машины перемещений в собственном кабинете. Как видно, у Фолловера были и другие агенты в этой планетной системе. Он осторожно огляделся. Он стоял в тускло освещенном парке. Водопад шумел с невидимой за деревьями высоты. Струи воды сверкали в туманном свете.

На фоне водопада вырисовывалась фигура Фолловера. Его бесформенное тело не имело резких очертаний и по краям сливалось с темнотой. Молчание затянулось, и Джанасен занервничал, но он знал, что лучше не начинать первым. Наконец, Фолловер зашевелился и приблизился.

— Я с трудом приспосабливаюсь, — сказал он. — Эти сложные энергетические проблемы раздражают меня. Я не умею технически мыслить.

Джанасен продолжал молчать. Он не видел необходимости комментировать услышанное. Он ждал.

— Мы должны рискнуть, — сказал Фолловер. — Надо изолировать Госсейна от тех, кто может ему помочь, а если будет необходимо, и уничтожить. Я действую по определенному плану при поддержке Энро Красного, и мне не должна мешать личность с неизученными способностями.

В темноте Джанасен пожал плечами. На мгновение он даже удивился собственному равнодушию. Не имело значения, что именно он будет делать и что за неизвестные способности у его противника. Это его не заботило. «Я всего лишь инструмент, — подумал он с гордостью. — Я служу хозяину-тени». Он улыбнулся, опьяненный

собственным эго, своими действиями и чувствами. Он назвался Джанасеном, поскольку это имя было довольно близко к его настоящему имени. Дэвид Джанасен.

Фолловер снова заговорил.

— Любопытные моменты видны в будущем этого человека, Госсейна, но картины проходят через… хотя, пожалуй, ни один предсказатель не сможет их ясно разглядеть. Но я знаю, что он будет вас искать. Не пытайтесь предотвратить это. Он обнаружит ваше имя в списке пассажиров «Президента Харди» и удивится, что не видел вас там. В конце концов, это укажет ему, что вы на Венере. Сейчас мы находимся в парке нижнего города Нью-Чикаго.

— Как? — Джанасен огляделся с изумлением.

Он увидел только деревья, затемненные кусты и водопад. Там и сям неяркий свет отбрасывал тусклые отблески, но не было и намека на город.

— Эти венерианские города, — сказал Фолловер, — не имеют аналогов во всей галактике. Они индивидуально спланированы и застроены. Здесь все бесплатно: пища, транспорт, постройки — все!

— Что ж, это все упрощает.

— Не совсем. Теперь венерианцы знают о су-

ществовании разумных существ на планетах других звезд. После недавнего нападения они, вероятно, приняли меры предосторожности. У вас есть неделя или около того. За это время Госсейн должен вас найти.

— И что после этого? — поинтересовался Джанасен.

— Пригласите его к себе и дайте ему вот это.

Предмет пролетел, мерцая в темноте белыми вспышками. Он упал на траву и лежал, сверкая, как зеркало в солнечном свете.

— Она не будет такой яркой днем, — сказал Фолловер. — Помните, вы должны передать ее Госсейну в вашей комнате. Итак, какие вопросы?

Джанасен осторожно наклонился и поднял сверкающий предмет. Это было что-то вроде пластиковой карточки. Она была гладкой, как стекло. На ней была надпись, слишком мелкая, чтобы ее можно было прочесть невооруженным глазом.

— Что он должен сделать с этим?

— Прочесть текст.

Джанасен нахмурился.

— И что тогда произойдет?

— Вам это знать не обязательно. Вы должны только выполнять мои инструкции.

Джанасен задумался и мрачно произнес:

— Вы только что сказали, что мы должны рискнуть. Но получается, единственный, кто рискует, это я.

— Друг мой, — сказал Фолловер непреклонно, — уверяю вас, вы не правы. Давайте не будем спорить. Еще будут вопросы?

«Фактически, — подумал Джанасен, — я никогда не интересовался пустяками».

— Нет, — ответил он.

Наступила тишина. Фолловер начал таять в туманном воздухе. Джанасен так и не уловил момента, когда призрак полностью исчез. Но вскоре он понял, что остался один.

Госсейн взглянул на «карточку», затем на Джанасена. Наглость этого человека заинтересовала его, поскольку давала возможность приглядеться к его характеру. Джанасен явный солипсист. Свою неврастеничность он прикрывает важной позой, которая, впрочем, зависит от того, будут более сильные люди выносить его дерзость или нет.

Их встреча с глазу на глаз проходила в типично венерианской обстановке. Они сидели в комнате, открытые двери которой выходили в сад с цветущими кустами. Комната была со всевозможными удобствами, включая автоматическую подачу

пищи, электронное устройство для приготовления еды, которое освобождало от необходимости имёть кухню.

Госсейн изучал мужчину враждебным взглядом. Найти Джанасена оказалось не очень сложно. Несколько межпланетных переговоров, разрешенных в последние дни, быстрый опрос роботов-регистраторов в отелях вывели его на след.

Первым заговорил Джанасен.

— Организация жизни на этой планете заинтересовала меня. Я никак не могу привыкнуть к идее бесплатной пищи.

Госсейн неприветливо произнес:

— Вы бы лучше говорили по делу. То, как я с вами поступлю, полностью зависит от того, что вы мне расскажете.

Смелые голубые глаза задумчиво смотрели на него.

— Я расскажу вам все, что знаю, — наконец сказал Джанасен, пожав плечами. — Но не из-за ваших угроз.

Просто я не собираюсь скрывать ничего о себе или еще о ком-либо.

Госсейн ожидал подобных слов. Этот агент Фолловера будет счастлив прожить еще лет пять,

но при этом сохраняя уважение к себе. Однако Госсейн ничего не сказал, и Джанасен начал свой рассказ. Описывая свои отношения с Фолловером, он казался искренним. Внимание призрака он привлек, будучи на секретной службе Великой Империи. Он слово в слово пересказал разговоры с Фолловером о Госсейне. В конце он прервался и вернулся к прежней теме.

— Галактика, — сказал он, — полна разнообразнейшими идеями, но я никогда не слышал, чтобы они воплощались и приносили какой-нибудь результат. Я пытаюсь понять, как действует не-арис… не…

— Называйте это ноль-А.

— …как действует ноль-А. Но видимо эта философия основана на сознательности людей, а в это я не могу поверить.

Госсейн не ответил. Обсуждать этот предмет было глупо, поскольку здесь не обойтись несколькими словами. Если Джанасен заинтересовался, он может пойти в начальную школу. Собеседник понял его настроение и снова пожал плечами.

— Вы уже прочитали текст на «карточке»? — спросил он.

Госсейн ответил не сразу. «Карточка» состояла из химически активного, но безопасного матери-

ала, скорее всего абсорбента. Тем не менее, это был необычный предмет, очевидно, последнее достижение галактической науки. Он не собирался спешить с этим.

— Этот Фолловер, — сказал он наконец, — точно предсказал, что я буду спускаться в том лифте в девять двадцать восемь.

Поверить в это было трудно. Фолловер был не только не с Земли, но и не из Солнечной системы. Существо из далекой галактики обратило внимание на Гилберта Госсейна. И увидело его определенное действие в определенное время. Об этом говорил рассказ Джанасена.

Точность пророчества ошеломляла. Это делало «карточку» особенно ценной. Со своего места он видел текст, но не мог разобрать слов. Он наклонился ниже. Но надпись оставалась слишком мелкой.

Джанасен подал увеличительное стекло.

— Надпись можно прочесть только через лупу, — сказал он.

Госсейн колебался, но поднял карточку и внимательно рассмотрел ее. Он подумал, что это возможно переключатель, Активизирующий какой-то большой механизм. Но какой?

Он окинул взглядом комнату. Когда он входил

сюда, то «запомнил» ближайшие электрические розетки и проследил, куда идут провода. Некоторые тянулись к столу, за которым он сидел, и обеспечивали энергией встроенную кухонную машину. Он поднял взгляд.

— Мне кажется, мистер Джанасен, — сказал он, — что вы собираетесь покинуть Венеру или на корабле, или с помощью искривителя пространства. Я намереваюсь отправиться с вами.

Джанасен с любопытством посмотрел на него.

— Вам не кажется, что это может быть опасным.

— Да, — сказал Госсейн с улыбкой, — да, может быть.

Они замолчали.

Госсейн настроил карточку на одну из «запомненных» зон и одновременно подал сигнал на чувство страха или сомнения. Если эти чувства появятся у него, карточка немедленно телепортируется из комнаты.

Такая предосторожность была недостаточной, но все же давала какой-то шанс.

Он сфокусировал стекло над текстом и прочитал:

«Госсейну:

Искривитель пространства имеет замеча-

тельное качество. Он питается электрической энергией, но не проявляет необычных свойств даже во включенном состоянии. Этот прибор встроен в стол, за которым вы сидите. Если вы прочтете дальше, то тут же попадете в сложнейшую западню, когда-либо созданную для конкретного человека».

Пришло ли чувство страха, он не помнил.

Дальше была ночь.

IV

Детский мозг с недоразвитой корой фактически не способен к проницательности. Ребенок неизбежно делает неверные оценки. Многие из этих ложных суждений обусловлены тем, что нервная система находится на «бессознательном» уровне. Они могут быть перенесены в зрелость. В результате мы имеем «хорошо образованного» мужчину (или женщину) с инфантильными реакциями.

Курс ноль-А

Колесо сверкало. Госсейн лениво смотрел на него, лежа в повозке. Наконец, его взгляд оторвался от металлического колеса и остановился на закрывающей горизонт постройке. Это было гигантское строение, выгибающееся вверх от земли, подобно огромному шару. Только небольшая его часть была доступна взору.

Картина дошла до его сознания и поначалу не вызвала никакой озабоченности. Госсейн поймал себя на том, что сравнивает увиденное с номером отеля, где он беседовал с Джанасеном. А затем он

подумал: «Я Ашаргин».

Впрочем, это чувство не выражалось словами. Автоматическое отождествление себя, простое отождествление, которое исходило из органов его тела и воспринималось нервной системой, как само собой разумеющееся. Но не спокойное отождествление. Гилберт Госсейн отверг его с удивлением, которое переросло в тревожное возбуждение, а затем в замешательство.

Летний ветерок обдувал его лицо. Возле большого строения среди подобия деревьев там и сям были разбросаны мелкие постройки. Позади них, на заднем плане великолепного пейзажа, высилась величественная, покрытая снегом гора.

— Ашаргин!

Госсейн подскочил. Баритон прозвучал в футе от его уха. Он дернулся, поворачивая голову, и тут увидел свои пальцы. Это остановило его. Он забыл о человеке, окликнувшем его, забыл даже взглянуть на него. Ошеломленный, он рассматривал свои руки. Они были тонкими, изящными, не похожими на сильные, мускулистые, крупные руки Гилберта Госсейна. Он оглядел себя. Тело было мальчишески стройным.

Тут он почувствовал внутреннее отличие, чувство слабости, слабой жизненной силы, путаницу

чужих мыслей. Нет, не мыслей. Чувств. Сигналы из органов, которые некогда были под контролем другого разума.

Его сознание отпрянуло в ужасе и снова ополчилось против фантастической информации: «Я Ашаргин».

Не Госсейн? Его рассудок помрачился, когда он вспомнил слова на «карточке»: «…вы попадете в сложнейшую западню, когда-либо созданную…» Чувство катастрофы было сильнее всего испытанного им до сих пор.

— Ашаргин, ты слишком ленив. Встань и затяни подпругу дралла.

Он выскочил из телеги. Быстрыми пальцами подтянул ослабевшую подпругу на хомуте сильного быкоподобного животного. Он сделал это, даже не успев задуматься. Закончив работу, он залез обратно в повозку. Возница, священник в рабочей одежде, щелкнул кнутом. Повозка медленно потащилась и свернула во двор.

Госсейн пытался понять причину рабского повиновения, которое заставило его суетиться, как автомат. Понять было трудно. Слишком много путаницы. Но, наконец, понимание пришло.

Недавно этим телом управлял другой разум — разум Ашаргина. Это был не цельный, сла-

бый разум, над которым господствовал страх и неконтролируемые эмоции, оставившие след на нервной системе и мышцах этого тела. Самое неприятное, что на внутреннюю разбалансированность тело Ашаргина реагировало на бессознательном уровне. Даже Гилберт Госсейн, понявший это, с большим трудом мог противодействовать этим сильным физическим принуждениям до тех пор, пока не натренирует тело Ашаргина до нормального психического состояния ноль-А.

До тех пор, пока не натренирует… «Так ли это? — спросил себя Гилберт Госсейн. — Я здесь для того, чтобы натренировать это тело?»

Но быстрее его собственных вопросов поток органической мысли просочился в его сознание — воспоминания другого разума. Наследник Ашаргин. Когда ему было четырнадцать, войска Энро пришли в школу, где он учился. В этот страшный день он приготовился к смерти. Но вместо того, чтобы убить, его перевезли на Горгзид, родную планету Энро, и отдали на попечение священников Спящего Бога.

Здесь он работал в поле и голодал. Его кормили с утра, как животное. Ночью он с нетерпением ждал утра, когда ему дадут поесть, чтобы

прожить следующий день. Его положение наследника не было забыто. Но старые правящие фамилии постепенно вырождались, становясь малочисленными и слабыми. В такие периоды великие империи имели тенденцию к падению из-за недостатка властолюбивых людей, таких, как Энро Красный.

Повозка завернула за группу деревьев, которые украшали центральную часть площадки, и внезапно в поле зрения появился неболет. Несколько мужчин в черных одеяниях священников и один пышно разодетый стояли на траве возле неболета, глядя на приближающуюся повозку.

Возница поспешно склонился в волнении и грубо ткнул Госсейна кнутовищем. Он торопливо сказал:

— Опусти лицо! Это сам Еладжий, Смотритель Склепа Спящего Бога.

Госсейн почувствовал сильный толчок. Он рухнул на дно повозки вниз лицом. Он лежал там, изумленный. До него медленно доходило, что мышцы Ашаргина автоматически подчинились команде. Все еще потрясенный этим, он услышал, как сильный, громкий голос произнес:

— Корн, проводите принца Ашаргина до неболета и можете быть свободным. Принц не вернется

в рабочий лагерь.

И опять повиновение Ашаргина было беспрекословным. Перед глазами поплыл туман, конечности конвульсивно двигались. Госсейн обессиленно опустился в кресло. Неболет взлетел. Все произошло так быстро.

Куда они направляются? Это было его первой мыслью, когда он вновь обрел способность думать. Мало-помалу напряжение в мышцах Ашаргина спало. Госсейн сделал ноль-А паузу и почувствовал, что «его» тело еще больше расслабилось. Пелена упала с глаз, и он увидел, что неболет пролетает над снежной вершиной, удаляясь от храма Спящего Бога.

Здесь его мысль задержалась, как птица, остановленная в середине полета. Спящий Бог? Смутные воспоминания Ашаргина всплыли в его сознании. Спящий Бог лежал в полупрозрачном гробу в шарообразном храме. Только священникам разрешалось увидеть само тело и только один раз в жизни, во время посвящения.

Когда воспоминания Ашаргина дошли до этого момента, Госсейн понял все, что ему было нужно. Это был типичный вариант языческой религии. На Земле их было множество. Детали не имели значения. Его мысли переключились на более

важное: на нынешнюю ситуацию.

Очевидно, наступил поворотный момент в жизни Ашаргина. Госсейн огляделся, изучая обстановку. Три священника, один из которых управлял неболетом, и Еладжий. Смотритель Склепа был полным мужчиной. Его одежды, выглядевшие такими пышными, при ближайшем рассмотрении оказались черной рясой, поверх которой была надета мантия, расшитая золотом и серебром.

Осмотр закончился. Еладжий был священником номер два в иерархии Горгзида, вторым после Секоха, верховного религиозного владыки планеты, на которой родился Энро. Но его чин и его роль ничего не значили. Как показалось Госсейну, в галактических делах он был второстепенной фигурой.

Госсейн посмотрел в окно. Внизу все еще белели горы. В этот момент он понял, что его одежда не подходила чернорабочему Ашаргину. На нем была форма офицера Великой Империи: брюки с золотыми лампасами и куртка, украшенная драгоценными камнями. Подобного Ашаргин не видел уже одиннадцать лет, с тех пор, когда ему было четырнадцать.

Генерал! Высота звания поразила Госсейна.

Его мысли прояснились. Должна существовать веская причина, по которой Фолловер перенес его сюда в поворотный момент в карьере наследника Ашаргина — без его дополнительного мозга и в бессильное тело, управляемое расшатанной нервной системой.

Если состояние было временным, это давало возможность увидеть галактическую жизнь, возможность, которую он не смог бы получить обычным путем. Если же, с другой стороны, побег из этой западни зависел от его личных усилий, тогда его роль становилась понятной. Натренировать Ашаргина. Натренировать как можно скорее с помощью ноль-А методов. Только так он мог надеяться получить власть над необычной обстановкой — получить власть над несвоим телом.

Госсейн глубоко вздохнул. Он чувствовал себя значительно лучше. Он принял решение, принял его бесповоротно, прекрасно осознавая слабые места своего положения. Время и развитие событий могут внести новые коррективы в его план, но пока он заключен в теле Ашаргина, ноль-А тренировка должна стоять на первом месте. Она не должна быть слишком тяжелой.

Пассивность, с которой Ашаргин принимал полет, обманула Госсейна. Он наклонился через

проход к Еладжию.

— Ваша честь, господин Смотритель, куда меня везут?

Дрожь приземлившегося неболета вернула его в прежнее состояние. На трясущихся ногах он выбрался из неболета и увидел, что тот опустился на крышу здания.

Госсейн огляделся. Ему было важно увидеть местность. Но ему не повезло, ближайший край крыши был слишком далеко. С неохотой он позволил трем молодым священникам проводить себя до лестницы, ведущей вниз. Он мельком увидел слева, на расстоянии тридцати-сорока миль, гору. Была ли это та гора, за которой находился храм? Видимо, да. Поскольку он не видел других гор такой высоты.

Он спустился со своим эскортом на три лестничных марша, затем прошел по ярко освещенному коридору и остановился перед украшенной дверью. Младшие священники отступили. Еладжий медленно прошел вперед, его голубые глаза сверкали.

— Ты войдешь один, Ашаргин, — сказал он. — Твои обязанности просты. Каждое утро, точно в это время — в восемь часов по времени города Горгзида — ты должен приходить к этой двери и

входить без стука.

Он колебался, обдумывая следующие слова, и продолжал натянуто:

— Тебя не должно касаться, что делает его превосходительство, когда ты войдешь. Это относится и к случаю, если в комнате будет женщина. Ты не должен ни на что обращать внимание. Войдя, ты полностью поступаешь в распоряжение его превосходительства. Это не значит, что от тебя неизбежно потребуют лакейской работы, но если тебе предоставится честь выполнить личное поручение его превосходительства, ты должен сделать это быстро.

В манерах Еладжия чувствовалась самоуверенность власть предержащего. Его лицо исказилось гримасой боли, затем он милостиво улыбнулся. Это был властный жест снисхождения, смешанного с легкой тревогой, как будто произошедшее было для него неожиданным. Был даже намек на то, что Смотритель Склепа раскаивается в известных действиях, направленных против Ашаргина.

— Как я понимаю, сейчас мы расстанемся, я и ты, Ашаргин. Ты воспитывался в строгом внимании к твоему титулу и той роли, которую теперь тебе предстоит играть. Основой нашей религии

является принцип, что первый долг человека перед Спящим Богом — научиться смирению. Может, тебя удивляло, почему твоя ноша столь тяжела, но теперь ты увидишь, что все это к лучшему. Как прощальное напутствие, я хочу, чтобы ты запомнил одну вещь. С незапамятных времен существует обычай истреблять соперничающие правящие дома: корни, ствол и ветви. Но ты все еще жив. Одно это должно вселить в тебя благодарность к великому человеку, который управляет самой большой во времени и пространстве империей.

И опять пауза. У Госсейна было время подумать, почему Энро оставил Ашаргина в живых, время понять, что этот циничный священник фактически заставляет его проникнуться благодарностью к захватчику.

— Все, — сказал Еладжий. — Теперь входи!

Это была команда, и Ашаргин беспрекословно подчинился ей, так, что Госсейн не мог ничего поделать. Его рука протянулась вперед. Он взялся за ручку, повернул ее и, открыв дверь, перешагнул через порог.

Дверь закрылась за ним.

На планете далекого солнца, посредине серого помещения выросла тень. Она проплыла над

полом. В этой узкой камере находились два человека, отделенные друг от друга и от Фолловера тонкими решетками. Но Фолловер не обратил на них никакого внимания, он проскользнул к койке, на которой лежало неподвижное тело Гилберта Госсейна.

Он наклонился и прислушался. Затем выпрямился.

— Он жив, — громко сказал Фолловер.

Голос был удивленным, словно произошло что-то, не входившее в его планы. Он посмотрел в лицо женщины — если безликая тень может смотреть кому-либо в лицо — через разделяющую их решетку.

— Он появился в предсказанное мною время?

Женщина пожала плечами, потом угрюмо кивнула.

— И с тех пор он так выглядит? — Его громкий голос был настойчив.

На этот раз женщина не ответила определенно.

— Итак, великий Фолловер наткнулся на достойного противника.

Тень вздрогнула, словно стряхивая ее слова. Отрет прозвучал спустя некоторое время.

— Это какой-то странный мир. Тут и там, на

мириадах планет, появляются личности, которые подобно мне имеют необычные способности, возвышающие их над остальными. Энро, а теперь Госсейн.

Он остановился, а затем тихо проговорил, будто размышляя вслух.

— Я мог бы сейчас убить его, размозжив ему голову или проткнув ножом, в общем любым из десятков способов. И еще…

— Почему же ты не сделаешь этого? — съязвила женщина.

Он колебался.

— Потому что… Я еще многого не знаю. — Его голос был холодным и решительным. — И кроме того, я не убиваю людей, которых могу использовать. Я еще вернусь.

Он начал таять, пока не исчез из убогой бетонной комнаты, где в камерах, отделенных друг от друга тонкими фантастическими сетками из металла, были заточены женщина и двое мужчин.

Госсейн-Ашаргин оказался в большой комнате. На первый взгляд, она показалась ему набитой оборудованием. Для Ашаргина, чье образование закончилось в четырнадцать лет, назначение приборов осталось непонятным. Госсейн же узнал механические карты и видеоэкраны на

стенах. Почти по всей комнате располагались пульты искривителей пространства. Некоторые устройства он видел впервые, но его образование было довольно широким, так что по способу их соединения с другими, известными механизмами, он догадался об их назначении.

Это был военный штаб. Отсюда Энро управлял, насколько это возможно для одного человека, огромными войсками Великой Империи. Видеоэкраны были его глазами. Огни, мигающие на картах, показывали ему полную картину любого сражения. Многочисленность искривителей пространства позволяла предположить, что он контролировал все точки обширной империи. Возможно даже, он имел связанную систему искривителей, посредством которой мог быстро попасть почти в любую часть галактики.

Если не считать приборов, огромная комната была пустой.

Госсейн подбежал к окну в углу помещения и через мгновение смотрел вниз на город Горгзид.

Столица Великой Империи сверкала в лучах яркого голубого солнца. Память Ашаргина услужливо подсказала Госсейну, что прежняя столица Нирена была уничтожена атомными бомбами, и бескрайняя равнина, где стоял тридцатимил-

лионный город, теперь стала радиоактивной пустыней.

Воспоминания потрясли Госсейна. Ашаргин, который не видел собственными, глазами того кошмарного дня, остался равнодушным. Это было беспечное равнодушие человека, неспособного вообразить страшное бедствие. Но Госсейн ужаснулся, вспомнив, что диктатор вверг теперь в войну галактическую цивилизацию. Если бы кто-нибудь решился убить Энро!

Сердце забилось. Колени подогнулись. Сглотнув, Госсейн сделал ноль-А паузу и попытался подавить страх Ашаргина перед суровой целью, которая возникла в голове Госсейна, как вспышка.

Но цель осталась. Она осталась. Здесь открывалась возможность для ее осуществления, но она была слишком страшна. Этого труса надо убедить, упросить, укрепить, чтобы он сделал всего одно усилие. Нервная система любого человека способна вынести крайнее напряжение и принести жертву.

Он стоял, сузив глаза, сжав губы, полный решимости. Он почувствовал какое-то изменение в теле Ашаргина, накопление силы, словно новый тип мыслей изменил обменные процессы в желе-

зах и органах. Он не сомневался в происходящем. Новый, сильный разум взял власть нал этим хилым телом. Конечно, этого недостаточно. Ноль-А тренировка для координации действия нервов и мыши была все еще необходима. Но первый шаг был сделан. Он принял непреклонное решение.

Убить Энро…

Он с искренним интересом разглядывал Горгзид, который выглядел, как правительственный город. Небоскребы были покрыты лишайником и вьющимся «плющом» — по крайней мере, чем-то похожим на плющ, — некоторые строения были со старомодными башенками и странными крышами, примыкающими друг к другу. Из четырнадцати миллионов жителей четыре пятых работающего населения занимало ключевые позиции в государственных учреждениях, имеющих прямую связь с рабочими офисами на других планетах. Около пятисот тысяч жителей — Ашаргин не знал точной цифры — были заложники, которые угрюмо обитали в живописных зеленых окрестностях. Угрюмо, потому что считали Горгзид провинциальным городом и чувствовали себя оскорбленными. Госсейн увидел несколько домов, в которых они жили: великолепные особняки прятались среди деревьев и вечнозеленых

кустарников, сидели на вершинах холмов и сбегали в долины, теряясь в дымке дали.

Госсейн медленно отвернулся от пейзажа, расстилавшегося перед ним. Из-за двери в противоположной стене раздались странные звуки. Госсейн подошел к ней, понимая, что слишком долго задержался для первого раза. Дверь была закрыта, но он рывком распахнул ее и переступил через порог.

В тот же миг шум наполнил его уши.

V

Поскольку дети — и инфантильные взрослые — не способны к утонченной проницательности, многие переживания сильно воздействуют на их нервную систему. Это приводит к тому, что психолога называют травмой. Позднее перенесенные травмы могут стать причиной потери нормального психического здоровья (невроза) или даже безумия (психоза). Почти каждый индивидуум переживает травматические потрясения. С помощью психотерапии можно смягчить их последствия.

Курс ноль-А

Госсейн мгновенно оценил ситуацию. Он стоял в большой ванной комнате. Через приоткрытую дверь справа он увидел большую кровать в алькове спальни. Остальные двери были закрыты. Бросив беглый взгляд на приоткрытую дверь спальни, Госсейн сосредоточился на обстановке в ванной.

Здесь буквально все было сделано из зеркал.

Стены, потолок, подставки — все зеркальное. Где бы ни останавливался его взгляд, он всюду видел свое отражение, где-то более крупное, где-то более мелкое, но везде ясное и четкое. Ванна, тоже зеркальная, возвышалась над полом примерно на три фута.

Из трех кранов били сильные струи воды, создавая водоворот вокруг большого рыжеволосого мужчины, которого мыли четыре молодые женщины. Увидев Госсейна, рыжий мужчина знаком велел женщинам отойти. Они были готовы к этому, одна из них выключила воду, другие посторонились. В ванной наступила тишина. Купальщик, скривив рот и прищурив глаза, изучал Госсейна-Ашаргина. Нервная система Ашаргина критически напряглась. Огромным усилием воли Госсейн сделал ноль-А паузу. Он уже не пытался управлять телом, он хотел только удержать Ашаргина от обморока. Ситуация была отчаянной.

— Хотелось бы знать, что заставило тебя остановиться в Контрольном Центре и выглянуть в окно? Зачем? — медленно спросил Энро Красный. Он казался озадаченным. — Ведь ты видел город раньше.

Госсейн не мог отвечать: этот допрос грозил

снова превратить тело Ашаргина в дрожащее желе, и Госсейн вел жестокую борьбу за власть над ним. Лицо Энро приняло выражение сардонического удовлетворения. Диктатор поднялся и вылез из ванны на зеркальный пол. Улыбаясь, он ждал, пока женщины обернут его мускулистое мокрое тело огромным полотенцем. Сняв это полотенце, они вытерли его полотенцами меньшего размера и, наконец, надели на Энро рыжий халат, гармонирующий с цветом его волос. Энро снова заговорил, продолжая улыбаться.

— Мне нравится, когда меня купают женщины. От них исходят мягкость и нежность, которые облегчают мою душу.

Госсейн промолчал. Энро хотел пошутить, но, как большинство людей, которые не понимают сами себя, просто проболтался. Вся сцена в ванной показывала, что Энро — человек, развитие которого осталось на детском уровне. Дети тоже любят ощущать мягкие женские руки. Но, с другой стороны, далеко не все дети, повзрослев, берут власть над величайшей во времени и в пространстве империей. Так что, каким бы недоразвитым Энро ни был с одной стороны, с другой — он обладал какими-то сверхъестественными способностями. Об этом, в частности, говорил

тот факт, что, сидя в ванне, он знал, что делает Госсейн-Ашаргин в соседней комнате. Можно представить, какой ценной была эта способность в критической ситуации.

Размышляя об этом, Госсейн на мгновение забыл об Ашаргине. Это была опасная ошибка. Слова Энро о женщинах были ударом для неустойчивой нервной системы, сердце заколотилось, как молот, колени подогнулись, мышцы ослабли. Он закачался и упал бы, если бы диктатор не подал женщинам знак, который Госсейн успел увидеть краем глаза. В следующий момент несколько пар рук подхватили его.

Когда к Госсейну снова вернулась способность владеть собой и ясно видеть, он заметил, что Энро вышел через дверь слева в залитую солнцем комнату. Три женщины прошли в спальню. Одна продолжала поддерживать его трясущееся тело. Ашаргин не знал, куда спрятаться от стыда. В это время Госсейн сделал ноль-А паузу. Он увидел, что во взгляде женщины была жалость, а не презрение.

У нее были серые глаза и классические черты лица. Она нахмурилась.

— Меня зовут Нирена. Вам надо пройти туда, друг мой.

Она подтолкнула его к двери, за которой исчез Энро.

Но Госсейн снова мог контролировать себя и остался на месте. Он обратил внимание на имя женщины.

— Есть ли какая-нибудь связь между вами и бывшей столицей Ниреной?

Она была озадачена.

— Только что вы падали в обморок, а теперь задаете разумные вопросы. Ваш характер более сложен, чем можно подумать, глядя на вашу внешность. Но поторопитесь! Вы должны…

— А какая у меня внешность? — спросил Госсейн.

Холодные серые глаза изучали его.

— Вы спрашиваете, что можно предположить, глядя на вас? Поражение, слабость, изнеженность. Вы похожи на ребенка… — Она замолчала на полуслове. — Вам сказано, поторопитесь! Я ухожу.

Она повернулась, не оборачиваясь прошла в спальню и закрыла за собой дверь.

Госсейн не спешил. Он был недоволен собой. Он постоянно чувствовал натянутость в своем теле. И теперь он начал понимать что надо сделать, чтобы он — и Ашаргин — пережил этот день и не

опозорился вконец.

Держаться. Замедлить реакции методом ноль-А. Он будет обучать Ашаргина в действии. Он был уверен, что еще в течение многих часов будет под бдительным взглядом Энро, который испугался бы любого признака самообладания в человеке, которого он пытался уничтожить. От пристального внимания нельзя было укрыться. Но, возможно, такие инциденты с потерей сознания, как только что произошедший, убедят диктатора, что все идет так, как он задумал.

Входя в указанную дверь, Госсейн сделал решительную попытку «излечить» Ашаргина с помощью ноль-А методов.

Он оказался в просторном помещении, где у огромного окна стоял стол, сервированный на троих. Размеры окна привлекли внимание Госсейна: оно было по меньшей мере ста футов высотой. Вокруг стола вертелись слуги. Несколько мужчин держали в руках по-видимому важные документы. Энро стоял, перегнувшись через стол. Когда Госсейн вошел, диктатор как раз поднимал одну за другой сверкающие крышки с блюд, нюхая кушанья. Наконец, он выпрямился и сказал:

— О, жареный манолл. Восхитительно! — Он

с улыбкой повернулся к Ашаргину-Госсейну и указал на один из трех стульев. — Садитесь сюда.

Завтрак с Энро не очень удивил Госсейна. Это соответствовало его предположениям о намерениях Энро относительно Ашаргина. Но, в отличие от Госсейна, Ашаргин отнесся к приглашению Энро в своей застенчивой манере, и Госсейн снова чуть не потерял контроль над телом. Он сделал корково-таламическую паузу и увидел, что Энро задумчиво смотрит на него.

— Значит, Нирена проявила к вам интерес, — медленно произнес диктатор. — Эту возможность я не учел. А вот и Секох!

Вновь прибывший прошел мимо Госсейна, и потому тот увидел сперва его профиль и спину. Это был темноволосый мужчина лет сорока, приятной наружности. Он был одет в голубой костюм, поверх которого была накинута алая мантия. Когда он поклонился Энро, у Госсейна уже сложилось о нем впечатление, как о хитром, быстром, бдительном и коварном человеке. Энро заговорил:

— Я не могу прийти в себя. Нирена говорила с ним!

Секох подошел к одному из стульев и встал за ним. Его черные проницательные глаза вопроси-

тельно смотрели на Энро. Тот вкратце рассказал, что произошло между Ашаргином и женщиной.

Госсейн слушал с возрастающим удивлением. Снова проявилась сверхъестественная способность диктатора знать, что происходит в соседней комнате, хотя он не мог ни видеть, ни слышать этого.

Феномен Энро изменил направление его мыслей. Он вдруг понял, что представляет собой безбрежная галактическая цивилизация и какие люди приходят здесь к власти.

Каждый индивидуум, достигший высокого положения, имеет какую-то способность. Энро может видеть сквозь стены. Это уникальная способность, но все же с трудом можно поверить, что только благодаря ей он добился таких вершин власти. Кажется, это доказывает, что людям галактики не требуется много преимуществ над собратьями, чтобы возвыситься над ними.

Высокое положение Секоха, по-видимому, объясняется тем, что он был религиозным владыкой Горгзида, родной планеты Энро. Способность или свойства Мадрисола из Лиги были все еще непонятны.

И, наконец, Фолловер, чьи сверхспособности включали точное предсказание будущего и уме-

ние сделаться нематериальным. Они давали ему возможность управлять другими разумами: так он наложил разум Гилберта Госсейна на мозг Ашаргина. Из этой троицы самым опасным казался Фолловер, хотя в полной мере это еще не проявилось.

Энро снова заговорил.

— Не сделать ли Нирену его женой? — Он стоял, нахмурясь, затем его лицо просветлело. — Ей-богу, я сделаю это. — Настроение у него поднялось, и он рассмеялся. — Здесь будет на что посмотреть. — Усмехаясь, он плоско пошутил о сексуальных проблемах и закончил на более свирепой ноте: — Я вылечу эту бабу от всех ее замыслов!

Секох пожал плечами и сказал звучным голосом:

— Я думаю, вы переоцениваете ее возможности. Но то, что вы предлагаете, не повредит. — Он повелительно махнул одному из слуг. — Примите к сведению требование его превосходительства, — сказал он командным тоном.

Слуга низко поклонился.

— Уже принял, ваше превосходительство.

Энро обратился к Госсейну:

— Проходите. Я проголодался. — Его голос стал

язвительно вежливым. — Или вам помочь сесть на стул?

Госсейн сумел удержать тело Ашаргина от реакции на слова Секоха о «требовании» Энро. И, как ему показалось, удержал успешно. Он подошел к стулу и встал за ним. Но в этот момент смысл сказанного, должно быть, дошел до Ашаргина. А может, это было просто стечение обстоятельств. Во всяком случае, что бы ни было причиной, все произошло слишком быстро, чтобы успеть защититься. Когда Энро сел, Ашаргин-Госсейн потерял сознание.

Придя в себя, Госсейн обнаружил, что сидит за столом, а двое слуг поддерживают его тело в вертикальном положении. Ашаргин сжался, ожидая осуждения. Вздрогнув, Госсейн приложил все силы, чтобы не дать обмороку повториться, на этот раз от стыда.

Он посмотрел на Энро, но тот торопливо ел. Священник также не обращал на него внимания. Казалось, его замечали только слуги, которые, увидев, что он пришел в себя, стали накладывать ему еду. Пища была для Госсейна странной, но как только с блюд были сняты крышки, он почувствовал внутри приятное ощущение. Хоть раз подсознательные реакции Ашаргина принесли

пользу. Через минуту он ел пищу, которая была приемлемой и привычной для вкусовых ощущений Ашаргина.

Госсейн все еще не мог оправиться от потрясения, вызванного перемещением его разума в чужой мозг. И самой худшей стороной этого унизительного эксперимента над ним была невозможность немедленных действий. Его поймали в это тело, наложив его сознание на мозг другого человека, вероятно с помощью какой-то разновидности искривителя пространства. А что в это время происходит с телом Гилберта Госсейна?

Такая жизнь в чужом теле не могла быть продолжительной — и, кроме того, он не должен забывать, что метод бессмертия, позволивший ему перенести одну смерть, защитит его снова. Следовательно, случившееся с ним чрезвычайно важно. Он должен обдумать его, постараться понять, осознать все происходящее.

«Почему, — думал он с удивлением, — почему я здесь, в штаб-квартире Энро Красного, повелителя Великой Империи, да еще завтракаю с ним?»

Он перестал есть и с любопытством уставился на крупного мужчину напротив. Энро, о котором он столько слышал от Торсона, Кренга и

Патриции Харди. Энро, который развязал галактическую войну. Энро — диктатор, вождь, самодержец, абсолютный тиран, пришедший к власти благодаря своей способности видеть и слышать сквозь стены. Внешне довольно приятный. Лицо волевое, но усеянное веснушками, придающими ему мальчишеский вид. Голубые глаза — чистые и смелые. Глаза и губы Энро показались Госсейну знакомыми, но это, по-видимому, иллюзия. Энро Красный, которого Гилберт Госсейн уже помог разбить в Солнечной системе, и который теперь ведет беспрецедентную военную кампанию. Не иметь никакой возможности убить этого человека, и вдруг здесь, в сердце и мозге Великой Империи, получить ее — это было фантастическим поворотом событий.

Энро отодвинулся от стола. Это было подобно сигналу. Секох немедленно прекратил есть, хотя на его тарелке оставалось еще много еды. Госсейн положил нож и вилку, поняв, что завтрак окончен. Слуги начали убирать со стола.

Энро поднялся и спросил:

— Какие новости с Венеры?

Секох и Госсейн тоже поднялись. Знакомое название, услышанное в этой дали от Солнечной системы, поразило только Госсейна, и поэтому он

смог сдержаться. Нервная система Ашаргина не прореагировала на слово «Венера».

Лицо священника было спокойно, когда он ответил:

— Есть несколько новых деталей. Но ничего существенного.

— Я принял бы кое-какие меры против этой планеты, — медленно произнес Энро, — если бы был уверен, что Риши там нет…

— Это сообщение до конца не проверено, ваше превосходительство.

Энро помрачнел.

— Но его достаточно, чтобы связать меня по рукам и ногам.

Священник холодно заметил:

— Хорошо еще, что Лига не открыла вашу слабость и не заявила, что Риша на одной из тысяч ее планет.

Диктатор не ответил, но вскоре рассмеялся, подошел и положил руку на плечо собеседника.

— Старина Секох, — сказал он саркастически.

Первосвященник сжался в комок, но в следующий момент преодолел замешательство и скривился в недовольной гримасе. Энро захохотал.

— Что случилось?

Секох мягко, но сильно освободился от тяжелой хватки.

— У вас есть еще поручения ко мне?

Диктатор перестал смеяться и задумался.

— Я еще не решил, что сделаю с этой звездной системой, но я чувствую раздражение каждый раз, когда вспоминаю, что там убили Торсона. И я хочу знать, почему нас разбили. Тут что-то не так.

— Расследование уже идет, — сказал Секох.

— Хорошо. Теперь о сражении.

— Довольно дорогое для нас, но с каждым днем все более успешное. Желаете взглянуть на цифры потерь?

— Да.

Один из секретарей вручил Секоху бумаги, тот молча передал их Энро. Госсейн наблюдал за лицом диктатора. Возможности ситуации, в которой он оказался, с каждой минутой становились все шире. Это, должно быть, то самое сражение, на которое ссылались Кренг и Патриция: девятьсот тысяч военных кораблей, титаническая битва в Шестом Деканте.

Декант? Он подумал возбужденно: «Галактика имеет очертания гигантского колеса…» Очевидно они разделили ее на «деканты» для удобства

определения координат звезд и планет.

Энро раздраженно отдал бумаги своему советнику. Его глаза злобно сверкали.

— Я еще не решился окончательно, — медленно сказал он. — Ведь у меня все еще нет наследника.

— У вас свыше двух десятков детей, — заметил Секох.

Энро словно не слышал его.

— Священник, — сказал он, — прошло четыре года с тех пор, как моя сестра, назначенная древним обычаем Горгзида быть моей единственной законной женой, пропала. Где она?

— Нет никакого следа, — ответил Секох.

Энро угрюмо посмотрел на него и мягко сказал:

— Друг мой, она всегда нравилась вам. Если я подумаю, что вы утаиваете информацию… — Он остановился и видимо что-то уловил в глазах собеседника, потому что поспешно сказал со слабым смехом: — Хорошо, хорошо, не злитесь. Я ошибся. Конечно, ваш сан не позволил бы вам сделать этого. А, во-вторых, ваша клятва…

Казалось, Энро убеждает самого себя. Он замолчал и через минуту холодно закончил:

— Я позабочусь о том, чтобы мои дочери, кото-

рых родит Риша, не обучались на планетах, где насмехаются над обычаем брака между братьями и сестрами.

Ответа не последовало. Энро в упор, тяжело смотрел на Секоха. Казалось, он забыл о присутствии других.

Он резко сменил тему.

— Я еще могу остановить войну. Члены Галактической Лиги сейчас собираются с силами, но они пойдут мне навстречу, если я проявлю малейшую готовность остановить битву в Шестом Деканте.

Священник был спокоен.

— Принципы Вселенского Порядка и Вселенского Государства выше эмоций отдельного человека. Вы не посмеете отступить перед жестокой необходимостью. — Его голос был подобен металлу. — Не посмеете!

Энро не смог взглянуть в его глаза.

— Я еще не решил, — повторил он, — Если бы моя сестра была здесь, я выполнил бы свой долг…

Госсейн уже не слушал. Так вот в чем дело! Вселенское Государство, контролируемое и подчиняющееся военной силе.

Это была древняя мечта человека. И много раз

судьба давала ему иллюзию успеха. На Земле несколько империй достигли господства фактически во всех цивилизованных областях своего времени. И в течение жизни нескольких поколений обширные территории сохраняли свои искусственные связи, искусственные потому, что приговор истории, казалось, всегда сводился к нескольким фразам в учебниках: «…новый правитель не имел мудрости своего отца…», «…восстание масс…», «…национально-освободительные движения против ослабленной империи подорвали…» Были даже сформулированы законы разрушения империй. Детали не имели значения.

В самой идее Вселенского Государства не было ничего плохого, наоборот, это была прекрасная идея, но люди, мыслящие таламически, никогда не смогут создать больше поверхностного вида такого государства. На Земле ноль-А философия победила, когда примерно пять процентов населения обучились ее принципам. Тогда и было создано единое земное государство. Для галактики было бы достаточно трех процентов ноль-А населения. Только тогда, но не раньше, Вселенское Государство стало бы осуществимой идеей.

Поэтому эта война была обманом. Она не имела

смысла. В случае победы Энро Вселенское Государство просуществует в течение жизни одного, максимум двух поколений. А затем управление психически нездоровых людей, построенное на эмоциональных реакциях, приведет к заговорам и восстаниям. То есть миллиарды людей будут погибать только за то, чтобы неврастеник получал удовольствие, заставляя нескольких высокородных дам купать его каждое утро.

Этот человек был только неврастеником, но война, которую он развязал, была маниакальной. Ее необходимо остановить.

В одной из дверей поднялась суматоха, и мысль Госсейна оборвалась. Женский голос прокричал:

— Конечно, я могу войти. Неужели вы посмеете не дать мне увидеться с братом?

В этом яростном голосе было что-то знакомое. Госсейн повернулся и увидел, что Энро бежит к двери, расположенной в дальнем конце комнаты напротив громадного окна.

— Риша! — закричал он, и в его голосе было ликование.

Сквозь влажные глаза Ашаргина Госсейн увидел их встречу. С девушкой был стройный мужчина. Когда они подошли, Энро подхватил девушку на руки и крепко прижал к груди. Но

взгляд Госсейна привлек спутник Риши.

Это был Элдред Кренг. Кренг? Но тогда девушка должна быть… Он повернулся и вытаращил глаза, когда Патриция Харди капризно сказала:

— Энро, отпусти меня. Я хочу представить тебе моего мужа.

Диктатор замер. Он медленно опустил девушку и медленно повернулся, чтобы взглянуть на Кренга. Его гибельный взгляд встретился с карими глазами ноль-А детектива.

Кренг улыбнулся, словно не подозревая о враждебности Энро. Что-то сугубо индивидуальное было в этой улыбке и его манерах.

Выражение на лице Энро изменилось. Сначала он выглядел недоуменным, даже испуганным, затем раскрыл рот, собираясь что-то сказать, когда краем глаза заметил Ашаргина.

— О! — сказал он. Его манеры радикально изменились. Вернулось самообладание. Властным жестом он подозвал Госсейна. — Идемте, мой друг. Я хочу вас использовать, как офицера для связи с Великим адмиралом Палеолом. Скажете адмиралу…

Он двинулся к ближайшей двери. Госсейн поплелся за ним и оказался в комнате, которую ранее принял за военный штаб. Энро остановился

возле одной из кабин искривителя пространства. Он взглянул на Госсейна.

— Скажете адмиралу, — повторил он, — что вы мой представитель. Здесь ваши полномочия. — Он протянул тонкую металлическую пластинку. — Теперь сюда, — сказал он и двинулся к кабине.

Слуга открыл дверь транспортного искривителя пространства, как уже догадался Госсейн. Он в замешательстве шагнул вперед. У него не было желания именно сейчас покидать двор Энро. Он еще не выяснил всего, что хотел. Если бы он остался, он мог бы узнать еще очень многое. Он остановился перед дверью кабины.

— Что я должен сказать адмиралу?

Энро расплылся в улыбке.

— Кто вы, — мягко сказал он. — Представьтесь. Познакомьтесь с генеральным штабом.

— Понятно, — сказал Госсейн.

Он понял. Ашаргин выставлялся на показ военным. Энро, должно быть, предполагал оппозицию со стороны высших офицеров, поэтому он давал им возможность посмотреть на принца Ашаргина, слабого и безвольного, и понять всю безнадежность рассчитывать на него — единственного, кто имел законные права на власть и

народную поддержку.

Госсейн еще колебался.

— Этот транспорт доставит меня прямо к адмиралу?

— Он имеет только один запрограммированный путь. Он отправит вас туда и вернется обратно. Счастливо.

Госсейн ступил в кабину, не сказав больше ни слова. Дверь закрылась за ним. Он сел в кресло управления, немного помедлил, — в конце концов, Ашаргин не мог действовать быстрее — и передвинул рычаг управления.

И тотчас понял, что свободен.

VI

Дети, инфантильные взрослые и животные «отождествляют» события. Когда человек реагирует на новую или изменившуюся ситуацию так, будто она осталась старой или не изменившейся, говорят, что он отождествляет событие. Это аристотелев подход к жизни.

Курс ноль-А

Свободен. Свободен от Ашаргина. Снова стал собой. Как он узнал это? Казалось, осознание пришло из каждой клеточки его существа. Благодаря личному опыту телепортации с помощью дополнительного мозга, ощущение перемещения было знакомым. Он почти не почувствовал движения. Даже темнота казалась неполной, как будто его мозг не переставал работать.

Выходя из комнаты, он ощутил присутствие мощной электростанции и атомного реактора, но в тот же миг с сильным разочарованием понял, что они были далеко от него, чтобы он смог ими воспользоваться.

Обретя способность видеть, Госсейн понял, что

находится не в апартаментах Джанасена на Венере, не у адмирала Палеола, куда Энро направил Ашаргина.

Он лежал на спине, на жесткой кровати, уставясь в потолок. Его глаза и мозг впитали обстановку за один взгляд. Помещение было маленьким. Странная игольчатая решетка шла от самого потолка до пола. За решеткой на койке сидела молодая женщина и смотрела на него. В другом конце ее камеры блестела такая же решетка, за которой, распластавшись на койке, лежал очень большой мужчина в одних бесцветных шортах. Казалось, он спал. Его камера заканчивалась бетонной стеной.

Госсейн сел и осмотрелся более внимательно. Три стены в бетонной комнате, три окна, по одному в каждой стене, на высоте пятнадцати футов, ни одной двери. На этом его мысленное описание споткнулось. Ни одной двери? Быстрым взглядом он пробежал по стенам, ища хотя бы щели в бетоне. Но таковой не оказалось.

Он быстро подошел к решетке, отделявшей его камеру от соседней, «запомнил» зону пола в своей камере, затем в соседней и в камере спящего мужчины. После этого он попытался перенести себя в одну из безопасных точек на Венере.

Ничего не получилось. Госсейн пришел в замешательство, ведь он пробыл в теле Ашаргина не более пяти часов. Видимо, между сильно удаленными точками существовала временная разница, рассогласование полей, как назвал это робот-оператор на Венере, и в этом случае двадцатишестичасовой период, в течение которого «запомненные» зоны оставались пригодными для телепортации, прошел. Должно быть, Венера находится слишком далеко.

Он собирался сделать более детальный осмотр своей тюрьмы, когда вдруг вспомнил о присутствии сокамерников. На этот раз он пригляделся к ним внимательнее.

Когда он первый раз бегло осматривал камеру, ему показалось, что во внешности женщины было что-то отличающее ее от других. Теперь он увидел, что первое впечатление было правильным. Женщина была невысокой, но так держала себя, что в ней чувствовалось бессознательное превосходство. Бессознательное: это была выразительная деталь.

Единственная, с кем ее мог сравнить Госсейн, была Патриция Харди, которая так неожиданно оказалась сестрой Энро. У нее была та же гордость в глазах, та же врожденная уверенность в

собственном превосходстве — так отличающаяся от чувства равенства с другими, которое казалось частью тела и лица ноль-А венерианцев.

Как и Патриция, незнакомка была grande dame. Ее гордость происходила от ее происхождения, ее ранга, ее манер и еще от чего-то. Госсейн, прищурившись, вгляделся в ее лицо. На нем было написано, что действует и мыслит она таламически, но так же действовали и мыслили и Энро, и Секох, и фактически все исторические деятели до возникновения ноль-А философии.

Эмоциональные люди могли развивать свои таланты по одному, реже двум направлениям и достигали в определенной области того же, чего любой ноль-А венерианец — в нескольких. Ноль-А — система собирания и сохранения в целостности человеческой нервной системы. Наибольшим достижением в ней было правильное сочетание общности и индивидуальности.

У женщины были темные волосы. Голова казалась немного великоватой. Она смотрела на Госсейна со слабой, обеспокоенной, недоуменной и, тем не менее, надменной улыбкой.

— Я понимаю, — сказала она, — почему Фолловер заинтересовался вами. — Она помолчала и добавила: — Возможно, мы с вами могли бы

сбежать.

— Сбежать? — как эхо повторил Госсейн, и твердо посмотрел на нее.

Он был поражен тем, что она говорила по-английски, но объяснение этого факта могло подождать, пока он не получит более важной информации.

Женщина вздохнула и пожала плечами.

— Фолловер боится вас. И кроме того, эта камера не может быть тюрьмой для вас, как для меня. Или я ошибаюсь?

Госсейн не ответил, но ее предположение было ошибочным. Он был таким же пленником, как и она, без «запомненного» места снаружи, куда он мог бы телепортироваться, и без электрической розетки перед глазами, которую он мог бы использовать.

Он глядел на женщину, нахмурив брови. Будучи пленницей Фолловера, она теоретически его союзница. А если она жительница этой планеты, да еще принадлежит к высшему классу, она становится весьма ценной для него. Беда заключалась в том, что она очень походила на агента Фолловера.

Женщина сказала:

— Фолловер был здесь три раза, удивляясь, по-

чему вы не проснулись, когда прибыли сюда два дня назад. И, правда, почему?

Госсейн улыбнулся. Уверенность, что он даст информацию, поразила его своей наивностью. Он не собирался никому рассказывать, что был в теле Ашаргина, хотя Фолловер, посадивший его сюда, несомненно…

Он остановился в напряжении и подумал почти безучастно: «Но это значит…»

Он удивленно покачал головой и поднялся в полном изумлении. Если Фолловер потерял над ним контроль, это означает присутствие другого существа огромной силы. Он совсем забыл о своей теории. Где-то во вселенной «космические шахматисты» играют в эту непостижимую игру. Даже ферзя, как он определил свой ранг в этой игре, могли двигать или заставлять двигаться, подвергать опасности или даже удалять с доски.

Он открыл было рот, но сдержался. Малейшее его слово будет отмечено и проанализировано одним из самых острых и опасных умов галактики. Он вернулся к своему первому вопросу.

Он повторил вслух:

— Сбежать?

Женщина вздохнула.

— Невероятно! Человек, чьи поступки невоз-

можно предсказать! К вашему сведению, я имею некоторое представление о ваших следующих действиях, но из-за того, что одно из них нелогично, я вижу только неясные очертания.

— Вы можете читать будущее, как Фолловер? — Он подошел к решетке, разделяющей их камеры, и посмотрел на нее с удивлением. — Как вы это делаете? И кто такой этот Фолловер, похожий на тень?

Женщина рассмеялась высокомерным смехом, но в нем была какая-то музыкальная нотка, приятная слуху.

— Вы что, не знаете, что находитесь в Пристанище Фолловера? — спросила она и нахмурилась. — Я вас не понимаю. — Она явно была недовольна. — И ваши вопросы… Вы пытаетесь ввести меня в заблуждение. Кто такой Фолловер? Да все знают, что Фолловер обыкновенный предсказатель, который нашел способ находиться вне фазы.

В этот момент их прервали. Гигант в третьей камере зашевелился и сел. Он уставился на Госсейна.

— Эй, ты, — рявкнул он басом, — убирайся на свою койку! И не смей разговаривать с Лидж! Пошевеливайся!

Госсейн не двигался, с любопытством глядя на мужчину. Тот поднялся и подошел к решетке своей камеры. Лежа на койке, он выглядел гигантом, но только сейчас Госсейн увидел, как действительно огромен был мужчина. Он вздымался. Он громоздился. Он был семи с половиной футов высотой и широк в плечах, как горилла. Госсейн оценил объем его грудной клетки в восемьдесят дюймов.

Госсейн был ошеломлен. Он никогда не видел такого громадного человека. Мужчина просто излучал физическую мощь. Впервые в жизни Госсейн оказался в присутствии необученного индивидуума, чьи крутые мускулы явно превосходили возможности обычного ноль-А человека.

— Вали назад! Да побыстрее, — сказал монстр угрожающим тоном. — Фолловер сказал, что она моя, и я не собираюсь иметь никаких конкурентов.

Госсейн вопросительно посмотрел на женщину, но она легла, отвернувшись к стене. Он снова повернулся к гиганту.

— Как называется эта планета? — вежливо спросил он.

Видимо, он выбрал правильный тон, так как гигант потерял часть своей воинственности.

— Планета? — переспросил он. — Что ты имеешь в виду?

Госсейн испугался. Его мысли, ушедшие было далеко вперед, решая другие вопросы, сделали зигзаг и вернулись обратно. Неужели он находится в изолированной звездной системе, подобной Солнечной? Такая вероятность потрясла его.

— А как называется ваше солнце? — настаивал он. — Ведь у него есть какое-то название. Ему должен быть приписан опознавательный символ в галактической номенклатуре.

Настроение собеседника явно испортилось.

— Чего тебе надо? — грубо спросил он.

— Не делайте вид, что вы не знаете планет других звездных систем, населенных разумными существами, — неумолимо сказал Госсейн.

Огромный мужчина озверел.

— У тебя немного протухли мозги, да? — сказал он выразительно. — Слушай, меня зовут Юриг, я живу на Кресте, и я алертанец. Я убил одного мужика, стукнув его слишком сильно. Я осужден на казнь, поэтому здесь и сижу. И, вообще, я не желаю с тобой разговаривать. Ты надоел мне своей глупостью.

Протесты Юрига были убедительны, кроме одного момента, который надо было уточнить.

— Если все так, как вы сказали, — заметил он, — то почему же вы так правильно говорите по-английски.

Но едва Госсейн произнес слово «английский», он уже понял ответ. Юриг окончательно подтвердил его.

— Как? — переспросил он и расхохотался. — Ты сумасшедший! — И тут до него дошел смысл этого слова. Он охнул. — Неужели Фолловер посадил меня с сумасшедшим? — Он взял себя в руки и сказал: — Человек, кто бы ты ни был, слушай! Язык, на котором мы говорим, — алертанский. И могу тебе сообщить, что ты говоришь на нем, как на родном.

На несколько минут Госсейн прервал разговор. Поток нейроизлучений, который исходил от гиганта, был враждебен. В нем были хитрость, ограниченность, кровожадное самодовольство.

С точки зрения мускульной силы алертанец был первоклассным борцом. Если им придется биться, Гилберт Госсейн будет вынужден использовать свой дополнительный мозг и переносить себя в разные части камеры. Он должен держаться подальше от этих обезьяньих лап и драться, как боксер, а не борец.

Но любое использование его дополнительного

мозга выдало бы его способности. Госсейн поднялся и медленно подошел к решетке, которая разделяла камеры. Он сознавал, что попал в крайне невыгодное положение. В камере не было электрических розеток. Он понял, что заперт здесь, как самый обыкновенный человек.

Прутья решетки располагались на расстоянии четырех дюймов друг от друга и были такими тонкими, что, казалось, сильный человек смог бы их сломать. Но ни один сильный человек не станет даже пробовать. В металл прутьев были вплавлены иголки. Тысячи их. Он наклонился и внимательно рассмотрел место крепления решетки к полу. Там была поперечина, свободная от иголок, но над ней торчали иголки соседних прутьев, не позволяя исследовать ее пальцами.

Госсейн выпрямился и вернулся к последней оставшейся надежде, к койке. Если пододвинуть ее к стене, он смог бы добраться до окна. Металлические ножки койки оказались зацементированы в бетонный пол. После нескольких бесплодных попыток сдвинуть койку Госсейн отступил.

Камера без дверей, подумал он, и тишина. Тут его мысли остановились. Тишина была неполной. В ней слышались звуки движения, шорохи, сла-

бые пульсации голосов. Должно быть, эта тюрьма была частью большого здания, как сказала женщина, Пристанища Фолловера. Он размышлял над этим, когда Юриг громко произнес:

— Ну и смешная одежда на тебе!

Госсейн повернулся к мужчине. По тону алертанца было ясно, что он не видит никакой связи между одеянием Госсейна и тем, что Госсейн говорил о других планетах.

Госсейн посмотрел на свой «смешной» костюм. Это был светлый пластиковый комбинезон на молнии с потайной системой нагрева и охлаждения, равномерно вплетенной в структуру ткани. Одним словом, это был опрятный, дорогой и очень удобный костюм, особенно для человека, который оказался в непривычных климатических условиях. В жаркую или холодную погоду костюм поддерживал температуру около двадцати градусов Цельсия.

В тот момент, когда Госсейн попытался произнести слово «английский», он понял, что использует чужой язык так естественно, так просто, что даже не сознает этого. Он знал от Торсона и Кренга, что галактическая наука разработала языковые машины, с помощью которых солдаты, дипломаты и путешественники могли говорить

на языках разных планет. Но в данном случае было нечто другое.

Должно быть, это сделала карточка. Госсейн лег на койку и закрыл глаза. Он мысленно перенесся в комнату Джанасена. Вообразил себя в кабине искривителя. Он думал: «Когда я был перемещен с Венеры, мое тело безошибочно перенеслось в эту камеру. Во время полета другой „игрок“ перенес мое сознание в мозг Ашаргина на далекую планету. И вот, наконец, я проснулся здесь, уже обученный этому языку. И если Фолловер действительно ожидал, что я проснусь сразу же, как только мое тело прибудет сюда, то я должен был обучиться языку в то время, когда читал текст на карточке».

Женщина все еще лежала, отвернувшись к стене. Тогда Госсейн оценивающе посмотрел на мужчину. Значит, источником информации будет Юриг.

Гигант отвечал на его вопросы без колебания. Планета состоит из тысяч больших и малых островов. Только люди на трейлерах, предсказатели, могут свободно перемещаться по всей планете. Остальное население живет на островах. Каждый остров населен определенной национальной группой. Между островами существует торгов-

ля, небольшая миграция, но на ограниченном уровне из-за многочисленных торговых и миграционных препятствий.

Госсейн внимательно слушал. Он пытался представить ноль-А венерианцев рядом с этими алертанцами, пытался придумать исчерпывающее понятие, которое описало бы предсказателей, но ничего не подходило. Ни одна из сторон еще недавно не знала о противостоянии враждующих галактических систем. Ни одна из сторон до сих пор не подозревает о существовании другой.

Эти две системы развивались в изоляции от главного течения галактической цивилизации. И обе теперь были брошены в вихрь войны, охватившей такое обширное пространство, что под угрозой уничтожения оказались все планетные системы.

Госсейн продолжил расспросы.

— Кажется, вы не любите предсказателей. Почему?

Гигант перевел взгляд с прутьев решетки на стену под окном.

— Издеваетесь? — сказал он.

Его глаза сузились в раздражении и вернулись к решетке.

— Я не издеваюсь. Я действительно не знаю.

— Они высокомерны, — резко сказал Юриг, — они предсказывают будущее, и они безжалостны.

— Последнее действительно звучит неприятно, — сказал Госсейн.

— Они все сволочи! — взорвался Юриг. Он с трудом глотнул. — Они поработили других людей. Они воруют идеи людей, живущих на островах. Из-за умения видеть будущее они выигрывают каждое сражение и подавляют любое восстание. Слушай, — Юриг прижался к решетке и заговорил серьезно, — я видел, тебе не понравилось, когда я сказал, что Лидж принадлежит мне. Мне плевать, нравится тебе это или нет, но, понимаешь, не стоит жалеть никого из них. Я видел, как женщины, вроде этой, сдирают кожу с островитян, — его голос стал язвительным, а потом злым, — и получают от этого наслаждение. Эта женщина пошла против Фолловера по своей личной причине. И первый раз за все века, по крайней мере я о таком не слышал, один из нас имеет возможность отплатить предсказателю. Разве можно не воспользоваться этим?

Впервые после того, как она легла, отвернувшись к стене, женщина шевельнулась. Она села и посмотрела на Госсейна.

— Юриг забывает сказать одну вещь, — начала она.

Гигант взревел.

— Ты разговариваешь с ним! — неистовствовал он. — Я выбью твои зубы, как только получу такую возможность!

Женщина вздрогнула, не было сомнения, что она испугалась угрозы. Когда она заговорила снова, ее голос дрожал, но в нем слышалось открытое неповиновение.

— Он собирается убить вас, как только решетки будут убраны.

Лицо Юрига стало задумчивым.

— Для тебя достаточно, прекрасная леди. Это погубило тебя.

Женщина побледнела, но продолжала.

— Я думаю, Фолловер хочет посмотреть, как вы будете защищаться. — Она посмотрела на него с надеждой. — Вы сможете что-нибудь сделать?

Этот вопрос Госсейн настоятельно задавал сам себе. Ему хотелось успокоить женщину, но он подавил в себе это желание. Он не должен забывать, что за этими мрачными стенами был бдительный наблюдатель, и что каждое его движение, слово и действие будет тщательно взвешено и проанализировано.

— Вы можете что-нибудь сделать, — повторила женщина, — или Фолловер зря беспокоится?

— Я хотел бы знать, — поинтересовался Госсейн, — какое мое действие вы предвидите? Что я сделаю?

Ее ответ доказывал, если это нуждалось в доказательствах, что они вели далеко не академическую дискуссию. Лидж неожиданно разрыдалась.

— О, пожалуйста, не держите меня в неизвестности. Эти угрозы сводят меня с ума. — Она со слезами на глазах покачала головой. — Я не знаю, что произойдет. Когда я смотрю в ваше будущее, картина расплывается. Единственный, с чьим будущим происходит то же самое, это Фолловер. Но с ним все ясно, он вне фазы. — Она вытерла слезы тыльной стороной ладони.

— Послушайте, — серьезно сказал Госсейн, — я хочу помочь вам, но смогу ли я это сделать, зависит от ваших ответов на мои вопросы.

— Да? — Ее глаза расширились, губы приоткрылись.

— Можете ли вы хоть что-нибудь рассказать о моем будущем?

— То, что я вижу, не имеет особого значения.

— Но что это? — Он почувствовал раздраже-

ние. — Мне надо знать.

— Если я скажу вам, это внесет новые факторы и может изменить будущее.

— Но, может, его надо изменить.

— Нет. — Она покачала головой. — После того, что я вижу, дальнейшая картина размыта. Это дает мне надежду.

Госсейн с трудом сдержался. Но, во всяком случае, кое-что прояснилось. Значит, должен быть использован его дополнительный мозг. Похоже, предсказатели теряют свою способность именно в этих случаях. Однако их дарование восхищало Госсейна. Как-нибудь попозже он должен узнать, каким образом неврастеники вроде этой женщины предсказывают будущее.

— Тогда скажите, — настаивал Госсейн, — когда это случится?

— Через десять минут, — ответила Лидж.

Госсейн ошарашенно замолчал. Наконец, он спросил:

— А имеется ли какая-нибудь транспортная связь между Алертой и планетами других звезд?

— Да. Без всякого предупреждения, без предварительного обсуждения с нами Фолловер приказал всем людям на трейлерах занять места на военных кораблях какого-то Энро. На Алерту

уже прибыл корабль с транспортной связью.

Госсейн внутренне вздрогнул, но не подал вида, что потрясен. Он представил себе пророков на каждом корабле Энро, предсказывающих действия всех кораблей противника. Как обычные люди смогут бороться с такими сверхлюдьми? Из слов Джанасена он знал, что Фолловер сотрудничает с Энро, но это был лишь один индивидуум. Здесь же были миллионы. Он спросил, внутренне содрогаясь:

— А сколько… сколько вас?

— Около пяти миллионов, — ответила Лидж.

Цифра была меньшей, чем он предполагал, но это не принесло ему чувства облегчения. Пяти миллионов было достаточно для порабощения галактики.

— И что же, все согласились? — с надеждой спросил Госсейн.

— Я отказалась, — уныло сказала Лидж. — И я не единственная. Я выступала против Фолловера в течение пяти лет и этим подала пример. Но нас меньшинство.

Госсейн заметил, что четыре минуты из десяти прошли. Он вытер влажный лоб и заторопился.

— А что вы можете сказать по поводу слов Юрига о предсказателях?

Лидж пожала плечами.

— В чем-то он прав. Я помню глупую девицу, мою служанку, которая дерзила мне. Пришлось ее как следует отхлестать. — Она глядела на него широко раскрытыми, невинными глазами. — А что еще прикажете делать с теми, кто не знает своего места?

Госсейн почти забыл о присутствии третьего пленника, но тот сам напомнил о себе. Из камеры донесся рев.

— Ты видишь? — заорал гигант. — Понял, о чем я говорил? Только подожди, когда эти решетки поднимут! Я покажу тебе, что можно делать с людьми, которые не знают своего места! — Его голос перешел в неистовый вопль. — Фолловер, если ты меня слышишь, сделай что-нибудь. Подними эти решетки! Подними их!

Если Фолловер и слышал, то не показал этого. Решетки остались на месте. Юриг утих и уселся на свою койку, бормоча:

— Только подожди, только подожди!

Госсейн узнал все, что ему было надо. Юриг в своей вспышке дал ему ключ к дальнейшим действиям. Его трясло, но он не обращал на это внимания. Теперь у него был ответ. Он знал, что будет делать. Фолловер сам обеспечит ему путь к

спасению в критический момент.

Не удивительно, что Лидж не поверила картине его будущих действий. По-видимому, она показалась ей бессмысленной.

Дзенк! Звук раздался, как только он сел на койку. Металлический лязг.

Решетки начали подниматься.

VII

Чтобы сделать утверждение об объекте или о событии, индивидуум «абстрагирует» только некоторые из его характеристик. Если он говорит: «Этот стул коричневый», то имеет в виду только одно из его свойств, но при этом осознает, что стул имеет много других характеристик. «Осознанность абстрагирования» является одним из главных отличий между семантически тренированным и семантически нетренированным человеком.

Курс ноль-А

Со скоростью охотящейся кошки Госсейн вскочил с койки. Он ухватился за нижнюю, лишенную иголок поперечину решетки и почувствовал, что поднимается вверх.

Попытка удержаться стоила ему немалых усилий. Железный прут был толщиной менее дюйма и изогнулся. Пальцы охватывали поперечину как раз под иголками. Требовалось покрепче держаться, иначе ему не выбраться из этой тюрьмы.

Он держался. Когда он поднялся до уровня окна и смог посмотреть в него, он увидел на переднем плане двор, высокую изгородь из остроконечных металлических пик невдалеке и за ней рощу или лес. Госсейн едва взглянул на задний план, он охватил его взглядом, как нечто целое. Все свое внимание он перенес на двор. Ему казалось, что он мучительно медленно «запоминает» структуру каменистой насыпи. Наконец, достигнув цели, он спрыгнул с высоты почти в двадцать футов на цементный пол камеры.

Он приземлился на четвереньки, физически ослабленный, но его сознание было натянуто, как струна. Теперь, имея «запомненную» зону снаружи, он мог бежать с помощью особых возможностей своего дополнительного мозга. Но он еще не решил, какими будут его дальнейшие действия.

Угроза со стороны Фолловера не исчезла. Смертельная опасность оставалась. Но теперь он, по крайней мере, мог выбраться на свободу.

Осторожно, как боксер на ринге, Госсейн посмотрел на гориллоподобного Юрига, который, по словам Лидж, намеревался убить его.

— Лидж, — сказал Госсейн, не глядя на предсказательницу, — встань позади меня.

Она молча и бесшумно подошла. Он мельком взглянул на нее, когда она проскользнула мимо него. Краска сошла с ее щек, в глазах застыл страх, но голову она держала высоко.

Из дальнего угла теперь уже общей камеры Юриг прорычал:

— Ты зря прячешься за него. Это тебе не поможет.

Это была чисто эмоциональная угроза, не имеющая никакого смысла, но Госсейн не оставил ее без внимания. Ему нужно было время, чтобы собраться с мыслями, прежде чем он применит свои способности. Пока он будет делать вид, что сконцентрирован на Юриге, как на представляющем главную опасность, до тех пор Фолловер будет пассивно ожидать развития событий. Поэтому Госсейн сказал твердым голосом:

— Юриг, я устал от такого разговора. Я все время думаю, на чьей ты стороне? И вот что я тебе скажу: сейчас лучше быть на моей.

Алертанец, который уже двинулся к ним, остановился. Мускулы его лица судорожно задергались, он колебался между сомнением и яростью.

— Я разобью твою голову об пол. — пробормотал он сквозь зубы. Но выговаривал он слова так,

словно проверял их эффект.

— Лидж, — позвал Госсейн.

— Да?

— Ты знаешь, что я сейчас сделаю?

— Нет. Ничего не вижу.

Теперь пришла очередь Госсейна сбиться с толку. Если она не может предвидеть его действия, значит, этого не может и Фолловер. Но Госсейн надеялся получить хотя бы смутную картину, что помогло бы ему собраться с мыслями. Что ему делать, когда он выберется наружу? Бежать? Или вернуться в Пристанище и найти Фолловера?

В этом деле он играл более важную роль, чем Юриг или Лидж. Как и Фолловер, он был главной фигурой в этих галактических «шахматах». По крайней мере, он должен считать себя таковой, пока события не докажут обратного. Это налагает на него определенные обязательства. Но побег в одиночку не решит его проблем. И, кроме того, он должен, по-возможности, сеять семена будущей победы.

— Юриг, — сказал он вслух, — ты должен принять важное решение. Это требует гораздо большего мужества, чем ты уже продемонстрировал, но я уверен, что оно есть в тебе. С этой минуты, невзирая на последствия, ты должен

быть против Фолловера. У тебя нет выбора. Если ты не будешь безоговорочно действовать против него, то в следующий раз я убью тебя.

Юриг неуверенно посмотрел на Госсейна. Казалось, он не может поверить, что этот человек смеет угрожать ему. Он почувствовал себя ужасно оскорбленным и невероятно разозлился.

— Я тебе покажу, какой у меня выбор! — закричал он.

Юриг приближался быстрым, но тяжелым шагом, очевидно намереваясь крепко схватить и раздавить врага своими сильными руками. И он был ошарашен, когда Госсейн быстрым ударом между этих медвежьих лап попал ему прямо в челюсть. Удар не совсем удался, но на время остановил гиганта. Он посмотрел на Госсейна больным взглядом. Выражение его глаз становилось все более раздосадованным, когда он начал понимать, что не так просто схватить мертвой хваткой человека, который, как говорил нанесенный удар, не только быстрее, но, возможно, сильнее его самого.

Госсейн, собрав все силы, нанес алертанцу второй сокрушительный удар, такой, что Юриг, шатаясь, отступил, разбитый физически и морально.

Шок должен быть долгим, и Госсейну стало жалко гиганта. Но это было необходимо. Такие люди, как Юриг, прокладывают путь к господству, полагаясь только на физическую силу. И только так Госсейн мог доказать ему свое превосходство. Конечно, Юриг может не признать поражения, найти десятки оправданий для себя, но на подсознательном уровне он будет уверен в превосходстве Госсейна.

Что же касается Гилберта Госсейна, то у него не было доверия к своей физической силе. Только с помощью ноль-А методов он смог сейчас и сможет в дальнейшем приспособиться к ситуации и действовать наилучшим для себя образом в сложившейся обстановке.

Довольный собой, Госсейн телепортировался во двор. Насущная цель удачного побега полностью подчинила его нервную систему.

Он смутно видел людей во дворе, которые оборачивались на него. Повернув голову, он мельком глядел на постройки, шпили, массы камня и мрамора, окна из цветного стекла. Эта картина долго оставалась в его сознании, даже когда он «запоминал» источники энергии во дворе. Он внутренне был готов переносить себя вперед и назад, чтобы избежать энергетически-управляе-

мого оружия и бластеров.

Он автоматически телепортировал Лидж в зону позади себя, но даже не взглянул, следует ли она за ним.

Добежав до высокой изгороди, он увидел, что пики, которые сами по себе выглядели внушительно, были инкрустированы такими же иглами, как и решетки в камере, которую он только что покинул. Девять футов неприступного металла, но он видел территорию за изгородью.

Времени потребовалось не больше обычного — это только показалось долгим, — чтобы «запомнить» зону за изгородью. В действительности это не было простым запоминанием. Когда он сосредотачивался на восприятии какой-нибудь зоны, его дополнительный мозг автоматически делал «фотографию» полной атомной структуры материала, проникая на глубину молекул. Процесс переноса являлся результатом потока нервной энергии по каналам — эти каналы были созданы только после длительного обучения и тренировок — в дополнительный мозг. Активизирующий ответ дополнительного мозга посылал волну нервной энергии наружу, сначала по нервным каналам его тела, а затем через кожу в пространство. В следующее мгновение каждый

задействованный атом направлялся по отмеченному подобию, в «сфотографированный» образец. Когда совпадение подобий достигало двадцатого десятичного знака, два объекта соприкасались, и больший перекрывал пространство к меньшему так, как если бы пространства между ними не было.

Госсейн телепортировался через изгородь и побежал к лесу. На бегу он почувствовал присутствие магнитной энергии и увидел самолет, планирующий поверх деревьев. Он продолжал бежать, краем глаза наблюдая за самолетом, пытаясь проанализировать его энергетические ресурсы. У самолета не было пропеллера, но снизу из коротких крыльев выступали длинные металлические подпорки., Похожие пластины шли вдоль фюзеляжа, что придавало самолету устойчивость. Здесь и был источник магнитной энергии.

Машина могла быть вооружена пулеметом или бластером с магнитным лучом. Она разворачивалась. Теперь ее нос повернулся к Госсейну. Он быстро телепортировался обратно к изгороди.

Вспышка цветного огня показалась в том месте, откуда он исчез. Трава загорелась. Из кустов взметнулись языки желтого пламени.

Когда самолет просвистел над ним, Госсейн «сфотографировал» его хвост. И снова с максимальной скоростью бросился к деревьям, росшим более чем в ста ярдах от него.

Он взглянул на самолет и увидел, что тот опять развернулся и пикирует на него. На этот раз у Госсейна не было шансов и хотя изгородь была угрожающе близко, всего в ста футах, он телепортировал хвост самолета в «запомненную» точку возле изгороди.

Последовал удар, потрясший землю. Металлический визг самолета, скорость которого не снизилась в процессе телепортации, резал уши. Самолет падал вдоль изгороди, снося ее, с фантастическим прерывистым шумом.

Госсейн побежал. Он благополучно достиг леса, но теперь его не устраивал просто побег. Если существовал один атакующий механизм, то должны быть и другие. Он «запомнил» область около дерева, отступил и перенес туда Лидж. После этого он телепортировался к окну тюрьмы и побежал к ближайшей двери, ведущей в Пристанище. Ему недоставало оружия, сравнимого с тем, которым Фолловер собирался препятствовать его побегу, и Госсейн намеревался получить его.

Он оказался в широком коридоре, и первое, что

он увидел, был длинный ряд магнитных ламп. Он «запомнил» ближайшую и сразу почувствовал себя лучше. У него было маленькое, но сильное оружие, которое будет действовать повсюду на Алерте.

Он двинулся вдоль коридора уже шагом. Электростанция и атомный реактор были рядом, но где, он не знал. Госсейн почувствовал присутствие людей, но нейропоток не был ни напряженным, ни угрожающим. Он подошел к лестничной клетке и без колебаний спустился вниз. Там стояли двое мужчин и спокойно беседовали.

Они с удивлением посмотрели на него. Госсейн, уже имея план, спросил, тяжело дыша:

— Как пройти к энергетической установке? Это очень важно!

Один из них взволнованно посмотрел на Госсейна.

— Почему… Сюда! Что случилось?

Госсейн уже мчался в указанном направлений Второй крикнул ему вслед:

— Пятая дверь справа.

Подойдя к пятой двери, он остановился у порога. Он увидел то, что и ожидал: атомный реактор, дающий энергию электростанции. Огромная турбина мягко поворачивалась. Ее огромное

колесо сверкало, медленно двигаясь. Стены со всех сторон были заняты пультами. Полдюжины человек составляли обслуживающий персонал энергетической станции. Сперва они не заметили его. Госсейн подошел к энергетическому выходу турбины и «запомнил» его. Он оценил его примерно в сорок тысяч киловатт.

Затем, все так же без колебаний, он шагнул к реактору, туда, где были расположены устройства для внутреннего наблюдения. Один рабочий склонился над прибором, производя какие-то замеры. Госсейн подошел к нему и заглянул внутрь реактора через одно из устройств.

Он заметил, что человек оборачивается. Но Госсейну было достаточно того времени, пока тот осознает его присутствие. Когда удивленный рабочий тронул его за плечо, Госсейн отступил назад, без слов подошел к двери и вышел в коридор.

Выйдя из поля зрения персонала, он перенесся в лес. Лидж стояла в двенадцати футах лицом к нему.

При его появлении она подскочила от неожиданности и забормотала что-то невразумительное. Он с нетерпением ждал, когда она придет в себя. У него не было времени.

Лидж дрожала от волнения. Глаза, сперва слегка остекленевшие, ярко заблестели. Она схватила его за руку трепещущими пальцами.

— Быстро, — сказала она. — Сюда. Мой трейлер недалеко отсюда.

— Что? — переспросил Госсейн.

Но она уже бежала через кустарник, словно не слыша его.

Госсейн побежал за ней, размышляя: «Не дурачит ли она меня? Может она все это время знала, что побег удастся? Но тогда почему об этом не знал Фолловер и ждал?»

Он не мог удержаться от воспоминаний, что попал «в сложнейшую западню, когда-либо созданную»… Об этом он не мог не думать, даже довольный тем, что выбрался из нее.

Женщина впереди него с треском продиралась через подлесок, и вдруг он перестал ее слышать. Через секунду Госсейн оказался на берегу бескрайнего моря. Он вспомнил, что это планета обширных океанов и тысяч островов. Из-за деревьев слева от него показался воздушный корабль около ста пяти футов длиной и тридцати футов высотой с задранным носом. Он мягко опустился на воду перед ними. Сходки скользнули вниз и коснулись песка у ног женщины.

Через мгновение она была на борту, крикнув через плечо:

— Скорее!

Госсейн последовал за ней. Через минуту он был внутри, дверь закрылась за ним, и машина взлетела. Быстрота, с которой все произошло, напомнила ему похожую ситуацию у Храма Спящего Бога на Горгзиде, когда он был Ашаргином.

Было одно различие — важное и существенное. Тогда он не чувствовал угрозы, а теперь чувствовал.

XIII

Аристотель сформулировал научные принципы, наиболее полные, точные и доступные для своего времени. Его многочисленные последователи в течение двух тысячелетий провозгласили их правильность на все времена. В последнее время новые системы измерения опровергали многие из этих «истин», но они все же остались базисными в понимании большинства людей. Такой двухмерной логике было дано название аристотелевой (аббревиатура — А), а многомерной логике современной науки — неаристотелевой (аббревиатура — ноль-А).
Курс ноль-А

Госсейн очутился у подножия лестницы в изогнутом коридоре, налево и направо уходящем из виду. Он последовал за Лидж вверх по лестнице в ярко освещенную комнату и обратил внимание на лампы. Они подтвердили его первое «ощущение» о виде энергии на корабле. Магнитная энергия.

Этот факт был интересен, поскольку позволял сравнить научное развитие Алерты и Земли двадцать второго века. Но он же был крайне неприятным в данном случае. Магнитные машины были так совершенны и выполняли столько функций, что люди, пользующиеся ими, отказались от всех остальных видов энергии. Этот самолет использовал только энергию магнитного поля планеты.

Предсказатели когда-то совершили ошибку. На борту не было атомной энергии, не было электричества, не было даже аккумулятора. Это значит, не было сильного действующего вооружения, не было радара. Предсказатели, очевидно, думали, что будут в состоянии предвидеть приближение любого врага, но теперь, когда они вступили в галактическую войну, их самолеты остались без защиты. Госсейн представил галактических инженеров, посылающих управляемые ракеты с дистанционными взрывателями и атомными боеголовками или десятки самонаводящихся торпед: настроенные на цель, они будут преследовать ее, пока не уничтожат или не самоуничтожатся.

Хуже всего было то, что он не мог ничего поделать, кроме как, по возможности быстро, узнать,

что может предвидеть Лидж.

И, конечно, он мог надеяться.

Светлая комната, в которую привела его Лидж, оказалась длиннее, шире и выше, чем показалось ему с порога. Это была гостиная со стульями, креслами, столами и массивным зеленым ковром. Прямо напротив Госсейна из борта корабля выдавалось выпуклое окно, образуя как бы обтекаемый балкон.

Женщина со вздохом облегчения бросилась в кресло у окна и воскликнула:

— Как прекрасно снова стать свободной! — Она тряхнула темной готовой и поежилась. — Какой кошмар! — И тихо добавила. — К счастью, он больше никогда не повторится.

Услышав последние слова, Госсейн остановился на полдороге к окну. Он хотел спросить, на чем основана ее уверенность, но не задал вопроса, вспомнив ее замечание о том, что она не может предсказать действия Фолловера. А ему нужно было знать именно это. Если забыть о ее удивительном даре, она была приятной, живой, не настолько хитрой, чтобы уберечься от опасности, женщиной лет тридцати. Он выяснит все, что она знает, после того, как подготовится к отражению возможных атак.

Нервная система Госсейна почувствовала приближение человека. В следующую минуту из двери, ведущей в носовую часть самолета, появился стройный седой мужчина средних лет. Он подбежал к Лидж и опустился на колени возле нее.

— Дорогая! — воскликнул он. — Ты вернулась!

Он быстро поцеловал ее.

Будучи уже у окна, Госсейн не обращал на них внимания. Он смотрел вниз и назад на чарующий вид. Остров, зеленый остров лежал, как изумруд, в темно-синем море. Самоцвет. На нем светящиеся серебристым цветом в лучах солнца постройки были уже трудноразличимы. На таком расстоянии они сливались с пейзажем, и если бы Госсейн не знал, что на острове есть здания, он принял бы их за груду камней.

Самолет набирал высоту. Очевидно его скорость была больше, чем могло показаться из-за равномерного ускорения, поскольку остров заметно уменьшался в размерах. Через несколько минут Госсейн перестал различать движение: со всех сторон его окружала бескрайняя синяя бездна, внизу более темная.

Столь быстрое удаление от острова подбодрило его, хотя, даже в критические минуты он помнил,

что если будет убит, его память и сознание будут немедленно перенесены в другое тело Госсейна, которое автоматически проснется в каком-то неизвестном ему укромном месте.

К сожалению, как он узнал от прежней версии своего тела, теперь мертвой, следующей группе Госсейнов сейчас только восемнадцать лет. Он был уверен, что никакой восемнадцатилетний не смог бы справиться с ситуацией, созданной Энро. Люди поверят зрелому человеку, а не ребенку. И это доверие может определить победу или поражение в переломный момент.

Поэтому необходимо остаться живым в этом теле.

Он прикрыл глаза, обдумывая первоочередные действия. У него было много работы. Он должен остановить дальнейшую транспортировку предсказателей на военные корабли Энро, захватить приземлившийся на Алерту корабль и, по возможности быстро, атаковать Фолловера на его острове.

Конечно, было бы желательно принять некоторые подготовительные меры, но, к сожалению, вышеперечисленные действия не терпели отлагательства. Их надо выполнить как можно быстрее. Быстрее. Великая и решающая битва

в Шестом Деканте ежечасно разгоралась. Если он что-нибудь знает о человеческой природе, то Лига уже потрясена до основания. Безусловно Энро предполагал разрушить ее, и, инфантильный, когда дело касалось моющих его по утрам женщин, на военном и политическом уровне он был гением.

И тут он вспомнил про Юрига, осужденного на казнь. Несомненно, весь гнев Фолловера обрушится на него. Он поспешно телепортировал Юрига в лес за изгородью. Юриг сможет спрятаться там, а позже Госсейн переместит его на самолет.

Он вернулся в гостиную и услышал, как женщина спокойно говорила:

— Мне жаль, Янар, но ему будет нужна женщина, и я буду ею. Прощай.

Мужчина поднялся с колен, лицо его потемнело. Он повернулся и увидел Госсейна. Ненависть, сверкнувшая из глубины глаз Янара, соответствовала излучению его нервной системы, которое ощутил дополнительный мозг Госсейна.

— Я не отдам свою женщину без борьбы. Даже тому, чье будущее неясно.

Он сунул руку в карман и вытащил небольшой, похожий на веер предмет. Он поднял его и нажал

на спусковой крючок.

Госсейн спокойно подошел и вырвал оружие из рук Янара. Тот Не сопротивлялся. На его лице появилось напряженное выражение. Нервный ритм, излучаемый им, показывал, что он испуган. Очевидно, он был ошеломлен тем, что его внешне хрупкое, но мощное оружие не «выстрелило». Госсейн отошел на несколько шагов и внимательно рассмотрел предмет. Радиальные фланцы были не чем иным, как антенной, что подтверждало природу используемой энергии. Магнитное оружие управлялось внешней энергией. В данном случае поле устанавливалось магнитным двигателем в корпусе самолета. Поле распространялось с ослабевающей напряженностью на расстояние около пяти миль.

Госсейн опустил оружие в карман и попытался представить впечатление Янара от происшедшего. Он «сфотографировал» внутренность оружия и телепортировал энергетический выход в одну из зон камеры Пристанища Фолловера. Расстояние препятствовало возвращению потока назад на самолет, и, таким образом, оружие с отклоненной энергией не «выстрелило». Психологический эффект видимо был ужасным.

Мужчина побледнел и со скрежетом сжал зу-

бы.

— Вы убьете меня, — сказал он с горечью.

Этот ничтожный тип был тесно связан с А привычками, которые диаметрально противоположны ноль-А привычкам. И, поскольку он действовал по чисто эмоциональным причинам, то был опасен, пока они находились вдвоем на борту самолета. Его надо или убить, или удалить, или — Госсейн странно улыбнулся — взять под охрану. И он знал человека, которому доверит это. Юриг. Но это потом. А сейчас, обернувшись к Лидж, он спросил ее о брачных обычаях предсказателей.

У них не было браков.

— Они, — сказала Лидж с презрением, — для низшей породы.

Госсейн узнал, что Янар — один из целого ряда ее любовников, и что, будучи старше, он имел еще больше любовниц. Эти люди надоедали друг другу и, благодаря своему дару, могли предвидеть, когда расстанутся. В данном случае из-за неожиданного появления Госсейна этот момент наступил раньше, чем предсказывалось.

Госсейна не оттолкнули, не привлекли такие нравы. Он равнодушно отнесся к ним. Первой его мыслью было успокоить Янара, чтобы тот не

перевивал из-за потери любовницы. Госсейну не нужна была женщина, обученная ноль-А принципам. Но он не сказал этого. Ему понадобится предсказатель, а Лидж могла бы оскорбиться, что он отвергает ее.

Он задал Лидж еще один вопрос.

— Что может делать Янар, кроме как есть и спать?

— Он управляет кораблем.

Госсейн повернулся к Янару.

— Держи курс, — кратко сказал он.

Дальнейший разговор с Лидж мог подождать. Сейчас было крайне необходимо хоть как-то защитить самолет, а это зависело от того, что он найдет на нем.

Обыскивая самолет, он вспомнил, что Лидж, когда они пробирались через подлесок, назвала машину трейлером.

Небесный трейлер. Госсейн мог представить легкую жизнь предсказателей, обитающих в своем мире островов и воды. Они лениво летали по небу, приземлялись, где хотели и когда хотели, брали в плен любого «низшего» человека, которого хотели поработить, и захватывали любой объект, который хотели иметь. Что ж, человеческая натура всегда стремилась к беззаботному

существованию. Нетрудно было догадаться, что их беззаботное существование предполагало безжалостное порабощение народов, которые не обладали подобным даром пророчества. Но такое сверхгосподство всегда могло быть оправдано не слишком придирчивыми умами. Кроме того, последние поколения выросли в обстановке, где рабство считалось само собой разумеющимся, поэтому уверенность в своем превосходстве уже въелась в нервную систему предсказателей.

Хотя, казалось, они не понимали этого, но после появления Фолловера уже не было возврата к их прежней жизни. И теперь прибытие на Алерту галактического военного корабля и присутствие здесь Гилберта Госсейна были показателями дальнейшего изменения условий их жизни. Предсказатели должны либо приспособиться, либо отойти в сторону.

Кабина управления располагалась на носу трейлера. Госсейн быстро осмотрел ее и довольно быстро разобрался в рычагах и кнопках на пульте.

Через переднее куполообразное окно Госсейн долго глядел вниз, на море. Насколько он мог видеть, под ними простиралась тяжелая масса воды без признака земли.

Он продолжил осмотр кабины управления. В одном углу стальная лесенка вела к закрытому люку в потолке. Госсейн поднялся по ней и очутился на чердаке. Он изучал этикетки на ящиках и коробках, не зная, что именно ему нужно, но готовый последовать за любой идеей, которая придет ему в голову. И вот, когда он увидел баллон, наполненный дегравитационным воздухом, идея пришла.

Он продолжил обыск трейлера, уже имея план. Госсейн обошел всю главную палубу, заглянул в каждую из четырех спален, в столовую, в заднюю кабину управления и спустился на нижнюю палубу. Теперь он искал нечто определенное. Присутствие людей он сперва почувствовал, а потом и увидел шестерых мужчин и шесть женщин. Они были покорны и, судя по излучаемому ими нейропотоку, смирились со своей участью. Не обращая на них внимания, он заглянул на кухню и в кладовые и, наконец, вошел в мастерскую.

Здесь было то, что он искал.

Через полчаса Госсейн появился в кабине управления с тремя гравитационными лампами, смонтированными на плате, которая преобразовывала энергию магнитного поля трейлера. Выгнав Янара из кабины, он залез на чердак и

более пятнадцати минут перекачивал дегравитационный воздух в баллон, где установил плату с лампами.

Сперва колебания были слабыми, потом усилились. Ритмический пульс бил в дополнительный мозг Госсейна устойчиво и спокойно. На Земле о таких лампах говорили, что они обладают «гравитационным голодом»: они испытывали недостаток в гравитационных частицах, и всякий раз, когда в поле их действия появлялся материальный предмет, происходило возбуждение. Ритм оставался измененным все то время, пока объект находился поблизости.

Сидя за пультом управления, Госсейн направил трейлер вверх на высоту пяти миль, а затем резко вниз, почти к поверхности воды. Таким образом он хотел приспособиться к обычным ритмическим изменениям во время движения над морем. Наконец, он привык. Теперь, если произойдет какое-либо другое изменение ритма, дополнительный мозг почувствует это и сможет отличить. Тогда он телепортируется в носовую или хвостовую кабину управления и на месте решит, что делать дальше.

Такой персональный радар, конечно, бесполезен против оружия и предметов, движущихся со

скоростями порядка миль в секунду. Но это все же хоть какая-то защита.

Солнце уже скрылось за мерцающим горизонтом воды, и сумерки быстро превращались в ночь, когда Госсейн покончил с этим и перешел к следующему шагу. Он «запомнил» кусок проволоки и две зоны на полу кабины управления. После этого он прошел в гостиную, чувствуя себя готовым к уверенным действиям.

Когда Госсейн вошел, Янар сидел у окна и читал книгу. Комната освещалась мягким светом магнитных ламп. Холодные на ощупь, они выглядели теплыми и интимными.

Госсейн остановился и, прищурившись, посмотрел на Янара. Проверяя свою идею, он телепортировал кусок проволоки в кабине управления на первую «запомненную» область и ждал.

Мужчина оторвался от книги и взглянул на него. Он встал, подошел к креслу в дальнем конце комнаты и сел в него. Поток недружелюбных нейроизлучений, окрашенный судорожными импульсами сомнения, исходил из нервной системы предсказателя.

Реакция была такой, какую и ожидал Госсейн, хотя возможно его дурачили. Каждое его движение могло быть предсказано и учтено. Но он

надеялся, что его манипуляции с проволокой лишат предсказателей возможности предвидеть его действия. Если это так, то главная проблема с предсказателями решена. Он сможет допросить их, уверенный, что его вопросы не были предвидены. Но была и другая проблема: достаточно ли он напугал Янара?

Это было более важным, чем могло показаться. Чтобы завести друзей, требуется время, но достаточно одного шокового момента, чтобы испуганный человек понял, что находится в присутствии более сильного. Положение Гилберта Госсейна на Алерте будет зависеть от его способности распространить мнение, что он непобедим. Никаким другим путем он не имел возможности действовать с наибольшей скоростью, необходимой для осуществления его планов. Вопрос был в том, сможет ли он действовать достаточно быстро.

Госсейн подошел к выпуклому окну. За ним была кромешная тьма, виден был только слабый блеск моря. Если у этой планеты есть луна, то она еще не взошла или же в эту ночь было новолуние.

Он смотрел на волны и думал о Земле. Трудно, даже невозможно было представить разделяю-

щее их расстояние. Он почувствовал себя песчинкой. Госсейн был сильно привязан к Солнечной системе, хоть и понимал, что не принадлежит какой-то отдельной планете. Он знал, как много еще предстоит сделать и мог только надеяться, что успеет максимально развить возможности своего дополнительного мозга и подготовиться к напряженным критическим дням.

Его внимание привлек какой-то шум. Отвернувшись от окна, он увидел, что рабы с нижней палубы суетятся в столовой. Задумчиво наблюдая за ними, он заметил, что самая молодая и симпатичная девушка подвергается постоянным нападкам по самым ничтожным поводам со стороны двух женщин постарше. На вид ей было около девятнадцати лет. Она не поднимала глаз, из чего Госсейн заключил, — он кое-что знал о таламических натурах, — что она ждет своего часа, чтобы при первой же возможности отплатить мучительницам. Природа нейроизлучений от нее подсказала Госсейну, что отыграется она, кокетничая со слугами-мужчинами.

Госсейн переключился на Янара и сделал вывод: явное, несмягченное недружелюбие.

Он медленно направился к Янару. Предсказатель поднял взгляд и, увидев Госсейна, тяжело

заворочался в кресле. Он выглядел раздосадованным.

Это был хороший знак. Никто из предсказателей, кроме тех, кто был знаком с Фолловером, не испытывал на себе невозможность время от времени предвидеть будущее. Интересно будет посмотреть на реакции Янара во время допроса.

Госсейн начал, задавая простые вопросы. И перед каждым в продолжение всего допроса он перемещал проволоку туда-сюда между первой и второй «запомненными» зонами кабины управления.

За редким исключением Янар отвечал без колебаний. Его полное имя Янар Уилври Блоув, ему сорок четыре года, у него нет профессии — тут произошла первая заминка.

Госсейн мысленно отметил это, но ничего не сказал. Блокада в связи с вопросом о профессии, отчетливый перерыв в нейропотоке.

— Ваши имена что-нибудь означают? — спросил он.

Янар, казалось, успокоился.

— Я Янар из детского центра Уилври, что на острове Блоув.

Госсейн снова переместил проволоку и дружелюбно сказал:

— Ваш народ обладает удивительным даром предвидения. Я никогда не встречал ничего подобного.

— Но этот дар не действует против вас, — мрачно заявил Янар.

Ценное признание, хотя неизвестно, насколько правдивое. В любом случае он должен вести себя так, как если бы Янар не предугадал его вопросы. У него не было другого выбора.

Допрос продолжался. Госсейн точно не знал, какую именно информацию он хочет получить. Но возможно он наткнется на какой-нибудь ключ. Его уверенность, что он все еще в западне Фолловера, стала больше, а не меньше. Если это так, то он сражается против времени в прямом смысле.

Он узнал, что предсказатели рождались как все люди, обычно на борту трейлеров. Через несколько дней после рождения их отдавали в ближайший детский центр.

— И что в этом центре делают с детьми? — спросил Госсейн.

Янар покачал головой. И снова в нейропотоке, исходящем от него, наступила блокада.

— Мы не даем такой информации посторонним, — сказал он упрямо, — даже… — Он остановился, пожал плечами и кратко закончил:

— Никому!

Госсейн не стал настаивать. Эти факты были интересными, но не насущными. В данный момент они были не очень важны.

Поэтому ничего не оставалось, как продолжать.

— Давно существуют предсказатели?

— Несколько столетий.

— Это результат вторжения?

— Есть легенда, — начал Янар. Он остановился. Блокада. — Я не буду отвечать.

— Когда появляется способность пророчества? — спросил Госсейн.

— Лет в двадцать. Иногда немного раньше.

Госсейн кивнул, частично себе. Ответ Янара подтверждал его теорию. Их способность развивалась медленно, как кора головного мозга и как его собственный дополнительный мозг. Он поколебался, прежде чем задать следующий вопрос: в нем было скрытое предположение, о котором Янар не должен догадаться. Как и прежде, Госсейн передвинул проволоку, а затем спросил:

— А что происходит с детьми предсказателей, для которых нет места в детском центре?

Янар пожал плечами.

— Они вырастают и остаются жить на остро-

вах.

Он сидел невозмутимый, не понимая, что проговорился. Из его ответа стало ясно, что только те дети, которые попадают в детские центры, становятся предсказателями.

Бесстрастность Янара дала ход другой веренице мыслей. Неожиданно, словно его кто-то толкнул, Госсейн понял, что Янар ведет себя как человек, который уже не в первый раз участвует в подобном диалоге. Янар знал, что не может предугадать вопросы, и знал это так хорошо, что уже не волновался и даже не пытался предвидеть их.

Нетрудно было догадаться, с кем Янар имел подобную беседу. Госсейн был глубоко задет. Казалось невероятным, что ему понадобилось так много времени, чтобы увидеть истину. Он посмотрел на предсказателя и сказал спокойным голосом:

— А теперь расскажите, как вы связываетесь с Фолловером.

Янар был захвачен врасплох. Он оказался неподготовленным. Его лицо стало мертвенно-белым. Нейропоток от его нервной системы остановился, затем прорвался, потом снова остановился и снова прорвался.

— Что вы имеете в виду? — наконец прошеп-

тал он.

Поскольку вопрос был риторическим, Госсейн не стал отвечать. Он грозно посмотрел на предсказателя.

— Говори быстрее, пока я не убил тебя!

Янар безвольно осел в кресле, и его лицо еще раз изменилось в цвете. Заикаясь, он пробормотал:

— Вы не правы. Зачем бы я стал подвергать себя опасности? Нет, я не связывался с Фолловером и не сообщал ему, где вы. Я не делал ничего подобного! Вы не сможете доказать этого.

Но доказательства здесь и не требовались. Потрясение так ослабило Госсейна, что он даже не взглянул на предсказателя. Итак, Янар отправил донесение. Госсейн не сомневался в этом. Реакции предсказателя были слишком сильными. Янар никогда не умел контролировать свои эмоции и теперь не знал, как это делается. Виновность чувствовалась в каждом его движении.

Госсейна знобило. Но все возможное для своей защиты он уже сделал, и теперь оставалось только получить как можно больше информации. Он резко сказал:

— Вы бы лучше не врали, друг мой. Вы лично контактировали с Фолловером?

Янар был угрюм. Он пожал плечами.

— Конечно, — ответил он.

— То есть, он ждал вашего вызова? — Госсейн хотел прояснить этот момент. — Вы его агент?

Мужчина покачал головой.

— Я предсказатель!

В голосе послышалась гордость, но выглядел он отнюдь не гордо. Локон седых волос обвис на его виске. Он был похож на кого угодно, но только не на представителя «высших» людей Алерты.

— Что вы ему сказали?

— Что вы на борту.

— А что сказал он?

— Что знает это.

— О! — сказал Госсейн. Он остановился, но только на мгновение.

Его мысли переключились на другие аспекты ситуации. Он быстро задал десяток важных вопросов. Выяснив некоторые факты, он телепортировал себя и Янара в кабину управления. Он стоял рядом с трясущимся предсказателем, пока тот доставал карты и показывал по ним курс трейлера, широкую окружность радиусом сто миль вокруг острова Фолловера.

Госсейн изменил курс. Теперь они летели на Крест, расположенный в нескольких сотнях миль к северо-западу, после чего Госсейн снова вернул-

ся к предсказателю.

— А теперь, — с угрозой сказал он, — перед нами встала проблема, что делать с трейлером?

Мужчина был белым, но его испуг частично прошел. Он смело заявил:

— Я ничего не должен вам. Вы можете убить меня, но не ждите от меня лояльности.

Госсейну и не требовалась лояльность, ему нужен был страх. Эти предсказатели должны научиться подумать дважды, прежде чем предпринимать какие-либо действия против него. Но что делать?

Он отправился обратно в гостиную. Когда он вошел туда, со стороны спален появилась Лидж. Он двинулся к ней, нахмурясь. «Один вопрос, мадам, — подумал он. — Каким образом Янар смог предостеречь Фолловера, если его действия невозможно предсказать? Пожалуйста, объясните это».

Женщина остановилась, улыбаясь, но ее улыбка исчезла, когда она посмотрела ему за спину. Госсейн развернулся.

Он ничего не услышал и не почувствовал чьего-либо присутствия, хотя и увидел. Справа, в десяти шагах от него, формировалась тень. Она становилась чернее и чернее, но он все еще видел

стену за ней. Тень утолщалась, росла и темнела, но не стала более материальной.

Госсейн напрягся. Настал момент его встречи с Фолловером.

IX

Семантика оперирует смыслом слов и выражений. Общая семантика оперирует связью человеческой нервной системы с окружающим миром и поэтому включает в себя семантику. Она обеспечивает интеграцию мыслей и опыта человека.

Курс ноль-А

Наступила тишина. Казалось, Фолловер наблюдает за ним, тень стала устойчивой. Госсейн сначала настороженно смотрел на своего врага, но вскоре его отношение изменилось. Сильное беспокойство постепенно прошло.

Действительно, что мог сделать Фолловер?

Госсейн огляделся. На случай битвы он хотел быть в наилучшей позиции.

Лидж застыла на прежнем месте с широко раскрытыми глазами. Когда его внимание задержалось на ней, он заметил, что нейропоток, излучаемый ею, показывает крайнюю степень тревоги. Это могла быть тревога только за себя, но Госсейн думал иначе. Их судьбы слишком тесно переплелись, чтобы Лидж поняла, что ее безопас-

ность сейчас всецело зависит от безопасности Госсейна. Он откинул все мысли о возможной угрозе с ее стороны.

Он бросил взгляд на дверь, ведущую в кабину управления. Но дверь была справа и немного сзади так что ему пришлось повернуться. На миг он выпустил Фолловера из поля зрения. Резко повернувшись обратно, Госсейн убедился, что тот на месте.

Госсейн отступил к стене. Он медленно двигался, мысленно перебирая возможные опасности. Янар. Предсказатель — выяснил он с помощью дополнительного мозга — все еще находится в кабине управления. От него исходили недружелюбные вибрации. Госсейн мрачно улыбнулся. Он догадывался, какой вред может причинить ему Янар в критический момент.

В стене, к которой он отступал, имелись вентиляционные отверстия, которые Госсейн решил использовать для своей цели. Он чуть-чуть подвинулся, так, чтобы теплый воздух дул ему прямо в спину, и, упершись каблуком в стену, приготовился к защите.

Теперь он мог разглядеть врага более внимательно.

Человек? Трудно было поверить, что человек

может стать таким тенеподобным, таким нематериальным.

Структура темноты не имела формы. Зачарованно глядя на тень, Госсейн заметил, что она слегка пульсирует: вот она стала размытой по краям, а потом снова, словно ее что-то сдавило, резкой.

Госсейн осторожно вглядывался в эту газообразную пустоту. Он был готов к отражению энергетической атаки, но враг пока не предпринимал никаких действий.

Госсейн попытался своим способом «сфотографировать» тень. Но, к его изумлению, образ не сформировался.

Да. Обычный образ не сформировался. Дополнительный мозг зарегистрировал только наличие воздуха. Но сама темнота была пустой.

Он вспомнил, как Лидж говорила, что Фолловер — существо вне фазы, этот человек нашел способ быть вне фазы времени. Не в этом времени. Здесь, но не сейчас.

Но откуда Лидж узнала, что Фолловер вне фазы? Конечно же, от самого Фолловера. Ни она, ни другие предсказатели не были особо сильны в науках. Научные достижения они воровали с островов. И таким образом по своему неведению они

поверили всему, что Фолловер рассказал о себе.

— Лидж! — сказал Госсейн, не глядя на нее.

— Да? — дрожа отозвалась женщина.

— Ты видела когда-нибудь Фолловера человеком, — он остановился и закончил иронически, — без грима?

— Нет.

— А кто видел?

— Янар. И многие другие.

Госсейна позабавила мысль, что Янар мог оказаться хозяином. Янар, стоящий в кабине управления и манипулирующий марионеткой-тенью. Он отклонил эту версию. Реакции этого человека во время допроса, как внешние, так и внутренние, оставались на самом примитивном уровне. А Фолловер был великой личностью.

Госсейн пока не мог ответить на вопрос, как Фолловер стал таким. Однако имеющихся у него сведений было достаточно, чтобы не присоединяться к заблуждениям людей, не знающих истины.

Госсейн ждал.

Словно палец, дрожащий на спусковом крючке, в его мозгу зародилась мысль, не обрушить ли, путем телепортации, на тень сорок тысяч киловатт энергии из электростанции Пристанища

Фолловера. Но он не нажал на спусковой крючок. Лучше не форсировать события.

Он ждал недолго. Глубокий резонирующий голос раздался из темной пустоты.

— Гилберт Госсейн, я предлагаю вам сотрудничество.

Для человека, приготовившегося к смертельной схватке, эти слова были подобны взрыву.

Постепенно его мысли уравновесились. Недоумение еще оставалось, но сомнения ушли. Действительно, Лидж предупреждала, что может произойти нечто подобное. Описывая визит Фолловера в камеру, когда Госсейн лежал без сознания, она упомянула, что Фолловер предпочитает использовать людей, а не убивать их.

Предложение Фолловера было интересным, но не убедительным. Госсейн подождал, когда его начнут убеждать, что игра пойдет на равных.

— Между нами говоря, — сказал Фолловер сильным голосом, — вы и я могли бы господствовать над галактикой.

Госсейн улыбнулся на это, но улыбка не была приятной. Словом «господство» нельзя соблазнить ноль-А человека.

Он не ответил. Он хотел выслушать все, что скажет собеседник, не делая комментариев.

— Разумеется, если вы окажетесь менее сильным, чем выглядите, — продолжала тень, — то, в конце концов, станете второстепенной фигурой. Но сейчас я предлагаю сотрудничество без всяких условий.

Госсейн усмехнулся. Это были таламические слова. Разумеется, без всяких условий! Однако Фолловер не сомневается, что Госсейн согласится сотрудничать с ним. Когда люди сильно стремятся к своей цели, им начинает казаться, что остальные разделяют их желания.

После пряника настала очередь кнута.

— Если же вы откажетесь, — пригрозил звучный голос, — тогда мы с вами — враги. И вы будете уничтожены без пощады.

В комнате стало тихо. Некоторое время слышался только шум трейлера, летящего по ночному небу.

Итак, теперь ждали его ответа.

Хорошо, но что он должен сказать?

Краем глаза Госсейн увидел, что Лидж тихонько крадется к креслу. Добравшись, она обессиленно рухнула в него и облегченно выдохнула. Это развеселило Госсейна, но не надолго. Фолловер произнес стальным тоном:

— Ну?

Что ж, стечение обстоятельств можно считать удачным. По крайней мере у Гилберта Госсейна будет возможность проверить силы противника. Но сначала желательно получить побольше информации.

— Какова военная ситуация? — спросил он.

— Я предсказываю безоговорочную победу Энро в течение трех месяцев, — был ответ.

Госсейн с трудом скрыл потрясение.

— Вы действительно видите победу?

Пауза была столь незаметной, что Госсейн не понял, была ли она на самом деле или это только показалось ему.

— Да, — был твердый ответ.

Госсейн не мог в это поверить. У него появилось подозрение, что его обманывают.

— Никаких сомнений? — переспросил он.

— Никаких.

Послышался шорох, Лидж выпрямилась в кресле.

— Это ложь, — четко сказала она. — Я могу предвидеть не хуже остальных. Трудно видеть будущее в деталях, дальше чем на три недели. Да и то есть некоторые ограничения.

— Женщина, прикуси язык!

Она покраснела.

— Фолловер, — сказала Лидж, — если твоих сил не достаточно для выигрыша, ты конченый человек. И не думай, даже на секунду, что я стану слушаться твоих приказов. Я не желаю, да и раньше не желала твоей победы.

— Молодец! — похвалил Госсейн.

Но он нахмурился, уловив в ее словах скрытый намек на то, что в прошлом она сотрудничала с Фолловером.

— Лидж, — спросил он, — есть ли какие неясности в ближайшие недели?

— Нет никакой картины вообще, — был ответ, — как будто все стерто. Будущее чисто.

— Возможно, — мягко, но громко сказал Фолловер, — потому что Госсейн близок к смерти. Друг мой, у вас есть пять секунд, чтобы принять решение.

Пять секунд прошли в молчании.

Госсейн обдумывал ситуацию. Если атака начнется, то возможны три варианта. Первый, Фолловер попытается использовать против него магнитную энергию корабля. В этом случае Госсейн легко отразит нападение.

Второй, наиболее вероятный вариант, Фолловер использует энергию из своего Пристанища, являвшегося его базой. Но и в этом случае, бла-

годаря принятым на острове мерам, Госсейну опасность не угрожает.

Третий, Фолловер может воспользоваться внешним источником энергии. Тогда оставалась одна надежда, что энергия будет переправляться обычным путем, без искривителя. В этом случае гравитационные лампы, установленные им, засекут приближение энергии и его дополнительный мозг примет сигнал.

Однако нападение оказалось комбинацией вариантов. Электрическая энергия из Пристанища Фолловера, передаваемая путем телепортации. Госсейн почувствовал перенаправление тока от электростанции в сорок тысяч киловатт.

Он ожидал этого и поэтому был готов. «Переключатели» в его мозгу, будучи однажды взведены, действовали быстрее, чем любой электронный переключатель. Сравнительно долгое время требовалось только для того, чтобы установить первоначальный образец.

«Переключатели» сработали автоматически.

Вся мощность электростанции вылилась не туда, куда направлял ее Фолловер, а следуя образцу, установленному дополнительным мозгом Госсейна. Сперва Госсейн безвредно перенес ее на одну из «запомненных» зон острова Фолловера.

Он хотел дать понять Фолловеру, что его атака проходит не по плану.

— Раз, два, три, — медленно сосчитал он и без дальнейшего промедления телепортировал энергию в воздух прямо перед тенью.

Вспышка пламени была ярче солнца.

Вещество тени впитало и удержало энергию. Оно захватило каждый вольт и ватт.

Через несколько секунд Фолловер заговорил:

— Кажется, мы зашли в тупик.

Это была правда, которую Госсейн уже осознал. Он с ужасом ощутил свою слабость. Госсейн был до смешного уязвим, хотя это было и незаметно. Взрывная волна от любого источника энергии, над которым он не установил контроля, — и он погибнет.

Перемещение его сознания в тело восемнадцатилетнего и кажущееся продолжение жизни не изменит значения поражения. Никакой восемнадцатилетний юнец не спасет галактику. И если он будет слишком мешаться, путаться под ногами у более могущественных личностей, вроде Фолловера, его просто уберут со сцены.

Испарина выступила на лбу Госсейна. На мгновение в его голове возникла мысль попробовать кое-что, о чем он раньше не смел и подумать. Но

почти сразу он отбросил эту идею. Атомная энергия была слишком опасной и имела большую мощность, чем он мог контролировать дополнительным мозгом. К тому же в ограниченном пространстве радиация одинаково смертельна, как для того, против кого она используется, так и для того, кто ее использует.

— Мне кажется, — голос Фолловера прервал его мысли, — нам лучше прийти к соглашению. Предупреждаю вас, я еще не исчерпал все мои ресурсы.

Госсейн верил в это. Стоило только Фолловеру обратиться к внешнему источнику, и он стал бы победителем в этой напряженной, смертельной битве. В лучшем случае Госсейн успел бы ретироваться на остров Фолловера.

И все же он не отважился применить атомную энергию из реактора Пристанища.

Он сделал ноль-А паузу и сказал самому себе: «В этой ситуации можно увидеть нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Ни один человек и ни одно вещество не выдержит сорока тысяч киловатт. Значит, я отождествляю. Должно существовать какое-то объяснение этой субстанции тени, базирующееся на физике, которая выше моего понимания».

Но на какой физике? Фолловер мало понимает в этом. Тогда чьими знаниями он пользуется?

Этот вопрос по загадочности был равен тайне существования такого создания, как Фолловер.

Тень прервала тишину.

— Признаюсь вам, — сказал Фолловер, — что вы очень меня удивили. В следующий раз я буду действовать по-другому. — Он помолчал. — Госсейн, допускаете ли вы хоть какой-то вид сотрудничества?

— Да, но на моих условиях.

— Какие же они?

— Во-первых, вы повернете предсказателей против Энро.

— Невозможно. — Голос Фолловера стал отрывистым. — Лига должна быть разрушена. Цивилизация быстро теряет сплоченность. У меня есть особая причина, чтобы требовать создания вселенского государства.

Госсейн вспомнил, где он ранее слышал об этом.

— Ценой сотен миллиардов жизней? — жестко спросил он. — Нет, спасибо.

— Я полагаю, вы ноль-А? — неумолимо спросил Фолловер.

Не было смысла отрицать это. Фолловер знал

о существовании Венеры и знал, где она находится.

— Я ноль-А, — подтвердил Госсейн.

Фолловер сказал:

— Положим, я предложу вам создать вселенское ноль-А государство?

— Я не поверю вам.

— И тем не менее я подумаю об этом. У меня не было времени изучать эту не-аристотелеву философию в деталях. Но, насколько я знаю, это метод научного мышления. Верно?

— Это путь мышления, — осторожно сказал Госсейн.

Когда Фолловер снова заговорил, его голос стал мелодичным.

— У меня никогда не было причин бояться науки в любой из ее областей. И я не думаю, что причина появится теперь. Давайте сделаем так: оставим вопрос открытым и хорошенько обдумаем его. Но до нашей следующей встречи вы должны принять решение. Тем временем я постараюсь сделать кое-что, чтобы вы не могли пользоваться энергией на этой планете.

Госсейн ничего не ответил. Тень медленно начала растворяться в тишине.

Даже при этом ярком свете трудно было понять,

когда исчез ее последний клочок.

Пауза. Электростанция в Пристанище Фолловера стала давать меньше энергии, и через тридцать секунд энергии не стало.

Другая пауза. И реактор остановился. Почти одновременно упала до нуля магнитная энергия Пристанища.

Фолловер сделал верные выводы, проанализировав случившееся. И даже если он до конца не понял истины, его действия были довольно эффективны. В распоряжении Гилберта Госсейна осталась только магнитная энергия маленького самолета.

X

Во имя здравомыслия указывайте время. Не говорите: «Ученые верят…», а говорите: «Ученые верили в 1956 году…», «Джон Смитт — изоляционист (1956)». Все, включая политические взгляды Джона Смита, подвержено изменению, а следовательно, имеет отношение только к определенному отрезку времени.

Курс ноль-А

Госсейн медленно огляделся. Он глянул в столовую, где недавно суетились слуги, и увидел край стола, уставленный блюдами, хотя еды не было видно, так же, как и слуг.

Его взгляд переместился на Лидж. Он увидел, что она подошла к двери, ведущей в кабину управления. С места, где он стоял, просматривался весь коридор и часть куполообразного переднего окна. Но Янара там не было.

Корабль шел своим курсом.

Тишину нарушила Лидж.

— Вы сделали это, — прошептала она.

Госсейн отошел от стены. Он не стал говорить,

что Фолловер свел на нет одержанную им победу.

Лидж подошла к нему. Ее глаза сверкали.

— Вы понимаете, что победили Фолловера?

Она дотронулась до его руки быстрым и мягким движением.

Госсейн сказал:

— Пойдемте.

Он направился в кабину управления. Янар сидел, склонившись у радиоприемника. С первого взгляда Госсейн понял, что он делает — ждет приказаний. Он молча подошел и выключил прибор. Предсказатель с яростью выпрямился и усмехнулся.

Госсейн сказал:

— Собирайте вещи, если они у вас есть. Вы выходите на первой остановке.

Янар пожал плечами и, не сказав ни слова, гордо вышел из кабины.

Госсейн задумчиво посмотрел ему вслед. Его раздражало присутствие этого человека, чья роль в галактических событиях определялась только тем, что он был предсказателем. И, несмотря на упрямый и мелочный характер, это делало его интересным.

К сожалению, он был только одним из пя-

ти миллионов, только самим собой. Конечно, можно было бы сделать некоторые осторожные предположения о предсказателях вообще из наблюдений за Янаром и Лидж. Но выводы не будут корректными.

Он выкинул Янара из головы и повернулся к Лидж.

— Сколько времени понадобится, чтобы попасть на Крест, где находится военный корабль?

Женщина подошла к пульту, который Госсейн раньше не замечал, и нажала на кнопку. На стене появилась рельефная карта: море с островами и крошечная светящаяся точка. Лидж показала на нее.

— Это мы, — сказала она и указала на остров перед точкой. — Это Крест. — Она тщательно сосчитала пересекающиеся линии на карте. — Около трех с половиной часов. У нас есть уйма времени, чтобы поужинать.

— Поужинать! — повторил Госсейн.

Он улыбнулся и покачал головой, словно извиняясь. Он был страшно голоден, но почти забыл, что существуют такие обыденные инстинкты. Надо было подкрепиться.

Девушка-служанка подала Госсейну блюдо с каким-то кушаньем. Он подождал, пока другая

женщина подала Янару то же самое, и поменял блюда местами путем телепортации.

Он попробовал. Это оказалась рыба со странным резким привкусом. Но, после некоторого замешательства она показалась ему восхитительной. Он съел все. Затем положил вилку, откинулся в кресле и спросил Лидж:

— Как происходит процесс предвидения?

Женщина серьезно ответила:

— Автоматически.

— То есть, нет никакого образца, которому вы следуете?

— Ну…

— Вы думаете об объекте? Вы видите его?

Лидж улыбнулась, и даже Янар, казалось, усмехается. Женщина сказала:

— Нет, мы об этом не думаем. Это происходит само по себе.

Такими были ответы. На самом деле, не будучи высокообразованными людьми, предсказатели просто не могли выразить словами свои ощущения. Была организована целая система ноль-А, чтобы попытаться скоординировать невербальную реальность с вербальными проекциями. Но даже на ноль-А Венере разрыв между событием и его интерпретацией не был полностью устранен.

Госсейн подождал, пока убрали пустые блюда. Потом каждому подали тарелку с коричневато-красным мясом и овощами в зеленом соусе. Он поменялся с Янаром блюдами, попробовал по очереди все овощи и отрезал кусочек мяса. Наконец, он положил вилку.

— И все же постарайтесь объяснить, — сказал он.

Лидж закрыла глаза.

— Я как бы окунаюсь в ручей времени. Погружаюсь в него. В мое сознание приходят воспоминания, но это не настоящие воспоминания. Очень ясные, очень отчетливые. Зрительные образы. Например, что бы вы хотели узнать? Но только, чтобы это не было связано с вами. Для вас все расплывается.

Госсейн задумался. Он хотел бы знать предсказание о Венере. Но это включало бы проекцию его будущего.

— Ну, хотя бы, девушка, которая обслуживает меня?

— Ворн? — Лидж покачала головой и улыбнулась служанке, которая стояла рядом ни жива ни мертва. — Это слишком сильный удар для ее нервной системы. Я расскажу вам о ее будущем потом, если вы пожелаете.

Девушка вздохнула.

— Ну тогда, галактический военный корабль на Кресте? — спросил Госсейн.

— Должно быть, с ним связаны вы, поскольку все расплывается.

— Расплывается сейчас, — удивился он. — До того, как мы прибыли туда?

— Да.

— А можете ли вы предвидеть будущее кого-нибудь, кто сейчас находится в другой звездной системе?

— Это зависит от расстояния. Существуют ограничения, но какие именно, я не знаю. У меня недостаточно опыта.

— Тогда откуда вы знаете об ограничениях.

— Галактический корабль, вербуя предсказателей, ведет передачи в эфире.

— Передачи?

Она улыбнулась.

— Да. Вдобавок к приказам Фолловера. Военные с корабля стараются заинтриговать предсказателей, суля им волнующие приключения.

Госсейн мог представить, как действуют рекламные передачи на предсказателей. И сама война и ее цели должны казаться передовыми для инфантильных умов. Если публицисты

достаточно умны, они должны указывать и на имеющиеся препятствия.

— Эти зрительные образы, — сказал он. — Вы можете проследить судьбу знакомых, пошедших служить на корабли Энро.

Лидж вздохнула и покачала головой.

— Это слишком далеко. В одной из передач как-то упоминалось о восемнадцати тысячах световых лет.

Госсейн вспомнил, что Кренг в беседе с Патрицией Харди, или вернее Ришей, сестрой Энро, упомянул, что базы искривителей пространства могут отстоять друг от друга не дальше, чем на тысячу световых лет.

Теоретически телепортация была мгновенной, и расстояние не имело значения. На практике же существовало рассогласование полей. Приспособления были несовершенны. Подобие до двадцатого десятичного знака — критическая точка, где начиналось взаимодействие образцов, — тем не менее не было полным подобием.

Точно так же, дар предсказателей тоже был несовершенен, даже когда ему не препятствовало присутствие Гилберта Госсейна. Расстояние ограничивало предвидение так же, как и телепортацию через искривители. Но видимо, каким

бы ни было расстояние, на которое распространялась их способность, оно было достаточным для ведения войны в космосе.

Госсейн спросил:

— И сколько передвижений кораблей они могут рассматривать одновременно?

Лидж с удивлением посмотрела на него.

— Это не имеет никакого значения. Разумеется все, которые имеют какую-либо связь с конкретным событием.

Госсейн поднялся и молча пошел в кабину управления.

Он решился захватить галактический корабль. Но если раньше он особо не задумывался, как сделает это, то теперь он понял, что это будет не просто. Один человек не в состоянии захватить военный корабль, не имея хотя бы общего плана действий. Надо было принять некоторые предварительные меры.

В конце гостиной Госсейн остановился и повернулся.

— Лидж, — окликнул он. — Вы будете мне нужны.

Она встала и прошла за ним в кабину управления.

— Но ужин еще не закончился, — сказала она

озабоченно.

— Мы закончим его позже, — сказал Госсейн. — На вашем радио есть волна для послания общего сообщения?

— Да, есть. Мы называем ее критической волной и пользуемся ею для координации действий, если нам угрожает опасность.

— Настройтесь на нее.

Она испуганно посмотрела на него, но в его взгляде было что-то, заставившее ее промолчать. Через секунду Госсейн вышел в эфир. Как и раньше — теперь он делал это автоматически — он передвигал проволоку перед каждой произнесенной фразой. Он сказал звонким голосом:

— Вызываю всех предсказателей! С этой минуты каждый предсказатель, обнаруженный или захваченный на борту военных кораблей Великой Империи, будет казнен. Советую передать это предупреждение тем, кто уже находится на кораблях Энро. Это не пустая угроза. То, что вы не смогли предвидеть моего вызова, служит доказательством моей силы. Повторяю: каждый предсказатель, обнаруженный на борту кораблей Энро, будет казнен без всяких исключений.

Он вернулся в столовую, доел свой ужин и опять пришел в кабину управления. Через два с

половиной часа он увидел вдалеке огни города. По просьбе Янара корабль был опущен на, как назвала это Лидж, воздушную станцию. Когда они вновь поднялись, Госсейн выдвинул акселератор на «полный ход» и прильнул к окну. Сколько народу! Он видел огни, переплетающиеся с бесчисленными бликами на каналах. Казалось, что океан проходит через центр города.

И в этот миг все огни погасли. Госсейн вгляделся, но не увидел ничего кроме черноты. За его спиной Лидж воскликнула:

— Интересно, почему они сделали это?

Госсейн мог бы объяснить, но не стал. Очевидно Фолловер догадывался, как Гилберт Госсейн мог управлять энергией, и постарался лишить его этой возможности.

Лидж спросила:

— Куда мы направляемся теперь?

Он сказал ей, и краска сошла с ее лица.

— Это же военный корабль, — сказала она. — На борту сотни вооруженных солдат, которые могут убить вас одновременно с нескольких сторон.

Она была права. Опасность заключалась именно в этом. Его дополнительный мозг не смог бы контролировать массу ручного оружия. При таких обстоятельствах ему грозила смерть.

Но произошедшие события заставляли его спешить. Фолловер лишил его возможности воспользоваться своим сильнейшим оружием. Следовательно, чем быстрее он покинет Алерту, тем лучше. Возможно, где-нибудь в галактике он найдет научное объяснение тому, что представляет собой Фолловер и что делает его неуязвимым. Пока он этого не выяснит, ему лучше держаться подальше от этого субъекта. А единственной возможностью выбраться из этой изолированной планеты был военный корабль.

И он пошел на величайший риск.

Через полчаса впереди показался свет. Сначала галактический корабль казался просто ярким пятном в полночной темноте, но вскоре он стал отчетливо виден: так ярки были его огни. Госсейн положил трейлер на широкую орбиту вокруг галактического корабля и стал разглядывать его через магнитный телескоп.

Корабль был около шести тысяч футов длиной. Небольшой по галактическим меркам. Но у него была на Алерте только одна цель. На его борту находился транспортный искривитель пространства, устанавливающий механическое подобие. Немного изобретений, сравнимых по значимости с искривителем пространства, можно насчитать

в истории науки. С его помощью человек смог перекрывать огромные космические просторы, как будто их и не существовало. Предсказателю с Алерты надо было только сделать шаг в кабину искривителя на борту корабля, и он переносился на расстояния в сотню или тысячу световых лет почти мгновенно. Рассогласование полей, как обнаружил Госсейн с помощью личного искривителя пространства в своей голове, было настолько мало, что люди фактически не замечали времени транспортировки.

Корабль стоял на ровной площадке. Минут сорок Госсейн наблюдал за ним. За это время из темноты вынырнул трейлер, приземлился у воздушного шлюза корабля и через несколько минут улетел. Вскоре те же манипуляции проделал другой трейлер. Госсейн заметил, что в обоих случаях трейлер улетел раньше, чем предсказателю разрешили подняться на борт корабля.

Подлетев на расстояние пяти миль, он выяснил наличие энергии на борту и был глубоко разочарован. Только электричество и в незначительных количествах. Управляемой реактор был заторможен.

Сильно волнуясь, Госсейн начал насвистывать какую-то мелодию и почувствовал, что Лидж

смотрит на него.

— Вы нервничаете? — сказала она удивленно.

Нервы, мрачно подумал он. Правильно.

При сложившихся обстоятельствах он мог или подождать, наблюдая за кораблем, чтобы получше ориентироваться в обстановке, или попытаться немедленно захватить его.

— А ваши возможности, — спросила Лидж, — как они действуют?

Наконец-то она заинтересовалась. Госсейн улыбнулся и покачал головой.

— Это немного сложно, — сказал он. — Я не хочу вас обидеть, но думаю, это выше вашего понимания. Хорошо, попробую объяснить. Протяженная область, называемая пространством-временем, всего лишь иллюзия чувств. И все, что вы видите, слышите и ощущаете, имеет очень маленькое отношение к реальности. Мы с вами ориентированы в пространственно-временном континууме гораздо лучше, чем любой средний индивидуум. Только вам как предсказателю ближе его временная часть, а мне — пространственная.

Казалось, она уже перестала слушать.

— Значит вы, как и мы, не всемогущи? Какие у вас ограничения?

— А если я скажу вам это попозже? Сейчас я

должен кое-что решить.

Лидж вела корабль через ночь и становилась все бледнее, слушая его инструкции.

— Я думаю, вы не имеете права, — дрожа, сказала она, — просить меня об этом.

Госсейн сказал:

— Я хочу задать вам один вопрос.

— Да?

— Когда вы были с Юригом в камере, что бы случилось, если бы он убил меня? Дал бы вам Фолловер возможность спастись?

— Нет. Я была только инструментом, чтобы заставить вас применить все ваши способности. Если бы вы погибли, я тоже не осталась бы долго в живых.

— Ну и как? — мягко спросил Госсейн.

Женщина молчала, ее губы дрогнули. Нейропоток, излучаемый ею, изменился с обеспокоенной неровности к напряженному, но постоянному излучению. Наконец, она подняла взгляд.

— Хорошо, — сказала она. — Я сделаю это.

Он взял ее руку в молчаливом одобрении. Он не вполне доверял Лидж. Может быть, это тоже была ловушка. Но тень уже поняла, что проще пообещать поймать Гилберта Госсейна в западню, чем сделать это.

Госсейн прищурился. Он должен действовать. Он был уверен в правильности своего поведения. Он будет так продолжать, пока необходимость не заставит его быть более осторожным.

Его мысли прервались, когда луч прожектора ударил в переднее окно. Раздался щелчок, и включился магнитный приемник. Послышался мужской голос:

— Пожалуйста, приземлитесь в освещенной зоне в сотне ярдов от входа.

Лидж направила корабль вниз.

Когда они приземлились, из приемника снова раздался голос.

— Сколько вас?

Госсейн показал один палец и кивнул.

— Одна.

— Пол?

— Женский.

— Очень хорошо. Одна женщина выйдет из трейлера и приблизится к службе контроля у трапа. Трейлер немедленно поднимется и отойдет на расстояние пяти миль. Как только он удалится на указанное расстояние, предсказателю будет разрешено подняться на борт.

Итак, трейлер должен отойти на пять миль. Госсейну показалось, что предыдущие два пред-

сказателя были впущены раньше, чем трейлеры достигли этой дистанции.

То же произошло и сейчас. Госсейн, который телепортировался в заднюю кабину управления, видел, как Лидж стоит на маленькой площадке возле сходен. Через секунду она начала подниматься по трапу.

Он взглянул на спидометр. Трейлер не отлетел и на две алертанские мили.

Тут могло быть две возможности. Или это западня, и его заманивают туда, или космические ветераны расслабились и не придерживались строгих правил.

А может, и то и другое одновременно. Например, западня Фолловера, о которой команда ничего не знает. Или экипаж был предупрежден, но не принял предостережение всерьез.

Один за другим Госсейн перебирал варианты. И всякий раз возвращаясь к реальному положению вещей, понимал, что нет никакой разницы. В любом случае он должен продолжать свою операцию.

Когда Лидж исчезла в шлюзе, он стал терпеливо ждать, чтобы прошли четыре минуты. Такое время он установил для себя, хотя, в некоторой степени, это было слишком долго.

Он не чувствовал раскаяния. На какой-то миг, когда Лидж протестовала против своего участия, он подумал, что слишком нажимает на нее. Но ему показалось, что если команда корабля предупреждена, то о мужчине, а не о женщине. Следовательно, именно Лидж должна была рискнуть войти первой.

Он посмотрел на часы и почувствовал волнение. Четыре минуты прошли.

Уже без колебаний он телепортировался к открытому иллюминатору у входного шлюза. Рукой он нащупал металлический край иллюминатора.

Это место он «сфотографировал» через телескоп, когда трейлер был на земле. Оно оказалось удачным.

Он залез в иллюминатор.

XI

Во имя здравомыслия уточняйте. Не говорите: «Две девочки…», если вы имеете в виду: «Мэри и Джейн, две девочки, отличные друг от друга и от всех остальных людей в этом мире…»

Курс ноль-А

Госсейн услышал приглушенные голоса, слишком тихие, чтобы разобрать слова. Но было ясно, что разговаривают мужчина и женщина.

Он осторожно выглянул за внутренний край иллюминатора в широкий коридор. В тридцати футах слева виделся открытый шлюз, в который вошла Лидж. Она стояла справа в дверном проеме, ведущем в помещение, и загораживала мужчину — видны были только плечо и рука — в форме офицера Великой Империи. Кроме них, в коридоре никого не было.

Госсейн спрыгнул на пол и, держась стены, подкрался к этой паре.

Когда он приблизился, Лидж говорила:

— …Но я хочу знать детали. Какие условия вы предлагаете женщинам?

Она говорила спокойно, но настойчиво. Голос офицера выражал терпение.

— Мадам, вам будут предоставлены шестикомнатные апартаменты, слуги, все удобства. Я гарантирую вам следующее положение по званию после капитана и его помощников. Вы…

Он остановился, когда увидел Госсейна, ступившего в дверной проем позади Лидж. Его удивление длилось несколько секунд.

— Извините, — наконец пробормотал он. — Я не видел, как вы вошли. Постовой, должно быть, забыл…

Он снова остановился. Казалось, он понял невозможность того, чтобы часовой забыл сделать нечто подобное. Его глаза расширились. Челюсть отвисла. Пухлая рука потянулась к бластеру на поясе.

Госсейн нанес удар в отвисшую челюсть и подхватил офицера во время падения. Он перенес бесчувственное тело на кушетку и быстро обыскал его, но не нашел ничего, кроме бластера в кобуре. Оглядевшись, он увидел, что вдоль дальней стены, в дополнение к обычной меблировке комнаты, стоят несколько кабин лифтов. Он сосчитал их.

Двенадцать, хотя в действительности это не

лифты, а искривители пространства. Он называл их так с тех пор, как ошибочно принял за лифты на венерианской секретной базе Энро. Итак, двенадцать искривителей. Картина стала ясной. Из этого помещения алертанские предсказатели отправлялись упрямо на военные корабли. Процесс оказался проще, чем он предполагал. Никаких проволочек. Постовой пропускал предсказателя на борт, а затем полный мужчина приглашал их в это помещение и отправлял на место назначения.

По-видимому, остальная часть корабля не использовалась. Солдаты и офицеры жили по своему режиму, вне связи с целью, ради которой их корабль прибыл на Алерту. И поскольку была глубокая ночь, должно быть, спали.

И тут Госсейна осенило. Идея была такой простой, что он даже заволновался.

Он подошел к двери. Коридор был по-прежнему пуст.

Сзади Лидж сказала:

— Он приходит в себя.

Госсейн вернулся к кушетке и стал ждать.

Мужчина зашевелился и сел, потирая челюсть. Его глаза перебегали с Госсейна на Лидж и обратно. Наконец, он раздраженно сказал:

— Вы что, с ума сошли оба?

Госсейн спросил:

— Сколько на борту человек?

Собеседник уставился на него и расхохотался.

— Вот дурак, — сказал он. Казалось ему никак не справиться с приступом смеха. — Сколько человек? — передразнил он. Его голос стал громче. — Пятьсот. Задумайтесь об этом и поскорее убирайтесь с корабля.

Команда оказалась именно такой, как и ожидал Госсейн. Космические корабли никогда не комплектовались так, как морские, из-за проблем с запасами воздуха и пищи. Итак, пятьсот человек.

— Они живут в общем помещении?

— На эсминце восемь спальных кают, — был ответ, — по шестьдесят человек в каждой. — Он потер руки. — Шестьдесят, — повторил он, смакуя цифру. — Может вы хотите, чтобы я проводил вас и представил команде?

Госсейн принял шутливый тон.

— Разумеется, — подыграл он, — хотим.

Лидж нервно дернула его за рукав.

— Сплошной туман, — предупредила она.

Госсейн кивнул.

— Я должен это сделать, — сказал он. — Иначе

он может догадаться о моих действиях.

Она с сомнением покачала головой.

— Слишком много солдат. Это будет сложно.

Ее слова послужили толчком для офицера. Он встал.

— Идемте, — весело сказал он.

— Ваше имя? — строго спросил Госсейн.

— Орелдон.

Госсейн молча повел его по коридору. Подойдя к открытой двери шлюза, Госсейн остановился.

— Вы можете закрыть эту дверь?

Толстое лицо офицера сияло в приливе веселья.

— Вы правы, — рассмеялся он. — Новые визитеры нежелательны. Ведь я уже не на службе.

Он живо шагнул вперед и уже собирался нажать кнопку, когда Госсейн остановил его.

— Минуточку, — сказал он. — Я хотел бы проверить, с чем связана эта кнопка. А то еще, чего доброго, поднимете тревогу, а?

Он отвинтил плату и откинул крышку. Четыре провода. Многовато.

— Куда идут провода? — спросил он Орелдона.

— В кабину управления. Два образуют цепь для открывания двери, два — для закрывания.

Госсейн кивнул и закрыл панель. Он нажал на

кнопку. Толстая металлическая плита двинулась и со звонким лязгом закрылась.

— Вы не возражаете, если я поговорю с моим партнером снаружи? — спросил Орелдон.

Госсейн уже слышал о нем.

— А что вы хотите ему сказать?

— О, только то, что я закрыл шлюз, и что он может отдохнуть.

— Надеюсь, — сказал Госсейн, — вы не будете опрометчивы.

— Естественно.

Госсейн проверил провода и подождал, пока Орелдон включит настенный телефон. Он отметил, что тот пребывает в состоянии таламического возбуждения. Опьяняющий поток веселья будет нести его до тех пор, пока не отрезвит шок надвигающейся катастрофы. На этот момент стоит посмотреть.

По видимому, дверь не всегда была открыта, потому что постовой не удивился, когда она закрылась.

— Ты уверен, Орри, что не сбежишь с вошедшей женщиной?

— К сожалению, нет, — ответил Орелдон и прервал связь. — Не стоит слишком долго разговаривать. Могут возникнуть подозрения.

Они подошли к лестнице. Орелдон уже собрался спускаться, когда Госсейн остановил его.

— Куда ведет эта лестница? — спросил он.

— Вниз, в казармы.

— А где находится кабина управления?

— О, зачем вам кабина управления? До нее добраться сложнее. Она наверху напротив.

Госсейн ответил, что счастлив слышать это.

— А сколько входов на нижнюю палубу? — спросил он.

— Четыре.

— Я надеюсь, — сказал Госсейн с приятной улыбкой, — что вы говорите правду. Если выяснится, что их, к примеру, пять, этот бластер может неожиданно выстрелить.

— Их только четыре, клянусь вам! — воскликнул Орелдон. Его голос стал вдруг хриплым.

— Знаете, — сказал Госсейн, — мне кажется, эта тяжелая дверь может заблокировать лестницу.

— По-вашему, это странно? — Чувство юмора опять вернулось к Орелдону. — В конце концов, корабль строился так, чтобы в случае опасности можно было изолировать целые секции.

— Так давайте закроем ее, а? — предложил Госсейн.

— Ха! — тон Орелдона показывал, что ему и в

голову не приходило такое. На одутловатом лице появилось выражение осознанного потрясения. Он беспомощно глядел вдоль коридора, вращая глазами. — Неужто вы думаете, хотя бы на секунду, что сможете выйти сухими из воды?

— Дверь! — неумолимо сказал Госсейн.

Офицер остолбенел. Затем медленно подошел к стене и открыл панель. Госсейн проверил провода. Орелдон опустил рычаг. Двухдюймовые плиты закрылись со слабым, глухим шумом.

— Я искренне надеюсь, — сказал Госсейн, — что они заперты, и что их нельзя открыть снизу. Если обнаружится обратное, у меня будет достаточно времени, чтобы все-таки выстрелить из бластера.

— Они заперты, — угрюмо сказал Орелдон.

— Прекрасно, — сказал Госсейн. — А теперь поспешим. Я мечтаю закрыть двери на остальных лестницах.

Орелдон тревожно оглядывался по сторонам, пока они шли по коридору, но если он надеялся встретить кого-нибудь из экипажа, то был глубоко разочарован. Стояла тишина, нарушаемая лишь слабым шорохом их шагов. Больше никого.

— Я думаю, все спят, — заметил Госсейн.

Мужчина не ответил. Они заперли остальные двери без единого слова. После чего Госсейн сказал:

— Теперь осталось двадцать офицеров, включая вас и вашего друга снаружи. Верно?

Орелдон молча кивнул. Его глаза остекленели.

— Если я хорошо помню историю, — сказал Госсейн, — на Земле существовал обычай при определенных обстоятельствах — из-за непослушного характера некоторых офицеров, — запирать их в своих комнатах. Поэтому на дверях офицерских комнат всегда были внешние замки. Интересно, сталкивались ли военные корабли Энро с такой проблемой и таким ее решением?

Одного взгляда на лицо пленника оказалось достаточно, чтобы понять, что корабли Энро сталкивались с такой проблемой.

Через десять минут без единого выстрела он захватил целый галактический военный корабль.

Все оказалось слишком просто, думал Госсейн, заглянув в пустую кабину управления. С Орелдоном впереди и Лидж позади он вошел в помещение и критически огляделся.

Здесь было тихо. Ни одного человека на дежурстве, кроме двух офицеров, принимающих предсказателей.

Слишком просто. Принимая во внимание предосторожности, которые Фолловер уже принял против него, казалось невероятным, что корабль в его руках.

Но, тем не менее, это было так.

Он еще раз внимательно оглядел помещение. Приборная панель под прозрачным куполом разделялась на три секции: электрическую, искривителей пространства и атомную. Первая электрическая.

Он передвинул рычаги, которые запустили атомную электростанцию где-то в недрах корабля, и сразу почувствовал себя лучше. По крайней мере, если это и была ловушка, то экипаж ничего не знал о ней.

Но он все еще не был удовлетворен. Он изучал пульт. В каждой его секции располагались рычаги и индикаторы, о назначении которых он мог только догадываться. У него не было сомнений насчет электрической и атомной секции: последняя не могла быть использована в ограниченном объеме корабля, а первой он вскоре сможет управлять без ограничении.

Осталась секция искривителей пространства. Госсейн нахмурился. Да, здесь таилась опасность. Несмотря на то, что он обладал органическим

искривителем, как он называл свой дополнительный мозг, его знания о механических системах искривителей пространства были довольно смутными. Здесь таилась его слабость, а может и ловушка, если таковая имелась.

Поглощенный мыслями, он отошел от пульта, колеблясь между несколькими возможностями, когда Лидж спросила, зевая:

— Когда мы будем спать?

— По крайней мере, не на Алерте, — ответил Госсейн.

Его план был ясен. Между полным подобием и подобием до двадцатого десятичного знака механических искривителей пространства существовало рассогласование полей. Если его перевести в пространственное расстояние, оно составит тысячу световых лет за каждые десять часов. Но это тоже, по мнению Госсейна, было иллюзией.

Он объяснил Лидж:

— На самом деле, вопрос даже не в скорости. Теория относительности, самая ранняя и содержащая наибольшее количество формулировок ноль-А, показала, что факторы времени и пространства не могут рассматриваться отдельно. Но я подхожу к той же идее с другой стороны. Со-

бытия, происходящие в разное время и в разных местах, являются только частью образа, формирующегося в нашей нервной системе, когда мы пытаемся истолковать временной разрыв.

Он увидел, что женщина перестала его слушать, и продолжал уже для себя:

— Существует вероятность, что два каких-то события так тесно связаны, что фактически они не разные события, и не имеет значения, как сильно они разделены в пространстве или во времени. В терминах вероятности…

Госсейн нахмурился, чувствуя себя на пороге более важного решения, чем этого требовала ситуация. Голос Лидж отвлек его.

— Но что вы собираетесь делать сейчас?

Госсейн снова шагнул к пульту.

— Прямо сейчас мы попробуем взлететь.

Управляющие приборы были такими же, как на кораблях, курсирующих между Землей и Венерой. Корабль напрягся и рванулся вверх. Через десять минут они покинули атмосферу и увеличили скорость. Через двадцать пять минут они вышли из тени планеты, и солнечные лучи осветили кабину.

На экране заднего вида Алерта выглядела как темный, туманный шар, лежащий на блюдце

света.

Госсейн отвернулся и обратился к Орелдону. Офицер побледнел, услышав его план.

— Только не говорите, что я помог вам, — умолял он.

Госсейн пообещал без колебаний, но подумал, что если военный штаб Великой Империи будет расследовать захват Y-381-907, правда будет быстро раскрыта.

Орелдон постучал в дверь капитана и тут же появился в сопровождении приземистого сердитого человека. Госсейн быстро прервал его брань.

— Капитан Фри, если когда-нибудь выяснится, что ваш эсминец был захвачен без единого выстрела, вы вероятно заплатите за это жизнью. Поэтому лучше выслушайте меня.

Он объяснил, что хочет использовать корабль только временно, после чего капитан Фри успокоился, так что можно было обсудить детали. Как выяснилось, представление Госсейна о принципе действия межзвездных кораблей было верным. Корабли телепортировались к отдаленному месту, но образец можно было отключить, прежде чем они его достигали.

— Это единственный способ, каким мы можем добраться до новых планет, вроде Алерты, — по-

яснил капитан. — Мы телепортируемся на базу, удаленную более чем на тысячу световых лет, и замыкаем образец.

Госсейн кивнул.

— Мне надо попасть на Горгзид, и я хочу, чтобы отключение образца произошло примерно за один день обычного полета до планеты.

Он не удивился, что место назначения испугало офицеров.

— Горгзид! — воскликнул капитан. Его глаза сузились, и он мрачно улыбнулся. — Уж они-то смогут позаботиться о вас. Вы хотите двинуться прямо сейчас? Это займет семь Скачков.

Госсейн ответил не сразу. Он прислушивался к нейроизлучениям этого человека. Нейропоток не совсем обычный, что в данной ситуации естественно. В нем были рывки, указывающие на эмоциональное беспокойство, но не было целеустремленных образов. Это успокаивало. Похоже, у капитана не было планов, не было личных проектов, не было вероломства в мыслях.

Госсейн еще раз обдумал свое положение. Он был настроен на электростанцию и на атомный реактор корабля. Он мог мгновенно убить каждого на борту. Он был фактически неуязвимым здесь.

Его сомнения пропали. Он сделал глубокий вдох.

— Вперед! — сказал он.

XII

Ради здравомыслия используйте принцип и так далее. Когда вы говорите: «Мэри хорошая девочка», сознавайте, что Мэри больше, чем только «хорошая». Мэри хорошая, милая, добрая и так далее, имея в виду, что к ней применимы и другие характеристики. Также не мешает вспомнить, что современная (1956) философия не считает «хорошего» индивидуума здоровой личностью.

Курс ноль-А

Внезапно Госсейн почувствовал, что теряет сознание и напрягся, испугавшись, что офицеры могут воспользоваться этим. Он повернулся и сказал:

— Безусловно, мы…

Он запнулся — он больше не был в кабине управления эсминца.

В пятистах футах громоздился пульт управления на более обширной плате, чем он только что оставил. Над ним изгибался прозрачный купол такой величины, что на мгновение его мозг отка-

зался охватить размеры сооружения.

Начиная догадываться, он посмотрел на свои руки и тело. Руки были тонкими и изящными, тело — стройным, одетым в форму штабного офицера Великой Империи.

Ашаргин!

Госсейн почувствовал, что тело, в которое он снова попал, задрожало и съежилось. Он с усилием отогнал слабость, но его охватило отчаяние, когда он подумал о собственном теле, которое осталось далеко в кабине управления эсминца Y-381907.

Оно должно лежать без движения на полу. В эту самую минуту Орелдон и капитан Фри схватили Лидж. Или вернее, отметил про себя Госсейн, несколько дней назад, так как расстояние было около восемнадцати тысяч световых лет, они захватили Лидж и тело Гилберта Госсейна. Нельзя забывать о временной разнице, которая является результатом подобной транспортировки.

Неожиданно он почувствовал, что его мысли были слишком тяжелы для хрупкого Ашаргина, в чье тело он был еще раз пойман, как в ловушку. Он огляделся затуманенным взглядом и медленно начал приспосабливаться к обстановке. Медленно, потому что это была не его трениро-

ванная нервная система.

Тем не менее, его мысли постепенно прояснились, и он перестал дрожать. Через минуту, хотя внутри пульсировали волны слабости, он уже знал, что делал Ашаргин до прихода Госсейна.

Он шел с группой адмиралов. Теперь они обогнали его. Двое оглянулись. Один из них сказал:

— Ваше превосходительство, вы выглядите больным.

Прежде, чем Госсейн успел ответить, второй, высокий и худой старый адмирал в мундире, увешанном медалями из драгоценных камней и знаками отличия, насмешливо произнес:

— С тех пор, как принц прибыл сюда, он все время чувствует себя неважно. Похвалим же его за преданную службу в таком состоянии.

В этом худом старике Госсейн узнал Великого Адмирала Палеола. Это полностью вернуло его в нормальное состояние, поскольку об этом мог знать только Ашаргин.

Очевидно два сознания, его и Ашаргина, начали соединяться на подсознательном уровне.

Это подбодрило его. Невидимый игрок еще раз телепортировал его разум в чужой мозг. Чем быстрее он приспособится, тем лучше.

В этот раз он должен попытаться овладеть

ситуацией. Никакого следа слабости. Ашаргин должен быть доведен до предела своих физических способностей.

Когда он поспешил вперед, догоняя остановившихся офицеров, в мозгу всплыли воспоминания о последней неделе Ашаргина. Неделе? Поняв, что для Ашаргина прошло семь дней, в то время как для него менее суток осознанного существования, он испугался. Но замешательство было кратковременным.

Картина предыдущей недели была на удивление хороша. Ашаргин ни разу не потерял сознания. Он успешно перенес знакомство со штабом. Он даже выдвинул идею, что будет наблюдателем до дальнейших распоряжений. Для человека, который дважды падал в обморок в присутствии Энро, это было достижением высшего порядка и еще раз доказывало, что даже несколькими часами управления тренированного ноль-А сознания можно вызвать значительные улучшения в такой безвольной личности, как Ашаргин.

Госсейн поднял взгляд. Они подошли к открытой двери в небольшую комнату. Очевидно — и память Ашаргина подтвердила это — здесь состоится собрание высших офицеров.

Быть может, здесь ему удастся создать нового, решительного Ашаргина.

В помещении уже были офицеры. Другие еще прибывали. Он видел, как они выходили из кабин искривителей, занимающих добрых сто футов вдоль стены. Представления были частыми и быстрыми.

Несколько офицеров странно посмотрели на него, когда он был представлен им, но Госсейн был предельно вежлив с новоприбывшими. Его время еще придет.

Сейчас его внимание было отвлечено другим.

Он понял, что большая комната, через которую он проходил, была кабиной управления гигантского корабля. И более того. Это была кабина управления корабля, который в эту минуту участвовал в фантастической битве в Шестом Деканте.

Эта мысль, как пламя, вспыхнула в его голове. Он почувствовал необходимость вернуться туда и посмотреть повнимательнее. Что он и сделал, улучив минуту между представлениями. Над ним на добрых пятьсот футов возвышался прозрачный купол, через который были видны алмазы звезд центра галактики. Млечный путь! Миллионы самых жарких и ослепительных солнц. Здесь,

среди непревзойденной красоты, Энро расположил сбой смертоносный флот.

Теперь воспоминания Ашаргина о великой битве, которую он наблюдал целую неделю, пошли быстрее. Он видел тысячи кораблей, одновременно телепортированных на базы вражеского оплота. Каждый раз телепортация обрывалась как раз перед тем, как корабли достигали цели. Из звездной темноты они стрелой летели к обреченной планете. Атакующих кораблей было больше, чем могли собрать окружающие звездные системы. Расстояния, которые при обычном полете заняли бы несколько месяцев или даже лет, покрывались почти мгновенно. Агрессор давал всем жертвам один и тот же выбор. Капитуляция или уничтожение.

Если лидеры планеты или группы планет отказывались поверить угрозе, безжалостный дождь бомб обрушивался с неба и буквально истреблял цивилизацию. Бомбежки были такими яростными и концентрированными, что кору планеты охватывала цепная реакция.

Большинство правительств были разумнее. На этих планетах оставались только оккупационные войска, а флот отправлялся дальше на следующую базу Лиги.

Не было реального отпора. Невозможно было собрать значительные силы для отражения атак, поскольку невозможно было узнать, какая звездная система окажется следующей жертвой. С невероятной легкостью захватчики разбивали небольшой флот, который посылался против них. Атакующие всегда знали, какой будет защита, и сколь бы мощной она ни была, на каждый корабль Лиги Энро посылал десяток своих.

Для Ашаргина это было мистической загадкой. Но не для Госсейна. На кораблях Великой Империи находились предсказатели Алерты, и у другой стороны буквально не было шансов.

Поток воспоминаний был прерван ироничным голосом Великого Адмирала, прозвучавшим сзади:

— Принц, заседание начинается.

Это было приглашением сесть за длинный стол. Он сел на стул справа от Великого Адмирала и быстро окинул помещение взглядом.

Оно было гораздо больше, чем показалось сначала. Три стены являлись настоящими картами космоса. Каждая была словно обрызгана бесчисленными огоньками, и на каждой на высоте десяти футов располагались серии квадратов с мигающими числами. На одном из квадратов с

красными цифрами показалось число 91308. Оно мигнуло и стало 91749. Это было наибольшим изменением, которое он увидел, наблюдая за квадратами.

Госсейн подождал объяснений из памяти Ашаргина, но пришла только информация, что Ашаргин не был раньше в этой комнате.

Здесь были квадраты с голубыми цифрами и квадраты с желтыми, зелеными, оранжевыми и серыми цифрами, были алые цифры, пурпурные и фиолетовые цифры. Были квадраты с разноцветными цифрами. Очевидно, они отражали какую-то неустойчивую ситуацию.

Цифры менялись каждую секунду. Отдельные цифры проходили полный круг. Казалось, они пляшут. Без сомнения, они рассказывали историю битвы в Шестом Деканте.

Огромным усилием воли он оторвал свой зачарованный взгляд от квадратов и услышал, как адмирал Палеол уже начал говорить.

— …Наши проблемы, — говорил худой и мрачный старик, — вряд ли станут сложнее. Но хочу вас предупредить, что произошедшие инциденты со временем могут стать многочисленнее. К примеру, в семнадцати случаях мы не смогли телепортировать наши корабли на базы, образцы

подобия которых были получены с помощью самой высокоорганизованной шпионской сети, какую только можно себе представить. Дело в том, что некоторые правители в панике меняли образцы. Таких планет наши корабли достигали, телепортируясь к базам, которые располагались за ними, и вовремя замыкая образец. В этих случаях провинившаяся планета уже не имела выбора, а безжалостно уничтожалась. Я счастлив вам сообщить, что все эти инциденты были заранее предвидены нашим великом вождем Энро Красным. История не знает примера, чтобы один человек обладал такой предусмотрительностью, проницательностью и таким стремлением к миру.

Последнее замечание явно выпадало. Госсейн быстро посмотрел на присутствующих, но их лица оставались внимательными. Если изображение Энро как поборника мира и показалось им странным, они не подали вида.

Итак, шпионская сеть обеспечивала Энро образцами подобия с тысяч баз Лиги. Казалось, возникла роковая комбинация сил, работающих на Энро. Всего за несколько лет он вырос из правителя небольшой группы планет до верховного властителя в галактике. Словно в доказательство,

что судьба на его стороне, в этот период была открыта планета предсказателей, и эти одаренные умы работали теперь на него.

Безусловно, Фолловер, командующий ими, имел какие-то свои планы. Но они не включали остановку войны.

— Конечно, — продолжал Великий Адмирал Палеол, — главные силы Лиги не станут стирать образцы для искривителей пространства. Требуется время, чтобы создать связи подобия, и их собственные корабли окажутся отрезанными от баз, где изменяются образцы. Однако мы должны считаться с возможностями, что больше и больше планет предпочтут изолироваться. И многие преуспеют в этом. Вы знаете, — его тонкие губы скривились в холодной улыбке, — что некоторых звездных систем нельзя достичь телепортацией на базы за ними. Планируя нашу кампанию, мы в первую очередь наметили те планеты, к которым можно приблизиться этим способом. Теперь наша тактика становится более гибкой. Мы должны импровизировать. Флот должен и сможет атаковать цели, которые раньше считались вне досягаемости. Все это потребует от офицеров и членов экипажей всех званий высшей степени усердия.

Теперь уже без улыбки старик оглядел стол.

— Господа, в заключение я должен сказать, что наши потери тяжелы. За каждый час мы теряем в среднем два линкора, одиннадцать крейсеров, семьдесят четыре эсминца и шестьдесят два различных самолета. Конечно эти статистические цифры увеличиваются день ото дня. Тем не менее, они реальны, как вы можете убедиться, взглянув на стенные счетчики в этом помещении. Но в целом наше положение превосходно. Главным препятствием является обширность космоса и время на завоевание каждой отдельной планеты. Однако теперь можно математически рассчитать протяженность всей кампании. Количество планет, умноженное на время на каждую. Всего девяносто четыре звездных дня. Есть вопросы?

Тишина. Потом в дальнем конце стола поднялся адмирал.

— Сэр, — сказал он, — можем ли мы узнать мнение принца Ашаргина?

Великий Адмирал медленно встал. На его длинном, обычно суровом лице, опять появилась улыбка.

— Принц, — сухо сказал он, — находится здесь как личный эмиссар Энро. Он просил сказать, что у него нет комментариев.

Госсейн поднялся. Его целью было вернуть Ашаргина на Горгзид в штаб Энро. И если Энро наблюдает за совещанием, то лучшим способом для достижения этой цели будет его незапланированное выступление.

— Это я говорил Великому Адмиралу вчера.

Поморщившись от высокого тенора Ашаргина, он остановился, чтобы уменьшить напряжение, охватившее тело. Великий Адмирал смотрел на потолок с таким выражением, что Госсейн все понял. Он сказал:

— С минуты на минуту я ожидаю вызова Энро, чтобы предоставить отчет, но если у меня есть время, я хотел бы обсудить войну, которую мы ведем, с философской точки зрения.

Продолжать ему не пришлось. Потолок засветился, и на нем появилось лицо Энро. Все вскочили на ноги и застыли во внимании.

Рыжеволосый диктатор смотрел на них вниз со слабой, насмешливой улыбкой.

— Господа, — произнес он, наконец, — из-за неотложного дела я вмешиваюсь в ваше совещание. Я извиняюсь, что прервал вас, тем более, в тот самый момент, когда принц Ашаргин собирался поговорить с вами. Принц и я находимся в полном согласии по всем главным аспектам

ведения войны, но сейчас я хочу вернуть его на Горгзид. Господа, примите мое уважение.

— Ваше превосходительство, — сказал Великий Адмирал Палеол, — мы приветствуем вас.

Он повернулся к Госсейну-Ашаргину.

— Принц, позвольте мне проводить вас в транспортную секцию.

Госсейн сказал:

— Сперва я хотел бы послать сообщение на эсминец Y-381907.

Госсейн собирался отправить это послание, надеясь на скорое возвращение в свое тело. Он написал:

«Будьте вежливы с двумя пленниками, которые находятся на борту эсминца. Не ограничивайте их свободу. Доставьте женщину-предсказательницу и мужчину в сознании он или нет, на Горгзид».

Он опустил послание в щель робота-оператора.

— Немедленно отправьте капитану Фри на Y-381907. Я буду ждать подтверждения доставки.

Он повернулся и увидел, что Великий Адмирал Палеол с интересом наблюдает за ним. С неприятной усмешкой старик сказал:

— Принц, вы загадочны. Мне кажется, вы думаете, что Энро и я будем однажды привлечены к ответу за то, что мы делаем. Прав ли я?

Госсейн-Ашаргин покачал головой.

— Может, что-то подобное и случится, — сказал он. — Но толку от этого будет мало. Немедленно будет создана такая же корыстная, хотя, поначалу, возможно, более осторожная группировка. Инфантильные личности, которые хотят свергнуть руководящую группировку, не в силах проанализировать, что именно ее связывает. Одним из главных принципов является внедрение веры, что все они готовы умереть в любой момент. И ни один отдельный ее член не осмеливается иметь противоположное мнение по этому базовому вопросу. А убедив себя, что не боятся смерти, они оправдывают все преступления против остальных.

Усмешка адмирала стала шире.

— Ну, ну, — сказал он. — Почти философ, не так ли? — Его проницательные глаза стали серьезными. — Но мысль очень интересная. Я никогда не задумывался над тем, что фактор мужества может быть таким фундаментальным.

Казалось он хочет продолжить, но его перебил робот-оператор.

— Я не могу связаться с эсминцем Y-381907.

Госсейн-Ашаргин вздрогнул. Он испугался.

— Вообще нет контакта?

— Вообще.

Он снова взял себя в руки.

— Хорошо, продолжайте, пока не доставите послание. Известите меня на Горгзиде.

Он повернулся и пожал руку Палеолу. Через несколько минут он передвинул рычаг в кабине искривителя пространства, который должен был переправить его во дворец Энро.

XIII

Во имя здравомыслия будьте осторожны в навешивании ярлыков. Такие слова, как фашист, коммунист, демократ, республиканец, католик, еврей, относятся к человеческим существам, к которым никогда всецело не подходит никакой ярлык.

Курс ноль-А

Госсейн ожидал, что окажется в собственном теле. Ожидал, потому что в прошлый раз это случилось именно во время телепортации. Он так хотел, чтобы это произошло, что почувствовал острую боль разочарования, посмотрев сквозь прозрачную дверь кабины искривителя.

В третий раз за две недели он увидел комнату военного управления во дворце Энро. Его разочарование быстро прошло. Он оказался здесь и должен был с этим смириться. Подойдя к двери, он удивился, что комната пуста. Не попав в свое тело, он ожидал, что его немедленно попросят объяснить послание, отправленное капитану Фри. Он был готов к этому. Он был готов ко мно-

гому.

Он подошел к огромным окнам, залитым солнцем. Утро? — заинтересовался он, выглянув. Солнце стояло выше, чем в тот день, когда он прибыл во дворец Энро в первый раз. Это привело его в замешательство. Столько разных планет в разных концах галактики двигались вокруг своих солнц с разной скоростью. И вдобавок, из-за так называемой мгновенной транспортировки на искривителях пространства происходила потеря времени.

Он прикинул, что сейчас примерно полдесятого по времени города Горгзида. Слишком поздно, чтобы завтракать с Энро и Секохом, но это и не интересовало его. Госсейн направился к двери, ведущей во внешний коридор. Он предполагал, что его остановит или человек с приказом для него или команда настенного видеофона. Но никто его не остановил.

У него не было никаких иллюзий по этому поводу. Энро, обладающий даром видеть и слышать на расстоянии, конечно знал о его прибытии. Ему умышленно дали свободу действий, что говорило или о презрении к нему, или о любопытстве, если Энро лично наблюдал за ним. Впрочем, причина не имела значения. В любом случае свобода

действий давала ему время ослабить нервное напряжение Ашаргина. Это было очень важно для начала. Хотя в долгой гонке даже это становилось неважным.

У него созрел план, и он собирался заставить Ашаргина идти на любой риск, включая, при необходимости, игнорирование приказов самого Энро.

Дверь в коридор была не заперта, как и неделю назад. По коридору шла женщина с ведром. Госсейн закрыл за собой дверь и кивком подозвал ее. При виде его формы она задрожала, как будто к ней никогда не обращались офицеры.

— Да, сэр? — промямлила она. — Апартаменты леди Нирены, сэр? Двумя этажами ниже. На двери табличка с ее именем.

Никто не остановил его. Девушка, открывшая дверь, оказалась миловидной. Она косо глянула на него и прошла в прихожую. Он услышал, как она оттуда позвала:

— Ни, он здесь.

Послышалось приглушенное восклицание, и в прихожей появилась Нирена.

— Ну, — сказала она, — вы входите? Или так и будете стоять здесь, как болван?

Госсейн промолчал. Он последовал за ней в

гостиную, обставленную со вкусом, и сел в пододвинутое ею кресло. Другой женщины не было видно. Нирена холодно изучала его. Наконец, она сказала с горечью:

— Разговоры с вами приносят тяжелые последствия.

— Позвольте заверить вас, — сказал Госсейн, — что принц Ашаргин очень уважает вас. — Он умышленно говорил в третьем лице.

— Мне было приказано, — натянуто сказала Нирена, — приказано под страхом смерти.

— Есть только один выход: отвергать подобные предложения.

— Но тогда вы рискуете жизнью.

— Принц, — сказал Госсейн, — используется Энро для определенной цели. Не думайте, что Энро оставит его в живых, когда цель будет достигнута.

Она побледнела.

— Вы осмеливаетесь говорить такие вещи, зная, что он может слышать вас.

— Принцу, — сказал Госсейн, — нечего терять.

В серых глазах мелькнуло любопытство.

— Вы говорите о себе, как о постороннем.

— Это способ мыслить объективно. — Он прервался. — Я пришел сюда, чтобы увидеть вас по

двум причинам. Во-первых, я хочу задать вам вопрос, на который, надеюсь, вы ответите. Мне кажется, что за одиннадцать лет невозможно полностью подчинить галактическую империю. Это доказывает и наличие четырех миллионов заложников, содержащихся здесь, на Горгзиде. Похоже, по всей Великой Империи происходят беспорядки и смуты. Я прав?

— Конечно. — Нирена пожала плечами. — Энро и не скрывает этого. Он играет против времени, и сам процесс игры интересует его не меньше, чем результат.

— Ладно. А теперь второй вопрос. — Он описал положение Ашаргина во дворце и закончил. — Ему выделены какие-нибудь апартаменты?

Глаза Нирены расширились в удивлении.

— Вы хотите сказать, что не знаете, что произошло?

Госсейн не ответил. Он был занят Ашаргином, который внезапно напрягся. Женщина поднялась, и он увидел, что она смотрит на него с меньшим недружелюбием. Она поджала губы и оглядела его странным, испытующим взглядом.

— Пойдемте со мной, — сказала она.

Она быстро подошла к двери, ведущей в другой коридор. Пройдя его до конца, она открыла дверь.

Госсейн увидел спальню.

— Наша комната, — сказала она. Ее глаза вопросительно смотрели на него. Наконец, она покачала головой. — Вы действительно не знаете? Хорошо, я расскажу вам.

Она остановилась и немного напряглась, как будто действительность становилась более отчетливой из-за значения сказанных слов.

— Нас с вами поженили сегодня утром, согласно специальному приказу Секоха. Я была официально извещена об этом несколько минут назад.

Сказав это, она проскользнула мимо и пошла назад по коридору.

Госсейн запер за ней дверь. Он не знал, сколько у него осталось времени, но чтобы успеть переориентировать тело Ашаргина в кратчайший срок, надо использовать каждую минуту.

План был прост. Он останется в комнате, пока Энро не прикажет ему что-нибудь. И тогда он ослушается приказа. Он почувствовал, как Ашаргин задрожал от подобной идеи. Но Госсейн подавил слабость и сказал специально для нервной системы этого тела: «Принц, каждый раз, когда вы начинаете уверенно действовать на основе правильных положений, вы доказываете свое мужество, самоуважение и мастерство».

Все это было конечно сверхупрощенно, но необходимо в качестве подготовки к более высокому уровню ноль-А тренировки.

Первым делом Госсейн пошел в ванную и включил горячую воду и термостат. Прежде чем раздеться, он вышел в спальню посмотреть, нет ли там метронома. Но такового не оказалось.

Жаль конечно, но есть и другое средство, которое всегда под рукой в ванной. Он разделся и, наполнив ванну, завернул кран, но не до конца. Он с трудом заставил себя влезть в воду. Для слабого тела Ашаргина она показалась горячей, как кипяток. Он задыхался от жары, но постепенно привык к такой температуре. Откинувшись, он слушал ритмичный звук падающих капель.

Кап-кап-кап. Он широко открыл глаза, глядя на яркое пятно на стене. Кап-кап-кап. Постоянный звук, как биение его сердца. Тук-тук-тук, парь-парь-парь, переделал он значение. Так горячо, что каждый мускул расслаблялся. Кап-кап-кап, рас-слабь-ся.

В истории Земли было время, когда капли воды, ритмично падающие на лоб человека, доводили его до безумия. Сейчас, конечно, они капали не на голову, такое положение тела под краном было бы неудобным. Но принцип был тот же.

Кап-кап-кап. Китайские палачи, применявшие этот метод, не знали, что за ним скрывался большой секрет, и что человек сходил с ума, потому что думал об этом, потому что ему говорили это, потому что у него была абсолютная уверенность, что эта система приводит к безумию.

Если бы он верил, что она приводит к здравомыслию, эффект в этом направлении был бы не меньшим. Если бы он верил в то, что его слабое, неуклюжее тело становится сильным, ритм капель помог бы и в этом. Кап-кап-кап. Рас-слабь-ся, так приятно расслабиться. В земных больницах первым средством для ослабления эмоциональных и психических перегрузок были теплые ванны. Хотя, конечно, если не предпринимались дальнейшие действия, напряжение вскоре возвращалось. Убеждение было важной составной частью, гибкое эмпирическое убеждение, которое могло изменяться в соответствии с динамикой реальности, однако, которое по существу было нерушимо. У Госсейна оно было, у Ашаргина — нет. В его слабом теле было слишком много разбалансированных мест. Годы страха сделали его мускулы слабыми, истощили его энергию и задержали его рост.

Ритмично тянулись медленные минуты. Гос-

сейн задремал. Было так удобно, так приятно лежать в теплой воде, в чреве теплой воды, откуда началась жизнь. Назад в горячие моря, откуда все произошло, в лоно Великой Матери. И нестись по течению в медленном пульсирующем ритме сердцебиения, дрожащего трепетом нового существования.

Стук в дверь спальни вернул его к действительности.

— Да? — крикнул он.

— Вас вызывает Энро, — послышался натянутый голос Нирены, — чтобы вы немедленно представили отчет.

Госсейн почувствовал, как тело Ашаргина пронзила острая боль.

— Хорошо, — ответил он.

— Принц, — настойчиво сказала Нирена, — он был очень резок.

Госсейн кивнул про себя. Он чувствовал возбуждение и не мог полностью побороть страх Ашаргина. Но у него не было сомнений. Пришел час бросить вызов Энро.

Он не спеша оделся и вышел из ванной. Нирена ждала в гостиной. Он хотел задать ей вопрос, но не прямо, поскольку ни на миг не забывал о способности Энро видеть и слышать сквозь

твердые стены.

Решение пришло через секунду.

— У вас есть дворцовый справочник?

Она молча прошла к видеофону в углу и принесла светящуюся гибкую пластинку, которую вручила ему с разъяснением:

— Сдвиньте этот рычажок вниз. Когда раздастся щелчок, вы увидите этаж интересующей вас персоны и расположение ее апартаментов. На обратной стороне список имен, который автоматически пополняется.

Госсейну не понадобился список. Он знал, чьи имена ему нужны. Быстрым движением он передвинул рычаг на имя Риша, по возможности прикрывая его рукой.

Вероятно, Энро может видеть через руку так же хорошо, как и через стены, но должны же быть какие-то пределы его способности. Госсейн решил полагаться на скорость. Одним взглядом он получил информацию и передвинул рычаг на имя Секоха. Это также потребовало не больше секунды. Он осторожно поставил рычаг на нейтральную позицию и отдал пластину Нирене.

Он чувствовал удивительное спокойствие и легкость. Тело Ашаргина было пассивно. Оно невозмутимо принимало происходящее, что су-

лило успехи в будущем.

— Счастливо, — сказал он Нирене.

Он подавил импульс Ашаргина сообщить, куда идет. Не для того, чтобы Энро не узнал об этом еще несколько минут, а так как чувствовал, что Нирена станет отговаривать его.

Выйдя из холла, он быстро двинулся к лестнице и поднялся на этаж, где располагались апартаменты Энро. Он повернул направо и через минуту вошел в апартаменты женщины, которую некогда знал как Патрицию Харди. Он надеялся, что Энро будет очень интересно узнать, о чем будут говорить его сестра и принц Ашаргин, и что любопытство удержит его от немедленного вмешательства.

Когда Госсейн-Ашаргин прошел за слугой в приемную, он увидел Элдреда. Кренга, стоявшего у окна. Венерианский ноль-А детектив повернулся и задумчиво посмотрел на вошедшего.

В тишине они глядели друг на друга. Госсейну показалось, что он больше заинтересован видеть Кренга, чем тот принца Ашаргина.

Он оценил положение Кренга. Ноль-А человек в самом логове врага изображал — с ее согласия — мужа сестры военного повелителя Великой Империи и на этом зыбком основании — а учиты-

вая отношение Энро к бракам между братьями и сестрами, даже более зыбком, чем ему представлялось, — очевидно готовился противостоять планам диктатора.

Что именно он предпримет, вопрос стратегии. Ведь точно так же можно удивляться, на что рассчитывает принц Ашаргин, противостоя тому же тирану. Госсейн надеялся решить свою проблему дерзким неповиновением, основанным на плане, который пока что выглядел логично.

Первым заговорил Кренг.

— Вы хотите видеть горгзин Ришу? — Он применил титул правительницы планеты Горгзид.

— Очень.

— Как вы, наверное, знаете, я ее муж. Я надеюсь, вы не будете против, если я попрошу вас сначала рассказать о вашем деле мне.

Госсейн не был против. Вид Кренга чрезвычайно подбодрил его. Не-аристотелевый детектив столь искусно действовал все это время, что одно его присутствие на сцене казалось частным доказательством, что ситуация не так уж плоха.

Кренг заговорил снова:

— О чем вы думаете, принц? — вежливо спросил он.

Госсейн пустился в откровенный рассказ о том,

что произошло с Ашаргином. Он закончил:

— Я решил поднять положение принца во дворце. С ним обошлись непростительно унизительно, и я хочу использовать связи горгзин, чтобы изменить отношение его превосходительства.

Кренг задумчиво кивнул.

— Понятно. — Он отошел от окна и пригласил Госсейна-Ашаргина сесть в кресло. — Мне трудно правильно оценить ваше положение. Из того, что я слышал, вы согласились на ту унизительную роль, которую Энро предназначил для вас.

— Как видите, — сказал Госсейн, — и это должен понять Энро, принц настаивает, чтобы, пока он жив, к нему относились в соответствии с его титулом.

— Ваше использование третьего лица любопытно, — сказал Кренг, — а также ваша фраза «пока он жив». Если вы способны придерживаться смысла этой фразы, то, кажется, принц может получить удовлетворение от горгзида.

Это было своего рода одобрение. Очень осторожное и все же определенное. Вполне возможно, что диктатор подслушивал их, поэтому все слова были на высоком вербальном уровне. Кренг поколебался и продолжил:

— Однако, сомнительно, чтобы моя жена смогла помочь вам как посредник. Она заняла позицию полного противодействия завоевательной войне, которую ведет ее брат.

Кренг сообщил ему информацию и, взглянув на него, Госсейн понял, что сообщил намеренно.

— Естественно, — сказал Кренг, — как ее муж, я тоже безоговорочно против войны.

Поразительно. Итак, их дерзость основывалась на родственных отношениях Патриции и Энро. Госсейн критически обдумал это. Их позиция имела такой же неотъемлемый недостаток, как и его собственная. Как же они борются с этим недостатком?

— Мне кажется, — медленно сказал Госсейн, — что, занимая такую позицию, вы и горгзин сильно ограничиваете свободу своих действий. Или я ошибаюсь?

— Частично, — сказал Кренг. — Здесь, в этой планетной системе, права моей жены почти равны правам Энро. Его превосходительство сильно привязан к традициям, обычаям и привычкам народа и поэтому не станет упразднять никакой местный институт.

Это была еще более полезная информация. И она была к месту. Она укрепляла его личный

план. Госсейн собирался заговорить, но в этот момент в комнату вошла Патриция. Она улыбнулась, когда глаза их встретились.

— Я слышала все из другой комнаты, — сказала она. — Надеюсь, вы не обиделись?

Госсейн сказал, что нет, и наступила пауза. Он восхищенно смотрел на нее. Патриция Харди, горгзин Риша, сестра Энро, — молодая женщина, которая однажды притворялась дочерью президента Земли Харди, а позже женой Гилберта Госсейна. С таким шлейфом интриг она, безусловно, была личностью, с которой приходилось считаться. А главное, она никогда, насколько он знал, не колебалась в поддержке Лиги и ноль-А.

Ему показалось, что она стала более красивой, во всяком случае, не менее. Ростом она была пониже Лидж, предсказательницы, но выглядела более гибкой. В ее голубых глазах горело то же властное выражение, что и в серых глазах Лидж. Обе женщины были одинаково хороши. Но на этом сходство заканчивалось.

Кренг прервал тишину.

— Принц, — сказал он, и его тон был дружелюбен, — я думаю, что смогу прояснить отношение горгзин к вашей женитьбе на леди Нирене. Моя жена, ничего не зная о разговоре на прошлой

неделе, приняла как само собой разумеющееся, что ваши родственные отношения с Ниреной узаконены церковью.

Патриция мягко засмеялась.

— Мне и в голову не могло прийти, что в этой ситуации есть какое-то скрытое течение.

Госсейн кивнул, но был мрачен. Ему казалось, что она проглядела и другое подводное течение. Наверняка она знала о намерениях Энро на ее счет и слишком легко относилась к этому. Энро должен все еще надеяться на свадьбу с сестрой, иначе он не пытался бы скрыть от нее, что не придает никакого значения родству, когда это касалось других людей.

— Ваш брат, — вслух сказал Госсейн, — замечательный человек. Я полагаю, он может услышать этот наш разговор, если очень захочет.

— Способность моего брата имеет любопытную историю.

Патриция остановилась, и Госсейн, который смотрел прямо на нее, увидел по выражению ее лица, что она собирается дать ему информацию.

Она продолжала:

— Наши родители не были ни особо умны, ни особо религиозны. Они решили, что наследник горгзид проведет свой первый после рождения

год в склепе со Спящим Богом. Реакция народа была крайне враждебной, и поэтому через три месяца Энро был возвращен, после чего его детство протекало как обычно. Ему было около одиннадцати, когда обнаружилась его способность видеть и слышать на расстоянии. Естественно, отец и мать немедленно приписали это действию самого Бога.

— А что думает Энро? — спросил Госсейн.

Он не услышал ответа. В его сознании всплыли воспоминания Ашаргина о Спящем Боге, кусочки услышанного им, когда он был рабом храма.

Рассказы были совершенно непохожи. Священники могли увидеть Бога только во время обряда посвящения. Никто из них больше никогда не видел его. С их слов Спящий Бог был стариком, ребенком, юношей лет пятнадцати, младенцем и так далее — остальные сообщения имели так же мало общего, как и вопрос возраста.

Не ясно, были они загипнотизированы или же важность церемонии порождала у них видения.

Одна деталь ежедневного существования Спящего Бога чуть не выбила Госсейна из кресла — Спящий Бог лежал в склепе, и его снабжала пищей сложная система механизмов. Внутренняя иерархия служителей храма была организована,

чтобы поддерживать работу этих машин.

Мысль, повергшая Госсейна в смятение, молнией вспыхнула в его мозгу. Ведь это могло быть способом охраны и поддержания жизнеспособности тела Госсейна.

От этой мысли его сознание напряглось. Несколько секунд идея казалась слишком фантастической, чтобы принять ее. Тело Госсейна здесь, в самом сердце Великой Империи? Здесь и охраняется всеми силами мощной языческой религии?

Кренг нарушил молчание.

— Время обедать, — сказал он. — Надеюсь, это касается всех нас. Энро не любит ждать.

Обед! Госсейн прикинул, что прошел час с тех пор, как Энро вызвал его для доклада. Достаточно долго для кризиса.

Но сам обед прошел в молчании.

Блюда уже убрали со стола, но диктатор продолжал сидеть, тем самым держа за столом остальных. Впервые он прямо посмотрел на Госсейна-Ашаргина. Взгляд был недружелюбен и холоден.

— Секох, — сказал он, не отводя глаз от Ашаргина.

— Да? — быстро ответил хранитель.

— Принесите детектор лжи. — Стальной взгляд

уперся в переносицу Госсейна. — Принц требовал расследования, и я рад сделать ему одолжение.

Принимая во внимание обстоятельства, Энро выражался почти правильно. Но Госсейн изменил бы одно слово. Он *ожидал* расследования. И вот оно началось.

Когда датчики детектора лжи были прикреплены к Госсейну-Ашаргину, Энро поднялся. Он сделал знак остальным оставаться на своих местах и начал:

— Мы имеем очень любопытную ситуацию. Неделю назад я приказал доставить принца Ашаргина во дворец. Я был поражен его внешностью и действиями. — Его губы искривились. — Очевидно, он страдал от сильного чувства вины, которое, по-видимому, происходило от сознания, что его семья обманула надежды народа Великой Империи. Он был нервным, напряженным, робким, почти косноязычным. Это было жалкое зрелище. Более десяти лет он был в изоляции от межпланетных и местных событий.

Энро остановился. Его лицо было серьезным, глаза горели. Он продолжал тем же натянутым тоном.

— Но даже в это первое утро он продемонстрировал одну или две вспышки проницательности

и понимания, что было нехарактерно для него. В течение недели, проведенной на линкоре адмирала Палеола, он вел себя так, как мы и ожидали, зная его прошлое. В течение последнего часа, проведенного на борту корабля, он снова радикально изменился и снова показал знание, которое было выше его возможностей. Среди прочего, он отправил послание на эсминец Y-381907…

Энро быстро повернулся к одному из секретарей и протянул руку.

— Послание, — приказал он. Ему немедленно вручили лист бумаги.

Госсейн слушал, пока Энро читал. Казалось, каждое слово ставилось ему в вину. Диктатор, самый могущественный повелитель в галактике, отвлекся от множества своих дел, чтобы уделить внимание индивидууму, которого он собирался использовать как пешку в своей игре.

Предвидел или нет такой кризис невидимый игрок, перенесший сознание Гилберта Госсейна в мозг принца Ашаргина, не имело значения. Может, Госсейн и пешка, передвигаемая по чьей-то воле, но, даже будучи под присмотром, событиями он управлял, когда мог.

Энро заговорил снова мрачным голосом.

— Ни я, ни адмирал сразу не сообразили, какую

миссию выполнял этот эсминец. Наконец, мы выяснили, что это за корабль. Кажется невероятным, чтобы принц Ашаргин мог когда-нибудь слышать о нем. Миссия эсминца сверхсекретна и сверхважна и, хотя я сейчас не скажу, в чем она заключается, я могу сообщить, что его послание не доставлено.

Госсейн не мог поверить в это.

— Робот-оператор при мне отправил его, — быстро сказал он.

Энро пожал плечами.

— Послание не было остановлено нами. Оно не было принято эсминцем. Мы не в состоянии связаться с эсминцем Y-381907 уже несколько дней, и я вынужден просить вас дать несколько прямых ответов. Эсминец был доставлен на Алерту линкором, и теперь потребуется больше месяца полета нового корабля, чтобы достигнуть этой планеты.

Госсейн получил две новости, переполнившие его чувства. То, что в ближайший месяц с Алерты не будут прибывать предсказатели, было большой победой. Другой новостью была загадочная судьба эсминца.

— Но куда он мог деться? — спросил он.

Он подумал о Фолловере и напрягся. Через миг

он отбросил наиболее страшные подозрения. Очевидно, Фолловер действительно не мог предсказывать события, которые имели отношения к Гилберту Госсейну. Однако, это касалось тех случаев, когда действовал его дополнительный мозг. Поэтому можно предположить, что сейчас он знает, где Гилберт Госсейн.

Именно здесь логическая цепь заканчивалась. По существу не было причин, чтобы Фолловер стал скрывать от Энро местоположение эсминца. Госсейн в упор посмотрел на Энро. Пришло время еще раз потрясти диктатора.

— А Фолловер не знает? — спросил он.

Энро уже приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, но со скрежетом сжал зубы. Он уставился на Госсейна, ничего не понимая. Наконец, он сказал:

— Итак, вы знаете о Фолловере. Это интересно. Сейчас детектор лжи сообщит нам кое-что о том, что происходит в вашем сознании.

Он повернул выключатель.

За столом была тишина. Даже Кренг, который с отсутствующим видом ковырялся в тарелке, откинулся в кресле и положил вилку. Секох смотрел задумчиво. Патриция Харди наблюдала за своим братом, слабо скривив губы. Она заговорила первой.

— Энро, не будь так глупо мелодраматичен.

Тот повернулся к ней, его глаза сузились, лицо потемнело от гнева.

— Замолчи! — грубо сказал он. — Мне не нужны комментарии женщины, опозорившей своего брата.

Патриция пожала плечами, а Секох резко сказал:

— Ваше превосходительство, сдерживайтесь!

Энро повернулся к хранителю, и на миг выражение его лица стало таким злобным, что Госсейну показалось, что он ударит священника.

— Вы всегда интересовались ею, не так ли? — с усмешкой сказал он.

— Ваша сестра, — сказал священник, — является со-правительницей Горгзида и хранительницей Спящего Бога.

— Иногда, Секох, — сказал Энро, и усмешка стала шире, — создается впечатление, что Спящий Бог — это вы. Опасная иллюзия.

Священник быстро ответил:

— Я говорю, имея полномочия, которые мне доверили Государство и Храм. Я не имею права поступать иначе.

— Я — Государство, — холодно сказал диктатор.

Госсейн сказал:

— Кажется, я уже слышал это раньше.

Похоже, никто не понял его замечания. И тут до него дошло, что он оказался свидетелем главного столкновения.

— Вы и я, — сказал Секох мелодичным голосом, — держим чашу жизни, но только на короткий миг. Выпив ее до дна, мы опустимся вниз, в темноту. Но Государство, тем не менее, останется.

— Управляемое моей кровью!

— Может быть. — Голос священника звучал отдаленно. — Во всяком случае мы должны сначала победить.

— А потом?

— Вы получите зов Храма.

Энро раскрыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал. Постепенно на его ничего не выражавшем лице появилась понимающая улыбка.

— Умно, не так ли? — сказал он. — Итак, я получу зов Храма, чтобы стать посвященным. Наверное, есть что-то знаменательное в том, что о зовах сообщаете вы.

— Когда Спящий Бог будет недоволен тем, что я делаю или говорю, — спокойно сказал священник, — я узнаю об этом.

Усмешка опять появилась на лице Энро.

— О, узнаете, узнаете! Видимо, он сообщит вам, а вы расскажете нам?

Секох ответил просто:

— Ваши намеки не трогают меня, ваше превосходительство. Если бы я использовал мое положение в личных целях, Спящий Бог не стал бы долго терпеть такое святотатство.

Энро колебался. Его лицо уже не было столь мрачным, и Госсейну показалось, что могущественный правитель трети галактики чувствует себя не в своей тарелке.

Он не удивился. Люди привязаны к собственному дому. Несмотря на все достижения Энро, под кожей этого человека, чье слово было законом для девятисот тысяч военных кораблей, бились импульсы живой нервной системы.

В нем они исказились до неузнаваемости. Однако мужчина когда-то был мальчиком, а мальчик младенцем, рожденным на Горгзиде. Связь была так сильна, что он перенес столицу Великой Империи на свою родную планету. Такой человек не станет с легкостью оскорблять языческую религию, на догмах которой он воспитывался.

Госсейн понял, что правильно прочел происходящее в чужой душе. Энро насмешливо

поклонился Патриции.

— Сестра, я смиренно приношу извинения.

Он резко повернулся к Госсейну-Ашаргину.

— Эти двое на эсминце, кто они?

Итак, расследование продолжается.

Госсейн без заминки ответил:

— Женщина — обычный предсказатель. Мужчину зовут Гилберт Госсейн.

Он осторожно посмотрел на Патрицию и Кренга, произнося столь знакомое им имя. Главное, чтобы они не подали вида, что знают его.

Прореагировали они превосходно, как показалось Госсейну. Они продолжали внимательно смотреть на него, но не было и следа удивления на их лицах.

Энро занялся детектором лжи.

— Какие комментарии? — спросил он.

Пауза длилась несколько секунд. Наконец, детектор сказал:

— Информация правдивая, если рассматривать заданный вопрос.

— А что еще можно рассматривать? — резко спросил Энро.

— Здесь неразбериха, — был ответ.

— В чем?

— В идентификации личности. — Казалось,

детектор понял, что ответ не удовлетворяет требованиям. Он повторил: — Неразбериха.

Он собирался сказать еще что-то, но, должно быть, звук отключили.

— Хорошо, я уточню, — вспылил Энро. Он поколебался. — Путаница связана с двумя людьми на эсминце?

— Нет, — ответил детектор. — Это… — неуверенно сказал он, — это не точно. — Он заговорил решительно. — Ваше превосходительство, этот человек Ашаргин и, тем не менее, он не Ашаргин. Он… — На миг детектор замолчал, а затем, запинаясь, закончил: — Следующий вопрос, пожалуйста.

Патриция хихикнула. Это был неуместный звук. Энро бросил на нее грозный взгляд.

Он злобно сказал:

— Какой дурак принес сюда неисправный детектор? Сейчас же замените его.

Второй детектор, подсоединенный к Госсейну, ответил на вопрос Энро:

— Да, это Ашаргин, — пауза. — Кажется, что это он, — добавил он неопределенно. — Здесь какая-то неразбериха.

Теперь наступила какая-то неразбериха в Энро.

— Это неслыханно, — воскликнул он. — Ну хорошо, мы доберемся до сути. — Он уставился на Ашаргина. — Эти люди на эсминце, как я понял из вашего послания капитану Фри, пленники.

Госсейн кивнул.

— Да, правильно.

— И вы хотите доставить их сюда. Почему?

— Я думаю, вы захотите допросить их, — сказал Госсейн.

Энро снова был сбит с толку.

— Я не понимаю, как вы собираетесь использовать их против меня, если они здесь будут в моей власти. — Он повернулся к машине. — Что по этому поводу, детектор? Он говорит правду?

— Если вы имеете в виду, хочет ли он доставить их сюда? Да, хочет. Что касается использования их против вас — здесь все перемешивается.

— Каким образом?

— Мысль, что человек на корабле уже здесь, и мысль о Спящем Боге как-то переплетаются с Ашаргином.

Энро молча стоял пораженный, в этот момент вмешался Секох.

— Ваше превосходительство, можно я задам вопрос принцу Ашаргину?

Энро молча кивнул.

— Принц, есть ли у вас какая-нибудь идея о природе этой неразберихи?

— Да, — ответил Госсейн.

— Каково же ваше объяснение?

— Периодически Спящий Бог господствует надо мной, контролирует и направляет меня.

«И пусть, — подумал Госсейн с глубоким удовлетворением, — детектор лжи попробует опровергнуть это».

Энро расхохотался. Это был смех человека, который был готов к встрече с грозным обстоятельством, но вместо этого столкнулся с чем-то нелепым. Он упал на стул и, закрыв лицо руками, смеялся, не в силах справиться с собой. Его плечи тряслись, когда он, наконец, поднял голову, в глазах были слезы.

— Итак, вы — Спящий Бог, — сказал он, — и теперь вы овладели Ашаргином.

Смех снова напал на него, и он хохотал добрых полминуты, прежде чем сумел остановиться. На этот раз он посмотрел на Секоха.

— Господин хранитель, — сказал он, — который этот? — И, понимая, что его вопрос требует объяснения для сидящих за столом, повернулся к Госсейну. — В течение года около сотни человек только на этой планете утверждали, что ими

овладел Спящий Бог. По всей Империи около двух тысяч рыжеволосых мужчин претендовали быть Энро Красным, и в течение последних одиннадцати лет приблизительно десять тысяч человек объявляли себя принцем Ашаргином. Причем половине из них больше пятидесяти.

— А что говорил о них детектор лжи?

Госсейн ожидал скептицизма. За исключением Кренга, все присутствующие были таламическими людьми. Даже Патриция Харди, хотя и бывала на Венере, не стала ноль-А. Такие индивидуумы не смогут разобраться в собственных противоречиях и будут противоречиво спорить, не принимая в расчет реальность. Важно, что зерно сомнения было посеяно. Он увидел, что Энро нахмурился.

— Ну, хватит фарса, — сказал диктатор. — Давайте вернемся к некоторым фактам. Я допускаю, что вы дурачите меня, но зачем? Чего вы хотите?

— Понимания, — ответил Госсейн. Он говорил осторожно, хотя чувствовал решимость. — По всей видимости, вы хотите меня для чего-то использовать. Очень хорошо, я согласен, чтобы меня использовали. До определенного момента. За это я хочу свободы действий.

— Свободы чего?

Следующие слова Госсейна подействовали на остальных, сидящих за столом, как взрыв бомбы.

— Развязав войну, — сказал он, — вы подвергаете опасности жизнь каждого человека в галактике, включая Великую Империю. Я думаю, вы примете совет тех, кому придется разделить вашу участь, если что-то пойдет не так.

Энро наклонился и отвел руку назад, словно собираясь ударить его по лицу. Он сидел так несколько секунд, напряженный. Его губы были сжаты, глаза холодны. Он медленно расслабился и откинулся назад. На лице появилась слабая улыбка, и он сказал:

— Продолжайте, продолжайте. Повесьте себя!

— Мне кажется, вы так сконцентрировались на наступательной части войны, что, возможно, не принимаете во внимание некоторые не менее важные аспекты.

Энро удивленно покачал головой.

— Это говорит тот, — сказал он в изумлении, — кто провел последние одиннадцать лет жизни в огороде.

Госсейн проигнорировал комментарий. Он был напряжен, и ему казалось, что он делает успехи. Его теория была очень простой. Принц Ашаргин не привлек бы внимания в такой критический

момент, если бы не было важной причины. Его так просто не уничтожат, пока цель, ради которой он был воскрешен, не будет выполнена.

Кроме того, это удобный момент выяснить, что делает Энро с определенными индивидуумами.

— К примеру, — сказал Госсейн, — проблема Фолловера. — Он остановился, чтобы его слова дошли до Энро, и продолжил. — Фолловер практически неуничтожим. Не думаете ли вы, что когда война будет выиграна, такой субъект, как Фолловер, позволит Энро Красному господствовать над галактикой?

Энро мрачно сказал:

— Я позабочусь о Фолловере, если его когда-нибудь посетят такие мысли.

— Легко сказать. Он может сейчас войти в комнату и убить всех, кто находится здесь.

Энро покачал головой. Казалось, его позабавила эта мысль.

— Друг мой, — сказал он, — вы наслушались пропаганды Фолловера. Я не знаю, как он становится тенью, но давно решил, что остальное базируется на обычной физике. Искривители и перенос энергии. В этом здании только два искривителя пространства вне моего контроля. И я терплю это.

— Тем не менее, сказал Госсейн, — он может предсказать каждое ваше движение.

Улыбка исчезла с лица Энро.

— Он может предсказывать, сколько влезет, — сказал он грубо. — Власть у меня. Если он будет препятствовать мне, то быстро окажется в положении человека, приговоренного к повешению. Он даже узнает день и час, но ничего не сможет поделать.

— По-моему, вы так не думаете, — сказал Госсейн.

Энро молчал, его взгляд остановился на столе. Наконец он поднял глаза:

— Что-нибудь еще? — сказал он. — Я жду условий, о которых вы упомянули.

Пришло время заняться делом.

Госсейн почувствовал, что напряжение накапливается в теле Ашаргина. Ему нужна была передышка, чтобы расслабить нервную систему принца. Он хотел было взглянуть на Патрицию, Кренга и Секоха, чтобы увидеть их реакцию на развитие событий. Это дало бы Ашаргину возможность расслабиться.

Но он подавил это желание. Энро практически забыл о присутствии остальных. И было бы глупо отвлекать его сконцентрированное внимание.

Он сказал вслух:

— Я хочу, чтобы мне разрешили связываться с любой точкой галактики в любое время дня и ночи. Естественно, вы или ваш агент можете прослушивать.

— Естественно, — саркастически сказал Энро. — Что еще?

— Я хочу иметь право пользоваться искривителями для транспортировки в любое место Великой Империи по моему желанию.

— Я счастлив, — сказал Энро, — что вы ограничиваете свои передвижения только Великой Империей. — Он остановился. — Продолжайте, пожалуйста.

— Я хочу иметь право пользоваться любым оборудованием, каким пожелаю, из Министерства имуществ. — Он быстро добавил: — Конечно, исключая оружие.

Энро сказал:

— Я вижу, что ваши запросы могут продолжаться до бесконечности. Что вы предлагаете в обмен на ваши фантастические требования?

Госсейн ответил не Энро, а детектору лжи.

— Ты все слышал. Говорил ли я искренне?

Трубки слабо блеснули. Детектор долго молчал.

— Ваши мысли ясны до определенного момента. Дальше этого появляется неразбериха со… — Он остановился.

— Спящим Богом? — спросил Госсейн.

— Да, а может нет.

Госсейн повернулся к Энро.

— Сколько восстаний, — спросил он, — произошло на планетах Великой Империи, где производится основное военное оборудование?

Диктатор сердито посмотрел на него.

— Более двух тысяч.

— Это всего лишь три процента. О чем вы беспокоитесь?

Для его целей это утверждение было не слишком хорошим, но Госсейн хотел информации.

— Некоторые из этих производств, — откровенно признался Энро, — слишком важны технологически.

Именно это и хотел услышать Госсейн.

— Если вы согласны на мои условия, я выступлю в поддержку вашей войны. Чего бы ни стоило имя Ашаргина в управлении империей, я поступаю в ваше распоряжение. Я буду сотрудничать до следующего уведомления. Это то, что вы от меня хотели, не так ли?

Энро поднялся.

— Вы уверены, что больше ничего не хотите?

— Еще одно, — сказал Госсейн.

— Да?

Госсейн проигнорировал насмешку в голосе Энро.

— Это касается моей жены. Она больше не появится в ванной правителя.

Наступила долгая пауза, а затем мощный кулак опустился на стол.

— Договорились, — сказал Энро звенящим голосом. — И я хочу, чтобы вы произнесли свою первую речь сегодня вечером.

XIV

Во имя здравомыслия используйте кавычки. Например, «сознательный» и «бессознательный» разум — это полезные описательные термины, но еще необходимо доказать, что эти термины сами по себе правильно отражают «процесс». Они являются только картами территории, о которой мы, возможно, никогда не будем иметь точной информации. Ноль-А обучение уделяет особое внимание осознанию «мультивеличинности», то есть многозначности слов, которые кто-либо говорит или слышит.

Курс ноль-А

Был поздний вечер, когда Госсейн вернулся в апартаменты Нирены. Женщина сидела за столом и писала письмо. Когда он вошел, она положила ручку и пересела в большое кресло. Из его глубины она смотрела на Госсейна спокойными серыми глазами.

— Итак, мы получили месяца два для жизни, — сказала она, наконец.

Госсейн-Ашаргин прикинулся удивленным.

— Так долго? — спросил он.

Он не стал больше комментировать это. Что и откуда она услышала о произошедшем за обедом, не имело значения. Ему было жаль ее, но у него не было возможности влиять на ее судьбу. Когда правитель мог приказать женщине стать любовницей или женой незнакомого человека только из-за того, что она полминуты поговорила с ним, было невозможно угадать, что случится завтра. Она сделала ошибку, родившись в знатной семье, и поэтому жила у самой пропасти подозрительности Энро.

Нирена прервала молчание.

— Что вы собираетесь делать теперь?

Госсейн сам задавал себе этот вопрос, осложненный возможностью возвращения в любой момент в свое тело.

Но, положим, он не вернется. Положим, он останется здесь еще на несколько дней. Что тогда? Мог ли он сделать что-нибудь полезное для Ашаргина или Госсейна?

Вопросом номер один была проблема Венеры. Был ли в космосе еще кто-нибудь из венерианцев? Знали ли они вообще, что происходит?

Вторым вопросом был Спящий Бог. Он должен

увидеть Спящего Бога. Для этого требовалось получить разрешение Секоха.

Его мысль задержалась на третьем вопросе в его планах. Тренировать Ашаргина. Он посмотрел на Нирену.

— Я с трудом управляю принцем и думаю, было бы неплохо разрешить ему отдохнуть часок.

— Я скажу вам, когда это время пройдет, — и ее голос был таким мягким, что Госсейн вздрогнул, посмотрев на нее.

В спальне Госсейн записал на магнитофон трехминутный образец для расслабления и включил магнитофон в режим повторения. Затем он лег. В течение следующего часа он почти не спал. На заднем плане звучал монотонный голос Ашаргина, снова и снова повторяющий несколько фраз.

Лежа так, он позволил неприятным воспоминаниям Ашаргина о годах заключения беспрепятственно проникать в его сознание. Каждый раз, подходя к какому-нибудь инциденту, оставившему глубокое впечатление, он молча обсуждал его с молодым Ашаргином. Каждый раз внутри него как бы оживал пятнадцати-шестнадцати-двадцатилетний наследник Ашаргин. Старший Ашаргин разговаривал с младшим в момент, когда последний переживал травматическую

ситуацию.

С высоты своего жизненного опыта он уверял молодого Ашаргина, что на потрясший его инцидент можно посмотреть и по-другому. Уверял, что страх боли и страх смерти — только эмоции, которые можно преодолеть, и что шок от этого случая, подействовавшего так сильно на него, вскоре пройдет. Более того, в будущем это поможет ему лучше понимать такие моменты.

Это было нечто большее, чем импровизированная замена ноль-А тренировки. Эта была вполне надежная с научной точки зрения система самотерапии, она должна была принести определенную пользу.

— Расслабься, — успокаивал голос.

И из-за того, что он выполнял указания, каждое слово имело значение.

— Ослабь напряжение прошедшей жизни. И пусть все страхи, сомнения и неопределенности уйдут из нервной системы.

Результат не зависел от веры, хотя убежденность усиливала эффект. Самотерапия требует времени. Прежде всего, необходимо правильно выявить неприятные воспоминания, и только после этого воздействовать на них.

Принца Ашаргина невозможно укрепить за

один день.

Тем не менее, когда Нирена легко постучала в дверь, у него был не только эквивалент часового сна, но и психоаналитическая переориентация, которая при данных обстоятельствах не могла быть достигнута другим путем.

Он встал подкрепленный.

Дни шли, но он так ничего и не выяснил о Венере.

Существовало несколько возможностей. Но все они требовали хотя бы намека на то, что он желает знать. Энро мог понять значение такого намека так же быстро, как и человек, к которому Госсейн собирался обратиться.

Он не хотел идти на такой риск, пока не исчерпает все остальные средства.

К концу четвертого дня Госсейн начал беспокоиться. Несмотря на так называемую свободу действий, в теле Ашаргина он был изолирован и не мог делать самого важного с его точки зрения.

Только ноль-А венерианцы могли остановить Энро и предсказателей. Но, насколько он знал, они были отрезаны и не способы действовать. Они легко могли быть уничтожены диктатором, который уже сотни планет приказал стереть в порошок.

Каждый день он надеялся вернуться в свое тело. Он пытался помочь этому, при любой возможности используя лифты искривителей. Четыре раза за четыре дня он совершал перемещения на отдаленные планеты и обратно. Но его сознание по-прежнему оставалось в теле принца.

Он ждал информации о восстановлении контакта с эсминцем Y-381907, но напрасно.

Что же могло случиться?

На четвертый день он пошел в Межпланетное Министерство Связи, занимающее девяностоэтажное здание длиной в десять кварталов. В информационной секции размещалось сто роботов-операторов, распределяющих вызовы по определенным секторам. Он назвал свое имя одному из них.

— О, да, — сказал тот. — Принц Ашаргин. Мы получили инструкции.

— Какие инструкции? — спросил Госсейн.

В ответе слышалась откровенность Энро.

— Вы можете вызывать кого угодно, но запись вашего разговора должна быть направлена в Разведывательный отдел.

Госсейн кивнул. Он не ожидал ничего другого. С помощью искривителя он переместился в сектор, указанный роботом-оператором, и сел за

видеофон.

— Я хочу говорить с капитаном Фри или с кем-нибудь другим на борту Y-381907.

Он мог сделать этот вызов и из апартаментов Нирены, но здесь он видел искривитель, передающий его послание. Он видел собственными глазами, как робот-оператор набирает номер, принадлежащий Y-381907.

Это был один из способов устранить возможные препятствия, если таковые имелись, его попытке связаться с эсминцем.

Другим способом был вызов с планеты, выбранной наугад. Он проделал это уже дважды, но безрезультатно.

Итак, прошла минута. Затем две минуты. До сих пор не было ответа. Примерно через четыре минуты робот-оператор сказал:

— Один момент, пожалуйста.

В конце десятой минуты снова зазвучал голос робота-оператора.

— Ситуация такова. Когда подобие было поднято до известного механического предела — двадцать третьего десятичного знака, был получен слабый отклик. Однако это автоматический отклик. Очевидно, образец на другом конце все еще частично подобен, но продолжает

изнашиваться.

— Спасибо, — сказал Госсейн-Ашаргин.

Трудно представить, что его тело находится где-то в глубинах космоса в то время, когда его мыслящая сущность здесь, привязанная к нервной системе Ашаргина.

Что же могло случиться?

На шестой день Энро выступил в видеофонном эфире с речью. Он ликовал, его голос триумфально звенел, когда он сообщал:

— Великий Адмирал Палеол, командующий нашими силами в Шестом Деканте, только что информировал меня, что столица Туул несколько часов назад уничтожена нашим непобедимым флотом. Это только одна из бесконечных серий побед, одержанных народом и оружием Великий Империи в схватке с отчаянно сопротивляющимся врагом. Продолжайте, адмирал! Сердца народа и доверие правительства с вами!

Туул? Госсейн вспомнил это название с помощью Ашаргина. Туул был оплотом самого могущественного государства Лиги. Это лишь одна из тысяч планет, но факт названия ее «столицей» символичен для людей с нецельным сознанием, для которых карта семантически является территорией, а слово — событием.

Даже для Госсейна уничтожение Туула стало переломным моментом. Он не имел права выжидать.

После ужина он пригласил Нирену пойти с ним повидать Кренга и Патрицию.

— Надеюсь, что вам с горгзин есть о чем поболтать, — сказал он с ударением.

Она удивленно взглянула на него, но он не стал вдаваться в объяснения. Госсейн не мог открыто рассказать о своей идее помешать проницательности Энро.

Нирена превзошла себя. Госсейн не был уверен, поняла ли она его. Но с самого начала ее голос не умолкал.

Патриция сперва отвечала, запинаясь. Она была явно ошарашена трескотней Нирены. Но вскоре, должно быть, догадалась. Она присела на краешек кресла Кренга и ответила длинной и шумной, как пулеметная очередь, тирадой.

Нирена поколебалась, а затем подошла и села Ашаргину на колени. Беседа, которая последовала за этим, была, пожалуй, самой активной из всех, когда-либо слышанных Госсейном. Вряд ли была минута в течение этого вечера, когда его осторожные слова на заднем плане не были заглушены женской болтовней.

Сначала Госсейн поставил на рассмотрение не самую важную проблему.

— Вы что-нибудь слышали о дополнительном тренированном мозге? — спросил он.

Впервые он адресовал слова непосредственно Кренгу.

Карие глаза задумчиво изучали его. Затем Кренг улыбнулся.

— Немного, а что бы вы хотели знать?

— Меня интересует проблема времени, — сказал Госсейн. — «Фотографирование» происходит медленно, медленнее, чем подобный химический процесс, а видеосъемка просто молниеносна по сравнению с этим.

Кренг кивнул и сказал:

— Общеизвестно, что машины могут выполнять любую частную функцию быстрее, а часто и лучше, чем данный человеческий орган. Это плата за нашу практически неограниченную приспособляемость.

Госсейн быстро спросил:

— Вы думаете, проблема неразрешима?

Собеседник покачал головой.

— Смотря в какой степени. Возможно, первоначальное обучение проходило неправильно, и тогда другой подход может привести к лучшим

результатам.

Госсейн знал, что Кренг имеет в виду. Пианист, запомнивший неправильную постановку руки, не станет виртуозом, пока не обучится другой методике. Человеческие мозг и тело как целое могут тренироваться разными способами. Некоторые из этих способов приводят к плачевным результатам, а некоторые столь замечательны, что ординарный индивидуум, правильно их применяя, может стать гением.

Вопрос был в том, как ему переобучить свой дополнительный мозг, когда он вернется в собственное тело.

— Я бы сказал, — заметил Кренг, — все дело в постановке правильных представлений.

Они немного поговорили об этом. Некоторое время Госсейн не беспокоился о том, что Энро может подслушивать. Даже если диктатор и разобрал бы что-нибудь через почти несмолкаемую трескотню Нирены и Патриции, эта часть разговора была бы непонятна ему.

Но, несмотря на это, — он продолжал соблюдать все предосторожности. Кренг выдвинул несколько предложений по поводу переобучения, но Госсейну казалось, что не-аристотелевый детектив все еще пытается определить объем

знаний Ашаргина.

Это заставило его сменить тему. Он заговорил об обладании одного сознания другим, обратив внимание на то, что в процессе телепортации между развитым дополнительным мозгом и рудиментом такого же мозга, присутствующим у всех людей, вероятно происходит контакт, в результате которого больший может перейти в меньший.

Кренг внимательно слушал.

— А как вы думаете, — спросил он, — когда дополнительный мозг переходит в рудиментарный, он контролирует оба тела или нет?

— Конечно же нет. В этом случае развитый дополнительный мозг пребывает в состоянии релаксации, — ответил Госсейн.

Он был доволен, что затронул этот вопрос и, вопреки помехам, ухитрился проинформировать Кренга о том, что тело Госсейна сейчас без сознания.

Поскольку Кренг уже знает, что в данный момент Госсейн находится на борту Y-381907, ситуация должна стать для него ясной.

— Было время, — продолжил Госсейн, — когда я принял, как само собой разумеющееся, участие третьего лица, которое производит эти переста-

новки. Трудно поверить, — он поколебался, — что Спящий Бог оставил бы свое сознание в теле такого ограниченного человека как Ашаргин, если бы мог избежать этого.

Он надеялся, что Кренг поймет, что Гилберт Госсейн действительно не может управлять своей судьбой.

— И, разумеется, — продолжал он, — Ашаргин только марионетка, которая может действовать только как Ашаргин.

— Я бы этого не сказал, — осторожно сказал Кренг.

Так внезапно они приблизились к их главной цели.

По крайней мере, размышлял Госсейн, глядя на собеседника, это была его главная цель. Позиция Кренга откровенно сбивала его с толку. Казалось, тот бездействует. Он пошел на риск — на страшный риск, если вспомнить то, что он сделал на Венере, — прибыв в штаб-квартиру Энро. И теперь он день за днем сидит здесь, ничего не делая.

Его план, если таковой имелся, должно быть, действительно важен, если оправдывает бездействие в то время, как битва в Шестом Деканте неумолимо движется к финалу.

Кренг живо продолжил:

— По-моему, принц, эти странные разговоры могут завести далеко. Пришло время, когда люди действуют. Вот Энро, выдающийся пример человека действия. Военный гений первого порядка. Такие, как он, появляются только один раз в несколько столетий.

Странно было слышать такую похвалу из уст Элдреда Кренга. И поскольку это утверждение было ложным — любой ноль-А венерианец, обученный военной тактике, мог сравняться в «гениальности» с Энро — очевидно оно имело определенную цель.

В сказанном Кренгом он увидел удобный случай кое-что уточнить для себя и быстро вставил:

— Мне кажется, что люди вроде вас, сами оставят след в военной истории галактики. Было бы интересно проследить за развитием событий.

Кренг засмеялся.

— Время покажет, — сказал он и сменил тему, продолжая: — К сожалению, Энро все еще не признан как величайший гений, который когда-либо жил.

Госсейн угрюмо кивнул. Видимо, что-то происходит. Но его собственный вопрос был обойден, хотя он был уверен: Кренг понял, что он хотел

сказать.

«И он не ответил, — мрачно подумал он. — Ладно, если у него действительно есть план, ему виднее».

— Я уверен, — сказал Кренг, — что после его смерти даже народы Лиги признают совершенным искусство войны, которую он ведет против них.

И тут Госсейн догадался, что Кренг имеет в виду.

«Величайший… который жил», «После его смерти…»

Кренг предлагал ему убить Энро. Госсейн был изумлен. Некогда и ему казалось, что такой бесполезный тип, как Ашаргин, только на то и годен, чтобы стать жертвой ради убийства Энро. Но ситуация изменилась. Наследник Ашаргин теперь стал известен миллиардам людей. Он должен жить. В определенный момент его влияние могло оказаться решающим.

Жертвовать им сейчас для попытки устранения диктатора все равно, что выбросить ферзя с доски. Сегодня, зная Энро, он был убежден, что Ашаргин бесполезно отдал бы свою жизнь.

Кроме того, смерть Энро не остановит флот. Там останется Палеол, мрачный и решитель-

ный. — Палеол и тысячи офицеров, поставившие себя вне законов Лиги, захватят власть и пойдут против любой группировки, которая попытается изменить Великую Империю.

Конечно, если Ашаргин погибнет, Гилберт Госсейн скорее всего вернется в свое тело. Но он все еще верил, что сможет вернуться, не прибегая к крайним мерам. Он подождет еще неделю. А пока займется подготовкой. Если через неделю он все еще будет в этом теле, возможно он и пойдет на то, на что намекал Кренг.

Нехотя, со множеством оговорок, Госсейн кивнул, одобряя заговор.

Он рассчитывал, что они еще обсудят детали, но Кренг встал:

— Спасибо за приятную беседу. Я рад, что вы зашли.

В дверях ноль-А детектив добавил:

— Попробуйте сымитировать рефлекс улучшенного зрения.

Этот метод тренировки уже приходил на ум Госсейну. Он кивнул.

— Спокойной ночи, — коротко сказал он.

Он чувствовал глубокое разочарование от визита, возвращаясь с притихшей Ниреной в свои апартаменты.

Он дождался, когда Нирена выйдет из комнаты и, сев за видеофон, вызвал Мадрисола из Лиги.

Это действие могло интерпретироваться как измена, несмотря на разрешение Энро звонить кому угодно. Неуполномоченные персоны не общались с врагом во время войны. Пока он размышлял, насколько бдительно Разведывательный отдел следит за ним, раздался голос оператора:

— Секретарь Лиги согласен говорить с принцем Ашаргином, но только при условии признания того, что он, как представитель законной власти, говорит с человеком, поставившим себя вне закона.

Госсейн сразу понял юридический смысл этого условия и возможные последствия для Ашаргина, если он его примет. Он был готов сделать все, что в его силах, для победы Лиги. И если Лига победит, то Ашаргин окажется в незавидном положении.

Он почувствовал досаду, но через секунду нашел выход.

— Принц Ашаргин, — сказал он, — имеет настоятельные причины для разговора с Мадрисолом и поэтому принимает условие, но без последствий.

После этого долго ждать не пришлось. На экране появилось худое, аскетичное лицо Мадрисола.

Казалось, Мадрисол похудел еще сильнее с тех пор, как он разговаривал с Гилбертом Госсейном.

Секретарь Лиги заговорил первым:

— Вы предлагаете капитуляцию?

Вопрос был столь нереалистичен, что поверг Госсейна в изумление. Мадрисол резко продолжил:

— Надеюсь, вы понимаете, что компромисса быть не может. Вся правящая верхушка Великой Империи должна предстать перед военным трибуналом Лиги.

Вот фанатик! Госсейн без иронии ответил:

— Сэр, вам не кажется, что вы делаете опрометчивое предположение? Нет, это не предложение о капитуляции. Причина моего вызова возможно удивит вас. Дело, которое я собираюсь изложить, известно вам. Я настоятельно прошу вас не упоминать имена и названия, поскольку все, сказанное мной, немедленно будет доложено Энро, и любая опрометчивость с вашей стороны может привести к катастрофическим результатам.

— Да, да, продолжайте.

Но Госсейну этого было недостаточно.

— Вы даете слово? — спросил он. — Слово чести?

Ответ был холодным.

— Честь не входит ни в какие отношения между законной Лигой и преступниками. Но, — добавил Мадрисол, — конечно, я не скажу ничего опасного для дружественной планеты.

Именно этого обещания и ждал Госсейн. Но даже теперь он никак не мог решиться. Воспоминания Ашаргина об уничтоженных звездных системах словно сковали его язык.

Если Энро догадается о какой планете идет речь, он может что-нибудь предпринять. Достаточно одного подозрения. Пока что Венера была ничем не примечательной планетой, одной из тысяч, и пока она останется для диктатора таковой, возможно венерианцы сумеют спастись.

Голос Мадрисола был нетерпелив.

— Я прошу вас перейти к делу.

Еще раз Госсейн повторил про себя приготовленные слова — и ринулся словно в омут. Он напомнил Мадрисолу о вызове, сделанном несколько недель назад и о его просьбе.

— Что-нибудь сделано?

Мадрисол нахмурился.

— Кажется, я смутно вспоминаю, о чем речь. Наверное, кто-нибудь из моих помощников занялся этим делом.

— И что? — напряженно настаивал Госсейн.

— Секундочку. Я разузнаю.

— Осторожно, — предупредил Госсейн.

Губы Мадрисола сжались, но он кивнул.

Он вернулся меньше, чем через минуту.

— Нет, — сказал он. — Еще ничего не сделано.

Госсейн посмотрел на него внимательней. Он еще не до конца поверил последним словам секретаря. Положение Мадрисола предполагало значительное количество персонала, чтобы столь быстро выяснить состояние этого дела. Но Госсейн вспомнил, как краток был тот, когда он звонил ему с Венеры. Так что, возможно, Мадрисол сказал правду. К сожалению.

Госсейн сказал:

— Я настаиваю, чтобы вы немедленно установили контакт. Лично.

Он прервал связь подавленный. Начинало казаться, что отчаянный план Кренга был не просто последней, а единственной надеждой. И все же — нет! Палеол казнит каждого во дворце: Нирену, Патрицию, Кренга…

Госсейн успокоился. Никакой пользы от таких мыслей. В любом случае, если не будут предприняты решительные действия, по крайней мере Нирена, Кренг и Ашаргин вскоре окажутся мертвыми. Он должен помнить выдающуюся

роль, сыгранную Кренгом на Венере, и верить, что ноль-А детектив сейчас так же искусен, как тогда.

Он пойдет на убийство Энро, если Кренг это предложит.

Потребовалось более часа, чтобы выразить нужный ему образец, и четыре с половиной минуты, чтобы записать на магнитофон сами слова.

Он начал сложный процесс, сложный потому, что он хотел установить отклики на бессознательном уровне и фактически изменить реакции автономной нервной системы.

То, что он пытался сделать, было давно известно в истории человечества. Легионы Юлия Цезаря побеждали огромные армии варваров потому, что нервные системы римских солдат были обучены согласованной борьбе. Но в шестом столетии легионы Цезаря имели бы мало шансов против армий Восточной Римской Империи.

В вооружении произошло только небольшое изменение, но было усовершенствовано обучение людей.

В 1940 году диктатор Гитлер обучил нервные системы своих солдат новому способу ведения моторизованной войны. И он был непобедим до тех пор, пока большинство солдат противника не

переняли этот способ. Машины существовали и до блицкрига, но нервные системы людей, управляющих ими, должны были обучиться новой интеграции. Когда это обучение было завершено, превосходство стало очевидным.

В дни, последовавшие за взрывоопасным миром после второй мировой войны, все больше и больше людей стали принимать выводы, которые новая наука общая семантика с трудом выбирала из массы имеющихся фактов.

Одним из этих заключений было: «Человеческая нервная система способна к неограниченному обучению, но определяющим фактором является метод».

Идея Госсейна и Кренга базировалась на принципе хорошего зрения. Расслабленный глаз видит лучше. При постоянном перемещении глаз остается расслабленным.

Когда, по какой-либо причине, глаз, способный хорошо видеть, останавливается, картина расплывается. В отличие от кинокамеры, глаз видит отчетливо только в момент, следующий за расслабляющим его перемещением.

Госсейну казалось, что если он сможет, пока привязан к телу Ашаргина — пока ждет, — обнаружить способ автоматического расслабления

своего дополнительного мозга, то будет быстрее и отчетливей «фотографировать» образцы подобия. Как расслабить дополнительный мозг? Ну, например, путем ассоциативного расслабления окружающей ткани.

Итак, он начал расслаблять кровеносные сосуды коры, таламуса, подкорки — где был расположен зародыш дополнительного мозга Ашаргина.

Путем ассоциации все клетки вокруг кровеносных сосудов так же автоматически расслабились бы. Так говорила теория, подтвержденная неоднократными опытами.

Каждый раз, когда голос из магнитофона давал указание, Госсейн имитировал «запоминание» зон, как он делал это своим дополнительным мозгом в своем теле. Через два часа он мог одновременно следовать образцу и думать о других вещах.

«Расслабь — смотри… расслабь — смотри». План убийства надо разрабатывать с большой осторожностью если, на самом деле, агенты Энро подсматривают в дырочки, просверленные в стенах… «Расслабь — смотри… расслабь — смотри…» Конечно, существовало несколько возможностей. Если согласиться с предложением Кренга, то

желательно рассмотреть положение Ашаргина в целом. Допустим, оба, Госсейн и Ашаргин, умрут через неделю, произойдет ли тогда автоматическое воскрешение ближайшего запасного тела Госсейна, в данном случае Спящего Бога планеты Горгзид?

«Расслабь — смотри… расслабь — смотри». Если это произойдет, то все было бы великолепно. Госсейн представил себе эффект, когда Спящий Бог выступит против Энро и Секоха. «Расслабь — смотри… Расслабь — смотри…»

События могут произойти так, как он предполагал, только при условии, что Спящий Бог — на самом деле тело Госсейна. Это необходимо проверить.

Энро не присутствовал на обеде. Секох, который прибыл позже, объявил:

— У него встреча с адмиралом Палеолом.

Пока священник усаживался за стол, Госсейн внимательно разглядывал его.

На лице сорокалетнего человека отпечатались следы страстей, побудивших его бороться за то высокое звание, которое он теперь имел. Но отпечаталось и нечто большее. Разговор Секоха и Энро в тот день, когда Ашаргина подвергли проверке на детекторе лжи, показывал, что, по

всей видимости, главный хранитель искреннее верил в свое учение.

Госсейн решился поговорить с ним сейчас. Когда он изложил священнику свои мысли, Секох посмотрел на него задумчиво.

Он дважды приоткрывал рот, собираясь заговорить. Дважды зашевелился в кресле, словно собираясь встать и уйти. Наконец, он мягко сказал:

— Привилегия видеть Спящего Бога дается только священникам.

— Совершенно верно, — сказал Госсейн.

Секох выглядел испуганно. Госсейн рассчитывал, что священник сможет себе представить реакцию народа, узнавшего, что наследник Ашаргин обращен в религию, так истово исповедуемую Секохом, и вообразить целую галактику, поклоняющуюся видеофонному изображению склепа Спящего Бога.

Секох положил нож и вилку, оперся тонкими, изящными, но при этом и сильными, руками о стол и наконец сказал:

— Мой мальчик, я не хочу обескураживать тебя. Я буду счастлив лично провести над тобой ритуал посвящения и думаю этот ритуал можно включить в церемонию Лицезрения.

Итак, это называлось Лицезрением.

— Однако должен предупредить, — продолжал Секох, — обычная защита, гарантированная послушникам, не предоставится тебе. Мы создаем вселенское государство, и наш великий вождь считает необходимым принимать жесткие меры, касающиеся отдельных личностей. — Он поднялся. — Приготовься завтра в шесть часов утра пойти в храм. Ввиду твоего заявления, сделанного на прошлой неделе, я разрешу тебе увидеть Спящего Бога. Интересно посмотреть, будет или нет предзнаменование.

Он встал из-за стола и вышел из комнаты.

Ритуал посвящения был частью церемонии Лицезрения. Он включал историю Спящего Бога.

Храм кургана существовал задолго до того, как на Горгзиде появились люди. Давным-давно, создав вселенную, бог выбрал планету Горгзид для своего отдыха. Здесь, охраняемый избранными им людьми, он спал, отдыхая от тяжких трудов. Придет день, и, проснувшись от короткого по вселенским меркам сна, он поднимется и продолжит свою работу.

Своим людям на Горгзиде он приказал подготовить мир к его пробуждению. В этот знаменательный день он хотел бы видеть вселенную

объединенной.

Во время ритуала, когда Госсейн узнал историю Спящего Бога, он впервые понял множество вещей. Эта религия оправдывала и даже требовала завоеваний Энро.

Госсейн был потрясен. Предположив, что Спящий Бог является его телом, он, бессмертный благодаря ряду таких тел, должен пересмотреть проблему своего бессмертия в целом, если вокруг тел Госсейна громоздилось подобное безумие.

В девять часов, когда он надел длинную белую мантию, началось шествие Лицезрения.

Они проделали странный маршрут. Спустившись вниз по лестнице, идущей вдоль закругленной металлической стены, они оказались в середине храма, где находился атомный двигатель, и Госсейн был потрясен во второй раз.

Космический корабль! Храм Кургана оказался шароподобным кораблем, лежащим века, а может и тысячелетия, в земле.

Теперь они поднимались вверх по противоположной стене. Достигнув центрального этажа, они вошли в помещение, где слышались какие-то слабые звуки. Госсейн был уверен, что где-то поблизости находится множество машин, но без своего дополнительного мозга он не мог

проверить это. Стены помещения изгибались наподобие купола. Из каждого угла аркой перекрывались пилоны. Четыре выгнутые пилястры заканчивались узкими опорами в двадцати футах от стены.

Это могло быть гробницей. Через полупрозрачную стену проникал мягкий свет. Небольшие лесенки вели по ней наверх, к узким опорам. Секох поднялся по одной из них и дал знак Госсейну подыматься по другой лестнице. Когда Госсейн взобрался, панель в верхней части склепа скользнула вверх.

— На колени! — звучно сказал Секох. — Смотри!

Стоя на коленях, Госсейн увидел голову, плечи, грудь и частично руки лежащего внутри человека. Лицо было худым и невыразительным. Губы слегка приоткрыты. Мужчине было около сорока лет. Его голова была большой, на лице застыло странное бессмысленное выражение. Лицо было приятным, но только из-за строения костей и правильности черт. Это было лицо слабоумного. В нем не было никакого сходства с Гилбертом Госсейном.

Спящий Бог Горгзида был незнаком ему.

Они прибыли во дворец как раз к обеду, и сна-

чала Госсейн не понял, какой удар ждет его.

За столом в дополнение к Энро, Патриции, Кренгу и Нирене сидело двое военных. Гости были при полном параде с маршальскими знаками отличия. Беседа за столом велась преимущественно между ними и Энро.

Речь шла о следственной комиссии, занимавшейся, как они это называли, переворотом. Из разговора Госсейн понял, что переворот оказался успешным. Причины этого и расследовала комиссия, которую представляли два офицера.

Он с любопытством смотрел на них. Было видно, что эти люди не ведают жалости. Еще до того, как они произнесли свои рекомендации, он уже знал, что для таких хладнокровных и беспощадных личностей решением любой подобной проблемы будет уничтожение мятежной планеты.

Госсейн глянул на Кренга и Патрицию. Ноль-А детектив был невозмутим. Однако Патриция не могла скрыть волнения. И тут он догадался, о каком перевороте шла речь.

Патриция резко вмешалась в разговор.

— Господа, — сказала она, — я надеюсь, что, принимая решение, вы не пошли по самому легкому пути.

Офицеры дружно посмотрели на нее, а затем, как по команде, вопросительно взглянули на Энро. Легкая улыбка появилась на губах Горгзида.

— Можешь быть уверена, — вкрадчиво сказал он, — что маршалы Роур и Угелл принимают во внимание только очевидные факты.

— Разумеется, — кивнул Роур. Угелл же молча посмотрел на Патрицию хмурыми, холодными как лед, глазами.

— Прежде я хочу услышать рекомендации, — сказала Патриция. — А уж потом я увижу, так ли это.

Слабая улыбка по-прежнему играла на лице Энро. Он упивался собой.

— Кажется, ходили слухи, что моя сестра некогда проявляла определенный интерес к звездной системе, которую мы обсуждаем.

Госсейн гораздо раньше понял истину — Венера! Это была следственная комиссия, выяснявшая причины разгрома Торсона в Солнечной системе.

— Итак, господа, — любезно сказал Энро, — я думаю всем нам интересно выслушать вас.

Угелл вынул из кармана лист бумаги и нацепил очки. Он поднял взгляд.

— Вас интересуют причины нашего решения?

— И даже очень, — сказал Энро. — Я хотел бы знать, что случилось. Как Торсон, один из талантливейших полководцев империи, провалился на простом задании?

Роул молчал. Угелл ответил:

— Ваше превосходительство, мы опросили более тысячи офицеров и солдат. По их рассказам восстановлена следующая картина. Наша армия успешно захватила повстанческие города. Но после смерти Торсона новый командующий отдал приказ покинуть Венеру. Естественно, приказ был выполнен. Итак, вы видите, что на нашей армии нет позора. Поражение явилось результатом действий одного человека по неизвестным пока нам причинам.

Картина более или менее соответствовала действительности. Маршалы только забыли упомянуть, что ноль-А венерианцы успешно защищали планету от атакующих сил. Расследование также не выявило роль Гилберта Госсейна в смерти Торсона. Но тем не менее, изложенные факты были частью реальности.

Энро нахмурился.

— Торсон был убит преемником? — спросил он.

— Нет никаких доказательств этого, — сказал

Роур, когда Угелл не ответил. — Маршал Торсон был убит во время атаки, которую лично проводил против оплота повстанцев на планете Земля.

Гнев Энро выплеснулся наружу.

— Идиот! — в ярости воскликнул он. — Зачем он сам сунулся в атаку? — Диктатор с трудом овладел собой. — Однако, господа, я рад был услышать ваш отчет. Он совпадает с имеющейся у меня информацией и кое с какими моими теориями. В настоящее время меня беспокоят некоторые люди, которые здесь, в моем дворце, замышляют совершенно дурацкий заговор против меня. Назовите, пожалуйста, имя офицера, который сменил Торсона в командовании нашими силами на Венере.

Угелл прочел солиста бумаги:

— Его зовут Элдред Кренг. Мы не смогли обнаружить какого-либо следа этого изменника.

Взгляд Энро остановился прямо перед собой.

— А теперь, господа, каковы ваши рекомендации?

Угелл монотонно прочитал:

— Облучить обитаемые планеты системы однолетним радиоактивным изотопом, чтобы сделать Солнечную систему безлюдной. — Он поднял

взгляд. — Маршал Роур охвачен новой идеей, которую ему недавно подала одна женщина-психолог. Идея заключается в том, чтобы пустые планеты были, заселены сумасшедшими и уголовниками. Нам кажется, хотя это и не внесено в текст рекомендаций, что эксперимент был бы интересен. Его можно провести, как только на этих планетах снова можно будет жить.

Он вручил документ Энро, который взял его без слов и прочитал про себя.

«Итак, Энро знал все это время», — думал Госсейн. Их маленький глупый заговор, который так и не вышел из эмбриональной стадии, возможно даже развлекал его. Кроме того, по-видимому, он уже несколько дней знал, кто такой Элдред Кренг.

Энро передал документ Патриции. Она, не глядя, порвала его.

— Вот что я думаю о ваших рекомендациях, господа.

Она встала. Ее лицо стало белым.

— Сейчас самое время, Энро, — сказала она, — тебе и твоим палачам остановить безумное уничтожение каждого, кто имеет мужество противостоять вам. Люди Венеры и Земли безвредны.

— Безвредны? — невольно повторил Роур. — Если они так безвредны, то как же им удалось разгромить нашу армию?

Она повернулась к нему, ее голубые глаза горели.

— Из вашего доклада явствует, что разгрома не было. Что отступление было по команде офицера, ставшего преемником Торсона. — Она нагнулась к нему. — Или, может быть, вы пытаетесь скрыть разгром наших сил лживыми сообщениями, чтобы потешить тщеславие моего брата?

Патриция была вне себя, в таламической ярости. Она жестом остановила попытку маршала ответить на ее вопрос.

— Можете не отвечать! — сказала она. — Ваш отчет практически верен. Я ручаюсь за это, потому что это я дала такое указание офицеру, который стал преемником Торсона. У него не было другой возможности, кроме как подчиниться сестре правителя. Он сидит здесь, рядом со мной как мой муж.

— Цена была высока, — усмехнулся Энро.

Он повернулся к военным.

— Господа, уже несколько дней я знаю, кто такой Элдред Кренг, но не могу поступить с ним как с изменником. Потому что здесь, на Горгзи-

де, права моей сестры почти равны моим, и я вынужден признавать их. Я пытаюсь склонить главного хранителя к… гм… одобрению развода, и он принял мою просьбу к сведению.

Слова были произнесены очень веско. Трудно было поверить, что под их кажущейся логичностью и честностью скрывалось желание Энро использовать религию, чтобы вынудить сестру последовать древнему обычаю брака между братом и сестрой. И что все остальное было сделано только ради этого.

Патриция заговорила снова:

— Люди Земли и Венеры довели систему образования до совершенства. Хотелось бы, чтобы вся галактика переняла их методы. — Она повернулась к брату. — Энро, нет никакого смысла в уничтожении системы, которая посвятила себя образованию. Если когда-нибудь наступит необходимость захватить эти планеты, это можно будет сделать без кровопролития.

Энро цинично засмеялся.

— Система образования? — он пожал плечами. — Секох будет счастлив рассказать тебе, какие планы имеет Храм для покоренных планет.

Он повернулся к маршалам, и в его голосе была жесткая нотка, когда он сказал:

— Господа, я должен извиниться за грубость и раздражительность моей сестры. Она забывает, что в ее компетенцию как горгзин не входят другие звездные системы, кроме тех, где я и она являемся общими наследниками. Что же касается вывода армии с Венеры генералом Кренгом, она забывает, что Великая Империя является моим личным достижением. Выйдя за него замуж и позволяя ему и, — он поколебался и быстро взглянул на Госсейна-Ашаргина, — другим выскочкам замышлять планы против меня под ее защитой, она лишилась всех прав взывать к моему мягкосердечию.

Он решительно сжал зубы и мрачно сказал:

— Вы можете быть уверены, что я не для того назначаю следственную комиссию, чтобы затем проигнорировать ее рекомендации. И, для уверенности, что горгзин вне опасности, я немедленно издам приказ, запрещающий ей пользоваться любым галактическим искривителем, пока не будет произведено рекомендованное вами уничтожение населения Солнечной системы. Спасибо, господа. Мои вам пожелания.

Госсейн отметил, что запрет не распространяется на принца Ашаргина. Он ничего не сказал, но, закончив обед, немедленно отправился к

системе искривителей дворца. Он не знал, можно ли отправиться на Венеру в кабине искривителя. На корабле можно, но он не мог захватить корабль. Поэтому, ему оставалось только сделать попытку.

Он достал из кармана клочки порванного Патрицией отчета по Венере, и быстро сложил их. Кренг незаметно забрал их у Патриции и осторожно передал Ашаргину.

Галактические координаты Солнца были напечатаны в верхнем углу первой страницы. Он прочитал: «Декант Восемь, r 36400, t 272°, z 1800».

Тридцать шесть тысяч четыреста световых лет от галактических осей. Угол 212° от стандартной линии. Тысяча восемьсот световых лет от галактической плоскости на отрицательной ее стороне. Сначала надо попасть в Восьмой Декант.

Передвинув рычаг в кабине, Госсейн ощутил перемену. Он понял, что вернулся в собственное тело. Свободен от Ашаргина!

Он резко сел и тут же упал. Каждый мускул в его теле словно пронзительно закричал, протестуя против резкого движения.

Рядом послышалось женское восклицание. Скосив глаза, он увидел Лидж, сидящую на краю

его кровати.

— Вы проснулись, — почти шепотом сказала она. — Я догадывалась об этом, но не была уверена. — В ее глазах блеснули слезы. — Мы отрезаны. Что-то случилось с системой искривителей. Корабль в необитаемой части галактики. Капитан Фри сказал, что потребуется пятьсот лет, чтобы добраться до ближайшей базы.

Загадка потерянного эсминца Y-381907 разъяснилась.

XV

Некоторые рабочиё принципы общей семантики заключаются в следующем: (1) Человеческая нервная система по своей структуре подобна другой, но никогда не является точной ее копией. (2) На любую нервную систему воздействуют события — вербальные или невербальные. (3) Событие — то есть то, что произошло, — влияет на тело-сознание в целом.

Курс ноль-А

Госсейн не пытался снова двинуться. От яркого света его глаза слезились, но теперь он видел уже лучше. Все тело болело. Казалось, каждый мускул и сустав протестовали против предпринятой им попытки сесть.

Он понял, что произошло. Учитывая время телепортации искривителем, он отсутствовал на эсминце не меньше месяца, и все это время его тело лежало без сознания и без движения.

По сравнению с тем уходом, который тела Госсейна получали в автоматических «инкубаторах», внимание, оказанное его телу в течение

этого месяца, было, вероятно, на уровне, немногим выше примитивного.

Он снова осознал присутствие Лидж. Она сидела на краю кровати и взволнованно смотрела на него. Она ничего не сказала, и Госсейн, стараясь не напрягать свои натянутые мускулы, оглядел комнату.

Это была довольно уютная спальня с двумя одинаковыми кроватями, на одной из которых он лежал. На другой, по-видимому, тоже спали, и Госсейн предположил, что это кровать Лидж. На мгновение он задержался на мысли, что, вероятно, их посадили под замок вместе.

Это предположение он собирался проверить по возможности быстро.

Оглядев комнату, он опять посмотрел на Лидж, и в этот момент она заговорила:

— Как вы себя чувствуете?

Госсейн ухитрился успокаивающе улыбнуться. Он начал понимать, каким страшным для женщины ее положения, должно быть, показался этот месяц. Она не привыкла к опасностям и превратностям судьбы.

— Со мной все в порядке, — ответил он медленно. И челюсть заболела от сделанного усилия.

Ее нежное лицо выражало заботу.

— Одну минуту, я принесу мазь.

Она исчезла в ванной комнате и почти сразу вернулась с небольшим пластиковым тюбиком. Прежде, чем он понял ее намерения, она стянула с него пижаму. Налила на ладонь немного масла и начала энергично втирать его в кожу Госсейна.

— Я делала это весь месяц, — она улыбнулась. — Только вообразите!

Как ни странно, он понял, что она имела в виду. Вообразить, что Лидж, предсказательница, имеющая множество слуг, теперь сама выполняла такую лакейскую работу. Ее изумление собой сделало эту интимную ситуацию нормальной и естественной. Госсейн был не Энро, которому для счастья требовалось чувствовать тепло мягких женских рук, но он успокоился и ждал, пока она растирала ему ноги, руки и спину. Наконец, она отошла и стала наблюдать за его нерешительной попыткой сесть.

Госсейна испугала его собственная беспомощность. На будущее он должен принять это во внимание. Пока он пытался делать некоторые упражнения, разминая свои мышцы, Лидж принесла его одежду.

— Я все выстирала в корабельной прачечной и два часа назад искупала вас, так что можете

одеваться, — сказала она.

Тот факт, что она умеет пользоваться прачечной, заинтересовал Госсейна, но он предпочел не отвлекаться на посторонние темы.

— Вы знали, что я проснусь?

— Естественно.

Должно быть, она увидела вопросительное выражение на его лице, потому что быстро сказала:

— Не беспокойтесь, пятна уже появились, как только вы проснулись.

— Когда? — При мысли о действиях его мышцы заныли.

— Минут через пятнадцать.

Госсейн быстро оделся.

Первые пять из пятнадцати минут он медленно расхаживал по комнате. Затем он отдохнул минуту и следующие две минуты ходил уже быстрее, размахивая при этом руками. Наконец, он остановился и посмотрел на сидящую в кресле Лидж.

— Расскажите, что случилось с эсминцем, — попросил он.

Ее глаза сверкнули.

— Мы отрезаны, — мрачно сказала она. — Кто-то установил реле, которое уничтожило матрицу искривителя для ближайшей базы. Это случилось в тот момент, когда ее задействовали. Тогда же

вы потеряли сознание.

Странно было слышать из ее уст технические слова, но сейчас он не обратил на это внимания, пораженный смыслом сказанного. В тот первый момент, когда Госсейн проснулся и еще не полностью пришел в себя, он только частично ухватил смысл ее слов. Нельзя сказать, что он не понял. Он понял. Но тогда сказанное Лидж было для него только объяснением, почему эсминец так долго не отвечал на видеофонные вызовы.

Теперь же его прошиб холодный пот. Отрезаны, сказала Лидж. Отрезаны в четырехстах световых годах от ближайшей базы. Если система искривителей действительно вышла из строя, теперь они зависят только от атомного двигателя со всеми его скоростными ограничениями.

Госсейн приоткрыл было рот, собираясь расспросить поподробнее. Но Лидж практически ничего не понимала в технике. Слова, сказанные ею, видимо, были подхвачены в течение последнего месяца и, вероятно, значили для нее очень мало.

Ему нужно было все срочно выяснить от более осведомленных лиц, чтобы иметь полную картину катастрофы.

Госсейн повернулся и с досадой посмотрел на

запертую дверь. Эти люди, вероятно, не могут себе даже представить, что он может делать с помощью своего дополнительного мозга. Запертые двери были для него детской преградой, раздражающей, когда нужно было сделать так много. Он повернулся, собираясь задать вопрос Лидж.

— Она не заперта. Мы не пленники, — быстро сказала она.

Ее слова предупредили его вопрос. Он подошел к двери — она легко открылась — переступил порог и вышел в пустой коридор.

Около двери он сделал несколько «фотографий» пола и через секунду понял, что автоматически использовал свой дополнительный мозг как раз в то время, которое предсказала Лидж.

Он вернулся в комнату и встал в дверях, глядя на предсказательницу.

— Это то пятно? — спросил он. — Вы говорили про этот момент?

Она приподнялась, чтобы посмотреть на него, затем со вздохом опустилась обратно в кресло.

— Как вы это сделали?

Госсейн ничего не имел против того, чтобы рассказать ей, но его смущало только одно.

— Если вас когда-нибудь схватят, — объяснил он, — детектор лжи сможет получить от вас ин-

формацию, которая была бы опасна для всех нас.

Он покачал головой, улыбаясь ей.

По выражению ее лица он понял, что она знала, о чем он собирается спросить. Но, тем не менее, спросил:

— Как вам удалось избежать пленения?

— Я успела схватить ваш бластер.

— Вы предвидели на месяц вперед?

Она покачала головой.

— О, нет. Пятно, которое тогда установилось, закрыло весь месяц. Но прежде я увидела, что вы упадете, — она поднялась. — Все это было очень просто, уверяю вас.

Госсейн кивнул. Он мог представить, что она имела в виду. Капитан Фри и Орелдон, должно быть, какое-то время стояли озадаченные, не понимая, что случилось.

— Они не оказали никакого сопротивления, — сказала Лидж. — И я приказала им перенести вас в нашу комнату. А теперь подождите, я принесу вам суп.

«Наша комната», — подумал Госсейн. В этом вопросе надо было поставить все точки над і, конечно, по возможности деликатно. Лидж вышла из комнаты и вскоре вернулась, неся поднос, на котором стояла тарелка с дымящимся супом.

Она была так дружелюбна, так услужлива, она принимала их отношения как само собой разумеющееся, и он решил поговорить с ней на эту тему позже.

Съев суп, он почувствовал себя намного лучше. Он отодвинул поднос, и его мысли снова вернулись к их безнадежному положению.

— Я пойду поговорю с капитаном Фри, — сказал он.

Когда он шел по пустому коридору, Венера и другие важные дела галактики казались ему очень далекими.

Капитан Фри открыл дверь своей комнаты, и Госсейну показалось, что тот болен. Сильное лицо капитана было бледным, карие глаза лихорадочно блестели. Он уставился на Госсейна, как будто увидел привидение. Кровь резко прилила к щекам.

— Госсейн, — сказал он, — и его голос был хриплым, как воронье карканье, — что с вами случилось? Мы терялись в догадках.

Госсейн смотрел на него и думал, объяснял ли этот страх поведение капитана, позволившее ему захватить эсминец. Наконец, он сказал:

— У нас много работы. Давайте делать ее.

Бок о бок они прошли по тихому коридору в

кабину управления. Через час Госсейн имел уже полную картину происшедшего. Пульт управления имеет три прорези подобия, в которых установлены матрицы. В прорези оказались вмонтированы дополнительные схемы. Матрицы связаны между собой так, что если в одной из них однажды происходило «замыкание», образец расстраивался во всех трех.

Замыкание произошло во время телепортации, в результате чего месяц назад сознание покинуло тело Госсейна. Матрицы были настроены на образцы трех ближайших баз, и поскольку они испортились, теперь стало невозможно попасть на эти базы путем телепортации.

Госсейн видел, что капитан Фри верит каждому своему слову, объясняя действие системы, что для Госсейна было достаточным. Он тоже верил капитану, но шел в своих рассуждениях дальше.

«Кто-то, — сказал он себе, — установил эти дополнительные схемы. Кто?»

Проблема была сложнее, чем казалась сначала. Вполне допустимо, что это дело рук Фолловера. Но, однако, тот однажды признался Джанасену, когда они были на Венере, что не обладает техническим умом.

Это утверждение не являлось неоспоримым

фактом. Но, если люди используют достижения машинного века, это еще не значит, что они автоматически знают, как установить схему, чтобы нарушить работу сложнейшей машины.

Госсейн подошел к столу капитана и сел. Он устал больше, чем думал, но не смел расслабиться. В далеком космосе отдан роковой приказ. Уничтожить Венеру! И, более того, уничтожить людей Солнечной системы.

Конечно, приказы, подобные этим, требовали времени для выполнения. Но время бежало.

После двухминутного отдыха Госсейн поднялся. Существовал только один быстрый и логичный метод решения их насущной проблемы. Ему казалось, что он готов это сделать.

Он «запомнил» несколько важных зон на борту корабля и несколько источников энергии, после чего нажал кнопку, которая открывала одну из скользящих дверей, ведущих на нижнюю палубу. Он дал знак капитану идти вперед.

Они молча спускались по лестнице. Здесь был совсем иной мир. Слышался хохот, крики и топот сотен ног. Такое скопление звуков мешало Госсейну разбираться в индивидуальных нейроизлучениях.

Двери в казармы были открыты, и солдаты

стояли вдоль коридора, вытягиваясь по стойке смирно, когда капитан Фри проходил мимо.

— Люди знают правду? — спросил Госсейн.

Капитан отрицательно качнул головой.

— Они думают, что совершают перелет между двумя планетами. Я ежедневно общался с сержантами. Все нормально.

— И они даже не беспокоились, что двери наверх были заперты целый месяц? — резко спросил Госсейн.

— Они поднимаются наверх только по приказу, когда необходимо выполнять работу. Поэтому я не думаю, что они беспокоились.

Госсейн не стал комментировать это. Но по его теории получалось, что кто-то поднялся наверх без всякого приказа и здорово потрудился там.

Возможно, опросив четыреста восемьдесят человек с помощью детектора лжи, можно определить виновного. Но за это время флот Энро достигнет Солнечной системы, туманные небеса Земли и Венеры будут облучены радиоактивными изотопами, и три миллиарда людей погибнут страшной смертью, даже не получив предупреждения.

Он мог предвидеть все это без помощи предсказателей, но от этого не становилось легче.

Госсейн содрогнулся, представив себе будущее, и быстро вернулся к делу. По его указанию капитан Фри приказал всем вернуться в казармы.

— Закрыть двери? — спросил капитан.

Госсейн отрицательно покачал головой.

— Существует несколько выходов сюда, — настаивал командир. — Я полагаю, что вы спустились вниз с определенной целью. Может поставить охрану у дверей?

— Нет, — ответил Госсейн.

Капитан посмотрел на него обеспокоенно.

— Мне это не нравится, — сказал он. — Наверху нет никого, кроме предсказательницы. Если кто-нибудь проскользнет наверх и закроет двери между отсеками…

Госсейн мрачно улыбнулся. Капитан даже не подозревал, что он намеревался сделать.

— Эту возможность я предусмотрел, — все, что он сказал.

Они заходили по очереди в каждую казарму. Пока капитан Фри и сержанты делали перекличку, Госсейн беседовал с некоторыми солдатами. Он опрашивал всех по определенной схеме, не имеющей никакой цели.

— Как вас зовут? Как вы себя чувствуете? О чем-нибудь беспокоитесь?

Спрашивая, он изучал не только выражение лица, но и нейропоток, исходящий от человека.

Он делал это особенно тщательно, когда член команды отвечал:

— Чувствую себя хорошо, док. Да, док.

Госсейна не обескураживало, что его принимали за психиатра.

Он был в третьей казарме, когда в его дополнительном мозгу переключилось реле. Кто-то поднимался по лестнице, ведущей в верхнюю часть корабля. Он повернулся, чтобы поговорить с капитаном Фри, но командира не было видно. Сержант быстро выступил вперед:

— Капитан пошел в уборную. Он сейчас вернется.

Госсейн подождал. По его прикидкам агенту Фолловера потребуется полторы минуты, чтобы дойти от лестницы до кабины управления, откуда предсказателей телепортировали на станции назначения.

Так как все дополнительные искривители действовали через главную матрицу, агент должен был сначала пойти в кабину управления.

Госсейн хотел бы переговорить с Лидж, но телепортация слишком испугала бы ее и окружающих, кроме того, на беседу уже не оставалось

времени.

Сказав, что сейчас вернется, Госсейн вышел в коридор, присел, согнулся, и в таком положении телепортировался в кабину управления, в зону позади стола капитана.

Он осторожно выглянул из-за стола, но не сделал попытки двинуться, а просто стоял на коленях и наблюдал. Человек удалил панель в пульте искривителя как раз над прорезями подобия. Он работал быстро, все время оглядываясь на двери. И тем не менее, не создавалось впечатление, что тот отчаянно спешит. Неудивительно: людей, подобных этому, всегда отличало повышенное самообладание и смелость. С таким человеком нужно быть крайне осторожным.

Госсейн наблюдал, как тот опустил одну из металлических панелей, быстро вынул матрицу из щели и положил ее на пол. Затем в его руках Госсейн увидел изогнутый, светящийся предмет. Своим блеском он так отличался от других, что Госсейн не сразу понял, что эта матрица искривителя, не испорченная, а полная энергии.

Госсейн вышел из своего укрытия и направился к пульту управления. Он был в десяти футах, когда мужчина, должно быть, услышал его шаги. Он застыл на месте, а затем медленно повернулся.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он, — но меня послали наверх сделать кое-что на этом... — Он прекратил врать. Кровь ударила ему в лицо. Он сказал: — Я думал, вы один из офицеров.

Он повернулся было обратно к пульту, но, должно быть, выражение лица Госсейна сказало ему о чем-то. Или, возможно, у него не было другого выхода.

Его рука конвульсивно дернулась, и в ней оказался бластер.

Госсейн телепортировал человека на тридцать футов от пульта управления. Раздался звук выстрела, а затем крик удивления. Госсейн быстро обернулся и увидел, что мужчина застыл на месте, стоя к нему спиной. В его напряженной руке блестел ствол бластера. Госсейн «сфотографировал» его и, пока человек поворачивался, телепортировал оружие в свою руку. Теперь можно было не торопиться. Он добился безумного ужаса у противника. Рыча как зверь, человек попытался добраться до переключателей искривителя. Три раза Госсейн телепортировал его обратно, пока, на третий раз, мужчина не прекратил свои сумасшедшие попытки. Остановившись, он резко выхватил из кармана нож и, прежде чем Госсейн успел понять его намерения,

вонзил лезвие себе в грудь.

Из коридора послышался топот ног. Капитан Фри, а следом за ним Лидж, ворвались в кабину управления.

— Что случилось? — спросил капитан, задыхаясь.

Он остановился и замолчал. Человек на полу посмотрел на них, гримаса исказила его лицо, он дернулся и умер.

Капитан узнал в нем механика, помощника инженера связи. Оказалось, что матрица, которую умерший установил в прорезь подобия, была настроена на базу в четырехстах световых годах от них.

Пришло время для объяснений. Госсейн перечислил несколько соображений, исходя из которых он устроил западню в кабине управления.

— Если это был этот агент Фолловера, тогда он все время находился на борту. Почему? Потому что никто не пропал. Откуда я это знаю? Вы, капитан, в течение всего месяца общались с сержантами, и они непременно сообщили бы вам об отсутствии человека. Итак, все это время он был на корабле. Целый месяц он сидел на нижней палубе, отрезанный от кабины управле-

ния. Вы можете себе представить его волнение. Он, безусловно, не планировал ждать так долго, чтобы совершить побег. Почему он должен был сбежать? Я думаю потому, что человек, разрабатывая свои планы, всегда предусматривает возможность побега, или ему пришлось бы смириться с идеей смерти, если он почувствует себя загнанным в угол. Учитывая все это, он не стал терять времени — когда двери открылись — и сразу поднялся наверх с новой матрицей, которая также должна иметь схему самоуничтожения, после того как используется для побега. Но есть одна маленькая деталь, которая озадачивает меня. Капитан Фри говорил мне, что мы должны будем остановиться на базе, находящейся примерно в восемнадцати тысячах световых лет, чтобы взять матрицы, которые перенесут нас на Венеру г 36000, t 272°, z 1400 и, когда мы попадем на эту базу, у нас должны быть соответствующие документы. Так вот, маленькая деталь, которая приводит меня в недоумение, заключается в следующем: как механик собирался прибыть на базу, не имея таких документов? Ему, как члену команды военного корабля, пришлось бы объяснить, почему он находится вне корабля. Вы скажете, что Фолловер мог бы защитить его, но

это не логично. Я думаю, Фолловер не захочет, чтобы Энро узнал, что он причастен к изоляции предсказателей на целый месяц.

Госсейн поднял взгляд.

— Капитан, как только вы все уладите с этой схемой, зайдите ко мне. Я буду в своей комнате.

XVI

Ради здравомыслия учитесь оценивать событие с точки зрения полного отклика. Полный отклик включает в себя нервные и общие внутренние изменения, эмоциональную реакцию, мысли о событии, высказанное утверждение, подавленное действие, совершенное действие и т. д.

Курс ноль-А

Придя в спальню, Госсейн снял ботинки и лег на кровать. Его подташнивало уже более часа. Огромные усилия, приложенные для поиска диверсанта, оказались для него слишком большим напряжением.

Ему не хотелось показывать свою слабость. И теперь так приятно было ощущать, как сила возвращается в тело. Пролежав двадцать минут, он потянулся, зевнул и открыл глаза.

Он со вздохом сел. Это было подобно сигналу. Вошла Лидж, неся поднос с супом. Своевременность этого, очевидно, указывала на предвидение. Думая об этом, Госсейн съел суп, и в этот момент в комнату вошел капитан Фри.

— Мы все сделали. Давайте указания, и мы начнем, — сказал он.

Госсейн посмотрел на Лидж, но та покачала головой.

— Не ждите ничего от меня, — сказала она. — То, что я предвижу, пока благополучно, но я не могу видеть дальше.

— Мы должны пройти оставшееся расстояние Девятого Деканта к ближайшей базе Восьмого Деканта. Там мы должны остановиться, — сказал капитан.

— Хорошо, действуйте, — ответил Госсейн.

Восемнадцать прыжков телепортации, и немногим больше чем через десять минут — таким показалось им прошедшее время, — капитан Фри вернулся.

— Мы находимся в семи световых годах от базы, — сказал он. — Неплохо. Теперь до Венеры осталось одиннадцать тысяч световых лет.

Госсейн поднялся и быстро прошел в кабину управления. Он сел в глубокое кресло перед прозрачным куполом. Его интересовал один вопрос: полетят ли они прямо на базу или просто приблизятся к ней?

Он вопросительно посмотрел на Лидж.

— Ну?

Лидж подошла к пульту управления, села на вертящийся стул и сказала:

— Мы входим, — и нажала на рычаг.

В следующее мгновение они были внутри базы.

Когда глаза привыкли к тусклому освещению, Госсейн увидел огромную металлическую пещеру гораздо больших размеров, чем база Великой Империи на Венере.

Капитан Фри давал инструкции по видеофону. Затем он обратился к Госсейну:

— Через полчаса на борт прибудет помощник капитана базы. За это время я приказал доставить на корабль новое оборудование. Они приняли это, как само собой разумеющееся.

Госсейн кивнул, но продолжал задумчиво смотреть на капитана. Он не беспокоился, что тот может как-то помешать ему. При его с Лидж координированных действиях, когда они могли предотвратить любые угрожающие планы задолго до того, как их начнут осуществлять, ни люди, ни машины не представляли для него опасности.

И все же Госсейну казалось, что этот человек помогает ему не как пленник, а как партнер. Госсейн вовсе не желал напоминать капитану о его обязанностях офицера военных сил Великой

Империи, но все же он хотел понять его.

Госсейн решил поговорить откровенно. Ему пришлось подождать около минуты, прежде чем капитан Фри ответил:

— Госсейн, человек в вашем положении и с вашей особенной силой едва ли может представить, через что прошли сотни тысяч офицеров Великой Империи, когда Энро пришел к власти. Это было сделано очень искусно, и, если бы другие были как я, они бы почувствовали ловушку. Было практически невозможно что-либо сделать. Повсюду были шпионы, и подавляющее большинство экипажей были за Энро. Будучи военным министром, он использовал свое положение, чтобы поставить своих людей на все ключевые должности. Очень немногие отважились на сопротивление. Людей казнили направо и налево. По результатам теста на детекторе лжи я был отнесен к сомнительным личностям и предупрежден. Меня оставили в живых только потому, что я не оказал никакого сопротивления. Все остальное очень просто. Я потерял интерес к своей карьере. Я был просто утомлен всем этим. И когда я понял смысл путешествия на Алерту, я испугался. Мне казалось, что предсказатели обеспечат победу Энро. Когда вы появились здесь,

сначала я был шокирован. Я представил себя на военном трибунале, а потом казненным. Но потом я понял; что вы сможете защитить меня. Это было все, что мне нужно. С того момента я на вашей стороне. Я ответил на ваш вопрос?

Да, этого было вполне достаточно. Госсейн протянул руку.

— На моей планете существует такая традиция. Это высшая форма скрепления дружбы.

Они пожали друг другу руки. Госсейн оживленно повернулся к Лидж:

— Нет пятен?

— Ни одного. Из документов ясно, что корабль выполняет специальную секретную миссию, что дает капитану Фри преимущество.

— Это значит, что мы выберемся с базы без всяких неожиданностей?

Лидж кивнула, но ее лицо было серьезно.

— Сейчас я вижу картину будущего, но вы можете ее изменить своим вмешательством. К примеру, вы можете создать пятно, чтобы доказать, что я ошибаюсь. Тогда я не знаю, что случится. Но то, что я вижу теперь, не имеет пятен.

Госсейну было бы интересно поэкспериментировать, но не сейчас.

Чем больше он вдумывался, тем более непонятной казалась ему проблема предвидения. Если Энро, предсказатели и сам Гилберт Госсейн были продуктами одного и того же вида обучения, тогда почему он, который был в «инкубаторе» так же долго, как любой предсказатель и в сто раз дольше, чем Энро, почему он не может видеть через расстояние, как Энро, и через время, как предсказатели?

Обучение, — подумал он. — Вот, в чем дело. Его обучение было недостаточным.

Теперь, как только предупредит венерианцев, он проконсультируется с доктором Кейром и другими учеными. И на этот раз они будут работать с новым пониманием его возможностей.

Прошел почти час с тех пор, как они покинули базу. Десять прыжков телепортации — и они были перенесены на десять тысяч световых лет в окрестностях Гелы.

Следующая остановка — Венера.

По его указанию Лидж установила приборы в режим «замыкания». Это заняло всего несколько секунд. Вдруг она резко откинулась в кресле и сказала:

— Что-то не так. У меня ощущение, что мы не сможем подойти к планете так же близко, как к

той базе. Я чувствую какую-то помеху.

Госсейн не колебался.

— Мы свяжемся с ними по видеофону.

Но видеофон безжизненно молчал.

Ничего не оставалось, как вести корабль прямо на Венеру.

Как и раньше, прыжок телепортации произошел мгновенно. Капитан Фри посмотрел на индикаторы расстояния и сказал Лидж:

— Хорошая работа. До венерианской базы восемь световых лет. Лучше этого и быть не может.

Вдруг послышался грохот. Раздался низкий голос:

— Говорит робот-оператор, ответственный за связь. Критическая ситуация!

XVII

Во имя здравомыслия отдавайте себе отчет о самовозвратности. Утверждение может быть о реальности или об утверждении о реальности.

Курс ноль-А

Госсейн быстро подошел к пульту управления и встал позади капитана Фри, напряженный и настороженный. Его взгляд перебегал с заднего на боковой и с бокового на передний видеоэкраны. Робот-оператор снова заговорил «аварийным» голосом.

— Голоса в космосе, — грохотал он. — Роботы, передающие друг другу сообщения.

— Переключите эти сообщения на нас, — громко скомандовал капитан Фри. Он посмотрел вокруг и поднял взгляд на Госсейна: — Вы думаете, флот Энро уже здесь?

Госсейн занялся подсчетами. «Я был освобожден, — думал он, — от мозга Ашаргина через несколько минут после того, как Энро отдал приказ. Вероятно, потребовалось около сорока часов для возвращения на эсминец, еще два часа, чтобы

двинуть корабль, меньше часа мы были на базе, а затем понадобилось около восьмидесяти часов, чтобы попасть сюда, на Венеру, — всего около ста двадцати двух часов, и только три из них могут считаться потерянными зря».

Пять дней! Конечно, карательный флот мог отправиться с ближайшей к Венере базы. И, возможно, так оно и было.

Для телепортации видеофонных сигналов, представляющих собой движение электронов, использовались сравнительно простые образцы. Электроны были по своей природе идентичны до восемнадцати десятичных знаков, и поэтому рассогласование полей в передаче занимало только четырнадцать секунд для каждых четырех тысяч световых лет. Для материальных же объектов оно составляло десять часов для того же расстояния.

Флот Энро мог оказаться здесь раньше их благодаря времени, сэкономленному использованием телефонных команд. Но им потребовалось бы дополнительное время на погрузку оружия атомного уничтожения, которое должно было обрушиться на Венеру и на Землю.

И кроме того, существовал другой, более важный аспект. У Энро были планы по поводу устройства личной жизни. Даже теперь он мог

отложить приказ об уничтожении Солнечной системы в надежде, что угроза такого нападения заставит его сестру выйти за него замуж.

Снова заревел робот-оператор.

— Передаю, — выкрикнул он, — переговоры между роботами. — Его голос стал спокойным. — Корабль на CR-94-687-12… вззз… Телепортирует… Приблизиться и атаковать… пятьсот человек на борту… вззз… ноль пятьдесят четыре секунды… Захват…

Госсейн тихо сказал:

— Нас атакуют роботы-защитники.

Пришло облегчение, которое принесло с собой волнение и гордость, но вместе с тем и предостережение. Прошло чуть больше двух с половиной месяцев после смерти Торсона. И уже существует защита от межзвездных атак.

Люди ноль-А, должно быть, поняли, что оставлены на милость диктатора-неврастеника и сконцентрировали производство на оборону. Колоссально!

Госсейн увидел, что капитан Фри собирается нажать на рычаг, чтобы вернуться обратно к звезде Гела на базу в тысяче световых лет отсюда.

— Обождите, — сказал он.

Капитан оставался напряженным.

— Надеюсь, вы не собираетесь здесь остаться?

Госсейн посмотрел на Лидж.

— Что вы скажете? — спросил он.

Он увидел, что ее лицо окаменело. Она сказала:

— Я могу видеть атаку, но не понимаю ее характера. После ее начала все расплывается. Я думаю…

Ее прервали. Все радарные машины забились в истеричных звуковых и световых сигналах. На видеоэкранах мелькали сменяющиеся картины в таком количестве, что Госсейн не успевал их рассмотреть.

В этот же момент что-то попыталось схватить его сознание.

Его дополнительный мозг зарегистрировал комплексную энергетическую сеть и отметил, что она пытается резко закрутить импульсы, идущие к моторным центрам его мозга и от них. Пытается? Достигает цели.

Он быстро понял характер атаки и ее ограничение. Не мешкая, он сделал корково-таламическую паузу.

Давление на его сознание закончилось немедленно.

Краем глаза он увидел, что Лидж застыла, где

стояла, с искаженным лицом. Перед ним неподвижно сидел капитан Фри, его пальцы были сжаты в дюйме от рычага искривителя, который перенес бы их к Геле.

Над ним звучал голос робота-оператора:

— Единица CR… вззз… выведена из строя… Все люди на борту, кроме одного, схвачены. Сконцентрироваться на неподдающемся…

Одним движением пальца Госсейн переключил рычаг искривителя.

Темнота.

Эсминец Y-381907 висел в космосе немногим дальше, чем в восьмистах световых лет от Венеры. В кресле около пульта управления капитан Фри терял неестественную неподвижность.

Госсейн повернулся и бросился к Лидж. Он сделал это вовремя. Оцепенение, которое держало ее на ногах, прошло. Он подхватил ее как раз в тот момент, когда она стала падать.

Пока он нес ее к глубокому креслу перед прозрачным куполом, он мысленно представил, что происходит во всех отсеках корабля. Сотни людей, должно быть, падают или уже упали. Или, если во время атаки они лежали, то теперь обмякли, словно из их мышц ушли все силы.

Тело Лидж было так безжизненно на его руках,

что на миг ему показалось, что она мертва. Но сердце билось, и, когда Госсейн положил ее в кресло, веки дрогнули, она попыталась открыть глаза. Прошло почти три минуты, прежде чем Лидж смогла сесть.

— Давайте не будем возвращаться туда, — попросила она слабым голосом.

— Минуточку, — сказал Госсейн.

Он увидел, что капитан Фри пришел в себя и конвульсивно дергает рычаги и переключатели на пульте, уверенный, что корабль все еще в опасности. Поспешно подняв капитана из кресла возле пульта управления, Госсейн помог ему перебраться к креслу напротив Лидж.

В это время его мысли были заняты тем, что сказала Лидж. Он спросил ее:

— Вы видите нас возвращающимися?

Она неохотно кивнула.

— Но это все, что я вижу. Остальное выше моих возможностей.

Госсейн молча сел, продолжая смотреть на нее. Его хорошее настроение пропало. Венерианский метод защиты был уникален, он воздействовал только на необученных ноль-А людей, и во время атаки только присутствие Госсейна спасло корабль.

Казалось, что оборона венерианцев непобедима.

Но если бы его не было на борту корабля, тогда бы у Лидж не было пятен в предвидении будущего. Она бы заранее предсказала атаку, и корабль смог бы избежать нападения.

Поэтому, флот Энро с предсказателями на борту сумеет избежать первой бешеной атаки. А если предсказания будут достаточно точны, флот сможет прорваться к Венере.

Возможно, совершенная система обороны Венеры, не имеющая равных по своему замыслу, на деле окажется никчемной. Создавая роботов-защитников, венерианцы не учли наличие предсказателей.

Неудивительно. Даже Кренг не знал о них. Конечно, может оказаться, что на карательном флоте, посланном на Венеру, их не будет. Но в этом нельзя быть уверенным.

Дойдя до этой мысли, Госсейн вернулся к сказанному Лидж. Он кивнул, мысленно вообразив ситуацию. Затем сказал:

— Мы попытаемся снова, потому что должны пройти через эту систему защиты. Это очень важно.

Безусловно, это было очень важно. Он пред-

ставил систему роботов-защитников, подобную этой, противостоящую несметному флоту Энро в Шестом Деканте. Если бы эта система работала немного быстрее, то есть атака происходила за одну, а не за сорок четыре секунды, тогда даже предсказатели не успевали бы предвидеть.

Госсейн рассмотрел несколько возможностей, затем тщательно объяснил суть коркового-таламической паузы Лидж и капитану. Они несколько раз порепетировали, но на большее не было времени.

Конечно, предосторожности могли не сработать, но они стоили усилий.

Закончив подготовку, Госсейн сел за пульт управления и осмотрелся.

— Готовы? — спросил он.

Лидж ворчливо сказала:

— Я не могла бы утверждать, что мне нравится находиться в космосе. — Это был ее единственный комментарий.

Капитан ничего не сказал.

— Хорошо, на этот раз мы попытаемся пройти так далеко, как сумеем.

Госсейн нажал на рычаг.

Атака началась через тридцать восемь секунд после телепортации. Госсейн наблюдал нюан-

сы ее развития, немедленно аннулируя любое воздействие на его сознание. Но в этот раз он предпринял новые шаги.

Он попытался передать послание роботам-защитникам.

— Приказываю прекратить атаку! — повторил он несколько раз.

Он ожидал, что робот-оператор повторит его команду, но тот продолжал транслировать переговоры между роботами-защитниками. Госсейн отдал другой приказ.

— Отключить все контакты! — твердо сказал он.

Робот-оператор сказал что-то о том, что все, кроме одного, выведены из строя и, без всякого намека на исполнение его команды, добавил:

— Сконцентрироваться на сопротивляющемся…

Госсейн нажал на рычаг телепортации и отпустил его через пять световых минут.

Через шестнадцать секунд атака возобновилась. Он мельком посмотрел на Лидж и капитана. Оба обмякли в своих креслах, краткое обучение системе ноль-А оказалось не очень эффективным.

Он отвернулся от них и смотрел на экраны,

ожидая бластерной атаки. Поскольку таковой не произошло, он сделал прыжок еще на один световой день к Солнцу. Индикаторы расстояния показывали, что Венера находится немногим больше, чем в четырех световых днях.

На этот раз атака началась через восемь секунд.

Она все еще была недостаточно быстрой. У него сформировалось определенное представление о происходящем. Венерианцы пытаются захватить корабли, а не уничтожить их. Устройства, созданные для этого, будут сильнодействующим оружием в галактике обычных людей. Они вызывали восхищение своей способностью различать где друг, а где враг. Но против предсказателей они не смогут действовать столь же эффективно.

Госсейн отправил еще одно послание тем, кто со слепым, механическим упорством пытался вывести его из строя.

— Считайте корабль захваченным.

Но по-прежнему не было никакого ответа. Госсейн еще раз нажал на рычаг телепортации. «Теперь, — подумал он, — мы посмотрим».

Когда темнота рассеялась, индикаторы показывали девяносто четыре световые минуты до Венеры. Атака началась через три секунды и на

этот раз по-другому.

Корабль задрожал. Экран защиты засветился оранжевым цветом. Робот-радар завывающим, как сирена, голосом сообщил:

— Приближаются атомные ракеты.

Быстрым движением пальцев Госсейн передвинул рычаг телепортации обратно, и эсминец отпрыгнул на девятьсот одиннадцать световых лет к Геле.

Вторая попытка проникнуть через систему обороны Венеры провалилась.

Госсейн, уже обдумывающий детали третьей попытки, вопросительно посмотрел на Лидж. Она покачала головой.

— Не задавайте вопросов, — сказала она. — Я слишком устала.

Он хотел возразить, но повнимательней приглядевшись к ней, понял, что она действительно устала и ослабела.

— Я не знаю, что эти роботы сделали со мной, — сказала она, — но мне нужен отдых, прежде чем я смогу что-то делать. Кроме того, — заметила она, — вам тоже не мешает восстановить силы.

Ее слова напомнили ему о собственной усталости, но он отогнал эту мысль и уже собирался заговорить, когда Лидж покачала головой.

— Пожалуйста, не спорьте со мной, — сказала она слабым голосом. — Сейчас я могу вам сообщить, что до следующего пятна около шести часов, и что эти шесть часов мы будем спать.

— Вы имеете в виду, что шесть часов мы будем сидеть в космосе?

— Спать, — поправила она. — И не беспокойтесь о венерианцах. Кто бы их ни атаковал, будет отброшен так же, как и мы.

Она была права. За последней репликой стояла аристотелева логика, но общие доводы были правдоподобны. Физическая слабость. Замедленные рефлексы. Действительно, полезно отдохнуть.

В перечень сил воюющих сторон входил и человеческий фактор.

— Что за пятно? — спросил он, наконец.

— Мы проснемся, — ответила она, — а после ничего не видно.

Госсейн посмотрел на нее.

— Нет никаких предупреждений?

— Ни намека…

Госсейн проснулся в темноте и подумал: «Я должен исследовать феномен моего дополнительного мозга». Его удивило, что эта мысль пришла ему во сне.

Ведь он решил, и вполне логично, отложить эту проблему до прибытия на Венеру.

На соседней кровати зашевелилась Лидж. Она включила свет.

— Мне кажется, что пятно растягивается, — сказала она. — Что случилось?

Госсейн чувствовал, что внутри него происходит какая-то деятельность. Его дополнительный мозг работал так же, как в процессе телепортации или «запоминания» зон. Это было только ощущение, более сильное, чем осознание биения сердца или расширения и сжатия легких, но такое же устойчивое. Однако, он не телепортировался и не «запоминал» зону.

— Когда началось пятно? — спросил он.

— Только что. — Ее голос был серьезен. — Я уже говорила вам о нем, но я думала, что оно будет, как обычно, кратковременной блокировкой.

Госсейн кивнул. Он собирался спать до появления пятна. И вот оно появилось. Он снова лег, закрыл глаза и постарался расслабить кровеносные сосуды мозга — простой процесс, вызывающий мысли. Казалось, это самый обычный метод прерывания потока.

Вскоре он почувствовал беспомощность. Как человеку остановить биение сердца или деятель-

ность легких — или нейронный поток, который неожиданно и без всякого предупреждения начался в его дополнительном мозгу?

Он сел и, посмотрев на Лидж, уже собирался поделиться с ней своей неудачей. И тут он увидел странную вещь. Он увидел, как Лидж встает с кровати и подходит к двери, затем — она сидит за столом вместе с Гилбертом Госсейном и капитаном Фри. Он увидел ее снова, еще дальше во времени. Ее лицо было смутным, широко раскрытые глаза смотрели изумленно. Она что-то говорила, но он не уловил, что.

Внезапным рывком он снова оказался в спальне, и Лидж все еще сидела на краю кровати и глядела на него в недоумении.

— Что происходит? — сказала она. — Пятно продолжается.

Госсейн поднялся и начал одеваться.

— Не спрашивайте меня сейчас ни о чем, — сказал он. — Может быть, я покину корабль, но я вернусь.

Потребовалось не больше секунды, чтобы вернуть в свое сознание одну из зон, которую он «запомнил» на Венере два с половиной месяца назад.

Госсейн ощущал слабый пульсирующий поток

от своего дополнительного мозга. Он неторопливо расслабился, как делал это лежа в кровати, и почувствовал перемены в своей памяти, причем явные. Он осознал, что его мозг следит за постоянно изменяющимся образцом. Были небольшие рывки и пробелы. Но сам «сфотографированный» образ в его сознании оставался ясным и четким, хотя и изменялся.

Он закрыл глаза. Никакой разницы, изменение продолжалось. Он знал, что прошло три недели, месяц, затем прошло все время с тех пор, как он покинул Венеру. И тем не менее, он продолжал «помнить» зону на уровне до двадцатого десятичного знака.

Он открыл глаза и встряхнулся, заставляя себя вернуться к окружающей действительности.

Во второй раз было проще. И еще проще в третий раз. После восьмой попытки рывки и пробелы все еще оставались, но, вернув свое внимание в комнату, он понял, что неконтролируемая фаза его открытия прошла.

Он больше не ощущал потока в дополнительном мозге.

Лидж сказала:

— Пятно остановилось! — Она поколебалась, затем добавила: — Но почти сразу появилось

другое.

Госсейн кивнул.

— Я ухожу.

Без малейшего сомнения он мысленно произнес старое слово-намек для этой «запомненной» зоны.

В тот же миг Госсейн очутился на Венере.

Он стоял позади стойки, которой воспользовался как загородкой в тот день, когда прибыл на Венеру с Земли на борту «Президента Харди».

Медленно и осторожно он осмотрелся, размышляя, заметил ли кто-нибудь его появление. Он увидел двоих. Один из них неторопливо шел ко входу. Другой смотрел прямо на Госсейна.

Госсейн двинулся навстречу. Тот сделал то же самое. Они встретились на полпути.

Лицо венерианца было хмурым.

— Я вынужден попросить вас оставаться здесь, — сказал он, — пока я не вызову детектива. Я видел, как вы, — он запнулся, — материализовались.

Госсейн сказал:

— Я часто думал, как это выглядит со стороны. — Он не собирался увиливать. — Прошу вас поскорее доставить меня к военным экспертам.

Мужчина по-другому посмотрел на него.

— Вы ноль-А?

— Ноль-А.

— Госсейн?

— Гилберт Госсейн.

— Меня зовут Армстронг, — сказал мужчина и с улыбкой протянул ему руку. — Мы терялись в догадках, что с вами случилось. — Он остановился. — Но давайте поспешим.

Госсейн полагал, что они войдут в дверь, но мужчина проследовал дальше. Госсейн задал вопрос. Армстронг объяснил:

— Если вы хотите быстро связаться с нужными людьми, лучше пройти сюда. Слова искривитель пространства вам говорят о чем-нибудь?

Кому-кому, а Госсейну они говорили.

— Пока их немного, — добавил Армстронг. — Хотя для других целей мы выпускаем огромное количество.

— Я знаю, — сказал Госсейн. — Корабль, с которого я телепортировался, испытал на себе результаты ваших трудов.

Они как раз подошли к искривителю. Армстронг остановился. Его лицо медленно побелело.

— Вы хотите сказать, что у нас плохая защита?

Госсейн помолчал.

— Я в этом не уверен, но боюсь, что да.

Когда темнота, сопутствующая телепортации, рассеялась, Армстронг открыл дверь кабины, выходящую в коридор. Быстрыми шагами Госсейн шел за Армстронгом. Они вошли в комнату, заставленную столами. Несколько человек сосредоточенно изучали груды документов. Госсейн особенно не удивился, что Армстронг не был знаком ни с кем из присутствующих. Ноль-А венерианцы были людьми, достойными доверия, и по своему желанию всегда могли пройти на любой завод, выпускающий самую секретную продукцию.

Армстронг назвал свое имя венерианцу, сидевшему у самой двери, а затем представил Госсейна.

Мужчина поднялся и протянул руку.

— Меня зовут Эллиот, — сказал он и повернулся к ближайшему столу: — Эй, Дон, позови доктора Кейра. Пришел Гилберт Госсейн.

Госсейн не стал дожидаться доктора Кейра, поскольку его информация была слишком важной. Он торопливо рассказал о готовящемся нападении флота Энро. Реакция оказалась совершенно иной, чем он ожидал.

Эллиот сказал:

— Значит, Кренг достиг цели. Молодец!

Госсейн уставился на него, потрясенный.

— Вы имеете в виду, — сказал он, — что Кренг отправился на Горгзид с целью заставить Энро напасть на Венеру?

Он вспомнил о мертворожденном заговоре против Энро. Теперь ясно. Заговор и не собирался быть успешным.

Его короткая радость угасла. В нескольких словах он рассказал венерианцам о предсказателях и веско закончил:

— Я точно не знаю, смогут ли я предсказатели пробиться через вашу оборону, но мне кажется, что смогут.

После недолгого обсуждения Госсейна позвали к видеофону, за которым сидел мужчина, нажимавший на кнопки и что-то говоривший роботу-оператору. Увидев Госсейна, он объяснил:

— Это станция всеобщего вещания. Расскажите заново вашу историю.

На этот раз Госсейн рассказывал более подробно. Он описал предсказателей, их культуру, преобладающий таламический тип личностей, встреченных им. Он сообщил о Фолловере и высказал свои предположения о сущности его тенеподобной структуры. Он описал Энро, при-

дворную ситуацию на Горгзиде и положение Элдреда Кренга.

— Мне сейчас сказали, что Кренг прибыл туда, чтобы хитростью заставить Энро послать флот на Венеру. Могу вам сообщить, что он выполнил свою миссию. Но, к несчастью, он не знал о существовании предсказателей. И поэтому грядущее нападение будет вестись врагом при гораздо более благоприятных обстоятельствах, чем могут предположить знающие характер обороны, созданной здесь, на Венере и на Земле.

Он тихо закончил:

— Подумайте над этим.

Эллиот сел на свободный стул и, обращаясь к широкой аудитории, сказал:

— Подавайте ваши замечания роботам-накопителям обычным способом.

Госсейн выяснил, что обычным методом для небольших групп являлось обсуждение вопроса, в результате которого они выдвигали столько разумных предложений, сколько считали нужным. Затем один из них подобным образом обсуждал вопрос с другими такими же делегатами. Рекомендации передвигались от уровня к уровню, поскольку каждая группа делегатов в свою очередь назначала своего делегата. Через тридцать

семь минут робот-накопитель вызвал Госсейна и сообщил ему четыре принципиальных предложения в порядке первоочередности.

1. Провести линию к звезде Гела, с которой должны прилететь военные корабли, и сконцентрировать всю систему защиты вдоль этой линии так, чтобы реакция роботов на появление военных кораблей заняла не больше двух-трех секунд.

Поскольку альтернатива была полностью исключена, они надеялись, что такая линия защиты, рассчитанная на неожиданность, сможет захватить весь первый десант врага, независимо от того, есть там предсказатели или нет.

2. Договориться, чтобы Лидж попыталась провести эсминец через систему защиты, и посмотреть, что может сделать предсказатель, зная характер защиты.

3. Перестать секретно действовать против Энро в пользу Лиги и предложить Лиге все имеющееся в распоряжении защитников оружие, полностью сознавая, что информацией могут злоупотребить и что мир после победы Лиги, возможно, будет трудно отличить от безусловной победы Энро. Взамен требовать приема эмигрантов с Венеры.

4. Покинуть Венеру.

Госсейн вернулся на эсминец и договорился о третьей попытке прорваться на Венеру в соответствии со вторым пунктом предложений.

Он хотел остаться на борту, но Лидж категорически воспротивилась этому.

— Одно пятно, и с нами покончено. Можете вы гарантировать, что их не будет?

Госсейн не мог.

— Но предположим, в вашем кругозоре появится пятно, пока я буду на планете? — спросил он.

— Вас это не касается, — сказала Лидж. — Все эти вещи имеют свои ограничения, как я вам уже говорила.

Ее способность не выглядела ограниченной, когда минуту или две спустя эсминец Y-381907 материализовался в трех милях над галактической базой на Венере и вынырнул под углом из атмосферы. Мгновением позже ряд торпед помчался на него. Корабль метался из стороны в сторону, вылетал и влетал в атмосферу, большее время невидимый с Венеры. На видеоэкранах мелькало судорожное изображение его полета.

Десятки раз атомные торпеды взрывались в том месте, где только что находился корабль, но каждый раз он успевал уйти за пределы досягаемости взрыва. Через час бесполезной охоты

Центр управления роботами приказал всем роботам-защитникам прекратить преследование.

Госсейн телепортировался на борт и, когда утомленная Лидж передала ему управление, посадил корабль во дворе Военно-промышленного отделения.

Он ничего не сказал венерианцам. Приземление корабля на Венеру говорило само за себя.

Предсказатели могли прорваться через систему роботов-защитников.

Во время обеда тремя часами позже Лидж неожиданно вздрогнула.

— Корабли! — сказала она.

Она застыла на несколько секунд, а потом расслабилась.

— Все в порядке, — сказала она. — Они захвачены.

Это было за пятнадцать минут до того, как Центр управления роботами подтвердил, что сто восемь военных кораблей, включая два линкора и десять крейсеров, захвачены благодаря сконцентрированным усилиям пятнадцати миллионов управляемых роботов.

Госсейн присоединился к большой партии, изучавшей один из линкоров, экипаж которого уже был удален. Здесь пригодились знания Гос-

сейна, полученные им во время пребывания на эсминце.

Впоследствии он несколько раз пытался использовать свою новую способность предвидеть события, но картины были слишком неустойчивы. Должно быть, он все еще не мог достигнуть полного расслабления. А из-за своей занятости он не успел подробно обсудить проблему с доктором Кейром.

— Я думаю, вы на правильном пути, — сказал психиатр, — но мы займемся более тщательными исследованиями попозже, когда у нас будет больше времени.

В эти дни шла настоящая, битва за время. Из допросов выяснилось — Лидж предсказала это раньше, — что в этом десанте не было предсказателей.

Это не имело никакого значения для их плана. Опрос общественного мнения венерианцев показал общую уверенность, что в течение нескольких недель может быть послан второй флот, что на борту, вероятно, будут предсказатели и что его можно захватить, несмотря на присутствие предвидящих мужчин и женщин с Алерты. Но и это не имело значения. Венера должна быть покинута.

Группы ученых работали сменами, устанавливая в каждом захваченном корабле дополнительные искривители вроде тех, которые применялись для переброски предсказателей с Алерты в Шестой Декант.

С помощью захваченных кораблей Великой Империи они создали цепь, достигшую восьмисот световых лет от ближайшей базы Лиги, которая была на расстоянии свыше девяти тысяч световых лет и из этой ближайшей точки установили видеофонную связь.

Договориться с Лигой оказалось удивительно просто.

Планетарная система, которая за столь короткое время достигла ежедневного выпуска до двенадцати миллионов роботов-защитников нового типа, потрясла твердолобого Мадрисола.

Флот из двенадцати тысяч кораблей Лиги, воспользовавшись цепью захваченных кораблей, прорвался к Геле, в течение четырех часов овладел четырьмя планетами этой звезды и, таким образом, предотвратил дальнейшие атаки сил Энро до тех пор, пока база не будет восстановлена.

Но и это тоже не имело значения. Для венерианцев государства Лиги были почти так же опасны, как и Энро. И пока ноль-А оставались

сосредоточенными на одной планете, они были во власти людей, которые могут начать их бояться из-за несхожести, во власти людей, которые вскоре оправдают казнь миллионов неврастеников, подобных им самим, во власти людей, которые могут обнаружить, что новое оружие, предложенное им, не всемогуще.

Реакцию Лиги, когда она обнаружит это, нельзя было предугадать. Лига могла и спокойно отнестись к этому. А с другой стороны, все результаты, полученные от роботов-защитников, могут быть забыты как маловажные, если их возможности окажутся несовершенными.

Венерианцы не сообщали о вероятных недостатках предложенной ими системы защиты на конференции, которая разрешила незамедлительно распределить от двухсот до двухсот тысяч человек на каждую из десятков тысяч планет Лиги.

Как только были обсуждены детали, люди двинулись в путь.

Госсейн наблюдал за переселением со смешанным чувством. Он не сомневался в необходимости миграции, но не мог не опечалиться.

Венеру покидали. С трудом верилось, что двести миллионов человек будут разбросаны по

галактике на огромные расстояния. Госсейн не сомневался, что, рассеявшись, они окажутся в коллективной безопасности. Некоторых венерианцев может ждать гибель, поскольку еще много планет уничтожалось в этой войне войн. Возможно, кому-нибудь из них на каких-то планетах будут чинить препятствия. Но это будет скорее исключением, чем правилом. Венерианцев слишком мало, чтобы посчитать их опасными, и каждый ноль-А быстро приспособится к отдельной ситуации и станет действовать в соответствии с ней.

Ноль-А мужчины и женщины теперь окажутся повсюду. Они никогда снова не будут отрезаны от галактического мира на изолированной звездной системе.

Госсейн выбрал несколько групп, направляющихся на сравнительно близкие планеты, и, пройдя с ними через искривители, увидел, что они благополучно добрались до мест назначения. Все планеты, на которые они прибыли, имели демократический строй. Население, среди которого они рассредоточились, по большей части даже не знало об их существовании.

Госсейн мог проследить только за отдельными группами. Этих специфических беженцев

принимало более ста тысяч планет, и чтобы последовать за всеми, нужно было иметь не меньше тысячи жизней. Эвакуировался целый мир, за исключением небольшой сердцевины в миллион человек. Задачей оставшихся было стать ядром миллиардов людей Земли, которые ничего не знали о случившемся. Для них система ноль-А обучения будет внесена естественным путем, так, словно миграции и не было.

Реки ноль-А людей, которые текли по направлению к искривителям, постепенно превратились в ручейки, потом в легкую струйку. Прежде, чем последние мигранты покинули Венеру, Госсейн отправился в Нью-Чикаго, где захваченный линкор, переименованный в «Венеру», должен был забрать его, Лидж, капитана Фри и команду технических экспертов ноль-А в космос.

Он прибыл в фактически пустой город. Только скрытые заводы и Военный центр еще работали. Эллиот проводил Госсейна на корабль и сообщил ему последнюю информацию.

— Мы ничего не знаем о битве, но, вероятно, наши роботы-защитники в данный момент принимают в ней участие. — Он улыбнулся и покачал головой. — Вряд ли кто-нибудь побеспокоится сообщить нам подробности. Наше

влияние постоянно уменьшается. Отношение к нам является смесью терпимости и нетерпения. С одной стороны, нас похлопали по плечу за то, что мы изобрели оружие, которое по большей части считается решающим, хотя это не так. А с другой стороны, дали понять, что мы теперь слабый ненужный народ и должны предоставить решать дела галактики специалистам.

Он начал с иронией, но закончил серьезно.

— Знают они или нет, — сказал он, — но почти каждый ноль-А будет стараться приблизить конец войны. Естественно, мы хотим, чтобы развитие событий было, по возможности, мирным. Было бы нежелательным разделение галактики на два яростно ненавидящих друг друга лагеря.

Госсейн кивнул. Галактические лидеры уже могли сообразить, если, конечно, знали о работе, проделанной Элдредом Кренгом, только одним из ноль-А, что вскоре получат такие же действия, помноженные на двести миллионов.

Мысль о Кренге напомнила Госсейну вопрос, который он уже давно собирался задать.

— Кто разработал вашу новую систему роботов-защитников?

— Институт общей семантики под управлением покойного Лавуазье.

— Ясно. — Госсейн помолчал, обдумывая следующий вопрос. Наконец, он спросил: — Кто обратил ваше внимание на сам принцип оружия, которое использовали так успешно?

— Кренг, — ответил Эллиот. — Он и Лавуазье были хорошими друзьями.

Госсейн получил ответ. Он сменил тему.

— Когда мы отбываем? — спросил он.

— Завтра утром.

— Хорошо.

Новости взволновали Госсейна. Неделями он был слишком занят, но все же никогда не забывал, что такие личности, как Фолловер и Энро, все еще были сильны.

И оставалась большая проблема — существо, которое телепортировало его сознание в нервную систему Ашаргина. Предстояло много важных дел.

XVIII

Во имя здравомыслия, помните: карта — не территория, слово — не предмет, который оно описывает. Когда карту путают с территорией, в организме появляется семантическое беспокойство. Это беспокойство длится до тех пор, пока не будет понята ограниченность карты.

Курс ноль-А

Следующим утром мощный линкор вылетел в межзвездную темноту. На борту, кроме команды, все члены которой были ноль-А, находились сто тысяч роботов-защитников.

По просьбе доктора Кейра после первого же прыжка телепортации корабль остановился.

— Мы изучаем вас через определенные интервалы, хотя вы довольно неуловимы. Но, тем не менее, мы кое-что получили.

Он вынул из портфеля несколько фотографий и раздал их окружающим.

— Эти снимки дополнительного мозга сделаны неделю назад.

Весь снимок был покрыт миллионами пересекающихся линий.

— Здесь ваш мозг в возбужденном состоянии, — сказал доктор Кейр. — Когда вы думаете, что в какое-то время его единственным контактом с вашим телом и остальным мозгом являются кровеносные сосуды, которые снабжают его кровью, и нервные связи, которые направляют поток крови, — когда вы так думаете, такое состояние вашего дополнительного мозга — одно из самых активных. — Он остановился и продолжил: — А теперь о дальнейших тренировках. Мы с коллегами обсудили то, что вы рассказали нам, и у нас есть предложение.

— Сперва один вопрос, — перебил Госсейн.

Он колебался. То, что он хотел сказать, не относилось к делу. Но все же этот вопрос мучил его после вчерашнего разговора с Эллиотом.

— Кто определил направление обучения, которое я получил при Торсоне?

Доктор Кейр нахмурился.

— О, все мы высказывали свои предложения, но, мне кажется, самую важную роль сыграл Элдред Кренг.

Снова Кренг! Элдред Кренг, знающий, как обучать дополнительный мозг, передающий по-

слание от Лавуазье перед смертью первого тела Госсейна, — проблема Кренга снова проявилась так неожиданно и запутанно.

Он кратко изложил присутствующим свои сомнения по поводу Кренга. Когда он закончил, доктор Кейр покачал головой.

— Кренг приходил ко мне на осмотр как раз перед тем, как покинул Венеру. Могу сообщить, что он совершенно обычный ноль-А, без особенных дарований, хотя его рефлексы находятся на столь высоком уровне, какой мне приходилось встречать только один или два раза за всю мою карьеру психиатра.

— Вы уверены, что он не обладает дополнительным мозгом? — спросил Госсейн.

— Конечно, нет.

— Ладно.

Госсейн надеялся, что Элдред Кренг мог быть игроком, который перенес его сознание в тело Ашаргина. Это все еще не полностью исключено, но, оказалось, теперь нужно было искать какое-то другое объяснение.

— Есть один момент, который мы обсуждали как-то раньше, — сказала женщина-психиатр, — но господин Госсейн мог не слышать об этом. Если Лавуазье рассказал Кренгу о том, как обу-

чать дополнительный мозг, и тем не менее, как выяснилось теперь, этот метод недостаточно хорош, должны ли мы поверить, что тела Лавуазье-Госсейна обучались только с помощью метода, который теперь кажется несовершенным? Смерть Лавуазье, похоже, указывает на то, что он не имел дара предвидения, а вы, однако, уже стоите на краю этой и некоторых других возможностей.

— Мы можем углубиться в эти детали позже, — сказал доктор Кейр. — А сейчас я хочу предложить Госсейну один эксперимент.

Когда он объяснил суть, Госсейн сказал:

— Но ведь это за девятнадцать тысяч световых лет.

— Попытайтесь, — настаивал психиатр.

Госсейн подумал, а затем сконцентрировался на одной из «запомненных» зон в кабине управления на трейлере Лидж. Он почувствовал сильное головокружение и тошнот ту. Справившись с ними, он посмотрел на собеседников в изумлении.

— Похоже, что подобие даже ниже, чем до двадцатого десятичного знака. Мне кажется, я смогу, если снова попробую.

— Попробуйте, — сказал доктор Кейр.

— Что мне делать, если я попаду туда?

— Осмотритесь. Мы последуем за вами на ближайшую базу.

Госсейн кивнул. В этот раз он закрыл глаза. Меняющаяся картина «запомненной» зоны проходила яснее и четче.

Когда он открыл глаза, он был уже на трейлере.

Он стоял неподвижно, оглядываясь и изучая обстановку. Он почувствовал спокойный нейропоток. Видимо, слуги занимаются своими делами.

Он подошел к окну и выглянул. Трейлер летел над сельской местностью. Внизу была равнина. Далеко справа он увидел мерцание воды. В это время корабль повернулся, и море исчезло из виду. Внезапная догадка озарила его.

Он склонился над пультом управления и почти сразу же выпрямился, увидев показания приборов. Трейлер до сих пор следовал по круговой орбите, заданной Госсейном перед успешной попыткой захватить эсминец.

Он не стал трогать рычаги управления. Возможно, что его движение изменено, несмотря на то, что все выглядело таким же, как он оставил.

Госсейн исследовал магнитный поток, но не нашел ничего необычного. Он расслабил свой

мозг и попытался увидеть, что произойдет. Но единственная картина кабины управления, которую ему удалось получить, ничего не дала.

«Куда я отправлюсь теперь?» — подумал он.

Обратно на линкор? Это было бы пустой тратой времени. Интересно знать, сколько времени понадобилось ему чтобы прибыть на Алерту, но это можно проверить позже.

Люди, за чью судьбу он чувствовал ответственность, все еще были в опасности: Кренг, Патриция, Нирена, Ашаргин…

Диктатор должен быть побежден, огромная военная машина должна быть остановлена любым способом.

Госсейн принял решение.

Он перенесся на одну из «запомненных» зон в Пристанище Фолловера у двери энергостанции. Без всяких помех он поднялся на верхний этаж и остановился спросить проходящего мимо человека, как пройти в апартаменты Фолловера.

— Я здесь по назначению, — объяснил он, — и очень спешу.

Слуга посочувствовал ему.

— Вы не туда идете, — сказал он. — Держитесь этой стороны коридора. Вы увидите приемную. Там вам скажут, куда идти дальше.

Госсейн сильно сомневался, что кто-нибудь скажет ему то, что он хочет знать. Но вскоре он нашел приемную, которая оказалась не так велика, как он ожидал, и была настолько обычной, что он остановился в раздумье — туда ли он попал.

Несколько человек сидели в креслах.

Прямо напротив него, за небольшим деревянным ограждением, стояло восемь столов, за каждым из которых сидело по человеку, выполнявшему какую-то канцелярскую работу.

Позади столов находился стеклянный кабинет, в котором за единственным большим столом тоже кто-то сидел.

Когда он прошел за конторку, направляясь к стеклянному кабинету, несколько клерков привстали в протесте со своих стульев, но Госсейн не обратил на них внимания. Он снова передвигал проволоку в кабине управления, ему хотелось войти в кабинет прежде, чем Янар что-нибудь поймет.

Он открыл дверь и уже закрывал ее за собой, когда предсказатель почувствовал чье-то присутствие. Янар поднял взгляд и вздрогнул.

За ним находилась другая дверь, и Госсейн направился прямо к ней.

Одним прыжком Янар преградил ему путь.

— Прежде, чем вы войдете, вам придется убить меня.

Госсейн остановился. С помощью своего дополнительного мозга он уже выяснил, что из комнаты за дверью не поступало никаких импульсов. Хотя это полностью и не доказывало, что она пуста, его настойчивость значительно снизилась.

Нахмурившись, он посмотрел на Янара. Госсейн не собирался убивать его, тем более что у него имелась масса возможных путей общения с предсказателем. К тому же он хотел кое-что выяснить. Несколько вопросов давно интересовали его. Он спросил:

— На трейлере Лидж вы находились в качестве агента Фолловера?

— Естественно, — Янар пожал плечами.

— Я полагаю, этим вы хотите сказать, почему бы иначе трейлер ждал нас?

Янар кивнул, внимательно глядя на Госсейна.

— Но почему Фолловер допустил побег?

— Он считал слишком опасным оставлять вас здесь. Вы могли разрушить его Пристанище.

— Тогда зачем меня перенесли на Алерту?

— Он думал, что здесь предсказатели смогут предвидеть ваши поступки.

— Но у вас ничего не вышло?

— Вы правы, не вышло.

Здесь Госсейн остановился. В ответах был подтекст, и это насторожило его.

Еще раз, теперь уже более строго и пристально, он посмотрел на предсказателя. Он хотел задать еще несколько вопросов, касающихся Лидж. Хотя теперь это уже не имело значения. Она проявила себя, а детали могли подождать.

Значит, решено. Госсейн телепортировал Янара в тюремную камеру, которую он, Лидж и Юриг занимали несколько недель назад.

Затем он открыл дверь и вошел в комнату, которая, как он предполагал, была личным кабинетом Фолловера.

Как он почувствовал раньше, там никого не было.

Госсейн с любопытством огляделся. Перед дверью стоял огромный стол. Всю левую стену занимали встроенные картотечные ящики, а справа от него располагалась сложная — по крайней мере, она выглядела сложной и довольно необычной — система искривителя пространства.

Увидев искривитель, он почувствовал разочарование, но в то же время и облегчение.

Госсейн подошел к ящикам с картотекой. Они были закрыты магнитными замками, но его дополнительному мозгу потребовалось всего несколько мгновений, чтобы открыть их. Ящик за ящиком выдвигался при его малейшем прикосновении. Картотека была составлена из пластиковых карточек, похожих на дворцовый каталог, который однажды, когда он был Ашаргином, показала ему Нирена.

Каждая карточка была эквивалентна двадцати страницам типографского шрифта, отпечатанного на следующих друг за другом слоях молекул. Передвигая указатель, можно было открыть любую страницу.

Госсейн отыскал карточку со своим именем. В его досье было четыре печатных страницы. Отчет был довольно объективный, его большую часть занимало подробное описание событий, связанных с ним.

Первая фраза гласила: «Имя перенесено из ГЭ/4408С». Она указывала на существование по крайней мере еще одного досье. Далее следовало упоминание о его обучении у Торсона с пометкой: «Не смог найти ни одного, кто принимал участие в обучении. Обнаружил это слишком поздно, чтобы предотвратить».

Несколько раз упоминалось о Джанасене. Описывалась система искривителя пространства, которая телепортировала Госсейна из апартаментов Джанасена на Венере: «Этот прибор сделан теми же, кто создал мне Ф., и он действительно выглядит, как обычный стол для приготовления пищи». Это было напечатано, но на полях было приписано от руки: «Очень остроумно».

Прочитав все четыре страницы, Госсейн был разочарован. Он ожидал найти какое-нибудь объяснение или хотя бы намек на то, что произошло между ним и Фолловером. Но отчет был очень коротким и сухим. В конце четвертой страницы стояла пометка: «Смотри Ашаргина».

Госсейн нашел досье Ашаргина. Оно было большое. На первых страницах подробно описывалась жизнь принца с момента его прибытия в Храм Спящего Бога. До последней страницы оставалось неясным, почему ссылка в досье Госсейна указывала на Ашаргина. На последней странице было напечатано: «Отвечая на вопросы Энро при использовании детектора лжи, Ашаргин несколько раз упомянул имя Гилберта Госсейна». Около этого пункта на полях было написано от руки: «Расследовать».

Последний параграф досье гласил: «Насиль-

ственная свадьба принца и принцессы Ашаргин, похоже, переросла в любовь. Изменение, происшедшее в этом человеке, требует серьезного исследования, хотя Энро носится с идеей, что Ашаргин будет полезен даже после войны. Предсказатели считают его поведение образцовым в течение следующих трех недель».

Не было никакого намека на то, когда начались эти три недели, не упоминалось о путешествии на Венеру, в которое отправился Госсейн-Ашаргин, и не было никакого определенного указания, что он вернулся во дворец.

Госсейн положил досье обратно в ящик и продолжил осмотр комнаты. Он обнаружил узкую дверь, искусно встроенную в панель искривителя. Она вела в крохотную спальню, где был всего один предмет мебели — опрятно заправленная кровать.

Здесь не было шкафа для одежды, но была очень маленькая ванная комната с раковиной и унитазом. Дюжина полотенец висела на вешалке.

Фолловер, если это был действительно его личный кабинет, не особо баловал себя.

Изучение Пристанища заняло почти весь день. В здании не было ничего необычного. Несколько комнат для прислуги, несколько кабинетов

для канцелярской работы, энергостанция в подвальном помещении и крыло, отведенное под тюремные камеры.

Клерки и персонал энергостанции жили в коттеджах, расположенных вдоль прибрежной линии, довольно далеко от главного здания. Апартаменты Янара и предсказателей выходили в один коридор. С задней стороны здания находился ангар, достаточно большой, чтобы вместить дюжину трейлеров. Когда Госсейн заглянул туда, он увидел семь больших машин и три маленьких самолета. Последние были такого же типа, как и самолет, который обстреливал его во время побега из тюрьмы.

Никто не мешал ему. Он свободно разгуливал по зданиям и по всему острову. Казалось, ни один человек не имел полномочий или желания побеспокоить его. Вероятно, на острове никогда раньше не возникала подобная ситуация, и, очевидно, все ждали прибытия Фолловера.

Госсейн тоже ждал, нельзя сказать, что без всякого страха, но с твердым намерением не отступать. Ему хотелось действовать, он чувствовал, что события движутся к решающей стадии быстрее, чем это видится.

Он выполнил все, что планировал. Оставалось

только дожидаться прибытия линкора.

Первую ночь он проспал в маленькой комнате, примыкающей к кабинету Фолловера. Он мирно спал, поскольку его дополнительный мозг был готов мгновенно отреагировать на любое изменение в оборудовании искривителя. Он еще точно не установил, что Фолловер манипулирует своей удивительной телеподобной структурой с помощью переключателя искривителя, но имеющиеся в наличии факты указывали на это.

И он придумал, как подтвердить или опровергнуть свою теорию.

На следующее утро он телепортировался на трейлер, позавтракал, обслуживаемый официантами, порхающими вокруг него и стремящимися выполнить его малейшее желание. Казалось, они были сбиты с толку его вежливостью. Но у Госсейна не было времени обучать их чувству собственного достоинства. Он закончил есть и принялся за работу.

Сначала он тщательно свернул ковер в гостиной и начал освобождать металлические панели пола примерно в том месте, где, как он помнил, материализовался Фолловер.

Он обнаружил искривитель в нескольких дюймах от того места, где ожидал его найти.

Это было довольно убедительно. Но у него имелась возможность еще одной проверки в камере, где он был заключен, когда впервые прибыл на Алерту. Янар злобно наблюдал за ним через решетку, когда он выломал казавшуюся целиком металлической койку и там также нашел искривитель.

Безусловно, картина становилась яснее, отчетливее, и ответ должен быть где-то рядом.

Вторая ночь, как и первая, прошла без всяких событий. Госсейн провел третий день, просматривая картотеку. Пара страниц о Секохе заинтересовала его, поскольку этой информации не было в воспоминаниях Ашаргина. Сорок семь страниц об Энро были разделены на несколько частей, но в них излагалось только то, что он уже знал, правда со многими дополнительными деталями. Мадрисол был представлен как опасный и честолюбивый человек. Великий Адмирал Палеол описывался как убийца. «Беспощаден», написал Фолловер, — признание почти немыслимое от личности, которая сама была воплощением беспощадности.

Он изучал досье только тех людей, которых знал или на которых давались перекрестные ссылки. Потребовался бы целый штат специ-

алистов, чтобы досконально проштудировать десятки тысяч досье и составить исчерпывающий отчет.

На четвертый день он отложил картотеку и разработал новый план для себя и линкора. Зачем попусту тратить время, следуя на корабле через всю галактику, тогда как его цель, так же как цель Эллиота и остальных, достигнуть Горгзида?

Он размышлял: «Энро обезопасил свою родную планету системой выдачи матриц базы Горгзида под таким строгим контролем, что вероятность достать хотя бы одну из них обычными методами близка к нулю. Но человек с дополнительным мозгом может получить матрицу...»

Когда он дошел до этого рассуждения, долгожданное реле сработало в его мозгу, и он понял, что линкор телепортировался к ближайшей базе в тысяче ста световых годах отсюда.

Не медля ни минуты, Госсейн перенесся на «Венеру».

— Похоже, время вашей телепортации с корабля на Алерту заняло немногим более часа, — подсчитал доктор Кейр.

Они не смогли сосчитать точнее. Да этого и не требовалось. Скорость была такой большой, а рассогласование полей таким маленьким по

сравнению с девяноста часами, которые потребовались линкору на то же путешествие, что точное время едва ли имело значение.

Всего один час. Потрясенный, он подошел к выгибающемуся над ним прозрачному куполу кабины управления линкора. Ему не требовалось объяснять беспредельность космоса, но вид, открывшийся перед ним, казалось, делал новое качество его дополнительного мозга более впечатляющим.

Сквозь стекло на него обрушилась чернота. Он не ощущал расстояния до звезд, которые видел. Они казались крошечными светящимися точками всего в нескольких сотнях ярдов. Иллюзия близости. И теперь для него они на самом деле стали близкими. За пять с половиной часов он мог телепортироваться через сто тысяч световых лет этой закручивающейся галактики двухсот миллиардов солнц, если у него была «запомненная» область, в которую он мог переместиться.

Сзади подошел Эллиот. Он протянул Госсейну матрицу.

— Я пойду, — сказал Госсейн. — Я не успокоюсь, пока эта картотека не окажется на борту «Венеры».

Он удостоверился, что матрица в защитном фу-

тляре и телепортировался в кабинет Фолловера.

Вынув матрицу из футляра, он осторожно положил ее на письменный стол. Было бы катастрофой, если линкор телепортируется на саму матрицу, но присутствие Лидж на борту гарантировало, что корабль не достигнет цели одним полным скачком.

Как он и ожидал, «Венера» успешно прибыла на остров только через три часа, и Госсейн поднялся на борт для совещания.

К его удивлению, доктор Кейр не планировал ни экспериментов, ни тренировок.

— Мы хотим применить трудотерапию, — пояснил психиатр. — Вы будете обучаться в действии. Откровенно говоря, тренировка займет много времени, а ваши достижения пока превосходны. В отличие от Лавуазье, вы обнаружили другие возможности и попытались использовать их. Лавуазье ничего не знал о предсказателях, иначе он упомянул бы о них Кренгу. Соответственно, он не имел понятия, что может тренироваться в предвидении будущего.

— Раз так, — сказал Госсейн, — то я сейчас же попробую пройти через искривитель в кабинете Фолловера.

Но прежде необходимо сделать кое-что еще. И

он сделал это, как только оказался в Пристанище: он телепортировал Янара в одну из «запомненных» зон на острове Крест.

Выполнив эту гуманную миссию, Госсейн присоединился к группе, изучающей личную систему искривителей пространства Фолловера. Результаты уже были интересными.

— Это наиболее совершенная система из существующих на сегодня, — сказал ему один из ноль-А. — На изучение некоторых схем потребуется уйма времени.

Они предположили, что искривителя Фолловера действуют на основе более низкого подобия, чем до двадцатого десятичного знака.

— Так что мы пока остаемся на Алерте и будем ждать вашего возвращения. Кроме того, мы встретим тот линкор Энро, о котором вы упоминали. Он должен прибыть со дня на день.

Госсейн согласился, что по крайней мере последнее было насущным. Нельзя допустить дальнейшей вербовки предсказателей на флот Энро.

Но он не видел необходимости ожидания его возвращения на Алерту. Дело могло оказаться нелегким и долгим. Одно путешествие через искривители займет несколько часов. А в своей

возможности телепортироваться на корабль за минимальное время он был уверен.

Все пришли к единому мнению, что времени не так много, чтобы им разбрасываться, и что тщательные исследования могут затянуться.

И снова Госсейн согласился. Осмотрев панель искривителей, он заметил, что та разделена на две секции. Одну секцию составляли три искривителя, каждый из которых мог быть настроен на любые образцы.

Второе отделение занимал только один искривитель, который управлялся единственным рычагом. Такие искривители Госсейн видел раньше и знал, что ими пользовались для транспортировки в какое-то одно место, на которое они имели непрерывную матрицу. Госсейн решил, что этот настроен на настоящую штаб-квартиру Фолловера.

Без колебаний он нажал на рычаг.

Когда темнота рассеялась, Госсейн очутился в большом помещении, заставленном стеллажами с книгами. Через приоткрытую дверь он видел край кровати в соседней комнате.

Он стоял не двигаясь, пытаясь с помощью своего дополнительного мозга осознать присутствие людей поблизости. Это было непросто, но каза-

лось, что все спокойно и мирно. Судя по всему в примыкающей комнате никого не было.

Его взгляд обежал помещение. Он увидел, что кроме искривителя, через который он прибыл, в комнате находился еще один. Оба стояли в углу перпендикулярно друг к другу.

Он «запомнил» зону пола, на которой стоял, затем подошел к стеллажу и взял одну из книг. Она была напечатана на языке Горгзида.

Сначала он обрадовался, но открыв книгу, подумал: «Это вовсе не значит, что я на Горгзиде. У многих людей в Великой Империи есть книги, написанные на языке столичной планеты».

И в этот миг он увидел на форзаце имя. Госсейн удивленно глядел на него, не веря своим глазам, потом покачал головой и поставил книгу обратно на полку.

Но на других пяти книгах, выбранных наугад, стояло то же имя.

Элдред Кренг.

Госсейн медленно направился к двери спальни. Он был сбит с толку, но не очень встревожен. Пройдя через спальню, он почувствовал присутствие людей в соседней комнате. Он осторожно приоткрыл дверь и заглянул в щелку. Коридор. Он открыл дверь шире, проскользнул в нее и

закрыл за собой.

В случае необходимости он мог телепортироваться обратно, но пока не собирался отступать.

Он дошел до конца коридора и остановился, увидев со спины женщину, похожую на Патрицию Харди. Когда она заговорила, сомнений не осталось.

Ее слова, так же как и ответ Кренга, были неважны. Важным было их присутствие здесь. Важным было наличие искривителя, связанного с Пристанищем Фолловера на Алерте, в библиотеке, примыкающей к их спальне.

Он был озадачен. Лучше не показываться на глаза этой парочке до тех пор, пока он не обсудит случившееся с Эллиотом и другими венерианцами.

Но еще не пришло время покидать Горгзид. Он вернулся в библиотеку и осмотрел второй искривитель. Этот также имел единственный рычаг управления.

Он нажал на рычаг и оказался в маленькой комнате, похожей на кладовку. В одном углу громоздилась груда металлических ящиков, вдоль стен тянулись полки. Единственным выходом была закрытая дверь.

Здесь не было других искривителей, кроме

того, через который он прибыл.

Госсейн «запомнил» зону пола и толкнул дверь. Она открылась в практически пустой кабинет. Письменный стол, два стула и ковер — вот и вся его обстановка.

Госсейн вошел в комнату и попытался открыть ящики стола. Они были заперты обычными замками, и он не мог открыть их с помощью дополнительного мозга без применения физической силы.

Дверь кабинета выходила в коридор длиной около десяти футов, в конце которого была еще одна дверь. Госсейн распахнул ее, перешагнул через порог и остановился.

Помещение, распростершееся перед ним, гудело слабыми подземными звуками. Узкие опоры тянулись на двадцать футов от одной из стен. Они были так искусно составлены, что казались проекцией изгибающейся стены, светящейся изнутри. Маленькие лесенки вели на вершину гробницы Спящего Бога Горгзида.

Впечатление от увиденного было не таким, как эффект, произведенный на Ашаргина. Дополнительным мозгом он ощущал пульсирующие токи энергии, управляющей невидимыми машинами. Среди них выделялся слабый человеческий

нейропоток с едва различимыми изменениями интенсивности.

Госсейн поднялся по ступенькам и взглянул на Спящего Бога Горгзида. Он осмотрел человека и гробницу пристальнее и тщательнее, чем Ашаргин. Госсейн заметил вещи, для которых вялые чувства принца были недостаточны.

«Гроб» состоял из нескольких секций. Тело поддерживалось серией тонких, похожих на тиски конструкций, предназначенных для разработки мускулов. Если Спящий Бог когда-нибудь проснется от своего долгого сна, он не будет таким слабым и беспомощным, как Гилберт Госсейн после месяца, проведенного без движения на эсминце Y-381907.

Кожа спящего была гладкой. Тело выглядело сильным и крепким. Тот, кто следил за его питанием, имел в своем распоряжении больше оборудования, чем имела Лидж на эсминце.

Госсейн спустился по лестнице и осмотрел основание гробницы. Как он и предполагал, лестницы двигались, и панели основания могли открываться.

Он отодвинул их и глянул вниз.

Почти мгновенно он понял, что подошел к развязке. На мощнейших кораблях Великой Им-

перии он не видел машины, подобной этой.

Ошеломленный, он покачал головой. Несмотря на сложность механизмов, он узнал более десятка из них: схему искривителя пространства, детектор лжи, автоматические реле и другие, более простые приборы. Этот электронный мозг имел не менее ста пятидесяти главных секций, поверхность и внутренность каждой из которых переплеталась сотнями меньших схем.

Госсейн напряженно изучал искусственный мозг. При более детальном рассмотрении некоторые провода оказались обгоревшими. Это насторожило его, и, приглядевшись, он обнаружил еще несколько поврежденных схем. Непонятно, как мог сломаться такой совершенный и защищенный агрегат. Но его неисправность не вызывала сомнений.

Чтобы восстановить машину и разбудить Спящего Бога, потребуется очень высокая квалификация. Возможно, это будет не его работой. Он был на передней линии, а не в техническом отделе.

Пришло время возвращаться на линкор.

Он телепортировался на «Венеру» и услышал звон набата.

Эллиот объяснил, что битва закончилась.

— Я думаю, они даже не поняли, что случилось, когда наши роботы начали действовать. Мы захватили всю команду.

Одержанная победа порадовала Госсейна. Захваченный линкор был месяц назад послан на замену эсминца Y-381907. Он должен был вербовать новых предсказателей на корабли Великой Империи. Теперь потребуется время, чтобы заменить его другим. Это был один результат.

Второй, более важный, по мнению Госсейна, заключался в том, что «Венера» могла теперь последовать за ним на Горгзид.

Никто из ноль-А не мог предложить объяснение загадки Элдреда Кренга. Эллиот сказал:

— Мы можем только предполагать, что он ничего не знал о предсказателях. Ваше открытие, похоже, указывает на то, что Кренг знает о происходящем больше, чем мы думаем.

Немного позже Госсейн получил другую матрицу, и Эллиот сказал ему:

— Мы сейчас же отбываем и увидим вас через три дня.

Госсейн кивнул. Он собрался более детально исследовать Храм Спящего Бога.

— Надо посмотреть, в каком состоянии атомный двигатель. Может, мне удастся поднять в

космос весь храм. — Он усмехнулся. — Они могут принять это за предзнаменование, что Бог не одобряет их агрессию. — Он закончил более серьезно. — За исключением этого я буду сидеть тихо, как мышка, пока вы не прибудете.

Прежде чем покинуть корабль, он разыскал доктора Кейра. Психиатр предложил ему сесть, но Госсейн отказался. Он сказал:

— Доктор, во всем этом есть нечто необъяснимое. Дважды мое сознание было перенесено в тело принца Ашаргина. На первый взгляд кажется, что кто-то специально предоставляет мне возможность войти в курс происходящих галактических событий, и я принял бы такое объяснение. Но почему Ашаргин? Почему именно он? Ведь если можно перемещать мое сознание в тела других людей, почему его не поместили в тело Энро? Уверен, что в этом случае я мог бы остановить войну. — Он щелкнул пальцами. — В связи с этим я прихожу к заключению, что мы неправильно оцениваем происходящее. Должен существовать другой, возможно более значимый, чем сама война, ответ.

Он стоял, нахмурясь, затем протянул руку. Доктор Кейр молча пожал ее. С матрицей в руках Госсейн телепортировался в кладовку Храма

Спящего Бога на Горгзиде.

Выйдя из темноты, он понял с таламическим расстройством, что снова очутился в теле принца Ашаргина. В третий раз за последние месяцы.

XIX

Во имя здравомыслия помните: первым шагом является событие, первоначальный стимул; вторым — нервное восприятие этого события через органы чувств; третьим — эмоциональная реакция, основанная на жизненном опыте; четвертым — вербальная реакция. Большинство индивидуумов отождествляют первый и четвертый шаги и не осознают, что существуют второй и третий.

Курс ноль-А

— Время ужина, — сказала Нирена.

Госсейн-Ашаргин поднялся, и они вышли в коридор. Лицо Нирены было задумчиво, она нежно взяла Ашаргина за руку. Этот бессознательный жест подтвердил уже выясненное Госсейном из памяти Ашаргина: их женитьба действительно переросла в любовь.

— Я не совсем уверена, — заявила Нирена, — что мне нравится привилегия присутствовать на королевском ужине.

Госсейн-Ашаргин не ответил. Он думал о теле

Гилберта Госсейна, лежащего в кладовке Храма Спящего Бога. В любой момент туда мог зайти Секох и обнаружить его.

За этим пугающим фактом личная жизнь принца и принцессы Ашаргин отступала на задний план.

Ни Энро, ни Секох не присутствовали на ужине, но Госсейну не стало от этого легче. Он представил себе хранителя, решившего провести эту ночь в Храме. Необходимость экстренных действий не вызывала сомнений, и большую часть ужина он продумывал детали.

Отвлекшись от своих мыслей, он поднял взгляд и увидел, что обе женщины очень бледны. Патриция говорила:

— …Возможность полной победы Лиги тревожит меня не меньше, чем безоговорочная победа моего брата.

Нирена ответила:

— Это ужасно быть втянутым в войну против своей воли, не иметь к ней никакого отношения и вдруг обнаружить, что твоя судьба так тесно связана с судьбой твоей стороны.

Госсейн понял их. Очевидно, военная ситуация сильно изменилась, раз они так заволновались.

Поражение было бы личным бедствием для

каждого жителя Великой Империи. С ним пришло бы унижение, оккупация, безжалостный поиск военных преступников, мстительность.

Он собрался заговорить, но передумал, осененный неожиданной мыслью: «Отсутствие диктатора за столом, возможно, объясняется серьезностью ситуации».

И не успев ничего сказать, он получил подтверждение.

— Энро на флоте. Бесследно исчезли четыре дивизии, и битва в Шестом Деканте приостановлена. Сейчас разрабатываются ответные меры, — сказала Патриция.

— А где Секох? — спросил Госсейн.

Этого никто не знал, но Кренг бросил на него странный взгляд. Однако все, что он сказал, было:

— Конечно, главное, чтобы не было ничьей полной победы. Безоговорочная капитуляция — это иллюзия.

Госсейн не стал ничего скрывать. Сжато, не сообщая источник информации и не описывая роботов-защитников и их действия, он объяснил им, какой результат возможен в этой войне. Он закончил:

— Чем скорее Энро поймет, что его ждет долгая,

изматывающая война, и сделает или примет предложение о мире, тем быстрее он предотвратит полный крах. — Он встал. — Если Энро вернется раньше меня, скажите, что я хочу видеть его.

Он извинился и, выйдя из комнаты, поднялся на крышу, где стояло несколько самолетов, всегда готовых к взлету. Он сел на переднее сиденье ближайшего, и робот-пилот спросил его:

— Маршрут?

— За гору, — сказал Госсейн. — Там я скажу, куда двигаться дальше.

Они летели над городом. Госсейну казалось, что море огней внизу никогда не закончится. Однако, наконец наступила тьма, она была почти полной за исключением отдельных мерцающих на горизонте огоньков.

Робот-пилот снова спросил:

— Мы над горами. Куда теперь?

Госсейн глянул вниз, но ничего не увидел. Погода была облачной и темнота непроглядной.

— Приземлись на дороге в полумиле от Храма Спящего Бога, — сказал он.

Он описал местность: изгиб дороги, деревья, — базируясь на острой памяти Ашаргина.

Полет продолжался в тишине, пока они не

приземлились в указанном месте. Напоследок Госсейн приказал роботу-пилоту возвращаться каждый час.

Он вышел на дорогу и, пройдя несколько футов, остановился. Подождав, пока самолет почти бесшумно взлетел, он отправился дальше по дороге.

Ночь была теплой и тихой. Как он и рассчитывал, никто не повстречался ему. Эту дорогу Ашаргин знал с детства. Тысячи раз такими же ночами он возвращался по ней с картофельных полей в рабочий барак.

Он остановился в тени Храма, еще более черной, чем ночь, и прислушался.

Ни звука.

Он смело распахнул железную дверь и спустился по металлической лестнице, по которой шел во время Церемонии Лицезрения.

Госсейн беспрепятственно достиг двери, ведущей в гробницу. К его удивлению, она оказалась не запертой. Он взял с собой отмычки, но они не понадобились, чему можно было только порадоваться, учитывая слабость и неловкость Ашаргина.

Он проскользнул внутрь и мягко закрыл за собой дверь. Перед ним открылась знакомая картина гробницы. Не мешкая, он прошел в коридор,

который вел в личный кабинет хранителя.

Возле двери он снова остановился и прислушался. Тишина. Успокоившись, он вошел и направился прямо в кладовку. Он затаил дыхание, вглядываясь в тускло освещенную каморку, и вздохнул с облегчением, увидев тело, лежащее на полу.

Значит, он не опоздал. Теперь необходимо спрятать тело в безопасное место.

Он положил матрицу под коробку на верхней полке, а затем, опустившись на колени у неподвижного тела, услышал биение сердца, нащупал пульс и ощутил теплоту медленного ровного дыхания. Это был один из удивительнейших моментов в его жизни. Кто еще мог так, со стороны, смотреть на свое собственное тело?

Он поднялся, наклонился и просунул руки под мышки. Сделав глубокий вдох, он попытался поднять мягкое тело. Оно приподнялось на высоту не более трех дюймов.

Он ожидал трудностей в переносе тела, но не таких. Главное поставить его вертикально. Он попытался снова и на этот раз удачно. Но когда он пересек кладовку, его мышцы заболели, и около двери пришлось отдохнуть.

Второй, более продолжительный отдых он

сделал в конце коридора. Добравшись через двадцать минут до середины гробницы, он был так изнурен, что у него закружилась голова.

Он знал единственное место в Храме, где можно спрятать тело. Но теперь он забеспокоился, хватит ли у него сил положить его туда.

Он вскарабкался на вершину гробницы и отсюда рассмотрел механизм оболочки: не прозрачные платы у изголовья спящего, а полупрозрачные секции вдоль ложа.

Они отодвигались. Он легко отодвинул их и увидел ремни, трубки и еще три ложа. Два из них были немного меньше третьего. Госсейн понял, что меньшие предназначались для женщин.

Этот космический корабль должен был нести двух мужчин и двух женщин через года и мили межзвездного пространства, где не было транспорта подобия.

Он не стал терять время на размышления, а приложил все усилия, чтобы затащить тело Госсейна наверх.

Он не знал, сколько времени ушло на это. Снова и снова он отдыхал. Десятки раз ему казалось, что Ашаргин исчерпал все ресурсы своего слабого телосложения. Наконец, он привязал тело к ложу. Привязал, потому что механизм для фиксации

тел был неисправен и не мог определить, когда тело оживало. Это объясняло, почему эти ложа были пустыми.

Он поставил секции и лестницу в прежнее положение и стоял наверху, проверяя, не было ли видно, что их сдвигали с места. И тут он услышал звук со стороны кладовки. Вздрогнув, Госсейн обернулся. Вошел Элдред Кренг.

Ноль-А детектив остановился и приложил палец к губам. Он быстро подошел, придвинул другую лестницу к гробнице и поднялся по ней.

Он отодвинул панели, за которыми лежало тело Госсейна, и несколько секунд смотрел на него. Затем он задвинул панели, спустился вниз и поставил лестницу на свое место.

Тем временем Ашаргин тоже спустился. Кренг взял его за локоть.

— Извините, — сказал он, — что я не смог помочь вам перенести его сюда. Но меня не было в апартаментах, когда машина первый раз прислала предупреждение. Как только я получил его, сразу пришел сюда. Я должен был убедиться, что вы спрятали его, — он улыбнулся, — куда надо. Но теперь поспешим.

Госсейн без слов последовал за ним. На борту «Венеры» ни один ноль-А не усомнился в Кренге,

и Госсейн не собирался расспрашивать его сейчас. И хотя он просто бурлил вопросами, он принял к сведению слова Кренга, что надо поспешить.

Они быстро миновали коридор, кабинет и вошли в кладовку. Подойдя к искривителю, Кренг сказал:

— Сначала вы.

Они оказались в библиотеке Кренга. Как обычно решительно Кренг двинулся вперед, но неожиданно остановился посреди комнаты и повернулся. Он показал на искривитель, через который Госсейн прибыл с Алерты.

— Куда он ведет?

Когда Госсейн ответил, тот кивнул.

— Я подозревал нечто в этом роде, но не мог удостовериться. Воспользоваться им можно только с помощью дистанционного управления, которое я не мог обнаружить.

Кренг, задающий вопросы, Кренг, чего-то не знающий, — это было внове для Госсейна.

Прежде, чем он успел задать вопрос, Кренг сказал:

— Энро отсутствует уже восемь дней и может прибыть в любую минуту. Мы узнали об этом сразу после ужина. Поэтому скорее возвращайтесь в свою комнату. — Он помолчал, очевидно обду-

мывая следующие слова. — И спите, — закончил он, — Поторопитесь.

В гостиной Патриция сказала:

— Спокойной ночи.

Уже в дверях Кренг подчеркнул:

— Хорошего вам отдыха. Я имею в виду — сна.

Госсейн шел по коридору. Он чувствовал себя опустошенным. Произошло слишком многое и произошло слишком быстро. Почему Кренг решил, что Ашаргин положил тело Госсейна «куда надо»? О каком предупреждении машины он говорил? Какой машины? Госсейну могло прийти в голову только одно: поврежденный электронный мозг под склепом.

Кренг установил контроль над этим мозгом? Похоже, он намекал на это.

А что имел в виду Кренг, говоря «спите»?

Госсейн-Ашаргин был уже двумя этажами ниже, шагая по коридору к апартаментам Нирены и Ашаргина, когда венерианские роботы-защитники схватили его сознание.

Он успел только испуганно подумать: «Это не линкор „Венера“. Он не мог еще прибыть. Это может быть только атакой Лиги. Но как они прорвались?»

На этом мысли остановились. Он отчаянно

боролся, чтобы спасти тело Ашаргина от венерианского оружия.

XX

Во имя здравомыслия каждый индивидуум должен уметь снимать блокаду своей нервной системы. Блокада — это семантическое нарушение, тормозящее адекватную реакцию. Блокада может быть снята правильным использованием таламо-корковой «замедленной реакции», а также самоанализом и гетероанализом.

Курс ноль-А

Мозг Ашаргина был настолько слабее собственного мозга Госсейна, а парализующее действие комплексной силы настолько молниеносным, что он невольно остановился.

Возможно, именно это спасло его. Он вспомнил простой старый способ установления знаменитой таламо-корковой паузы, способ, используемый для подготовки начинающих.

— Я расслабляюсь, — сказал он себе. — Все возбудители совершают полный оборот по нервной системе: по спинному мозгу к таламусу, через таламус к коре головного мозга и через кору, и

после этого, только после этого, обратно через таламус вниз в нервную систему. Я всегда сознаю возбудители, движущиеся к коре головного мозга и через нее.

В этом был ключ. В этом было различие между ноль-А сверхчеловеком и животным человеком галактики. У первого таламус — орган эмоций и кора — орган распознавания составляют целое и находятся в удивительно скоординированных взаимоотношениях. Эмоции таламуса не пропадают, а становятся богаче и тоньше, взаимодействуя с корой головного мозга, которая отзывается бесчисленными неуловимыми нюансами в потоке чувств.

По всему дворцу люди в панике борются с комплексной силой, обрушившейся на них. Однажды начавшись, эта паника растет подобно цепной реакции. Должно быть, она уже переросла в истерию. Стимулы, исходящие из испуганного таламуса, учащают сердцебиение, ускоряют процесс дыхания, напрягают мускулы, усиливают секрецию желез, и каждый перевозбудившийся орган в свою очередь посылает новые стимулы к таламусу. Цикл быстро набирает скорость и силу.

Все, что надо сделать любому человеку, это на

мгновение остановиться и подумать: «Стимулы сейчас проходят через кору головного мозга. Я думаю и чувствую, а не только чувствую».

Так он достиг для Ашаргина полной корково-таламической паузы.

Но поскольку комплексная сила продолжала действовать, он не должен терять бдительности, иначе, расслабься он на секунду, Ашаргин будет подавлен эмоциональным шоком.

Он беспрепятственно добежал до апартаментов и бросился в спальню. Он догадывался, в каком состоянии сейчас Нирена, и осознанно позволил этой мысли проникнуть вглубь мозга, чтобы это не было неожиданным для Ашаргина.

Как он и ожидал, Нирена без сознания лежала на кровати. Очевидно, в начале атаки она проснулась, и на ее искаженном лице застыло выражение ужаса.

Это выражения потрясло Ашаргина. Беспокойство, тревога, страх — эмоции пробежали всю эту гамму. И в следующий миг комплексная сила схватили и сдавила его сознание.

Последним отчаянным усилием Госсейн кинулся к кровати, чтобы суметь расслабиться. Но не успел: мускулы одеревенели, и он упал вниз лицом в футе от кровати.

Ему стало интересно, что чувствует управляемый комплексной силой человек. Но все оказалось слишком просто. Он уснул.

И увидел странный сон.

Ему снилось, что тело Госсейна теперь стало более восприимчивым, чем когда-либо раньше, и что только с ним, лежащим без сознания внутри склепа памяти, возможен контакт, который наконец установился.

Пришла мысль, но не от Госсейна, а через него.

«Я память прошлого, — дошла мысль через бессознательное тело Госсейна. — Только во мне, машине под склепом, уцелела память о Переселении, да и то в результате несчастного случая.

Другие машины тоже были повреждены в той или иной степени, проходя через громадные облака материи, заряженной каким-то видом энергии, о котором никто не подозревал. В результате память большинства из них была потеряна. Мою спасло только то, что еще прежде более опасных повреждений выгорела ключевая цепь.

Несмотря на неисправности, почти все машины, совершившие перелет, смогли оживить тела, которые они несли. Я тоже мог оживить одного человека, который был на моем попечении, но, к сожалению, он не смог ожить. И я не допустил

разрушения тела. Люди, нашедшие нас, забыли, что их предки прибыли на эту планету тем же путем, что и человеческое существо, которому они поклонялись и поклоняются до сих пор как Спящему Богу.

Их предки оказались лишенными памяти о своем прошлом и быстро забыли, как их оживляли. Все их силы уходили на борьбу за существование. Их корабли лежат, похороненные в земле уже много веков. Я прилетел гораздо позже, и поэтому мой корабль не успел врасти в землю, когда меня нашли.

Великое Переселение предпринималось на основе предположения, которое было не безоговорочно, но все же достаточно верным. Предположение, что человеческая нервная система с ее высшим корковым развитием уникальна во всем пространстве-времени. Она никогда не была подделана и, принимая во внимание ее сложность, по-видимому никогда не будет...»

Две взаимодействующие нервные системы, большая стремится к меньшей на манер телепортации. Появилась первая картина. Люди наблюдают за яркой точкой, которая движется у края тенеподобной субстанции.

Госсейн знал, что эта субстанция не человек в

склепе и не мозг, сообщающий ему свои знания.

Люди смотрят на светящуюся точку. Люди, которые жили и умерли много миллионов лет назад. Светящаяся точка, парящая у края тенеподобной субстанции, на миг остановилась и скользнула за край.

В тот же миг ее не стало.

Окружающий космос слегка изменился. Внезапное напряжение прервало основной ритм. Начала деформироваться материя.

Для целой галактики нарушилось равновесие времени, но уже задолго до физического кризиса для ее жителей настал решающий момент. Альтернативы были мрачными. Остаться и умереть или отправиться в другую галактику.

Они знали, что на такой перелет потребуется безграничное время, против которого бессильна вся машинная и человеческая изобретательность. По прошествии лет даже электронные образцы радикально меняются, переставая удовлетворять многим требованиям.

Вылетело более десяти миллиардов кораблей, каждый со своим склепом, каждый со своими сложными механизмами для контроля жизненных циклов двух мужчин и двух женщин на миллион и более лет. Это были замечательные

корабли. Он неслись сквозь космическую тьму со скоростью в три четверти скорости света. У них не было искривителей пространства для быстрого путешествия, не было установлено матриц подобия. Не было «запомненных» зон, куда люди могли бы переместиться со скоростью мысли. Все это еще будет создано.

Сон изменился еще раз. Он стал более спокойным, более личным, хотя пришедшие мысли все еще не особенно адресовались ни Госсейну, ни Ашаргину.

«Я перенес сознание Госсейна в тело Ашаргина. Госсейн обладает единственным дополнительным мозгом в галактике, кроме Спящего Бога, которого можно не брать в расчет. „Бога“ вероятно можно разбудить, но некоторые механические процессы, необходимые для его развития, долгое время бездействовали, поэтому он прожил бы лишь несколько минут.

Почему я выбрал Ашаргина? Из-за его слабоволия. Из опыта я знаю, что более сильная личность могла бы сознательно подавить чужое управление. Кроме того, Ашаргин был поблизости от меня, что тоже немаловажно для первоначального установления канала. После расстояние уже не имеет значения. Но была и другая, не менее

существенная причина для выбора Ашаргина. Из-за запутанных имперских планов Энро принц оказался в более выгодном положении, чем многие другие, чтобы дать Госсейну возможность попасть в склеп. И мне казалось, что он будет полезен Госсейну сам по себе.

Всю грандиозность достигнутого можно себе представить, если знать, что сейчас я впервые рассказал историю Переселения оставшемуся в живых участнику экспедиции. Много раз я пытался доставить тело Лавуазье-Госсейна в склеп. Но преуспел только в создании последовательных поколений тела Госсейна.

Предшествующая попытка переноса сознания имела страшные последствия.

Чтобы дать возможность Лавуазье отремонтировать хотя бы самые важные элементы моей структуры, я перенес его сознание в тело одного из рабочих священников, чьей обязанностью было убирать эту гробницу. План оказался невыполнимым по двум причинам. Первая, священник не мог получить необходимого оборудования. И вторая, он сопротивлялся.

Поначалу сопротивление было не особенно сильным и кое-что было сделано: Лавуазье провел некоторые исследования в механизмах

склепа. Но это обернулось несчастьем, поскольку Лавуазье отремонтировал прибор, над которым я не имел контроля, — инструмент для изменения материи, которое и вызвало разрушение той галактики. Такие приборы находились в каждом десятитысячном корабле только для научных целей. Этот инструмент заинтересовал Лавуазье, потому что на его корабле не было ничего подобного.

Он не знал, что прибор автоматически настроился на тело священника — изготовители приняли эту меру предосторожности, чтобы быть уверенными, что инструмент всегда будет под контролем человека. Естественно, они считали, что этим человеком будет один из них.

Теперь священнику достаточно было подумать о себе вне фазы времени, и происходило изменение материи, к счастью ограниченное. С помощью искривителя пространства он может направлять небулярную субстанцию в любую точку галактики.

Когда его сопротивление управлению Лавуазье стало слишком сильным, пришлось прервать контакт. Признаюсь, я не предвидел, что последует за этим. Когда священник обнаружил, что с ним произошло, он решил, что в нем был Спящий

Бог. Казалось, его способность принимать форму тени подтверждала это. В общем-то есть доля истины в том, что он получил эту свою силу от Спящего Бога, так же как и в том, что я являюсь Игроком, манипулирующим вашим сознанием. Хотя настоящие Боги и настоящие Игроки умерли около двух миллионов лет назад.

Сейчас вы проснетесь. Помните, у вас есть одна обязанность. Вы должны убить этого священника. Как сделать это, когда он пребывает в форме тени, я не знаю.

Но тем не менее, его надо убить.

Еще несколько слов. Как только Ашаргин воспользуется искривителем, я освобожу его от контроля Госсейна, и Госсейн немедленно проснется. Если Ашаргина убьют, сознание Госсейна так же автоматически вернется в прежнее тело.

Элдред Кренг был доверенным лицом Лавуазье. Несколько лет назад, получив информацию от Лавуазье, он пришел сюда и попытался исправить некоторые поломки. Тогда он не смог ничего отремонтировать. Позже ему удалось установить реле, с помощью которого я посылал ему предупреждения звуковыми и световыми сигналами. Такими сигналами я вызвал его, когда Ашаргин прятал тело Госсейна.

И еще одно последнее предупреждение. Прошедшая атака предпринята не Лигой. На самом деле это священник в борьбе за власть применил метод комплексной силы, чтобы дискредитировать Энро».

«Сон» начал стираться. Госсейн пытался задержать его, но тот отступал все дальше и дальше. Госсейн почувствовал, что кто-то трясет его за плечо.

Госсейн-Ашаргин открыл глаза и уставился на Нирену. Ее лицо было бледным, но держалась она спокойно.

— Дорогой, тебя хочет видеть Секох. Вставай.

Послышался скрип двери. Нирена подалась назад, и Госсейн увидел человека в дверях.

Секох, Главный Хранитель Спящего Бога, стоял на пороге, без улыбки глядя на него.

«Секох, — думал Госсейн, — рабочий священник, некогда бывший уборщиком гробницы Храма».

Секох, он же Фолловер.

XXI

Недостаточно просто знать технические приемы ноль-А обучения. Они должны отложиться на автоматическом, так называемом «подсознательном» уровне. От «разговорной» необходимо перейти к «действенной» стадии. Цель — гибкость подхода к любому событию. Общая семантика предназначена направлять индивидуума к этому.

Курс ноль-А

Теперь он многое понял. «Сон» расставил все на свои места. Например, стало ясным поведение механика на эсминце. Он предпочел допросу смерть. Какая личная эмоциональная причина могла подвигнуть его на это? Конечно, религия.

И кто мог быть в лучшем положении, чтобы узнать об открытии такой планеты, как Алерта? Как главный советник Энро, Секох имел в своем распоряжении ресурсы всей империи. Миллионы битов информации могли быть обработаны, каталогизированы и предоставлены ему под видом передачи их Энро. Любая информация

для диктатора о научных достижениях проходила через него. Таким образом, принципиально новое оборудование искривителя привлекло внимание человека, мало или вообще ничего не понимающего в науке, но нуждающегося в ее развитии для расширения сферы деятельности в собственных целях.

Он называл себя именем с религиозным подтекстом: Фолловер, то есть Последователь.

Мотивы всего прочего тоже коренились в религии. Естественно, что Главный Хранитель Спящего Бога, подстегивая честолюбие Энро, нацелил его на завоевание Великой Империи, а затем на объединение галактики для дальнейшего распространения религии.

Картина была не совсем полной, но Госсейн принял ее за основу. Его нынешние действия должны исходить из этого.

Секох-Фолловер искренне верил в Спящего Бога. Секох был фанатиком, мудрым и бдительным почти во всем, кроме своей религии, которая была возможно единственным его слабым местом.

Госсейн-Ашаргин сел, когда Секох приблизился к кровати и сказал:

— Принц, у вас есть возможность вернуть прежнее положение вашего, рода.

Госсейн догадался, какими будут следующие слова. Он не ошибся. Он услышал предложение стать вице-регентом, как осторожно выразился Секох, «только со Спящим Богом над вами».

Имелся в виду он сам. И, тем не менее, он искренне верил тому, что сказал.

Секох не стал врать, что на Горгзид напали силы Лиги. Он не лицемерил.

— Кренг считает, что если покажется, будто Лига напала на столицу, это может быть хорошим поводом, чтобы ставить свои условия. — Он махнул рукой, отвергая это. — Могу вам сообщить, — доверительно сказал он, — что Энро больше не удовлетворяет Спящего Бога. Зов, который вы получили из Храма, указывает, что Спящий Бог хочет обратить мое внимание на вас.

Он действительно так думал. Этот человек истово исповедовал свою странную религию. Его глаза светились огнем фанатичной веры. Госсейн с изумлением понял, насколько психически нездоров Хранитель.

Он спросил, жив ли Энро.

Секох колебался только мгновение.

— Должно быть, он что-то заподозрил, — признался он. — Прошлой ночью, когда он вернулся,

я был у него, надеясь задержать его беседой. У нас произошел довольно резкий разговор. — Он нахмурился. — Богоотступник! Раньше он умудрялся скрывать ненависть к Спящему Богу. Но прошлой ночью, будучи взволнован, он, забывшись, пригрозил уничтожить Храм, а когда началась атака, успел сбежать на флагманский корабль Палеола.

Секох остановился. Его глаза сверкнули. Он задумчиво сказал:

— Конечно, Энро талантливый человек.

Это было сказано с плохо скрытой завистью, но сам факт признания способностей Энро говорил многое о Секохе. Он потерпел поражение, упустив Энро, но уже свыкся с этим.

— Итак, — сказал Секох, — вы со мной или против меня?

Вопрос требовал уточнения, ибо не было сказано, что повлечет за собой отказ. Госсейн решил выяснить это, не задавая прямого вопроса. Поэтому он сказал:

— Что вы бы сделали с Энро, если бы ему не удалось бежать?

Хранитель улыбнулся. Он встал и, подойдя к окну, кивком подозвал Госсейна. Госсейн приблизился к священнику и выглянул во двор. Там

произошли кое-какие изменения. Более дюжины виселиц были уже установлены, и на девяти из них качались молчаливые тени. Госсейн печально смотрел на повешенных. Он не был ни удивлен, ни потрясен. Где бы ни действовали таламические люди, палачи не оставались без работы.

— Энро ухитрился сбежать, — сказал Секох, — но я захватил нескольких его приверженцев. Некоторых я все еще пытаюсь убедить. — Он вздохнул. — Мне требуется лишь сотрудничество. А такие сцены, как эта, — он указал вниз, — необходимы для уничтожения сил зла. — Он покачал головой. — Ни один непокорный не будет помилован.

Итак, Госсейн получил ответ, что станет с теми, кто против.

Он понял, что ему надо действовать на основе веры Секоха.

Нести околесицу оказалось невероятно просто. О причине он догадался почти сразу: помогла нервная система Ашаргина, установив канал для ложного пустословия о Спящем Боге. Сейчас ему сыграла на руку недостаточная тренированность принца в методах общей семантики.

Он сказал, что получил вызов от Спящего Бога,

который приказал Секоху явиться в Храм, взяв с собой Ашаргина и цепь искривителей. Госсейн напряженно следил за реакцией хранителя на слова об искривителе, поскольку это было отклонением от древних ритуалов. Но, очевидно, Секох принимал любую команду от своего бога, не считаясь с формальностями.

Итак, первый и самый простой шаг сделан.

XXII

Общая семантика — это дисциплина, а не философия, хотя на ее основе можно создать любое число ноль-А философий. Быть может, главным требованием для нашей цивилизации является развитие ноль-А политической экономии. Можно решительно утверждать, что таковая еще не создана. Смелых и одаренных людей ждет широкое поле деятельности для создания системы, которая освободит человечество от войн и бедности. Для этого в первую очередь необходимо забрать бразды правления у людей отождествляющих.

Курс ноль-А

Секох решил пышно обставить мероприятие. Через три часа полчища самолетов с офицерами и священниками на борту усеяли небо над горой у Храма Спящего Бога.

Госсейн-Ашаргин надеялся, что попадет в Храм через искривитель, установленный в апартаментах Патриции и Кренга. Когда его надежда не

оправдалась, он потребовал, чтобы Кренг летел в одном с ним самолете.

Госсейну хотелось выяснить многое. Однако, он опасался подслушивающих устройств, поэтому заговорил осторожно:

— Я начал понимать вашу дружбу с Главным Хранителем.

Кренг кивнул и сказал с такой же осторожностью:

— Я удостоился его доверия.

Госсейна поразила проницательность Кренга, еще четыре года назад безошибочно выбравшего Секоха, а не Энро.

Разговор продолжался в той же манере, и постепенно Госсейн узнал все, что его интересовало. Перед ним открылась удивительная история ноль-А детектива, покинувшего Венеру, чтобы выяснить природу опасности, угрожающей ноль-А.

Именно Секох, советник Энро, назначил Кренга ответственным на венерианской секретной базе. Почему? Чтобы горгзин Риша была вне досягаемости и Энро не смог сделать ее своей женой.

Тут Госсейн вспомнил слова Энро, обвиняющие Секоха: «Она всегда нравилась вам».

Он представил рабочего священника, влюбив-

шегося в первую леди планеты. Эмоции отложились на бессознательном уровне, и с тех пор все достигнутые им победы ничего не значили по сравнению с этим ранним чувством любви.

Кренг дал ему понять, как была преподнесена Секоху его свадьба с Патрицией. Этим фиктивным браком они спасали Ришу до того дня, когда сам Фолловер сможет претендовать на нее.

Следующие слова Кренга казались никак не связанными с предыдущими, но они объясняли их опасную игру.

— Когда человек избавляется от страха смерти, — тихо сказал Кренг, — он освобождается и от более мелких страхов и неприятностей. Только тот, кто в любых условиях цепляется за жизнь, страдает от этих условий.

То есть в случае провала супруги Кренг были готовы принять смерть.

Но зачем они помогли Секоху устранить Энро? Чтобы выяснить это, потребовалась еще большая осторожность в беседе. Но ответ потряс Госсейна. Теперь диктатор будет вынужден приостановить войну. Энро, выдворенному со своей родной планеты, оставившему сестру в руках врага, придется заключить внешний мир, чтобы сконцентрировать усилия на проблемах в

собственной империи.

Невероятно! Этот способ, найденный Кренгом, действительно останавливал войну.

В голосе Кренга послышалось легкое беспокойство, когда он сказал:

— Конечно, это большая привилегия присутствовать в Храме по столь великому поводу, но возможно некоторые из участников слишком плохо уравновешены эмоционально. Не выведет ли их из равновесия близость бога?

— Я уверен, — твердо сказал Госсейн-Ашаргин, — что Спящий Бог лично обо всем позаботится.

Это был почти прямой намек на его план.

Яркий свет скрытых ламп освещал гробницу. Священники выстроились вдоль стен, держа жезлы и знамена из дорогой ткани. Итак, подготовительные мероприятия закончились.

Настал решающий момент, Госсейн-Ашаргин положил руку на рычаг управления искривителя. Прежде чем передвинуть его, он в последний раз огляделся глазами Ашаргина.

Ему не терпелось начать действовать, но он заставил себя изучить окружение.

Возле двери толпились гости. Среди них были священники, возглавляемые Смотрителем

Еладжием, облаченным в серебряную с золотом мантию. Его пухлое лицо было хмурым, как будто он не радовался вместе со всеми.

Здесь присутствовали придворные, которых Госсейн знал только поверхностно или же совсем не знал. Ближе стояли Нирена, Патриция и Кренг. Они стояли слишком близко, что было опасным, если Секох применит свою энергию. Но на этот риск приходилось идти. На карту было поставлено все, и возможные опасности отступали на задний план.

Секох стоял перед «гробом» один. Он был голым. Это унизительное положение он сам декретировал несколько лет назад для всех важных церемоний в гробнице, а особенно для тех случаев, когда мантия впоследствии посвящалась почитаемой персоне. Его тело оказалось стройным и крепким. Черные глаза блестели в лихорадочном возбуждении. Вряд ли он заподозрит что-нибудь в таком состоянии, но Госсейн решил не рисковать.

— Благородный Главный Хранитель Спящего Бога, — начал он, — в момент моей телепортации через этот искривитель к тому, что у двери, в гробнице должна быть полная тишина.

— Тишина будет, — обещал Секох, вложив в голос угрозу, адресованную всем присутствующим.

— Хорошо, а теперь... — сказал Госсейн-Ашаргин и нажал рычаг.

Он оказался, как и обещала «во сне» машина, лежащим в саркофаге. Он лежал тихо. Затем послал мысль.

— Искусственный мозг!

— Да? — тут же пришел в его сознание ответ.

— Ты говорил, что отныне мы с тобой можем связываться, когда захотим.

— Правильно. Установленные отношения постоянны.

— Ты еще говорил, что Спящий Бог может проснуться, но быстро умрет.

— Смерть наступит через несколько минут, — был ответ. — Из-за повреждения оборудования железы внутренней секреции атрофировались, и я искусственно поддерживал их функции. Когда эта искусственная поддержка прекратится, мозг начнет разрушаться.

— Как ты думаешь, способно ли тело физически реагировать на мои команды?

— Да. Это тело, как и другие, имеет образец упражнений, разработанных для того, чтобы оно могло функционировать, когда корабль прибудет на место назначений.

Госсейн глубоко вздохнул и отдал следующее

указание:

— Я собираюсь телепортироваться в кладовку за склепом. Когда я сделаю это, перенеси мое сознание в тело Спящего Бога.

Сначала была только темнота и ощущение, будто его сознание впиталось каким-то поглощающим материалом.

Но он не позволил этому состоянию продолжаться слишком долго. Он знал, что у него мало времени, и отдал первую команду этому телу.

«Вставай!»

Нет. Сначала надо отодвинуть крышку. Действия должны быть последовательными и соответствовать образцу, о котором говорила машина. Сесть и отодвинуть крышку.

Пятно света через приоткрытые глаза и осознание движения. И тут его уши наполнил крик удивления, исторгнутый сотней глоток.

«Я должен сесть. Надо отодвинуть крышку. Толкай сильнее. Сильнее!»

Он чувствовал, что толкает, и что сердце учащенно бьется. Тело пронзила острая боль. Превозмогая ее, он поднялся. Глаза полностью открылись, и он смог видеть. Он увидел расплывчатые фигуры в ярко освещенном помещении.

Он заставлял себя двигаться быстрее, думая в

отчаянии: «У этого тела есть только несколько минут».

Он попытался окостеневшей гортанью произнести слова, которые уже сформулировал в своем сознании.

Ему стало интересно, как Секох воспринимает пробуждение своего «бога».

Эффект уже должен быть потрясающим. Эта религия была странной, нездоровой и опасной. Как и древнее поклонение идолам на Земле, она базировалась на отождествлении символов, но в отличие от ее дубликатов где-либо еще во времени и пространстве, ее идол был живым человеческим существом, хотя и лежащим без сознания. Такая религия принималась индивидуумами, пока Спящий Бог оставался на самом деле спящим.

Секох согласился бы и на пробуждение своего бога, уверенный, что тот не допустит ни малейшего сомнения в своем Главном Хранителе.

Проснувшийся бог поднялся перед толпой, указал обвиняющим пальцем на Секоха и произнес:

— Секох… изменник… ты должен умереть!

В этот момент инстинкт самосохранения потребовал от Секоха отказаться от своей веры.

Но он не мог сделать этого. Она слишком глубо-

ко укоренилась в нем. Она соединялась с каждым его нервом.

Он не мог сделать этого и, значит, должен был принять предложенную богом смерть.

Но он не мог сделать и этого.

Всю жизнь он рискованно балансировал, как канатоходец, только вместо шеста он использовал слова. Теперь слова оказались в конфликте с реальностью, как если бы человек на канате неожиданно потерял свой шест и начал сильно раскачиваться. С паникой появились опасные и разрушительные стимулы таламуса. На него обрушился жестокий удар.

Безумие.

Во все века человеческого существования безумие приходило из-за неразрешенного внутреннего конфликта в сознании миллионов людей. Враждебность к отцу вступала в конфликт с требованием отцовской защиты; привязанность к матери вступала в конфликт с необходимостью расти и становиться независимым; отвращение к работодателю вступало в конфликт с желанием зарабатывать на жизнь. Поначалу всегда было только нездравомыслие, а потом, при невозможности удержать равновесие, наступало спасительное умопомешательство.

Однако первая попытка Секоха избежать конфликта была физической. Его тело стало расплываться и под стон ужаса зрителей превратилось в тень.

Перед ними стоял Фолловер.

Госсейн, все еще управляющий нетренированной нервной системой «бога», ожидал этого перевоплощения.

Он медленно направился вниз по лестнице. Медленно, потому что мускулы «бога» одеревенели, несмотря на упражнения в ограниченном пространстве «гроба». Если бы не понукания Госсейна, этот почти бессмысленный оживленный предмет едва ли мог хотя бы ползти.

Управляя им, Госсейн с отчаянием чувствовал, что у него остались только минуты — минуты, за которые Фолловер должен быть уничтожен.

Он с трудом спустился и повернул к черной массе.

Зрелище медленно шагающего бога с целью убить его должно быть умопомрачительным для человека. В ужасе Фолловер защитился единственным способом, имеющимся в его распоряжении.

Из туманной тени изверглась энергия. Во вспышке белого пламени тело «бога» преврати-

лось в ничто.

В этот момент Секох стал убийцей своего бога. Ни одна нервная система не в состоянии вынести такую страшную вину.

И он забыл о ней.

Он забыл, что сделал. А поскольку это требовало забыть все часы его жизни, связанные с религией, он забыл и их. С раннего детства его готовили в священники. Значит, он должен был забыть обо всем с самого детства, чтобы память о его преступлении стерлась.

Амнезия снимает напряжение с нервной системы человека. Под гипнозом его можно убедить в чем угодно. Но гипноз необязателен. Встретив неприятного человека, вы вскоре будете не в состоянии вспомнить даже его имя. Неприятное впечатление тает, распадается, как сон.

Амнезия — лучший способ убежать от реальности, но у нее есть и отрицательные стороны. Например, нельзя забыть жизненный опыт и остаться взрослым.

Секоху пришлось забыть слишком многое. Он опускался все ниже и ниже. Происходящее не было неожиданным для Госсейна, который в момент смерти «бога» вернулся в свое тело и теперь стоял у двери, наблюдая.

Тень снова материализовалась, и Секох, качаясь, стоял на ногах, которые уже не слушались и не смогли удержать его дольше нескольких секунд.

Он безвольно упал. Физически он мог бы сделать несколько шагов, но путешествие его мыслей закончилось. Он лежал на полу, свернувшись калачиком. Его голова откинулась, он несколько раз всхлипнул, но быстро успокоился. Когда его положили на носилки, он лежал тихо, без слез. Он уже не плакал.

Еще не рожденное дитя не плачет.

© 1993, Библиополис, Санкт-Петербург: состав
© 1993, К. Швец: оформление

ISBN 5-87671-017-2

А. Е. ВАН ВОГТ

ВЕЧНЫЙ ДОМ.
МИР НОЛЬ-А.
ПЕШКИ НОЛЬ-А.

Романы

Составитель Д. Лобанов
Оформление художника К. Швеца
Редактор В. Волкова
Корректор А. Береславцева

Подписано в печать 12.05.93. Формат 84×108 1/32. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 16,25. Усл. печ. л. 29,7. Тираж 50 000. Заказ 31031.
Библиополис, Санкт-Петербург, 198147, Бронницкая, 17.
Кишинев, ул. П. Мовилэ, 35, Полиграфкомбинат.

В серии «ОРИОН» вышли из печати:

Желязны
Бог света
Повелитель сновидений

Силверберг
Ночные крылья
Человек в лабиринте

Нивен
Полет лошади

Готовятся к выпуску:

Пол
Проклятие волков
Век нерешительности
Рассказы

Лаумер
Сокровище звезд

Джеролд
Звездная охота